This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY

16 Klassen 95a.

050

2612.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACKS
NOV 8 1968

AP50
N33
v.13
no.3
1894

БИБЛІОТЕКА
ПАЛАТЫ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 3. МАРТЪ.

1492 амб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1894 ГОДУ (ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи,

безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу . . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные), желающіе получить **второе, дополненное**, изданіе монографій редактора: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 15 апрѣля.	Къ 15 августа.
Безъ доставки. . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою . . .	5 »	5 »	3 »
Съ пересылкою . .	5 »	5 »	4 »
Съ перес. за границу.	8 »	5 »	4 »

Библіотеки для чтенія *пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками;* выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра.

Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

ЖЕЛѢЗОМЪ И КРОВЬЮ.

(Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ).

I.

Женскіе локоны.

Въ половинѣ декабря 1819 года, раннимъ утромъ, горною тропой, въ сторонѣ отъ небольшой крѣпостцы Чирахъ, въ восточномъ Дагестанѣ, осторожно пробирались два всадника, задрапированные бурками.

Вѣтеръ глухо стоналъ въ вершинахъ оголенныхъ отъ листьевъ столѣтнихъ чинаръ, заглушая тихій гортанный говоръ неизвѣстныхъ всадниковъ, которые зорко смотрѣли по сторонамъ изъ подъ бѣлыхъ папахъ своими хищными восточными глазами. Влѣво отъ нихъ, между стволами чинаръ, мелькала иногда острая игла минарета. Впереди, сквозь клубившійся утренній туманъ, сверкали снѣжныя вершины хребта, чуть-чуть позлащаемыя первыми лучами восходящаго солнца. Гонимые южнымъ вѣтромъ, со снѣжнаго хребта срывались розоватые клочья облаковъ и неслись на сѣверъ. Миновавъ благополучно укрѣпленіе, мимо котораго неизвѣстные всадники пробирались, повидимому, тайно, они не замѣтили, что за ними наблюдаютъ. Вправо, съ полугоры, поросшей лѣсомъ, изъ-за густыхъ кустовъ кизиля и орѣшника, на нихъ подозрительно смотрѣли четыре пары глазъ.

— Тише, братцы, не ворохнись, — шопотомъ проговорилъ одинъ изъ наблюдавшихъ:—это, кажись, кумухи.

— Да кумухи и есть, дядя,—подтвердилъ другой шопотъ:—сурхаевцы.

— Самъ вижу; да я ихъ и въ лицо знаю—я ихъ въ самомъ Кумухѣ видалъ неоднова: — это, сказать бы, любимѣй-

шіе нукеры самого злодѣя нашего, Сурхай-хана. Куда бы имъ такую рань? Отъ Кумуха-то сюды верстъ, поди, сорокъ будетъ.

— Какъ не быть—будетъ: ночью, стало быть, выѣхали.

— Дѣло не ладно, братцы; надо ихъ перехватить.

Всѣ четверо наблюдавшихъ за всадниками стали осторожно спускаться къ тропѣ. Но ихъ выдали камни, обрушившіеся изъ подъ ногъ. Всадники встрепенулись, и тотчасъ же въ рукахъ ихъ блеснули пистолеты.

— Стой!—закричалъ передній изъ наблюдавшихъ.

Но не успѣлъ онъ повторить окрика, какъ разомъ раздались два выстрѣла.

— А, вы такъ-то!—нна же вамъ!—Послѣдовалъ третій выстрѣлъ уже со стороны окликавшихъ, и пуля влѣпилась прямо въ ухо лошади втораго всадника. Лошадь поднялась было на дыбы и тотчасъ же грохнулась на землю.

— Держи ихъ! Лови злодѣевъ!

Но первый всадникъ ускакалъ подобно вихрю, а второй бился въ стременахъ, освобождаясь изъ подъ упавшей лошади.

— Держи, держи!—Но освободившійся изъ подъ лошади горецъ прыгнулъ въ сторону, подобно раненой лани, и моментально исчезъ въ пропасти, зіявшей влѣво отъ лѣсной тропы.

— Ахъ ты, дьяволъ!—невольно воскликнулъ одинъ изъ побѣдителей, ударивъ объ полы руками:—да онъ тамъ, поди, въ дребезги расшибся.

— Небось, не расшибется: — они, что̀ кошки, — живучи аспиды; а тамъ его, шайтана, и собаки не пымаютъ,—пояснилъ другой изъ побѣдителей.

Побѣдители—это были четыре солдатика, посланные на зарѣ изъ Чирахскаго укрѣпленія въ лѣсъ за валежникомъ для варки каши. Они-то случайно и замѣтили таинственныхъ всадниковъ.

— Бѣдная лошадка!—сказалъ одинъ изъ солдатиковъ, нагибаясь надъ мертвымъ конемъ. — Угодилъ прямо въ ухо; а вить я цѣлилъ въ его, подлеца, а лошадка взмахнула головой,—оно и тово.

Убитый конь былъ прекрасной породы—изъ Карабага. На немъ было богатое сѣдло съ расшитымъ шелками и золотомъ чепракомъ, а уздечка—наборнаго серебра подъ чернью.

— Да и сѣдло же, братцы, богатое:—хоть бы подъ самого Ермолова Алексѣй Петровича,—удивлялись солдатики.

— А уздечка-то! а чумбуръ! а стремена!—одно слово.

— А что у его въ сумахъ?

— Да поди—чуреки, а то и овесъ.

Солдатики говорили о переметныхъ сумахъ, перекинутыхъ черезъ крупъ лошади. Сумки были ярко-полосатыя, украшенныя не то шолковою вязью, не то стихомъ изъ корана.

Побѣдители сняли съ мертвой лошади уздечку и сѣдло, а потомъ отвязали переметныя сумы. Открывъ одну изъ нихъ, они нашли въ ней не чуреки и не овесъ, а небольшую изящную шкатулку съ тонкой рѣзьбой и инкрустаціями. Окована она была серебромъ тонкой чеканки.

— Э! да какая, братцы, важная укладочка,—дивились побѣдители:—тутъ, поди, деньги.

— Да она заперта, а ключа нѣтъ: — съ собой, дьяволъ, унесъ.

— Нѣтъ,—замѣтилъ старый солдатъ, котораго называли «дядей»:—я вотъ эдакую жь шкатулку однова добылъ въ аулѣ Ашти, такъ я знаю, какъ она отмыкается. Дай-ка шкатулку сюда.

Ему подали. Онъ повернулъ ее, и въ нижней доскѣ, у одного края, оказалось нѣчто въ родѣ серебрянаго клапана съ пуговкой. «Дядя» тронулъ пуговку, клапанъ сдвинулся съ мѣста, и въ отверстіи подъ нимъ оказался маленькій серебряный ключикъ, которымъ «дядя» и отперъ шкатулку.

— Вотъ и вся недолга,—съ напускной холодностью сказалъ онъ.—Посмотримъ, что въ ей.

Шкатулка открылась. То, что въ ней находилось, прикрыто было зеленой тафтой. «Дядя» поднялъ тафту, и всѣхъ поразило удивленіемъ содержимое шкатулки. Въ ней на шолковой, тоже зеленаго цвѣта, подкладкѣ были рядомъ уложены небольшіе серебряные ящички, въ родѣ табакерокъ, очень тонкой и изящной работы. Всѣхъ ящичковъ было около десяти. У иныхъ въ серебряныя подъ черною крышечки вкраплены были крупныя зерна бирюзы, а одна осыпана жемчугомъ.

— Табакерки!—вырвалось у одного изъ солдатиковъ.

«Дядя» осторожно взялъ одинъ изъ ящичковъ и открылъ.—«Волосы»! изумился онъ.

Дѣйствительно, въ изящномъ ящичкѣ лежалъ локонъ черныхъ блестящихъ волосъ, повидимому, изъ женской косы, свернутый колечкомъ.

— И впрямь волосы!—съ неменьшимъ изумленіемъ согласились прочіе солдатики.—Къ чему бы оно?

— Не трошь, дядя:—можетъ, оно заколдовано. А загляни въ другую.

«Дядя» открылъ другую коробочку. И тамъ волосы—прядь шелковистыхъ, золотистаго цвѣта, волосъ, изящно перевитая голубой ленточкой.

— Что за песъ!—не вытерпѣлъ даже дошлый, всезнающій «дядя».—Все волосы.

— Да рыженьки—ишь шельма!—не вытерпѣлъ и молодой солдатикъ.

Еще открыли коробочку, ту, что̀ съ бирюзой. И тамъ локонъ—черный, блестящій, перевитый мелкою ниткой бирюзы, точно змѣйка.

Изумленіе побѣдителей дошло до крайней степени. Открыли, наконецъ, самую изящную коробочку, что̀ съ жемчугами. И въ ней локонъ, только сѣдой, серебристый, перевитый ниткою мелкихъ, серебристыхъ же жемчужинъ.

— Ахъ ты, старая чертовка!—невольно выругался «дядя»:—и она туда же.

Всѣ разсмѣялись. Но, тѣмъ не менѣе, изумленію ихъ не было конца.—«Вотъ загвоздка»!—«Да, поди—раскуси».

Перебрали всѣ коробочки—и тамъ все локоны.—«Хорошъ, чай»!—«Вотъ те и чуреки!—вотъ те и овесъ»!—«А кто жь его, аспида, зналъ».

— Надо показать начальству,—рѣшилъ «дядя»:—можетъ, оно и тово...

— Знамо—они грамотные.—А что̀ въ другой сумѣ, дядя?—Неужто и тамъ волосы?

Развязали и другую суму. Тамъ оказались, дѣйствительно, чуреки, каленыя яйца, жареное просо и вяленая баранина съ нѣсколькими головками чесноку.

— Вотъ это намъ на-руку!—обрадовались побѣдители.—Есть чѣмъ червячка заморить.

— И то правда,—согласился «дядя»:—это наша военная контрибуцыя.

Побѣдители тутъ же усѣлись, раздѣлили поровну добычу и, перекрестившись на востокъ, стали трапезовать.

Солнце, между тѣмъ, уже выплыло изъ-за снѣжныхъ вер-

шинъ хребта, и клубившіеся въ ущельяхъ и въ глубокихъ низинахъ туманы стали таять въ воздухѣ; но южный вѣтеръ продолжалъ стонать въ оголенныхъ верхушкахъ столѣтнихъ чинаръ и гнать разрозненныя облака на сѣверъ.

— Да и знатно же калены яйца,—похваливалъ «дядя», уминая яйцо за яйцомъ:—до самого желтка прокалены. Хоть бы самому отцу-командѣру, и то бы всласть.

— Это Ермолову-то, дядя?

— Знамо—батюшкѣ Лексѣй Петровичу. Ужь и грозёнъ же!

— Да гдѣ-то онъ теперь и кого громитъ?

— Да слышно—пошелъ на акушинцевъ да мехтулинцевъ; достанется, поди, акушамъ, да и весь Дагестанъ теперь, слышь, дрожмя дрожитъ.

— А Мадатовъ князь съ имъ?

— Сказывали, бытто съ имъ:—тоже ерой, хоша и изъ татаръ.

— Неужто изъ татаръ, дядя?

— Изъ татаръ, точно,—изъ Карабага, а крещенъ, кажись, по нашей вѣрѣ.

Побѣдители, наконецъ, позавтракали; встали, перекрестились, спрятали въ кусты свои трофеи и принялись снова собирать валежникъ.

— Безпремѣнно Сурхай-ханъ что нибудь недоброе задумалъ,—заговорилъ «дядя», какъ бы отвѣчая на собственную мысль:—къ чему бы ему посылать своихъ нукеровъ воровскимъ манеромъ, да ишшо съ этими волосами, прости Господи.

— А може, дядя, кому въ подарокъ,—замѣтилъ одинъ изъ солдатиковъ.

— Въ подарокъ! Да на кой песъ кому нужны бабьи волосы?

— Да еще старушечьи,—засмѣялся другой солдатикъ:—только коробочки опоганили.

— А, можетъ, у ихъ такой законъ?

— Законъ! Да къ чему оно? Срамъ одинъ!

Наконецъ, валежникъ былъ набранъ, и четыре огромныхъ вязанки снесены на тропу, гдѣ продолжала лежать мертвая лошадь.

— Что жь ей тутъ валяться?—замѣтилъ кто-то:—спихнемъ ее съ кручи—не мѣшала бъ.

— Спихнемъ? какой прыткій!—проворчалъ «дядя»:—чтобъ шкура даромъ пропала:—шкура завсегда пригодится.

— И вправду, дядя,—согласились другіе:—шкура нашему брату находка: подметки ль подметать, ремней ли нарѣзать—на все шкура годится.

Снявъ шкуру съ убитой лошади и столкнувъ ее въ пропасть, побѣдители навьючили себя вязанками сушника и военными трофеями и двинулись къ укрѣпленію. Скоро показались сѣрыя стѣны небольшаго редута Чирахъ, скромная мечеть съ высокимъ минаретомъ и скромныя сакли аула, надъ которыми вился голубой дымокъ, разгоняемый вѣтромъ. Въ утреннемъ воздухѣ, гдѣ-то высоко, перекликались орлы, а надъ минаретомъ кружили вороны и каркали, словно бы передъ дождемъ.

Скоро показалась казарма—низенькое, продолговатое зданіе пелазгійской кладки съ узенькими оконцами. Солдатики, увидавъ нашихъ побѣдителей, впереди которыхъ шелъ общій казарменный менторъ — «дядя», кромѣ вязанки сушника, завѣшанный и переметными сумами,—высыпали имъ навстрѣчу, сгорая любопытствомъ.

— Эй, дядя Назарычъ! что у тебя за сумы такія?—послышались голоса.—Али побираться ходили въ кусочки?

— А шкуру гдѣ добыли, братцы? Дохлую лошадь, что ли, нашли?

— А въ сумахъ что, дядя?

— Военная контрибуцыя,—пробурчалъ себѣ въ усы «дядя», лукаво посматривая изъ подъ сѣдыхъ бровей, такихъ густыхъ и нависшихъ, что солдатики утверждали, будто у дяди Назарыча въ бровяхъ иволги гнѣзда вьютъ.

— Военная контрибуцыя! — замѣтилъ одинъ вертлявый фельдфебель:—эхъ ты, деревенщина!—не контрибуція, а воинскій трахвей.

— Ты самъ трахвей,—пробурчалъ «дядя» и, сбросивъ съ себя вязанку около дверей казармы, прошелъ съ переметными сумами прямо въ редутъ.

II.

Таинственный плѣнникъ.

Редутъ Чирахъ находился въ Кюринскомъ ханствѣ, у аула Чирахъ, при горной рѣчкѣ Чирахчай, въ юго-восточной части

Дагестана, и состоялъ изъ небольшаго каменнаго квадрата, обнесеннаго очень высокимъ брустверомъ, который обезпечивалъ защитниковъ редута отъ нечаяннаго нападенія непріятеля. Но такъ какъ помѣщеніе въ редутѣ было очень недостаточно для двухъ ротъ троицкаго полка, составлявшихъ гарнизонъ Чираха, то магазинъ и казарма выстроены были внѣ редута, и часть нижнихъ чиновъ, не вмѣщавшаяся ни въ редутѣ, ни въ казармѣ, расквартирована была въ самомъ аулѣ, у мирныхъ горцевъ.

Начальникомъ этого редута былъ штабсъ-капитанъ Овечкинъ. Небольшаго роста, плечистый, съ сильнымъ загаромъ худаго продолговатаго лица и съ добрыми стальнаго цвѣта глазами, офицеръ этотъ прошелъ суровую школу службы на Кавказѣ, притомъ въ самой дикой его части и среди самаго необузданнаго народа, какимъ населенъ былъ мрачный Дагестанъ. Вся жизнь Овечкина проходила въ битвахъ то съ акушинцами, то съ казикумухами, то съ мехтулинцами, и отъ шашекъ и пуль каждаго изъ этихъ племенъ онъ имѣлъ почтенные сувениры — то рубцы отъ сабельныхъ ударовъ, то слѣды огнестрѣльныхъ ранъ. Война стала его стихіей — такъ человѣкъ способенъ сжиться съ неизбѣжнымъ рокомъ! Если онъ иногда и вспоминалъ о Россіи,—о томъ, что тамъ, далеко-далеко на сѣверѣ, за снѣжными хребтами, стоялъ бѣленькій домикъ, въ которомъ протекло его невинное дѣтство,— то это казалось ему теперь смутною, далекою картиною изъ другаго міра.

— Ты что, Назаровъ?—спросилъ онъ, увидавъ дядю Назарыча, который вошелъ въ офицерскую комнату редута и вытянулся у порога, держа подъ мышкой переметныя сумы.

Овечкинъ, вмѣстѣ съ другими офицерами редута, сидѣлъ въ это время за чаемъ. Густой дымъ отъ трубокъ носился клубами по комнатѣ.

— Я къ вашему благородію,—отвѣчалъ «дядя».

— Что жь это у тебя подъ мышкой?

— Воинскій трахвей, ваше благородіе.

— Какой трахвей?—улыбнулся Овечкинъ, который умѣлъ шутить съ солдатами, за что тѣ очень его любили.

— Контрибуцыя, ваше благородіе,—пояснилъ «дядя».

Офицеры разсмѣялись.—Да ты разскажи толкомъ, въ чемъ дѣло?—спросилъ Овечкинъ.—Какая контрибуція?

— Ходили мы этта, ваше благородіе, въ лѣсъ по сушникъ для варки каши,—началъ «дядя».—Не успѣли мы набрать и полберёмку, колѝ видимъ: прòлѣсью крадутся татары — двое ихъ верхомъ; вѣстимо, крадутся межъ гущиной, лѣсною тропочкой. А мы и притулились за кустами—глядимъ, чтò дальше будетъ. Вижу — кумухи, да и обличье знакомое у обоихъ:—нукеры Сурхай-хана. Я ихъ неоднòва видалъ въ Кумухѣ—запримѣтилъ. Только какъ они сблизились къ намъ — мы къ нимъ.—Стой!—кричу я. А они, какъ увидали насъ, да за пистоли: пафъ! пафъ! Да въ òторопяхъ-то и промахнулись. А я, ваше благородіе, приложился,—ну, и вышелъ грѣхъ: замѣсто татарской башки да угодилъ — виноватъ, ваше благородіе!—прямо въ ухо коню, потому онъ въ это самое время головкой взмахнулъ. Со всѣхъ четырехъ ногъ, ваше благородіе, свалился бѣдный конекъ. Мы къ нему. А татаринъ-то, чтò свалился вмѣстѣ съ конемъ,—прыгъ, словно кошка—и сгинулъ проклятый въ пропасти, а може и въ дрызгъ разбился тамъ: не видать за кручей. А другой идолъ птицей улетѣлъ. Мы къ коню,—да вотъ, ваше благородіе, и сняли съ конька вотъ эту самую контрибуцыю. А къ чему оно—не знаю.

И «дядя» подалъ Овечкину переметныя сумы. Овечкинъ положилъ ихъ на столъ и развязалъ ту изъ нихъ, въ которой находилась шкатулка.

— Что это?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Шкатунка, ваше благородіе.

— А что въ ней? Да она заперта.

— Да тутъ есть секретецъ, ваше благородіе.—И Назаровъ показалъ, какъ отпереть шкатулку.

Офицеры съ любопытствомъ обступили загадочную шкатулку.

— Да какая изящная, какая тонкая работа! Это очень дорогая шкатулка.

— И какъ красиво прикрыта! Что это? Все табакерки?

— И бирюза, и жемчугъ, и серебро. Ай да контрибуція! ай да трахвей!—смѣялись офицеры.—Молодецъ нашъ «дядя»!

Овечкинъ открылъ ту именно коробочку, крышка которой унизана была жемчугомъ.

— Это что такое, господа?—волосы?—женскій локонъ, да еще сѣдой!—въ изумленіи воскликнулъ Овечкинъ.—Посмотри, Щербина,—глядите, господа.

Тотъ, котораго назвали Щербиной, былъ молоденькій прапорщикъ, съ черненькими, едва пробившимися, усиками и съ живыми черными глазами.

— Да, локонъ,—сказалъ онъ,—а жаль, что сѣдой. Но какъ изящно перевитъ жемчугомъ.

— Интересно, кому его презентовала сѣдая красавица,—замѣтилъ одинъ офицеръ, высокій, загорѣлый блондинъ.

Коробочка съ сѣдымъ локономъ переходила изъ рукъ въ руки.

— Это талисманъ,—замѣтилъ Щербина:—навѣрное талисманъ; черкесы очень суевѣрны.

— Неужели же и въ другихъ коробочкахъ тоже локоны?—сказалъ Овечкинъ.

— Такъ точно, ваше благородіе,—подтвердилъ Назаровъ.

— Что за чортъ! Странная военная добыча—женскіе локоны.

Открыли коробочку съ вкрапленными въ ея крышку яркими зернами бирюзы.

— О! здѣсь чорный локонъ, прелестный! чудо, что̀ за изящная прядь!

— Да, этотъ локончикъ можно носить въ медальонѣ на груди,—сказалъ Щербина.

Долго коробочки съ локонами ходили по рукамъ; но все таки никто не зналъ, какое ихъ назначеніе и куда, къ кому эти изящные вещественные знаки препровождались.

— А въ другой сумѣ ничего не было, Назаровъ?—спросилъ Овечкинъ.

— Съѣстное было, ваше благородіе.

— Какое съѣстное?

— Знамо, ваше благородіе, татарское: чуреки, пшено, яйца калены, чеснокъ.

— Такъ вы эти трахвеи съѣли?—улыбнулся Щербина.

— Такъ точно, ваше благородіе, покорыстовались: дюже ужь проголодамши были.

— Такъ ты говоришь, что то были нукеры Сурхай-хана?—спросилъ Овечкинъ.

— Сурхаевски, это точно, ваше благородіе: я ихъ тотчасъ опознал̀ъ.

— А куда, какъ ты полагаешь, направлялись они?

— Да надо полагать, ваше благородіе,—либо къ Кубѣ, либо къ Бакѣ—въ ту сторону.

— И у другаго ты замѣтилъ переметныя сумы?

— Точно такъ, ваше благородіе,—и у того были переметки.

— Ничего не понимаю!—развелъ руками Овечкинъ:—хоть убей меня. А это, безъ сомнѣнія, что нибудь важное.

— Непремѣнно, — согласился и Щербина. — Вѣроятно, Ермоловъ и Мадатовъ такъ прижали тамъ акушинцевъ да кумуховъ, что Сурхай-ханъ проситъ помощи у другихъ хановъ, а локоны—это, должно думать, какіе нибудь символическіе знаки, высшая степень довѣрія къ союзнику:—вотъ-де тебѣ локоны изъ моего гарема.

— Очень, очень правдоподобно. А между тѣмъ, мы, стороной, разузнаемъ объ этомъ у здѣшнихъ татаръ:—не знаютъ ли они, что̀ означаетъ у нихъ посылка женскихъ локоновъ; вѣроятно, имъ извѣстенъ этотъ дипломатическій пріемъ. Во всякомъ случаѣ, надо будетъ донести объ этомъ главнокомандующему. А пока,—обратился Овечкинъ къ Назарову,—можешь идти; спасибо тебѣ за усердную службу и скажи мое спасибо товарищамъ, которые съ тобою были.

— Рады стараться, ваше благородіе!—отчеканилъ «дядя» и, повернувшись на каблукахъ, молодецки вышелъ изъ комнаты.

Офицеры продолжали разсматривать коробочки съ таинственными локонами, пили чай и курили. Такъ прошло съ полчаса. Вдругъ въ комнату входитъ среднихъ лѣтъ мужчина въ легонькомъ полушубкѣ на заячьемъ мѣху и въ высокихъ сапогахъ.

— А, почтеннѣйшій эскулапъ!—привѣтствовалъ вошедшаго Щербина:—гдѣ пропадалъ?

— Въ походѣ былъ,—отвѣчалъ пришедшій, вѣшая на гвоздь шапку и снимая съ себя полушубчикъ.

— Противъ зайчиковъ ходилъ?

— Противъ зайчиковъ, притащилъ краснаго звѣря — на славу!

— Ой ли? какого?

— Подожди—дай прежде чаю, а потомъ разскажу:—умаялся съ краснымъ звѣремъ—ногу ему перевязывалъ.

— Какъ ногу! кому? медвѣдю? волку?

— Да отстань—давай скорѣй чаю.—Щербина подалъ ему стаканъ.—А это что у васъ за шкатулка такая?—спросилъ пришедшій, замѣтивъ на столѣ добычу дяди Назарыча.

— «Трахвей»,—засмѣялся Щербина:—«контрибуцыя».

— Да что вы всѣ помѣшались на этомъ! Тамъ дядя Назарычъ напустилъ на себя важность, говоритъ какими-то загадками—о какихъ-то бабьихъ волосахъ, о «трахвеяхъ», о «контрибуцыи». А тутъ и вы тоже,—ворчалъ пришедшій, прихлебывая чай.

— Послѣ узнаешь,—отвѣчалъ Щербина, подмигивая товарищамъ,—а теперь разсказывай о своемъ красномъ звѣрѣ.

— Да что разсказывать!—сами его увидите. Иду я, знаете, по берегу Чирахчая, высматриваю зайчиковъ, вдругъ слышу: впереди выстрѣлы на превысоченной кручѣ, за лѣсомъ. Я туда. И вижу вдругъ, какъ что-то черное сорвалось съ кручи. Подбѣгаю—татаринъ въ буркѣ, да какой, я вамъ скажу, красавецъ! Я къ нему—лежитъ, сцѣпивши зубы, глаза горятъ, какъ у волка, а въ рукахъ кинжалъ—вотъ такъ и бросится, какъ тигръ. Я ему кричу: постой, кунакъ; я докторъ, я, можетъ, пригожусь тебѣ, если ты раненъ.—Да положилъ это на землю, въ сторонку, ружье и кинжалъ: не бойся-де, я безоружный,—и подхожу къ нему. Вижу—кинжалъ у него выпалъ изъ руки и самъ онъ сбрендилъ—въ обморокѣ. Я ощупываю его—нога сломана, да еще какъ! Ну—думаю—лежи себѣ тутъ, не уйдешь; а самъ сюда, за людьми да за носилками. Живой рукой все смастерилъ,—и онъ теперь лежитъ тамъ у меня въ казармѣ, а ноги въ лубкахъ.

— Кто жь онъ, докторъ?—спросилъ Овечкинъ.

— Не говоритъ, каналья, а Назаровъ утверждаетъ, что это нукеръ Сурхай-хана, что онъ подъ нимъ коня убилъ и взялъ его «трахвей» и «контрибуцыю». Ну, плесни, юнецъ, еще мокренькаго,—пододвинулъ онъ пустой стаканъ къ Щербинѣ.

— Такъ надо взглянуть на твоего краснаго звѣря,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Успѣете; дайте мнѣ хоть горло промочить, а звѣрь отъ насъ не уйдетъ.

— Ладно; можетъ быть, отъ него мы и узнаемъ что нибудь о локонахъ,—сказалъ Щербина, пододвигая стаканъ къ доктору.

— Да какіе это, чортъ возьми, локоны, о которыхъ вы всѣ болтаете!—комично воскликнулъ послѣдній.—То бабьи волосы, да «трахвей», на которыхъ помѣшался Назарка, то локоны, на которыхъ вы всѣ помѣшались.

— На—любуйся,—пододвинулъ къ нему Щербина таинственную шкатулку.

Докторъ открылъ ее.—Что за чортъ!—все табакерки, да какія ахтительныя! А гдѣ жь локоны?

— Открой—и увидишь.

Докторъ взялъ ту, что̀ съ жемчугами.—Просто роскошь! одно изящество. Да это, канальство, царскій подарокъ! Ба-ба-ба!.. да тутъ сѣдой локонъ, и весь въ жемчугахъ. Ну, не завидую такому презенту. А, впрочемъ, я зналъ одну сѣдую красавицу—просто альпійская роза. А! вотъ и черненькій локончикъ—заглядѣнье!—это отъ какой нибудь Зюлейки, а то и отъ самой гуріи черноокой—и пахнетъ, канальство, розовымъ вареньемъ.

Докторъ открывалъ коробочки, и все восхищался.—А съ бирюзами—премило, чортъ возьми! А вотъ и рыженькій локончикъ, да какъ—шельмовство! — кокетливо перевитъ голубенькой ленточкой,—такъ бы и расцѣловалъ.

— Ну, будетъ тебѣ, эскулапъ!—перебилъ его болтовню Щербина:—веди насъ къ твоему красному звѣрю.

— Subito, subito, puer,—отвѣчалъ докторъ, закрывая шкатулку и внимательно ее разсматривая.—Что жь сія штука означаетъ? къ чему она и для кого?

— Вотъ и мы тоже спрашиваемъ—къ чему и для кого?—сказалъ Овечкинъ.—Не объяснитъ ли намъ этого твой плѣнникъ?

— Да, если только захочетъ—упрямая бестія!—отвѣчалъ докторъ.

— Такъ идемте къ нему, господа,—сказалъ Овечкинъ, взявъ подъ мышку таинственную шкатулку.

И они всѣ вышли.

III.

Гонецъ изъ штабъ-квартиры.

Плѣнникъ лежалъ на буркѣ, подложивъ подъ голову бѣлую свою папаху.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати. Черная мягкая

бородка красиво оттѣняла его продолговатое лицо съ крупнымъ, но художественно очерченнымъ носомъ и широкимъ, какимъ-то упрямымъ лбомъ. Этотъ характеръ красиваго лба—эту упрямую волю—такъ сказать, подчеркивали его глаза, черные съ фосфорическимъ блескомъ. Курчавая голова была кругла, какъ точеный изъ слоновой кости шаръ. На немъ была красивая черкеска изъ верблюжьей шерсти и зеленыя шальвары, опущенныя въ голенища мягкихъ ичиговъ изъ желтаго сафьяна съ золотымъ тисненіемъ. На задкахъ ичиговъ блестѣли серебряныя шпоры. Ни кинжала, ни другаго оружія при немъ уже не было. Докторъ отобралъ у него все опасное, могущее быть смертельнымъ въ его рукахъ. Фосфорическіе глаза его сверкнули подъ сдвинутыми бровями, когда онъ увидѣлъ входившихъ къ нему офицеровъ. Онъ приподнялся на правомъ локтѣ (у него была переломлена лѣвая нога).

— Здравствуй, князь,—ласково сказалъ Овечкинъ, приближаясь къ плѣннику вмѣстѣ съ докторомъ.

Овечкинъ имѣлъ полное право примѣнить къ плѣннику слово: «князь», потому что по всему замѣтно было, что это былъ не простой горецъ и ужь никакъ не пукеръ, а, по всей вѣроятности, одинъ изъ знатныхъ узденей. На привѣтствіе Овечкина лицевые мускулы нервно дрогнули у плѣнника, но онъ не отвѣчалъ на привѣтствіе. Глаза его гордо и смѣло смотрѣли на пришедшихъ, напоминая собою немигающіе глаза орла.

— Ты бъ ему далъ подушку,—тихо сказалъ Овечкинъ доктору:—а то ему неловко такъ лежать.

— Давалъ—не беретъ,—отвѣчалъ докторъ:—такъ и швырнулъ ее отъ себя.

— Можетъ быть, онъ не понимаетъ по русски,—оттого и не отвѣчалъ на твое привѣтствіе,—замѣтилъ Щербина Овечкину.

— Можетъ быть:—въ такомъ случаѣ я попробую заговорить съ нимъ на его языкѣ.

И Овечкинъ заговорилъ по черкесски:—«Князь! мы пришли къ тебѣ не съ злыми намѣреніями и не изъ простаго любопытства; мы пришли изъ сочувствія къ твоему несчастію. Русскіе великодушны и никогда не обидятъ безоружнаго, даже врага своего. Русскіе вѣдаются съ противниками въ честномъ бою, а право плѣнника уважаютъ по человѣчеству. Можетъ

быть, наши солдаты приняли тебя за врага по недоразумѣнію; а ты, быть можетъ, кунакъ русскимъ. Скажи намъ, кто ты?

— Я человѣкъ,—гордо отвѣчалъ плѣнникъ.

— Я это вижу,—сказалъ Овечкинъ,—но каждый человѣкъ носитъ имя и имѣетъ какое-либо званіе. Скажи же—кто ты?

— Я сказалъ,—былъ короткій отвѣтъ.

— Человѣкъ-то человѣкъ,—тихо замѣтилъ Щербина по русски:—только чортомъ, братъ, смотришь.

— А красивъ, разбойникъ, очень красивъ,—также тихо сказалъ Мальковъ, высокій загорѣлый блондинъ.

— Такъ ты, князь, не хочешь открыть, кто ты?—снова заговорилъ Овечкинъ.

— Я сказалъ,—былъ тотъ же отвѣтъ.

— Значитъ, ты скрываешь свое имя,—продолжалъ Овечкинъ:—изъ этого я заключаю, что ты—не кунакъ. А не объяснишь ли ты намъ, что̀ означаетъ это?—спросилъ онъ, открывая шкатулку съ локонами.

— Ты самъ видишь,—отвѣчалъ упрямецъ.

— Но для чего это?—что̀ означаютъ эти локоны и отъ кого и кому они предназначались?

Упрямецъ молчалъ и угрюмо посматривалъ на офицеровъ.

— Я полагаю, что онъ теперь ничего не скажетъ,—замѣтилъ докторъ,—да притомъ у него жаръ, лихорадочное состояніе. Я ему пропишу успокоительнаго питья, пусть онъ заснетъ.

И докторъ, приблизившись къ плѣннику, довѣрчиво положилъ руку на его горячій лобъ. Черкесъ не отстранился отъ руки доктора. — Да, жаръ, — какъ бы про себя проговорилъ послѣдній, и сталъ щупать пульсъ у своего страннаго паціента.

— Вотъ что, кунакъ,—заговорилъ онъ весело по татарски, порядочно коверкая слова:—у тебя маленькій жарокъ—твой башка̀ горитъ и нутра̀ горитъ; а я тебѣ дамъ успокоительный вода̀—питье такое—и ты бай-бай—о-о! А за но̀жка свой не бойся, кунакъ,—она у тебя живо заживà̀й, и ты опять на лошадкѣ садилъ, и проклятымъ гяурамъ-урусамъ опять кисѝмъ башка,—да, кунакъ?—кисѝмъ?

Чуть замѣтная улыбка прозмѣилась по губамъ плѣнника, и прекрасные глаза его радостно сверкнули.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, уйдемте, — сказалъ Овечкинъ.—До свиданья, князь; желаю вамъ скорѣе выздоровѣть.

— Прощай, кунакъ,—со свойственнымъ ему добродушіемъ проговорилъ докторъ.—Я сейчасъ принесу тебѣ аквэ дистиллятэ, кумъ... кумъ... да ужь я самъ знаю, какого «кума» подпустить, а пока—ля илляхъ иль-Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!.. Вѣрно, кунакъ?

И всѣ вышли, оставивъ плѣнника одного въ лазаретной палатѣ.

— Такъ эти проклятые локоны и остались неразгаданными,—проворчалъ Овечкинъ, возвращаясь вмѣстѣ съ прочими офицерами въ редутъ.

— Зачѣмъ проклятые?—они очень миленькіе,—замѣтилъ Щербина.—Впрочемъ, не тужите, господинъ штабсъ-капитанъ: я сегодня же вечеромъ разгадаю эту загадку.

— Какимъ это образомъ, господинъ прапорщикъ?

— Ну, извините, господинъ штабсъ-капитанъ: — это мой секретъ, но только не служебный.

— Да и какъ ему не разгадать загадку локоновъ!—коварно замѣтилъ Мальковъ, показавъ глазами на аулъ, живописно лѣпившійся на склонѣ горы.

— Почему же?—спросилъ Овечкинъ.

— Да у него, у самаго сердца, въ медальонѣ хранится такой же черненькій локончикъ,—загадочно отвѣчалъ Мальковъ.—Недаромъ онъ все лѣто мечталъ и изучалъ по ночамъ звѣзды вонъ тамъ, позади аула, подъ кизилевымъ кустомъ.

— Ого!—улыбнулся Овечкинъ.—Но со здѣшними красавицами не безопасно любезничать: — онѣ всѣ—немножко Тамары: за одну ночь наслажденій можно очутиться въ волнахъ Чирахчая съ красною мѣткой на груди.

— Не безпокойтесь, господинъ штабсъ-капитанъ, со мной этого не случится,—отшутился Щербина.

— У него талисманъ на груди,—пояснилъ Мальковъ.

При входѣ въ редутъ, имъ встрѣтился дядя Назарычъ. Овечкинъ остановилъ его.

— Такъ ты, Назаровъ, говоришь, что видѣлъ прежде нашего плѣнника?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше благородіе,—отвѣчалъ Назарычъ, становясь на вытяжку:—въ Кумухѣ видалъ, значитъ, съ Сурхай-ханомъ.

— И ты думаешь, что это его нукеръ?

— Думается, ваше благородіе:—все онъ съ Сурхаемъ.

— Ну, а мнѣ кажется, что онъ будетъ повыше простаго нукера.

— Не могу знать, ваше благородіе.

Черезъ нѣсколько часовъ, въ редутъ прискакалъ гонецъ изъ походнаго штаба. Это былъ донской казакъ, привезшій пакетъ отъ князя Мадатова. Его ввели прямо въ офицерскую комнату.

— Ты съ чѣмъ, кавалеръ?—спросилъ Овечкинъ, замѣтивъ георгія на шинели у гонца.

— Съ лятучкой [1]), ваше благородіе, — отвѣчалъ казакъ, вынимая небольшую записку изъ-за подкладки своего кивера съ краснымъ верхомъ.

— Откуда и отъ кого?

— Изъ штабъ-квартеры, ваше благородіе.

— А гдѣ теперь штабъ-квартира?

— Въ Лавашахъ, ваше благородіе,—недалечко отъ Акуши.

Овечкинъ вскрылъ пакетъ. Тамъ писалось, что «по полученнымъ секретно свѣдѣніямъ, 19-го сего декабря,—отъ Шихъ-Али-хана кубинскаго и дербентскаго, а также отъ Адиль-хана, умція карахайтагскаго, и отъ Сурхай-хана казикумухскаго, отправляются черезъ Кубу къ персидскому двору тайно два посланца изъ аула Кумухъ съ письмами къ шаху и къ Аббасъ-Мирзѣ, коимъ они везутъ отъ оныхъ хановъ и умція два ящика съ локонами волосъ ихъ женъ и рукавами ихъ платьевъ; въ разсужденіи же того, что, по пути слѣдованія къ городу Кубѣ, оные посланцы неминуемо должны будутъ переправляться гдѣ либо чрезъ рѣки Чирахчай и Курахчай, того ради, по личному приказанію его превосходительства, господина главнокомандующаго, генералъ-лейтенанта Алексѣя Петровича Ермолова, имѣете ваше благородіе, съ полученіемъ сего, немедленно и неукоснительно устроить изъ ввѣреннаго вамъ отряда непрерывную цѣпь по всему протяженію рѣкъ Чирахчая и Курахчая, и оныхъ ханскихъ посланцевъ, всеконечно, поймавъ и арестовавъ, подъ надежнымъ конвоемъ въ штабъ-квартиру препроводить неотлагательно».

Товарищи Овечкина не могли не замѣтить по выраженію

[1]) «Лятучка», «летучка»—такъ казаки называютъ всякій пакетъ, бумагу депешу, приказъ и пр.

его лица, какое сильное впечатлѣніе произвело на него то, что онъ читалъ. Руки его дрожали. На полученной имъ бумагѣ рукою самого Ермолова наверху было приписано: «государственной важности»,—и потому не удивительно было прійти въ волненіе.

— Которое сегодня число?—какъ бы очнувшись, спросилъ онъ.

— Восемнадцатое,—отвѣчало нѣсколько голосовъ разомъ.

— А ты когда выѣхалъ изъ штабъ-квартиры?—спросилъ Овечкинъ казака.

— Сегодня ночью, ваше благородіе, послѣ первыхъ пѣтуховъ.

— А пакетъ когда тебѣ передали въ руки?

— Тады же, ночью, ваше благородіе.

— Что жь ты такъ долго ѣхалъ?

— Мнѣ велѣно было, ваше благородіе, сдѣлать крюку верстъ сорокъ, чтобъ не попасть въ руки этой сволочи-татаръ:—послѣ того, какъ мы имъ дали тёсу, они словно тараканы всюдую расползлись.

Овечкинъ соображалъ: «посланцы съ проклятыми локонами и съ какими-то рукавами платьевъ отправляются 19-го декабря, а сегодня 18-е. Какъ же такъ, когда одного изъ нихъ мы уже сегодня, 18-го, нечаянно поймали съ этими дьявольскими локонами? А у другаго, что ускакалъ, вѣроятно, были рукава отъ женскихъ платьевъ? Что за чепуха! На кой чортъ шаху эти бабьи рукава, да и волосы тоже? Чортъ знаетъ, что такое! Значитъ, Ермолова обманули лазутчики: донесли, что посланцы отправляются 19-го, а они ужь на зарѣ 18-го были у Чирахчая. Ясно, что Ермолова обманули, или гонцовъ нарочно поторопили... Но хорошо, что мы хоть одного поймали—локоны таки у насъ! Жаль, что бабьи рукава ускакали».

И Овечкинъ нѣсколько успокоился; онъ даже улыбнулся.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Щербина, замѣтивъ, что ихъ командиръ какъ будто немножко повеселѣлъ.

— Послѣ,—односложно отвѣчалъ Овечкинъ.

— Tàce, jàce subi fornàce,—покосился на Щербину съ комической важностью докторъ.

— Что жь это значитъ, латынская стряпуха?—спросилъ, улыбаясь, Щербина.

— А это на языкѣ Горація и Цицерона значитъ: молчи—сиди подъ печкой.

— Совершенно вѣрно,— согласился Овечкинъ.—Такъ ты говоришь, кавалеръ,—обратился онъ къ казаку,—что непріятель разбитъ? Кого же именно вы побили?

— Сурхай-хана, ваше благородіе, да Шихъ-Али-хана изъ Дербента, да Адиля-хана съ акушинцами да мехтулинцами,—отвѣчалъ бойко казакъ:—досталось и кумухамъ.

— А какъ было дѣло?—спросилъ Овечкинъ.

— Дѣло было, ваше благородіе, горячее. Наша сотня состояла при отрядѣ князя Мадатова, когда мы заняли ихній аулъ Губдень. А тады, ваше благородіе, какъ только генералъ Ермоловъ, Лексѣй Петровичъ, выступилъ изъ Тарковъ, значитъ, съ главными силами, мы съ княземъ Мадатовымъ да съ двуми батальонами троицкаго и севастопольскаго полковъ да съ линейцами при четырехъ орудіяхъ двинулись къ аулу Шоры, чтобы, значитъ, занять высоты. А *онъ*-то, ваше благородіе, непріятель, значитъ, насѣдаетъ на насъ да алалахаетъ по собачьи; тольки съ насъ нечево ему взять: мы это зарàзъ на «уру»,— а *онъ* какъ бѣлка въ рòзтычь. Только, ваше благородіе, помучились мы съ антилеріей: трое дѣнъ орудія въ гору подымали. А ихніе проводники, изъ мирныхъ, значитъ, чтобы попужать насъ, хвалились, какъ они когда-то на этихъ на самыхъ горахъ страшенную армію самого шаха Надира въ дрызгъ разбили. А мы имъ на это: вашъ-де шахъ Надиръ намъ не указъ. А тутъ, глядимъ, съ утра вчера и самъ генералъ Ермоловъ подоспѣлъ. Виноватъ, ваше благородіе, запамятовалъ:—это было не вчерась, а третьеводни, точно. Ну-съ, и сошлись мы, значитъ, лицомъ къ лицу съ ихними главными силами: намъ съ горы ихъ видно, а имъ насъ. Это мы вотъ такъ-то стоимъ, а они вонъ тамъ, на кручахъ—видимо ихъ невидимо! Прошелъ эдакъ день—и они стоятъ, и мы стоимъ. Наступила ночь. А нонѣ, знаете, ваше благородіе, ночи ясныя, мѣсячныя,—намъ это и нà руку. И вотъ его превосходительство, господинъ генералъ Ермоловъ, Лексѣй Петровичъ, прибѣгъ къ такому афронту. Мы, ваше благородіе, донцы и линейцы съ княземъ Мадатовымъ да семь батальоновъ пѣхоты съ антилеріей, стояли позади главной линіи: значитъ, ваше благородіе, ему, непріятелю-то, насъ и не видно было. Ну-съ, какъ тольки наступила

это ночь, мы тихонько перебрались черезъ рѣчку и обошли его съ праваго флангу. Не успѣлъ онъ, ваше благородіе, проснуться, какъ мы—ну жарить его изъ антилеріи. Что тутъ было, ваше благородіе!

Казакъ видимо увлекся, замѣтивъ, что его слушаютъ съ большимъ интересомъ. Онъ размахивалъ руками, становился въ позиціи, жестикулировалъ, невольно чувствуя, что въ его сердцѣ больше жару, чѣмъ словъ въ его небогатомъ лексиконѣ. Для него гораздо было легче дѣйствовать шашкой, пикой, конемъ,—чѣмъ говорить.

— Ну, что же было?—подстрекалъ его Овечкинъ.

— А вотъ что было, ваше благородіе: какъ наши пушечки рявкнули это впродоль ихней лавы, они какъ прыснутъ въ розтычь, какъ заалалакаютъ, а мы поворотили орудія да въ тылъ имъ, въ тылъ! А тутъ наши ширванцы да куринцы съ вашими троицкими молодцами какъ выскочутъ изъ засады, да на кручи, а они подъ этой самой кручей улепетываютъ отъ насъ,—такъ вѣрите ли, ваше благородіе, мы стрѣляли въ нихъ, словно въ стадо барановъ, хоша и не цѣлься—все равно пуля въ мясо угодитъ. И что было этого тѣла-трупу наворочено—и сказать нельзя, ваше благородіе,—ну, чистая бойня!

— Ну, и что же? побѣда была полная?—спросилъ докторъ:—въ лоскъ, значитъ?

— Въ лоскъ какъ есть, ваше благородіе.

— Ну, спасибо, кавалеръ, за твой молодецкій разсказъ,—сказалъ Овечкинъ,—а теперь поди отдохни—тебя хорошо накормятъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе!—отчеканилъ казакъ.

— А ты, голубчикъ,—обратился Овечкинъ къ Щербинѣ,—прикажи дать ему хор-рро-шій стаканъ ерофеичу, да чтобъ и за конемъ его наши молодцы посмотрѣли, а самому кавалеру надо отдохнуть—шутка ли столько продрать горами!

— На то и казаки, ваше благородіе, чтобъ съ лятучками по горамъ рыскать,—молодцовато замѣтилъ донецъ и принялъ позу статуи.

— Правда, правда,—согласился Овечкинъ.—А пока ты и конь твой отдыхаете, мы изготовимъ донесеніе въ штабъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Щербина и казакъ вышли; но первый тотчасъ же воротился.

— Ты что же?—спросилъ его Овечкинъ.

— Да я приказалъ деньщику, чтобъ онъ и ерофеичемъ угостилъ гармила [1]), и лукулловскимъ обѣдомъ, — отвѣчалъ Щербина,—да и намъ несутъ обѣдать,—мы и такъ очень запоздали. Да признаюсь—меня любопытство разбираетъ,—что за бумагу получилъ ты изъ штаба, которая такъ тебя взволновала?

— А развѣ замѣтно было?—спросилъ Овечкинъ.

— Еще бы! даже очень замѣтно.

— Ну, такъ на те—читайте:—все о тѣхъ же локонахъ.— И Овечкинъ бросилъ на столъ полученный имъ изъ штаба приказъ.

IV.

Прерванное любовное свиданіе.

— А, каково!—«государственной важности»!—воскликнулъ Щербина, прочитавъ бумагу и разводя руками:—это бабьи локоны и рукава платьевъ—«государственной важности»!

— А что жь это за рукава?—спросилъ Мальковъ.

— Не знаю, не понимаю, — отвѣчалъ Овечкинъ, — какой нибудь символъ по ихъ понятіямъ.

— Ну, локоны-то у насъ,—замѣтилъ докторъ:—а рукава-то—тю-тю.

— Вѣроятно, что съ рукавами ускользнулъ тотъ, другой посланецъ.

— Конечно. Значитъ, мой паціентъ—не простая птица, а дѣйствительно—красный звѣрь.

— Все таки мы половину дѣла сдѣлали, — сказалъ Овечкинъ:—у насъ въ рукахъ и локоны, и гонецъ.

— Но какъ начальство въ числахъ спуталось? — недоумѣвалъ Щербина:—велятъ ловить звѣря 19-го, а ужь онъ 18-го чуть свѣтъ пролетѣлъ мимо.

— Ясно, что или лазутчиковъ обманули, или тѣ, кто посылалъ гонцовъ, догадываясь, что Ермоловъ знаетъ о ихъ планѣ, сообщили лазутчикамъ фальшивыя вѣсти о днѣ отправленія

[1]) «Гармилами» и «Гаврилычами» солдаты называютъ донскихъ казаковъ.

посланцевъ,—рѣшилъ Овечкинъ.—Надо все это и отписать начальству.

— А отъ вашего краснаго звѣря мы, конечно, ничего не добьемся,—сказалъ Щербина, глядя на доктора.

— Всеконечно. Да и на кой намъ лядъ добиваться? Звѣрь у насъ, локоны у насъ, а что тамъ женскіе рукава улизнули—такъ начхать на нихъ:—начальство и по локонамъ доберется до рукавовъ.

— Но вотъ вопросъ, — сказалъ Овечкинъ, останавливаясь среди комнаты, по которой онъ шагалъ въ задумчивости:—теперь ли, вмѣстѣ съ донесеніемъ, отсылать въ штабъ шкатулку съ локонами подъ надежнымъ конвоемъ, или жь дожидаться, пока нашъ плѣнникъ поправится настолько, чтобъ и его можно было отправить въ штабъ-квартиру? Предписаніе требуетъ и того, и другаго.

— Такъ мы отпишемъ въ штабъ, что локоны и одного посланца мы перехватили, что самъ посланецъ раненъ:—какъ—де прикажетъ поступить начальство въ семъ неожиданномъ казусѣ?—сказалъ Щербина.

— Оптиме, пуэръ, — согласился докторъ. — А, впрочемъ, поздненько уже, господа; пора и вечернимъ чайкомъ побаловаться. Эй! — крикнулъ онъ въ дверь: — господа деньщики! ставьте скорѣй самоваръ. И на этотъ разъ, христолюбивое воинство, въ виду одержанной нами двойной побѣды: тамъ—надъ Шихъ-Али-ханомъ, Адиль-ханомъ и Сурхай-ханомъ, а здѣсь—надъ бабьими волосами,—мы должны пить чай съ ромомъ во славу русскаго оружія. Бене?

— Бене,—сказалъ Щербина:—нашъ эскулапъ человѣкъ очень изобрѣтательный.

— А ты, puer, какъ бы думалъ? Впрочемъ, мнѣ надо навѣстить моего паціента; надѣюсь, онъ подкрѣпилъ его и, быть можетъ, онъ будетъ теперь откровеннѣе.

Скоро докторъ воротился и объявилъ, что его паціентъ подаетъ надежду на скорое выздоровленіе и что теченіе воспалительнаго процесса въ сломанной ногѣ вполнѣ нормально.

— Удивительный этотъ народецъ— горцы, — сказалъ докторъ:—живучи, какъ кошки. Сколько я ихъ, раненыхъ, перелѣчилъ, и всегда удачно: — все присыхаетъ, какъ на собакѣ. Кровь у каналій доброкачественная. Только и насмѣшилъ меня

этотъ мой новый паціентъ. Зачѣмъ, говоритъ, вы живете въ нашихъ горахъ? Аллахъ, говоритъ, далъ намъ горы, а вамъ—равнины. Вѣдь мы, говоритъ, не отнимаемъ у васъ вашихъ равнинъ; зачѣмъ же вы отнимаете у насъ горы? А солнца, говоритъ, и вамъ, и намъ достаточно. А зачѣмъ, я говорю, вы нападаете на наши станицы, отгоняете нашъ скотъ, захватываете плѣнныхъ? А вы, говоритъ, уйдите отъ насъ, тогда мы не будемъ этого дѣлать. Вотъ поди и толкуй съ нимъ. А Ермолова называетъ «сардаръ Ермулу» и, повидимому, очень интересуется имъ; даже спрашивалъ: есть ли у нашего падишаха еще такой большой сардаръ. Хоть прудъ, говорю, пруди такими. Такъ задумался.

Всѣ разсмѣялись.

Скоро чай былъ отпитъ, и офицеры, отдавъ нужныя приказанія по редуту, разошлись на покой.

Ночь. Полная луна серебритъ снѣжныя вершины горъ, бросая черную тѣнь по глубокимъ балкамъ, оврагамъ и подножіямъ скалъ. Тихо. Слышенъ только неумолчный говоръ быстрыхъ водъ горнаго Чирахчая.

Кто-то, закутанный въ бурку, приближается къ выходу изъ редута.

— Кто идетъ?—окликаетъ часовой, перегораживая прохожему путь ружьемъ.

— Свой,—отвѣчаютъ.

— Пропускъ-пароль.

— «Ермоловъ».

Ружье отстраняется и тѣнь въ буркѣ проходитъ въ тяжелыя ворота, вонъ изъ редута. Вышедшій, спустившись позади редута въ оврагъ, тихо пошелъ оврагомъ, держась тѣневой стороны. Пройдя довольно значительное пространство, бурка стала подниматься по отлогому скату оврага, поросшаго орѣшникомъ и кизилемъ, по направленію къ крайнимъ саклямъ аула. Поднявшись почти до вершины ската, бурка остановилась и стала во что-то всматриваться. Вдругъ между двухъ кустовъ кизиля, черезъ освѣщенную луною полосу, промелькнула какая-то легкая тѣнь.

— Моя Магуль, моя дѣвочка!—прошептала бурка.

Легкая тѣнь прильнула и слилась съ другою тѣнью—тѣнью бурки.

— Ты меня ждала, мое дитя?

— Да, мой милый, мой русскій.

— Ты озябла, птичка, иди же въ мою бурку.

И тѣнь бурки поглотила другую, легкую тѣнь.

— Такъ иди же ко мнѣ на руки, моя крошка.

— О, мой русскій, мой милый!

Тѣнь опустилась подъ кизилевымъ кустомъ; это была уже одна тѣнь, а не двѣ.

— Ты озябла, дѣтка моя, дрожишь вся.

— Нѣтъ... я... рада, рада, мой... русскій.

— Нѣтъ, у тебя ручки, какъ ледъ; я слышу, какъ твои холодные пальчики обнимаютъ мою шею. О, моя радость! ты любишь меня, любишь своего русскаго?

— О, да, да! любіу!

— Любіу! милая! до сихъ поръ не умѣешь выговаривать. Ну, скажи: люблю.

— Любі-у, любіу.

— О, мое сокровище! говори именно такъ:—люби-у! Какъ восхитительно произносятъ это твои розовыя, дѣтскія губки!

— Люби-у, люби-у, мой русскій, мой милый.

— А еще какъ? ну, какъ еще, моя птичка?

— Вася, мой Вася, русскій Вася.

— О, да я въ состояніи тебя совсѣмъ заласкать. Какая ты худенькая, нѣжненькая, маленькая!

— Нѣтъ, я большая, мнѣ че.. че... четырь...

— Четырнадцать лѣтъ. О, какая большая, старуха! Да ты своей наивностью сведешь меня съ ума.

— Сумà? какой сума, Вася?

Но на этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта:—нечѣмъ было отвѣчать; и съ той, и съ другой стороны губы были заняты.

— Такъ ты любишь меня, моя ласточка?

— Лас-точка? Какой ласточка?

— Птичка милая, Магуль моя! такъ ты любишь меня?

— Любіу, мой Вася, мой русскій.

— А помнишь, когда ты весной въ первый разъ пришла на свиданіе со мной, когда пѣлъ соловей?

— Да и теперь весна, и теперь мнѣ жарко отъ твоихъ губъ; а тебѣ, милый русскій?

Но онъ не отвѣчалъ. Онъ къ чему-то прислушивался и приглядывался.

— Что, мой Вася?—испуганно спросила она.

— Постой... Что это тамъ?

Дѣйствительно, съ горъ, по всѣмъ сторонамъ, тихо сползало что-то, точно это удлинялись тѣни отъ скалъ и утесовъ. Иногда слышалось паденіе камня или глухой стукъ копытъ. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ перебѣгали какія-то тѣни, быстро поглощаемыя тѣнью отъ горъ и отъ лѣсу.

Щербина вскочилъ; это былъ онъ съ юной черкешенкой.

— Это нападеніе,—глухо прошепталъ онъ.

— О, мой милый, мой русскій, — съ ужасомъ обвилась вокругъ него дѣвушка. — Аллахъ! Аллахъ! бѣги, мой милый, бѣги.

— Прощай, мое сокровище, моя жизнь! бѣги и ты домой.— И, крѣпко сжавъ въ объятіяхъ трепещущую Магуль, Щербина неслышно скользнулъ въ оврагъ и скрылся въ тѣни.

Когда онъ добѣжалъ до редута, то въ него уже нельзя было войти. Съ другой стороны, и казармы, повидимому, взяты были приступомъ, и слышно было, что тамъ уже происходитъ рѣзня. При свѣтѣ луны, Щербина видѣлъ массы надвигавшагося непріятеля. Изъ казармъ неслись неистовые крики ворвавшихся туда горцевъ и стоны убиваемыхъ съ просонокъ русскихъ. Спасенія не было ни откуда. Между тѣмъ Щербина замѣтилъ, что одна сторона казармъ, огражденная рвомъ, не была занята непріятелемъ, и солдаты, пользуясь рѣзней въ темныхъ камерахъ казармъ, стали выбрасываться въ ровъ, а другіе бѣжали изъ аула на защиту казармъ. Видя, что защита тѣхъ, которые застигнуты были въ казармахъ и, безъ сомнѣнія, вырѣзаны уже до одного, невозможна, и сознавая безполезность бороться открыто противъ подавляющихъ массъ непріятеля, Щербина моментально сообразилъ: съ горстью оставшихся въ живыхъ запереться въ мечети, стоявшей у самаго редута, и, защищаясь до послѣдняго издыханія, дорого продать свою жизнь.

— Братцы, товарищи!—закричалъ онъ:—за мною въ мечеть!

Этотъ возгласъ привлекъ на него нѣсколько вражескихъ пуль, но онѣ, просвиставъ мимо, расплюснулись объ каменныя стѣны мечети.

— За мной, въ мечеть!—не переставалъ кричать Щербина.

— Въ мечеть, братцы, въ мечеть!—отвѣчали солдаты.

И человѣкъ около пятидесяти, вмѣстѣ со Щербиной, засѣли въ мечети.

Между тѣмъ, въ казармахъ наступила сравнительная тишина:—некого было больше рѣзать. Вскорѣ тамъ послышались удары огнива о кремень. Вылетавшія изъ кремня искры на мгновеніе освѣщали страшную картину. Въ дверяхъ, въ окнахъ, на окровавленныхъ подоконникахъ, на нарахъ, на полу, въ ужасающемъ безпорядкѣ, лежали трупы, подплывая своею собственною и товарищей своихъ кровью.

Но вотъ огонь вырубленъ, и зажженные ночники освѣтили еще болѣе ужасающую картину:—съ одной стороны обезображенныя, окровавленныя тѣла побѣжденныхъ, съ другой—возбужденныя, наэлектризованныя фанатизмомъ лица побѣдителей-убійцъ,—и надо всѣмъ этимъ лихорадочный гортанный говоръ кровожаднаго торжества. Въ этотъ моментъ, при свѣтѣ ночниковъ, они замѣтили дверь, въ которую, за темнотою, еще никто не проникалъ. Это была лазаретная палата. Они бросились туда — и остановились въ изумленіи. Приподнявшись на койкѣ и дико блуждая глазами, полулежалъ нашъ плѣнникъ съ переломленной и увязанной лубками ногой.

— Бейбулатъ!—вскричалъ одинъ изъ нихъ.—Ты ли это?

— Абдулъ-Керимъ!—не то радостно, не то испуганно проговорилъ плѣнникъ:—какъ вы сюда попали?

— Мы попали сюда побѣдителями по волѣ Аллаха,—отвѣчали вошедшіе (говорили, конечно, по татарски).

— Какъ! вы взяли это осиное гнѣздо?—изумленно вскричалъ плѣнникъ.—А я ничего не слыхалъ:—мнѣ проклятый гяуръ далъ соннаго питья.

— А какъ ты сюда попалъ?

— Я сломалъ себѣ ногу, и меня гяуры взяли.

— А локоны женъ?

— У нихъ.

V.

Штурмъ мечети.

Наступило утро, ясное, теплое, словно весеннее. Солнце, показавшееся изъ-за розоваго облачка, обдавало яркимъ свѣ-

томъ и стѣны редута, и сѣрую мечеть съ высокимъ минаретомъ, и каменныя взлобья горъ, зловѣще отражаясь на блестящемъ вооруженіи толпы горцевъ, тысячъ до шести, обложившей редутъ и мечеть Чираха. Одни изъ нихъ тащили къ редуту осадныя лѣстницы, другіе разрушали мосты, перекинутые черезъ Чирахчай, чтобъ осажденные ни откуда не могли получить помощь.

На возвышеніи, господствующемъ надъ окрестностями Чираха, окруженный блестящею свитою изъ узденей, возсѣдалъ на караковомъ конѣ сѣдобородый красавецъ въ малиновой, опушенной соболемъ, черкескѣ и въ высокой сѣрой папахѣ изъ дорогихъ шкурокъ горныхъ барашковъ. Онъ видимо отдавалъ приказанія, показывая нагайкой то на редутъ и на мечеть, то на рвы, окружающіе укрѣпленіе.

— Это самъ Сурхай-ханъ,—сказалъ Овечкинъ, смотря изъ-за бруствера и указывая офицерамъ на сѣдобородаго красавца.

— А какъ же казакъ сказалъ, что Ермоловъ не далѣе какъ третьяго дня разбилъ его?—спросилъ Мальковъ.

— Что жь онъ ушелъ и вновь собралъ остатки своей сволочи.

Вдругъ на верхней площадкѣ минарета—на площадкѣ, откуда муэззинъ призываетъ обыкновенно правовѣрныхъ на молитву,—показался Щербина.

— Съ добрымъ утромъ!—крикнулъ онъ, увидавъ за брустверомъ редута Овечкина и другихъ товарищей.

— Вася! ты ли это?—радостно откликнулся Овечкинъ.—А мы ужь думали, что ты еще ночью погибъ.

— Нѣтъ, Богъ спасъ; я только теперь такой же начальникъ, какъ и ты.

— Какимъ образомъ?

— Да у меня теперь своя крѣпость—мечеть—и свой гарнизонъ.

— А сколько у тебя тамъ народу?

— Сорокъ девять молодцовъ.

— А тѣ бѣдные всѣ погибли въ казармахъ?

— Должно быть всѣ: вѣчная имъ память!

Въ этотъ моментъ, мимо его головы пропищало нѣсколько пуль.

— Уходи, Вася!—закричалъ Овечкинъ:—тебя замѣтили.

Щербина, крикнувъ товарищамъ — «до свиданья»! — спустился въ мечеть.

Сурхай-ханъ, повидимому, замѣтилъ эти переговоры и отдалъ какое-то приказаніе. Нѣсколько узденей отдѣлились отъ него и понеслись къ тѣмъ изъ осаждающихъ, что спускали лѣстницы въ крѣпостные рвы.

Вскорѣ можно было догадаться, что Сурхай-ханъ приказалъ взять штурмомъ мечеть. Побросавъ лѣстницы и обнаживъ кинжалы и шашки, горцы кинулись къ мечети, думая стремительностью одолѣть всѣ препятствія, хотя бы это стоило многихъ жизней.

— Алла-га! Алла-гу!—кричали они дикими голосами, размахивая въ воздухѣ шашками.

Но залпъ изъ пятидесяти винтовокъ, глядѣвшихъ изъ амбразуръ мечети, разомъ уложилъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ. Остальные дрогнули и попятились назадъ.

— Братцы, голубчики!—говорилъ между тѣмъ Щербина своимъ храбрымъ товарищамъ: — ради Господа Бога бейте врага на выборъ,—цѣльтесь вѣрнѣе, хладнокровнѣе, безъ прицѣла не стрѣляйте.

— Ради стараться!—въ одинъ голосъ отвѣчали солдатики.

— Спасибо, друзья мои. Вѣдь вы знаете, что у насъ свинцу не много:—если разстрѣляемъ весь свинецъ, то мы пропали; а пока у насъ есть порохъ и пули—мы неуязвимы.

Пока нападающіе торопливо подбирали своихъ убитыхъ и раненыхъ, а солдаты въ мечети вновь заряжали ружья, Щербина осторожно выглянулъ въ окно. При видѣ того, на чемъ остановился его взоръ, сердце его затрепетало. Вдали, на плоской земляной кровлѣ крайней сакли аула, онъ увидѣлъ знакомую стройную женскую фигуру подъ бѣлою чадрою. Она глядѣла сюда, на редутъ и на мечеть. Это была его Магуль, его обожаемая дѣвочка. А давно ли онъ ласкалъ ее, цѣловалъ ея прелестные глазки? Давно ли она застѣнчиво шептала ему, обвивая его шею холодными ручками: «милый мой, русскій, я тебя любіу»!—А теперь?—Смерти онъ не боялся. Онъ, этотъ юный, искренній энтузіастъ, воспитанный на боевыхъ традиціяхъ отца и дѣда, видѣвшій призваніе человѣка только въ области этихъ традицій, понимавшій только воинскую честь и славу,—онъ всю цѣль и смыслъ жизни видѣлъ только въ «герой-

скомъ» концѣ, когда надъ нимъ, сраженнымъ пулею или ядромъ, ударятъ шашки или кинжала, будутъ стоять огорченные товарищи и съ гордымъ удивленіемъ будутъ повторять: «онъ умеръ истиннымъ героемъ», а старикъ-отецъ, при извѣстіи о его геройской смерти, заглушая стоны души объ ужасной потерѣ любимаго сына, съ гордостью скажетъ:—«мой Вася прославилъ наше имя»! Такъ ему ли, фанатически мечтавшему о «такомъ» концѣ,—ему ли было бояться смерти, ему ли сожалѣть о молодой жизни. Но теперь, при видѣ этой бѣлой чадры, окутывавшей дорогую для него дѣтскую головку, при видѣ этого нѣмаго свидѣтеля самыхъ блаженныхъ, самыхъ святыхъ мгновеній его жизни, теперь ему стало жаль этой жизни. Жаль до рыданія, до стоновъ. Но это же чувство, въ порывѣ безумнаго экстаза, вызвало въ немъ еще болѣе безумное чувство—страстное желаніе геройски умереть «для нея», «у нея» на глазахъ, именно только для нея, чтобъ она знала, кто ее любилъ и кого она любила и кого въ немъ потеряла. Это временное безуміе заставило его забыть старика-отца, товарищей, свою славу. Теперь его слава—только въ ея глазахъ, въ ея оцѣнкѣ.

Пока эти—не мысли, а безумныя, лихорадочныя ощущенія, словно молніи, пронизывали его, если можно такъ выразиться, сорвавшееся съ петель сознаніе, солдаты вновь зарядили ружья и залпами отвѣчали на дерзкія попытки осаждавшихъ штурмовать мечеть.

— Братцы! — сказалъ Щербина, мгновенно приходя въ себя:—не стрѣляйте всѣ разомъ—это опасно; пока вы, разомъ разрядивъ выстрѣлами ружья, станете вновь ихъ заряжать, въ этотъ моментъ непріятель, не встрѣчаемый огнемъ, можетъ лавой нагрянуть на насъ и задавить. А вы стрѣляйте черезъ ружье: пока одинъ десятокъ цѣлится въ голову врагу, другой десятокъ долженъ заряжать свои ружья. Поняли, братцы?

— Поняли, ваше благородіе,—дружно отвѣчали герои мечети.

И чередовавшіеся залпы сновы вырывали по нѣскольку жертвъ изъ сплошныхъ рядовъ непріятеля. Горцы бросались, какъ остервенѣлые; уже убито было нѣсколько защитниковъ мечети, но остальные продолжали наповалъ поражать свои намѣченныя жертвы. Сурхай-ханъ видимо приходилъ въ неистов-

БИБЛІОТЕКА ПАЛАТЫ.

ство. Онъ съѣхалъ съ возвышенія и отдалъ какія-то новыя приказанія, показывая на дверь мечети. Тогда горцы раздѣлились на двѣ массы и со страшнымъ крикомъ ринулись—одна часть къ окнамъ и амбразурамъ мечети, другая — къ ея дверямъ. Притащили осадныя лѣстницы и ими стали садить въ дверь, подъ тактъ дикихъ завываній раскачивая лѣстницы. Глухо стучали эти удары, но дверь не подавалась.

Сознавая однако, что рано ли, поздно ли деревянная дверь не выдержитъ сосредоточенныхъ ударовъ, Щербина раздѣлилъ горсть оставшихся въ живыхъ защитниковъ мечети,—ибо навалившіеся массою горцы уже въ упоръ стрѣляли въ окна и лѣзли въ амбразуры мечети,—и, оставивъ часть изъ нихъ защищать окна и амбразуры, остальной кучкѣ велѣлъ взобраться по узенькой лѣстницѣ на верхнюю внутреннюю площадку минарета въ засаду, а самъ выскочилъ на наружную площадку—на площадку муэззина, чтобы яснѣе видѣть, что происходило внизу, у дверей мечети и подъ окнами. Взоръ его невольно остановился на далекой знакомой саклѣ, на плоской кровлѣ которой продолжала стоять въ нѣмой позѣ отчаянія дѣвушка, закутанная бѣлою чадрой. Болѣзненный стонъ вырвался изъ его груди, и онъ схватился рукою за сердце. Но, взглянувъ по направленію къ редуту, онъ громкимъ, хотя охрипшимъ, голосомъ закричалъ:

— Товарищи! герои! милые! что вы дѣлаете?

— Идемъ тебя выручать—васъ спасать,—отвѣчалъ Овечкинъ.

Оказалось, что засѣвшіе въ редутѣ, видя неминуемую гибель защитниковъ мечети, рѣшились на отчаянную, совершенно безумную вылазку въ виду подавляющаго большинства осаждающихъ.

— Безумные, что вы дѣлаете! — снова закричалъ Щербина:—вы насъ не спасете — васъ задавятъ, уничтожатъ всѣхъ! Берегите людей для охраны крѣпости—они нужнѣе насъ отечеству. Я обрекъ себя на смерть, но умру недаромъ! Не станетъ у насъ свинцу—мы своимъ паденіемъ, этимъ самымъ минаретомъ задавимъ непріятеля. Братцы, друзья мои, возвращайтесь въ редутъ! Прощайте, прощайте!

— Прощай, моя жизнь, мой свѣтъ, мое солнце!—прошепталъ онъ, глянувъ на кровлю далекой сакли съ неподвижною на ней статуею плачущей Кассандры...

Овечкинъ послѣдовалъ патріотическому совѣту Щербины и увелъ свою ничтожную горсть защитниковъ крѣпости обратно въ редутъ, успѣвъ только крикнуть безстрашному герою минарета:

— Да спасетъ тебя Богъ и да покроется твое имя вѣчною славой!

Дверь между тѣмъ продолжали выбивать, а пальба въ окна и амбразуры мечети, а равно изъ оконъ и амбразуръ, въ отвѣтъ на первую, не прекращалась.

Видя все болѣе и болѣе слабѣвшій огонь защитниковъ мечети, Сурхай-ханъ еще энергичнѣе ободрялъ нападавшихъ. Вдругъ до слуха Щербины донесся какъ бы знакомый голосъ. Онъ выглянулъ въ амбразуру и увидѣлъ, что рядомъ съ Сурхай-ханомъ несли на буркѣ полулежавшаго узденя въ бѣлой папахѣ. Онъ энергично размахивалъ въ воздухѣ шашкой и что-то кричалъ, вѣроятно, ободряя нападавшихъ.

— Бейбулатъ! Бейбулатъ! — раздавались въ отвѣтъ ему привѣтственные клики.

Щербина узналъ въ немъ своего недавняго плѣнника съ переломленной ногой.

— Такъ это знаменитый Бейбулатъ, про отчаянные подвиги котораго молва ходитъ по всему Дагестану и по всей Чечнѣ,— подумалъ Щербина.

Вдругъ что-то съ трескомъ грохнуло, и дикіе радостные клики ворвались въ мечеть. Это упала послѣдняя въ нее преграда—дверь. Въ одно мгновенье Щербина очутился у этой упавшей двери, въ которую уже хлынули нападавшіе, и отчаянными ударами саблей направо и налѣво проложилъ себѣ путь къ узкой лѣстницѣ, ведшей на минаретъ.

Въ мечети началась рѣзня. Ворвавшійся и разсвирѣпѣвшій непріятель бросился въ кинжалы. Солдаты геройски отбивались штыками, но, задавленные массою, пали всѣ до единаго на тѣла своихъ, убитыхъ ими, побѣдителей.

Покончивъ съ мечетью, казикумухцы бросились къ лѣстницѣ, ведущей на минаретъ. Но ихъ тамъ поджидала смерть.

— Цѣльтесь, братцы, въ головы,—шепталъ Щербина своимъ молодцамъ, засѣвшимъ на верхней внутренней площадкѣ минарета, слыша, что непріятель взбирается уже по лѣстницѣ съ какимъ-то воемъ торжества.

Скоро показалась одна папаха.

— Господи, благослови!—И моментально грянулъ выстрѣлъ.

— Первòй!—съ облегченіемъ прошепталъ выстрѣлившій.

Папаха свалилась внизъ. Подъ лѣстницей вой усилился.

— Теперь я, братцы! Микола угодникъ, помоги.

Снова показалась внизу рука съ кинжаломъ, но головы не видно было.

— Выходи, любезный! Что кинжаломъ-то балуѣшь?

За кинжаломъ показалась бѣлая папаха.

— Не стрѣляй, Рудой! Это онъ дуритъ—папаху на шашкѣ подымаетъ, чтобъ обмануть.

Папаха исчезла. За нею показалось лицо—и моментально опять послѣдовалъ выстрѣлъ.

— Другой!

Вой внизу превратился въ сплошной ревъ. Но скоро можно было догадаться, что казикумухцы отказались отъ штурма лѣстницы. Слышно было, что они оставили мечеть, и шумный говоръ, доносившійся извнѣ, заставлялъ предполагать, что казикумухцы совѣщаются—что̀ имъ предпринять дальше.

— Ушли, нѣсолоно хлебавши,—замѣтилъ одинъ изъ засѣвшихъ въ минаретѣ.

— Скатертью дорога,—сказалъ другой.

Щербина поднялся на площадку муэззина, чтобъ увидѣть, что̀ дѣлаютъ осаждающіе, или прислушаться къ ихъ совѣщаніямъ. Онъ немного понималъ ихъ языкъ. Къ ужасу своему, изъ нѣсколькихъ схваченныхъ имъ налету словъ онъ понялъ, что осаждающіе порѣшили подрыть минаретъ и совсѣмъ опрокинуть, чтобъ подъ развалинами его похоронить засѣвшихъ тамъ героевъ. Онъ взглянулъ на кровлю знакомой сакли. Бѣлая чадра, какъ маякъ мимолетно мелькнувшаго счастья, по прежнему виднѣлась вдали, колеблемая тихимъ южнымъ вѣтеркомъ. Слезы душили его; но, сойдя къ товарищамъ, онъ ничего не сказалъ имъ о томъ, что̀ самъ сейчасъ узналъ.

VI.

«За три бурдюка воды—столько жизней»!

Наступила ночь, такая же лунная, свѣтлая, какъ и предыдущая. Отъ стѣнъ редута и отъ мечети съ минаретомъ тянулись черныя тѣни, какъ ножемъ отрѣзанныя отъ свѣтлой;

озаренной луною, земли. Гдѣ-то въ крѣпости мигалъ красноватый огонекъ. Такіе же огоньки, то затухая, то слабо вспыхивая, виднѣлись по склонамъ, облегавшимъ укрѣпленіе:—то притухали костры въ безпорядочно разбросанномъ лагерѣ казикумухцевъ. Осаждающіе спали, завернувшись въ бурки. Кое-гдѣ двигались или неподвижно стояли одинокія бурки, бросая отъ себя неподвижныя или двигающіяся тѣни. Слышно было фырканье лошадей да крики ночной птицы въ горахъ. Чирахчай, сверкая на лунномъ свѣтѣ растопленнымъ серебромъ, съ ропотомъ бился и журчалъ по каменистому ложу.

Лунный свѣтъ длинными полосами льется въ выбитыя окна мечети и казармы, то освѣщая блѣдное лицо мертвеца, то скользя по застывшей лужѣ крови. По лунной полосѣ пробѣжитъ иногда что-то черненькое и скроется въ тѣни. Это крысы, питающіяся мертвыми тѣлами. Съ полу лунный свѣтъ перебирается на нары—и тамъ тѣ же картины ужаса: то мертвая рука, застывшая на ружейномъ прикладѣ, то бѣлый лобъ, изъ подъ котораго смотрятъ на мѣсяцъ остеклѣнѣвшіе глаза—смотрятъ и не мигаютъ.

Въ богатомъ шатрѣ Сурхай-хана свѣтится слабый огонекъ. Ханъ не спитъ. Онъ доволенъ нынѣшнимъ днемъ: — бо́льшая половина непріятеля уничтожена. Это отплата сардаръ-Ермулу за Акушу, а Чираху—за Бейбулата да за локоны женъ. Минаретъ уже значительно подкопанъ, и завтра непремѣнно рухнетъ. А тамъ и редуту не сдобровать.

Что́ же дѣлалось въ это время на минаретѣ и въ редутѣ? На минаретѣ тоже не спали. Ничтожная горсточка защитниковъ его расположилась на полу внутренней площадки въ абсолютной темнотѣ, которая невыносимо угнетала каждаго, пережившаго ужасную прошлую ночь и еще болѣе ужасный день. Казалось, ихъ окутывалъ могильный мракъ. Чтобы отогнать отъ себя этотъ ужасъ могилы, кто нибудь изъ нихъ отъ времени до времени вынималъ огниво и кремень, и сталью «кресàла» ударялъ по кремню, чтобъ извлечь изъ послѣдняго нѣсколько искорокъ.

— Вотъ такъ хоть свои руки увидишь,—говоритъ выбивающій огонь.

— А намъ и обличье твое видно, а то въ экой темени мы и другъ дружку забудемъ въ лицо,—говорятъ другіе.

— Такъ-то такъ, братцы,—а внизу ишшо хуже.

— Зато они, по крайности, ѣсть-пить не хотятъ, а у насъ со вчерашняго вечера маковой росинки во рту не было.

— Ни синь пороху! А пить, братцы, какъ хочется — все нутро горитъ.

— Не мудрено:—вторыя сутки хоть бы каплю—промочить душу.

— Да, ребятушки, пришло помирать.

Щербина, пользуясь покровомъ ночи, сидѣлъ въ это время на верху, на площадкѣ муэззина. Казалось, онъ любовался прелестной, фантастической южной ночью. Луна серебрила далекія вершины снѣжныхъ горъ. Отовсюду тянулись черныя таинственныя тѣни, выдавая еще болѣе яркость луннаго свѣта. Кое-гдѣ слабо мерцали звѣзды, утрачивая свою яркость подъ лучами луннаго сіянія.

Въ знакомой саклѣ мерцалъ огонекъ, и, казалось, тамъ двигались какія-то тѣни.

— И она не спитъ, бѣдное дитя!

И вспоминается ему дѣтство, родной домъ на берегу Днѣпра, заглохшій садъ съ высокими пирамидальными тополями и роща съ грачевыми гнѣздами. Какъ памятенъ весенній крикъ этой птицы, какъ памятны ночные хоры лягушекъ въ пруду! А ночные хоры деревенской «улицы», а эти дивныя украинскія мелодіи, что̀ звучатъ отъ зари до зари? Сколько жизни, поэзіи разлито въ воздухѣ, сколько любви и счастья! Нѣтъ больше возврата въ этотъ потерянный рай. А тамъ—Петербургъ, ученье въ корпусѣ, мечты о боевой жизни, о боевой славѣ...—Вотъ она, боевая слава!

Звенитъ колокольчикъ подъ дугою, печетъ южное солнце безбрежныхъ степей; однообразно кругомъ, а на душѣ—радостная тревога. Скоро, скоро и кубанскія степи!—А ямщикъ лѣниво выводитъ, помахивая на лошадей:

Ой да-й попила моя буйная голо-вушка,
Пила ль она по-о-о-гу-ля-а-а-ла...

А вотъ и степи кубанскія—нѣтъ имъ конца краю... Что-то бѣлое, бѣлое встаетъ далеко на горизонтѣ, точно облако.—«Что это тамъ такое бѣлое? — «Эльборусъ». — «Эльборусъ! Боже»!..

А вотъ и самъ Кавказъ, таинственный, чарующій и страш-

озаренной луною, земли. Гдѣ-то въ крѣпости мигалъ красноватый огонекъ. Такіе же огоньки, то затухая, то слабо вспыхивая, виднѣлись по склонамъ, облегавшимъ укрѣпленіе:—то притухали костры въ безпорядочно разбросанномъ лагерѣ казикумухцевъ. Осаждающіе спали, завернувшись въ бурки. Коегдѣ двигались или неподвижно стояли одинокія бурки, бросая отъ себя неподвижныя или двигающіяся тѣни. Слышно было фырканье лошадей да крики ночной птицы въ горахъ. Чирахчай, сверкая на лунномъ свѣтѣ растопленнымъ серебромъ, съ ропотомъ бился и журчалъ по каменистому ложу.

Лунный свѣтъ длинными полосами льется въ выбитыя окна мечети и казармы, то освѣщая блѣдное лицо мертвеца, то скользя по застывшей лужѣ крови. По лунной полосѣ пробѣжитъ иногда что-то черненькое и скроется въ тѣни. Это крысы, питающіяся мертвыми тѣлами. Съ полу лунный свѣтъ перебирается на нары—и тамъ тѣ же картины ужаса: то мертвая рука, застывшая на ружейномъ прикладѣ, то бѣлый лобъ, изъ подъ котораго смотрятъ на мѣсяцъ остеклѣнѣвшіе глаза—смотрятъ и не мигаютъ.

Въ богатомъ шатрѣ Сурхай-хана свѣтится слабый огонекъ. Ханъ не спитъ. Онъ доволенъ нынѣшнимъ днемъ: — бо́льшая половина непріятеля уничтожена. Это отплата сардаръ-Ермулу за Акушу, а Чираху—за Бейбулата да за локоны женъ. Минаретъ уже значительно подкопанъ, и завтра непремѣнно рухнетъ. А тамъ и редуту не сдобровать.

Что́ же дѣлалось въ это время на минаретѣ и въ редутѣ? На минаретѣ тоже не спали. Ничтожная горсточка защитниковъ его расположилась на полу внутренней площадки въ абсолютной темнотѣ, которая невыносимо угнетала каждаго, пережившаго ужасную прошлую ночь и еще болѣе ужасный день. Казалось, ихъ окутывалъ могильный мракъ. Чтобы отогнать отъ себя этотъ ужасъ могилы, кто нибудь изъ нихъ отъ времени до времени вынималъ огниво и кремень, и сталью «кресàла» ударялъ по кремню, чтобъ извлечь изъ послѣдняго нѣсколько искорокъ.

— Вотъ такъ хоть свои руки увидишь,—говоритъ вырубающій огонь.

— А намъ и обличье твое видно, а то въ экой темени мы и другъ дружку забудемъ въ лицо,—говорятъ другіе.

— Такъ-то такъ, братцы,—а внизу ишшо хуже.

— Зато они, по крайности, ѣсть-пить не хотятъ, а у насъ со вчерашняго вечера маковой росинки во рту не было.

— Ни синь пороху! А пить, братцы, какъ хочется — все нутро горитъ.

— Не мудрено:—вторыя сутки хоть бы каплю—промочить душу.

— Да, ребятушки, пришло помирать.

Щербина, пользуясь покровомъ ночи, сидѣлъ въ это время на верху, на площадкѣ муэззина. Казалось, онъ любовался прелестной, фантастической южной ночью. Луна серебрила далекія вершины снѣжныхъ горъ. Отовсюду тянулись черныя таинственныя тѣни, выдавая еще болѣе яркость луннаго свѣта. Кое-гдѣ слабо мерцали звѣзды, утрачивая свою яркость подъ лучами луннаго сіянія.

Въ знакомой саклѣ мерцалъ огонекъ, и, казалось, тамъ двигались какія-то тѣни.

— И она не спитъ, бѣдное дитя!

И вспоминается ему дѣтство, родной домъ на берегу Днѣпра, заглохшій садъ съ высокими пирамидальными тополями и роща съ грачевыми гнѣздами. Какъ памятенъ весенній крикъ этой птицы, какъ памятны ночные хоры лягушекъ въ пруду! А ночные хоры деревенской «улицы», а эти дивныя украинскія мелодіи, что̀ звучатъ отъ зари до зари? Сколько жизни, поэзіи разлито въ воздухѣ, сколько любви и счастья! Нѣтъ больше возврата въ этотъ потерянный рай. А тамъ—Петербургъ, ученье въ корпусѣ, мечты о боевой жизни, о боевой славѣ...—Вотъ она, боевая слава!

Звенитъ колокольчикъ подъ дугою, печетъ южное солнце безбрежныхъ степей; однообразно кругомъ, а на душѣ—радостная тревога. Скоро, скоро и кубанскія степи!—А ямщикъ лѣниво выводитъ, помахивая на лошадей:

Ой да-й попила моя буйная голо-вушка,
Пила ль она по-о-о-гу-ля-а-а-ла...

А вотъ и степи кубанскія—нѣтъ имъ конца краю... Что-то бѣлое, бѣлое встаетъ далеко на горизонтѣ, точно облако.—«Что это тамъ такое бѣлое? — «Эльборусъ». — «Эльборусъ! Боже»!..

А вотъ и самъ Кавказъ, таинственный, чарующій и страш-

ный—источникъ боевыхъ тревогъ, боевой славы. Среди этихъ великановъ, накрытыхъ снѣговыми шапками, въ этихъ грозныхъ ущельяхъ, межъ неприступными скалами и ужасающими стремнинами гнѣздятся тѣ, которые даютъ боевую славу, а чаще—славную смерть... Что жь! того и искалъ. Бурный Терекъ, подавляющее ущелье Дарьяла, недосягаемый Казбекъ, высоты Гудаура, съ которыхъ созерцаешь, кажется, всѣ красоты и ужасы вселенной, — шумная Арагва, Мцхетъ, мутная Кура, Тифлисъ и... Чирахъ, вотъ этотъ самый Чирахъ.

— Неужели могила?.. Нѣтъ, тутъ и рай былъ!

И онъ снова глянулъ по направленію къ знакомой саклѣ.

— Началось въ маѣ—кончится въ декабрѣ.

Съ холодомъ безнадежности въ сердцѣ онъ оглянулся на редутъ. Тамъ все еще мигалъ одинокій огонекъ.

— Что-то они думаютъ? Что-то тамъ?

А тамъ также почти никто не спалъ. Тамъ не было безнадежности—тамъ царила бодрость, мужественная увѣренность, что не пропадутъ,—что вотъ-вотъ явится Мадатовъ, а то и самъ Ермоловъ. Но что̀ тревожило гарнизонъ редута—это недостатокъ воды.

— Братцы! кто охочъ со мной по̀ воду?—говорилъ дядя Назарычъ...—Смѣртушки на пойло тянетъ.

— Я-я-я съ тобой, дядя,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Ладно! Такъ бери, ребятушки, по бурдюку—и ай-да со мной по̀ воду.

— Важно! татары, поди, во всю носовую завертку храпятъ.

И смѣльчаки, захвативъ по бурдюку, незамѣтно вышли изъ редута. До Чирахчая было около двухсотъ шаговъ, но это разстояніе надо было дѣлать ползкомъ, да и то такъ, что при всякомъ движеніи непріятельскаго часоваго приходилось лежать ничкомъ и изображать изъ себя мертвыя тѣла. Смѣльчакамъ благопріятствовали длинныя тѣни, отбрасываемыя отъ себя мечетью и минаретомъ, а еще ниже—казармами. Добравшись до задней стѣны казармъ, они остановились на минуту передохнуть. Непостижимая тайная сила подмывала ихъ загля́нуть въ вышибленныя окна казармы—могилы ихъ несчастныхъ товарищей. Съ противоположной стороны, въ окна лился лунный свѣтъ, освѣщая ужасающую картину недавней ночной рѣзни.

Лучи полнаго мѣсяца играли такъ весело то на ружейномъ стволѣ, то на обнаженномъ тесакѣ. Но свѣтъ этотъ казался зловѣщимъ, какимъ-то могильнымъ, когда падалъ на мертвое лицо, на затылокъ мертвеца, или отражался въ бликахъ широко раскрытыхъ мертвыхъ глазъ.

— Голубчикъ ты мой!—ишь, глядитъ,—набожно прошепталъ Назарычъ.

— Кто, дядя, глядитъ?

— Лодыжкинъ, царство ему небесное, вѣчный спокой!

— Мы ихъ, дядя, похоронимъ.

— Похоронимъ, коли живы будемъ.

И смѣльчаки поползли дальше. Вотъ покатый каменистый берегъ, а вотъ и Чирахчай говорливо бѣжитъ по каменному ложу.

Солдатики жадно припали къ водѣ, прямо пересохшими ртами, лежа на животахъ.

— Господи, благослови!—пей съ осторожкой, ребята.

— На кой, дядя, съ осторожкой? Не пили весь день—надо пить про запасъ.

Напились и бурдюки наполнили. Надо ползти обратно. Но теперь, съ тяжелыми бурдюками, было труднѣе подниматься въ гору. До казармъ они дотащились благополучно, хотя потъ съ нихъ лилъ ручьемъ. Надо было немного передохнуть,—и они усѣлись въ тѣни. Внутри казармы какъ будто что-то шевелилось. Что бы это могло быть? Не очнулся ли какой нибудь покойникъ?

Назаровъ приподнялся и заглянулъ въ окно. Что это?—Какой-то звѣрь глодалъ руку у одного изъ мертвецовъ. Волосы встали дыбомъ на головѣ у стараго солдата. Онъ хотѣлъ закричать на звѣря, но вò-время опомнился. Все же надо отогнать проклятаго хищника. Солдатъ нагнулся, поднялъ камень и швырнулъ въ звѣря. Животное вздрогнуло и быстро выскочило въ окно.

— Ты что, дядя?—спросили товарищи.

— Какой-то звѣрь грызъ мертвеца.

— Не собака?

— Нѣтъ,—на собаку не похоже.

— Ну, это шакалъ:—они тутъ бродятъ по ночамъ.

Передохнувъ, смѣльчаки поползли дальше. И мимо мечети

ный—источникъ боевыхъ тревогъ, боевой славы. Среди этихъ великановъ, накрытыхъ снѣговыми шапками, въ этихъ грозныхъ ущельяхъ, межъ неприступными скалами и ужасающими стремнинами гнѣздятся тѣ, которые даютъ боевую славу, а чаще—славную смерть... Что жь! того и искалъ. Бурный Терекъ, подавляющее ущелье Дарьяла, недосягаемый Казбекъ, высоты Гудаура, съ которыхъ созерцаешь, кажется, всѣ красоты и ужасы вселенной, — шумная Арагва, Мцхетъ, мутная Кура, Тифлисъ и... Чирахъ, вотъ этотъ самый Чирахъ.

— Неужели могила?.. Нѣтъ, тутъ и рай былъ!

И онъ снова глянулъ по направленію къ знакомой саклѣ.

— Началось въ маѣ—кончится въ декабрѣ.

Съ холодомъ безнадежности въ сердцѣ онъ оглянулся на редутъ. Тамъ все еще мигалъ одинокій огонекъ.

— Что-то они думаютъ? Что-то тамъ?

А тамъ также почти никто не спалъ. Тамъ не было безнадежности—тамъ царила бодрость, мужественная увѣренность, что не пропадутъ,—что вотъ-вотъ явится Мадатовъ, а то и самъ Ермоловъ. Но что̀ тревожило гарнизонъ редута—это недостатокъ воды.

— Братцы! кто охочъ со мной по̀ воду?—говорилъ дядя Назарычъ...—Смѣртушки на пойло тянетъ.

— Я-я-я съ тобой, дядя,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Ладно! Такъ бери, ребятушки, по бурдюку—и ай-да со мной по̀ воду.

— Важно! татары, поди, во всю носовую завертку храпятъ.

И смѣльчаки, захвативъ по бурдюку, незамѣтно вышли изъ редута. До Чирахчая было около двухсотъ шаговъ, но это разстояніе надо было дѣлать ползкомъ, да и то такъ, что при всякомъ движеніи непріятельскаго часоваго приходилось лежать пичкомъ и изображать изъ себя мертвыя тѣла. Смѣльчакамъ благопріятствовали длинныя тѣни, отбрасываемыя отъ себя мечетью и минаретомъ, а еще ниже—казармами. Добравшись до задней стѣны казармъ, они остановились на минуту передохнуть. Непостижимая тайная сила подмывала ихъ загля́нуть въ вышибленныя окна казармы—могилы ихъ несчастныхъ товарищей. Съ противоположной стороны, въ окна лился лунный свѣтъ, освѣщая ужасающую картину недавней ночной рѣзни.

Лучи полнаго мѣсяца играли такъ весело то на ружейномъ стволѣ, то на обнаженномъ тесакѣ. Но свѣтъ этотъ казался зловѣщимъ, какимъ-то могильнымъ, когда падалъ на мертвое лицо, на затылокъ мертвеца, или отражался въ бликахъ широко раскрытыхъ мертвыхъ глазъ.

— Голубчикъ ты мой!—ишь, глядитъ,—набожно прошепталъ Назарычъ.

— Кто, дядя, глядитъ?

— Лодыжкинъ, царство ему небесное, вѣчный спокой!

— Мы ихъ, дядя, похоронимъ.

— Похоронимъ, коли живы будемъ.

И смѣльчаки поползли дальше. Вотъ покатый каменистый берегъ, а вотъ и Чирахчай говорливо бѣжитъ по каменному ложу.

Солдатики жадно припали къ водѣ, прямо пересохшими ртами, лежа на животахъ.

— Господи, благослови!—пей съ осторожкой, ребята.

— На кой, дядя, съ осторожкой? Не пили весь день—надо пить про запасъ.

Напились и бурдюки наполнили. Надо ползти обратно. Но теперь, съ тяжелыми бурдюками, было труднѣе подниматься въ гору. До казармъ они дотащились благополучно, хотя потъ съ нихъ лилъ ручьемъ. Надо было немного передохнуть,—и они усѣлись въ тѣни. Внутри казармы какъ будто что-то шевелилось. Что бы это могло быть? Не очнулся ли какой нибудь покойникъ?

Назаровъ приподнялся и заглянулъ въ окно. Что это?—Какой-то звѣрь глодалъ руку у одного изъ мертвецовъ. Волосы встали дыбомъ на головѣ у стараго солдата. Онъ хотѣлъ закричать на звѣря, но во-время опомнился. Все же надо отогнать проклятаго хищника. Солдатъ нагнулся, поднялъ камень и швырнулъ въ звѣря. Животное вздрогнуло и быстро выскочило въ окно.

— Ты что, дядя?—спросили товарищи.

— Какой-то звѣрь грызъ мертвеца.

— Не собака?

— Нѣтъ,—на собаку не похоже.

— Ну, это шакалъ:—они тутъ бродятъ по ночамъ.

Передохнувъ, смѣльчаки поползли дальше. И мимо мечети

съ минаретомъ они пробрались благополучно. Но дальше предстояло самое опасное мѣсто. Отъ мечети до бруствера лежало пространство, ярко освѣщенное луной. Его нужно было пробѣжать съ тяжелою ношею на плечахъ и съ ружьемъ въ рукѣ. Перекрестившись на востокъ, смѣльчаки побѣжали гуськомъ. Вдругъ послѣдовалъ выстрѣлъ, эхо котораго прокатилось въ сонныхъ горахъ. За первымъ раздался второй, третій—и весь непріятельскій лагерь въ одно мгновенье былъ на ногахъ. Раздались нестройные крики, учащенные выстрѣлы.

— Лѣстницы, лѣстницы, братцы!—слышался съ бруствера голосъ Овечкина.

Казикумухцы бѣжали къ крѣпости, стрѣляя на ходу. За ними несся Сурхай-ханъ, окруженный узденями. Онъ думалъ, что русскіе сдѣлали вылазку, чтобъ спасти засѣвшихъ на минаретѣ. Вся шеститысячная толпа металась и кричала, ничего не понимая, и, казалось, потеряла голову. Только ближайшіе къ редуту знали, въ чемъ дѣло, или, по крайней мѣрѣ, предполагали, что это убѣгаютъ въ крѣпость тѣ, которые были заперты въ минаретѣ. Они усердно стрѣляли по бѣжавшимъ и взбиравшимся, при помощи спущенныхъ лѣстницъ, на брустверъ смѣльчакамъ-водоносамъ. Пули, однако, сдѣлали свое дѣло. Нѣсколько смѣльчаковъ вмѣстѣ съ бурдюками свалились въ ровъ, и тамъ были дорѣзаны кинжалами казикумухцевъ.

Только дядя Назарычъ и два его питомца, молодые солдатики, благополучно взобрались на брустверъ.

— За три бурдюка воды столько жизней!—горестно махнулъ рукою Овечкинъ.

VII.

Заживо погребенные.

На слѣдующій день, съ ранняго утра, казикумухцы съ новымъ ожесточеніемъ продолжали подкапываться подъ основаніе минарета. Заключеннымъ въ этой иглоподобной башнѣ нечего было и думать о помощи со стороны товарищей, остававшихся въ редутѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ. Дѣло въ томъ, что хотя минаретъ и отстоялъ отъ редута на разстояніи пушечнаго и даже ружейнаго выстрѣла, однако казикумухцы, подрывавшіеся подъ минаретъ,

были защищены отъ выстрѣловъ съ редута этимъ самымъ минаретомъ. Непріятель подкапывался подъ ту именно сторону его основанія, которой съ редута не было видно. Съ своей стороны и заключенные въ минаретѣ не могли вредить непріятельскимъ саперамъ выстрѣлами съ верхней, наружной площадки минарета, потому что карнизъ этой площадки такъ выдавался наружу, что закрывалъ собою подрывавшихся подъ минаретъ казикумухцевъ, и потому пули съ этой площадки не могли достигать до нихъ. Оставалось ждать неминуемой смерти:—все равно, еслибъ даже минаретъ не былъ опрокинутъ, то запертые въ немъ герои должны были погибнуть голодною смертью и отъ недостатка воды. Сурхай-ханъ, повидимому, на это и разсчитывалъ. Щербина это очень хорошо понималъ. Онъ покорился роковой неизбѣжности, хотя и протестовалъ въ душѣ, протестовалъ не противъ неизбѣжности конца, а противъ того, что то, что̀ неизбѣжно должно было случиться, на что онъ шелъ прямо со школьной скамьи,—что это неизбѣжное слишкомъ скоро наступило, застало его врасплохъ. Но онъ и тутъ бы не протестовалъ, еслибъ этотъ конецъ захватилъ его въ борьбѣ, съ саблею или съ пистолетомъ въ рукахъ; тогда это были бы взаимные торги на жизнь или на смерть. А тутъ нѣтъ! Онъ просто обреченъ на смерть — безъ борьбы, безъ сопротивленія. Его просто заперли, какъ у нихъ въ Малороссіи запираютъ въ сажалку годовалыхъ кабановъ, чтобъ убить ихъ. Ожиданіе такого конца не могло не терзать его гордаго сердца.—«Заперли и задавили камнями»!—Остается только ждать, когда соблаговолятъ задавить. Для него это невыносимо! Онъ долженъ умереть въ борьбѣ, какъ онъ того и ждалъ.

— Братцы!—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ по заключенію.—Знаете, что̀ они хотятъ съ нами сдѣлать?

— Должно полагать, ваше благородіе, думаютъ изморомъ взять,—отвѣчалъ Рудо̀й, съ застарѣлымъ шрамомъ на лицѣ.

— Нѣтъ! хуже того:—они подрываются подъ минаретъ и хотятъ, чтобъ насъ просто камни задавили; а мы должны ждать, когда упадетъ минаретъ.

— Не бывать этому!—вскричали нѣкоторые.

— Не бывать!—повторили другіе.

— Такъ пробьемтесь же, братцы! идите за мной съ Богомъ!

И онъ съ саблею наголо побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. За нимъ его товарищи. Вотъ и дверь. Щербина стучитъ въ нее саблей; солдаты колотятъ прикладами. Но дверь не подается—она заложена снаружи грудою камней.

— Отворите!—кричитъ Щербина по татарски.

— Что, бачка, сдаетесь? казанскимъ сиротамъ заговорили?—отвѣчалъ насмѣшливо за дверью голосъ по русски, но съ татарскимъ акцентомъ.—Кушать захатэлъ? халатъ надэть хочешь?

— Нѣтъ, мы не сдаемся! мы идемъ на васъ съ оружіемъ!—со злобой закричалъ Щербина:—отворите, сволочь!

За дверью послышался злорадный хохотъ.

— Отвори самъ, баринъ: я тэбэ медовый сыта дамъ пить съ калачомъ,—отвѣчалъ тотъ же голосъ.

— Трусы!—негодовалъ Щербина:—горсти русскихъ боитесь.

— Нѣтъ, баринъ,—мы не баимъ: насъ—у! много!

— Свиное ухо!—кричали солдаты:—перебѣжчикъ, измѣнникъ!

— Я не измэникъ—я не русскамъ богамъ присигалъ, а своимъ богамъ—Алла. Я самъ изъ Казанъ.

Все было безполезно. Злоба душила несчастныхъ узниковъ. Съ отчаяніемъ безсилія имъ пришлось возвратиться назадъ, въ свою тюрьму.

Щербина вышелъ на площадку муэззина. Въ груди его не хватало воздуху. Его душило сознаніе безвыходнаго положенія и невозможность борьбы. Онъ глянулъ на аулъ, на знакомую саклю. На кровлѣ ея никого не было.

— Гдѣ же она? въ саклѣ? не выходила еще? не глядѣла сюда?

Онъ посмотрѣлъ на противоположную сторону—на редутъ. Изъ-за бруствера показалось задумчивое лицо Овечкина. Глаза ихъ встрѣтились.

— Много нашихъ убито ночью?—спросилъ Щербина.

— Изъ десяти смѣльчаковъ семь полегли,—отвѣчалъ Овечкинъ.

— За водой ходили?

— За водой.

— А много принесли?

— Три бараньихъ бурдюка... Все же хоть что нибудь:—выдаю по малой порціи... А у васъ, у бѣдныхъ...

Щербина махнулъ рукой.—Хоть бы ужь скорѣй!

— Не говори, дружокъ:—можетъ быть, откуда нибудь еще и придетъ помощь,—сказалъ Овечкинъ.

— Откуда же? Ни Ермоловъ, ни Мадатовъ ничего не знаютъ.

— А изъ Зейхура—тамъ капитанъ Агѣевъ, а то, можетъ, и изъ Кюрага:—тамъ у барона Вреде людей немало—и пѣхота, и татарская конница.

— Да вѣдь ни Агѣевъ, ни Вреде не знаютъ, что мы здѣсь заперты.

— Можетъ, случайно до нихъ дойдутъ слухи.

— Поздно... Я ужь слышу, какъ минаретъ вздрагиваетъ:—вѣроятно, скоро грохнетъ.

Овечкинъ молча перекрестился.

— Напиши моему отцу и матери,—продолжалъ Щербина,—напиши, что я...

Онъ не могъ продолжать—ему перехватило горло. Овечкина кто-то позвалъ изъ-за бруствора, и онъ скрылся. Щербина постоялъ нѣсколько минутъ, поглядѣлъ на саклю...

— А ея все нѣтъ... Что̀ съ нею?

Онъ еще постоялъ, смотря на безпорядочно разброшенный лагерь непріятеля и прислушиваясь, какъ внизу, подъ минаретомъ, шла усиленная работа. Слышны были удары желѣза объ камень, говоръ, смѣхъ. Щербина вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ. Постоявъ задумчиво нѣсколько минутъ, онъ присѣлъ на полъ площадки, упираясь спиною въ стѣну минарета, развернулъ книжку, перекрестился и сталъ медленно писать.

«Дорогіе папа и мама! Я пишу вамъ, можетъ быть, за нѣсколько минутъ до смерти. Помолитесь обо мнѣ и не очень убивайтесь. Я исполнилъ свой долгъ и твои, дорогой папа, наставленія:—я умру достойной тебя смертью. Наше укрѣпленіе окружено громадными силами непріятеля: судя по глазомѣру, мы осаждены пяти или шеститысячнымъ отрядомъ горцевъ-казикумуховъ подъ предводительствомъ самого Сурхай-хана. Они напали на насъ врасплохъ, ночью, и вырѣзали болѣе восьмидесяти нижнихъ чиновъ, спавшихъ въ казармахъ, внѣ укрѣпленія, ибо нашъ редутъ тѣсенъ и казармы выстроены

отдѣльно. Мнѣ съ пятьюдесятью нижними чинами удалось запереться въ мечети. Мы стойко держались въ своемъ жалкомъ укрѣпленіи, поражая враговъ изъ оконъ и амбразуръ. Непріятель лишился не одного десятка своихъ отчаянныхъ головъ; но въ концѣ концовъ мы были задавлены массою враговъ. Они ворвались въ мечеть и перерѣзали весь мой маленькій отрядъ, а я съ шестью только молодцами успѣлъ запереться въ минаретѣ. Непріятель бросился было за нами и сюда, но, потерявъ нѣсколько человѣкъ отъ нашихъ выстрѣловъ и не надѣясь взять насъ силою,—рѣшился на ужасную мѣру. Злодѣи вотъ уже другой день подкапываются подъ минаретъ, чтобъ обрушить его и задавить насъ подъ развалинами. Вторыя сутки мы лишены пищи и питья. Не такъ голодъ, какъ жажда:—она пожираетъ мои внутренности. Изъ редута же намъ не могутъ подать помощи—слишкомъ ужь слабъ его гарнизонъ. Мой начальникъ и другъ, штабсъ-капитанъ Овечкинъ, желая спасти меня, сдѣлалъ было вчера вылазку, но я закричалъ ему, чтобъ онъ этого не дѣлалъ:—жизнь его людей нужнѣе для отечества, чѣмъ моя одинокая жизнь. Не такъ ли, мой дорогой, незабвенный папа? Я знаю—ты одобришь мое рѣшеніе, хоть бѣдная мамочка и не утѣшится отъ этого. Прощайте, мои дорогіе. На томъ свѣтѣ я надѣюсь обнять ваши священныя для меня тѣни. Вашъ сынъ Вася. Эту книжку, послѣ моей смерти, найдутъ на мнѣ, и добрый Овечкинъ перешлетъ ее вамъ».

Перечитавъ написанное, юноша снова перекрестился, поцѣловалъ то мѣсто, гдѣ стояли слова—«дорогіе папа и мама»,—закрылъ книжку и, спрятавъ ее въ карманъ, всталъ на ноги. Глаза его опять обратились къ знакомой саклѣ.—Нѣтъ и нѣтъ! Что же съ нею?—Изъ-за бруствера редута снова выглянулъ Овечкинъ, а за нимъ и Мальковъ.

— Послушай,—сказалъ Щербина, обращаясь къ Овечкину:—я сейчасъ вотъ въ своей записной книжкѣ написалъ прощальное письмо къ отцу и къ матери. Когда меня не станетъ...

— Перестань,—остановилъ его Овечкинъ.

— Нѣтъ, ради Бога—выслушай!—настаивалъ Щербина:—когда минаретъ задавитъ насъ, ты вели откопать наши тѣла и возьми у меня изъ кармана мою записную книжку... отошли ее къ отцу...

У него опять перехватило горло; но онъ пересилилъ себя и продолжалъ сдавленнымъ голосомъ:

— И ты самъ напиши ему... скажи, что я... не унизилъ его имени... что я...

— Да перестань же, Вася!—съ силой крикнулъ Овечкинъ:—можетъ быть, и насъ сегодня же не станетъ:—ты знаешь,—á la guerre... Да скажи на милость, какъ ты ночью очутился внѣ редута?

— Я ходилъ на свиданье,—откровенно сказалъ юноша.

— Вѣдь я говорилъ, что такъ,—замѣтилъ Мальковъ:—я еще лѣтомъ догадывался объ этомъ.

— Съ кѣмъ же ты видѣлся?—спросилъ Овечкинъ.

— Съ дѣвушкой изъ аула... Но имени я не скажу вамъ:—оно для меня священно.

— Я и не спрашиваю,—успокоилъ его другъ.

Нѣсколько пуль, пущенныхъ изъ-за минарета къ вершинѣ бруствера, едва не задѣли Овечкина. Но пуля, вылетѣвшая изъ-за бруствера, сдѣлала свое дѣло:—одинъ изъ казикумухцевъ упалъ навзничъ съ пробитымъ черепомъ. Это Назаровъ мстилъ за погибшихъ товарищей-водоносовъ.

— Ай да дядя!—послышался возгласъ.

— А онъ не высовывай свою башку,—проворчалъ дядя, продувая ружье.

Подъ минаретомъ послышались угрозы и проклятія по адресу защитниковъ редута. Но удары о камни, раздавшіеся тамъ, доказывали, что работа подкопа продолжается. Щербина слышалъ все это, и ему казалось, что это заколачиваютъ крышку его гроба. Онъ снова сталъ смотрѣть по направленію къ аулу. На кровлѣ знакомой сакли все никто не показывался.

— Хоть бы издали еще разъ взглянуть на нее передъ смертью!

— Вася!—услыхалъ онъ голосъ съ бруствера. Щербина посмотрѣлъ туда.

— Еще не поздно,—продолжалъ Овечкинъ.

— Что̀ не поздно?—безучастно спросилъ Щербина.

— Попробовать вылазку—выручить тебя оттуда. Мы не можемъ хладнокровно смотрѣть, какъ тебѣ и твоимъ товарищамъ на нашихъ глазахъ роютъ могилу: нашъ долгъ — все испробовать.

Щербина чувствовалъ, что рѣшимость его покидаетъ. Двухдневный голодъ, жажда, мучительно пожиравшая его внутренности, конечное истощеніе и упадокъ силъ, а впереди... быть можетъ... Онъ глянулъ на небо, на горы, на синюю даль... Тамъ, за горами, далеко-далеко его родные тополи, милый Днѣпръ... Жизнь такъ прекрасна; сколько ея могло еще быть впереди! Онъ видитъ вольный полетъ орла, слышитъ говоръ природы, журчанье Чирахчая по каменистому ложу... А внизу все роются и стучатъ о камни...

Онъ вдругъ почувствовалъ какъ бы головокруженіе... что то качнулось... минаретъ дрогнулъ. Внизу послышались дикіе крики...

Съ редута увидѣли, какъ минаретъ дрогнулъ, покачнулся... еще дрогнулъ въ воздухѣ—переломился на двое... и съ грохотомъ вся масса камней обрушилась, пославъ въ сотрясенный воздухъ облако пыли... Минарета не существовало болѣе.

VIII.

Штурмъ редута.

Наступилъ третій день осады Чираха. На мѣстѣ минарета высилась безобразная груда сѣрыхъ камней. На вершинѣ этого безобразнаго холма торчалъ, свалившись на бокъ, минаретный шпицъ съ поверженнымъ полумѣсяцемъ. Онъ побѣдилъ! Тутъ же сиротливо стояла мечеть съ выбитыми окнами и окровавленными подоконниками. Съ редута видно было, что въ непріятельскомъ станѣ господствовало крайнее оживленіе и бѣготня. Казикумухцы готовились къ чему-то рѣшительному. Можно было даже видѣть, какъ нѣкоторые изъ нихъ надѣвали на себя кольчуги. Выносились впередъ лѣстницы.

— Къ штурму готовятся,—сказалъ Овечкинъ, обходя вмѣстѣ съ Мальковымъ свое укрѣпленіе и распредѣляя по мѣстамъ свой немногочисленный гарнизонъ.

— Ихъ подзадориваетъ паденіе минарета,—замѣтилъ Мальковъ.

— Но съ редутомъ и съ брустверомъ имъ не такъ-то легко будетъ справиться; и картечи эта сволочь не выноситъ.

— Кто ее выноситъ!

— А наши солдатики выносятъ: они всегда лѣзутъ въ рукопашную со своимъ штыкомъ—ужасно любятъ штыкъ.

— Да, недаромъ и Суворовъ-старикъ говаривалъ: «пуля—дура, штыкъ—молодецъ».

Утро стояло пасмурное. Надъ горами клубились снѣжныя облака; но благодѣтельный снѣгъ не спускался на редутъ,—а его тамъ такъ страстно ждали: хоть бы снѣгомъ немного залить, пылавшія огнемъ отъ жажды, внутренности! Воды въ редутѣ давно уже не было, и храбрыхъ его защитниковъ видимая смерть страшила менѣе, чѣмъ мученія жажды.

— Утро намъ благопріятствуетъ,—замѣтилъ Овечкинъ, наблюдая движеніе въ лагерѣ казикумухцевъ.

— Чѣмъ?—спросилъ Мальковъ.

— Солнца нѣтъ—не будетъ мѣшать цѣлиться.

Въ редутѣ не ошиблись насчетъ намѣреній непріятеля. Сурхай-ханъ повелъ на штурмъ свою нестройную ватагу. Толпы казикумухцевъ съ дикимъ воемъ и алалаканьемъ двинулись къ укрѣпленію. Въ сомкнутыхъ рядахъ ихъ виднѣлось до полусотни лѣстницъ, которыя они тащили для штурма бруствера. Приблизившись менѣе чѣмъ на выстрѣлъ, они стремительно бросились на укрѣпленіе, надѣясь взять крѣпость дружнымъ натискомъ, какъ они взяли казармы и мечеть, тѣмъ болѣе, что въ редутѣ не видно было никакихъ признаковъ обороны. Они ничего не видѣли, что дѣлалось въ средней амбразурѣ крѣпости.

А въ этой амбразурѣ, укрывшись за орудіемъ, стоялъ Овечкинъ съ чуть дымящимся фитилемъ и зорко наблюдалъ за приближеніемъ врага. Взявъ фитиль въ лѣвую руку, онъ перекрестился.

— Господи, благослови!—глухо проговорилъ онъ.

Взвился дымокъ, орудіе грохнуло, и картечь кучею сыпнула въ лицо непріятелю. Страшные крики и вопли огласили воздухъ. Въ рядахъ казикумухцевъ стонали и корчились въ предсмертныхъ судорогахъ десятки жертвъ.

— Это вамъ за минаретъ!—послышались возбужденные голоса.

— Орудіе нумеръ второй—пли!

Снова грохотъ и стоны падающихъ.

— Это имъ за мечеть!

— Орудіе нумеръ третій—пли!

Непріятель дрогнулъ. Передніе, давя умирающихъ и спотыкаясь о трупы, бросились въ разсыпную. Сурхай-ханъ, поднявшись на стремена, съ лицомъ, искаженнымъ злобою, стрѣлялъ въ бѣгущихъ или, настигая другаго уходившаго, безпощадно рубилъ саблею. На носилкахъ, устроенныхъ изъ жердей и покрытыхъ буркою, вынесли впередъ Бейбулата.

— Алла! Алла! — кричалъ онъ, размахивая въ воздухѣ шашкою.

Бѣглецы стали приходить въ себя и останавливались.

— Алла-га! Алла-гу!—взывалъ Бейбулатъ, указывая на глубокій ровъ, окружавшій редутъ.

Нѣсколько оправившіеся казикумухцы кинулись къ оставленнымъ было въ суматохѣ лѣстницамъ и стали ихъ подбирать.

— На брустверъ, братцы!—командовалъ дядя Назарычъ:— не дадимъ имъ, проклятымъ, засѣсть во рву.

— На брустверъ!—повторили возбужденные голоса.

— Береги людей, Назаровъ,—закричалъ Овечкинъ.

— Поберегу, ваше благородіе,—былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ казикумухцы, поражаемые съ бруствера мѣткими пулями, все таки лѣзли въ ровъ, спуская туда лѣстницы. Другіе посылали отвѣтныя пули въ головы показывавшихся на брустверѣ удальцовъ, отплачивая тѣмъ за своихъ убитыхъ. Не одинъ уже изъ храбрыхъ защитниковъ редута свалился съ бруствера назадъ—кто съ пробитымъ черепомъ, кто съ прострѣленною грудью.—«Добейте, братцы»!—слышались стоны несчастныхъ, около которыхъ, засучивъ рукава выше локтей, въ бѣломъ окровавленномъ передникѣ работалъ докторъ. Страшное ожесточеніе росло съ обѣихъ сторонъ. Непріятель все прибывалъ, а ряды отчаянныхъ защитниковъ рѣдѣли все болѣе. Но они не унывали, а только молили Бога послать имъ воды— хоть дождевую каплю.

— Богородица, нагони на насъ тучку, окропи святою водой!

— Хоть бы каплю росы съ неба...

— А вы, ребятушки, берите въ ротъ по щепоткѣ пороху— онъ слюну пущаетъ,—наставлялъ ихъ дядя Назарычъ.

Сурхай-ханъ, который оставался въ нѣкоторомъ отдаленіи, приблизился къ крѣпости и сталъ махать въ воздухѣ бѣлою

чадрою, вздѣтою на конецъ сабли. Уздени поскакали ко рву, отдавая какія-то приказанія. Перестрѣлка мгновенно смолкла. Осажденные тоже замолчали.

— Сдайтесь, русскіе!—громко сказалъ Сурхай-ханъ:—я пощажу вашу жизнь.

— Жизнь наша принадлежитъ Богу и великому государю!—отвѣчалъ Овечкинъ:—мы ее тебѣ не дадимъ.

— Отдайте локоны женъ!—настаивалъ ханъ.

— Приди и возьми,—былъ отвѣтъ.

Сурхай махнулъ саблей, и снова началась стрѣльба, еще болѣе ожесточенная.

— Доктора! доктора сюда!—кричалъ Мальковъ, выбѣгая изъ амбразуры.

Докторская помощь требовалась для самого Овечкина:—непріятельская пуля прострѣлила ему навылетъ ногу; но онъ не покидалъ команды.

— Скройте, голубчики, отъ солдатъ, что я раненъ,—говорилъ онъ находившимся около него.

Явился докторъ, измученный, весь забрызганный кровью.

— Много убитыхъ?—спросилъ Овечкинъ, видя разстроенное лицо доктора.

— Много, дружокъ, охъ, какъ много! офицеры всѣ убиты.

Овечкинъ перекрестился.

— Я еще цѣлъ,—сказалъ Мальковъ, наводя орудіе.

Но въ этотъ моментъ и онъ упалъ, пораженный пулею.

— Голубчикъ мой!—простоналъ Овечкинъ, увидѣвъ упавшаго товарища.

Между тѣмъ, на валу оставалось уже немного защитниковъ; одни были убиты, другіе ранены.

— Братцы!—сказалъ Назаровъ товарищамъ:—оставайтесь которые на валу—супротивъ ихнихъ лѣстницъ,—не давайте только имъ взбираться.

— Да зарядовъ, дядя, нехватка,—отвѣчали нѣкоторые.

— А штыкъ на что? а прикладъ? такъ и сади по бритой башкѣ... А другіе которые идите за мной.

— Зачѣмъ? куда?

— А вонъ тамъ добрый чинаровый брусъ: мы его притащимъ, да съ валу прямо на головы ему.

— Ладно, дядя, идемъ.

Съ большимъ трудомъ удалось измученнымъ героямъ втащить на брустверъ огромный чинаровый брусъ толщиною въ обхватъ.

— Въ которомъ, братцы, мѣстѣ *онъ* засѣлъ гуще во рву?— спрашивалъ Назаровъ тѣхъ, которые, высматривая изъ-за бруствера, наблюдали за врагомъ, засѣвшимъ во рву.

— Здѣся, дядя,—вотъ какъ разъ тутъ.

— Тутъ ихъ словно этого самаго муравья насыпано—такъ свиньей и претъ.

— Ладно!—мы его.

Брусъ установленъ какъ разъ противъ того мѣста во рву, гдѣ всего гуще засѣлъ непріятель.

— Навались, ребятушки!—разъ, два, три!—ухнемъ!

— Уу-ухъ!—Гигантское бревно скатилось въ ровъ, ломая непріятельскія лѣстницы, и задавило массу враговъ. Снизу послышались стоны и проклятія.

— А! не любишь? такъ съѣшь же! — сказалъ Назаровъ, въ изнеможеніи присаживаясь, чтобъ передохнуть.

Но въ это самое время между солдатами прошла печальная вѣсть, что раненъ любимый начальникъ. Какъ проникла сюда эта роковая вѣсть, никто не зналъ. Всѣ растерянно переглядывались. Назаровъ перекрестился.

— Братцы!—сказалъ онъ:—всѣ вы передъ штурмой надѣли чистыя рубахи?

— Всѣ надѣли,—угрюмо отвѣчали солдатики.

— То-то же... Вѣдь мы къ Богу идемъ—скоро стать должны передъ Имъ Самимъ, такъ кажѝнный изъ насъ долженъ быть въ чистой рубахѣ, какъ передъ причастіемъ... А только, братцы, живыми въ руки не даваться,—слышите?

— Слышимъ... Знамо дѣло... какъ Господь...

— У насъ есть штыки, приклады...

— Приклады!—сердито возразилъ тотъ вертлявый фельдфебель, котораго Назарычъ обозвалъ «воинскимъ трахвеемъ»...— Много ты сдѣлаешь своимъ прикладомъ, когда на тебя на одного ихъ, чертей, человѣкъ двадцать наляжетъ.

Назаровъ строго поглядѣлъ на него.

— Эхъ ты, трахвей!—презрительно сплюнулъ онъ черною отъ пороха слюной.

Остальные солдатики видимо переминались, растерянно по-

глядывая другъ на друга. Измученныя лица ихъ, закоптѣвшія отъ пороховаго дыму и осунувшіяся, какъ у тяжко больныхъ; ихъ покраснѣвшіе отъ безсонныхъ ночей глаза,—все говорило, что они переживали тягостныя минуты. Это была агонія истомленнаго, обезсиленнаго мужества—мужества, повидимому, уже безцѣльнаго и безполезнаго. Слышались подавленные вздохи, хрустѣніе безнадежно сжимаемыхъ пальцевъ... А внизу, за брустверомъ, волною перекатывался рокотъ торжествующаго непріятеля.

Въ этотъ моментъ, изъ амбразуры орудія нумеръ первый показался раненый Овечкинъ, съ блѣднымъ отъ потери крови лицомъ.

Его несли на носилкахъ. Не слыша болѣе выстрѣловъ съ бруствера, онъ желалъ лично посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, и велѣлъ нести себя туда.

— Что, товарищи?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ, видя на лицахъ подчиненныхъ нерѣшительность и унынiе.—Что не отражаете врага?

Солдатики переминались, робко переглядываясь между собою.—Патроновъ нехватка, ваше благородiе,—отвѣчалъ фельдфебель, прозванный «трахвеемъ».

— Мочи нашей нѣтъ... не въ моготу,—послышались робкiе голоса.

— Черти!—проворчалъ дядя Назарычъ:—трусы!

Овечкинъ, словно отъ удара хлыстомъ, приподнялся на носилкахъ.

— Товарищи!—заговорилъ онъ на мгновенье окрѣпшимъ голосомъ, и, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, голосъ его крѣпчалъ:—я дѣлилъ съ вами труды и славу, заслужилъ съ вами всѣ раны, не одинъ разъ водилъ васъ впередъ и никогда не видалъ въ побѣгѣ. Не дайте же, при концѣ моей жизни, увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружiя, а себя въ постыдномъ плѣну! Ужь если вы рѣшились опозорить имя русское, то прежде пристрѣлите меня, и тогда дѣлайте, что̀ хотите, если не можете дѣлать того, что̀ должно:—убейте начальника, когда не хотите бить враговъ...

Голосъ его оборвался какъ бы съ плачемъ. Взглянувъ на Назарова, онъ увидѣлъ, что у посѣдѣлаго въ бояхъ храбраго фельдфебеля по морщинистымъ, загорѣлымъ щекамъ текли слезы.

— Уррра!—хрипло, сквозь слезы, закричалъ старый фельдфебель, потрясая въ воздухѣ штыкомъ.

— Уррра!—уррра!.. подхватили товарищи и бросились на валъ.

Снова возобновилась перестрѣлка — послѣднее отчаянное усиліе погибавшей горсти защитниковъ своей святыни и своей жизни. Заряды береглись, какъ драгоцѣнность—послѣдніе заряды!—и потому каждая вылетавшая изъ ружья пуля должна была нести вѣрную смерть врагу, рвавшемуся на брустверъ.

Нѣтъ больше зарядовъ! Въ этотъ самый моментъ, по брустверу пронесся зловѣщій шопотъ:—«Начальникъ умираетъ... начальникъ умеръ»... Всѣ бросились къ главной амбразурѣ. На платформѣ, недалеко отъ орудія, опрокинувшись навзничъ, лежалъ Овечкинъ. Жизнь, казалось, оставила его. Надъ нимъ на колѣняхъ стоялъ докторъ. Солдатики сняли фуражки и набожно крестились, сосредоточенно глядя въ помертвѣвшее лицо своего вождя.

— Теперь, братцы, остается только сдаться—шабашъ!—вдругъ сказалъ вертлявый фельдфебель.

Умиравшій моментально открылъ глаза и приподнялся на носилкахъ.

— Связать его!—слабѣющею рукою указалъ онъ на труса.

Назарычъ первый бросился крутить руки позорному товарищу.

— Я застрѣлю того, кто первымъ упомянетъ о сдачѣ,—сказалъ Овечкинъ, глядя, какъ вязали «трахвея».—А теперь, братцы, поднимите меня и поднесите къ орудію.

Его осторожно подняли и поднесли. Непріятель, не слыша выстрѣловъ, массами устремился на укрѣпленіе. Овечкинъ слабою рукою взялъ фитиль, приложилъ къ затравкѣ,—и орудіе грохнуло. Но въ то же мгновенье десятки пуль ворвались въ амбразуру и поразили героя. Овечкинъ скатился съ платформы вмѣстѣ съ носилками.

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе будетъ).

Пятиэтажный домъ.

Высокъ пятиэтажный домъ!
Горитъ огонь подъ чердакомъ...
Къ груди ребенка прижимая,
Сидитъ отецъ... И шепчетъ онъ,
Малюткѣ тихо отвѣчая,
Что нынче снова мать родная
Изъ гроба шлетъ ему поклонъ...
Ребенокъ молча плачетъ,—любитъ,
Онъ любитъ юною душой!
Но мать лежитъ въ землѣ сырой—
Ужь не придетъ, не приголубитъ...
А старшій сынъ межъ тѣмъ читалъ
Страницу библіи священной,
И пламень вѣры неизмѣнной
Въ спокойномъ голосѣ дышалъ.
И онъ любилъ... труды, терпѣнье,
Любилъ нужду—ужь свыкся съ ней;
Любилъ онъ жизнь, любилъ людей—
Красоты Божьяго творенья.
И такъ легка ему была
Вся тяжесть жизненной невзгоды,
Какъ будто розами свободы
Душа спокойная цвѣла!..

* * *

Вотъ бельэтажъ... Залитъ огнями
И полонъ шумною толпой,
Онъ дышетъ жизнью, но иной:
Тамъ рѣчи жгучими страстями,
Какъ мглою ночь, напоены...
Довольства внѣшняго сыны,
Гордясь наружною свободой,

Тѣ люди лучшею породой
На этомъ свѣтѣ сочтены.
Какая жизнь! И сколько страсти
Въ движеньяхъ, взглядахъ и словахъ!
Просторъ!.. Тамъ раболѣпный страхъ
Все покоряетъ тайной власти....
А чудный шопотъ? Жарче кровь
Кипитъ въ груди изнеможенной:
Средь жизни, пиромъ опьяненной,—
И тамъ царитъ одна любовь!..

* * *

«Любовь» тамъ носитъ два значенья:
Съ однимъ—въ кумирѣ золотомъ,
Она, какъ въ идолѣ святомъ,
Находитъ силу вдохновенья;
Съ другимъ, ея кумиръ—развратъ...
Лишь въ немъ блаженства тѣ горятъ,
Что̀ на землѣ зовутся раемъ...
И только онъ впередъ идетъ
Безъ отступленій, безъ заботъ,
Людьми совсѣмъ ужь не караемъ.
Прочь, прочь, чердакъ и нищета!
Чужда вамъ жизни «красота»,
И страсть не сро̀дна съ вашей кровью;
Вы жалки на пиру земномъ:
Вашъ стонъ съ отрадой не знакомъ,
Ни съ «бельэтажною любовью»!..

В. Булгаковъ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И НАРОДНОЕ ПРОДОВОЛЬСТВІЕ.

I.

Неурожаи послѣднихъ лѣтъ, въ связи съ общимъ въ нашей странѣ упадкомъ земледѣлія, вызвали къ жизни, со стороны земствъ, цѣлый рядъ мѣропріятій, которыя, въ общихъ своихъ чертахъ, могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и къ обезпеченію народнаго продовольствія. Между мѣрами первой категоріи, особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя направлены не только къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, но къ его коренному измѣненію, путемъ введенія улучшенныхъ способовъ обработки земли, воздѣлыванія новыхъ сортовъ растеній, и въ особенности травъ, а также путемъ введенія новыхъ отраслей сельскаго хозяйства (садоводства, шелководства и т. д.) которыя, смотря по мѣстнымъ условіямъ, могутъ до извѣстной степени усилить общій ежегодный доходъ нашего крестьянина.

Что касается до мѣръ къ обезпеченію народнаго продовольствія, то всѣ эти мѣры, по преимуществу, сводятся къ измѣненію нынѣ существующаго продовольственнаго устава, къ установленію такого рода источниковъ обезпеченія, которые являлись бы не случайными и призрачными, а вполнѣ реальными, способными въ минуты народныхъ бѣдствій оказать существенную пользу всему населенію. Вопросъ о созданіи такихъ прочныхъ источниковъ—является вопросомъ существенно важнымъ, и всякая попытка къ открытію ихъ, независимо отъ общаго способа самообложенія, издавна практикуемаго земствомъ, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полнаго вниманія.

Мысль о распространеніи въ народѣ сельско-хозяйственныхъ познаній чрезъ посредство народной школы—мысль далеко не новая: громадное большинство нашихъ земскихъ дѣятелей, точно также какъ и нѣкоторые педагоги, теоретики и практики, до сихъ поръ еще лелѣютъ мечту, что народная школа, если не одноклассная, то двухклассная, можетъ и должна принять на себѣ задачу снабженія нашего народа такими познаніями по сельскому хозяйству, которыя, будучи примѣнены на практикѣ, могутъ оказать свое благотворное вліяніе на развитіе его экономическаго благосостоянія. Мысль такого рода, съ теоретической точки зрѣнія, является вполнѣ правильною: развѣ не чрезъ посредство школы ученики пріобрѣтаютъ нынѣ самыя разнородныя познанія о жизни, о людяхъ, о

явленіяхъ природы и т. п.: почему тѣ же ученики не могутъ пріобрѣтать тѣмъ же путемъ и познаній о земледѣліи, скотоводствѣ, садоводствѣ и т. п.? Пріобрѣтеніе же свѣдѣній такого рода не только представляется желательнымъ, но безусловно необходимымъ—школа должна готовить учениковъ для жизни, должна готовить ихъ къ разрѣшенію ряда вопросовъ, которые будутъ вызваны самою жизнью... Жизнь же учениковъ нашихъ сельскихъ народныхъ школъ проходитъ исключительно въ области сельскаго хозяйства, и всѣ вопросы, возникающіе въ жизни нашего крестьянина, по преимуществу связаны съ успѣхами или неудачами его сельско-хозяйственнаго труда. Отсюда ясно, что обученію предметамъ сельскаго хозяйства въ народной школѣ должно быть дано значительное преимущество предъ другими общеобразовательными предметами.

Благодаря такому воззрѣнію на задачу народной школы, въ нашей педагогической литературѣ существовало и существуетъ даже нѣсколько книгъ «для чтенія въ школѣ», гдѣ по преимуществу преобладаютъ статьи по сельскому хозяйству и по другимъ практически-полезнымъ свѣдѣніямъ для обиходной жизни нашего крестьянина. Такова теорія.

На практикѣ же, къ прискорбію, оказалось нѣчто иное: школа *отчасти* успѣла снабдить учениковъ познаніями, *отчасти* воздѣйствовала на ихъ умственное и нравственное развитіе, но все это она исполняла *крайне слабо* и вполнѣ *недостаточно*; тѣмъ не менѣе, умственное и нравственное развитіе духовныхъ силъ, даже въ этой слабой степени, принесло пользу нашему народу. Къ сожалѣнію, того же самаго нельзя сказать относительно тѣхъ практическихъ познаній, какими школа *пыталась* снабдить своихъ питомцевъ: эти послѣдніе, ставъ взрослыми, или совершенно забыли то, чему учили ихъ въ школѣ, или—что̀ печальнѣе всего—на практикѣ встрѣтили полное несогласіе съ тѣмъ, что̀ было ими усвоено изъ книгъ, нѣкогда читанныхъ въ школѣ; оказалось, что теорія—одно, а практика—совсѣмъ другое. Такой разладъ между теоріею и практикою представляетъ общее явленіе въ томъ случаѣ, когда познанія въ искусствѣ (сельское хозяйство—скорѣе искусство, чѣмъ наука) исключительно пріобрѣтаются не путемъ практики, а путемъ теоріи, и притомъ нерѣдко теоріи неясной и неправильно изложенной въ дешевыхъ учебникахъ, преслѣдующихъ не пользу дѣла, а наивозможно большій сбытъ. Къ сожалѣнію, то же самое явленіе у насъ наблюдается не только съ учениками народныхъ школъ, но и съ учениками высшихъ спеціальныхъ заведеній: теоретически прекрасно подготовленный воспитанникъ школы нерѣдко представляетъ изъ себя полнаго невѣжду, когда ему приходится примѣнять свои познанія въ жизни. Развѣ намъ не приходится часто слышать отъ многихъ окончившихъ курсъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ, что, при вступленіи въ жизнь, имъ снова приходится учиться. Грустный, но несомнѣнный фактъ!..

Примѣромъ могутъ служить многія наши общеобразовательныя ремесленныя школы: теоретически подготовленные ученики de facto оказываются плохими мастерами, и это совершенно понятно: всякій, обстоятельно изучившій самыя подробныя и прекрасныя руководства

какихъ либо искусствъ, ремеслъ и сельскаго хозяйства, занимаясь даже практически въ стѣнахъ школы всѣми этими предметами, никогда въ жизни не окажется ни образцовымъ мастеромъ, ни практичнымъ хозяиномъ, ибо теорія одно, а практика другое; въ болѣе конкретномъ случаѣ всякій, подробно и досконально изучившій садоводство по массѣ книгъ и руководствъ и по тѣмъ ничтожнымъ садамъ, какіе существовали при школѣ—далеко еще не искусный садоводъ, способный de facto исполнять все то, что онъ усвоилъ въ теоріи. И это потому, что познанія такого рода пріобрѣтаются путемъ долгой практики, въ сферѣ дѣйствительной жизни: часто ученикъ, обладающій массою познаній по садоводству и огородничеству, знакомый теоретически и практически, какъ надо выводить самые оригинальные и замысловатые фрукты и овощи,—на практикѣ не способенъ посадить простаго фруктоваго деревца такъ, чтобы оно принялось, выросло и принесло обильные плоды. Развѣ намъ неизвѣстны примѣры, когда многіе изъ нашихъ помѣщиковъ, запасшись тысячами книгъ по самымъ разнороднымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, читали ихъ съ жаромъ и увлеченіемъ, могли теоретически разсказать, какъ и какимъ путемъ питается растеніе, какъ въ немъ движутся соки, что необходимо для обильнаго роста, какая именно почва, какой способъ обработки и т. д., а между тѣмъ, на практикѣ у нихъ все выходило какъ-то нестройно, неладно; правильныя на бумагѣ ариѳметическія выкладки приводили въ дѣйствительности совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ и нерѣдко удобренная по теоріи почва давала весьма плохой урожай. Въ виду всего этого, необходимо признать, что школа, содѣйствуя умственному и нравственному развитію учениковъ, сообщаетъ имъ рядъ такихъ техническихъ познаній, которыя, будучи теоретически-правильными, вѣрными, при своемъ осуществленіи, нерѣдко оказываются далеко не столь ясными и опредѣленными, какъ въ общихъ своихъ формулахъ, и изъ нихъ не всегда легко и удобно извлечь какую либо практическую пользу.

Если въ такомъ положеніи находятся многія изъ нашихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, то въ неизмѣримо худшемъ состояніи обрѣтаются тѣ школы, гдѣ преподаваніе сельско-хозяйственныхъ и техническихъ познаній введено, какъ предметъ второстепенный: къ числу такихъ школъ должны быть отнесены *отчасти* однокласныя школы съ преподаваніемъ при нихъ садоводства, огородничества и другихъ отраслей сельскаго хозяйства, и *полностью* тѣ изъ двухклассныхъ училищъ, при которыхъ, по слухамъ, предположено учредить особыя сельско-хозяйственныя отдѣленія съ болѣе или менѣе обширнымъ при нихъ хуторскимъ хозяйствомъ.

При сельско-хозяйственномъ отдѣленіи каждой двухклассной школы предположено имѣть особаго учителя сельскаго хозяйства, необходимый участокъ земли, точно также какъ и достаточный сельско-хозяйственный инвентарь, и даже—необходимый для успѣшнаго веденія хозяйства запасный капиталъ. Къ сожалѣнію, такого рода предположенія не приведутъ къ желанной цѣли — *создать практически-свѣдущихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ*,—сдѣлавъ изъ нихъ лишь теоретиковъ, но не практиковъ; независимо отъ этого,

низшія сельско-хозяйственныя школы такого типа встрѣтятъ на пути своего осуществленія немало и другихъ препятствій, побѣдить которыя не всегда представится возможнымъ, причемъ занятія учениковъ сельскимъ хозяйствомъ будутъ идти въ ущербъ занятію общеобразовательными предметами, и школа, не достигнувъ желанной цѣли, принуждена будетъ выпускать своихъ питомцевъ со сравнительно слабыми успѣхами въ предметахъ общеобразовательнаго характера.

Какія же, однако, препятствія могутъ встрѣтиться въ жизни при осуществленіи проэкта сельско-хозяйственныхъ отдѣленій при двухклассныхъ училищахъ. Прежде и раньше всего, для веденія сельско-хозяйственныхъ занятій при двухклассныхъ училищахъ потребуется участокъ земли въ размѣрѣ отъ 5—6 десятинъ до 600 сажень, смотря по тому, будетъ ли введено занятіе сельскимъ хозяйствомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, или какими либо его отдѣльными отраслями:—пчеловодствомъ, огородничествомъ и т. п. Пріобрѣсти или арендовать такого рода участокъ, если не представится затруднительнымъ, то во всякомъ случаѣ такой участокъ всегда будетъ расположенъ на значительномъ разстояніи отъ помѣщенія училища; конечно, могутъ быть и исключенія, но таковыя столь рѣдки, что едва ли стоитъ о нихъ говорить. При отдаленности же поля, совмѣщеніе ежедневныхъ теоретическихъ занятій въ школѣ съ практическими упражненіями можетъ представить немало затрудненій.

Но, предположивъ, что участокъ земли будетъ найденъ вблизи училища, что ученики съ удобствомъ могутъ заниматься и въ школѣ, и на полѣ, позволимъ себѣ спросить: гдѣ же найти такого учителя, который совмѣщалъ бы въ себѣ и теорію, и практику сельскаго хозяйства, и притомъ еще обладалъ бы педагогическими способностями? Допустимъ, что наши земледѣльческія училища могутъ подготовить знающихъ и практически свѣдущихъ молодыхъ людей; допустимъ, что, по окончаніи курса въ земледѣльческой школѣ, учителя эти добросовѣстно пройдутъ особые дополнительные курсы, гдѣ пріобрѣтутъ навыкъ къ педагогическимъ занятіямъ съ учениками; допустимъ это—и все таки окажется, что, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, окончившіе курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ никогда не пойдутъ въ учителя сельскаго хозяйства при двухклассныхъ училищахъ, и вотъ почему. Школа не можетъ предложить учителю вознагражденія свыше 600 р. въ годъ, другими словами 50 р. въ мѣсяцъ; такую же, если не бо̀льшую сумму можетъ получать каждый изъ окончившихъ курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ въ качествѣ управляющаго какимъ либо имѣніемъ; къ занятію же такого рода должностей ученики земледѣльческихъ училищъ стремятся всею душою, ибо въ этой сферѣ и трудъ честный, и сравнительно легкій, и положеніе—выше представителей той крестьянской среды, изъ которой они были нѣкогда взяты и помѣщены въ училище. Въ качествѣ управляющаго имѣніемъ, каждый изъ нихъ, самъ себѣ хозяинъ и «своя рука владыка»; онъ приказываетъ, требуетъ, назначаетъ, увольняетъ, и всѣ боятся и уважаютъ его; вскорѣ появляются у него побочные заработки отъ ка-

кихъ либо предпріятій комерческаго характера и онъ уже мечтаетъ о пріобрѣтеніи собственнаго имѣньица, гдѣ бы могъ зажить себѣ тихо и беззаботно.

Если ученикъ земледѣльческаго училища не попадетъ въ управляющіе, то онъ стремится получить какую бы то ни было иную должность, но онъ никогда, по окончаніи школы, не обратится по доброму желанію въ учителя, а тѣмъ болѣе — въ простаго земледѣльца, трудами рукъ своихъ обработывающаго землю. Очень часто ученики земледѣльческаго училища продолжаютъ занятіе садоводствомъ, огородничествомъ, и всѣ эти занятія, какъ занятія «благородныя», не требуютъ ни усиленнаго труда, ни постоянныхъ физическихъ усилій; вотъ почему, къ прискорбію, совершенно вѣрно то замѣчаніе, что *наши земледѣльческія училища не выпускаютъ земледѣльцевъ*, точно также какъ ремесленныя — ремесленниковъ. Всѣ эти спеціальныя заведенія въ своихъ программахъ переступаютъ ту сумму познаній, при которой ученики, возвращаясь въ свою среду, стали бы тѣми простыми рабочими, какими были ихъ дѣды и отцы. При такихъ условіяхъ, теоретическое знакомство учениковъ двухклассныхъ школъ съ основаніями сельскаго хозяйства можетъ достигнуть въ школѣ блестящихъ результатовъ; практическія же занятія будутъ равны нулю, такъ какъ къ работѣ въ полѣ самъ учитель, въ качествѣ простаго рабочаго, не приспособленъ; занятія же будетъ вести какой либо наемный рабочій. Учитель, при этомъ, изрѣдка будетъ излагать свои замѣчанія, и ученики быстро обратятъ все дѣло въ забаву, вызывая среди крестьянъ улыбку и насмѣшку. Плохо обработанное поле (а оно непремѣнно будетъ такимъ), притомъ же и безобразно засѣянное, не уродитъ хлѣба или хлѣбъ будетъ такъ плохъ, что не стоитъ его косить и молотить, лучше—обратить его въ подножный кормъ скоту. Все это вызоветъ въ крестьянскомъ населеніи желаніе: въ теченіе каникулярнаго времени (когда по преимуществу и могутъ быть практическія занятія) пристроить своихъ дѣтей къ какому либо дѣлу въ полномъ смыслѣ этого слова. Результатовъ такого рода возможно ожидать уже потому, что сельское хозяйство—повторимъ—не столько наука, сколько искусство; а для того чтобы научить искусству, необходимо не только владѣть имъ въ совершенствѣ, но и умѣть его передать другимъ; музыкантъ на скрипкѣ не только долженъ самъ играть на этомъ инструментѣ, но и играть лучше всѣхъ окружающихъ его учениковъ, обладая въ то же время способностью передавать свои познанія другимъ. Что сказали бы мы о преподавателѣ-теоретикѣ, плохо играющемъ на скрипкѣ:—можетъ ли онъ обучить игрѣ на скрипкѣ? Развѣ ему не скажутъ, что онъ взялся не за свое дѣло? Точно также и въ дѣлѣ обученія сельскому хозяйству:—учителей, практически умѣющихъ трудами рукъ своихъ обработывать поле, способныхъ *практически* передать эти свѣдѣнія ученикамъ школы, у насъ нѣтъ; существующія же земледѣльческія училища такими воспитанниками не располагаютъ; все дѣло въ концѣ концовъ и сведется къ теоретическимъ занятіямъ, да къ научно-популярнымъ экспериментамъ въ полѣ и въ школѣ. Практическихъ результатовъ подобныя занятія не принесутъ, ибо нашему

крестьянину гораздо важнѣе знать, какъ на самомъ дѣлѣ сдѣлать то-то и то-то, а не усвоивать себѣ теоретическое объясненіе всякаго даннаго явленія: познанія такого рода, полезныя въ своемъ существѣ, умѣстны лишь для учениковъ, усвоившихъ себѣ практическій навыкъ въ исполненіи какой либо работы, но отнюдь не для учениковъ, которыхъ надо еще научить работать. Къ такому выводу давно пришла Германія, учредившая у себя такъ называемыя Fortbildungsschule, гдѣ рабочіе, умѣющіе работать, получаютъ теоретическое объясненіе явленій природы, сопровождающихъ ихъ занятія въ мастерскихъ.

Совершенно въ иномъ положеніи будетъ находиться введеніе въ курсъ двухклассныхъ училищъ преподаванія лишь нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства — садоводства, пчеловодства и т. п. Всѣ эти занятія не столь сложны, какъ занятія сельскимъ хозяйствомъ, и мы имѣемъ достаточно учителей, практически къ тому подготовленныхъ, но не школою, а самою жизнью: заведите при школѣ садъ, пасѣку, и пусть ученики *свободное* отъ занятій время проводятъ въ *наблюденіи* и *подражаніи* тому, что дѣлаетъ простой *садовникъ* и простой *пасѣчникъ*. Заводимые нынѣ агрономическіе смотрителя пусть помогаютъ—но не ученикамъ, а мастеру-садовнику или пасѣчнику; пусть указываютъ, какъ лучше вести то дѣло, которое они практически ведутъ; ученики же, не мудрствуя лукаво, пусть учатся не по принужденію, а по своему доброму желанію. Затраты на веденіе такого рода хозяйствъ—незначительны, причемъ теоретическое преподаваніе въ школѣ этихъ отраслей сельскаго хозяйства съ успѣхомъ можетъ вести всякій учитель общеобразовательныхъ предметовъ. Обученіе сельскому хозяйству въ двухклассныхъ училищахъ представится затруднительнымъ еще и по другимъ соображеніямъ, которыя мы позволимъ себѣ перечислить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Количество времени для занятій учениковъ сельскимъ хозяйствомъ, при другихъ занятіяхъ общеобразовательными предметами, слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ времени, какое необходимо для успѣшныхъ практическихъ занятій по сельскому хозяйству. Въ самомъ дѣлѣ, сколько же можетъ школа удѣлить времени для практическихъ занятій? Допустимъ, что въ лѣтнее и весеннее время ученики ежедневно будутъ заниматься въ школѣ по 6 часовъ. Такого періода времени для занятій учениковъ и слишкомъ много, и слишкомъ мало: *много* потому, что ученики, утомленные усиленнымъ физическимъ трудомъ, не въ состояніи будутъ успѣшно заниматься предметами общеобразовательнаго курса; *мало*—потому что результаты будутъ крайне ничтожны, такъ какъ земледѣльческій трудъ—трудъ постоянный, непрерывный—въ общей своей массѣ долженъ поглощать весь день, дабы хозяйство было всегда въ порядкѣ. Если же будетъ устроено особое школьное хозяйство характера хуторскаго, со значительнымъ инвентаремъ какъ недвижимаго, такъ и движимаго имущества, въ такомъ случаѣ, все дѣло сведется лишь на наемный трудъ особыхъ рабочихъ; ученики же съ учителемъ явятся простыми наблюдателями и случайными помощниками. Кромѣ того, съ увѣренностью можно утверж-

дать, что съ наступленіемъ весны, и затѣмъ лѣтомъ, ученики двухклассныхъ училищъ, имѣя достаточно занятій у себя дома,—такъ какъ ихъ трудомъ родители весьма дорожатъ,—перестаютъ вовсе посѣщать школу.

При такихъ условіяхъ, всегда возможно ожидать, что ученики въ области общеобразовательныхъ предметовъ будутъ обнаруживать мало успѣшности, и это будетъ объясняться тѣмъ, что ученикиде сильно утомляются практическими занятіями по сельскому хозяйству. Независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній, необходимыя затраты по устройству школьнаго хуторскаго хозяйства слишкомъ значительны и выразятся въ цѣлой тысячѣ руб. единовременнаго и ежегоднаго расходовъ. Откуда же взять для этого средства? Разсчитывать на земство едва ли возможно: у него масса другихъ заботъ, требующихъ неотложнаго исполненія, на что̀ потребуется затрата многихъ и многихъ тысячъ руб. Вотъ почему едва ли проэктируемое превращеніе двухклассныхъ училищъ въ низшія сельскохозяйственныя школы приведетъ къ желанной цѣли—къ улучшенію современнаго положенія хозяйства нашихъ крестьянъ.

Для этого необходимы другія мѣры и другія средства!

II.

Второю мѣрою для улучшенія нашего сельскаго хозяйства является учрежденіе должности «агрономическихъ смотрителей».

Должности агрономическихъ смотрителей ранѣе всего были учреждены въ губерніяхъ пермской, уфимской и вятской; нынѣ они уже существуютъ и въ другихъ губерніяхъ—новгородской, херсонской и московской. По слухамъ, въ близкомъ будущемъ агрономическіе смотрителя будутъ учреждены и въ другихъ губерніяхъ. Согласно одному изъ существующихъ проэктовъ, дѣятельность агрономическихъ смотрителей должна обнимать собою: a) предупрежденіе появленія на хлѣбахъ вредныхъ насѣкомыхъ и растительныхъ паразитовъ и, въ случаѣ ихъ появленія, въ принятіи соотвѣтственныхъ мѣръ къ ихъ уничтоженію; b) производство постоянныхъ энтомологическихъ изслѣдованій; c) собираніе статистическихъ свѣдѣній по вопросамъ полеводства, скотоводства и кустарной промышленности; d) содѣйствіе распространенію среди сельскихъ хозяевъ, особенно крестьянъ, лучшихъ хлѣбныхъ и иныхъ сѣмянъ, а также земледѣльческихъ и другихъ орудій.

Такого рода дѣятельность, очевидно, можетъ и должна быть осуществляема лишь при помощи распространенія среди народа полезныхъ знаній въ области сельскаго хозяйства, которыя облегчили бы фактическое осуществленіе всего того, что̀ такъ полно и систематично намѣчено въ вышеприведенной программѣ дѣятельности агрономическихъ смотрителей. Теоретически разсуждая, дѣятельность агрономическихъ смотрителей должна принести извѣстную пользу народу, и главнымъ образомъ тѣмъ, что чрезъ ихъ посредство въ народной массѣ будутъ распространены сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, безспорно имѣющія громадное значеніе въ дѣлѣ улучшенія нашего крестьянскаго хозяйства: кто же можетъ отри-

цать ту пользу, которая связана съ замѣною дурныхъ сѣмянъ хорошими, съ введеніемъ въ крестьянскую культуру травосѣянія или полезныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ—все это, и тому подобное, безусловно желательно, и въ данномъ случаѣ весь вопросъ лишь сводится къ тому—насколько оказывается практически возможнымъ осуществленіе всѣхъ этихъ благихъ намѣреній въ дѣйствительной жизни?

Въ этомъ отношеніи, недавно вышедшіе «Труды VIII съѣзда агрономическихъ смотрителей» въ Перми представляютъ крайне интересный и поучительный матеріалъ. Одинъ изъ агрономическихъ смотрителей, П. Волочневъ, помѣстилъ въ означенныхъ «Трудахъ» съѣзда родъ своей «исповѣди», изъ которой мы и позволимъ себѣ заимствовать нѣкоторыя болѣе характерныя мѣста, указывающія на то: какія серьезныя препятствія приходится преодолѣвать «распространителю» въ народѣ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній. «Положимъ—говоритъ П. Волочневъ—смотритель назначенъ въ уѣздъ; умѣнье у него есть; желаніемъ принести пользу, распространить сельско-хозяйственныя знанія,—онъ горитъ; но, не смотря на это, въ первое время онъ ничего *не сдѣлаетъ*, *не можетъ* и *не будетъ дѣлать*, а будетъ лишь знакомиться съ условіями хозяйства и съ самими крестьянами, намѣчая себѣ тѣхъ изъ нихъ, кои оказываются воспріимчивѣе и довѣрчивѣе при первомъ знакомствѣ. Такихъ всегда можно узнать, потому что они тутъ же обратятся къ смотрителю за какимъ нибудь совѣтомъ, сообщатъ что либо изъ практики своего хозяйства и т. д., между тѣмъ, всѣ остальные отнесутся къ разговорамъ крайне *недовѣрчиво* и *индиферентно*. Они, повидимому, и слушаютъ, но лица ихъ и глаза говорятъ: «ну, мели, братъ, мели»! Если смотритель съ перваго раза не замѣтилъ такого отношенія, *то замѣтитъ потомъ* и придетъ къ заключенію, что терять время даромъ въ этихъ разговорахъ и бесѣдахъ не стоитъ, а нужно избрать другой какой нибудь путь. Ему неоднократно придется убѣдиться въ томъ, что въ разговорахъ и бесѣдахъ съ массой народа онъ всегда потерпитъ пораженіе, но пораженіе не отъ возраженій, а отъ *массоваго молчанія*, которое производитъ подавляющее впечатлѣніе» (стр. 3 «Трудовъ съѣзда»).

Это признаніе, высказанное столь откровенно, мастерски характеризуетъ то печальное положеніе, въ которое, волею судебъ, попали юныя силы, принявшія на себя обязанность быть проводниками знаній въ народную массу: всѣ онѣ оказались незнакомыми съ условіями мѣстнаго хозяйства, да и самъ народъ къ ихъ поученіямъ относится совершенно безучастно.

Знакомства съ условіями хозяйства агрономическіе смотрителя пріобрѣсти не могли по той простой причинѣ, что всѣ они когда-то *теоретически* учились въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ все шло стройно и прекрасно, гдѣ всѣ опыты удавались съ «математическою точностью», гдѣ не было, да и не могло быть всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя создаются въ жизни и жизнью. *Теорія* и *практика* обнаружили свое полное несогласіе, причемъ оно выяснилось не въ стѣнахъ учебнаго заведенія, а «на полѣ брани», при проведеніи свѣдѣній въ народную массу. Здѣсь молодыя силы впервые узрѣли,

что сообщать народу свѣдѣнія не такъ-то легко и не такъ просто; что народъ къ этому относится слишкомъ недовѣрчиво и своимъ «массовымъ молчаніемъ» производитъ «подавляющее впечатлѣніе» на юнаго проповѣдника. Все это иначе и не могло быть, и все это вполнѣ естественно, вполнѣ законно. Для нашего народа какъ-то странно и непонятно: почему, зачѣмъ и для чего явился такой благодѣтель, который учитъ ихъ уму-разуму? «Неужто спроста?—думаетъ народъ;—да не морочитъ ли онъ насъ всѣхъ? Что ему за дѣло»?

Возражать народъ не смѣетъ, ибо «смотритель» поставленъ отъ начальства, стало быть, «такъ должно»: начальству надо повиноваться. Народъ слушаетъ, молчитъ и, молча, исполняетъ все то, что отъ него требуется. Юная сила въ этомъ молчаніи видитъ родъ недовѣрія или сомнѣнія къ той проповѣди, которую она приноситъ народу, къ тѣмъ взглядамъ, которые она силится внѣдрить въ голову русскаго мужика,—и поэтому невольно испытываетъ удручающее впечатлѣніе; юной силѣ желательна борьба, борьба взглядовъ, убѣжденій; молодая сила жаждетъ даже пораженій; какъ это ни кажется неестественнымъ на первый разъ, тѣмъ не менѣе это психологически вѣрно и точно. Проводникъ знаній желаетъ встрѣтить сопротивленіе на почвѣ «обмѣна мыслей», а не на почвѣ «упорнаго молчанія»; это послѣднее, въ данномъ случаѣ, равносильно презрѣнію къ рѣчамъ, словамъ и мыслямъ народнаго просвѣтителя. Жалоба такого рода на народную вражду со стороны агрономическаго смотрителя вполнѣ правильна и его нельзя винить, что онъ, по пословицѣ, «не спросясь броду, сунулся въ воду»; его пригласили земскіе воротилы, сказали, что онъ долженъ дѣлать, назначили ему содержаніе, снарядили въ путь, и онъ благополучно поплылъ въ народъ сѣять доброе сѣмя. Въ этомъ отношеніи, вся вина и вся отвѣтственность должна быть возложена на земскихъ дѣятелей, обязанныхъ знать народъ, мѣстныя условія его хозяйства, и заранѣе предусмотрѣть, насколько покрой нѣмецкаго платья пригоденъ для нашего мужика, искони вѣковъ привыкшаго носить тулупъ и свитку.

III.

Къ великой чести новыхъ просвѣтителей народа, всѣ они, испытавъ неудачу, не складываютъ оружія, но съ честью и славою мечтаютъ *инымъ какимъ либо путемъ* достигнуть желанной цѣли—просвѣщенія народныхъ массъ, снабженія ихъ такого рода сельскохозяйственными свѣдѣніями, примѣненіе которыхъ къ потребностямъ дѣйствительной жизни можетъ способствовать поднятію экономическаго благосостоянія народа. Пытливый умъ просвѣтителя, узрѣвъ, что среди крестьянъ находятся и такіе, которые, представляя собою плодородную почву, отнеслись сочувственно къ проповѣди новатора и у которыхъ брошенное въ душу сѣмя дало уже замѣтный ростокъ,—начинаетъ разсчитывать, что вотъ эти-то *нѣкоторые* и должны явиться якоремъ спасенія. Но какъ? какимъ образомъ?

«Въ виду пораженій, агрономическій смотритель,—по словамъ П. Волочнева,—долженъ дѣйствовать не на массу, а на отдѣльныхъ хозяевъ, которыхъ всегда легче убѣдить и склонить къ чему нибудь. Въ каждой волости найдется по одному, по два такихъ хозяина, бесѣды съ которыми не пропадутъ даромъ: хозяева въ большинствѣ случаевъ—люди вліятельные въ своемъ обществѣ или волости, и *населеніе вѣритъ имъ* и слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлаютъ они въ своемъ хозяйствѣ».

Въ данномъ случаѣ, подобное соображеніе имѣетъ свое практическое значеніе, но опять таки возникаетъ вопросъ — хорошо, если такіе адепты найдутся, ну, а если ихъ не будетъ—положеніе агрономическаго смотрителя дѣлается безвыходнымъ и ему придется одному бродить среди народа, его не понимающаго...

Соображеніе о томъ, что адепты могутъ принести извѣстную долю пользы въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ познаній въ народной массѣ, невольно вызвало новую мысль о возможномъ образованіи *общества* подобныхъ адептовъ, которые, съ агрономическимъ смотрителемъ во главѣ, образовали бы ту великую рать, которая должна побѣдить народное невѣжество и создать народное благополучіе. Вотъ гдѣ скрыта мысль — о крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, мысль новая и пока еще неизвѣстная нашимъ земствамъ: собрать всѣхъ «передовиковъ-хозяевъ» (буквальное выраженіе автора записки) въ одинъ центральный пунктъ уѣзда и заставить ихъ дѣлиться своими опытами по части веденія хозяйства,—опытами, нѣкогда ими предпринятыми по рецепту агрономическаго смотрителя. По проэкту автора записки о крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ (П. Волочнева) «въ случаѣ неудачи какого либо опыта, на съѣздѣ могла бы выясниться причина неудачи, и повтореніе опыта можетъ взять на себя другой участникъ съѣзда, узнавши сначала, при какихъ условіяхъ онъ долженъ производиться. Руководство и направленіе дѣлъ и сужденій въ съѣздѣ (или «обществѣ», какъ авторъ называетъ проэктируемый имъ съѣздъ хозяевъ-передовиковъ) можетъ взять на себя агрономическій смотритель, который долженъ явиться непремѣннымъ членомъ этихъ засѣданій. Онъ же въ это время дѣлаетъ различныя новыя сообщенія, проэктируетъ новые опыты и вообще старается такъ или иначе заинтересовать крестьянъ чѣмъ нибудь новымъ, что могло бы послужить къ улучшенію хозяйства». Такова, въ общихъ чертахъ, организація предполагаемыхъ крестьянскихъ съѣздовъ. Для самыхъ засѣданій съѣзда авторъ предположилъ назначить два срока въ теченіе года—*осенью*, послѣ выясненія видовъ на урожай, и *весной*, передъ посѣвомъ. На первыхъ порахъ предположено ограничиться хозяевами одного лишь уѣзда (соликамскаго) и затѣмъ впослѣдствіи выяснится, насколько возможно и полезно будетъ расширить число участниковъ, нынѣ ограничиваемое лишь предѣлами одного уѣзда.

Авторъ проэкта, упорно преслѣдуя свою задачу, вошелъ въ предварительные переговоры по этому вопросу съ нѣкоторыми «хозяевами» — будущими членами съѣзда—и получилъ отъ нихъ одобреніе и согласіе; но при этомъ выяснилось одно препятствіе: хо

зяева, члены съѣзда (общества), не могутъ заложить своихъ лошадей и не имѣютъ средствъ нанимать ихъ при поѣздкахъ на засѣданія:—какъ то, такъ и другое для нихъ невозможно (стр. 12 «Трудовъ»). Авторъ проэкта нашелъ, однако, возможность побѣдить это препятствіе: онъ внесъ предложеніе ходатайствовать предъ земствомъ о выдачѣ земскихъ безплатныхъ билетовъ на одну лошадь тѣмъ хозяевамъ, которые будутъ состоять членами съѣзда (стр. 12). Во всемъ этомъ проэктѣ сказалась чистая, непорочная и увлекающаяся душа общественнаго дѣятеля, мечтающаго по возможности принести пользу народу; его увлеченія настолько наивны, что онъ охотно вѣритъ въ желаніе «передовиковъ-хозяевъ» побывать на съѣздѣ, подѣлиться своими мыслями и результатами опытовъ. Увы, одна бѣда—«не могутъ они заложить своихъ лошадей, а нанять не имѣютъ возможности». Что значатъ эти слова? Лошади вѣдь у крестьянъ-передовиковъ водятся: неужели же всѣ эти крестьяне—безземельные, не ведущіе хозяйства, а такъ себѣ—«любители сельскаго образованія»? Но, кажется, Господь избавилъ насъ пока отъ подобнаго типа хозяевъ-крестьянъ. Допустимъ, что лошади заняты, въ работѣ, и отрывать ихъ убыточно; въ такомъ случаѣ, какъ велики затраты по найму лошадей у другихъ крестьянъ? Неужели расходъ на это такъ великъ, что крестьяне-передовики, ведущіе свое хозяйство не въ примѣръ другимъ, люди вліятельные, съ вѣсомъ, уважаемые въ селѣ,—неужели они не могутъ израсходовать на это нѣсколько рублей? Вѣдь они израсходуютъ деньги не только для одной поѣздки на съѣздъ, но на сельско-хозяйственное дѣло, да и для другихъ попутныхъ цѣлей — для продажи или покупки чего либо по дому, предполагая, что проэктируемые съѣзды будутъ назначаемы гдѣ либо въ большихъ селахъ уѣзда, центрахъ мѣстной торговли... Въ означенномъ заявленіи я слышу полное недовѣріе юнаго просвѣтителя къ своей собственной затѣѣ и, если ужь таковая будетъ осуществлена по распоряженію высшаго начальства, то пусть то же начальство и расходуетъ деньги на *перевозку*... Вотъ истинный смыслъ подобнаго заявленія! Молодая сила не останавливается предъ препятствіемъ, созданнымъ «хозяевами-передовиками», и приходитъ къ заключенію, что земство должно выдавать будущимъ членамъ съѣзда безплатные билеты на проѣздъ... Создавъ агрономическихъ смотрителей, поручивъ имъ заботу о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ народной массѣ, земство должно содѣйствовать этой благой цѣли и, если нѣтъ иныхъ средствъ практически достигнуть столь благихъ намѣреній, какъ при посредствѣ крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ,—земство пусть раскошеливается и назначаетъ не только пособіе на проѣздъ, но и суточныя на прокормленіе слушателей агрономической аудиторіи...

IV.

Предложеніе агрономическаго смотрителя г. Волочнева разсматривалось на бывшемъ съѣздѣ агрономическихъ смотрителей въ засѣданіи 3 января 1891 г. По прочтеніи доклада, одинъ изъ членовъ съѣзда замѣтилъ: «мысль очень хорошая, только о чемъ же они

(т. е. члены крестьянскаго съѣзда) будутъ говорить»? Этотъ главный и основной вопросъ поставилъ всѣхъ членовъ съѣзда агрономическихъ смотрителей въ полное недоумѣніе: въ самомъ дѣлѣ—о чемъ же крестьяне будутъ толковать? «Могутъ обмѣниваться взглядами, результатами опытовъ и своими убѣжденіями по интересующимъ ихъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ» (стр. 232 «Трудовъ»)—замѣтилъ одинъ изъ членовъ съѣзда. Но кто же повѣритъ въ такую идиллію? Еслибы у крестьянъ имѣлись взгляды и убѣжденія, относящіяся къ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, въ такомъ случаѣ, бѣдный агрономическій смотритель не испытывалъ бы «подавляющаго чувства» отъ массоваго молчанія. Конечно, у крестьянъ есть и свои взгляды, но всѣ эти взгляды до такой степени тожественны и однородны, что не могутъ вызвать никакаго «обмѣна мыслей», и главнымъ образомъ потому, что познанія ихъ въ сельско-хозяйственной области крайне скудны—иначе, къ чему бы было земству создавать агрономическихъ смотрителей?—Тѣмъ не менѣе, въ высшей степени важный и серьезный вопросъ—о чемъ крестьяне будутъ говорить на съѣздѣ?—не рѣшенъ агрономическими смотрителями, причемъ сдѣланное однимъ изъ нихъ заявленіе, что «интересныя темы выдвинутся сами собою», какъ видно, вполнѣ удовлетворило всѣхъ прочихъ, такъ что они единогласно признали подобные крестьянскіе съѣзды цѣлесообразными, и постановили ходатайствовать о разрѣшеніи подобнаго съѣзда въ соликамскомъ уѣздѣ пермской губ., точно также какъ постановлено ходатайствовать и о томъ, чтобы губернское земское собраніе разрѣшило безплатную выдачу безплатныхъ билетовъ для проѣзда членовъ съѣзда.

Намъ, живущимъ далеко отъ мѣстныхъ условій крестьянскаго хозяйства въ соликамскомъ уѣздѣ, проэктируемые крестьянскіе съѣзды, съ теоретической точки зрѣнія, кажутся не достигающими своей цѣли; но, быть можетъ, наше сужденіе ошибочно, и не говоритъ ли за ихъ цѣлесообразность то обстоятельство, что на съѣздѣ агрономическихъ смотрителей не раздалось ни одного голоса противъ ихъ учрежденія?.. Къ счастью, однако, въ «Трудахъ съѣзда», на 232 стр., мы встрѣтили единственное возраженіе противъ съѣзда крестьянъ, принадлежащее г. Кузнецову,—возраженіе весьма основательное, но которое осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вотъ что было сказано г. Кузнецовымъ: «практическаго значенія проэктируемые съѣзды не могутъ имѣть, и здѣсь все сведется только на теоретическую почву. Крестьяне будутъ съѣзжаться только для того, чтобы потолковать о своихъ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ. Для практическаго примѣненія чего нибудь необходимо имѣть средства. Съѣздъ крестьянъ—съ спеціальною—цѣлью возбудитъ вначалѣ среди населенія полнѣйшій интересъ, но, не видя наглядныхъ результатовъ подобнаго съѣзда, крестьяне скоро къ нему охладѣютъ, и въ результатѣ получится недовѣріе и къ самому дѣлу, и къ его организатору—агрономическому смотрителю. Подобные съѣзды ничѣмъ не будутъ отличаться отъ обыкновенныхъ сельскихъ сходовъ»...

Насколько справедливо такое замѣчаніе—покажетъ намъ будущее!

V.

Въ числѣ многихъ уѣздовъ различныхъ губерній особенно сильно пострадалъ отъ неурожая шадринскій уѣздъ пермской губерніи: въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, продовольственныхъ долговъ и разнаго рода недоимокъ накопилось за крестьянскимъ населеніемъ этого уѣзда до 6.470,649 р. [1]), что составляетъ болѣе 140 р. на каждый платежный дворъ. Къ 1891 г., въ уѣздѣ оказалось 8750 семействъ въ составѣ 35,000 душъ, обратившихся въ *пролетаріатъ*; затѣмъ, въ 1891 г. вновь прибыло 15,242 семейства въ составѣ до 80,780 душъ обоего пола, готовыхъ перейти въ *пролетаріатъ*, если имъ не будетъ оказано какой нибудь поддержки. Обѣ эти группы бѣднѣйшихъ домохозяевъ составляютъ такимъ образомъ 115,780 душъ, или 37,8% всего населенія шадринскаго уѣзда.

Такими мрачными ужасающими красками рисуетъ современное положеніе шадринскаго уѣзда мѣстный общественный дѣятель, г. Н. Ѳедоровъ, авторъ проэкта «крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ артелей». Въ виду такаго рода фактовъ, очевидно, всякія мѣры къ поднятію экономическаго благосостоянія не могутъ не интересовать наше общество, а въ особенности тѣ, которыя имѣютъ цѣлью не только спасти крестьянское населеніе отъ полнаго разоренія, но и создать ему въ будущемъ, если не блестящее, то во всякомъ случаѣ сносное матеріальное обезпеченіе. Выйти изъ современнаго положенія «пролетаріата», по идеямъ г. Н. Ѳедорова, народъ можетъ не только при помощи извнѣ, но, главнымъ образомъ, своими собственными силами и средствами; если народъ лишился многаго, то у него остались «руки», трудами которыхъ онъ и можетъ обезпечить свое лучшее будущее. Какъ и при какихъ условіяхъ можетъ осуществиться столь благое предположеніе? «Въ отдѣльности—говоритъ авторъ этого проэкта — каждый бѣднякъ представляется безпомощною единицею. Если же бѣдняки сплотятся въ отдѣльныя группы, въ артели,—тогда они не будутъ столь безпомощными и, при надлежащей организаціи артелей, съ единовременною небольшою помощью, они въ состояніи будутъ въ недалекомъ будущемъ получать нужную помощь сами у себя, не прибѣгая къ новымъ ссудамъ и избѣгая тягостныхъ условій частнаго кредита» (стр. 64 Сборника). На этой-то основной мысли построенъ весь проэктъ организаціи сельско-хозяйственныхъ крестьянскихъ артелей.

Въ прежнее доброе время, всѣ подобные вопросы рѣшались иначе: кто обѣднѣлъ—тотъ шелъ въ работники къ богатому и трудами рукъ своихъ снискивалъ пропитаніе; если же почему либо онъ не могъ найти работы—переходилъ отъ одного хозяина къ другому и кормился міромъ, пока не находилъ себѣ какихъ либо занятій. Отличительная черта нашего простаго народа состояла и состоитъ донынѣ въ томъ, что бѣднякъ всегда находилъ пріютъ среди всѣхъ живущихъ въ довольствѣ: бѣднякъ у насъ голодаетъ

[1]) «Сборникъ пермскаго земства», изд. пермской губерн. земск. упр., 1892 г., № 3—4, стр. 58 и послѣд.

лишь тогда, когда всѣ голодаютъ, но если есть крестьяне, живущіе въ довольствѣ, то эти послѣдніе возьмутъ бѣдняка или въ батраки, или изъ милости будутъ содержать его до поры до времени, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на все время его жизни. Однако, нормально ли это?

Неужели факты такого рода неспособны возмутить душу всякаго, неужели возможно защищать батрачество, подачку изъ милости, нищенство? и т. п. Конечно, мы, интеллигентные люди, порвавшіе всякую связь съ воззрѣніями народа, не можемъ примириться съ фактами подобнаго рода и потому пытаемся найти иной выходъ изъ подобнаго положенія, создавъ для народа такія условія, при которыхъ бѣдность помогала бы сама себѣ и сама нашла себѣ спасеніе: ты бѣденъ—трудись и снискивай себѣ пропитаніе; къ тебѣ, бѣдняку, примкнутъ другіе бѣдняки, и вы всѣ, общими силами, создадите себѣ то прочное матеріальное благосостояніе, при которомъ всѣ отъ мала до велика перестанете испытывать нужду. Но возможно ли это? Все это хорошо, увлекательно, но какъ фактически осуществить это?

Г. Ѳедоровъ пришелъ къ убѣжденію, что сельско-хозяйственныя артели (крестьянскія) устроенныя повсюду въ шадринскомъ уѣздѣ, 1) пріостановятъ дальнѣйшій ростъ сельскаго пролетаріата; 2) помогутъ крестьянамъ продолжать занятіе земледѣліемъ; 3) при такихъ условіяхъ, всѣ крестьяне справятся со своею страшною задолженностью и, наконецъ, 4) при повтореніи неурожая 1890—91 года, всѣ они будутъ имѣть собственный запасъ хлѣба.

Въ виду такихъ обѣщаній, высказанныхъ публично, и въ виду того, что идея крестьянскихъ артелей фактически уже примѣняется въ средѣ крестьянскаго населенія шадринскаго уѣзда, мы считаемъ необходимымъ войти въ подробное разсмотрѣніе проэкта г. Ѳедорова. По проэкту автора, сельско-хозяйственныя артели организуются съ цѣлью: 1) дать возможность своимъ членамъ продолжать занятіе земледѣліемъ; 2) оказывать имъ нужную помощь на посѣвъ, а въ случаѣ голода и на продовольствіе изъ артельныхъ запасовъ, избавляя, такимъ образомъ, членовъ артелей отъ новыхъ правительственныхъ и земскихъ ссудъ, и отъ тяжелыхъ условій частнаго кредита; 3) облегчить членамъ артелей уплату продовольственныхъ долговъ и разнаго рода повинностей; 4) ввести какъ на артельныхъ земляхъ, такъ и въ собственныхъ хозяйствахъ каждаго изъ членовъ артели посѣвы разнообразнѣйшихъ хлѣбовъ, для предупрежденія гибельныхъ послѣдствій неурожаевъ, такъ какъ засуха и вредныя насѣкомыя не на всѣ хлѣба дѣйствуютъ съ одинаковой силой; 5) распространить посѣвъ исключительно лучшихъ породъ хлѣбовъ, имѣющихъ на рынкѣ бо́льшую цѣнность и дающихъ наибольшій урожай; 6) ввести на артельныхъ земляхъ образцовое крестьянское хозяйство подъ руководствомъ спеціалистовъ по сельскому хозяйству (стр. 58 Сборн.).

Опредѣливъ такимъ образомъ задачу и цѣль артелей, авторъ проэкта предполагаетъ, что артели должны образоваться:

а) изъ безлошадныхъ крестьянъ, не имѣющихъ возможности продолжать занятіе земледѣліемъ безъ посторонней единовременной по-

БИБЛІОТЕКА ПАЛАТЫ

мощи, и б) изъ крестьянъ, не имѣющихъ своихъ земледѣльческихъ [illegible] присоединившихся въ артели для достиженія всѣхъ вышеисчисленныхъ цѣлей.

Въ каждомъ селеніи, гдѣ будутъ учреждены сельско-хозяйственныя артели, назначается особый попечитель надъ артелями, который наблюдаетъ за исполненіемъ ими требуемыхъ условій. Если попечитель замѣтитъ уклоненіе отъ артельныхъ правилъ, то имѣетъ право, съ согласія учредителя, отобрать все артельное имущество—лошадей, земледѣльческія орудія, сѣмена т. п.—и передать новой артели въ то же или въ другое селеніе.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, проэктъ сельско-хозяйственныхъ артелей въ шадринскомъ уѣздѣ. Не входя въ подробный разборъ деталей этого проэкта, достаточно вникнуть въ «цѣли» крестьянскихъ артелей, чтобы предсказать имъ полное fiasco. Авторъ мечтаетъ о соединеніи крестьянъ въ артели съ цѣлью введенія образцоваго сельскаго хозяйства подъ руководствомъ спеціалистовъ. Мыслимо ли такое соединеніе? Положеніе нашего крестьянина таково, что думать ему о веденіи образцоваго хозяйства, да еще подъ руководствомъ спеціалистовъ, нѣтъ ни времени, ни возможности:—ему необходимъ хлѣбъ насущный, такъ какъ все то, что уродится, должно *пойти ему же на пропитаніе, а отнюдь не на продажу.* Гдѣ ему вести хозяйство подъ руководствомъ спеціалистовъ, когда онъ обнищалъ до такой степени, что не имѣетъ ни лошадей, ни зеренъ для обсѣмененія полей? Удивительное предложеніе: человѣку необходимо дневное пропитаніе, а ему предлагаютъ озаботиться «усовершенствованіемъ» его хозяйства! Создайте ему обезпеченное матеріальное положеніе, устройте такъ, чтобы онъ не боялся подвергнуться «голодовкѣ», и тогда вводите усовершенствованіе культуры. Нашъ крестьянинъ ходитъ безъ сапогъ, а ему предлагаютъ озаботиться пріобрѣтеніемъ лакированныхъ ботинокъ. Точно также авторъ предлагаетъ ввести посѣвы разнообразнѣйшихъ хлѣбовъ и съ этою цѣлью образовать артели—конечно, все это дѣло хорошее, но, увы, не время давать такіе благіе совѣты, когда оскуденіе крестьянскаго населенія дошло до такой степени, что 35,000 душъ перешло въ пролетаріатъ, а 80,780 готовы перейти въ подобное же положеніе. И вотъ этой массѣ нищихъ авторъ предлагаетъ заводить и «образцовое хозяйство» подъ руководствомъ спеціалистовъ, и «посѣвы разнообразнѣйшихъ хлѣбовъ», и даже заботы о распространеніи посѣвовъ исключительно «лучшихъ породъ хлѣбовъ», имѣющихъ на рынкѣ наибольшую цѣнность и дающихъ наибольшій урожай!.. Мы не противъ устройства крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ артелей, но думаемъ, что устраивать ихъ въ минуты, когда оскуденіе массы народа достигло своего maximum'а, когда явилась «нищета» въ полномъ смыслѣ этого слова,—*несвоевременно*, ибо въ подобные моменты необходимы другія мѣры и другія средства.

Въ описанномъ нами проэктѣ много юношескаго пыла, но очень мало практичности; все въ немъ говоритъ въ пользу автора, въ пользу его искренняго желанія помочь бѣдствующему населенію, но авторъ въ своемъ стремленіи заходитъ слишкомъ далеко и забываетъ, что предъ нимъ стоитъ *пролетаріатъ*, а *не зажиточный*

*

крестьянинъ, который можетъ увѣровать въ необходимость разнообразныхъ хлѣбовъ и въ распространеніе посѣвовъ исключительно лучшихъ породъ хлѣба.

VI.

Вопросъ о мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія представляется вопросомъ въ высшей степени серьезнымъ и труднымъ для правильнаго разрѣшенія. Изысканіемъ и установленіемъ самыхъ разнородныхъ мѣръ народнаго продовольствія были заняты лучшіе умы нашей страны; особыя правительственныя комисіи много разъ обсуждали способы къ огражденію народа отъ бѣдствій неурожая; земскія же собранія, какъ губернскія, такъ и уѣздныя, въ свою очередь, de facto принимали соотвѣтственныя мѣры для достиженія одной и той же цѣли... Все то, что было въ этомъ отношеніи сдѣлано правительствомъ и земствомъ,—все это, будучи подвергнуто описанію, представило бы собою цѣлые томы интереснаго и поучительнаго матеріала. При самомъ бѣгломъ обзорѣ этого матеріала, всѣ мѣропріятія какъ правительства, такъ и земствъ, могли бы быть сведены къ двумъ категоріямъ: 1) чтобы населеніе данной мѣстности имѣло достаточное количество хлѣба, какъ для своего продовольствія, такъ и для обсѣмененія полей; 2) чтобы получаемое пособіе всегда имѣло формы ссуды и притомъ выдавалось лишь тѣмъ, кто дѣйствительно въ немъ нуждается, причемъ самая выдача ссуды должна быть производима подъ круговой отвѣтственностью всего крестьянскаго общества. Цѣлый рядъ другихъ мѣръ представлялъ собою ничто иное, какъ стремленіе къ двумъ вышенамѣченнымъ цѣлямъ.

Вполнѣ правильныя и основательныя требованія правительства, чтобы средства къ обезпеченію народнаго продовольствія давалъ самъ народъ,—въ формѣ ли обязательной ссыпки хлѣба въ магазины, или въ формѣ уплаты взамѣнъ хлѣба извѣстнаго сбора,—никогда и нигдѣ не встрѣчали какихъ либо возраженій ни со стороны самого народа, ни со стороны земскихъ собраній. Главное же, къ чему народъ относился и относится донынѣ съ большимъ несочувствіемъ,—это къ «обязательной круговой порукѣ» въ возвратѣ выдаваемыхъ ссудъ и къ равномѣрной раздачѣ хлѣба всѣмъ безразлично, богатымъ и бѣднымъ, нуждающимся и обезпеченнымъ. «Мы всѣ—говоритъ народъ—давали; всѣ мы и должны получить! Я работалъ, имѣлъ излишекъ и уплатилъ полностью все, что требовали отъ меня,—онъ же не работалъ, ничего не давалъ, а все таки получаетъ необходимый хлѣбъ на посѣвъ и продовольствіе; въ случаѣ же невозврата взятаго имъ хлѣба — я долженъ платить за него! Къ чему же мнѣ работать на другаго, который лодарничаетъ, ничего не дѣлаетъ, лѣнится или уклоняется отъ работы»?

Такого рода разсужденія вездѣ и всюду раздаются среди нашего народа, когда заходитъ вопросъ или о пополненіи хлѣбныхъ магазиновъ, или о возвратѣ продовольственной ссуды, или объ установленіи общественныхъ запашекъ, или, вообще, при введеніи мѣръ, направленныхъ къ обезпеченію народнаго продовольствія. Въ этой

коренной ошибкѣ нынѣ существующаго продовольственнаго устава и заключается, по нашему мнѣнію, причина неудовлетворительнаго состоянія продовольственныхъ средствъ нашей страны. Народъ на хлѣбные запасы, созидаемые имъ же, на его собственныя средства, смотритъ, какъ на общее достояніе, и ему совершенно непонятно то положеніе, что запасами можетъ пользоваться только нуждающійся, а не всякій желающій.

Въ его мозгу никакъ не можетъ уложиться то представленіе, что, внося свою лепту въ хлѣбный магазинъ, онъ не можетъ воспользоваться имъ *всѣмъ міромъ*, а что ссуды изъ него предназначаются лишь бѣднякамъ, истинно нуждающимся. Для него такое положеніе дѣлъ кажется высшею несправедливостью:—одни платятъ и ничего не получаютъ; другіе не платятъ, а получаютъ! То предположеніе, что въ минуты бѣдствій и онъ можетъ получить пособіе изъ того же запаса,—для него слишкомъ отвлеченно и далеко. Да и что такое *нуждающійся*? Развѣ не каждый изъ вносящихъ свою долю въ хлѣбный магазинъ есть нуждающійся? Если онъ не нуждается въ продовольствіи, то нуждается во многомъ другомъ, что каждый крестьянинъ желалъ бы имѣть въ своемъ домашнемъ обиходѣ... При установленіи нынѣшняго порядка составленія хлѣбныхъ запасовъ и выдачи ссудъ произошло странное недоразумѣніе:—то, что далеко еще не всѣ представители высшей интеллигентной среды могутъ даже усвоить себѣ и практически осуществить въ сферѣ ихъ общественной жизни,—то именно и было предложено къ исполненію народу, въ умственномъ отношеніи слабо развитому. Среди нашего интеллигентнаго общества немало существуетъ бѣдняковъ, немало нуждающихся въ пропитаніи и въ денежныхъ средствахъ. Предложите этой интеллигентной средѣ отдѣлять ежегодно излишекъ ихъ средствъ въ общій вспомогательный капиталъ и затѣмъ выдавайте ссуды всѣмъ нуждающимся, со включеніемъ въ это число и лѣнивыхъ, и уклоняющихся отъ труда. При этомъ возложите на то же интеллигентное общество круговую поруку за другихъ членовъ... Что выдетъ изо всего этого? Полное неудовольствіе однихъ и полная распущенность другихъ... Выраженное неудовольствіе будетъ признано нами, какъ правильный протестъ противъ тунеядства, лѣни и тому подобныхъ пороковъ. Развѣ при такихъ условіяхъ представители интеллигентной среды не заявятъ желанія, чтобы пособіе было выдаваемо всѣмъ поголовно, какъ нуждающемуся, такъ и не нуждающемуся, ибо—скажутъ они—всѣ давали, такъ пусть же всѣ и получаютъ. Нельзя же, чтобы получалъ тотъ, кто не трудился, кто не желаетъ работать, кто уклоняется отъ труда, а обдѣленнымъ оказался человѣкъ трудолюбивый, въ потѣ лица снискивающій себѣ насущное пропитаніе! Вотъ почему нельзя народу, въ умственномъ отношеніи слабо развитому, предлагать такую систему взаимопомощи, которая въ своемъ существѣ требуетъ высокаго нравственнаго развитія всѣхъ отдѣльныхъ его представителей: всякій готовъ изъ состраданія къ человѣку, какъ брату во Христѣ, помочь частью своихъ средствъ, но въ томъ лишь случаѣ, когда просящій дѣйствительно нуждается и когда имъ испытаны всѣ способы къ обезпеченію себя личнымъ трудомъ; если же въ душѣ зарождается со-

мнѣніе, а факты подтверждаютъ, что нуждающійся не принадлежитъ къ подобной категоріи,—въ такомъ случаѣ, кто же рѣшится ему помочь? Помощь по приказанію начальства если и выполняется, то выполняется, скрѣпя сердце, вызывая постоянно какіе либо способы къ уклоненію... Такого рода психическое настроеніе народа и служило главною причиною небрежнаго отношенія къ хлѣбнымъ запасамъ, которое мы, къ прискорбію, встрѣчаемъ чуть ли не во всѣхъ нашихъ губерніяхъ: народъ или уклоняется отъ пополненія хлѣбныхъ магазиновъ, или содержитъ хлѣбные магазины въ полной неисправности, производя нерѣдко тайное расхищеніе хлѣба. Даже самый внѣшній видъ хлѣбныхъ магазиновъ свидѣтельствуетъ о тайномъ нерасположеніи къ нимъ народа—и какого труда стоитъ администраціи и земству заставить сельское общество держать магазинъ въ порядкѣ и въ исправности! Такое отношеніе народа къ своимъ же продовольственнымъ хлѣбнымъ запасамъ побудило даже многія изъ нашихъ земствъ перевести имѣющіеся запасы хлѣба въ денежныя суммы.

Такимъ образомъ, стремленіе правительства и земства, чтобы народъ своими личными средствами создалъ себѣ продовольственное обезпеченіе въ неурожайные годы—вполнѣ парализировалось тѣмъ требованіемъ, чтобы помощь была оказываема лишь нуждающимся, причемъ въ эту категорію, по мнѣнію народа, всегда въ значительной степени входили члены общества, недостойные пособія, какъ нуждающіеся по своей винѣ, по своей оплошности и нерадѣнію.

Какой же выходъ можетъ быть предложенъ изъ подобнаго положенія дѣлъ? Не вдаваясь въ детали, необходимо прежде всего установить общее положеніе при организаціи хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбныхъ ссудъ, причемъ, въ виду обширности нашей страны и разнородности мѣстныхъ условій, устанавливаемое общее положеніе должно быть измѣняемо сообразно потребностямъ жизни. Каково же это общее и основное положеніе? Въ настоящее время трудно сказать, кто собственно завѣдуетъ дѣломъ народнаго продовольствія въ уѣздѣ:—сельское общество распоряжается своими запасами, уѣздное земство—само по себѣ, губернское — тоже, и наконецъ мѣстная административная власть не устраняетъ себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ дѣло продовольствія крестьянъ и обсѣмененія ихъ полей. Въ случаяхъ правительственныхъ ссудъ или пособій, центральное управленіе,—по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы неурожаевъ,—принимало также непосредственное участіе въ заботахъ о народномъ продовольствіи. При такихъ условіяхъ, очевидно, дѣло народнаго продовольствія не можетъ идти въ строго опредѣленномъ направленіи. Сельскія общества требуютъ пособій отъ уѣзднаго земства, уѣздное—отъ губернскаго, губернское отъ правительства; при этомъ—фактъ безспорный!—сельское общество всегда требуетъ болѣе того, что̀ дѣйствительно необходимо, зная по опытамъ предшествовавшихъ лѣтъ, что уѣздное земство навѣрно сократитъ предъявленное требованіе; уѣздное же земство, сокращая, для сельскихъ обществъ въ отдѣльности, общую сумму потребностей на продовольствіе и обсѣмененіе всего уѣзда, нерѣдко снова увеличиваетъ ее, но не путемъ потребнаго количе-

ства хлѣба, а рядомъ другихъ условій — или увеличеніемъ числа мѣсяцевъ продовольствія, или увеличеніемъ цѣнъ на предполагаемый къ покупкѣ хлѣбъ, или иными какими либо «накладными» расходами. Губернское земство въ свою очередь сокращаетъ ссуды въ случаѣ предстоящихъ расходовъ изъ губернскихъ суммъ и охотно увеличиваетъ ихъ въ случаѣ позаимствованія изъ имперскаго продовольственнаго капитала. Все это доходитъ до правительства, и оно нерѣдко, за непредставленіемъ достаточныхъ данныхъ, бываетъ поставлено въ самое неопредѣленное положеніе, а потому всегда изъ осторожности производитъ выдачу ссудъ въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Можно сказать съ увѣренностью, что у насъ нѣтъ и никогда не было точныхъ данныхъ для опредѣленія ни истинныхъ размѣровъ нужды, ни размѣровъ неотложнаго пособія:—все дѣлается, какъ Богъ на душу положитъ, «на глазомѣръ, да по совѣсти». Вотъ почему, прежде и раньше всего, необходимо строго установить — кому должно быть поручено дѣло завѣдыванія народнымъ продовольствіемъ въ уѣздѣ, и въ этомъ отношеніи мы признавали бы наиболѣе цѣлесообразнымъ сосредоточить все дѣло въ рукахъ уѣзднаго земства и уѣздной земской управы, причемъ самая организація должна быть измѣнена или—точнѣе—приспособлена къ потребностямъ современной жизни крестьянъ. Таково общее и главное положеніе въ дѣлѣ организаціи народнаго продовольствія въ уѣздѣ.

Громадное большинство земскихъ собраній, при обсужденіи вопроса о продовольствіи крестьянъ, очень часто указывало на то, что крестьяне нуждаются не только въ хлѣбѣ для пропитанія, въ зернѣ для обсѣмененія полей, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ предметовъ, имѣющихъ тѣсную и непосредственную связь съ веденіемъ сельскаго хозяйства: крестьянамъ необходимы лошади, рогатый скотъ, земледѣльческія орудія и т. д. Нерѣдко бывали случаи, что въ прокормленіи нуждался не только крестьянинъ, но и его скотъ, который, въ виду неминуемой голодной смерти, продавался за безцѣнокъ—продавался кулаку-міроѣду, который, съ наступленіемъ весны, съ появленіемъ подножнаго корма, въ тридорога снова продавалъ тому же крестьянину. Всѣмъ этимъ потребностямъ крестьянскаго хозяйства земство, очевидно, должно удовлетворять, и въ исполненіи подобной задачи скрыты ближайшія цѣли дѣятельности нынѣ реформированнаго земства.

Но возможно ли достигнуть подобныхъ результатовъ? Какими мѣрами и средствами каждое земство можетъ сразу и обезпечить народное продовольствіе, и оказать неотложную помощь въ дѣлѣ веденія крестьянами ихъ сельскаго хозяйства? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ одной провинціальной газетѣ («Южный Край») появился, за подписью «Экономистъ», рядъ статей по вопросамъ организаціи народнаго продовольствія, гдѣ, между прочимъ, изложенъ проэктъ, въ существѣ своемъ вполнѣ заслуживающій вниманія земскихъ дѣятелей. Всѣ взгляды автора означенныхъ статей могутъ быть, въ общихъ чертахъ, сведены къ слѣдующему. Каждое уѣздное земство, смотря по мѣстнымъ усло-

віямъ, должно раздѣлить уѣздъ на нѣсколько районовъ и, если таковые будутъ совпадать съ участками земскихъ начальниковъ,— тѣмъ лучше. Въ каждомъ такомъ районѣ земство должно пріобрѣсти или арендовать вполнѣ доходное имѣніе, избрать изъ среды своей завѣдующаго «земскимъ помѣстьемъ», съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ, причемъ всѣ получаемые доходы изъ этого помѣстья должны поступать на удовлетвореніе нуждъ крестьянскаго хозяйства того же района.

Изложенный проэктъ неминуемо долженъ встрѣтить рядъ возраженій, и мы заранѣе предвидимъ слѣдующія: гдѣ же земство возьметъ средствъ для пріобрѣтенія такого помѣстья? Можетъ ли земство пріобрѣсти таковое въ данномъ районѣ? Кто будетъ завѣдывать помѣстьемъ и каковы могутъ быть результаты этого завѣдыванія, и—наконецъ—какая можетъ оказаться польза крестьянину въ дѣлѣ удовлетворенія его продовольственныхъ нуждъ и вообще его потребностей, какъ земледѣльца - хлѣбопашца? Всѣ эти возраженія, однако, не существенны и скорѣе выражаютъ собою опасеніе за веденіе дѣла, а не возраженія по существу предлагаемаго проэкта. Если земство, путемъ соотвѣтственнаго обложенія крестьянъ, достигло того, что въ случаѣ пожаровъ выдаетъ имъ соотвѣтственное вознагражденіе и даже болѣе; если оно съумѣло скопить милліонный страховой капиталъ, вполнѣ обезпечивающій крестьянъ отъ полнаго разоренія въ случаяхъ пожаровъ,—то почему же подобное обложеніе, подобная обязательная уплата сборовъ, не можетъ быть установлена для погашенія капитала, затраченнаго на пріобрѣтеніе «земскаго помѣстья» и на расходы по его управленію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть лишь таковъ: да, земство можетъ пріискать средства для осуществленія подобной цѣли, ибо всѣ свои траты оно всегда производило и производитъ изъ одного и того же источника — изъ обязательныхъ повинностей крестьянъ и другихъ землевладѣльцевъ уѣзда. Сомнѣваться въ изысканіи средствъ для пріобрѣтенія или аренды «земскаго помѣстья» и для веденія хозяйства нѣтъ никакихъ основаній. Въ этомъ случаѣ мы позволимъ себѣ указать на составленіе земствомъ страховаго капитала, который, какъ извѣстно, для многихъ губерній достигъ нѣсколькихъ милліоновъ. Почему же земство въ одномъ случаѣ, могло устроить у себя подобное чисто-комерческое предпріятіе а въ другомъ, болѣе важномъ и серьезномъ для населенія, оно не можетъ сдѣлать того же? При этомъ, необходимо обратить вниманіе на одну особенность въ дѣлѣ составленія страховаго капитала и его расходованія: еслибы взаимное страхованіе находилось въ завѣдываніи каждаго отдѣльнаго уѣзда губерніи, въ такомъ случаѣ вскорѣ обнаружившіеся пожарные убытки въ уѣздѣ въ извѣстные годы были бы настолько значительны, что уѣздному земству пришлось бы израсходовать не только % на образовавшійся капиталъ, но и самый капиталъ; при такихъ условіяхъ ни одно уѣздное земство не могло бы вести дѣло земскаго страхованія. Благодаря лишь тому обстоятельству, что веденіе земскаго страхованія находилось и понынѣ находится въ вѣдѣніи губернскаго земства, оказалось возможнымъ убытки одного уѣзда по пожарному дѣлу

покрывать поступленіями (барышами) изъ другихъ уѣздовъ,—и въ этомъ, собственно говоря, и скрыта идея «взаимности страхованія». На веденіе страховаго дѣла въ губерніи платятъ крестьяне всѣхъ уѣздовъ, платятъ ежегодно и безразлично—были ли у нихъ пожарные случаи, или нѣтъ, должны они или не должны получить вознагражденіе за пожарные убытки, причемъ фактически получаютъ вознагражденіе лишь *нуждающіеся*, т. е. погорѣльцы. Отсюда ясно, что къ дѣлу взаимнаго страхованія вполнѣ приложимъ принципъ обоюдной поруки, взаимнаго ручательства, и наши крестьяне ничего не возражаютъ противъ подобнаго принципа лишь потому, что это дѣло ведутъ не они и потому не могутъ себѣ ясно и опредѣленно представить всей организаціи страхованія въ губерніи—всѣ они убѣждены, что земство платитъ свои деньги и за то получаетъ съ нихъ сборы, а потому они противъ такого порядка ничего и возразить не могутъ.

На этихъ же самыхъ принципахъ должно быть организовано и продовольственное дѣло въ губерніи: крестьяне всѣхъ уѣздовъ обязательно должны взносить извѣстную, если можно такъ выразиться, продовольственную премію и въ случаѣ нужды должны получать пособія въ формѣ ли возвратныхъ, или въ формѣ безвозвратныхъ ссудъ (пособій) на подобіе вознагражденія за пожарные убытки. Земство, въ свою очередь, получая всѣ сборы на продовольствіе, имѣя въ своемъ распоряженіи капиталъ, не можетъ и не должно довольствоваться приращеніемъ его путемъ роста; напротивъ, оно должно дать этому капиталу другое, вполнѣ цѣлесообразное назначеніе, а именно: должно озаботиться заготовкою такого количества хлѣба, которое было бы достаточнымъ для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ губерніи. Если это положеніе вѣрно, то, конечно, выгоднѣе всего, не покупая зерна изъ другихъ рукъ, явиться его производителемъ, и вотъ эту-то задачу могутъ и должны выполнять уѣздныя земства. Губернское земство каждому уѣзду должно выдавать извѣстную сумму на веденіе «земскаго крестьянскаго помѣстья», одного или нѣсколькихъ, смотря по условіямъ,—и такимъ путемъ создать въ различныхъ мѣстахъ губерніи пункты запасовъ хлѣба на продовольствіе и обсѣмененіе полей, причемъ,—подобно страховому дѣлу,—расходы по содержанію «земскихъ помѣстій» одного уѣзда могутъ и должны быть, смотря по надобности, производимы за счетъ другаго уѣзда; точно также, въ случаяхъ недорода хлѣба въ одномъ уѣздѣ, достаточные его запасы въ другихъ должны быть передаваемы по назначенію. Операціями этого послѣдняго рода губернское земство должно распоряжаться вполнѣ самостоятельно безъ всякаго вмѣшательства уѣздныхъ земствъ, и мы даже готовы идти далѣе и высказаться за то, чтобы самое веденіе хозяйства въ «земскихъ крестьянскихъ помѣстьяхъ» было предоставлено губернскому земству, подобно тому, какъ это послѣднее ведетъ свое страховое дѣло при посредствѣ цѣлаго ряда своихъ страховыхъ агентовъ. Но все это частности, которыя должны быть разработаны въ будущемъ, когда самый принципъ организаціи продовольственнаго дѣла будетъ одобренъ и признанъ практически исполнимымъ.

Что касается до того возраженія, что земство не можетъ найти въ губерніи подходящихъ имѣній для устройства земскихъ хозяйствъ, то таковое едва ли можетъ быть признано достаточно серьезнымъ: стоитъ лишь просмотрѣть публикаціи о продажѣ имѣній въ земельныхъ и дворянскихъ банкахъ, чтобы всякое сомнѣніе разрушилось вполнѣ. Намъ могутъ сказать, что, конечно, имѣніе найти возможно, но для этого необходимо время, между тѣмъ нужда не ждетъ и, быть можетъ, будущій годъ, какъ неурожайный, потребуетъ опять расходовъ на продовольствіе и обсѣмененіе. Но это не возраженіе: земство нынѣ, и не имѣя подобныхъ «земскихъ помѣстій», должно же будетъ принять мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія; при этомъ, предпринимаемыя имъ мѣры не могутъ служить помѣхою для осуществленія другихъ, которыя способны въ будущемъ *прочно* поставить дѣло народнаго продовольствія въ интересахъ всего населенія губерніи.

Болѣе серьезное возраженіе могутъ намъ сдѣлать въ томъ смыслѣ, что нѣтъ *людей*, которымъ возможно все это дѣло поручить. Такое возраженіе намъ приходится часто слышать по отношенію ко всей современной дѣятельности земства:—все плохо,—говорятъ намъ,—потому что нѣтъ людей, къ которымъ возможно было бы отнестись съ полнымъ довѣріемъ. Подобный пессимистическій взглядъ на современныхъ земскихъ дѣятелей едва ли основателенъ: если дѣйствительно у насъ чувствуется оскуденіе въ людяхъ, которымъ возможно довѣрить «дѣло», въ такомъ случаѣ всякая система народнаго продовольствія, какъ бы она ни была проста и несложна, не можетъ привести къ желаннымъ результатамъ; кто можетъ въ такомъ случаѣ поручиться, что самыя простыя распоряженія правительства будутъ выполнены согласно предначертаніямъ? что люди, въ виду ихъ неспособности, не испортятъ дѣла, такъ что въ результатѣ получится нѣчто вполнѣ нежелательное? Съ другой стороны, если нѣтъ людей, способныхъ честно и добросовѣстно исполнять свои обязанности, въ такомъ случаѣ наша страна находится на краю погибели и является уже настоятельная потребность въ полной и неотложной реформѣ всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя нынѣ по закону вѣдаютъ дѣла народнаго продовольствія. Необходимо всѣ ихъ преобразовать такъ, чтобы вызвать къ жизни новыя силы, въ честности и добросовѣстности которыхъ не можетъ быть сомнѣнія. Если же и этихъ силъ не окажется, то не лучше ли предоставить теченіе дѣлъ случаю, въ ожиданіи лучшихъ временъ?.. Но всѣ эти «унылыя мысли»—по выраженію императрицы Екатерины II-й—существенной пользы дѣлу принести не могутъ, а потому практичнѣе что либо дѣлать и ошибаться, чѣмъ въ тоскливомъ бездѣйствіи созерцать теченіе жизни, въ ожиданіи чего-то лучшаго, отклоняя въ то же время всякія начинанія, лишь въ виду той предвзятой идеи, что нѣтъ честныхъ тружениковъ на пользу народа... Пусть не теорія, а опытъ жизни докажетъ, насколько такое предположеніе вѣрно.

Но допустимъ, что земство пріобрѣло соотвѣтственное «помѣстье», нашло вполнѣ честнаго и добросовѣстнаго труженика по веденію этого хозяйства—въ чемъ же можетъ быть выгода крестьянскому

хозяйству? Въ чемъ и какъ могутъ быть удовлетворены разнородныя крестьянскія нужды и потребности? На всѣ эти вопросы мы позволимъ себѣ отвѣтить кратко, намѣтивъ лишь то, что̀ можетъ быть достигнуто, по нашему мнѣнію, и къ чему весь ходъ хозяйства въ «земскомъ помѣстьѣ» долженъ быть направленъ. Прежде и раньше всего, въ «земскомъ крестьянскомъ помѣстьѣ» долженъ быть устроенъ хлѣбный магазинъ и весь урожай хлѣбовъ долженъ поступать въ его закромы. Такіе запасы хлѣба, по мѣрѣ надобности, должны быть выдаваемы крестьянамъ участка на продовольствіе и обсѣмененіе ихъ полей. Самая выдача пособій и ссудъ должна быть производима по удостовѣренію о томъ извѣстныхъ лицъ и учрежденій (земскихъ начальниковъ, уѣздной управы, волостныхъ правленій, мѣстныхъ помѣщиковъ, гласныхъ земства и т. д.), причемъ самая выдача должна быть производима подъ личною отвѣтственностью каждаго крестьянина, получающаго ссуду. Въ этомъ отношеніи, къ нашимъ крестьянамъ должны быть примѣнены основные принципы взаимнаго страхованія:—каждый погорѣвшій плательщикъ страховаго сбора имѣетъ право получить вознагражденіе въ опредѣленномъ размѣрѣ (согласно оцѣнкѣ); точно также, и каждый плательщикъ на веденіе «земскаго крестьянскаго помѣстья», въ моменты крайней нужды, долженъ получить хлѣбъ на продовольствіе, въ размѣрѣ, установленномъ земскимъ собраніемъ или опредѣленномъ въ продовольственномъ уставѣ. Въ случаяхъ заимообразныхъ выдачъ, самый возвратъ ссуды можетъ быть сдѣланъ или хлѣбомъ, или деньгами, или трудомъ, такъ какъ въ «земскомъ помѣстьѣ» всегда потребуются рабочія руки, а, слѣдовательно, и привлеченіе заемщиковъ къ участію трудомъ, на условіи отчисленія платы за выданную ссуду, окажется вполнѣ возможнымъ и выгоднымъ для крестьянъ, такъ какъ къ занятіямъ въ «земскомъ помѣстьѣ» могутъ быть приглашены не только «работники», но и женщины, и подростки. Такимъ путемъ уплата выданной ссуды можетъ быть производима всею семьею, что̀ можетъ значительно облегчить и ускорить ея погашеніе. При правильномъ веденіи хозяйства въ «земскомъ помѣстьѣ», окажется возможнымъ производить ссуду не только хлѣбомъ, но и другими продуктами сельскаго хозяйства, а также и различнаго рода живностью по извѣстной оцѣнкѣ, установленной земскимъ собраніемъ.

При нынѣ существующей системѣ выдачи продовольственныхъ ссудъ, таковыя по преимуществу производятся хлѣбомъ въ зернѣ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ деньгами; крестьяне, получивъ хлѣбную ссуду, по своимъ личнымъ усмотрѣніямъ, часть ея переводятъ въ деньги, пріобрѣтая на нихъ то, что̀ для нихъ существенно важно въ хозяйствѣ — кормъ ли для скота, самый ли скотъ, или какія либо сельско-хозяйственныя орудія; при этомъ всѣ они несутъ значительныя потери, чего вполнѣ возможно избѣжать при существованіи «земскихъ помѣстій», въ которыхъ крестьяне взамѣнъ хлѣбной ссуды могли бы получать, смотря по надобности, другіе сельскохозяйственные продукты, орудія и пр.

Мы, въ данномъ случаѣ, не имѣемъ возможности входить въ разсмотрѣніе всѣхъ подробностей:—дѣло будущихъ уѣздныхъ и гу-

бернскихъ собраній обсудить таковыя и облечь въ форму правилъ, подлежащихъ точному исполненію. Наша цѣль состояла лишь въ томъ, чтобы намѣтить общія основанія дѣятельности «земскихъ помѣстій» и ихъ значеніе въ дѣлѣ удовлетворенія самымъ разнороднымъ нуждамъ нашего крестьянскаго хозяйства. Здѣсь невольно напрашивается на мысль, что такого рода земскія помѣстья могутъ оказать замѣтное вліяніе и на улучшеніе сельско-хозяйственной культуры въ районѣ ихъ дѣятельности. Все это, конечно, возможно, но, въ первые годы возникновенія этихъ хозяйствъ, слѣдуетъ совершенно устранить подобныя соображенія, ибо все это настолько усложнитъ самое дѣло, что можетъ повліять вредно на выполненіе главной и существенной цѣли—создать для нашего крестьянства прочное и вѣрное обезпеченіе помощи въ дѣлѣ продовольствія и обсѣмененія полей въ неурожайные годы или въ годы какихъ либо особыхъ бѣдствій—эпизоотій, появленія вредныхъ насѣкомыхъ и т. д. Мы желали бы, чтобы земство, подобно тому, какъ оно создало «страховой» капиталъ на случай пожаровъ, точно также создало бы и «продовольственный», причемъ на помощь въ дѣлѣ увеличенія этого капитала можетъ прійти сама природа, которая въ урожайные годы способна увеличить его въ неизмѣримо большей пропорціи, чѣмъ нынѣ увеличивается страховой капиталъ путемъ обращенія его въ процентныя бумаги.

Этимъ проэктомъ мы, собственно говоря, не предлагаемъ чего либо особенно новаго и выходящаго изъ ряда вонъ:—нынѣ существующія частныя экономіи въ 2—3 тысячи десятинъ ведутъ же свои хозяйства и получаютъ значительные запасы хлѣба, который, затѣмъ, обращается путемъ продажи въ кредитные рубли; почему же не можетъ быть подобнаго земскаго хозяйства, которое, не продавая хлѣба, будетъ его до поры до времени сохранять въ хлѣбныхъ магазинахъ, какъ запасъ для продовольствія населенія въ годины бѣдствій? Если же земство будетъ признано неспособнымъ и къ этой послѣдней операціи, въ такомъ случаѣ къ чему и зачѣмъ существуетъ оно:—неужели для того лишь, чтобы постоянно и фактически доказывать полную неспособность земскихъ дѣятелей приносить пользу крестьянскому населенію? Мы далеки отъ такого мрачнаго и несправедливаго взгляда на дѣятельность земства и думаемъ, что въ земствѣ найдутся всегда честные люди, искренно преданные интересамъ крестьянскаго населенія, умѣющіе доказать свою преданность не на словахъ, а на дѣлѣ, памятуя, что и ихъ собственное благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія тѣхъ же крестьянъ.

И. Фесенко.

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ.

Романъ.

XXXIII.

Какъ посовѣтовала Серафима Сергѣевна, такъ и поступила Соня. Едва мать ушла, какъ она поднялась по крутой лѣсенкѣ къ брату. Лѣсенка не скрипѣла подъ ея легкими и быстрыми шагами. Владиміръ лежалъ на постели и читалъ книгу, или, можетъ быть, старался читать, такъ какъ воображеніе его было занято совсѣмъ другими картинами и мысли его не имѣли ничего общаго съ эстетикой Рэскина,—англійской книжкой въ великолѣпномъ золоченомъ переплетѣ.

— Ты иногда являешься, какъ призракъ,—сказалъ Владиміръ, посмотрѣвъ на сестру.—Скажи, что̀ съ тобою? У тебя какой-то плутоватый видъ, Сонька.

Она потупила рѣсницы и покраснѣла.

— Я мѣшаю тебѣ, Володя?

— Нѣтъ. Ты сегодня интересна, Соня!

Она въ полъ-оборота взглянула на брата и разсмѣялась.

— Правда, я какъ-то незамѣтно сдѣлалась большой?—сказала она.

— Ты выросла.

— Можно назвать меня невѣстой.

— Чьей?

— Вотъ тутъ-то и загвоздка! Скорѣе всего я никогда не выду замужъ. У насъ никто не бываетъ, а тебя все дома нѣтъ, когда мы въ городѣ. На дачѣ, какъ въ монастырѣ. Но пока молодость не прошла, просто, пріятно быть невѣстой. Я думаю, въ двадцать лѣтъ уже становится скучно.

— Отъ нетерпѣнія... Но на самомъ дѣлѣ женщина вполнѣ расцвѣтаетъ только въ тридцать лѣтъ. У насъ въ лицеѣ смѣя-

лись надъ тѣми, кто увлекался птенчиками, въ родѣ тебя... Поди сюда, Сонька, и сядь вотъ такъ... Съ нѣкоторыхъ поръ, дитя мое, мы дуемся... За что?

— Ты совсѣмъ разлюбилъ меня!

— Хотѣлъ бы я знать, какой любви еще нужно тебѣ? Ты — сестра моя, и довольно съ тебя. А кто подарилъ тебѣ это платье? Неблагодарное твореньице! Я одѣваю тебя и обуваю — а ты требуешь, чтобы я еще завязывалъ тебя салфеткой и кормилъ, какъ бебѐ, манной кашкой!

Онъ взялъ ее за ухо, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ.

— Съ матерью я не въ ладахъ и съ ней трудно помириться!

У Сони вертѣлся на языкѣ вопросъ о Римѣ, но она промолчала и только горячо дышала, лежа щекой на щекѣ Владиміра. Но онъ самъ сказалъ:

— Ты тоже перестала мнѣ сочувствовать. Странный, ревнивый народъ!

— Ты вѣришь въ инстинктъ?—серьезно спросила Соня.

— Какое ученое слово мы знаемъ! Что дальше?

— Помнишь, я не ревновала... Однако, не лежитъ у меня сердце!

— А! Можешь уходить. Уйди отъ меня прочь.

— Володя!

— Уйди!—повторилъ Владиміръ и оттолкнулъ сестру.

— Слушай, милый,—покорно начала Соня:—отчего ты не познакомишь ея съ нами и почему она избѣгаетъ насъ? Что она таитъ въ душѣ? Отчего, наконецъ, она такъ презрительно отнеслась ко мнѣ тогда?..

— Ты не можешь забыть тарелочки?.. Согласись сама: что общаго между ею и тобою? У нея есть то, чего нѣтъ у тебя.

— Да почему же нѣтъ?

— Да потому что ты сестра!

— Но, въ такомъ случаѣ, и у тебя чего-то нѣтъ, потому что ты братъ?

— И у меня нѣтъ!—сердито вскричалъ Владиміръ.—Какая дура,—со смѣхомъ прибавилъ онъ.—Гдѣ мама?

— Ушла прогуляться.

— Одна, и безъ тебя?

— Ты знаешь, я никогда не разспрашиваю ея. Можетъ, она зашла куда нибудь.

— Ты слушаешься маму, а меня не особенно слушаешься.

— Я буду повиноваться тебѣ, Володя.

— Докажи, что будешь.

Она порывисто обняла его и стала осыпать поцѣлуями.

— Сонька, задушишь... Ну, расцѣлую же и я тебя!

Онъ схватилъ ее за талію и повернулъ, какъ перышко. Но въ рамѣ, образуемой раскрытою настежъ дверью балкона, онъ увидѣлъ, словно на картинѣ, написанной яркими красками, крышу дачи Брындзовскихъ, и среди зеленыхъ деревьевъ, весело вѣющій флагъ. Владиміръ вскочилъ, забылъ Соню и подошелъ къ дверямъ, какъ очарованный.

— Я сейчасъ къ Брындзовскимъ. Но мамѣ не говори. Хорошо, что ея нѣтъ... Надоѣло ее огорчать... Слышишь?

Онъ обернулся—Соня, закрывъ лицо руками, плакала.

— Терпѣть не могу!—брезгливо закричалъ онъ.—Кто тебя укусилъ?

Соня зарыдала, задыхаясь, и ушла.

XXXIV.

На улицѣ Владиміръ встрѣтилъ мать. Она заступила ему дорогу и произнесла голосомъ, который показался ему чужимъ:

— Ты идешь туда? Я запрещаю тебѣ.

— Мама, я взрослый человѣкъ и никто не можетъ мнѣ запретить,—поблѣднѣвъ, сказалъ Владиміръ.

Серафима Сергѣевна привыкла повиноваться покойному мужу. Она была того мнѣнія, что въ домѣ долженъ главенствовать мужчина. Когда умеръ мужъ, она стала смотрѣть на Володю, какъ на главу семьи. Къ тому же, съ нѣкоторыхъ поръ, его литературный заработокъ представлялъ собою крупный вкладъ въ домашнюю кассу. Это тоже обязывало. Обыкновенно, она справлялась даже, какой обѣдъ хочетъ Володя. Ничего сколько нибудь серьезнаго она не предпринимала, не сказавъ Володѣ. Переѣздъ на дачу, наемъ квартиры, прислуги, театръ, шитье нарядовъ—на все испрашивалось благословеніе Володи.

Но теперь она видѣла предъ собою добровольно погибающаго, неопытнаго и глупаго мальчика. Надо ему раскрыть

глаза, во что бы ни стало. Надо прибѣгнуть къ родительскому авторитету.

— Володя,—сказала она, беря его за руку.—Мать—великое слово. Если мать говоритъ, она знаетъ что нибудь. Вальманъ не клеветникъ. Это—страшный домъ.

Владиміру стало смѣшно и досадно.

— Мама, хочешь, пойдемъ со мной—и ты увидишь, какой это домъ.

— Я только что была... гадкій домъ!—понизивъ голосъ, проговорила Серафима Сергѣевна.

— Какъ ты была?

— Мнѣ сдѣлали скандалъ—я не могу повторить—языкъ не поворачивается. Стыдно мнѣ на старости лѣтъ. До чего я дожила!

Владиміръ съ недоумѣніемъ и съ гнѣвомъ смотрѣлъ на мать. Онъ былъ убѣжденъ, что никакого скандала Брындзовскія не могли сдѣлать Серафимѣ Сергѣевнѣ. Это была ложь, и онъ понималъ, что источникомъ ея служитъ превратное представленіе Серафимы Сергѣевны о материнскомъ долгѣ. Но его возмущало, что мать такъ ненавидитъ Брындзовскихъ.

— Тебя не приняли?—спросилъ онъ, разгорячаясь въ то же время за мать.

— Меня ужасно проводили... О, теперь я все понимаю! Не ходи, Володя!

— Пойду—надо же узнать мнѣ, что̀ такое!

И онъ сдѣлалъ движеніе; но Серафима Сергѣевна опять заступила ему дорогу.

— Умоляю тебя,—со слезами начала она.

— У всѣхъ нервы!—вскричалъ Владиміръ.—Тамъ Соня, здѣсь ты. Успокойся, мама. У тебя сохранилось представленіе обо мнѣ, какъ о ребенкѣ. Взгляни на меня хорошенько. Если тебя оскорбили Брындзовскія, я долженъ отмстить обиду. Кажется, я похожъ на мужчину... Пусти меня!

— Нѣтъ!

Мать и сынъ стояли другъ противъ друга и молчали выжидательно, почти враждебно. Лицо Владиміра дергала судорога. Рима могла видѣть его съ своего балкона, и ему стало невыразимо стыдно. Онъ готовъ былъ насильно отстранить мать.

Но кто-то окликнулъ его. Онъ обернулся и увидѣлъ Луку

Аверьяновича Кремнева, который слѣзалъ съ чухонской таратайки, одѣтый въ теплый сюртукъ, не смотря на жаркую погоду. Какъ серебро подъ чернью, выдѣлялась и блестѣла на темно-синемъ драпѣ его узкая борода. Онъ привѣтливо махалъ сѣрой пуховой шляпой и улыбался.

— А я къ вамъ, дорогой мой,—началъ онъ. — Нейдетъ Магометъ,—гора пришла къ Магомету. Собираюсь за границу и кое о чемъ надо переговорить.

Владиміръ представилъ его матери. Кремневъ по старинному, съ изысканной учтивостью, поздоровался съ Серафимой Сергѣевной. Всѣ они втроемъ отправились на дачу. Тоска грызла Владиміра. Онъ шелъ и посматривалъ налѣво—на красный флагъ, который все вился, выдѣляясь на зелени хвойныхъ деревьевъ и на голубомъ небѣ.

XXXV.

Пока накрывали столъ на террасѣ и шли приготовленія къ обѣду—выяснилась цѣль визита Луки Аверьяновича. Онъ разсчитывалъ, что Владиміръ, котораго онъ называлъ первой скрипкой въ своемъ оркестрѣ, приметъ на себя завѣдываніе журналомъ въ его отсутствіе. Это была большая честь, и въ другое время молодой человѣкъ почувствовалъ бы себя на седьмомъ небѣ. Но его терзала неизвѣстность, что̀ произошло между Брындзовскими и матерью, и видъ флага раздражалъ его. Онъ поблагодарилъ редактора за довѣріе. Когда же Кремневъ спросилъ его, прочиталъ ли онъ взятыя книги и нѣтъ ли у него готовыхъ статей, Владиміръ признался, что ничего не дѣлалъ, и сухо прибавилъ:

— Мнѣ тоже хотѣлось бы отдохнуть.

— Вамъ незачѣмъ отдыхать,—возразилъ редакторъ съ улыбкой.—Силъ своихъ вы еще не растратили и, пожалуй, даже не проявили въ надлежащей мѣрѣ. Отдыхать могутъ только такіе инвалиды, какъ я.

— Я не отказываюсь отъ порученія,—глядя на флагъ, сказалъ Владиміръ.

— Матерьялъ подобранъ; вамъ останется слѣдить только за порядкомъ и за статейками по текущимъ вопросамъ.

— А когда вы ѣдете?

— Въ четвергъ. Остался бы еще на недѣльку, но сердце меня гонитъ.

— Вы кашляете.

— Да, и кашляю. Всѣ болѣсти и, вдобавокъ, старость. А между тѣмъ я однихъ лѣтъ съ Мерцаловымъ. Сейчасъ я былъ у него,—какой крѣпкій, почти молодой человѣкъ. Сколько въ немъ энергіи и какая подвижность!

— Но въ этомъ отношеніи и вамъ, Лука Аверьяновичъ, можно позавидовать.

— Какое! Я ужь вижу свой конецъ, а онъ будетъ жить сто лѣтъ.

— Онъ никогда не волновался и холоденъ, какъ ледъ.

— Онъ мудръ.

— Его мудрость въ томъ, чтобъ презирать всѣхъ.

— Мудрость его въ талантѣ,—возразилъ Лука Аверьяновичъ.

Подали обѣдъ. Соня вышла съ пылающими щеками. Къ ней шелъ этотъ горячій, неровный, лихорадочный румянецъ. Глаза ея сверкали, и пряди волосъ безпорядочно отдѣлялись на вискахъ и на нѣжномъ загорѣломъ затылкѣ.

Она вся сосредоточилась въ себѣ самой и очень мало ѣла, но смутно слышала, что разговоръ касается литературы; она слышала еще лепетъ горнаго ручья, доносившійся изъ лѣсу.

А разговоръ былъ боевой. Владиміръ забылъ, что Кремневъ—гость, и притомъ почтенный, и сталъ доказывать, крича и размахивая руками, что Мерцаловъ—бездарность.

— Я разнесу его въ спеціальной статьѣ! Я докажу, что онъ человѣконенавистникъ. Нельзя презирать толпу. Я не говорю о демократическомъ отношеніи къ ней, но о принципіальномъ!

— Я не понимаю васъ...

— Что меня понимать?—сказалъ Владиміръ, наливая рюмку водки и залпомъ опрокидывая ее.—Я говорю, что Мерцаловъ ничтожество, и даже хуже—нуль съ претензіями. Я высѣку его, какъ щенка!

Кремневъ никогда не видалъ Новоскольцева въ такомъ возбужденномъ состояніи. Отодвинувшись и замолчавъ, онъ смотрѣлъ на него и думалъ: «нѣтъ, журнала ему не поручу... Хорошъ эстетикъ»! Мать была поражена количествомъ водки, выпитой

Владиміромъ. А Соня, пробужденная отъ своихъ грёзъ громкимъ споромъ, замѣтила наконецъ, что Владиміръ все посматриваетъ на красный флагъ—и вдругъ она догадалась о значеніи флага.—Она вспомнила, что между появленіемъ флага и уходомъ Владиміра изъ дому всегда была связь, встала и спустила жалюзи, подъ предлогомъ, что мѣшаетъ солнце. Владиміръ не могъ больше смотрѣть на флагъ. Не стѣсняясь, онъ погрозилъ Сонѣ кулакомъ. Все это вмѣстѣ произвело тягостное впечатлѣніе на Кремнева. Сейчасъ же послѣ кофе, онъ сталъ прощаться. Его удерживала Серафима Сергѣевна, но Владиміръ радовался его отъѣзду.

— Я васъ провожу до перекрестка, Лука Аверьяновичъ,—сказалъ онъ,—и помогу найти вамъ возницу.

— Мой чухонецъ ожидаетъ меня на перекресткѣ.

— Тѣмъ лучше, я провожу васъ,—повторилъ Владиміръ.

— Володя, останься дома.

— Мама, я долженъ проводить Луку Аверьяновича.

Онъ вышелъ, ища глазами, гдѣ же флагъ.

Но флагъ былъ спущенъ. Въ воздухѣ летѣли въ разныхъ направленіяхъ клочки флага, разорваннаго или разрѣзаннаго на узкія ленты. Эти ленты скользили и извивались въ красныхъ лучахъ заходящаго солнца, словно какія-то фантастическія красныя піявки. Одну изъ нихъ вѣтеръ подхватилъ, и она упала въ цвѣтникѣ дачи Новоскольцевыхъ.

Владиміръ остался дома.

XXXVI.

Ночь долго не темнѣла. Это была серебряная сѣверная ночь. Хотя уже бѣлыя ночи померкли, но совершеннаго мрака не было даже въ часъ; и даже при опущенныхъ коленкоровыхъ шторахъ въ комнатѣ было какъ будто еще свѣтло.

Владиміръ проснулся у себя на постели, и его удивило, что онъ одѣтъ. Сначала онъ не понялъ, что̀ съ нимъ. Но сознаніе быстро вернулось къ нему. Онъ осмотрѣлся, протянулъ руку къ ночному столику, зажегъ спичку и взглянулъ на часы.

Было уже очень поздно. Дача спала, и весь приморскій берегъ спалъ. Еслибы не говоръ отдаленнаго горнаго ручья, казавшійся бредомъ чьей-то великой больной души, ночь была

бы совершенно мертвая. Но этотъ странный однообразный лепетъ воднаго потока заставилъ Владиміра прислушаться къ нему. Онъ вспомнилъ Соню, Риму, мать. Воспоминанія о неудачахъ истекшаго дня зашевелились въ его умѣ съ какой-то болѣзненной назойливостью.

Владиміръ вскочилъ, вышелъ на балконъ и устремилъ глаза въ полумракъ. Сосны, какъ черные гиганты, выдѣлялись на темномъ фонѣ беззвѣзднаго неба. Тучи плыли низко надъ моремъ и надъ лѣсомъ. Ихъ движеніе было замѣтно по мелькающимъ бѣлесоватымъ просвѣтамъ на горизонтѣ. Не было постороннихъ звуковъ—только все лепеталъ горный ручей, и ему вторило море, протяжно и гармонично вздыхая.

«Я велъ себя, какъ мальчишка», съ раскаяніемъ думалъ Владиміръ. «Лука Аверьянычъ долженъ былъ разочароваться во мнѣ. Почему я вообразилъ, что могу пить безъ конца? Я, кажется, стучалъ кулакомъ по столу. Спорилъ я глупо, и не позволялъ ему сказать слова. Онъ убѣжденъ теперь, что я ненавижу Мерцалова не изъ принципіальныхъ соображеній, а потому что завидую его авторитету»...

«А потомъ этотъ разорванный флагъ! Я такъ и не узналъ, что̀ натворила мама у Брындзовскихъ. Кроткія женщины способны на ужасныя и жестокія дѣла, когда ревность ослѣпляетъ ихъ».

«Ничто не погибло, пустяки»! вскричалъ онъ. «Все можно поправить. Рима извинитъ стеченіе обстоятельствъ—маму я брошу... Это деспотизмъ! А къ Лукѣ Аверьянычу надо поѣхать завтра же».

Покинувъ балконъ, Владиміръ зажегъ свѣчи и сталъ заниматься.

Совсѣмъ разсвѣло, когда онъ раздѣлся и заснулъ, уже не испытывая угрызеній совѣсти. Молодость взяла свое. Онъ быстро въ себѣ самомъ нашелъ утѣшеніе. И ему привидѣлось, будто онъ идетъ по песчаному морскому берегу и изрекаетъ какія-то жизнерадостныя и благія аксіомы, а всѣ—мать, Соня, Кремневъ, Мерцаловъ, Рима и еще цѣлая толпа народу—внимательно слушаютъ его и одобряютъ... Слышенъ сдержанный гулъ ихъ возгласовъ: «браво! браво! браво»!

XXXVII.

Утромъ Владиміръ отправился къ Брындзовскимъ. Но его не приняли. Дача Брындзовскихъ вѣяла такимъ холодомъ и смотрѣла такъ офиціально и пасмурно, что Владиміру стало жутко. «Хорошо, я напишу Римѣ письмо», рѣшилъ онъ и, не заходя домой, пошелъ пѣшкомъ—частью по морскому берегу—на вокзалъ.

Часа черезъ два онъ былъ въ Петербургѣ. Квартира оказалась запертой. Не было надежды на скорое возвращеніе Семена, и пришлось послать за слесаремъ. По обыкновенію, Владиміръ нашелъ безпорядокъ—на этотъ разъ превысившій всѣ его ожиданія. У Семена, очевидно, были вчера или третьяго дня гости—пили водку, ѣли огурцы и рыбу, играли въ карты и бросали зажженными стеариновыми огарками въ стѣны; по крайней мѣрѣ, хорошенькіе новенькіе обои были безбожно залиты стеариномъ. Конечно, не самъ Семенъ, а кто-то изъ его юмористически настроенныхъ друзей подрисовалъ карандашемъ мраморной Фринѣ усики и бородку. Владиміра все это взбѣсило, и онъ далъ себѣ слово прогнать Семена. Кое-какъ, съ помощью услужливаго швейцара, была прибрана и провѣтрена квартира, и, поворчавъ, молодой человѣкъ переодѣлся и послалъ карточку Лукѣ Аверьяновичу, написавъ на ней, что желаетъ переговорить еще по поводу вчерашняго. Посыльный въ красной шапкѣ скоро вернулся съ отвѣтомъ, что Лука Аверьяновичъ ждетъ.

XXXVIII.

Съ перваго взгляда, брошеннаго на Владиміра, Кремневъ понялъ, что молодой человѣкъ нарочно пріѣхалъ извиниться; и онъ рѣшилъ все сдѣлать, чтобы не допустить его до этого. Онъ предупредилъ Владиміра и самъ началъ:

— А мы съ вами вчера погорячились, Владиміръ Ивановичъ. Но это всегда бываетъ, когда сталкиваются отживающіе взгляды и тѣ, которые вновь нарождаются. Отживающіе чувствуютъ свою дряблость и непрочность, и брюзжатъ, а нарождающіеся имѣютъ преувеличенное представленіе о своей

солидности, между тѣмъ шатаются, какъ дѣти, которыя учатся ходить. Пожалуйста, не будемъ возвращаться... хоть вы и пишете, что намѣрены поговорить еще о вчерашнемъ. Впрочемъ, если это касается вопроса о журналѣ, то сдѣлайте одолженіе. Но я боюсь только, что, по разнымъ соображеніямъ и обстоятельствамъ, которыя сильнѣе меня, я принужденъ буду отложить поѣздку на неопредѣленное время... можетъ быть, до осени.

Онъ оставилъ Владиміра обѣдать. Его старинная деликатность, прикрывающаяся нѣкоторымъ внѣшнимъ нигилизмомъ,—какой былъ въ модѣ въ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ,—трогала Владиміра, и въ разговорѣ съ нимъ онъ по неволѣ дѣлалъ уступки:—онъ согласился, что Мерцаловъ не только не бездарность, но въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ своихъ геніаленъ.

Вдругъ его осѣнила мысль: такъ какъ Кремневъ друженъ съ Мерцаловымъ, то нельзя ли узнать, что̀ за странныя отношенія были у него съ Римой.

— Я въ одномъ не понимаю и никогда не пойму Мерцалова,—сказалъ Владиміръ осторожно, настолько, что даже покраснѣлъ отъ своей осторожности:—всѣ его романы направлены противъ современныхъ брачныхъ формъ... Чего же онъ хочетъ? Съ другой стороны, онъ часто говоритъ о любви. Меня раздражаетъ его зависть къ счастью простыхъ людей, и онъ всячески старается разрушить иллюзіи мѣщанъ. Позвольте! Положимъ, я мѣщанинъ, но я хочу быть счастливъ по своему. Какое мнѣ дѣло до какихъ-то неопредѣленныхъ и темныхъ идеаловъ господина Мерцалова! Въ личной жизни онъ, по слухамъ, также загадоченъ. Онъ не женатъ до сихъ поръ, ведетъ замкнутое существованіе и сбиваетъ дѣвицъ съ пути истиннаго.

— Какъ, сбиваетъ дѣвицъ съ пути истиннаго?—спросилъ Кремневъ.—Сколько мнѣ извѣстно, онъ противъ условной нравственности, но объ остальномъ я не имѣю свѣдѣній и, признаюсь, не собиралъ ихъ. Знаете что̀, Владиміръ Ивановичъ: послѣ обѣда отдохнемте, я у себя въ спальнѣ, а вы въ кабинетѣ — просмотрите, кстати, журнальныя новости—а вечеромъ возьмемъ фаэтонъ и прокатимся по островамъ. На свободѣ поговоримъ о Мерцаловѣ. Необходима соотвѣтствующая красивая рамка для такого сюжета,—прибавилъ онъ съ улыб-

кой.—Вообще прямо заявляю вамъ, что до тѣхъ поръ не солью журнала своего съ вашей литературной личностью, пока у васъ не выработается безпристрастный и вѣрный взглядъ на Мерцалова. Это выдающаяся фигура нашего времени. Вы же все относитесь къ Мерцалову по фельетонному. Какъ ни бойко ваше перо, но статьямъ вашимъ недостаетъ именно Мерцалова. Вы—порожденіе Мерцалова и постоянно возстаете на него, какъ Авессаломъ на Давида. Это не послѣдовательно; и я бы не хотѣлъ видѣть васъ повѣшеннымъ за волосы и разстрѣляннымъ!

Онъ разсмѣялся и, чтобы смягчить шутку, потрепалъ Владиміра по плечу. Владиміръ не разсердился, сдержалъ себя, потому что заранѣе обрекъ себя на тактичность, и только замѣтилъ:

— Посмотримъ, что̀ скажете вы мнѣ о Мерцаловѣ! Но отдыхать я у васъ не буду, а пойду домой, и лучше вы заѣзжайте за мной, Лука Аверьяновичъ. Пока меня повѣсятъ и разстрѣляютъ, я долженъ повѣсить и разстрѣлять или, по крайней мѣрѣ, вышвырнуть за окно своего Семена.

И тутъ онъ разсказалъ о комичномъ слугѣ своемъ. Но, разсказывая, онъ почувствовалъ, что не разстанется съ Семеномъ.

XXXIX.

Такъ, разумѣется, и случилось. Семенъ упалъ ему въ ноги и сразу обезоружилъ его: какъ можно бранить человѣка, который такъ горячо кается! И не правда ли, было бы жестоко наказать его? Прогнать слугу лѣтомъ, когда всѣ на дачѣ, безчеловѣчно, сообразилъ Владиміръ. Ударить его—низко, и что̀ толку?

— Что жь это у тебя за гости были?—съ любопытствомъ спросилъ молодой баринъ, впрочемъ, строгимъ голосомъ.

— Разные шляющіе люди были, баринъ,—глухо отвѣчалъ Семенъ.—Простите, никогда больше не буду. Меня чортъ попуталъ справлять совершеннолѣтіе. Я теперь совершенныхъ лѣтъ, баринъ.

— Поздравляю тебя. Но скажи, анаѳема, почему же ты ключъ съ собой взялъ?

— Я топиться хотѣлъ, баринъ,—горечь въ душѣ почувствовалъ.

— А почему же сначала ты не прибралъ комнаты?

— Отъ затмѣнія, баринъ,—такъ какъ мнѣ гармонику сломали, и я въ настоящее время лишенъ своего инструмента,—плаксиво произнесъ Семенъ.

— А скажи, кто это въ обои свѣчами кидалъ?

— Это они уходили, такъ тушили свѣчи; чтобъ имъ пусто было!

— А что было бы, еслибъ я тебя... швырнулъ?—спросилъ Владиміръ и, вспомнивъ, къ чему онъ готовился у Кремнева, прибавилъ:—за окно!

— Не могу знать, баринъ.

— Пошелъ прочь!

— Слушаю, баринъ. Совсѣмъ прикажете уходить?

— Пока останься,—проговорилъ Владиміръ.—Однимъ словомъ, или сейчасъ же убирайся, или оставайся — одно изъ двухъ. Перестань валяться... Вонъ!

Семенъ юркнулъ въ свою комнату, разогрѣлъ на спиртовой камфоркѣ столярнаго клею, начадилъ и сталъ чинить гармонику, съ видомъ философа, привыкнувшаго къ мысли, что все превратно въ этомъ мірѣ.

XL.

Уже слабыя сумерки сгустились по угламъ полупрозрачными тѣнями, когда раздался рѣзкій звонокъ Кремнева.

— Пожалуйте-ка!

Владиміръ и Кремневъ сѣли въ фаэтонъ, быстро покатившійся на резинныхъ шинахъ.

— Только что пробѣжалъ корректуру вашей новой статьи,—началъ редакторъ. — Нельзя ли выбросить походъ противъ любви? Зачѣмъ, родной? Черезчуръ зелено,—вы еще не жили, какъ слѣдуетъ,—и въ то же время старо—надоѣло.

— Романъ требуетъ реформы...

— Таланта требуетъ! Каждый талантливый романъ есть реформа романа. Это въ наше время на любовь въ романѣ смотрѣли, какъ на образъ какой-то высшей идеи. Впрочемъ, и въ наше время романисты писали, не справляясь со взглядами

критиковъ. Я говорю о такихъ романистахъ, какъ Гончаровъ, Толстой, Тургеневъ, Достоевскій. Любовь можетъ быть и очень высока, но это не идея высшаго порядка, а элементъ жизни! Нельзя отрицать жизни.

— Помилуйте! Кто же отрицаетъ? Однако дѣло идетъ не о скотской жизни, а о человѣческой. Элементъ элементомъ— да... Но и идея высшаго порядка есть ничто иное, какъ элементъ жизни.

— Мы о любви говоримъ, Владиміръ Ивановичъ. Странное это лицемѣріе у молодыхъ людей. Никто болѣе ихъ не склоненъ къ любви, и даже грѣшатъ они постоянно... Но любовь чуть не презираютъ на словахъ. Право, старо! Стыдно имъ, что ли? Мерцаловъ это превосходно разобралъ въ своемъ прошлогоднемъ романѣ—помните? Дѣвушка отъ природы цѣломудренная, нѣжная, но фанатически преданная «чистымъ идеямъ», встрѣчаетъ юношу, въ которомъ подозрѣваетъ величіе души, и начинаетъ присматриваться къ нему. Она дѣлится съ нимъ своими идеями—онъ предлагаетъ жениться на ней. Она не хочетъ *этого*, у нея *это* еще не проснулось. А онъ пристаетъ къ ней и постоянно оскорбляетъ своей страстью. Наконецъ, ей становится страшно оставаться съ нимъ вдвоемъ. Она избѣгаетъ его, онъ преслѣдуетъ... Ему кажется, что она дурно ведетъ себя, воображеніе его взводитъ на нее невозможныя небылицы. Своими письменными объясненіями онъ еще болѣе обижаетъ ее. Она не знаетъ, что̀ подумать о немъ. Вдругъ, однажды, она выходитъ въ залу; молодежь даетъ ей дорогу, она слышитъ, что ея мучитель что-то говоритъ. Его жадно слушаютъ. Рѣчь эта превосходна по своей типичности. Такія рѣчи часто произносились въ оны времена. Оказывается, что говоритъ онъ противъ любви, считаетъ ее пустой забавой сердца и чѣмъ-то постыднымъ. Дѣвушка совсѣмъ смущена. Ложь или что̀ это? Но по окончаніи вечера онъ провожаетъ ее домой, пользуется темнотой переулка и насильно обнимаетъ. Съ ней истерика, а онъ считаетъ ее лицемѣркой и разрываетъ съ ней, произнося красивыя и холодныя фразы... Неужели вы не читали?

— Признаюсь, не читалъ,—сказалъ Владиміръ, дрожа отъ смущенія и негодованія: онъ усмотрѣлъ какое-то сходство между этимъ вымысломъ и переживаемою имъ дѣйствительностью. Прозорливость Мерцалова раздражала его.

— Всего не перечитаешь,—искусственно-небрежно пояснилъ онъ.—Вообще Мерцаловъ пишетъ съ натуры. У него странныя идеи, но его фигуры часто выпуклы и колоритны,—онъ портретистъ.

— И Гёте, и Пушкинъ, и Диккенсъ, и Тургеневъ, и Толстой писали съ натуры. Почему же не писать Мерцалову? Онъ ниже ихъ по таланту, но какъ же можно требовать отъ него того, что̀ и тѣмъ великанамъ не по силамъ? Да-съ, Владиміръ Ивановичъ, въ наше время, когда разрушали эстетику, даже враговъ почитывали, и критикъ тщательно изучалъ романъ какого нибудь автора, прежде чѣмъ прибавлялъ къ его имени три словечка: «съ позволенія сказать». Вы меня огорчаете. Мерцаловъ—нашъ союзникъ; направленіе наше—новый журнализмъ нашъ—это онъ самъ прежде всего. Во временномъ и наносномъ онъ открывалъ вѣчное, единоборствовалъ за него и спасалъ отъ забвенія и поруганія. Познакомьтесь съ Мерцаловымъ, если хотите, чтобы міросозерцаніе ваше стало солиднѣе и свободнѣе отъ случайныхъ вліяній. Вино должно перебродить,—только тогда оно будетъ крѣпкимъ и здоровымъ напиткомъ.

«Старикъ притчи начинаетъ говорить»,—подумалъ Владиміръ и сдѣлалъ еще нѣсколько возраженій, слабость которыхъ самъ сознавалъ; но ему казалось, что онъ слабъ по снисходительности — умышленно слабъ. Онъ говорилъ и глядѣлъ на янтарно-розовую вечернюю зарю, на которой туманнымъ силуэтомъ выступала Петропавловская крѣпость съ своей высокой иглой;—на мглистую Неву, на бѣгущіе пароходы, на приближающійся темнозеленый Александровскій паркъ, на элегантные экипажи, и думалъ все о Римѣ Николаевнѣ и о новыхъ впечатлѣніяхъ, уже наложившихъ на него свою печать—сердце его болѣзненно ныло.

— Впрочемъ, хорошо, я вычеркну,—согласился онъ.

Коляска выѣхала изъ Александровскаго парка и помчалась по Каменноостровскому проспекту на Елагинъ островъ.

Кремневъ продолжалъ говорить, но Владиміръ давно усталъ слушать. Лошади пошли шагомъ по аллеѣ; между черными стволами блестѣла рѣка и видпѣлся противоположный берегъ съ рестораномъ Фелисьена. На Стрѣлкѣ полукругомъ стояли опустѣвшія скамейки. Заря тускло-желтымъ пятномъ расплы-

валась въ плоскомъ болотистомъ заливѣ. Далеко мерцалъ красной звѣздочкой рыбачій огонекъ.

Кремневъ и Новоскольцевъ вышли изъ экипажа.

— Хорошо!—похвалилъ Кремневъ знакомый видъ.

— Недурно,—подтвердилъ молодой человѣкъ.

— Мѣсто свиданія влюбленныхъ,—замѣтилъ Кремневъ.

— Не думаю...

— Смотря въ какой часъ. Взгляните направо, — сказалъ Кремневъ съ улыбкой кабинетнаго отшельника, которому все представляется въ особомъ, значительномъ свѣтѣ.

Владиміръ взглянулъ. На площадкѣ, тамъ, гдѣ поворотъ, показалась пара:—конногвардейскій офицеръ съ стройной дамой въ модномъ пальто—и скрылась въ темной аллеѣ. Черезъ минуту послышался эластичный стукъ удаляющагося ландо.

Владиміръ быстро отвернулся.

— Нѣтъ любви!—рѣзко сказалъ онъ, возобновляя разговоръ:—есть только сладострастіе. Что вы думаете, Лука Аверьяновичъ?

— Ничего не думаю... Я любуюсь рыбачьимъ огонькомъ...

— Вы не расположены? А у меня вдругъ страшно заболѣла голова. Прошу васъ, я не въ состояніи больше — поѣдемте домой, назадъ... Отвезите меня... Я не могу, не могу!—почти съ отчаяніемъ вскричалъ онъ.

XLI.

Ко всѣмъ душевнымъ страданіямъ Владиміра присоединилась еще ревность. Онъ и прежде мучился ревностью; но теперь мученіе его было чрезвычайное. Внѣ себя отъ ужаса, взбирался онъ по лѣстницѣ, задыхаясь, словно за нимъ гнались какіе-то проклятые призраки. Семенъ, какъ только увидѣлъ Владиміра,—понялъ, что надо ухо держать востро. И въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ скользить по квартирѣ съ необыкновенною лакейскою граціей, стараясь быть незамѣтнымъ и неслышнымъ, и въ то же время исполнительнымъ. Владиміръ все таки прогналъ Семена въ лакейскую, заперъ за нимъ дверь и, бросившись ничкомъ на постель, сталъ бороться съ собою. Но сердце не слушалось его, подбородокъ тоже вышелъ изъ повиновенія и дергался; горло судорожно сжалось, изъ глазъ

полились слезы, и онъ зарыдалъ, какъ честолюбивый школьникъ, котораго лишили награды, увѣнчавъ ею другаго счастливца.

Онъ нисколько не сомнѣвался, что конногвардеецъ — не братъ Римѣ. Рима недоступна для него и доступна для другихъ... Но этого мало: у нея свой особый міръ не только художественныхъ впечатлѣній и чувствъ, но и отношеній, и онъ совершенно не знаетъ его. Онъ чуждъ Римѣ, а послѣ вчерашняго скандала онъ никогда уже не проникнетъ въ заколдованное царство. Владиміръ сжималъ голову обѣими руками, проклиналъ Риму и вообще былъ въ такомъ ужасномъ настроеніи, что, взглянувъ на себя на другой день въ зеркало,— не узналъ своего распухшаго и потемнѣвшаго лица. Утромъ онъ не могъ ни читать, ни писать. Что-то ему надо было вспомнить. Наконецъ, онъ одѣлся и поѣхалъ въ конногвардейскія казармы.

— Есть у васъ въ полку офицеръ Брындзовскій?

— Такъ точно-съ.

Владиміръ вздохнулъ съ облегченіемъ, и ему стало стыдно за себя. Въ ресторанѣ, куда онъ зашелъ, онъ встрѣтилъ Кабича, своего литературнаго противника, и былъ съ нимъ любезенъ, угостилъ его шампанскимъ, даже согласился съ нимъ, что Иринархъ Плутарховъ, писавшій критическіе фельетоны въ газетѣ «Разсудительность» и недавно умершій, заткнулъ за поясъ Бѣлинскаго.

— Памятникъ бы ему воздвигнуть!—замѣтилъ Кабичъ.

Новоскольцевъ выразилъ желаніе пожертвовать на памятникъ Иринарху Плутархову десять рублей. Кабичъ приказалъ подать другую бутылку шампанскаго. Они разстались друзьями.

XLII.

Не получивъ отвѣта отъ Римы на свое письмо, Владиміръ сталъ искать встрѣчи съ нею, какъ въ началѣ лѣта, на Финляндской желѣзной дорогѣ. Но онъ напрасно поджидалъ ее на вокзалѣ. Случай пересталъ ему благопріятствовать. Наконецъ, примирившись съ судьбою, чувствуя себя во всѣхъ отношеніяхъ правымъ и кое-какъ залѣчивъ сердечныя раны гордостью, Владиміръ вернулся на дачу. Кстати, ему стало скучно безъ Сони...

Былъ ясный день. Соня въ широкополой дешевой соломенной шляпкѣ, поддерживая одной рукой подолъ ситцеваго платья, поливала цвѣты изъ большой синей лейки. Оранжевыя настурціи, алыя петуньи и красныя циніи вздрагивали подъ обильными брызгами воды. Съ неба струился солнечный свѣтъ. Сосны не шумѣли, пахло скошеннымъ сѣномъ. Терраса, повитая душистымъ горошкомъ, краснѣлась въ зелени приникшихъ къ ней кустовъ. Серафима Сергѣевна сидѣла въ садовомъ креслѣ подъ полотнянымъ навѣсомъ и вязала чулокъ.

— Теперь надолго?—спросила она, не выказывая особой радости, но спуская нѣсколько петель.

— Ахъ, Володя!—вскричала Соня.—Ты меня испугалъ. Я не узнала тебя!

Владиміръ хотѣлъ поцѣловать мать горячо, но поцѣловалъ холодно, едва дотронувшись губами до ея лба. Вѣдь она была виновницей его горя.

— Право, не знаю,—небрежно произнесъ онъ.—Вѣроятно, дня три пробуду (а на самомъ дѣлѣ онъ рѣшилъ пробыть, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли, если не случится ничего особеннаго).

Мать ничего не возразила и только крѣпче нажала спицей на спицу.

— Ты похудѣлъ, Володя!—съ участіемъ сказала Соня.—Обѣдалъ ты?

— Имѣю это обыкновеніе. Сегодня тоже обѣдалъ.

— А ягодъ хочешь? Я сама собирала на этомъ лугу. Когда скосили траву,—я нашла множество земляники.

Лугъ лежалъ между дачей и горнымъ уступомъ. Онъ былъ покрытъ теперь блѣдной поникшей травой. Вдыхая ея здоровыя испаренія, Владиміръ вспомнилъ петербургскую пыль, вспомнилъ Стрѣлку и вспомнилъ Риму. Соня засматривала ему въ глаза—онъ отвернулся.

— Ты какъ будто сердишься на меня?

— Не приставай, Сонька! Я похудѣлъ, а ты пополнѣла. Отъ тебя молокомъ пахнетъ, какъ отъ груднаго ребенка.

Онъ поднялся на верхъ, умылся и переодѣлся въ полотно. Когда Соня опять увидѣла его, она всплеснула руками.

— Да ты Кощей безсмертный!—повторила она.—Что ты дѣлалъ съ собой въ Петербургѣ? Вотъ ягоды, я дамъ тебѣ

сливокъ. Ты непремѣнно долженъ съѣсть на моихъ глазахъ. Прости, мнѣ хочется посидѣть возлѣ тебя.

Она порывисто припала къ нему на грудь и поцѣловала.

— Не театральничай!—сказалъ онъ.

— Что новаго въ городѣ?—спросила мать, входя въ столовую. И, съ сожалѣніемъ глядя на впалые глаза сына, подумала: «бѣдный дурачокъ»!—Что жь, Кремневъ уѣзжаетъ?

— Только въ августѣ; и я до октября буду завѣдывать журналомъ.

Серафима Сергѣевна вздохнула.

— Мнѣ нужна теперь усиленная работа,—пояснилъ Владиміръ.

— Почему теперь?

Онъ не отвѣтилъ и отодвинулъ ягоды, хотя Соня была увѣрена, что такой превосходной земляникой—съ совершенно темной мякотью—его ни разу не угощали у Брындзовскихъ.

— Мамочка, Володя перемѣнился еще больше!—сказала Соня по уходѣ брата, и слезы дрожали на ея рѣсницахъ.

— Я знаю мужской нравъ,—авторитетно отвѣчала Серафима Сергѣевна: — онъ просто недоволенъ собою... Будемъ любить его по прежнему, и сердце его вернется къ намъ.

Послѣ вечерняго чаю, Владиміръ долго сидѣлъ у себя на балконѣ. Стемнѣло. Небо затянулось сѣро-лиловыми тучами. Сосны стояли кругомъ дачи, какъ черные стражи. Было тепло и тихо, лишь издали доносился лепетъ горнаго ручья, да посвистывалъ ночной жаворонокъ.

— Володя, не прогонишь?—послышался голосъ Сони.—Можно?

Соня стояла на порогѣ, дрожа и улыбаясь. Свѣтъ лампы, горѣвшей позади нея на лѣсенкѣ, окружалъ, словно ореоломъ, ея чернокудрую головку.

— Какъ хочешь, а я принесла стаканъ парнаго молока,—сказала она.

Владиміръ залпомъ выпилъ молоко. Соня поклонилась ему въ поясъ.

— Чего, стрекоза, егозишь? Спитъ мама?

— Спитъ. Володя, помнишь,—понизивъ голосъ, начала Соня,—ты прежде мнѣ все говорилъ. Неужели нашей дружбѣ конецъ?

— Нѣтъ ни любви, ни дружбы, Соня, и я тебѣ совѣтую уходить по добру, по здорову,—сказалъ Владиміръ.—Или стой, подожди, пожалуйста—ты вѣришь въ бѣса?

— Володя, какимъ ты смѣшнымъ голосомъ спрашиваешь!

— Бѣсъ необыкновенно красивъ, мой другъ. Рога и копыта—чепуха. Точно также бѣсъ не путешествуетъ по вершинамъ Кавказа, а онъ тамъ, гдѣ кружатся наши самыя сладкія грёзы... Ты смотришь на меня, какъ идіотка. Ты ничего не понимаешь? И отлично! Ты умѣешь молиться; ступай помолись. А ко мнѣ, говорю тебѣ, не лѣзь.

Онъ ушелъ на балконъ и захлопнулъ за собой дверь. Соня стояла, ждала и спустилась съ лѣсенки. Ей было страшно.

XLIII.

Утромъ Соня подстерегла пробужденіе брата и, едва онъ вышелъ въ садъ и, сѣвъ на качельной доскѣ, началъ читать книжку, она подбѣжала къ нему — въ новомъ хорошенькомъ платьѣ, подаренномъ Володей—и, раскрывъ вѣеръ, сказала:

— Буду рабыней и не допущу, чтобы солнце мѣшало тебѣ дѣлаться умнымъ! Съ этой стороны, или съ той?

— Ни съ какой. Я люблю солнце.

— Была бы честь предложена... Кажется, дочиталъ до главы? Впрочемъ, я одна пойду...

— Куда?

— Къ горному ручью!

— Пойдемъ вмѣстѣ.

— Вотъ какъ!—вскричала Соня и запрыгала, какъ дѣвочка.

Она завязала ленты у шляпки, взяла Владиміра за руку и стащила съ качелей.

— Ручей сталъ еще интереснѣе!—начала она.—Кругомъ выросли новые цвѣты. Голубые съ бѣлыми жилками. На днѣ, немного выше, пропасть золотыхъ камешковъ! Не хочу я вѣрить въ бѣса, но я повѣрила бы, еслибы мнѣ сказали старые чухонцы, что добрый духъ живетъ или только купается въ горномъ ручьѣ. Каждый разъ, когда мнѣ скучно и больно, я бѣгу къ нему, какъ въ лѣчебницу, сажусь на камнѣ, смотрю, слушаю—и все, какъ рукой сниметъ... Милый, и тебѣ станетъ хорошо!

Они скоро очутились у горнаго ручья. Недавно бушевалъ вѣтеръ, упала сосна, которую крестьяне еще не успѣли превратить въ дрова, и запрудила ручей. Разбиваясь на тысячи мелкихъ и яркихъ брызгъ, ручей шумѣлъ, пѣнился, роптaлъ, и мертвая сосна дрожала, словно ее толкали чьи-то сильныя руки.

Живыя сосны бодро и весело толпились вокругъ. Птицы пѣли въ лѣсу, и голоса ихъ звонко раздавались въ высотѣ, какъ подъ сводами огромнаго свѣтлаго храма.

— Ты права, Сонька,—сказалъ Владиміръ.—Этотъ ручей—волшебникъ. У меня сразу прибыло силы. Я подниму тебя, какъ перышко.

Онъ схватилъ Соню на руки и, ступая по камнямъ, перешелъ черезъ ручей. Пока онъ несъ ее, она кричала, цѣпляясь за его плечи и шею, и осыпая поцѣлуями его лицо.

XLIV.

Этотъ день сблизилъ Владиміра съ Соней; однако же, не настолько, чтобы возвратиться къ прежней наивной дѣтской любви. Владиміръ велъ себя осторожно съ Соней и не пускался въ откровенности; у нея вертѣлись на языкѣ вопросы, которыхъ она не задавала вслухъ.

Послѣ обѣда, Владиміръ попросилъ сестру переписать и перевести, изъ размѣченныхъ краснымъ и синимъ карандашами нѣмецкихъ и французскихъ книгъ, цитаты, необходимыя для его будущей статьи. Такого высокаго довѣрія еще никогда не удостоивалась Соня. Она съ серьезнымъ лицомъ и съ нахмуренными бровями взяла перо, бумагу и углубилась въ работу.

— Какъ перевести:

«Die Sterne, die begehrt man nicht,
Man freut sich ihrer Pracht».

— Чему тебя учили въ пансіонѣ?—спросилъ Владиміръ.—Переведи: «радуются прекраснымъ звѣздамъ, которыхъ не желаютъ». Ты понимаешь что нибудь? Говорится не о генеральскихъ звѣздахъ, а о небесныхъ... Какъ жаль, что съ тобой нельзя углубиться въ матерію...

— Отчего же? Объясни—я все пойму. Честное слово, я постараюсь.

— Хорошо. Какъ ты думаешь: прекрасна жизнь?

— Прелестна.

— Прелестна! Дура! Я спрашиваю: прекрасна, а не прелестна.

— Ну, прекрасна!

— Такъ вотъ видишь ли: у Мерцалова въ повѣсти герой говоритъ: жизнь сама по себѣ дрянь и прекраснаго въ ней нѣтъ ничего; а прекрасны только образы жизни, если они вѣрно отражены искусствомъ. Короче: ты безобразна, Сонька, но посмотрись въ зеркало—и станешь красавицей,—съ улыбкой сказалъ Владиміръ.

Соня подумала и спросила:

— Но развѣ зеркало и искусство одно и то же?

— Искусство должно отражать правду, какъ зеркало.

— Но въ зеркалѣ ни одно отраженіе не держится.

— Ты, кажется, начинаешь разсуждать.

— Не сердись—я молчу.

— Я не требую, чтобъ ты молчала. Конечно, не держится. Но все равно, еслибы твой образъ запечатлѣлся въ зеркалѣ, онъ, по Мерцалову, былъ бы прекрасенъ.

— Образъ и правда, значитъ, одно и то же?

— Заладила: одно и то же, да одно и то же! А, впрочемъ, не одно и то же. Ты не ошибаешься, Сонька. Разумѣется, у тебя вопросъ невольно сложился, безъ участія твоего интеллекта. Я еще это обмозгую. Не каждая правда—образъ, хотя каждый художественный образъ—правда. Отмѣтимъ. Истина устами младенцевъ глаголетъ.

Не смотря на снисходительно-величавое отношеніе брата, Соня была очень счастлива, что мысль ея одобрена. Съ большимъ рвеніемъ исполнила она все, что было поручено ей, и когда, уставши съ непривычки, положила наконецъ перо, солнце уже сильно склонилось къ закату.

— Что жь, надо тебѣ что нибудь подарить, Соня?—сказалъ Владиміръ, пробѣгая написанное ею и видя, что въ сестрѣ онъ нашелъ толковаго и усерднаго секретаря.—Спасибо! Бери полъ-царства.

— Лучше поцѣлуй меня.

— Зачѣмъ тебѣ мои поцѣлуи?

— Скучно, когда ты холоденъ.

— Что дѣлать. Я принадлежу къ сорока тысячамъ братьевъ. Цѣлуй сама, если охота.

Владиміръ сидѣлъ у стола. Соня взглянула на него—и у нея крѣпко забилось сердце. Она хотѣла подойти и не могла; румянецъ алымъ огнемъ запылалъ на ея лицѣ; рѣсницы она потупила, руки стали дрожать. Въ первый разъ она ясно сознала, что чувствуетъ къ Владиміру не родственную любовь, а какую-то другую, и что это нехорошо и стыдно.

— Нѣтъ, ужь не надо,—сказала она.

— Понятно. Зимой я выдамъ тебя замужъ, успѣешь нацѣловаться.

— Володя...

— Размазня! Безъ слезливыхъ гримасъ!—повысивъ голосъ, произнесъ Владиміръ, и такъ какъ Соня намѣревалась уходить, онъ протянулъ руку, поймалъ ее, и она спрятала голову у него на плечѣ.

Тутъ вошла Серафима Сергѣевна.

— Дѣти, какъ я люблю, когда вы вмѣстѣ! Владиміръ, возврати намъ сердце твое. Владиміръ!

У Серафимы Сергѣевны бывали торжественныя минуты, когда вмѣсто: «Володя» она говорила: «Владиміръ»—и сыну это всегда казалось натянутымъ.

Онъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ Сони. А Соня отшатнулась отъ него.

— Не бойтесь матери!—продолжала Серафима Сергѣевна въ томъ же торжественномъ духѣ.

— Я хочу пройтись по берегу одинъ,—сказалъ Владиміръ и, не глядя на Соню и Серафиму Сергѣевну, взялъ съ этажерки шляпу.

— Кто это цвѣтовъ натыкалъ за ленту?—недовольнымъ тономъ спросилъ онъ и бросилъ полуувядшіе цвѣты на полъ.— Твои штуки, Соня?

— Прости—это утромъ, когда мы были у горнаго ручья...

— Съ *вами* только начни фамильярничать—*вы* по рукамъ и ногамъ свяжете!—проворчалъ онъ и, хотя мать начала говорить о примиреніи и даже сдѣлала нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ, онъ махнулъ рукой и сбѣжалъ по лѣстницѣ. «Съ мамой не можетъ быть примиренія»!—сказалъ онъ себѣ съ болью въ сердцѣ.

XLV.

Владиміру грезилось, что онъ внесетъ кое-что свое въ литературу. Конечно, и мерцаловскія идеи, казавшіяся оригинальными Кремневу, геніальными—Римѣ и парадоксальными—критикамъ, судившимъ Мерцалова, большею частью, по слухамъ (имъ самимъ некогда читать), находились въ преемственной связи съ идеями, которыя, можетъ быть, ярко и пышно цвѣли въ свое время и дали плодъ. Круговоротъ идей вѣченъ, и ни одна идея не погибаетъ, если только она облечена въ соотвѣтствующую форму. Тогда, упавъ даже на каменистую почву, она можетъ жить вѣка, какъ бы въ дремотномъ состояніи, подобно пшеницѣ, найденной въ египетскомъ саркофагѣ. Кто нибудь поднимете ее и посѣетъ въ другомъ мѣстѣ — и она вдругъ заблеститъ и засверкаетъ, и пуститъ корни, и упрочится въ сознаніи всѣхъ. Но, слыша не разъ, что Мерцаловъ—его духовный отецъ, Владиміръ возмущался. Онъ даже не зналъ всѣхъ произведеній Мерцалова! Какъ случилось, что его *собственныя* мысли были уже высказаны Мерцаловымъ, міросозерцаніе котораго,—какъ онъ былъ увѣренъ,—прямо противоположно его міросозерцанію? Непремѣнно — рѣшилъ онъ—надо провѣрить себя, сличить съ Мерцаловымъ и безжалостно урѣзать все мерцаловское, чтобы никто никогда не смѣлъ упрекнуть его въ подражаніи и въ позаимствованіи у Мерцалова. Новоскольцевъ еще былъ такъ молодъ, что истина могла быть принесена имъ въ жертву честолюбію или тщеславію.

Любви же онъ принесъ бы все въ жертву! Идя по берегу и размышляя о себѣ и о Мерцаловѣ, Владиміръ, въ угоду своему сердцу, обдумывалъ въ то же время фантастическій планъ, какъ сойтись съ Римой. Хорошо, онъ познакомится съ Мерцаловымъ и станетъ, на самомъ дѣлѣ, его преданнымъ ученикомъ. Отчего же не поступить въ науку къ человѣку, который, по крайней мѣрѣ, вдвое старше насъ? Но Рима требуетъ еще подвиговъ... Какихъ? «Надо быть сатаной или ангеломъ». Что это значитъ? Какъ жаль, что онъ подробно не разспросилъ ея тогда... Или тогда ему было все ясно? Пусть Рима прикажетъ — и онъ совершитъ какое угодно преступле-

ніе, онъ публично признаетъ, что ея поэтесса—замѣчательный талантъ; наконецъ, онъ совсѣмъ откажется отъ литературы... Что̀ литература безъ Римы!

У него были красные глаза, когда Соня увидѣла его. Но онъ не заговорилъ съ нею и, прямо поднявшись на верхъ, заперъ за собой дверь.

Скошенное сѣно распространяло медовый запахъ. На потемнѣвшихъ синихъ, совсѣмъ южныхъ небесахъ сіялъ, обративъ рога къ верху, серебряный полумѣсяцъ. Мерцали звѣзды.

Die Sterne, die begehrt man nicht,
Man freut sich ihrer Pracht...

— Нѣтъ, Гёте не правъ! Я радуюсь звѣздамъ, потому что желаю ихъ!

Внизу, на дачѣ Брындзовскихъ, горѣли огни. Мастерская Римы была освѣщена.

«Эти земныя звѣзды — ярче тѣхъ и еще недоступнѣе»!— подумалъ Владиміръ.

— Володя,—громкимъ шопотомъ, снизу изъ цвѣтника, произнесла Соня.—Володя!—позвала она громче.

Но не дождалась отвѣта.

XLVI.

Это не помѣшало, однако, Владиміру на другой день, гуляя утромъ съ Соней, вспомнить, вычеркнутое имъ самимъ, мѣсто изъ своей статьи о любви и поразить молодую дѣвушку отрицаніемъ чувства, которымъ онъ былъ такъ полонъ, что плакалъ вчера отъ тоски по недоступной Римѣ, а огни, сіявшіе въ ея окнахъ, предпочиталъ звѣздамъ, дрожавшимъ въ небесахъ. Въ своемъ анализѣ онъ дошелъ до того, что и родственную любовь назвалъ только «семейнымъ эгоизмомъ».

— Ты эгоистка и мама—тоже эгоистка, гораздо больше, чѣмъ ты! Я не люблю васъ самъ и, очень можетъ быть, скоро брошу. Позвольте мнѣ, милостивыя государыни, распорядиться своей судьбой! Очень возможно, что я отправлюсь купаться и исчезну, какъ мыльный пузырь.

Ему хотѣлось быть грознымъ и мрачнымъ, но видъ испуганнаго личика Сони смягчилъ его, и въ голосѣ его зазвучала шутливая нота.

— Во всякомъ случаѣ, я теперь пойду съ тобой, Володя,— сказала Соня, выходя съ нимъ за ворота.

— Во всякомъ случаѣ, ты останешься, глупѣйшая изъ Евъ! На мнѣ не будетъ костюма. Можешь укусить свой локоть!

Онъ насмѣшливо поклонился ей и быстро пошелъ ко взморью. Изъ парка былъ выходъ: узенькій переулочекъ, образовавшійся изъ просѣки, велъ къ пескамъ. Часы купанья были распредѣлены между мужчинами и дамами. Раннее утро принадлежало мужчинамъ. Владиміръ шелъ по самому берегу, иногда взбираясь на высокіе плоскіе камни и глядя оттуда на море, которое было гладко, какъ скатерть, и отражало въ себѣ пестрыя облака, вмѣстѣ съ быстрыми чайками и ласточками. Чуть замѣтные силуэты кораблей обозначались на горизонтѣ. Купающихся почти не было; мало по малу берегъ совсѣмъ опустѣлъ. Бѣлѣлся песокъ подъ прямыми лучами солнца, и глазамъ больно было смотрѣть.

Владиміръ все выбиралъ мѣсто поудобнѣе. Но, перейдя по грудѣ камней, набросанныхъ, въ видѣ мостика, черезъ крошечный заливчикъ, онъ увидѣлъ двухъ молодыхъ барышень въ ослѣпительно-красныхъ платьяхъ. Это были Полина и Катя Брындзовскія. Полина кивнула головой Владиміру; Катя издала восклицаніе:

— Ахъ, какъ мило! Не ваше время.

— Неужели? Виноватъ. Однако, еще нѣтъ десяти часовъ. Я просто гулялъ.

— И мы.

— Давайте гулять вмѣстѣ. Надѣюсь, мы никого не потревожимъ. Смотрите—ни души.

Онъ велъ себя развязно, какъ любезный свѣтскій молодой человѣкъ, но губы его дрожали, а непринужденная улыбка освѣщала черезчуръ блѣдное лицо.

Катѣ и Полинѣ было тоже неловко, хотя онѣ держались еще «корректнѣе»—какъ настоящія модныя картинки. Кстати, у нихъ были такія же осиныя таліи и замысловатыя прически, не имѣющія ничего общаго съ дачнымъ привольемъ. Сопровождая молодыхъ дѣвушекъ, Владиміръ, какъ бы невзначай, спросилъ:

— Всѣ ли были здоровы у васъ? Я заходилъ, и меня не приняли.

— Насъ не было, а Рима была занята—вотъ почему васъ не приняли.

— Затѣмъ я писалъ Римѣ Николаевнѣ — и не получилъ отвѣта.

— По поводу чего? — взглянувъ на Катю, освѣдомилась Полина.

Владиміръ осторожно упомянулъ о визитѣ Серафимы Сергѣевны.

— Насъ очень удивило какъ это внезапное появленіе вашей почтенной матушки, такъ и неожиданное исчезновеніе ея,— холодно проговорила Полина.

— Что случилось?

— Ничего не случилось—мы были крайне вѣжливы... Рима не вышла къ ней, потому что кончала картину.

— Ваша мама задала намъ нѣсколько странныхъ вопросовъ,—сказала Катя.

— Повидимому, то обстоятельство, что нашъ домъ—артистическій и мы всѣ работаемъ, особенно не понравилось вашей почтенной матушкѣ, — продолжала Полина, и тутъ она рѣшила, что, кажется, можно наконецъ скрасить сухость бесѣды очаровательной улыбкой.

Катя поняла улыбку сестры проще. Она подумала, что Владиміръ уже достаточно наказанъ за мать и можно быть любезнѣе и сердечнѣе съ этимъ милымъ молодымъ человѣкомъ. Поэтому она улыбнулась ему искренно и привѣтливо, и откровенно начала:

— По правдѣ сказать, Рима дуется на васъ... Вы могли замѣтить, какая она... Ваша мама все таки ветхозавѣтная женщина... Вы только вообразите себѣ ее въ мастерской сестры! А тутъ какъ разъ баронесса Энгель... мы называемъ ее баронессочкой—одѣта купидономъ! И вѣдь вотъ препротивная баронессочка... Она выскочила въ гостинную. Былъ ужасный эффектъ! Она нацѣлилась въ вашу маму изъ лука, потому что у нея близорукіе глаза—она приняла ее за кого нибудь изъ насъ. По мнѣнію Римы, вамъ слѣдовало всячески удержать вашу маму отъ визита. Она приписываетъ его вашему вліянію!

— Я ничего не зналъ объ этомъ визитѣ,—возразилъ Владиміръ.—Но все равно—поздно оправдываться, въ особенности когда не виноватъ. Сдѣлайте такъ, Катерина Николаевна,—

я знаю: вы добрая душа,—чтобы Рима Николаевна выслушала меня. Я увѣренъ, она проститъ меня, когда выслушаетъ. Обращаюсь и къ вамъ, Полина Николаевна. Меня угнетаетъ эта исторія. Наконецъ, мнѣ скучно!—вскричалъ онъ искусственно-весело.

Дѣвушки разсмѣялись и обѣщали молодому человѣку свое предстательство и заступничество. Онъ помогъ имъ перейти заливчикъ и попросилъ разсказать, что̀ новаго?

— А вотъ что,—отвѣчала Катя:—сервизъ Римы произвелъ фуроръ. Баронъ заказалъ фотографіи, и это будетъ напечатано въ иллюстрированныхъ журналахъ вмѣстѣ съ ея портретомъ. Она такая красивая, что отчего же не напечатать и портрета? Купидонъ оконченъ. Зазналась Рима страшно и мечтаетъ чуть не о всемірной извѣстности!

— Рима Николаевна въ городѣ?

— Нѣтъ, здѣсь. Второй день, какъ она проводитъ у Мерцалова—пишетъ его портретъ.

Губы Владиміра криво усмѣхнулись, и онъ, прищуривъ глаза, сказалъ:

— Рима Николаевна хотѣла мой портретъ писать.

Онъ вспомнилъ Стрѣлку и конногвардейскаго офицера, который уже нѣсколько разъ вызывалъ въ немъ непріятное чувство, какое онъ испытывалъ и теперь. Машинально онъ произнесъ:

— Въ городѣ я встрѣтилъ Риму Николаевну въ послѣдній разъ на Стрѣлкѣ вмѣстѣ съ конногвардейскимъ офицеромъ... Это вѣдь вашъ братъ?

— А, Поль! Мы называемъ его братомъ, но онъ кузенъ... Седьмая вода на киселѣ... Тѣ Брындзовскіе—богачи и въ ссорѣ съ русскими Брындзовскими, потому что они—поляки и строгіе католики. Отъ католичества отступился еще нашъ дѣдъ. У насъ только одна Рима немножко полякуетъ. Кромѣ того, ей католическій ритуалъ кажется эстетичнѣе, хотя она не вѣритъ... т. е. у нея свое представленіе о Богѣ. А, впрочемъ, я не знаю. Но дѣло въ томъ, что кузенъ отчасти стыдится насъ. Я правду говорю... Онъ встрѣтился съ Аглаей въ домѣ, гдѣ она давала уроки, и не узналъ. Фатъ! Римѣ онъ дѣлалъ предложеніе въ прошломъ году, да она отказала. Теперь онъ простылъ и ухаживаетъ платонически, въ благодарность — у него

есть возможность жениться на какой нибудь варшавской грабянѣ!

— Катя, ты съ ума сошла? — замѣтила Полина.—Откуда тебѣ все это извѣстно? Ты болтаешь, какъ дѣвчонка... До свиданья, Владиміръ Ивановичъ! Вамъ слѣдуетъ вернуться. Дамы завладѣли берегомъ!

У купальныхъ будокъ тамъ и сямъ бѣлѣлись женскія фигуры. Владиміръ круто повернулъ и, перерѣзавъ пески, исчезъ въ паркѣ.

XLVII.

Мерцаловъ сидѣлъ, какъ король, на красномъ креслѣ съ высокой рѣзной спинкой, возвышавшейся въ видѣ готической башни надъ его сѣдой кудрявой головой, и видѣлъ изъ окна весь берегъ въ перспективѣ вплоть до мыса, покрытаго сосновымъ лѣсомъ и увѣнчаннаго маякомъ. Онъ узналъ сестеръ Брындзовскихъ и замѣтилъ молодаго человѣка, подошедшаго къ нимъ. Но онъ промолчалъ—потому что не хотѣлъ мѣшать Римѣ.

Художница съ легкой палитрой на большомъ пальцѣ лѣвой руки, одѣтая такъ, что отъ стѣсняющей ткани были свободны даже ея плечи, въ батистовомъ чепцѣ и кокетливомъ бѣломъ передникѣ, тщательно подмалевывала портретъ. Еще губы, ноздри и очеркъ глазъ были залиты карминомъ, но Рима ужь угадывала сходство и была довольна. Она часто писала портреты прежде, но не рѣшалась выставлять ихъ. Портретъ Мерцалова долженъ рѣшить ея успѣхъ, какъ портретистки.

Это происходило въ полуциркулѣ, образуемомъ задней стѣною кабинета. Высокія окна изъ цѣльныхъ зеркальныхъ стеколъ были обращены къ морю. Подоконники и косяки, расписанные и раззолоченные въ византійскомъ вкусѣ, производили странное впечатлѣніе. Въ узкихъ простѣнкахъ были нарисованы, по шаблону, схемы златокрылыхъ ангеловъ съ большими черными глазами. Они были скопированы съ фресокъ одного стариннаго равенскаго монастыря. Весь кабинетъ представлялъ собою что-то въ родѣ храма—смѣсь азіатскаго и греческаго:—мавританскіе орнаменты, панно съ рисунками до-рафаэлевской эпохи, образа строгановскаго письма, древній коверъ въ нишѣ

и книжный шкафъ, купленный въ Новгородѣ и, можетъ быть, принадлежавшій одному изъ новгородскихъ владыкъ,—черный, дубовый и въ мелкой рѣзьбѣ, изображающей послѣдовательно всѣ событія священной исторіи, начиная отъ сотворенія міра и кончая крестной казнью Іисуса. Каждый уголокъ кабинета служилъ пріютомъ какой нибудь драгоцѣнной вещи: флорентинскіе мозаичные столики, и на нихъ бронзы и мраморы, складни съ финифтью, автографы геніальныхъ людей, часы мастеровъ, работавшихъ съ артистическимъ вдохновеніемъ одну и ту же вещь нѣсколько лѣтъ.

На большомъ письменномъ столѣ, опиравшемся на тяжелыя выпукло-изогнутыя львиныя лапы, лежала только десть бумаги и было брошено нѣсколько очиненныхъ карандашей.

Свѣтъ падалъ на лицо Мерцалова яркой волной. Большой горбатый носъ выдавался впередъ, и на немъ не было ни одной красной жилки—признакъ трезвой жизни. Сѣрые глаза смотрѣли усталымъ взглядомъ. Но по временамъ они вдругъ загорались, и Рима понимала, что самое трудное — это глаза Мерцалова, которые постоянно живутъ и постоянно умираютъ, вспыхиваютъ и гаснутъ. Если она совладаетъ съ глазами, вольтеровскій ротъ его уже не представитъ затрудненій.

Фигура у него была тучная и такъ какъ онъ брилъ бороду и усы, то былъ похожъ на актера... только печать безумія, лежащая на всѣхъ бритыхъ служителяхъ Мельпомены, сказывалась еще опредѣленнѣе, хотя совсѣмъ иначе—въ этомъ безуміи не было ничего ограниченнаго, мелочнаго и суетливаго; это было величавое безуміе, знающее себѣ цѣну, безуміе независимаго и гордаго существа. Величайшему въ мірѣ актеру необходимы подмостки, лады съ театральнымъ начальствомъ и съ товарищами; онъ—рабъ автора, и еще больше рабъ публики, причемъ безчисленное множество людей, которые способны оцѣнить его и понять, никогда его не видятъ и не слышатъ; и онъ дѣйствуетъ не только въ пространствѣ, но и на протяженіи маленькаго времени. Уже въ старости его несправедливо забываютъ. Другое дѣло — писатель. Самый бездарный писатель разсчитываетъ на безсмертіе и на «безпристрастную» оцѣнку. Правда и то, что на челѣ многихъ писателей лежитъ, вмѣсто печати возвышеннаго безумія, печать идіотизма.

Но мы не говоримъ о безуміи въ прямомъ смыслѣ слова.

Это—безуміе, которое соглашается считать себя таковымъ, въ отличіе отъ пошлаго ума, присущаго всѣмъ такъ называемымъ «интеллигентамъ», которые то рабски преклоняются предъ лучшими и, можетъ быть, единственными представителями человѣческой расы,—если тѣ достигли всемірной извѣстности и славы,—то желтѣютъ отъ дрянной зависти и кидаютъ грязью въ людей высшей породы, мечтая, что хорошо было бы, въ видахъ торжества скромности и процвѣтанія общепринятой морали, освященной всѣми либеральными и консервативными кодексами, признать ихъ сумашедшими, держать въ клѣткахъ и по праздникамъ, пользуясь досугомъ, дразнить великихъ плѣнниковъ пошлости различными способами, и въ томъ числѣ книгами, гдѣ въ поученіе интеллигентамъ доказывается, что идіотизмъ и геній родственны другъ другу.

Мелодичный звонъ часовъ нарушилъ безмолвіе кабинета, превращеннаго Римой въ мастерскую. Часы били и играли какой-то старинный мотивъ. Печальная, призрачная музыка! Въ двѣнадцать часовъ подавался завтракъ. Красивая служанка-нѣмка вошла и объявила, что столъ накрытъ. Рима моментально положила кисти и палитру; Мерцаловъ всталъ, подалъ ей руку и повелъ въ столовую.

— Вы устали, Рима,—сказалъ онъ:—я чувствую, у васъ дрожитъ рука.

Лѣтомъ столовая помѣщалась въ маленькомъ зимнемъ саду—въ оранжереѣ, наполненной пышными цикламенами и разнообразными орхидеями;—были даже сибирскіе ятрышники. Изъза зелени выступали бронзовые и мраморные фигуры и бюсты. А на особомъ пьедесталѣ господствовала величавая монументальная бронза Лефебра, «Падшій ангелъ», геніальное изображеніе безсмертной тоски, ничѣмъ ненасытимой гордости, могучій образъ злобы и презрѣнія къ міру, гдѣ суждено вѣчно влачить существованіе духу непокорства и жажды всевѣдѣнія и всемогущества. Обѣденный столъ былъ трехъугольный. У Мерцалова словно не бывало больше двухъ гостей. Обѣденная коллегія его ограничивалась троицею.

Рима сѣла противъ Сатаны Лефебра. И прежде, бывая у Мерцалова и не разлучаясь съ нимъ иногда по недѣлямъ, Рима испытывала стѣсненіе сердца — ея душа не смѣла развернуться во всю ширь своихъ крыльевъ. Теперь, послѣ раз-

молвки съ Мерцаловымъ, нашедшимъ, что молодая дѣвушка невѣрно понимаетъ его, она боялась раскрыть ротъ. Съ одной стороны Мерцаловъ, съ другой Сатана Лефебра — было отчего почувствовать оцѣпенѣлость ума.

Но вкусный завтракъ, состоявшій изъ блюда дупелей и изъ растегаевъ съ форелью и испанскимъ лукомъ,—завтракъ, сопровождаемый нѣсколькими наперстками душистыхъ старыхъ винъ и ликеровъ; наконецъ, ласковое обращеніе хозяина и его гостепріимство — все это возымѣло нѣкоторое дѣйствіе на Риму. Къ ней отчасти вернулось ея самообладаніе.

XLVIII.

— Я видѣлъ молодаго человѣка—щеголя и, кажется, красавца... Онъ подошелъ къ вашимъ сестрамъ, когда онѣ гуляли по берегу. Вы замѣтили?

— Замѣтила.

— У него незаурядная наружность. Кто онъ?

— Новоскольцевъ, писатель. Онъ ненавидитъ васъ.

— Онъ мнѣ очень понравился. Какъ писатель, онъ тоже заслуживаетъ одобренія. Кремневъ вырвалъ изъ журнала его статьи и недавно привезъ мнѣ пересмотрѣть. Я прочиталъ. У него есть и сумбуръ въ головѣ, но, въ общемъ, онъ—на вѣрной дорогѣ. Полуобразованные литераторы, обладавшіе иногда большимъ талантомъ, такъ спутали всѣ понятія и затмили истину, что нельзя требовать отъ начинающаго полной трезвости и ясности міросозерцанія. Туманъ окутываетъ собою большинство предметовъ, но сквозь него все таки можно различить вѣрныя очертанія. По моему, Новоскольцевъ любитъ меня. Въ каждой статьѣ его я нашелъ частицу себя самого. Онъ еще блуждаетъ, но ему свѣтитъ мой маякъ.

— Я говорила съ нимъ о литературѣ и объ искусствѣ. Основное положеніе его ваше—идеалы и правда должны совпадать.

— Подъ *правдой* я разумѣлъ всегда высшую правду. Разоблаченіе тайнъ жизни и ея цѣлей—высшая правда. Но она доступна немногимъ. Вы умница, но и вамъ она недоступна—вы ея боитесь, потому что отъ нея кружится голова. Никогда я не говорилъ, что идеалы и правда должны совпадать, хотя

можно сдѣлать такой выводъ изъ моихъ взглядовъ, при недостаточно внимательномъ отношеніи къ нимъ. Я бы хотѣлъ, однако, чтобы вы выслушали меня. Всѣ идеалы сводятся къ грёзамъ не о высшей правдѣ, которая уже есть на землѣ и которою всѣ смутно тяготятся, а о возвышенныхъ обманахъ. Оттого-то поэтъ сказалъ: «тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ». Толпа проситъ у своихъ избранниковъ красивой лжи, чтобы убаюкать тоску своего пошлаго существованія и развлечь свое, отупѣвшее отъ страданій, сердце. Избранники пишутъ поэмы, романы и философскіе трактаты, и провозглашаютъ сегодня одинъ идеалъ, завтра другой, никогда точно не очерчивая его, потому что ложь сильнѣе дѣйствуетъ, если она не можетъ быть досказана. Досказанная ложь обнаружила бы свою мизерность. Наѣздники пера, отличающіеся особой убогостью мысли, вызываютъ насмѣшливую улыбку даже на губахъ простыхъ людей, когда пишутъ, что идеалъ,—напримѣръ, экономическій,—заключается въ томъ, чтобы у каждаго крестьянина подавалась къ обѣду курица. Это чудесное и доброе желаніе, и пусть оно скорѣе осуществится; но для идеала это слишкомъ жалко. Гораздо успѣшнѣе дѣйствуютъ тѣ публицисты, которые то и дѣло упоминаютъ въ своихъ статьяхъ о великихъ идеалахъ и широкихъ началахъ, не имѣя о нихъ ни малѣйшаго представленія, потому что душа ихъ на самомъ дѣлѣ не вмѣщаетъ въ себѣ даже курицы будущаго. Идеалы могутъ создавать,—если это имъ еще не надоѣло и если они, дѣйствительно, чувствуютъ состраданіе къ человѣчеству,—только художники, то есть поэты, скульпторы, живописцы. У Новоскольцева я встрѣтилъ осмѣяніе идеаловъ, которые онъ называетъ миражами, въ отличіе отъ конкретныхъ идеаловъ. Это, вѣроятно, подъ моимъ вліяніемъ—онъ дурно понялъ какую нибудь мою мысль, не продумалъ ея до конца и переиначилъ, потому что у него все же творческая голова. Конкретныхъ идеаловъ нѣтъ совсѣмъ, какъ нѣтъ конкретныхъ возвышенныхъ обмановъ, какъ нѣтъ конкретнаго мнимаго міра. Пока толпа будетъ дѣтски-наивна, отчего же, на радость и на утѣшеніе ей, не устраивать балагана съ возвышенными фееріями и благородными ракетами, потухающими, въ концѣ концовъ, въ пустыхъ небесахъ? Прочно скованный и позолоченный обманъ даетъ счастье двуногой породѣ иногда на много лѣтъ, на много

вѣковъ и тысячелѣтій. Ветшаютъ одни идеалы—ихъ замѣняютъ другими. Что же касается до высшей правды, то она—разъѣдаетъ идеалы и не имѣетъ съ ними ничего общаго, кромѣ только того, что всѣ авторы величайшихъ идеаловъ владѣли знаніемъ и высшей правды, и оттого въ ихъ произведеніяхъ и откровеніяхъ столько скорби и пессимизма, чего толпа даже не замѣчаетъ, къ счастью для нея.

— Но въ высшей правдѣ развѣ нѣтъ красоты?

— Красоты нѣтъ. Красота—это дѣло нашихъ рукъ и нашей фантазіи, и она условна, подобно нравственности. Красота всегда субъективна. Высшая же правда объективна. Божественные умы стремятся только къ ней, опрокидывая красоту на своемъ пути, отрѣшаясь отъ нея, или становясь, во всякомъ случаѣ, выше ея. Риѳмы, погремушки, образы, сочетанія словъ, звуковъ и красокъ,—все это для толпы или для себя, но въ томъ періодѣ, когда мы еще сами живемъ отчасти радостями толпы. Когда жь настаетъ періодъ высшаго познанія, цвѣтъ красоты опадаетъ. Объективная правда можетъ быть достояніемъ только двухъ-трехъ человѣкъ—украшенія становятся балластомъ.

— Какъ безотрадно! Что же дальше?

— Ничего. Стоишь на высотѣ... Помните, мы были съ вами въ горахъ? Утро зажгло облака, которыя далеко внизу, вѣнцомъ, опоясывали льды; а мы любовались съ вершины и были спокойны и чувствовали себя легко. Эти облака—идеалы, надъ которыми мы съумѣли возвыситься, достигнувъ высшей правды... У подошвы знанія всегда ютятся жалкія лачуги, и не одна пара пытливыхъ глазъ смотритъ оттуда на облака и ждетъ отъ нихъ утѣшенія. Но очень немногіе поднимаются въ заоблачную высь... Кто счастливѣе, кому отраднѣе?

XLIX.

Такъ, между завтракомъ и чашкой кофе, бесѣдовалъ Мерцаловъ съ Римой Брындзовской.

Но молодая дѣвушка все таки не усвоила себѣ словъ того, кого она называла своимъ учителемъ. Ей показалось, что стоять выше идеаловъ—значитъ и попирать ихъ. Отрѣшиться отъ идеаловъ можно, но какъ отрѣшиться отъ личнаго счастья во имя объективной правды? Отчего же на ту высоту, съ которой

орлы смотрятъ на солнце и въ бездны долинъ, не поднять хоть небольшой грузъ земныхъ утѣхъ? Личное счастье было бы тамъ безусловное. Развѣ боги не пировали и не грѣшили на Олимпѣ? Женская логика ея не совпадала съ логикой учителя; отвлеченная мысль не находила радушнаго пріема въ ея головкѣ, гдѣ было прекрасно и изящно, какъ въ будуарѣ, но гдѣ не было полки съ сочиненіями мудрецовъ, а между тѣмъ все располагало къ нѣгѣ и къ сладострастію.

Рима хорошо помнила прежнія свои бесѣды съ Мерцаловымъ, который именно ставилъ ей въ вину эту наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ. И на заоблачныя высоты она готова была тащить за собой хвостъ поклонниковъ, хорошенькихъ наперсницъ и картонки съ легкими грѣшками и женскими преступленіями. Сладострастіе, очищенное платонизмомъ. было въ свое время пережито и Мерцаловымъ. Были пережиты имъ и грубыя формы сладострастія. Но, добившись побѣды надъ дурными порывами сердца, Мерцаловъ сталъ презирать тѣхъ, кто этого еще не добился. Онъ забылъ о своемъ возрастѣ, который былъ могучимъ союзникомъ его.

Жизнь кипѣла въ сердцѣ Римы. Душа рвалась за облака, но ей жаль было стряхнуть съ своихъ крыльевъ росу и ароматъ земныхъ цвѣтовъ. По своему, она была права. Ужь если смотрѣть на идеалы сверху внизъ, то въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ розъ...

L.

Рима направила разговоръ опять на Владиміра:

— Я такъ невѣжественна, и мнѣ трудно критиковать великихъ людей... но все же мнѣ кажется, что Новоскольцевъ никогда не поднимется до такой высоты, чтобы смотрѣть на идеалы, какъ на облака, плывущія внизу. Онъ предпочитаетъ ихъ совсѣмъ отрицать. Между вами и имъ не можетъ быть родственной связи, а тѣ пункты, въ которыхъ онъ совпадаетъ съ вами—простая случайность или не преднамѣренный плагіатъ. Повторяю, онъ ненавидитъ васъ.

— Ненависть—признакъ молодой и гордой натуры. Только въ мои годы перестаютъ ненавидѣть. Ему стыдно признаться передъ самимъ собой, что онъ роковымъ образомъ упрется въ

мой уголъ. Отрицаніе идеаловъ не важно. Передъ лицомъ высшей правды они сами себя отрицаютъ. Онъ дѣлаетъ ту ошибку, что отрицаетъ ихъ призрачную цѣнность. Дѣйствительной же цѣнности они никогда не имѣли и не могутъ имѣть. Я увѣренъ, что еслибъ онъ встрѣтился со мною и поговорилъ, онъ полюбилъ бы меня, какъ я его заочно люблю, и мысли его прояснились бы. Приведите его ко мнѣ когда нибудь.

— Едва ли. Съ нѣкоторыхъ поръ я стала его избѣгать. Сначала онъ понравился мнѣ, потомъ я увидѣла, что онъ еще... Однимъ словомъ, я не выношу неустановившихся мужчинъ, хотя бы они были геніями. Оставаясь съ нимъ вдвоемъ, рискуешь подвергнуться непріятности. Послѣ двухъ или трехъ встрѣчъ, онъ имѣетъ привычку дѣлать предложеніе.

— Пустяки! Можно простить. Разскажите-ка мнѣ подробнѣе, что у васъ было съ нимъ.

Рима разсказала, стараясь быть объективной — во вкусѣ Мерцалова. Мерцаловъ объективно выслушалъ. Устремивъ на молодую дѣвушку свои зоркіе тревожные глаза, онъ прочиталъ въ ея душѣ, какіе виды у нея на Владиміра. Покачавъ головой, онъ произнесъ:

— Дурныя наклонности продолжаютъ подтачивать ваше сердечко, Рима.

Она вспыхнула, хотѣла возразить, но замолчала и потупила рѣсницы.

Завтракъ кончился. Мерцаловъ докурилъ маленькую благовонную гаванну, всталъ и пошелъ въ кабинетъ. Рима заняла мѣсто у мольберта. Сеансъ продолжался.

Изъ окна виднѣлся берегъ и виднѣлось взморье, съ силуэтомъ маяка на мысѣ. Слышался мѣрный шумъ волны, разбивавшейся о прибрежные камни.

І. Ясинскій.

(Продолженіе будетъ).

Роса.

Нѣмая ночь надъ міромъ ворожитъ,
Но до небесъ не досягаютъ грёзы.
Блѣднѣя, мракъ съ лица земли бѣжитъ—
Росою падаютъ безсилья слезы.

Стоятъ въ долинѣ стройныя березы
И пеленой туманъ кругомъ лежитъ.
Онъ стелется, онъ таетъ и дрожитъ.
Поетъ пѣтухъ. Востокъ алѣе розы.

Вотъ брызнулъ свѣтъ—сѣдой туманъ пропалъ,
Лишь—какъ алмазъ и яхонтъ, и опалъ—
Роса на листьяхъ и цвѣтахъ искрится;

Но высохнетъ прозрачная роса
И пàромъ улетитъ на небеса—
Она въ дождѣ на землю возвратится.

Н. Энгельгардтъ.

КЪ ВОПРОСУ О ВСЕНАРОДНОЙ ПЕРЕПИСИ [1].

Не далеко отъ насъ то время, когда русскіе экономисты почти исключительно интересовались выводами западно-европейской науки и, игнорируя дѣйствительную жизнь Россіи, судили о ней на основаніи общихъ научныхъ взглядовъ. Въ наше время дѣло измѣнилось. Практика убѣдила, что знаніе научныхъ положеній и законовъ не освобождаетъ насъ отъ необходимости близкаго и детальнаго изученія Россіи, и что правительственная дѣятельность въ той лишь мѣрѣ можетъ быть полезна и плодотворна, въ какой она основана на точномъ знаніи народной жизни.

Хотя русскіе экономисты и сознали уже необходимость изученія Россіи, но мы все таки не можемъ похвалиться знаніемъ своего отечества. Кто станетъ спорить противъ того, что и доселѣ многіе изъ русскихъ гораздо полнѣе знаютъ западную Европу, а нѣкоторые лучше знакомы съ Азіей, Африкой, Австраліей, чѣмъ съ какой нибудь вятской или астраханской губерніей. Между тѣмъ, даже самые глухіе, самые отдаленные углы Россіи представляютъ глубокій жизненный интересъ:—они живутъ полною своеобразною жизнью, о которой до образованнаго класса доходятъ лишь отрывочныя свѣдѣнія.

Такъ какъ русская экономическая литература, сравнительно, очень недавно взялась за изученіе русской жизни и ея экономическихъ особенностей, то читающей публикѣ еще возможно ознакомиться съ хозяйственными условіями нашихъ центральныхъ губерній, но нельзя сказать, чтобы она могла найти много данныхъ о русскихъ окраинахъ. У насъ еще совсѣмъ нѣтъ популярныхъ изданій, знакомящихъ общество со всѣми частями нашего обширнаго отечества,—съ бытомъ, нравами, обрядами, обычаями, жизнью его населенія. Медленность въ изученіи Россіи, имѣющая множество причинъ географическаго, экономическаго, культурнаго характера, зависитъ, можетъ быть, главнѣйшимъ образомъ отъ способовъ разрѣшенія нашихъ государственныхъ вопросовъ. И въ самомъ дѣлѣ,

[1]) *Источники*: 1) «Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 г.». 2) «Очеркъ развитія вопроса о всеобщей народной переписи въ Россіи», изданіе Центральнаго статистич. комитета, 1890 г. 3) «Объ устройствѣ источниковъ статистики населенія въ Россіи» *А. Бушена*, 1864. 4) *Янсонъ*: «Устройство правильной переписи населенія въ Россіи», двѣ статьи, помѣщенныя въ I и II томахъ «Сборника государственныхъ знаній», подъ редакціей *В. П. Безобразова*. 5) *Янсонъ*: «Техника переписей населенія»; 2 статьи, помѣщ. въ V и VI книжкахъ «Сѣвернаго Вѣстника» за 1891 годъ.

еслибы мы оставили путь разрѣшенія своихъ вопросовъ на основаніи данныхъ различныхъ канцелярій, оторванныхъ отъ жизни, и съ помощью чиновниковъ, лишенныхъ живаго участія въ ней, то несомнѣнно достигли бы двухъ существеннѣйшихъ цѣлей. Во-первыхъ, данныя для разрѣшенія многоразличныхъ законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ вопросовъ собирались бы у насъ тогда не въ спертыхъ канцеляріяхъ, а на свѣжемъ воздухѣ дѣйствительной жизни, и, во-вторыхъ, всестороннее изученіе нашего обширнаго отечества пошло бы быстрыми шагами.

Всѣмъ извѣстно тяжелое положеніе современной Россіи. Въ настоящую трудную минуту, когда экономическое состояніе нашего отечества представляется довольно запутаннымъ, не лишнимъ будетъ, вспомнить о нашемъ незнаніи Россіи и объ отсутствіи данныхъ, касающихся главныхъ моментовъ ея жизни.

Незнаніе русской дѣйствительности является такимъ громаднымъ зломъ, всѣ послѣдствія котораго трудно сосчитать и взвѣсить: оно лишаетъ центральное правительство твердой фактической основы для дѣятельности; мѣстную правительственную и общественную власть—возможности цѣлесообразнаго и своевременнаго принятія надлежащихъ мѣръ; торговыхъ людей — возможности правильныхъ разсчетовъ; наконецъ, незнаніе окружающихъ экономическихъ условій печально отражается на дѣятельности каждаго русскаго. Возьмемъ ли мы рѣшеніе какого нибудь широкаго государственнаго *вопроса*, остановимся ли мы на примѣрѣ частномъ и узкомъ, мы одинаково замѣтимъ отсутствіе хотя бы приблизительно вѣрныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о Россіи, приступить къ осуществленію различныхъ полезныхъ мѣръ и вообще выработать твердыя начала для государственной дѣятельности. Всѣмъ еще памятно, какъ ярко и рельефно выразилось отсутствіе у насъ статистики населенія и сельско-хозяйственной статистики, когда земства и губернаторы приступили къ исчисленію суммъ, необходимыхъ для обсѣмененія полей и продовольствія населенія: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ этомъ случаѣ, ошибки выразились въ нѣсколькихъ милліонахъ рублей! Конечно, такихъ ошибокъ въ дѣятельности земствъ и губернаторовъ можно было бы привести очень много, но дѣло въ томъ, что всѣ подобныя ошибки, имѣвшія мѣсто въ различныхъ концахъ Россіи, вызываются одной общей причиной—отсутствіемъ сколько нибудь вѣрныхъ статистическихъ данныхъ. У насъ не только нѣтъ статистики земледѣлія, промышленности, народнаго просвѣщенія, народной нравственности, статистики податей и т. д., но у *насъ нѣтъ даже правильной статистики населенія и земельной статистики.* Со времени послѣдней — десятой — ревизіи, численность населенія Россіи не опредѣлялась, а цифры, ежегодно стекающіяся въ правительственныя учрежденія, не отличаются даже приблизительною точностью. Разъ неизвѣстна численность населенія всей губерніи, отдѣльныхъ уѣздовъ, волостей, то неизвѣстно, стало быть,—говоря съ продовольственной точки зрѣнія,—число ѣдоковъ въ губерніи, уѣздѣ, волости, а безъ этихъ цифръ немыслимо опредѣлить и количество хлѣба, необходимаго для извѣстнаго района.

Но не въ минуты только народныхъ бѣдствій обнаруживается неудовлетворительность статистическаго дѣла въ Россіи. Всякій знаетъ, что хозяйственная жизнь народа не складывается свободно въ силу фактическихъ условій; напротивъ того, она регулируется юридическими нормами и направляется общей финансовой и экономической политикой страны. Испытывая сознательное воздѣйствіе властей, народная жизнь измѣняется, сообразно съ характеромъ этого воздѣйствія, ухудшаясь или улучшаясь, смотря по тому, вѣрно ли мы поняли самую жизнь и правильно ли выбрали средства для полученія желательныхъ результатовъ. Благодаря исторически сложившимся условіямъ, у насъ въ Россіи тотъ или другой складъ экономическихъ отношеній создавался и создается подъ сильнымъ вліяніемъ государства. Но какъ регулировать хозяйственную жизнь народа, не зная бытовыхъ свойствъ каждой мѣстности, ея обычаевъ, характера населяющихъ ее народностей? Можетъ ли быть создана правильная экономическая политика въ странѣ, не изученной даже въ общихъ чертахъ? Можетъ ли быть установлено благотворное вліяніе на народную производительность, если правительство не знаетъ точно всѣхъ особенностей территоріи, ея климата и почвы, численности населенія, его роста, распредѣленія, коэффиціента смертности во всемъ государствѣ и въ отдѣльныхъ его частяхъ и пр., и пр.? Незнаніе жизни является громаднымъ зломъ не только для центральной, но и для мѣстной власти. Мѣстнымъ органамъ правительственной и общественной власти у насъ предоставлены широкія права и обязанности: имъ поручены заботы объ экономическомъ развитіи края, завѣдываніе народнымъ образованіемъ, врачебной помощью, продовольственнымъ дѣломъ, путями сообщенія, государственными и общественными сборами, раскладкой ихъ и пр., и пр. Между тѣмъ, у насъ нѣтъ цифровыхъ данныхъ, необходимыхъ для этой многообразной дѣятельности администраціи, нѣтъ статистическихъ свѣдѣній; а безъ нихъ никакой администраторъ, сознательно исполняющій свои обязанности, не рискнетъ воздѣйствовать на жизненныя отношенія. Съ другой стороны, можетъ ли быть создана правильная система финансоваго управленія, если неизвѣстно, какъ велики производительныя силы народа, когда не изучены самый податной источникъ и податная сила плательщиковъ въ каждой мѣстности?

Неимѣніе цифръ отнимаетъ у насъ всякую возможность не только знать всю численность населенія Россіи,—что очень важно,—но и тѣхъ составныхъ ея частей, изъ которыхъ слагается общая цифра. Между тѣмъ, раздѣленіе Россіи на губерніи и уѣзды, количество низшихъ чиновъ полиціи, величина призывныхъ участковъ основаны, какъ извѣстно, на численности населенія, которая, по закону, является также однимъ изъ признаковъ, отличающихъ село отъ города. Затѣмъ, весьма важно знать число лицъ, подлежащихъ воинской повинности, число дѣтей школьнаго возраста, число ежегодно рождающихся, умирающихъ, заболѣвающихъ, коэффиціенты смертности и пр., и пр. Все это у насъ неизвѣстно съ той вѣрностью и полнотою, какія требуются наукой и практикой. Такая реформа, какъ введеніе всесословной воинской повинности, застала

насъ совершенно врасплохъ. Въ такомъ точно положеніи оказываемся мы передъ всякой реформой. Словомъ сказать, отсутствіе статистическихъ данныхъ отнимаетъ у насъ всякую возможность правильной и цѣлесообразной дѣятельности. Изъ важности и отсутствія статистическихъ данныхъ, естественно, вытекаетъ необходимость ихъ полученія. Извѣстно, что точное и вѣрное исчисленіе и описаніе населенія составляютъ фундаментъ всякихъ статистическихъ изысканій, являются основой статистическихъ работъ и краеугольнымъ камнемъ всего зданія правильной статистики. Только тогда, когда будетъ собранъ и обработанъ этотъ основной статистическій матеріалъ, можно организовать и текущую статистику, которая охватываетъ всѣ стороны народной жизни.

Какъ наукой, такъ положеніями международныхъ статистическихъ конгрессовъ и практикой всей Европы, признано, что наиболѣе точнымъ и вѣрнымъ способомъ исчисленія населенія является *однодневная перепись*. Вслѣдствіе этого, въ настоящее время численность и составъ населенія во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ опредѣляются при помощи переписей. Въ числѣ странъ, не имѣющихъ правильныхъ переписей (Турція, Румынія и Черногорія) находится и Россія, гдѣ мѣсто переписей занимали такъ называемыя ревизіи, долгое время являвшіяся единственнымъ источникомъ для опредѣленія численности населенія. Указомъ Петра Великаго, 26 ноября 1718 года, было положено основаніе нашихъ ревизій, причемъ первая изъ нихъ закончилась въ 1722 году. Вторая ревизія была назначена 16 сентября 1742 г. и продлилась до 1747 г. Третья ревизія продолжалась между 1761—1767 годами, четвертая—между 1781—1787 гг., пятая начата въ 1794 г., шестая назначена въ 1811 г.; манифестъ о седьмой ревизіи вышелъ 20 іюля 1815 г., манифестъ о восьмой—въ 1833 году, указъ девятой—1850 и, наконецъ, уставъ десятой—послѣдней ревизіи—въ 1857 году.

Какъ исторія происхожденія, такъ и практика нашихъ ревизій, показываютъ всю неудовлетворительность этого способа исчисленія населенія. Начать съ того, что ревизіи не охватывали всего населенія государства, будучи «спеціально финансовой мѣрой для опредѣленія количества податей и распредѣленія платежа ихъ». Во-вторыхъ, при ревизіяхъ исчисленіе даже податной части населенія было всегда неудовлетворительно, такъ какъ тутъ обращали вниманіе только на полъ, но мало интересовались другими важными признаками населенія. Неудовлетворительность нашихъ ревизій признана не только представителями науки, но и администраціей. Такъ, еще при производствѣ 8 и 9 ревизій, академикъ Кеппенъ указалъ на недостатки этого способа исчисленія жителей. Затѣмъ, въ томъ же смыслѣ высказалось въ 1856 г. и русское географическое общество, которое объявило конкурсъ на «начертаніе лучшаго устройства операцій народоисчисленія въ Россіи». Къ сроку было представлено только одно сочиненіе подъ девизомъ: «цифры управляютъ міромъ», которое признано неудовлетворительнымъ. При обсужденіи устава десятой ревизіи, противъ нея, какъ способа исчисленія жителей, высказались министры внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ; вслѣдъ за этимъ статистическій ко-

митетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, черезъ г. министра, довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о вопіющей разницѣ, открывшейся въ исчисленіи общаго итога населенія Россіи по даннымъ ревизій и по ежегоднымъ свѣдѣніямъ, доставляемымъ губернаторами. Въ 1861 г. русское географическое общество и присоединившійся къ нему центральный статистическій комитетъ возобновили конкурсъ, объявленный еще въ 1856 г.; на этотъ вызовъ было представлено изслѣдованіе А. Б. Бушена: «Объ устройствѣ источниковъ статистики населенія», которому географическое общество въ 1863 г. присудило объявленную премію. Г. Бушенъ въ своемъ трудѣ подробно остановился на ревизіяхъ и, оцѣнивая ихъ практическое значеніе, указалъ на слѣдующія неудобства и несовершенства: на исключительно финансовый характеръ этой операціи, на сложность формъ производства, продолжительность срока, неудовлетворительность повѣрки и дороговизну всей операціи.

Все это сдѣлало невозможнымъ повтореніе ревизій, но, отказавшись отъ нихъ, какъ отъ неудовлетворительнаго способа исчисленія жителей, естественно, пришлось подумать объ установленіи другаго, болѣе совершеннаго.

Представителямъ русской науки и администраціи не было надобности измышлять какой нибудь новый способъ исчисленія населенія, такъ какъ международные статистическіе конгрессы, на которыхъ участвовали и русскіе, рѣшительно признали за однодневными переписями значеніе наилучшаго средства для опредѣленія не только валовой цифры, но и состава населенія. Кромѣ того, уже въ 1853 году, на первомъ статистическомъ конгрессѣ (въ Брюсселѣ), были выяснены даже общія основанія правильной переписи населенія, а послѣдующіе за тѣмъ конгрессы (парижскій въ 1855, вѣнскій въ 1857, лондонскій въ 1860, берлинскій въ 1863, флорентинскій въ 1867, гаагскій въ 1869, петербургскій въ 1872 и буда-пештскій въ 1876 году) занимались разработкою и отдѣльныхъ вопросовъ переписи. Постановленія этихъ международныхъ статистическихъ конгрессовъ даютъ полную теорію переписей, которая и перешла въ практику всѣхъ европейскихъ странъ. Въ Россіи однодневныя переписи нашли себѣ также примѣненіе, но онѣ производились лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ по иниціативѣ городскихъ самоуправленій, земствъ и администраціи. Такъ, въ 1869 г. была произведена первая однодневная перепись населенія въ Петербургѣ, въ 1871 г.—въ Москвѣ, въ 1874 г.—въ Кіевѣ, въ 1875—въ Вильнѣ и пр. Что же касается до всеобщей народной переписи, то она ни разу не производилась въ Россіи, хотя самая мысль о необходимости производства ея и не была чужда русскому правительству. Напротивъ того, еще въ концѣ 60-хъ годовъ, подъ вліяніемъ примѣра западно-европейскихъ странъ и возрастающей потребности въ точныхъ цифрахъ, касающихся численности и признаковъ населенія, въ нашихъ правительственныхъ сферахъ былъ возбужденъ вопросъ о всенародной переписи, и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ даже составленъ проэктъ ея производства. Введеніе устава объ общей воинской повинности явилось новымъ побудительнымъ поводомъ къ скорѣйшему осуществленію проэкти-

руемой переписи. Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, администрація не стѣснялась уже высказываться противъ собираемыхъ ею данныхъ, какъ это ясно видно изъ предисловія къ статистическому временнику россійской имперіи. Въ указанномъ предисловіи центральный статистическій комитетъ прямо сознаётся, что публикуемыя имъ «свѣдѣнія о населеніи не представляютъ достаточныхъ гарантій точности» и обѣщаетъ «не возвращаться болѣе къ обнародованію въ свѣтъ подобныхъ сомнительныхъ цифръ, въ виду рѣшительной необходимости произвести въ ближайшемъ будущемъ общую однодневную и поименную перепись всего населенія Россіи на научныхъ началахъ» (Стат. врем., серія II, вып. X). Одновременно съ этимъ, въ 1874 г. образована была при министерствѣ финансовъ особая комисія, подъ предсѣдательствомъ сенатора А. К. Гирса, на которую возложено было: выработать пріемы правильнаго счета лицъ, подлежащихъ воинской повинности, и, въ случаѣ надобности, произвести общую перепись, опредѣливъ порядокъ ея производства. Комисія сенатора Гирса, подробно ознакомившись съ существовавшими тогда видами и способами регистраціи населенія и признавъ ихъ не отвѣчающими своей цѣли, пришла къ необходимости—выработать новый способъ общаго народосчисленія. При этомъ, въ комисіи были высказаны два противоположныхъ мнѣнія объ ея задачахъ. П. П. Семеновъ находилъ, что главная задача комисіи сводится къ выработкѣ точнаго способа для опредѣленія численности всего населенія государства, а такъ какъ этотъ способъ заключается въ производствѣ всенародной переписи, то на первомъ мѣстѣ въ занятіяхъ комисіи должна быть поставлена выработка проэкта положенія о переписи. Въ виду этого, П. П. Семеновъ представилъ «Проэктъ положенія о переписи» и «Проэктъ положенія о законной осѣдлости». Иначе взглянулъ на задачу комисіи другой ея членъ, А. Б. Бушенъ. Послѣдній видѣлъ прямую и непосредственную обязанность комисіи въ выработкѣ пріемовъ правильнаго счета лицъ, подлежащихъ воинской повинности и платежу подушной подати. Не отрицая необходимости производства всенародной переписи, А. Б. Бушенъ полагалъ пріурочить перепись къ этимъ двумъ главнымъ ея цѣлямъ, вслѣдствіе чего въ представленномъ проэктѣ «Устава одиннадцатой народной переписи» онъ ограничился лишь устраненіемъ изъ производства ревизіи давно намѣченныхъ недостатковъ и распространеніемъ ревизій на все населеніе государства. Комисія, выслушавъ объясненія и проэкты П. П. Семенова и А. Б. Бушена, *признала*, что исполненіе возложенной на нее задачи—выработки пріемовъ правильнаго учета лицъ, подлежащихъ воинской повинности—*возможно только посредствомъ общей народной переписи, которая должна существенно отличаться отъ бывшихъ ревизій и не напоминать ихъ ни по формамъ, ни по характеру*. Комисія подробно выяснила свой принципіальный взглядъ на значеніе однодневныхъ переписей и детально разработала нѣкоторые частные вопросы по исполненію даже самой переписи. Всѣ соображенія и постановленія комисіи сенатора Гирса послужили основаніемъ для проэкта «Положенія о всеобщей народной переписи», заключающаго 94 статьи. Положеніе было состав-

лено въ 1876 году, но комисія находила неудобнымъ произвести перепись въ 1878 г., какъ предполагалось раньше, а потому она выработала «Временныя правила по учету лицъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности», чтобы удовлетворить настоятельной потребности государства въ правильномъ отбываніи населеніемъ этой повинности. Какъ «Положеніе о переписи», такъ и «Временныя правила» были разсмотрѣны министерствами: финансовъ, государственныхъ имуществъ, военнымъ и внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, въ 1877 г., оба эти проэкта были внесены въ государственный совѣтъ, который, ознакомившись съ ними въ присутствіи 2 мая 1877 года, нашелъ, что проэктъ «Положенія о переписи», по своей обширности и важности, требуетъ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія, а потому онъ не можетъ быть разсмотрѣнъ раньше будущей сессіи. Что же касается до «Временныхъ правилъ», то они были утверждены въ законодательномъ порядкѣ, такъ какъ эти правила, по мнѣнію государственнаго совѣта, не вносили ничего новаго въ дѣйствовавшій уже, на основаніи административныхъ распоряженій, порядокъ учета податныхъ лицъ, подлежащихъ воинской повинности. До 1881 года вопросъ о переписи находился въ томъ неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оставила его комисія сенатора Гирса; въ этомъ же году управляющій министерствомъ финансовъ Н. Х. Бунге сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Игнатьеву, что предположенія о производствѣ всеобщей народной переписи и объ обязательной припискѣ къ волостямъ и городскимъ обществамъ приготовляются для внесенія вновь въ государственный совѣтъ. Графъ Н. П. Игнатьевъ въ 1882 г. передалъ проэктъ «Положенія о всеобщей народной переписи» на разсмотрѣніе статистическаго совѣта, который нѣсколько измѣнилъ и упростилъ его. Разсмотрѣнный новый проэктъ «Положенія о переписи», составленный статистическимъ совѣтомъ, переданъ графомъ Д. А. Толстымъ, въ 1883 г., въ министерство финансовъ, которое пріостановилось внесеніемъ новаго проэкта «Положенія» на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, ожидая разрѣшенія разработывавшагося тогда вопроса объ отмѣнѣ подушной подати. Только въ 1889 г., когда уже была отмѣнена подушная подать, министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій возвратилъ проэктъ «Положенія о переписи» въ министерство внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ заключеніемъ своего министерства. Сущность заключенія министерства финансовъ сводилась къ тому, что всенародная однодневная перепись можетъ опредѣлить численность, составъ и распредѣленіе населенія, но данныя, ею получаемыя, очень скоро утрачиваютъ свою свѣжесть, и, слѣдовательно, мало пригодны для удовлетворенія разнообразныхъ государственныхъ и общественныхъ потребностей. Въ виду этого, министерство финансовъ считало болѣе удобнымъ организовать правильную текущую регистрацію, которая одна только и можетъ слѣдить за безпрерывнымъ измѣненіемъ численности, состава и распредѣленія населенія. Что же касается до производства переписи, то оно должно быть, по мнѣнію тогдашняго министра финансовъ, отложено, такъ какъ требуетъ много подготовительныхъ работъ, времени, денегъ и большаго числа рабочихъ силъ; она можетъ

вызвать въ народѣ и нежелательные толки о передѣлахъ земель по душамъ, или о надѣленіи безземельныхъ и пр. Такой взглядъ министерства финансовъ вызвалъ возраженіе со стороны предсѣдателя статистическаго совѣта П. П. Семенова, который въ томъ же 1889 году представилъ министру внутреннихъ дѣлъ особую записку. Въ запискѣ сенатора Семенова говорится, что практика всѣхъ европейскихъ государствъ указала на полнѣйшую несостоятельность регистраціонныхъ списковъ населенія и на невозможность сколько нибудь правильнаго народоисчисленія, опирающагося на такіе списки. Все это привело П. П. Семенова къ твердому убѣжденію, что учетъ населенія можетъ быть основанъ только на періодическомъ производствѣ всеобщихъ однодневныхъ переписей, которыя однѣ только даютъ точный и вѣрный матеріалъ для составленія частныхъ списковъ населенія. «Эта записка сенатора Семенова,—такъ заканчивается, изданный въ 1890 г. Центральнымъ статистическимъ комитетомъ, «Очеркъ развитія вопроса о всеобщей народной переписи въ Россіи», — составляетъ послѣдній официальный актъ въ дѣлѣ разработки вопроса о народной переписи въ Россіи». Въ самое послѣднее время появились въ обществѣ слухи, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ снова вспомнили о необходимости производства всенародной однодневной переписи.

Обозрѣвая длинную исторію вопроса о всеобщей народной переписи, мы находимъ, что она исключительно исчерпывалась обсужденіемъ плана, времени производства переписи, степени ея цѣлесообразности и полезности, и въ ней совсѣмъ почти не было удѣлено вниманія вопросу о *подготовкѣ населенія и извѣстнаго контингента лицъ*, необходимыхъ для руководства въ такомъ новомъ и трудномъ дѣлѣ. Между тѣмъ, эти два главныхъ условія успѣшности всенародной переписи не могутъ быть созданы вдругъ (подобно полученію разрѣшенія на ея производство) или даже сравнительно скоро, какъ составленіе плана переписи: напротивъ того, они являются результатомъ цѣлой совокупности разнообразныхъ мѣръ, и притомъ дѣйствовавшихъ въ теченіе долгаго времени. Кому неизвѣстно, что всѣ тѣ особенности нашего отечества, которыя дѣлаютъ въ высшей степени настоятельной потребность въ точныхъ и полныхъ свѣдѣніяхъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ условіями, весьма неблагопріятными для осуществленія у насъ какихъ бы то ни было статистическихъ операцій? Укажемъ хотя бы на территоріальную обширность нашей страны, разнообразіе географическихъ и экономическихъ ея условій, слабую ея заселенность, отсутствіе удовлетворительныхъ путей сообщенія, крайнюю пестроту этнографическаго состава населенія, низкій уровень народнаго развитія, ничтожность процента грамотныхъ, предубѣжденіе массъ народа противъ собиранія всякаго рода данныхъ и пр., и мы поймемъ, на какія, трудно устранимыя, препятствія натолкнется будущая всенародная перепись. Если же къ этому мы прибавимъ еще и отсутствіе у насъ достаточнаго количества лицъ, способныхъ руководить производствомъ переписи, то, намъ думается, трудность предстоящаго дѣла еще болѣе увеличится. Нечего говорить о слабости—количественной и качественной—нашихъ статистическихъ

силъ для такого экстраординарнаго дѣла, какимъ является всенародная перепись, если даже въ обыкновенное время наша статистика, имѣющая центральное учрежденіе,—вполнѣ подготовленное къ общему руководству статистическимъ дѣломъ, но лишенное низшихъ органовъ, способныхъ давать сколько нибудь удовлетворительный сырой матеріалъ,—подобна арміи, у которой есть штабъ, но нѣтъ солдатъ. Разсматривая исторію вопроса о всеобщей народной переписи въ Россіи, мы и замѣчаемъ, что подготовкѣ вотъ этихъ именно «солдатъ» не было удѣляемо у насъ достаточно вниманія. Съ другой стороны, та же исторія не даетъ намъ никакихъ указаній на мѣры, съ помощью которыхъ правительство предполагало проводить въ народныя массы правильные взгляды на задачи переписи и на способы ея производства, что̀, конечно, имѣетъ также немаловажное значеніе. Между тѣмъ, судьба всенародной переписи зависитъ не только отъ качества руководителей, но отъ состоянія и отношенія къ переписи самого населенія. Если наши центральныя статистическія учрежденія не виноваты въ томъ, что осуществленіе переписи затянулось слишкомъ на 20 лѣтъ, то они до нѣкоторой степени несутъ отвѣтственность за игнорированіе вопроса о необходимости создать извѣстныя гарантіи успѣшности для этой важной статистической операціи. И въ дѣйствительности, если министерство внутреннихъ дѣлъ и центральныя статистическія учрежденія не имѣли возможности произвести перепись 20 лѣтъ тому назадъ, то они могли бы въ теченіе этого времени озаботиться улучшеніемъ нашихъ мѣстныхъ статистическихъ учрежденій, развитіемъ интереса къ статистикѣ,—путемъ устройства періодическихъ статистическихъ съѣздовъ, объявленія конкурсовъ на составленіе популярныхъ брошюръ и распространенія таковыхъ;—могли ходатайствовать о введеніи статистики въ программу хотя бы среднихъ учебныхъ заведеній, поощрять города и земства къ производству однодневныхъ переписей и пр., и пр. Такъ, еслибы министерство внутреннихъ дѣлъ вмѣнило въ обязанность хотя бы нашимъ большимъ городамъ производить перепись черезъ каждыя 10 лѣтъ, то у насъ были бы уже произведены однодневныя переписи во всѣхъ большихъ городахъ, по крайней мѣрѣ, два раза. Правительство могло бы предложить вообще городскимъ самоуправленіямъ откладывать изъ ежегоднаго своего бюджета небольшую сумму, способную черезъ 10 лѣтъ покрыть расходы по производству переписи—это, конечно, не стѣснило бы городовъ, а, между тѣмъ, въ значительной мѣрѣ улучшило бы статистическое дѣло въ Россіи и приготовило хотя бы городское населеніе къ всенародной переписи. Подготовка населенія имѣетъ особенно важное значеніе у насъ въ Россіи, «гдѣ сильно распространено убѣжденіе, что собираніе всякихъ статистическихъ данныхъ непремѣнно связано со введеніемъ какихъ нибудь налоговъ и сборовъ. Подобный взглядъ совершенно понятенъ для нашего общества, потому что такъ воспитала его вся прошлая дѣятельность нашей администраціи на поприщѣ статистики» (*Янсонъ*: «Техника переписей населенія»). Малое знакомство со статистикой даже среди образованной части нашего населенія, отсутствіе у насъ привычки къ статистическимъ операціямъ, весьма рѣдко

повторяющимся,—все это условія весьма опасныя для успѣха всенародной переписи. «На западѣ Европы, гдѣ переписи давно правильно повторяются черезъ опредѣленные промежутки времени, тамъ къ нимъ привыкли, онѣ никого не удивляютъ, никого не пугаютъ, никто не ищетъ въ нихъ никакой тайной подкладки. Но у насъ въ Россіи съ упомянутыми неудобствами приходится считаться и устраивать дѣло такъ, чтобы они поменьше вредили дѣлу». Что же касается до возбужденія интереса къ статистикѣ, то министерство внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ отношеніи точно также не отличалось энергіею. И въ дѣйствительности, если смотрѣть на съѣзды, какъ на средства возбужденія интереса къ статистикѣ и ея популяризаціи, оказывается, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ исходила не отъ центральныхъ статистическихъ учрежденій, а отъ мѣстныхъ. Извѣстно, что не только мысль о статистическихъ съѣздахъ въ Россіи возникла въ средѣ мѣстныхъ статистическихъ органовъ, но и самые съѣзды устраивались по ходатайству этихъ послѣднихъ. «Еще въ самомъ началѣ дѣятельности комитетовъ (считая съ ихъ преобразованія въ 1860 года), а именно въ 1862 году, въ курскомъ статистическомъ комитетѣ возникла мысль о необходимости солидарности въ дѣйствіяхъ комитетовъ; практическое же примѣненіе этой мысли выразилось, на первый разъ, въ постановленіи курскаго статистическаго комитета о печатаніи всѣхъ протоколовъ его, съ цѣлью разсылки другимъ комитетамъ, *для взаимнаго обмѣна мыслей и единства въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ комитетовъ*, именно требующихъ такого единства. Эта мысль была горячо принята почти всѣми комитетами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, и даже развивалась далѣе. Вмѣсто простаго обмѣна протоколами, комитеты стали вскорѣ мѣняться и всѣми своими изданіями. Соразмѣрная польза не заставила себя ждать; всякій, преданный нашему статистическому дѣлу, хорошо понялъ ее. Доказательствомъ цѣлесообразности предложенія курскаго статистическаго комитета служитъ уже то, что предложеніе это нашло тотчасъ же примѣненіе, и воздерживавшіеся отъ него вначалѣ немногіе комитеты вскорѣ примкнули къ остальнымъ. («Сборникъ въ память 1-го русскаго статист. съѣзда 1870 г.», стр. 4). Затѣмъ, въ 1863 году, возникла первая мысль о статистическомъ съѣздѣ и подана была она помощникомъ предсѣдателя самарскаго статистическаго комитета И. П. Леонтьевымъ. Въ 1865 году былъ устроенъ, по иниціативѣ бывшаго тогда секретаря бессарабскаго статистическаго комитета А. Н. Егунова, новороссійскій статистическій съѣздъ въ Одессѣ, который ходатайствовалъ, но безуспѣшно, объ учрежденіи лѣтомъ 1866 г. въ С.-Петербургѣ, при центральномъ статистическомъ комитетѣ, общаго съѣзда всѣхъ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ; новороссійскій съѣздъ былъ вторично созванъ тамъ же въ 1868 году, благодаря энергіи того же А. Н. Егунова. Въ 1866 году бывшій тогда секретарь архангельскаго статистическаго комитета поднялъ вопросъ о періодическомъ устройствѣ статистическихъ съѣздовъ—окружныхъ и общихъ. Въ 1869 году состоялся частный виленскій статистическій съѣздъ, по предложенію управлявшаго въ то время краемъ, князя П. Р. Багратіона. Хотя четвертый общій статистическій съѣздъ въ Петербургѣ и былъ со-

званъ въ 1870 году центральнымъ статистическимъ комитетомъ, но, какъ мы видѣли выше, мысль о необходимости періодическихъ общихъ и окружныхъ съѣздовъ родилась въ мѣстномъ статистическомъ органѣ еще въ 1866 году. Пятый частный съѣздъ былъ устроенъ по иниціативѣ херсонскаго земства въ Одессѣ, въ 1873 году.

Насколько намъ извѣстно, этими пятью съѣздами исчерпывается вся исторія статистическихъ съѣздовъ въ Россіи, такъ какъ всѣ остальныя ходатайства объ устройствѣ съѣзда статистиковъ не были уважены правительствомъ. Такъ, еще въ 1863 году было отклонено ходатайство самарскаго комитета объ устройствѣ волжскаго статистическаго съѣзда, которому, кстати сказать, не суждено было осуществиться и впослѣдствіи.

Останавливаясь на громадномъ значеніи статистическихъ съѣздовъ въ улучшеніи статистическаго дѣла въ нашей странѣ, мы должны сказать, что серьезная важность съѣздовъ была не только сознана, но и категорически выражена мѣстными органами нашей ститистики. Такъ, въ 1863 году, помощникъ предсѣдателя самарскаго статистическаго комитета И. П. Леонтьевъ, въ запискѣ, внесенной имъ въ комитетъ, писалъ слѣдующее:

«Въ настоящее время, благодаря возбужденному интересу къ статистикѣ, которая раньше считалась чѣмъ-то въ родѣ китайской грамоты, первою задачею статистическихъ учрежденій должно быть бо́льшее утвержденіе и укрѣпленіе вниманія образованной части русской публики къ судьбамъ статистическихъ изысканій. Нѣкоторые изъ статистическихъ комитетовъ счастливо принялись за эту задачу. Но, чтобы *дѣятельность статистическихъ учрежденій не приняла разнообразныхъ оттѣнковъ* по важнымъ вопросамъ статистики—что̀ легко можетъ произойти при отсутствіи взаимныхъ сношеній,—многіе комитеты признали необходимымъ сообщаться посредствомъ протоколовъ. Полезная, сама по себѣ, мѣра эта не обезпечиваетъ вполнѣ *единства въ направленіи дѣятельности* статистическихъ комитетовъ, какъ показываетъ непродолжительный опытъ. Между тѣмъ, учеными статистиками признано положительною необходимостью *однообразіе не только въ способахъ собиранія различныхъ статистическихъ фактовъ, но и въ самыхъ подробныхъ опредѣленіяхъ ихъ*. На исполненіи этого требованія основывается сравнительная статистика, занявшая самое почетное мѣсто».

Съ другой стороны, важно не только однообразіе въ собираніи данныхъ, но и *улучшеніе самихъ статистическихъ пріемовъ*.

«Въ этомъ отношеніи,—говоритъ тотъ же авторъ,—*едва ли достигнутъ сполна своей цѣли одни инструкціи центральнаго статистическаго комитета*. Личный и взаимный обмѣнъ мыслей и сообщеніе свѣдѣній о настоящемъ состояніи статистической части будетъ неоспоримо успѣшнѣе содѣйствовать установленію вѣрнаго взгляда на направленіе дѣятельности, способы собиранія статистическихъ данныхъ и критическую ихъ оцѣнку. Теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, необходимо твердо опредѣлить способы собиранія фактовъ по главнымъ вопросамъ статистики. Признанный окончательно неблагонадежнымъ, существующій порядокъ собиранія свѣдѣній не оставляетъ никакого матеріала, пригоднаго для устройства правильныхъ статистическихъ операцій. Съ другой стороны, новость этого дѣла въ Россіи ставитъ отдѣльные комитеты въ необходимость пробовать ту или иную систему рядомъ опытовъ, къ которымъ нѣкоторые изъ статистическихъ комитетовъ, ранѣе образовавшіеся, и приступили. Намъ полезно бы во всей подробности ознакомиться съ результатами этихъ опытовъ въ практическомъ отношеніи. При разнообразіи всѣхъ случайностей, соединенныхъ съ выполненіемъ сложныхъ операцій, нельзя ожидать удовлетворительнаго сообщенія ихъ посредствомъ письменныхъ сношеній и протоколовъ. Наконецъ, *въ смыслѣ однообразной организаціи статистической дѣятельно-*

сти комитетовъ и *опредѣленія степени возможной достоѣрности* нѣкоторыхъ предметовъ официальной статистики, полезно было бы общимъ признаніемъ рѣшить, что должно быть исключено, для избѣжанія лжи, изъ обязательныхъ работъ комитетовъ; по какимъ предметамъ годичные сроки собиранія отдалить на бо́льшій періодъ и т. д. Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ,—подъ непремѣннымъ условіемъ установленія единства направленія дѣятельности статистическихъ комитетовъ и однообразія въ способѣ собиранія матеріаловъ,—подвинулось бы значительно учрежденіемъ, по крайней мѣрѣ, областнаго съѣзда уполномоченныхъ отъ нѣсколькихъ статистическихъ комитетовъ. Въ силу этого положенія, полезно было бы: испросить разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ на учрежденіе волжскаго статистическаго съѣзда, и сообщивъ эту мысль всѣмъ поволжскимъ статистическимъ комитетамъ, пригласить ихъ, въ случаѣ одобренія ими цѣли съѣзда, сдѣлать прямо отъ себя заявленія центральному статистическому комитету. При этомъ желательно, чтобы центральный комитетъ прислалъ своихъ статистиковъ на предполагаемый съѣздъ. Русское географическое общество, въ которомъ еще въ 1856 году возбуждался вопросъ о снаряженіи волжской экспедиціи, по всей вѣроятности, удостоитъ участіемъ волжскій статистическій съѣздъ. Съѣздъ этотъ, если только онъ состоится, не будетъ послѣднимъ; со временемъ, когда статистическіе комитеты запасутся достаточнымъ достовѣрнымъ матеріаломъ, значеніе съѣздовъ возвысится и будетъ также благотворно». (стр. 7 «Сборника въ память перваго русскаго статистич. съѣзда 1870 г.»).

Записка г. Леонтьева была весьма сочувственно принята самарскимъ комитетомъ, постановившимъ сообщить ее другимъ комитетамъ и центральному статистическому — для исходатайствованія осуществленія проэкта г. Леонтьева. Затѣмъ, въ 1866 г., П. П. Чубинскій, поднявши вопросъ объ устройствѣ статистическихъ съѣздовъ, также находилъ, что однимъ обмѣномъ протоколовъ не многаго можно достигнуть.

«Еслибы,—говорилъ г. Чубинскій,—захотѣли условиться чрезъ письменныя сношенія, то это повело бы *только къ громадной перепискѣ и безплодной полемикѣ*. Остается единственный и вѣрный способъ,—это *статистическіе съѣзды*: окружные и общій. Окружные съѣзды должны составляться изъ представителей нѣсколькихъ комитетовъ. Съѣздъ собирается, по возможности, въ университетскомъ городѣ, чтобы въ занятіяхъ его могли принять участіе профессора статистики, политической экономіи и финансовъ, полицейскаго права, уголовнаго права, два или три представителя факультета и представители разныхъ вѣдомствъ. Съѣзды, раздѣлившись на комисіи, сперва обсудятъ вопросы по каждой отрасли статистики отдѣльно, затѣмъ—въ общемъ собраніи всего съѣзда. Желательно, чтобы такіе съѣзды были хоть разъ въ три года. По обсужденіи вопросовъ въ окружныхъ съѣздахъ, необходимо составить комисію при центральномъ статистическомъ комитетѣ: изъ представителей окружныхъ съѣздовъ (желательно, чтобы между ними было хотя по одному представителю отъ каждаго комитета) спеціалистовъ по наукамъ, для которыхъ статистика имѣетъ значеніе; представителей ученыхъ обществъ, имѣющихъ цѣли близкія съ цѣлями комитетовъ, а также представителей разныхъ вѣдомствъ. Рѣшенія, полученныя такимъ образомъ, примѣняются къ дѣлу въ теченіе трехъ лѣтъ до новыхъ съѣздовъ; здѣсь снова сообщаются указанія опыта, которыя послужатъ къ дальнѣйшему разъясненію вопросовъ на съѣздахъ. Этимъ же путемъ могутъ обсуждаться рѣшенія и положенія международныхъ статистическихъ конгрессовъ. Съѣзды дадутъ возможность нашимъ представителямъ явиться на международный конгрессъ съ извѣстными началами, выработанными путемъ разумнаго обсужденія и многосторонняго опыта. Въ свою очередь, каждому комитету легче будетъ примѣнить начала, выработанныя конгрессами, если эти начала будутъ подвергнуты на съѣздахъ обсужденію для выясненія ихъ». (тамъ же, стр. 10).

Наконецъ, чтобы понять тѣ надежды, которыя возлагались представителями мѣстныхъ статистическихъ органовъ на статистическіе

съѣзды, стоитъ вспомнить хотя бы то, что въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда изданы два сборника:—одинъ подъ редакціей секретаря витебскаго статистическаго комитета А. М. Сементовскаго, а другой—подъ редакціей секретаря нижегородскаго комитета А. С. Гацискаго.

Изъ всего этого мы видимъ, что мѣстные статистическіе органы всѣми зависящими отъ нихъ способами старались поднять ввѣренную имъ статистическую часть на ту степень полноты и точности, какая желательна наукѣ и необходима правительству. Мы не беремся рѣшать, отчего зависѣла мертворожденность мысли о постоянныхъ—общихъ и окружныхъ—статистическихъ съѣздахъ. Но дѣло въ томъ, что наши центральныя статистическія учрежденія должны бы, какъ намъ думается, употребить значительно больше энергіи на устройство такихъ съѣздовъ. Мы не только убѣждены въ полезности, но настаиваемъ на безусловной необходимости правильныхъ періодическихъ съѣздовъ, которые одни только и могутъ установить единство въ направленіи дѣятельности нашихъ мѣстныхъ статистическихъ органовъ, укрѣпить сношенія между ними и т. д. Малого: съѣзды своими публичными, для всѣхъ доступными, засѣданіями и опубликованіемъ отчетовъ объ нихъ способствуютъ возбужденію интереса въ населеніи къ статистическимъ работамъ. Практика всевозможныхъ съѣздовъ и конгрессовъ на западѣ Европы доказала могущественное ихъ значеніе, вслѣдствіе чего западно-европейскія государства не жалѣютъ средствъ на устройство подобныхъ полезныхъ предпріятій. Наше отечество больше, чѣмъ всякая другая страна, нуждается въ объединеніи и укрѣпленіи своихъ ученыхъ силъ: громадность разстояній и трудность сообщеній уединяютъ каждаго мѣстнаго дѣятеля, которому, при такихъ условіяхъ, легко забыть, что существуетъ тѣсная связь между всѣми русскими работниками. Русскіе дѣятели на поприщѣ статистики, собравшись со всѣхъ концовъ Россіи, не только лично познакомятся между собой, почувствуютъ свою связь и солидарность, но своими публичными засѣданіями заинтересуютъ и все общество статистическими вопросами. Кромѣ статистическихъ съѣздовъ, подготовляющихъ ко всеобщей переписи какъ населеніе, такъ и ея руководителей, мы должны указать еще на наши губернскіе и областные статистическіе комитеты, и вообще на всю организацію нашей статистической части, вліяющую на успѣхъ однодневной всенародной переписи.

Всеобщее сознаніе настоятельной потребности въ точныхъ статистическихъ цифрахъ, безъ которыхъ немыслимо правильное разрѣшеніе практическихъ вопросовъ жизни, естественно приводитъ къ мысли о реформированіи статистическаго дѣла въ Россіи и объ организаціи правильной статистики. Ни для кого не секретъ, что за современной офиціальной статистикой крѣпко утвердилась вполнѣ заслуженная ею репутація *недостовѣрной*. Если мы обратимся къ мнѣнію нашихъ мѣстныхъ статистическихъ органовъ, то увидимъ, что еще въ 1865 году, на новороссійскомъ статистическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, были ясно формулированы недостатки губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ слѣдующихъ 3 положеніяхъ: «1) статистическіе комитеты, при нынѣшней ихъ организаціи и при уста-

новленной для нихъ программѣ официальной дѣятельности, поставлены въ совершенную невозможность *быть опорою и душою мѣстной администраціи*; 2) внѣ исключительныхъ случаевъ, зависящихъ большею частью, отъ доброй воли и положенія секретарей, *статистическіе комитеты существуютъ сами по себѣ, а администрація сама по себѣ* и 3) именно поэтому многіе комитеты, не взирая на то, что протекло довольно времени со дня ихъ преобразованія, *остаются такими же мертвыми учрежденіями*, какими были до преобразованія». Трудно даже повѣрить, что эта характеристика, почти 30 лѣтъ назадъ, сдѣланная тогдашнимъ комитетамъ, вполнѣ примѣнима и къ современнымъ. И въ дѣйствительности, теперь, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ, губернскіе комитеты, призванные завѣдывать административной статистикой на протяженіи своихъ губерній, собираютъ свѣдѣнія по случайнымъ поводамъ и, чаще всего, по требованію различныхъ учрежденій и лицъ. *Въ дѣятельности большинства статистическихъ комитетовъ не замѣчается никакой системы*; ими не выработана еще программа работъ, которую слѣдуетъ осуществлять постепенно. Это отсутствіе программы имѣетъ то важное неудобство, что новый секретарь комитета, вступивъ въ должность и знакомясь съ дѣлами, не имѣетъ возможности узнать, чѣмъ до него былъ заинтересованъ комитетъ, какими онъ руководствовался взглядами на необязательныя работы и, главное: имѣлъ ли онъ передъ собою какія нибудь опредѣленныя задачи? Преемственность и постепенность въ развитіи комитетовъ, столь необходимая для успѣха всякаго дѣла, можетъ явиться результатомъ болѣе серьезнаго отношенія къ задачамъ этого учрежденія и слѣдствіемъ выработки комитетами общей программы и плана своей дѣятельности. При несистематичности собиранія данныхъ, комитеты не могутъ поручиться и за ихъ достовѣрность, такъ какъ главными органами, доставляющими сырой статистическій матеріалъ, являются полиція и волостныя правленія, мало знакомыя съ требованіями статистики. При такихъ условіяхъ, дѣятельность большинства комитетовъ сводится къ ежегодному доставленію свѣдѣній, по утвержденной формѣ, различнымъ центральнымъ учрежденіямъ и къ запросу тѣхъ же свѣдѣній отъ уѣздныхъ. Едва ли такая чисто канцелярская дѣятельность комитетовъ согласна даже съ закономъ, который, какъ извѣстно, смотритъ на губернскіе статистическіе комитеты, какъ на административно-ученыя общества, призванныя къ всестороннему изученію и описанію своихъ губерній. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности того, какимъ путемъ и какими средствами можетъ быть улучшено положеніе нашихъ комитетовъ, что можетъ оживить ихъ мертвые канцелярскіе порядки, какъ поставить у насъ административно-статистическое дѣло въ положеніе, полезное для государства,—для нашей цѣли достаточно указать на застой и неподвижность въ развитіи комитетовъ. Вотъ уже 25 лѣтъ, какъ идутъ разговоры объ однодневной всенародной переписи, но что же сдѣлано для того, чтобы подготовить губернскіе статистическіе комитеты къ ожидающей ихъ роли? Можно прямо сказать: ничего!

Но, можетъ быть, центральныя статистическія учрежденія принимали какія нибудь другія мѣры, чтобы гарантировать успѣшность

...ТСКІЙ КАЗЕННОЙ
БИБЛІОТЕКА

ожидаемой переписи? Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи мы ничего не можемъ сказать въ оправданіе центральныхъ статистическихъ учрежденій. Намъ неизвѣстно, чтобы они сами издавали, напримѣръ, популярныя брошюры, заботясь о распространеніи правильныхъ взглядовъ въ народѣ на цѣли переписи, на значеніе вопросовъ, съ которыми перепись обращается къ населенію, и на самые способы ея производства; или же объявляли конкурсъ на составленіе такихъ брошюръ, или ходатайствовали о принятіи другими вѣдомствами мѣръ, способныхъ благотворно повліять на исходъ переписи и т. д. Словомъ сказать, намъ думается, что, не смотря на всю желательность скорѣйшаго производства всенародной переписи, ни *населеніе наше, ни наши статистическіе органы рѣшительно не подготовлены къ этой важной и сложной операціи*, а потому весьма рискованно и приступать къ ней. Правительство, если оно видитъ серьезную пользу въ точныхъ цифрахъ, должно немедленно приступить къ реорганизаціи статистическаго дѣла въ Россіи, съ тѣмъ чтобы наша административная статистика давала дѣйствительно вѣрную и полную картину нашего отечества, освѣщала возможно полнѣе его состояніе, его нужды по всѣмъ главнымъ сторонамъ государственнаго, общественнаго и экономическаго быта, и такимъ образомъ служила бы твердымъ основаніемъ для проэктируемыхъ реформъ и улучшеній, а, по осуществленіи этихъ послѣднихъ, являлась бы безпристрастнымъ контрольнымъ апаратомъ для оцѣнки достигнутыхъ результатовъ. Только изъ такой постановки статистическаго дѣла становится очевидной польза цифръ; только при этихъ условіяхъ уясняется высокій смыслъ словъ великаго реформатора Россіи, императора Александра II, который, при разсмотрѣніи журнала засѣданія бывшаго государственнаго совѣта царства польскаго, въ 1861 году повелѣлъ слѣдующее: «*По важности значенія статистики, какъ составляющей одно изъ существенныхъ основаній для хорошей администраціи, вмѣнить въ непремѣнную обязанность подлежащимъ властямъ заняться изысканіемъ мѣръ къ приведенію этой части въ должное и вполнѣ удовлетворительное состояніе*».

Для каждаго, знакомаго съ положеніемъ нашей статистики и съ условіями нашей жизни, должно быть очевиднымъ, что у насъ нѣтъ ничего, что обезпечивало бы хоть сколько нибудь успѣхъ всенародной переписи: у насъ нѣтъ ни достаточнаго количества людей, ни подготовленнаго населенія; нѣтъ низшей регистратурной единицы, и мы не знаемъ, съ какими трудностями и препятствіями столкнется производство переписи и пр. Но у насъ есть *безспорная, давно назрѣвшая потребность въ опредѣленіи численности и состава населенія*.

Мы не беремъ на себя смѣлости категорически разрѣшать вопросъ о своевременности всенародной переписи, а потому позволяемъ себѣ рекомендовать лишь слѣдующее. Когда будутъ ассигнованы деньги на производство переписи, необходимо созвать общій статистическій съѣздъ для обсужденія вопроса: готовы ли мы произвести перепись на раціональныхъ статистическихъ основаніяхъ, или же нѣтъ? Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на вопросъ, нужно бу-

детъ предложить съѣзду высказаться: на что было бы всего полезнѣе потратить ассигнованныя деньги. Намъ же думается, что полезнѣе всего употребить ихъ на созданіе низшихъ статистическихъ органовъ, способныхъ собирать какой бы то ни было сырой статистическій матеріалъ, такъ какъ безъ этихъ органовъ невозможна никакая статистическая операція и никакое статистическое дѣло. Затѣмъ, по нашему мнѣнію, на эти деньги необходимо произвести, на пространствѣ всей европейской Россіи, *частныя однодневныя переписи въ городахъ и уѣздахъ*, чтобы: 1) получить болѣе или менѣе близкую къ дѣйствительности цифру населенія, а 2) *подготовить почву для всенародной однодневной переписи*. Не заботясь раньше о постепенной подготовкѣ населенія и извѣстнаго контингента лицъ, необходимаго для осуществленія переписи, мы хотимъ наскоро произвести перепись, рискуя истратить 2—3 милліона рублей, и совсѣмъ не достигнуть цѣли...

Статистикъ.

НЕУДАЧА ГЕНЕРАЛА ПОСТРОМКОВА.

Повѣсть.

I.

Въ шестидесятыхъ годахъ, безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ губернскихъ городовъ южной Россіи, собрался довольно большой кружокъ молодежи. Были между нами люди и постарше, была и молодежь совсѣмъ зеленая,—вновь испеченные восемнадцатилѣтніе прапорщики, и даже два гимназиста. Но къ нашему же кружку принадлежалъ и пятидесятилѣтній Иванъ Ивановичъ. Какъ онъ присоединился къ этому кружку, въ которомъ самые старшіе члены могли бы быть его сыновьями, я не знаю; я его уже тамъ нашелъ, когда пріѣхалъ. Гдѣ мы всѣ бывали, тамъ и онъ непремѣнно бывалъ. Мы,—или, по крайней мѣрѣ, самые юные изъ насъ,—захлебывались отъ восторга, читая, чуть ли не запоемъ, либеральнѣйшія статьи тогдашнихъ модныхъ писателей, теперь довольно основательно забытыхъ,—и Иванъ Ивановичъ вмѣстѣ съ нами читалъ, и тоже отъ восторга захлебывался. Мы мнили себя чуть ли не реформаторами и были увѣрены, что нами начинается свѣтлая эпоха нашей исторіи, а въ прошедшемъ не было ничего, кромѣ мрака и запустѣнія,—и Иванъ Ивановичъ поддерживалъ въ насъ эти юношескія заблужденія. Но когда среди насъ молодость брала свое, и мы веселились или кутили, то и Иванъ Ивановичъ съ нами же веселился и кутилъ. Тутъ ему не было цѣны! Болталъ онъ безъ умолку, часто говорилъ «благоглупости», которыми мы забавлялись, а иногда бывалъ и остроуменъ. Разсказамъ его конца не было. Въ ухаживаньѣ за женщинами онъ не отставалъ отъ самыхъ юныхъ изъ насъ. Никогда онъ не обижался и всегда былъ веселъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ему напоминали о его годахъ и о разницѣ лѣтъ между нимъ и нами. Этого, впрочемъ, мы всѣ избѣгали,—да и сами забывали эту разницу,—до такой степени онъ любилъ и умѣлъ притворяться

молодымъ. Со всѣми рѣшительно, чуть ли не съ перваго дня знакомства, онъ сходился на «ты».

Одинъ разъ, часовъ около шести вечера, мы гуляли большой компаніей на бульварѣ, гдѣ обыкновенно въ это время собиралось все мѣстное общество. Правду сказать, намъ было скучновато; уже пріѣлись все однѣ и тѣ же физіономіи... И вдругъ мы увидѣли идущую къ намъ на встрѣчу высокую, стройную даму, совсѣмъ-совсѣмъ незнакомую. Отъ удовольствія мы даже пріостановились, и у многихъ изъ насъ, изумленныхъ и обрадованныхъ видомъ новаго лица, уже готовились вопросы всезнающему Ивану Ивановичу. Но Иванъ Ивановичъ, совсѣмъ неожиданно для насъ, раскланялся съ дамою и, быстро оставивъ нашу компанію, подошелъ къ ней. Они вмѣстѣ пошли по противоположному съ нами направленію, а мы остались съ разинутыми ртами и съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ. Любопытство наше было тѣмъ сильнѣе, что незнакомка была хотя и не самой уже первой молодости, но хорошенькая, самоувѣренная и такая пикантная, такая пикантная!.. Ну, однимъ словомъ, въ ту минуту каждому изъ насъ ужасно хотѣлось бы быть на мѣстѣ Ивана Ивановича. Иванъ Ивановичъ скоро возвратился къ намъ торжествующій, а дама исчезла. Мы, разумѣется, бросились съ разспросами:

— Кто такая?.. Ты почемъ ее знаешь?.. Откуда она взялась?.. Куда она ушла?..

— Мнѣ-то ея не знать?—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, видимо наслаждаясь нашимъ любопытствомъ.—Да я зналъ ее еще маленькою, шестилѣтнею...

— Да кто же она такая?

— Она?.. Она молодая дама, красивая...

— Да видимъ, что не кошка, чортъ тебя возьми!.. Говори же толкомъ!..

— Богатая; денегъ ей не нужно, своихъ дѣвать некуда; сердце у нея доброе, къ чужимъ страданіямъ жалостлива,—продолжалъ поддразнивать насъ Иванъ Ивановичъ,—а изъ мужа она веревки вьетъ.

— Ну?.. Откуда же она взялась?..

— Про купца Покатилина слыхали?

— Покатилинъ... Покатилинъ... Нѣтъ, не знаемъ.

— Не знаете? Ну, все равно... Это его жена. Онъ чуть ли не милліонеръ, а она—бѣднѣйшая дочь умершаго офицера Крапова. Мать ея, Магдалина Сигизмундовна, билась, какъ рыба объ ледъ, когда овдовѣла, а по временамъ просто таки подачками существовала.

— Удивительный этотъ Иванъ Ивановичъ! Все онъ знаетъ.

— Опять же вамъ повторяю, какъ же мнѣ не знать? Вѣдь они всѣ изъ Особинска, а Особинскъ—мнѣ городъ родной.

— Это тамъ, въ особинскомъ уѣздѣ, тебѣ имѣнье досталось?

— Такъ, голубчики, совершенно такъ... И ухаживалъ ужь я за этимъ имѣньемъ... То бишь, не за имѣньемъ, а за дядей, который мнѣ имѣнье оставилъ... Проживалъ я у дяди частенько, и подолгу. Какъ же мнѣ не знать, что въ Особинскѣ дѣлалось?

— Ну, да, конечно... А насъ съ этой хорошенькой барынькой ты можешь познакомить?..

— Еще бы,—все въ моихъ рукахъ!.. Но только уговоръ лучше денегъ: ухаживать за ней будете, такъ, смотрите, съ остраткой. А то неровенъ часъ. Она вѣдь бѣдовая. Если ей что не понравится, такъ она такъ оборветъ, что...

— Ладно!—перебилъ кто-то.—Не смотрѣть же на женскія обрыванья. Не велика фигура...

— Не говори!—покачалъ головою Иванъ Ивановичъ, сдѣлавъ при этомъ серьезнѣйшую физіономію.—Не говори! Ты ея не знаешь... Съ ней не такъ-то легко справиться... Ну, да баста объ этомъ. Потомъ и сами увидите.

— А она надолго сюда пріѣхала?.. Одна?..

— Совсѣмъ пріѣхала; жить они здѣсь будутъ, а прежде въ Москвѣ жили. Мужъ ея здѣсь какое-то большое дѣло затѣялъ,—вотъ и переѣзжаютъ. Покуда Надежда Степановна пріѣхала съ матерью, Магдалиной Сигизмундовной Краповой, а на дняхъ и самъ Покатилинъ пріѣдетъ... А эта Магдалина Сигизмундовна—полька, да такая, я вамъ доложу, баба, такая... У, каналья!.. Прямо можно сказать, что отчаянная. Надежда Степановна вся въ нее, и другъ друга онѣ всегда и во всемъ поддерживаютъ. Надежда-то Степановна, положимъ, и безъ маменьки обошлась бы; сама свои дѣла съумѣла бы обдѣлать. Когда она задумала за богатѣйшаго сорокалѣтняго вдовца Покатилина замужъ выйти, такъ даромъ что ей всего семнадцать лѣтъ было, а она въ какія нибудь двѣ недѣли такъ его вокругъ пальца обернула, что ему ни вздохнуть, ни охнуть... Вотъ она какая! Ну, а сестра у нея старшая, Ольга Степановна,—на цѣлыхъ десять лѣтъ ея старше,—та совсѣмъ другой человѣкъ. Мямля она, тихая, точно Богомъ обиженная. Ужь той никогда бы замужъ не выйти, еслибы не мать... А тоже замужемъ была, теперь вдовѣетъ... Зато ужь и какія курьезныя штуки съ нею при этомъ продѣлывали! Хоть прямо въ водевиль, а то такъ и въ драму,—какъ повернешь...

— Разскажи, Иванъ Ивановичъ!

*

— Отчего не разсказать,—оно занятно. Только гдѣ же? Здѣсь, на бульварѣ, неудобно. Отсюда куда пойдемъ?

Я позвалъ всю компанію къ себѣ пить чай, и у меня Иванъ Ивановичъ разсказалъ намъ исторію про генерала Постромкова и про то, какъ Ольгу Степеновну Крапову выдали замужъ. Иванъ Ивановичъ очевидно склонялся къ мнѣнію, что это матеріалъ болѣе водевильный, чѣмъ драматическій. Такую окраску онъ и придалъ своему разсказу. Но когда онъ его окончилъ, то встрѣтился съ такимъ впечатлѣніемъ, какого, кажется, не ожидалъ. Покуда онъ разсказывалъ, иные смѣялись, но сдержанно, и всѣ слушали со вниманіемъ. А лишь только онъ замолчалъ, съ разныхъ сторонъ раздались возгласы негодованія. Разсказанное случилось лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, то есть въ сороковыхъ годахъ, и мы серьезно думали, что между нашимъ міровоззрѣніемъ и міровоззрѣніемъ того времени лежитъ цѣлая нравственная пропасть... Иванъ Ивановичъ попробовалъ было настроить насъ на болѣе веселый и шутливый ладъ, но это ему не удалось. Тогда онъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ и сталъ вмѣстѣ съ нами негодовать. Это общее негодованіе, вызванное главнымъ образомъ сознаніемъ нашего собственнаго превосходства надъ людьми сороковыхъ годовъ, дѣйствовавшими въ разсказѣ Ивана Ивановича, живо мнѣ представляется; но подробности нашихъ тогдашнихъ разсужденій совершенно испарились изъ памяти.

Разсказъ этотъ я тогда же вкратцѣ записалъ, не помню уже съ какою цѣлью. Потомъ я совсѣмъ забылъ объ этомъ, и недавно только натолкнулся на него, разбирая старыя бумаги. Съ помощью моихъ замѣтокъ, происшествія, разсказанныя Иваномъ Ивановичемъ, обрисовались передо мною очень ясно, но впечатлѣніе получилось уже иное, чѣмъ въ годы молодости. Только заканчивающее разсказъ злоключеніе генерала Постромкова вызвало улыбку. А затѣмъ назойливо возникали вопросы: можно ли наше тогдашнее презрительное негодованіе,—разумѣется, объясняющееся и оправдывающееся молодостью,—считать законнымъ? настолько ли мы нравственно выше и чище дѣйствующихъ лицъ этого разсказа,—даже теперь, уже не черезъ двадцать, а черезъ пятьдесятъ лѣтъ,—чтобы бросать въ нихъ камнемъ? настолько ли мы отдѣлались отъ нашего прошлаго и «усовершенствовались»?.. Формы общежитія, разумѣется, измѣнились,—какъ же имъ не измѣниться за цѣлыхъ полстолѣтія?... но сущность?.. На эти вопросы пускай отвѣтитъ самъ читатель, которому я сейчасъ и передамъ, конечно, въ собственномъ изложеніи, но не измѣняя ни одного факта, разсказъ Ивана Ивановича.

II.

Въ уѣздномъ городѣ Особинскѣ была назначена квартира кавалерійской бригады, которою командовалъ генералъ Постромковъ. Нельзя сказать, чтобы генералъ былъ доволенъ перемѣщеніемъ бригадной квартиры, стоявшей прежде въ губернскомъ городѣ. Но что же съ этимъ было дѣлать? Не своя воля. Надо было такъ или иначе устроиться на новомъ мѣстѣ.

Генералъ Постромковъ провелъ свое дѣтство и раннюю юность въ безропотномъ послушаніи, а зрѣлый возрастъ—въ обаяніи собственной власти, состоя сначала эскадроннымъ, потомъ полковымъ, а наконецъ и бригаднымъ командиромъ. Теперь ему было пятьдесятъ два года. Но это отнюдь не значило, чтобы онъ считалъ себя старикомъ или даже человѣкомъ, достаточно насытившимся юношескими увлеченіями. Силъ онъ сохранилъ много, потому что не слишкомъ рано сталъ ихъ расточать, а натура у него была богатырская. Пить онъ могъ безконечно, не теряя сознанія; при видѣ всякаго смазливаго женскаго личика, имъ овладѣвалъ чисто мальчишескій задоръ. Но куда и какъ примѣнять всѣ эти таланты здѣсь, въ уѣздномъ городѣ Особинскѣ? Онъ былъ слишкомъ на виду. А другихъ ресурсовъ у него рѣшительно никакихъ не было. Онъ не только не скрывалъ, но съ гордостью говорилъ, что учился «на мѣдныя деньги», а въ люди все таки вышелъ; поэтому къ книгамъ или «пустымъ разговорамъ» онъ питалъ полнѣйшее пренебреженіе. Пока онъ былъ полковой командиръ, онъ скуки не зналъ: отличный фронтовикъ и хорошій хозяинъ, онъ былъ достаточно занятъ фронтомъ и полковымъ хозяйствомъ. Къ тому же полкъ замѣнялъ ему, старому холостяку, семью. И въ полку его любили. Въ отношеніяхъ съ подчиненными ему офицерами онъ отлично примѣнялъ поговорку: «дружба дружбой, а служба службой»; въ строю былъ безпощаденъ, а внѣ строя—добрѣйшій и снисходительнѣйшій товарищъ; о солдатахъ по своему заботился, хотя и крѣпко наживался отъ командованія полкомъ. Такъ продолжалось двѣнадцать лѣтъ, пока ему не дали бригаду.

Когда же его сдѣлали бригаднымъ командиромъ, то его, налаженная на извѣстный шляхъ, жизнь какъ-то совсѣмъ сбилась и скомкалась, и ее нужно было налаживать иначе. Что прикажете дѣлать цѣлые дни? Служебныхъ занятій немного. Въ карты онъ игралъ, но равнодушно, почти что неохотно. Губернскій городъ еще представлялъ кое-какіе ресурсы, а здѣсь—въ Особинскѣ? Какъ разъ въ то время, когда онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать съ собой и

со своимъ излишнимъ досугомъ, ему попалась на глаза Оленька Крапова. Оленькѣ было около шестнадцати лѣтъ; она была свѣженькая, розовенькая, хорошенькая и глупенькая. Постромкову она ужасно понравилась. Онъ почувствовалъ, что она могла бы быть отличнымъ лѣкарствомъ отъ скуки и, пожалуй, даже надолго. Но какъ къ ней приступиться? Мать ея, Магдалина Сигизмундовна, баба хитрая и ловкая; не смотря на свою нищету, она иной разъ даже тону задаетъ и гоноръ свой соблюдаетъ. Конечно, деньгами все можно сдѣлать,—да съ какой стороны мину подвести?

— Руклутецкій все оборудуетъ,—порѣшилъ генералъ.

И онъ послалъ за Руклутецкимъ. Руклутецкій былъ родственникъ Магдалины Сигизмундовны, уроженецъ той же виленской губерніи, что̀ и она, и единственный близкій человѣкъ у Краповыхъ. Онъ служилъ письмоводителемъ уѣзднаго предводителя дворянства и, какъ штатскій, разумѣется, никоимъ образомъ подчиненъ генералу не былъ. Но на генеральскій зовъ ему и въ голову не могло прійти—не явиться. Постромковъ и съ мѣстными тузами,—съ городничимъ, съ исправникомъ, съ судьей,—обходился хотя любезно, но свысока, и только съ предводителемъ держалъ себя на равной ногѣ; а мелкая сошка отъ всякаго кивка генеральской головы считала себя счастливой. Руклутецкому немалаго труда стоило забраться къ генералу и пользоваться его милостями. Полученными результатами онъ очень дорожилъ, уже успѣвъ извѣдать на опытѣ, что̀ генеральское благоволеніе ведетъ къ земнымъ благамъ, и хорошо зная, что генеральскій гнѣвъ можетъ быть опасенъ. Съ своей стороны и Постромковъ имѣлъ основаніе разсчитывать на Руклутецкаго. Руклутецкій уже не разъ оказывалъ ему услуги въ родѣ той, какая предполагалась теперь.

Когда, однако, Руклутецкій пришелъ и генералъ изложилъ ему свои желанія, то Руклутецкій осовѣлъ. Конечно, онъ зналъ, что Постромковъ, когда дѣло дойдетъ до женщинъ, бываетъ молодъ и легкомысленъ; конечно, онъ содѣйствовалъ, и даже съ удовольствіемъ, разнымъ генеральскимъ шалостямъ... Но ему какъ-то никогда въ голову не приходило, чтобы эти шалости могли направиться на Оленьку Крапову.

— Ну, такъ какъ же?—спросилъ Постромковъ, продолжая начатый разговоръ и искоса поглядывая на Руклутецкаго.

— Не могу знать, ваше превосходительство, по истинѣ знать не могу,—отвѣчалъ Руклутецкій.

— Ужь эти мнѣ немогузнайки!.. Кому же знать? Мнѣ что ли? Я развѣ у твоей Магдалины подъ юбкой сижу?

Постромковъ говорилъ Руклутецкому «ты». Не говорить же «вы» всякой мелкотѣ!..

— Да вѣдь, ваше превосходительство... Извольте сами разсудить...

— Ужь вѣрно разсудилъ, коли говорю.

— Такъ точно-съ. Да вѣдь мнѣ-то какъ быть? Еслибы отъ меня зависѣло...

Генералъ громко расхохотался.

— Вишь что̀ выдумалъ,—сказалъ онъ.—Будь ты Оленька, такъ и разговоровъ бы не было. Самъ знаю! Да въ томъ-то и бѣда, что отъ тебя, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

— Не то-съ. Будь я отецъ или хоть братъ... А то дальній родственникъ какой-то...

— Мало ли чего нѣтъ!.. А все же ты свой человѣкъ... Добрый совѣтъ можешь дать. Развѣ твоей Магдалинѣ Сигизмундовнѣ лучше впроголодь-то жить?.. Ты ей растолкуй все, какъ слѣдуетъ.

— Да она, сами изволите знать, нынче никого изъ холостыхъ не принимаетъ. Оленькину честь бережетъ.

— Знаемъ. Да стараго воробья на мякинѣ не проведешь. Надѣется, что кто нибудь на эту удочку клюнетъ? Вотъ ты и скажи ей, что я въ ея сѣти попался.

— Жѣнитесь?

— Да ты обалдѣлъ что ли? Забылъ съ кѣмъ говоришь!..

— Никакъ нѣтъ-съ. *Ей* только позвольте сказать...

— Ни-ни! Отъ себя говори, что̀ хочешь, а отъ меня и не думай!.. Оленька очень мнѣ приглянулась, а все же обманомъ я брать ее не стану.

III.

Въ тотъ день Руклутецкій къ Магдалинѣ Сигизмундовнѣ не пошелъ; надо было дѣло обдумать со всѣхъ сторонъ. Но, всесторонне его обдумавъ, онъ на другой день рѣшилъ передать Магдалинѣ Сигизмундовнѣ предложеніе генерала, и даже представить это предложеніе въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ.

Магдалина Сигизмундовна, вдова штабсъ-капитана, вышла замужъ, когда полкъ стоялъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Крановъ, человѣкъ вообще мягкій и уступчивый, очень быстро подпалъ подъ вліяніе жены,—что̀, впрочемъ, почти всегда случалось съ русскими людьми, женившимися на полькахъ. Для Крапова это дурныхъ послѣдствій не имѣло, такъ какъ полкъ вскорѣ перешелъ въ Особинскъ, и вліяніе Магдалины Сигизмундовны отозвалось только на

семейныхъ отношеніяхъ, не затрогивая общественныхъ. Былъ ли Краповъ счастливъ,—это осталось тайной, которую онъ унесъ съ собою въ могилу. Жаловаться онъ никогда и никому не жаловался, и, повидимому, уклоненій Магдалины Сигизмундовны отъ супружеской вѣрности не замѣчалъ. Въ первый же годъ ихъ супружества, у нихъ родилась дочь Ольга, а потомъ почти десять лѣтъ дѣтей не было. Оленьку онъ очень любилъ,—главнымъ образомъ, за ея безмятежную кротость, и вообще за родственныя черты съ нимъ самимъ; другую дочь, Надю, онъ не зналъ, такъ какъ она родилась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти.

Овдовѣвъ въ Особинскѣ, Магдалина Сигизмундовна въ Особинскѣ и осталась. Куда же было дѣваться? Все равно, нигдѣ не было ни кола, ни двора. На первое время ей помогли офицеры, сами зачастую питавшіеся солдатскими щами съ кашею (Краповъ служилъ въ пѣхотѣ). Потомъ полкъ ушелъ, опять перемѣнивъ стоянку. Тогда Магдалина Сигизмундовна осталась лицомъ къ лицу со своими собственными силами. Надо ей отдать справедливость, что она духомъ не падала, увѣренная въ себѣ. Малодушія въ ней не было; передъ жизненными неудачами она не склонялась, а боролась съ ними. А неудачъ у нея было много. Трудно прожить молодой женщинѣ, оставшейся послѣ смерти мужа безо всякихъ средствъ къ существованію. И, однако, Магдалина Сигизмундовна вотъ уже шесть лѣтъ какъ жила, не имѣя гроша за душей. Какъ она жила? Это глубокая драма, прослѣдить которую день за день просто невозможно, по мелкотѣ составныхъ частей, создававшихъ крупное горе. У нея былъ одинъ только капиталъ,—красивая наружность, которою она, по возможности, и пользовалась. Но этотъ капиталъ проживался; съ каждымъ днемъ его становилось все меньше и меньше. Убыль его шла быстро, подъ давленіемъ лишеній и невзгодъ. Мягкосердечные люди, умилявшіеся красотою Магдалины Сигизмундовны и помогавшіе ей жить,—какъ не помочь хорошенькой женщинѣ?—съ каждымъ днемъ уменьшались въ числѣ, и она уже предвидѣла, что близокъ день, когда эти мягкосердечные люди сдѣлаются къ ней жестокими. А между тѣмъ Оленька подрастала. Надъ тѣмъ и другимъ стоило поразмыслить. И дѣйствительно, когда Оленькѣ было лѣтъ четырнадцать, Магдалина Сигизмундовна вдругъ, со свойственною ей энергіею, перемѣнила фронтъ. Она понемногу стала затворять двери своей маленькой квартирки передъ мужчинами, за исключеніемъ женатыхъ стариковъ и Руклутецкаго, который былъ родственникъ и къ тому же нужный человѣкъ. Магдалина Сигизмундовна задалась мыслью выдать Оленьку замужъ,—и такъ выдать, чтобы и себѣ обезпечить насущный кусокъ хлѣба на ста-

рость лѣтъ. Для этого надо было возстановить свою репутацію, нѣсколько поколебленную, не смотря на образцовую осторожность молодой вдовы.

Удалось ей достать кое-какіе уроки, а, давая ихъ, самой приходилось постоянно справляться съ учебниками; бралась она шить платья, на что была большой мастерицей; но много ли заработаешь всѣмъ этимъ въ уѣздномъ городѣ? На черствый хлѣбъ не хватитъ. Приходилось прибѣгать и къ другому. Устраивавшимъ вечеринки Магдалина Сигизмундовна предлагала свои услуги разливать чай, помогать по хозяйству, убирать комнаты. Если гдѣ затѣивался обѣдъ, то она непремѣнно помогала на кухнѣ, и иногда собственноручно готовила то или другое кушанье. За это перепадало ей немало подачекъ, но немало и обидъ, которыя она терпѣла съ грустною и снисходительною улыбкою, приберегая свои слезы и потоки негодованія къ тому времени, когда она оставалась одна или же вдвоемъ съ Руклутецкимъ... И все это, чтобы сохранить нравственную чистоту Оленьки и подготовить ей счастливую будущность? Такъ ли? Руклутецкій, близко знавшій Магдалину Сигизмундовну, сильно въ этомъ сомнѣвался. Онъ былъ даже увѣренъ, что это только комерческій разсчетъ, отъ котораго она непремѣнно отступится, если только будетъ имѣть въ виду что либо болѣе выгодное... А сдѣлка съ Постромковымъ представлялась Руклутецкому болѣе выгодною, хотя бы потому, что это была синица въ рукахъ, вмѣсто журавля въ небѣ.

Когда Руклутецкій пришелъ съ порученіемъ генерала къ Магдалинѣ Сигизмундовнѣ, она была занята перешиваньемъ стараго платья, которое нужно было обновить къ предстоявшимъ именинамъ одной изъ уѣздныхъ аристократокъ. У ея ногъ, на скамеечкѣ, сидѣла маленькая Надя и играла въ куклы. Куколъ было двѣ. Одна довольно миловидная, въ шолковомъ платьѣ и въ шляпкѣ, другая,— сшитая изъ тряпокъ и въ лохмотьяхъ. Бѣдная кукла пришла въ гости къ богатой.

— Зачѣмъ пожаловала?—спрашиваетъ Надя, за богатую куклу, у бѣдной.

— Такъ, въ гости пришла.

— Въ гости! — восклицаетъ Надя, дѣлая презрительную гримасу.—Вотъ какъ... Ну, что же, я, пожалуй, велю тебя напоить кофеемъ на кухнѣ.

— На кухнѣ!—обижается бѣдная кукла.—Помилуйте,—я благородная.

— Благородная! Вишь что сказала. А шолковое платье у тебя есть?

— Нѣтъ-съ.

— И шляпки нѣтъ?

— Нѣтъ-съ.

— И живешь въ какомъ-то подвалѣ! А вѣдь туда же: благородная! Настоящее мѣсто тебѣ на кухнѣ.

Магдалина Сигизмундовна дѣлала видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на игру Нади, но однако прислушивалась къ діалогу куколъ и отъ времени до времени сдерживала улыбку. Руклутецкій вошелъ, поздоровался и, показывая глазами на Надю, сказалъ:

— Нельзя ли выслать?

— Зачѣмъ же это?—спросила Магдалина Сигизмундовна.

— Такъ; дѣло до васъ есть.

— Развѣ секретное?

— Не богъ знаетъ какой секретъ, да ваша Надя ужь больно налету схватываетъ, что̀ говорятъ.

Надю выслали изъ комнаты.

— Да,—сказала Магдалина Сигизмундовна, слѣдя за уходящей дочерью,—дѣвочка бойкая.

— Слишкомъ!—возразилъ Руклутецкій.—Да и вы къ ней пристрастны, а на Оленьку недостаточно вниманія обращаете.

— Ну, ужь... Да, впрочемъ, все равно. Какой же у васъ секретъ?

— Генералъ Постромковъ желаетъ съ вами познакомиться.

— Вы сами знаете; я холостыхъ не принимаю.

— Полноте манериться: генералъ Постромковъ не кто нибудь.

— Знаю, да вѣдь ужь сказано, что холостыхъ никого... Хоть онъ и старикъ...

— Да охулки на руку не положитъ... Это такъ. Но не въ томъ дѣло. Генерала нельзя спровадить, какъ писца изъ уѣзднаго суда. Генералъ—особа.

— Правда. Но что ему во мнѣ? Я ужь не молода, забота да горе красоту сгубили.

— Полноте,—отвѣчалъ Руклутецкій, зная слабую струну Магдалины Сигизмундовны.—Вы еще молоды, а красотой съ дочерью поспорите.

Магдалина Сигизмундовна съ грустью отказалась отъ побѣдъ надъ мужскими сердцами и съ затаенной завистью возложила свои надежды на молодость Оленьки. Задернутая пепломъ, искорка вспыхнула, и она приняла ироническія слова Руклутецкаго за чистую монету.

— Что же,—сказала она, пораздумавъ,—я не прочь, если генералъ хочетъ жаловать и со мною не соскучится...

— Ну, вами-то, я думаю, онъ не очень будетъ заниматься,— отвѣчалъ Руклутецкій, уже не скрывая насмѣшки,—хоть вы и молоды, и хороши, а онъ больше объ Оленькѣ подумываетъ.

У Магдалины Сигизмундовны сердце защемило.

— Объ Оленькѣ? Боже избави!— сказала она.—Этого мнѣ и въ голову не приходило! За нею ухаживать—ему не подъ лѣта.

— Такъ отчего же вы его принимать не хотѣли? Неужели же вы себя боялись скомпрометировать?

Магдалина Сигизмундовна, пойманная на удочку предположенія, что Постромковъ намѣренъ ухаживать за ней, а не за Оленькой, и сбитая этимъ съ толку, немного растерялась. Руклутецкій не далъ ей времени одуматься и отвѣчать.

— Генералъ хоть и старикъ,—сказалъ онъ,—а лакомка. Ужь очень ему Оленька по вкусу пришлась.

— Да Оленька за него не пойдетъ.

— Ну, какъ не пойти! Только онъ-то не женится.

— Такъ это что же вы предлагаете?—воскликнула Магдалина Сигизмундовна, стараясь прійти въ ужасъ.

— Эхъ, Магдалина Сигизмундовна!—перебилъ ее Руклутецкій,— бросьте вы разъ навсегда со мной эти комедіи. Лучше будемъ вести дѣло на чистоту и говорить по душѣ. Вѣдь мы другъ друга знаемъ, какъ свои пять пальцевъ, другъ друга надуть намъ нельзя, а выдавать постороннимъ людямъ—не рука... Вы на хорошаго жениха разсчитываете, да когда и откуда его добудете? Кто на Оленькѣ женится? Мелкотравчатый чиновникъ,—такъ за эдакаго вамъ выдавать не разсчетъ; только будутъ нищихъ разводить. Генералъ Постромковъ принесетъ вамъ въ домъ довольство, если не роскошь. Сразу онъ не женится; теперь объ этомъ и говорить съ нимъ нельзя. Онъ упрямъ, какъ оселъ, да и тщеславенъ; но съ нимъ справляться вовсе не такъ трудно, какъ кажется. Мало по малу заберете его въ руки, — такъ Оленька и генеральшей, пожалуй, будетъ...

— Постромковъ человѣкъ безхитростный,—отвѣчала Магдалина Сигизмундовна,—это правду надо сказать... Ладить съ нимъ можно.. Да и всякаго влюбленнаго старика молодой женщинѣ не мудрено къ рукамъ прибрать... Все это такъ. Да Оленька-то наша какова? Небось, сами знаете. «Пойди сюда»,—подойдетъ. «Сядь здѣсь»,— сядетъ. «Раскрой ротъ»,—раскроетъ, да такъ съ разинутымъ ртомъ и останется... Ужь сама ничего не выдумаетъ и не сообразитъ!.. Какъ же вы полагаете, съумѣетъ она на себѣ Постромкова женить?.. Да никогда!

— Ну, ужь это ваше дѣло: вы мать; руководите ею.

— Такъ-то такъ; да въ томъ и бѣда, что если я что̀ улажу, такъ она испортитъ; вотъ, еслибы Надя была взрослая... Та, кажется, шести лѣтъ умнѣе, чѣмъ Оленька шестнадцати.

— Объ этой пѣснь еще далека... Вы лучше вотъ что скажите: Оленька-то не заартачится?

Магдалина Сигизмундовна улыбнулась и махнула рукой.

— Это все пустяки,—сказала она.—Есть статья поважнѣе: какъ скрыть? Какъ весь городъ загалдитъ, а онъ ее черезъ три-четыре мѣсяца броситъ...

— Въ другой городъ переѣдете. Пусть обезпечитъ заранѣе.

— Ужь это дѣло понятное!

IV.

Генералъ Постромковъ случайно открылъ, что покойный мужъ Магдалины Сигизмундовны былъ когда-то его сослуживцемъ и другомъ,—чуть ли даже не дальнимъ родственникомъ. Такимъ образомъ объяснилъ Руклутецкій знакомство и близкія отношенія Постромкова съ Краповыми. Басня эта мало кого изъ жителей городка вводила въ заблужденіе, но служила успокоительнымъ средствомъ для совѣсти тѣхъ, которые считали нужнымъ и полезнымъ смотрѣть сквозь пальцы на отношенія Оленьки къ Постромкову.

Сама Оленька сначала согласилась на эти отношенія, только благодаря почтенному чувству послушанія къ матери. Она въ первое время даже плакала горькими слезами и возмущалась до глубины души. «Такого стараго да гадкаго навязали»,—говорила она, всхлипывая. — «Развѣ мало молоденькихъ да хорошенькихъ? Такъ нѣтъ!.. Это все маменька,.. Генерала ей нужно»! Потомъ Оленька утѣшилась при видѣ золотыхъ браслетовъ, шолковыхъ платьевъ и разныхъ другихъ соблазнительныхъ для женскаго сердца вещей. А въ концѣ концовъ она совершенно помирилась со своею новою жизнью, и даже привязалась къ генералу. Оленька принадлежала къ числу тѣхъ натуръ, для которыхъ повиновеніе кому бы то ни было составляетъ необходимое жизненное условіе. Собственной воли такія натуры не имѣютъ,—неспособны имѣть. Онѣ непремѣнно должны быть подъ гнетомъ, а гнетъ генерала представлялся Оленькѣ гораздо болѣе легкимъ и пріятнымъ, чѣмъ гнетъ матери. Что же касается Постромкова, то онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе наслаждался близостью къ Оленькѣ и даже женился бы на ней, еслибы не считалъ себя важнымъ человѣкомъ. Магдалина Сигизмундовна смотрѣла на нихъ и дивилась.

«Вотъ ужь истинно два сапога—пара,—размышляла она.—Никакъ только не могу понять, кто изъ двухъ глупѣе? Иной разъ кажется, что генералъ-то проще даже моей Оленьки; а другой разъ нѣтъ, — Оленька глупѣе; оттого, должно быть, и не налюбуются другъ на друга».

Магдалина Сигизмундовна была довольна. Изъ вчерашней прихлебательницы она сдѣлалась въ Особинскѣ чуть ли не почетнымъ лицомъ, и нужды уже больше не знала. Но въ разсчетъ ея не входило, чтобы Оленька могла рисковать нѣкоторымъ положеніемъ, для молодой дѣвушки неудобнымъ. Магдалина Сигизмундовна считала это просто невѣроятнымъ, въ виду почтеннаго возраста Постромкова,—и однако это случилось. Жили въ это время Краповы въ одномъ домѣ съ Постромковымъ,—Постромковъ въ большомъ домѣ, Краповы во флигелѣ. Какъ только Магдалина Сигизмундовна совершенно убѣдилась, что Оленькѣ предстоитъ сдѣлаться матерью, она сейчасъ же пригласила генерала на конфиденціальную бесѣду. Сообщила она свою новость сдержанно и печально, но на генерала ея печальный тонъ никакого дѣйствія не произвелъ. Онъ ничуть не огорчился,—совсѣмъ наоборотъ.

— Неужто? Вотъ такъ штука!.. А еще старикомъ называютъ.— И Постромковъ залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ, весь сіяя чувствомъ животнаго удовлетворенія.

— Да вы чему же радуетесь?—спросила Магдалина Сигизмундовна, никакъ не ожидавшая подобнаго взрыва веселья.

Генералъ выпучилъ глаза.

— Какъ чему-съ? Понятное дѣло, чему-съ...

— То-то что нечему, ваше превосходительство. Ребенокъ-то будетъ незаконнымъ: это срамъ, а не радость.

— Д-да!.. Ну, что же, что незаконный? За пріемыша выдадимъ. А покуда... Покуда можно и концы какъ нибудь спрятать.

— Да средство есть простое концы спрятать.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе.

— Женитесь.

Генералъ такъ и привскочилъ на своемъ стулѣ.

— Ну, нѣтъ-съ. Ужь это зачѣмъ же? Это дѣло несбыточное,— сказалъ онъ.

— Да почему же несбыточное?

— Нельзя-съ,—родство, связи, всякая штука! Ну, и чинъ мой, и все такое... Какъ же это мнѣ на Оленькѣ жениться?

Магдалина Сигизмундовна вынула платокъ и отерла кстати навернувшуюся слезу.

— Проклинаю я день и часъ, когда вы вошли въ мой домъ,—

сказала она. — Жила я мирно и честно; не ожидала я такого срама...

Генералъ растерялся.

— Полноте, Магдалина Сигизмундовна,—отвѣчалъ онъ. — Что это вы: какой же срамъ! Я Оленьку отъ всей души люблю.

— Любите, а гнушаетесь ею: жениться не хотите.

— Да я не то, что не хочу!.. Только это дѣло неподходящее.

— Вотъ теперь ребенокъ. Что же это будетъ? Совсѣмъ несчастный будетъ ребенокъ.

— Не безпокойтесь, мы ребенка пристроимъ, воспитанье ему дадимъ... Пять тысячъ на зубокъ положу,—прибавилъ онъ полушопотомъ, нагнувшись къ Магдалинѣ Сигизмундовнѣ.

— Ахъ, Иванъ Лаврентьевичъ,—вздохнула Магдалина Сигизмундовна,—не въ деньгахъ дѣло; честь-то дѣвичью вы погубили.

Постромковъ задумался.

— А что,—сказалъ онъ по нѣкоторомъ размышленіи, — еслибъ Оленьку замужъ выдать?

Магдалина Сигизмундовна встрепенулась: Постромковъ попалъ именно на ту мысль, къ которой Магдалина Сигизмундовна хотѣла его привести.

— Замужъ,—сказала она,—это бы дѣло хорошее. Только кто же на ней женится? И обезчещена, да и приданаго за ней нѣтъ.

— Приданое дадимъ, объ этомъ не горюйте.

— Да, ну, развѣ что дадите... А ребенка-то все таки надо какъ нибудь скрыть,—сказала Магдалина Сигизмундовна,—уѣхать намъ, что ли, куда нибудь передъ родами?

— Это можно.

V.

— Что это, Магдалина Сигизмундовна въ Вильну уѣхала?— спрашивали у Руклутецкаго.

— Въ Вильну,—отвѣчалъ онъ.

— Что ей такъ приспичило?

— Да одна дальняя родственница умерла, — пояснялъ Руклутецкій.—Маленькое наслѣдство досталось, такъ все вѣрнѣе самой быть на мѣстѣ.

— И Оленька съ нею уѣхала?

— И Оленька. Молода, рада случаю прокатиться, на людей посмотрѣть и себя показать.

Этой новой баснѣ никто не вѣрилъ, но зато всѣ дѣлали видъ, что вѣрятъ. Генералъ Постромковъ, между тѣмъ, занимался

пріисканьемъ жениха для Оленьки. Казалось, далеко искать было бы и не нужно: Руклутецкій — подъ руками, а Руклутецкій самый подходящій для этого человѣкъ. Но о Руклутецкомъ нечего было и думать. Дѣло усложнилось самымъ непріятнымъ и неожиданнымъ для генерала образомъ, вслѣдствіе одного обстоятельства.

По сосѣдству съ Особинскомъ, поселилась въ своемъ имѣніи вдова, помѣщица Бѣльская. Бѣльской было 37 лѣтъ; она сохранила остатки прежней красоты, и очень желала нравиться, находя, что она до сихъ поръ не жила еще, такъ какъ въ первый разъ была замужемъ за ревнивымъ старикомъ. Случайно встрѣтившись съ Руклутецкимъ, которому было всего двадцать-четыре года, и который былъ очень недуренъ собою, она сразу въ него влюбилась. Руклутецкій, не смотря на свою молодость, не былъ способенъ упускать изъ виду практическія цѣли. Бѣльская имѣла очень хорошее состояніе, а состояніемъ немолодой уже жены молодой мужъ можетъ распоряжаться, какъ своимъ собственнымъ. Сообразить это было нетрудно, и Руклутецкій, не колеблясь, сдѣлалъ предложеніе, которое тотчасъ же и было принято. Все это произошло еще до отъѣзда Краповыхъ въ Вильну и, разумѣется, нельзя было и думать о томъ, чтобы Руклутецкій промѣнялъ Бѣльскую на Оленьку, какъ бы онъ ни былъ преданъ своей землячкѣ, Магдалинѣ Сигизмундовнѣ, и какъ бы ни желалъ сохранить наилучшія отношенія съ генераломъ Постромковымъ.

Надо было пріискивать кого нибудь другаго. Генеральскій выборъ палъ на Хрисанфа Матвѣевича Вѣшкина. На мысль о Хрисанфѣ Матвѣевичѣ навелъ генерала Руклутецкій, указавъ на него, какъ на «человѣчка», который непремѣнно пойдетъ на всякую выгодную сдѣлку, но съ которымъ переговоры вести надо чрезвычайно осторожно. Поэтому-то за предварительные переговоры и взялся самъ Руклутецкій, такъ какъ генералъ вовсе осторожностью не отличался.

Хрисанфъ Матвѣевичъ Вѣшкинъ занималъ доходное мѣсто; онъ умѣлъ взять ловко, много, и быстро пряталъ концы въ воду; всякое сколько нибудь казусное дѣло онъ умѣлъ вести такъ, что комаръ носу не подточитъ. Когда-то любилъ онъ выпить и покутить; но разъ навсегда отказался отъ этого, на томъ основаніи, что пьяный человѣкъ—не господинъ себѣ и способенъ сболтнуть такую штуку, за которую потомъ придется раздѣлываться въ трезвомъ видѣ,—да еще, пожалуй, и не раздѣлаешься. Считая откровенность глупостью, онъ считалъ не меньшей глупостью лгать безъ надобности, и никогда этого не дѣлалъ. Онъ умѣлъ обходить щекотливые вопросы и отдѣлываться молчаніемъ; въ случаѣ же надобности во лжи, онъ

уже ни передъ чѣмъ не останавливался и, въ видахъ собственной пользы, безъ зазрѣнія совѣсти губилъ друга и недруга. Не смотря на то, люди, мало знавшіе Хрисанфа Матвѣевича,—въ особенности же тѣ, въ которыхъ Вѣшкинъ имѣлъ какую нибудь надобность,—считали его олицетворенной откровенностью, человѣкомъ задушевнымъ и добрымъ. Правда, что это бывало только на первыхъ порахъ знакомства и въ подобномъ заблужденіи никто долго не оставался, но тѣмъ не менѣе Вѣшкинъ умѣлъ сохранить добропорядочныя отношенія со многими. Нерѣдко собирались у него гости, и затѣивалась карточная игра: Хрисанфъ Матвѣевичъ отлично игралъ въ комерческія игры и не отказывался отъ азартныхъ. Никогда почти онъ не оставался въ проигрышѣ и самъ говорилъ, что карты доставляютъ ему постоянный доходъ, потому что онъ хорошо играетъ и никогда не теряетъ хладнокровія. Злые языки не довольствовались такимъ объясненіемъ постояннаго карточнаго счастья Хрисанфа Матвѣевича, но друзья его злымъ языкамъ не вѣрили; извѣстное дѣло, что злые языки не примѣръ добродушнымъ людямъ, и что добродушные люди всегда готовы защищать того, кто ихъ поитъ, кормитъ и веселитъ.

Достигнувъ сорока слишкомъ лѣтъ, Хрисанфъ Матвѣевичъ задумалъ жениться. Искалъ онъ дѣвушку или вдову молодую и здоровую,—такую, чтобы изъ нея, подъ его собственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, могла выйти полезная хозяйка и въ гостинной, и на кухнѣ; требовалъ онъ отъ своей будущей жены совершенной покорности волѣ мужа и безотвѣтности, и не хотѣлъ жениться на безприданницѣ. Соединить всѣ эти условія въ одномъ лицѣ было довольно трудно,—такъ что Хрисанфъ Матвѣевичъ все еще оставался холостымъ, въ то время какъ Оленькѣ понадобился мужъ. Руклутецкій, который зналъ всѣхъ и все, разумѣется, зналъ также о матримоніальныхъ стремленіяхъ Вѣшкина и о томъ, какихъ именно качествъ требуетъ онъ отъ своей будущей супруги. Руклутецкому казалось, что Оленька совершенно подходитъ подъ идеалъ Хрисанфа Матвѣевича. То обстоятельство, что Оленька была въ близкихъ отношеніяхъ съ Постромковымъ, не могло служить серьезнымъ препятствіемъ. Но зато прямо говорить съ Вѣшкинымъ объ этомъ обстоятельствѣ не было никакой возможности; Вѣшкинъ былъ человѣкъ предусмотрительный, и во всякомъ каверзномъ дѣлѣ оставлялъ себѣ какую нибудь лазейку. Такъ и въ настоящемъ случаѣ Руклутецкій былъ увѣренъ, что Вѣшкинъ готовъ на продажу себя за приданое, которое дастъ генералъ, но сдѣлаетъ это не иначе, какъ придавъ себѣ во всемъ этомъ дѣлѣ видъ обманутаго, видъ жертвы. Руклутецкій зналъ напередъ, что если только Хрисанфъ Матвѣевичъ согласится

на женитьбу съ Оленькой, то онъ непремѣнно притворится вѣрующимъ въ невинность и въ чистоту дружественныхъ отношеній Постромкова съ Крановыми и влюбленнымъ въ Оленьку, для того чтобы впослѣдствіи никто не могъ упрекнуть его въ томъ, что его женитьба была нечестной сдѣлкой.

— А, дорогой и рѣдкій гость!—воскликнулъ Вѣшкинъ, только что завидѣвъ входящаго къ нему Руклутецкаго.—Въ кои-то вѣки разъ зайдете... Ну, да и за то спасибо!

Усѣлись. Поговорили съ полчаса о городскихъ новостяхъ и сплетняхъ, и разговоръ уже истощался. Вѣшкинъ задавалъ себѣ мысленный вопросъ: просто ли зашелъ Руклутецкій, отъ нечего дѣлать, или же съ какою нибудь цѣлью? Руклутецкій думалъ, какъ бы половче и поискуснѣе приступить къ дѣлу.

— Да-съ... Такъ-то-съ... Да Богъ съ ними, съ чужими дѣлами,— сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Вѣшкинъ,—вы мнѣ лучше о себѣ поразскажите... Въ океанѣ блаженства плаваете?

— Не могу пожаловаться на свою судьбу,—отвѣчалъ Руклутецкій.—Это и въ столицахъ не скоро такую невѣсту найдешь, какъ моя Аполлинарія Ивановна. Дѣйствительно, мнѣ счастье.

— Какъ не счастье, помилуйте... И состояніе, говорятъ, отличное?

— Ну, на это я вамъ, Хрисанфъ Матвѣевичъ, вотъ что скажу: вы со мной объ этомъ не говорите; на это я сущій дуракъ. Повѣрите ли, что я даже въ точности не знаю, какое у нея состояніе? Что же дѣлать, влюбился, по уши влюбился!

— Гмъ!.. Скажите пожалуйста. Конечно, впрочемъ,—ваше дѣло молодое. Вотъ мы, старики, такъ ужь поразсудительнѣе.

— Да, толкуйте... Видалъ я, какъ и вы на молоденькихъ-то посматриваете! Вотъ хоть бы на Оленьку Крапову... Что, небось нѣтъ?

Вѣшкинъ и Руклутецкій переглянулись,—и Хрисанфу Матвѣевичу, разумѣется, стало сейчасъ же понятнымъ, зачѣмъ именно къ нему пожаловалъ Руклутецкій.

— Гмъ... да... Можетъ быть...—отвѣчалъ Вѣшкинъ, нѣсколько колеблясь.— Да что толку мнѣ на Оленьку Крапову смотрѣть,—она-то на меня смотрѣть не захочетъ.

— Ужь это, Хрисанфъ Матвѣевичъ, излишняя скромность съ вашей стороны.

— Нѣтъ, право я такъ думаю.

— Ну, такъ ошибаетесь.

— Ой ли?

— Ей богу ошибаетесь. Впрочемъ, не мое дѣло говорить, хоть я и знаю кое-что.

— Кому же и знать! Вы свой человѣкъ у Краповыхъ. А можно спросить, что̀ именно вы знаете?

— Да нѣтъ, Хрисанфъ Матвѣевичъ; что же болтать безъ толку...

— А, можетъ статься, не безъ толку?

— Нѣтъ, не резонъ.

— Ахъ да,—спохватился Вѣшкинъ,—что же это я съ вами подъ сухую бесѣдую! Часъ самый адмиральскій. Эй, человѣкъ! подай водки да закуски.

Подали закуску. Вѣшкинъ угощалъ Руклутецкаго, но самъ ничего не пилъ.

— А вы, по обыкновенію, ничего не пьете,—сказалъ Руклутецкій.

— Холодную воду пью,—отвѣчалъ Вѣшкинъ.—Съ тѣхъ поръ только и здоровъ, какъ сталъ воздерживаться отъ вина и пить воду. Холодной водой, я вамъ доложу, отъ всякой болѣзни можно вылѣчиться... «Да и опьянѣть отъ нея нельзя,—прибавилъ онъ мысленно,—слѣдовательно и проболтаться не рискуешь».

Этого мудраго правила придерживался бы, можетъ быть, и Руклутецкій, но онъ пить не боялся, потому что зналъ свою натуру: онъ былъ способенъ пить очень много, не пьянѣя, а если напивался и терялъ голову, то дѣлался нѣмъ, какъ рыба. Въ настоящее время входило даже въ его разсчеты выпить порядочно, для того чтобы имѣть видъ подвыпившаго и нечаянно проболтавшагося человѣка. Поэтому Руклутецкій пилъ рюмку за рюмку.

— Эхъ,—сказалъ онъ наконецъ,—не хотѣлъ бы говорить, да не могу. Другому бы ни за что не сказалъ, а Хрисанфъ Матвѣевичъ—душа-человѣкъ... ему скажу!

— Что жь,—возразилъ Хрисанфъ Матвѣевичъ,—говорите. Здѣсь что̀ сказано, то здѣсь и умерло.

— Оленька-то къ вамъ того... не равнодушна.

— Ишь шутникъ какой!

— Да, шутникъ! Это вамъ шутки, а ей-то не до шутокъ.

— Полно вамъ балагурить. Вы дѣло говорите!

— Ей-богу же дѣло говорю, хоть сію минуту образъ снять. Предложите вы ей только руку,—сейчасъ пойдетъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Барышня славная; кровь съ молокомъ; да и не бѣлоручка.

— Вотъ то-то и есть. А вы глядите, да не видите... Ну, да и генералъ Постромковъ ея мужа прибережетъ.

— Это все такъ-съ. Одна только есть статья неподходящая: рѣшись я,—такъ, примѣрно сказать,—сдѣлать предложеніе и получи

я согласіе,—жить намъ будетъ нечѣмъ. Вѣдь вотъ про мое мѣсто говорятъ—доходное. А не будь у меня своихъ небольшихъ деньжонокъ, такъ и концовъ съ концами бы не свелъ. Ну, есть, слава Богу, деньжонки; одному и довольно, а семьѣ—нищета.

— Къ вашему да оленькино приложить,—вотъ и проживете какъ нибудь,—съ голоду не умрете.

— Да вѣдь за Ольгой Степановной приданаго-то нѣтъ?

— Будетъ приданое.

— Да откуда же ему быть; помилуйте, Рудольфъ Касперовичъ.

— Будетъ,—будетъ-съ; ужь повѣрьте. Вы, я думаю, слыхали, что генералъ Постромковъ былъ другъ и пріятель съ покойнымъ Краповымъ, мужемъ Магдалины Сигизмундовны? Вотъ теперь онъ Краповыхъ-то все ровно, что за своихъ считаетъ. Денегъ у него много, родственниковъ близкихъ нѣтъ, съ собой въ гробъ вѣдь ничего не возьмешь; онъ Оленькѣ приданое и дастъ.

— Вотъ добродѣтельный-то человѣкъ! И большое дастъ онъ за ней приданое?

— Да деньгами десять тысячъ.

— Скажите!—Вѣшкинъ задумался.—Это вы не шутите?—спросилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—Все это вѣрно?

— Вотъ вамъ моя рука.

— А когда Магдалина Сигизмундовна съ Ольгой Степановной изъ Вильны воротятся?

— Недѣли черезъ три, должно быть. Только, если вы рѣшитесь предложеніе дѣлать, такъ вамъ ихъ ждать нечего: вы прежде переговорите съ генераломъ Постромковымъ. Онъ возьмется быть вашимъ сватомъ, да и о приданомъ замолвитъ вамъ словечко.

— Такъ-съ; это дѣло будетъ основательнѣе.

Такимъ образомъ, благополучно окончилась рекогносцировка Руклутецкаго, который теперь боялся только одного: какъ бы генералъ не испортилъ дѣла излишней откровенностью. Страхъ этотъ оказался совершенно напраснымъ; Постромковъ, при свиданіи съ Вѣшкинымъ, отлично разыгралъ роль безкорыстнаго благодѣтеля семейства своего умершаго друга,—и всѣ переговоры кончились къ общему удовольствію, какъ Вѣшкина, такъ и Постромкова. Оставалось только, для окончательнаго рѣшенія дѣла, дождаться возвращенія Магдалины Сигизмундовны и Оленьки.

VI.

Новорожденному ребенку генералъ ничего не успѣлъ положить на зубокъ; ребенокъ родился хилый, и черезъ пять-шесть дней умеръ. Оленька горевала; зато Магдалина Сигизмундовна находила,

что это къ лучшему, и что смерть ребенка—не горе, а облегченье: скрывать ребенка было бы мудрено, а принять его въ домъ еще того мудренѣе.

Не прошло и десяти дней послѣ возвращенія Краповыхъ изъ Вильны, какъ Оленька была объявлена невѣстой. Связь ея съ Постромковымъ прекратилась, по мнѣнію генерала: на время,—то-есть только до ея замужства, послѣ котораго дѣла должны были принять прежнее теченіе. Почему же нѣтъ? Оленька генералу еще не надоѣла: онъ сдѣлалъ для нея многое и еще многое сдѣлаетъ; а на мужа, который пошелъ на очевидную сдѣлку, смотрѣть нечего; онъ, конечно, и на новыя сдѣлки пойдетъ... Такъ думалъ Постромковъ. А какъ думалъ Вѣшкинъ, этого никто не зналъ. Съ нимъ никто не объяснялся. Ему ни о прошедшемъ, ни о предположеніяхъ насчетъ будущаго никто даже и не намекалъ; да и трудно было намекнуть,—до такой степени онъ казался довѣрчивымъ и влюбленнымъ въ Оленьку. Магдалина Сигизмундовна однако считала необходимымъ откровенное объясненіе съ Хрисанфомъ Матвѣевичемъ.

— Повѣрьте мнѣ,—говорила она Руклутецкому,—что Вѣшкинъ все знаетъ: онъ далеко не простофиля. Если онъ молчитъ и избѣгаетъ всякаго объясненія, такъ это потому, что онъ насъ какъ нибудь да поддѣнетъ.

— Не спорю,—отвѣчалъ Руклутецкій,—что Хрисанфъ Матвѣевичъ все знаетъ. Это даже вполнѣ несомнѣнно. Но его выгода заключается въ томъ, чтобы молчать и притворяться незнающимъ. Онъ женится и будетъ все таки продолжать разыгрыванье той же роли: это для него самое удобное и выгодное во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ не хочетъ быть въ глупомъ положеніи снисходительнаго мужа, и въ то же время хочетъ воспользоваться приданымъ Оленьки и протекціей генерала. Если вы пуститесь въ откровенность, то испортите все дѣло. Вы можете даже потерять жениха, а найти другаго вамъ уже будетъ гораздо труднѣе.

Мнѣніе Руклутецкаго взяло верхъ, тѣмъ болѣе, что Оленька и Постромковъ считали Магдалину Сигизмундовну предубѣжденной противъ Вѣшкина, котораго она явно недолюбливала. Вѣшкинъ давно уже былъ антипатиченъ Магдалинѣ Сигизмундовнѣ и, конечно, она не выбрала бы его въ женихи Оленькѣ, еслибы этотъ выборъ зависѣлъ отъ нея одной и еслибы не было настоятельной надобности выдать Оленьку замужъ. Ея антипатія еще усилилась и превратилась въ положительную ненависть, послѣ того какъ Вѣшкинъ, сдѣлавшись женихомъ, рѣшительно отклонилъ ея предложеніе жить вмѣстѣ, когда онъ женится. Магдалина Сигизмундовна видѣла, что

БИБЛІОТЕКА ПАЛАТЫ.

къ ней и къ Вѣшкину отлично примѣнялась поговорка: «нашла коса на камень».

А Оленька оставалась вѣрною своему характеру. Она рѣшительно не понимала, зачѣмъ это теперь, когда она привыкла къ Постромкову и даже привязалась къ нему, ее выдаютъ за Вѣшкина.

Тощая и черномазая фигура пожилаго жениха производила на нее на первыхъ порахъ непріятное впечатлѣніе, но протестовать она и не подумала,—такъ ей казалось неизбѣжнымъ всегда подчиняться чужой волѣ, никогда не понимая мотивовъ повиновенія. Скоро она и къ Вѣшкину привыкла, и онъ сталъ ей казаться менѣе противнымъ, чѣмъ прежде. Вѣшкинъ былъ любезенъ, предупредителенъ и даже нѣженъ, а она думала, что онъ такимъ останется навсегда. Что за бѣда, что онъ старъ? Хуже было бы, еслибы былъ молодъ, да пьяница и буянъ... Кромѣ того, ей говорили,—и она вѣрила,—что въ ея жизни мало что̀ измѣнится: главное пойдетъ по прежнему. Будетъ только смирный и покорный мужъ, именемъ котораго будетъ называться она сама и ея дѣти, если таковыя родятся...

Къ вѣнцу Оленька поѣхала совсѣмъ спокойная и не безъ гордости опиралась на руку генерала, входя въ церковь. Ее тѣшили любопытные взгляды и сдержанный шопотъ, встрѣтившіе ея пріѣздъ. Ей было лестно въ первый разъ въ жизни сосредоточивать на себѣ общее вниманіе. Обрядъ вѣнчанія волновалъ ее, но волновалъ пріятно. Она думала о томъ, какъ къ ней будутъ пріѣзжать гости, какіе генералъ будетъ ей дѣлать подарки, и какъ старый мужъ будетъ за ней ухаживать, особенно въ первое время. А горькое разочарованіе уже стояло у нея за спиною...

Свадьбу сыграли пышную. Вѣшкинъ казался счастливѣйшимъ человѣкомъ, да, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ былъ имъ: до сихъ поръ все шло именно такъ, какъ онъ хотѣлъ,—а окончательное выполненіе задуманнаго имъ плана уже зависѣло исключительно отъ него самого, да отъ Оленьки, съ которой совладать нетрудно. У Хрисанфа Матвѣевича была, слѣдовательно, полная надежда счастливо окончить счастливо начатое.

Магдалина Сигизмундовна не знала, какая разыгралась буря въ свадебный вечеръ, когда молодые остались одни; но, пріѣхавъ на другой день къ Оленькѣ, сейчасъ же увидѣла по ея лицу, что что-то не ладно. Но, какъ нарочно, Хрисанфъ Матвѣевичъ все время сидѣлъ съ женой и тещей, и выспросить Оленьку было невозможно. Наконецъ, его вызвали за какимъ-то дѣломъ.

— Что у васъ было?—спросила Магдалина Сигизмундовна, какъ только онъ вышелъ.

— Онъ все знаетъ, маменька,—отвѣчала Оленька съ неподдѣльнымъ ужасомъ.

— Да онъ давно все знаетъ; зналъ еще раньше, чѣмъ ты сдѣлалась его невѣстой,—возразила Магдалина Сигизмундовна спокойно.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, маменька!—горячо перебила Оленька. И она разсказала цѣлую сцену слезъ, брани, объясненій, отчаянія—такую сцену, которая, по ея мнѣнію, не могла бы произойти, еслибы Хрисанфъ Матвѣевичъ былъ хоть сколько нибудь приготовленъ къ тому, что его ожидало.

— И ты вѣришь, глупая, всей этой комедіи?—спросила Магдалина Сигизмундовна, съ мало скрытымъ оттѣнкомъ презрѣнія.

— А вы, маменька, никогда ничему не вѣрите!

— Да вѣдь я не семнадцатилѣтняя дурочка; я и прежде говорила, что твой Хрисанфъ Матвѣевичъ готовитъ какую нибудь штуку. Вотъ слушала бы ты мать, а не чужихъ, такъ и лучше было бы.

— Боже мой, Боже! Что мнѣ дѣлать? Какая мнѣ жизнь-то теперь предстоитъ!.—Оленька плакала и ломала себѣ руки.

— Вѣдь этимъ не поможешь: хоть ревмя-реви, хоть всѣ пальцы себѣ выломай,—ровнымъ голосомъ сказала Магдалина Сигизмундовна.—Тутъ нужно подумать, да дѣло какъ нибудь рѣшить. Сама не можешь придумать, такъ я тебѣ помогу. Отвѣчай мнѣ толкомъ. Когда онъ тебя началъ допрашивать, ты растерялась?

— Да какъ же, маменька... конечно, растерялась...

— Глупо. Надо было ему спокойно отвѣчать, что сами-де знаете... десять тысячъ Иванъ Лаврентьевичъ не съ вѣтру же далъ. Ну, дѣлать нечего. Онъ тебя заставилъ все разсказать, какъ будто самъ съ луны только что спрыгнулъ.

— Да, заставилъ.

— Молодецъ, ловкій парень! Ну, потомъ?

— Потомъ потребовалъ отъ меня денегъ.

— Ты отказала?

— Отдала,—отвѣчала Оленька почти шопотомъ.

— От-да-ла!—И Магдалина Сигизмундовна всплеснула руками.—Да въ кого же ты такой простофилей-то уродилась! Не я ли говорила тебѣ: съ деньгами не разлучайся ни на полчаса; деньги твои, а не мужнины. Зачѣмъ же ты ихъ отдала?

Оленька плакала и не отвѣчала.

— Слезами не поможешь,—строго сказала Магдалина Сигизмундовна,—я ужь разъ говорила тебѣ. Я тебя не изъ любопытства разспрашиваю, а для твоей же пользы. Зачѣмъ ты отдала деньги?

— Онъ мнѣ сталъ такъ строго выговаривать за мое поведеніе... «Я—говоритъ—считалъ васъ честной дѣвушкой, оттого и не пре-

пятствовалъ генералу отдать вамъ на руки приданое. А теперь, когда я знаю, какое было ваше прежнее поведеніе, я, какъ мужъ, обязанъ отъ васъ потребовать ваши деньги, чтобы вы изъ нихъ не сдѣлали какого нибудь дурнаго употребленія»... Говорилъ онъ громко; глаза у него такъ и сверкали. Мнѣ было такъ стыдно и страшно, что ни о чемъ другомъ я и думать не могла... Я и отдала деньги! Богъ съ ними.

— Видишь, какая богачка: Богъ съ ними! А теперь ты сама осталась безъ гроша, теперь твоя мать будетъ умирать съ голоду, да и тебѣ не на что будетъ ей кусокъ хлѣба купить! Вѣдь отъ твоего мужа денегъ назадъ не добудешь... И какое на насъ на всѣхъ затмѣніе нашло! Ужь добро бы ты: тебя Богъ умомъ обидѣлъ; я-то какъ вò-время не подумала, что надо безъименные билеты перемѣнить на именные!.. Что теперь дѣлать? Теперь одна надежда на генерала.

— Что жь, поговорите съ нимъ.

— Я-то съ нимъ, матушка моя, поговорю; да ты сама-то съумѣй его хорошенько разжалобить.

— Ужь не знаю, какъ мнѣ это сдѣлать? При Хрисанфѣ Матвѣевичѣ нельзя, а безъ себя Хрисанфъ Матвѣевичъ строго-настрого запретилъ мнѣ кого бы то ни было принимать, а пуще всѣхъ—генерала.

— Что-о? Запретилъ генерала принимать? Да что онъ шутки что ли шутитъ? Да Иванъ Лаврентьевичъ его въ такой бараній рогъ согнетъ, что онъ забудетъ, есть ли у него и жена...

— Я и сама удивилась. А онъ мнѣ говоритъ: «это ужь мое дѣло; а вы должны только исполнять, что я приказываю».

— Приказываетъ! Приказываетъ! Нѣтъ, каковъ? Прошу покорно!.. Ну, слушай, Оленька. Твой мужъ ужь черезчуръ куражится; ему не сдобровать. Выслушай внимательно мое наставленіе, и ни на шагъ отъ него не отступай. Генерала не принимать нельзя; твой мужъ не тебя одну, а все наше семейство погубить хочетъ, потому что генералъ — нашъ благодѣтель. Если же Хрисанфъ Матвѣевичъ будетъ куражиться, такъ ты ему такъ скажи: «вы себя за генеральскія деньги продали, такъ теперь и терпите». Слышишь,—такъ и скажи!.. А генералъ завтра утромъ пріѣдетъ, покуда твой мужъ будетъ въ должности. Ты...

— Зачѣмъ же вы вашей дочери дурные совѣты даете?—перебилъ Магдалину Сигизмундовну Хрисанфъ Матвѣевичъ, незамѣтно вошедшій въ это время въ комнату.

При видѣ своего врага, Магдалина Сигизмундовна совершенно потеряла свое обычное благоразуміе.

— Я ей мать, милостивый государь,—сказала она, не сдерживая своей злости,—а вы ей мужъ только со вчерашняго дня. Я совѣты ей даю для ея пользы, а денегъ у нея воровать не буду, какъ вы.

— Я денегъ у Ольги Степановны не воровалъ,—спокойно отвѣчалъ Вѣшкинъ,—а только спряталъ ихъ къ себѣ, чтобы онѣ не ушли пòпусту... А вамъ, Магдалина Сигизмундовна, я вотъ что скажу: вамъ ужь другихъ упрекать не приходится; вы у вашей дочери украли такое сокровище, какого никогда возвратить ей не можете. Честнаго имени никакими деньгами не купить. Еще скажите спасибо мужу, который жалѣетъ ея молодость и не оглашаетъ ея срама.

Магдалина Сигизмундовна торопливо надѣвала шляпку и мантилью.

— Хорошо-съ,—прошипѣла она, уходя,—посмотримъ, какъ-то вы съ генераломъ Постромковымъ поговорите!..

Хрисанфъ Матвѣевичъ, не отвѣчая Магдалинѣ Сигизмундовнѣ, обратился къ Оленькѣ.

— Послушайте, Оленька,—сказалъ онъ,—я еще разъ вамъ запрещаю принимать въ мое отсутствіе генерала Постромкова.

Оленька хотѣла повторить отвѣтъ, продиктованный ей Магдалиной Сигизмундовной,—но не рѣшилась и промолчала.

На другое утро, только что Вѣшкинъ вышелъ изъ дому въ должность, къ Оленькѣ явилась горничная Магдалины Сигизмундовны съ запискою.

«Къ тебѣ сейчасъ будетъ,—писала Магдалина Сигизмундовна,—Иванъ Лаврентьевичъ. Не прогляди его пріѣзда и прими во что бы то ни стало. Твоему мужу съ генераломъ бороться не подъ силу, а если Хрисанфъ Матвѣевичъ уменъ, то и у насъ съ Руклутецкимъ есть тоже умишка. Еще потягаемся. Записку эту сожги».

Дѣйствительно, вслѣдъ за запиской, къ дому Вѣшкиныхъ подкатилъ на парѣ съ пристяжкой Постромковъ. Оленька еще не успѣла опомниться и сообразить, что̀ ей дѣлать, какъ уже услышала голоса въ передней.

— Барина дома нѣтъ, ваше превосходительство, — говорилъ лакей.

— Мнѣ твоего барина и не нужно,—отвѣчалъ Постромковъ,—мнѣ нужно барыню.—И, сбросивъ шинель, онъ отворилъ дверь изъ передней. Въ первой же комнатѣ стояла Оленька съ запиской въ рукахъ.

— Бѣдняжечка моя!—сказалъ Постромковъ, безъ церемоніи обнимая и цѣлуя Оленьку.

Оленька расплакалась.

— Ничего, ничего!—утѣшалъ ее генералъ.—Все дѣло поправимъ. Противъ меня онъ ничего не посмѣетъ...

Генералъ просидѣлъ часа два и уѣхалъ. Часовъ въ шесть вечера явился отъ него посланный: его превосходительство просилъ Хрисанфа Матвѣевича немедленно пожаловать къ нему. Хрисанфъ Матвѣевичъ велѣлъ извиниться и сказать, что онъ нездоровъ и сегодня выѣхать изъ дому не можетъ. Ему еще покуда было не до генерала, потому что предстояло объясненіе съ женой, по поводу утренняго посѣщенія Постромкова. Объясненіе было бурное и кончилось... кончилось нехорошо. Оленька потомъ горько плакала, приводя въ порядокъ свои растрепанные волосы, и внимательно разсматривала въ зеркало, не осталось ли послѣ бурнаго объясненія какихъ либо слѣдовъ на ея лицѣ?..

VII.

Послѣднее наставленіе, данное Вѣшкинымъ своей женѣ, быстро принесло плоды. Оленька сразу же перестала вѣрить въ чью бы ни было власть и силу надъ собой, кромѣ власти и силы Хрисанфа Матвѣевича. На вопросы Магдалины Сигизмундовны, почуявшей что-то неладное и пріѣхавшей къ дочери, она наотрѣзъ отказалась отвѣчать, сказавъ фразу, видимо внушенную ей Хрисанфомъ Матвѣевичемъ: «между мужемъ и женой судья—одинъ Богъ». Магдалина Сигизмундовна только черезъ подкупъ людей узнала истину, и то дня черезъ три послѣ происшествія; она сейчасъ же полетѣла къ Постромкову.

Постромковъ, взбѣшенный поведеніемъ Вѣшкина относительно Оленьки, еще болѣе раздраженный отказомъ Хрисанфа Матвѣевича пріѣхать къ нему, теперь окончательно осатанѣлъ, когда услышалъ разсказъ Магдалины Сигизмундовны о томъ, что Оленька избита и изувѣчена своимъ мужемъ, да, кромѣ того, такъ имъ запугана, что даже жаловаться не смѣетъ на этого изверга. Это послѣднее обстоятельство особенно сердило Магдалину Сигизмундовну, которая понимала, что она ничего не подѣлаетъ съ Хрисанфомъ Матвѣевичемъ, если только онъ успѣлъ совершенно завладѣть Оленькой, и если Оленька не захочетъ идти противъ него.

— Да что же это такое? Да какъ онъ смѣетъ!—повторялъ генералъ, большими шагами расхаживая по комнатѣ.—Бьетъ жену!.. Да добро бы просто жена. Ну, всяко бываетъ... Все же близкая мнѣ особа! Какъ онъ смѣетъ, я желалъ бы знать. Да какъ онъ противъ меня-то осмѣлился пойти? Эй, человѣкъ, лошадей!

Хрисанфъ Матвѣевичъ былъ дома, когда пріѣхалъ генералъ. Въ видахъ устройства для себя домашняго счастья, онъ рапортовался больнымъ, чтобы не ходить въ должность и нѣкоторое время не разлучаться съ женой. Генералъ влетѣлъ, какъ бомба. Хрисанфъ Матвѣевичъ встрѣтилъ его самымъ низкимъ, привѣтливымъ и любезнымъ поклономъ, и пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Въ кабинетъ? Хорошо, милостивый государь,—отвѣчалъ Остромковъ, не подавая Вѣшкину руки.—Тѣмъ лучше, въ кабинетъ... Намъ надо объясниться о весьма важныхъ дѣлахъ, милостивый государь.

Войдя въ кабинетъ, Вѣшкинъ подвинулъ генералу кресло, а самъ, не садясь, уперся руками о стулъ и спросилъ:

— Что изволите приказать, ваше превосходительство?

— Прикажу вамъ—и очень строго — порядочно обращаться съ вашей женой.

— Я обращаюсь съ нею по мѣрѣ моего умѣнья; особаго воспитанія я не получилъ, ваше превосходительство, различныхъ тонкостей не знаю,—отвѣчалъ Вѣшкинъ, съ прежнимъ наружнымъ видомъ глубочайшаго почтенія.

— Особыхъ тонкостей и не нужно, а бить жену ужь это черезчуръ толсто.

— Кто же объ этомъ докладывалъ вашему превосходительству? Билъ ли, или не билъ я ее, это дѣло между нами.

— Да вы развѣ смѣете мнѣ такъ отвѣчать? Забыли вы, что ли, съ кѣмъ говорите?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Только позвольте вамъ доложить, что между мужемъ и женой одинъ Богъ судья.

— А?!. А!—воскликнулъ генералъ, остолбенѣвшій при этомъ отвѣтѣ.—Такъ-то! Вы мнѣ, кажется, наставленіе читаете? Да я васъ туда упрячу, куда...

— Ваше превосходительство, не извольте гнѣваться. Я готовъ вамъ, если угодно, всю истину доложить.

— Ну, говорите...

— Я, дѣйствительно, жену побилъ. Такъ немного за волосёнки потаскалъ.

— И вы осмѣливаетесь мнѣ говорить это!

— Изволили приказать...

— Ну, хорошо, говорите. Говорите до конца. Послушаю, такъ и быть.

— Еслибы я отъ бездѣлья ее билъ, ваше превосходительство,— оттого вотъ, что руки зачесались,—ну, ужь это не годилось бы. А то вѣдь я билъ за дѣло.

— Да жена не деньщикъ вашъ, милостивый государь. Это деньщика можно иной разъ сгоряча и безъ дѣла побить... А жена— другая статья. Не всякую жену бить можно! Ваша жена мнѣ близкая особа... Поняли?

— Понялъ-съ. За это-то самое я ее и билъ!

— Что такое?—протянулъ генералъ, снова ошеломленный.

— Точно такъ, ваше превосходительство; я для себя женился, а не для другихъ; ужь вы меня извольте извинить...

— Для себя? вотъ какъ!.. А деньги взяли?

— Какія же деньги?

— Да приданое Оленьки. Небось не я далъ?

— Ваше превосходительство изволили дать по дружбѣ къ покойному ея отцу.

— Что вы басни-то разсказываете? Я ея покойнаго отца никогда и въ глаза не видывалъ!

— Все это мнѣ теперь извѣстно, а женихомъ я этого не зналъ. Еслибы ваше превосходительство мнѣ всю истину изволили сказать, когда я былъ еще женихомъ, такъ я не то что за десять тысячъ, а за сто милліоновъ не женился бы!.. А теперь по неволѣ молчу. И Оленькину молодость жаль, и ваше превосходительство — такая особа, что срамить васъ не приходится.

— Это еще что такое?

— Такъ точно-съ, уголовное дѣло: совращеніе несовершеннолѣтней дѣвушки...

На этотъ разъ генералъ уже окончательно растерялся.

— Гмъ... Какъ... Какъ несовершеннолѣтней?

— Это вѣрно-съ. Совращеніе произошло за три недѣли до дня, когда ей исполнилось шестнадцать лѣтъ.

— Да что вы съ ума сошли—мнѣ такія вещи говорить? Да знаете ли, что съ вами будетъ за клевету...

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, не клевета. У меня есть доказательства: письма, которыя вы къ моей женѣ писали, когда она родить ѣздила. Да въ случаѣ надобности будетъ и ея собственное показаніе. Она теперь свои обязанности знаетъ и пользу свою понимаетъ. Ей цѣлую жизнь жить со мной, а не съ кѣмъ другимъ!

Говоря это, Вѣшкинъ подошелъ къ своему письменному столу, отперъ ключемъ одинъ изъ ящиковъ, вынулъ нѣсколько писемъ, издали показалъ ихъ генералу и снова заперъ.

— Но позвольте доложить вашему превосходительству, — продолжалъ онъ,—что я во зло не употреблю всего, что знаю. Да и какая мнѣ надобность? Прошедшее я своей женѣ простилъ, а на будущее время ваше превосходительство будете къ намъ жаловать

въ тѣ часы, когда я дома; много будемъ признательны за честь. Жена и виду не покажетъ о прошедшемъ, а я буду нѣмъ, какъ рыба, потому что слишкомъ дорожу покровительствомъ вашего превосходительства...

Эта послѣдняя фраза опять взбѣсила генерала.

— Послѣ всего того, что̀ было, вы еще разсчитываете на мое покровительство? — сказалъ онъ, заливаясь принужденнымъ смѣхомъ.

— Да какъ же?—отвѣчалъ Вѣшкинъ спокойно и почтительно.— Вы изволили быть въ такой дружбѣ съ покойнымъ отцомъ моей жены...

— Говорятъ вамъ, что это басня!

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Мы ужь лучше *другое-то* сдѣлаемъ басней... уголовное-то дѣло...

Генералъ совершенно остолбенѣлъ передъ этой дерзостью и передъ собственнымъ своимъ безсиліемъ въ виду ея.

— Не угодно ли вамъ теперь жену мою видѣть? — спросилъ между тѣмъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, Вѣшкинъ.

— Нѣтъ, ужь лучше въ другой разъ.

— Какъ угодно, ваше превосходительство... А насчетъ моей маленькой ссоры съ женой,—продолжалъ Хрисанфъ Матвѣевичъ, провожая генерала и очень низко передъ нимъ раскланиваясь,— вы не извольте безпокоиться: это супружескому счастью не препятствуетъ...

Н. Масловъ.

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.

(По поводу пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности).

I.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ принадлежитъ къ школѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, иначе сказать: къ блестящей плеядѣ художниковъ слова, во главѣ которыхъ стоятъ Тургеневъ и Толстой. Эта школа характеризуется, по установившемуся мнѣнію, двоякаго рода признаками. Съ одной стороны, беллетристы сороковыхъ годовъ были исполнены пушкинской созерцательности и стремленія поэтически освѣщать *даже темныя стороны* русской жизни; съ другой—имъ не былъ чуждъ сатирическій пессимизмъ Гоголя, и въ этомъ смыслѣ они стоятъ ближе къ дальнѣйшей реалистической школѣ, чѣмъ къ Пушкину.

Таковъ установившійся взглядъ на беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Намъ кажется, что онъ несовсѣмъ справедливъ. Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ, Достоевскій, Аксаковъ, Григоровичъ, даже Писемскій, представитель русскаго натурализма,—непосредственные ученики и послѣдователи Пушкина. Равнымъ образомъ, непосредственный ученикъ и послѣдователь Пушкина—Гоголь, и нѣтъ надобности обращаться къ посредникамъ, если очевидна связь между родоначальникомъ русской поэзіи и ея дальнѣйшими представителями. Сущность произведеній Пушкина нельзя характеризовать словами: «созерцательность», «художественность», «чистое искусство» и т. п. Понятія, заключающіяся въ этихъ словахъ, слишкомъ узки, чтобы охватить духъ и значеніе пушкинской поэзіи. До сихъ поръ, въ русской литературѣ не было ни одного теченія, *не зависѣвшаго отъ Пушкина.* Особенности беллетристовъ сороковыхъ годовъ, яко бы навѣянныя особенностями творчества Гоголя, вполнѣ удовлетворительно объясняются перемѣной въ міросозерцаніи лучшихъ русскихъ людей. Крѣпостной строй нашего быта въ ту эпоху былъ уже сознанъ этими лучшими людьми, былъ сознанъ безповоротно, и всѣ ненормальныя явленія въ тогдашней русской жизни объяснялись именно крѣпостнымъ строемъ. Съ каждымъ годомъ сознаніе ненормальности быта становилось для общества очевиднѣе и очевиднѣе. Пессимистическій характеръ творчества Лермонтова не-

справедливо объяснять однимъ вліяніемъ Байрона. Лермонтовъ уже носилъ въ себѣ зачатки тѣхъ идей, которыя получили широкое развитіе въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, и ужь, конечно, сатиры Гоголя здѣсь непричемъ. Пробужденное Пушкинымъ, русское общество быстро двинулось впередъ. Поэзія, которую и до сихъ поръ называютъ созерцательной, безотносительной, а иные храбрецы даже безсодержательной,—дала толчокъ русской мысли, заставивъ ее разлиться по всѣмъ направленіямъ.

Школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ не служитъ предметомъ настоящей статьи; мы коснулись даннаго вопроса лишь мелькомъ и въ тѣхъ видахъ, что дальнѣйшая рѣчь должна идти о писателѣ, принадлежащемъ именно къ этой школѣ. Собственно, Д. В. Григоровича правильнѣе было бы причислить къ беллетристамъ тургеневской школы, не смотря на то, что почтенный писатель нашъ выступилъ одновременно съ авторомъ «Записокъ охотника». Первоначальныя произведенія г. Григоровича («Петербургскіе шарманщики», повѣсть «Деревня») не даютъ вѣрнаго понятія о характерѣ его творчества. Его исходнымъ пунктомъ нужно считать повѣсть «Антонъ Горемыка», напечатанную въ «Современникѣ» въ 1847 г. Въ томъ же году и въ томъ же журналѣ появился первый «разсказъ охотника» — «Хорь и Калинычъ», привлекшій общее вниманіе публики. Съ 1847 по 1851 г. разсказы Тургенева быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, а въ началѣ 1852 г. выходятъ уже отдѣльнымъ изданіемъ. Эта справка позволяетъ сдѣлать предположеніе, что г. Григоровичъ, какъ талантъ менѣе сильный, чѣмъ Тургеневъ, не могъ не ощутить на себѣ его воздѣйствія и вскорѣ направился по руслу, артистически расчищенному авторомъ «Записокъ охотника».

Родился Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ 19 марта 1822 г., въ симбирской губерніи, и дѣтство провелъ въ деревнѣ. Затѣмъ поступилъ въ одинъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ, а оттуда перешелъ въ инженерное училище, гдѣ и кончилъ курсъ одновременно съ Ѳ. М. Достоевскимъ. Первоначально г. Григоровичъ чувствовалъ призваніе къ живописи и, по выходѣ изъ училища, два года занимался въ академіи художествъ. Но художникомъ Д. В. не суждено было сдѣлаться: благодаря случайному знакомству съ издателемъ Плюшаромъ, онъ выступилъ на литературное поприще— нѣсколькими переводами съ французскаго и оригинальными разсказами. По свидѣтельству самого Д. В., первые литературные опыты стоили ему большихъ мукъ и усилій. «Я не давалъ себѣ покоя— пишетъ г. Григоровичъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ»—придумывая сюжетъ для оригинальной повѣсти. Сотни разъ, набросавъ сгоряча начало, прежде чѣмъ успѣлъ обдумать конецъ,

я сокрушался, обезкураженный, и бросалъ работу». «Вторая моя повѣсть—говорится въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ»—«Антонъ Горемыка», написанная слѣдующимъ лѣтомъ и также въ деревнѣ, была гораздо удачнѣе первой («Деревня»)... Повѣсть эта тѣмъ не менѣе стоила мнѣ такого же труда,—если не больше, чѣмъ первая; бывали не только часы, но дни, когда при всемъ усиліи я не могъ положительно написать строчки. Я приходилъ въ совершенное отчаяніе, искренно убѣжденный, что лишился способности писать».

Вообще г. Григоровичъ часто и много говоритъ о невѣроятныхъ усиліяхъ, которыя онъ долженъ былъ употреблять при сочиненіи повѣстей и разсказовъ. Авторъ ссылается на Гоголя, три раза переработывавшаго «Мертвыя души», на Пушкина, Лермонтова, Толстаго и Тургенева, которые также марали свои рукописи; ссылается на Гёте, выбросившаго изъ пьесы «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ» нѣсколько превосходныхъ сценъ. Примѣры великихъ писателей видимо успокоиваютъ г. Григоровича, но, по нашему мнѣнію, онъ упускаетъ изъ виду очень важное обстоятельство. Ни Пушкинъ, ни Гёте, ни Тургеневъ, ни Толстой, не мучились, *придумывая, что бы имъ такое написать;* наоборотъ, ихъ мучили творческіе замыслы, мучило обиліе и разнообразіе этихъ замысловъ, и мы знаемъ, сколько неосуществленнаго осталось, напримѣръ, послѣ Пушкина и Лермонтова. Изъ воспоминаній г. Григоровича видно, что ему почти незнакомо *внутреннее побужденіе*, которое заставляетъ писателя, помимо воли, браться за перо. Сила этого внутренняго побужденія выражена отчасти Фетомъ:

Самъ не знаю, что̀ я буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ.

У г. Григоровича, насколько можно судить по его собственному свидѣтельству, не было обыкновенно ни пѣсни, ни сознанія, что она зрѣетъ, а на первомъ планѣ стояло лишь желаніе во что бы то ни стало «сочинить» разсказъ или повѣсть.

Законы творчества для насъ тайна, хотя о творчествѣ геніальныхъ поэтовъ мы собрали уже много матеріаловъ и на многое установили болѣе или менѣе опредѣленные взгляды. Особенности творчества второстепенныхъ и третьестепенныхъ поэтовъ извѣстны, конечно, менѣе и главнымъ образомъ потому, что второстепенные и третьестепенные поэты или недостаточно искренни въ своихъ показаніяхъ, или же торопятся по своему объяснить, а, стало быть, и видоизмѣнить факты. Въ виду этого, трудно утверждать категорически, что писательскія муки г. Григоровича не свидѣтельствуютъ о большой силѣ его таланта; но если къ показанію автора относительно этихъ мукъ присоединить еще обзоръ созданныхъ имъ произ-

справедливо объяснять однимъ вліяніемъ Байрона. Лермонтовъ уже носилъ въ себѣ зачатки тѣхъ идей, которыя получили широкое развитіе въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, и ужь, конечно, сатиры Гоголя здѣсь непричемъ. Пробужденное Пушкинымъ, русское общество быстро двинулось впередъ. Поэзія, которую и до сихъ поръ называютъ созерцательной, безотносительной, а иные храбрецы даже безсодержательной,—дала толчокъ русской мысли, заставивъ ее разлиться по всѣмъ направленіямъ.

Школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ не служитъ предметомъ настоящей статьи; мы коснулись даннаго вопроса лишь мелькомъ и въ тѣхъ видахъ, что дальнѣйшая рѣчь должна идти о писателѣ, принадлежащемъ именно къ этой школѣ. Собственно, Д. В. Григоровича правильнѣе было бы причислить къ беллетристамъ тургеневской школы, не смотря на то, что почтенный писатель нашъ выступилъ одновременно съ авторомъ «Записокъ охотника». Первоначальныя произведенія г. Григоровича («Петербургскіе шарманщики», повѣсть «Деревня») не даютъ вѣрнаго понятія о характерѣ его творчества. Его исходнымъ пунктомъ нужно считать повѣсть «Антонъ Горемыка», напечатанную въ «Современникѣ» въ 1847 г. Въ томъ же году и въ томъ же журналѣ появился первый «разсказъ охотника» — «Хорь и Калинычъ», привлекшій общее вниманіе публики. Съ 1847 по 1851 г. разсказы Тургенева быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, а въ началѣ 1852 г. выходятъ уже отдѣльнымъ изданіемъ. Эта справка позволяетъ сдѣлать предположеніе, что г. Григоровичъ, какъ талантъ менѣе сильный, чѣмъ Тургеневъ, не могъ не ощутить на себѣ его воздѣйствія и вскорѣ направился по руслу, артистически расчищенному авторомъ «Записокъ охотника».

Родился Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ 19 марта 1822 г., въ симбирской губерніи, и дѣтство провелъ въ деревнѣ. Затѣмъ поступилъ въ одинъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ, а оттуда перешелъ въ инженерное училище, гдѣ и кончилъ курсъ одновременно съ Ѳ. М. Достоевскимъ. Первоначально г. Григоровичъ чувствовалъ призваніе къ живописи и, по выходѣ изъ училища, два года занимался въ академіи художествъ. Но художникомъ Д. В. не суждено было сдѣлаться: благодаря случайному знакомству съ издателемъ Плюшаромъ, онъ выступилъ на литературное поприще— нѣсколькими переводами съ французскаго и оригинальными разсказами. По свидѣтельству самого Д. В., первые литературные опыты стоили ему большихъ мукъ и усилій. «Я не давалъ себѣ покоя— пишетъ г. Григоровичъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ»—придумывая сюжетъ для оригинальной повѣсти. Сотни разъ, набросавъ сгоряча начало, прежде чѣмъ успѣлъ обдумать конецъ,

я сокрушался, обезкураженный, и бросалъ работу». «Вторая моя повѣсть—говорится въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ»—«Антонъ Горемыка», написанная слѣдующимъ лѣтомъ и также въ деревнѣ, была гораздо удачнѣе первой («Деревня»)... Повѣсть эта тѣмъ не менѣе стоила мнѣ такого же труда,—если не больше, чѣмъ первая; бывали не только часы, но дни, когда при всемъ усиліи я не могъ положительно написать строчки. Я приходилъ въ совершенное отчаяніе, искренно убѣжденный, что лишился способности писать».

Вообще г. Григоровичъ часто и много говоритъ о невѣроятныхъ усиліяхъ, которыя онъ долженъ былъ употреблять при сочиненіи повѣстей и разсказовъ. Авторъ ссылается на Гоголя, три раза переработывавшаго «Мертвыя души», на Пушкина, Лермонтова, Толстаго и Тургенева, которые также марали свои рукописи; ссылается на Гёте, выбросившаго изъ пьесы «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ» нѣсколько превосходныхъ сценъ. Примѣры великихъ писателей видимо успокоиваютъ г. Григоровича, но, по нашему мнѣнію, онъ упускаетъ изъ виду очень важное обстоятельство. Ни Пушкинъ, ни Гёте, ни Тургеневъ, ни Толстой, не мучились, *придумывая, что бы имъ такое написать;* наоборотъ, ихъ мучили творческіе замыслы, мучило обиліе и разнообразіе этихъ замысловъ, и мы знаемъ, сколько неосуществленнаго осталось, напримѣръ, послѣ Пушкина и Лермонтова. Изъ воспоминаній г. Григоровича видно, что ему почти незнакомо *внутреннее побужденіе*, которое заставляетъ писателя, помимо воли, браться за перо. Сила этого внутренняго побужденія выражена отчасти Фетомъ:

Самъ не знаю, что̀ я буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ.

У г. Григоровича, насколько можно судить по его собственному свидѣтельству, не было обыкновенно ни пѣсни, ни сознанія, что она зрѣетъ, а на первомъ планѣ стояло лишь желаніе во что бы то ни стало «сочинить» разсказъ или повѣсть.

Законы творчества для насъ тайна, хотя о творчествѣ геніальныхъ поэтовъ мы собрали уже много матеріаловъ и на многое установили болѣе или менѣе опредѣленные взгляды. Особенности творчества второстепенныхъ и третьестепенныхъ поэтовъ извѣстны, конечно, менѣе и главнымъ образомъ потому, что второстепенные и третьестепенные поэты или недостаточно искренни въ своихъ показаніяхъ, или же торопятся по своему объяснить, а, стало быть, и видоизмѣнить факты. Въ виду этого, трудно утверждать категорически, что писательскія муки г. Григоровича не свидѣтельствуютъ о большой силѣ его таланта; но если къ показанію автора относительно этихъ мукъ присоединить еще обзоръ созданныхъ имъ произ-

веденій, то можно говорить уже съ бо́льшей увѣренностью и положительностью.

II.

Выше мы сказали, что г. Григоровичъ принадлежитъ къ тургеневской школѣ беллетристовъ. Беллетристы этой школы отличаются прежде всего склонностью къ описаніямъ и къ отдѣлкѣ формы. Кромѣ того, этимъ беллетристамъ несовсѣмъ чужда нѣкоторая сантиментальность и неизбѣжная въ такомъ случаѣ слащавость. Произведенія г. Григоровича изъ народнаго быта несомнѣнно слащавы и сантиментальны. Развертывая передъ нашими глазами драму, авторъ тщательно сглаживаетъ въ ней всѣ шероховатыя, грубыя подробности,—иными словами: идеализируетъ героевъ, грѣшитъ противъ дѣйствительности. Въ данномъ отношеніи г. Григоровичъ прямо противоположенъ Достоевскому и Писемскому, которые, какъ извѣстно, не только не избѣгали реалистическихъ подробностей, но на нихъ и основывали свои произведенія. Отсталъ въ этомъ отношеніи г. Григоровичъ и отъ Тургенева, потому что послѣдній, не чувствуя склонности къ реалистическимъ подробностямъ, прямо обходилъ явленія жизни, которыя заставляютъ беллетриста вдаваться въ эти подробности. Міръ Тургенева—міръ вполнѣ опредѣленный, міръ дѣйствительности. Тургеневъ, можетъ быть, не менѣе реаленъ, чѣмъ Писемскій или Достоевскій, но онъ бралъ сюжеты для своихъ произведеній совсѣмъ изъ другаго быта, чѣмъ эти писатели. Подобно Фету, Тургеневъ до конца жизни оставался поэтомъ усадьбы. Чутко слѣдя за всѣми новыми явленіями русской жизни, возникавшими не на деревенской, а на городской почвѣ, онъ все таки переносилъ ихъ въ деревню и уже тамъ заставлялъ развиваться и выясняться. И Тургеневъ былъ всегда вѣренъ дѣйствительности. Городской Базаровъ могъ не походить на тургеневскаго Базарова, но въ деревнѣ онъ былъ именно такимъ. Очевидно, мы можемъ сочувствовать или не сочувствовать деревенскимъ симпатіямъ Тургенева, можемъ любить или не любить его жанръ, но не имѣемъ права упрекать романиста въ склонности къ идеализаціи, въ сантиментальности или слащавости.

Г. Григоровичъ именно грѣшитъ противъ дѣйствительности; онъ *сочиняетъ*, а не *творитъ*. Прекрасная техника, выработанная нашимъ авторомъ, помогаетъ ему дѣлать интересными даже самые избитые и безсодержательные сюжеты. Укажемъ хотя бы одинъ изъ позднѣйшихъ разсказовъ г. Григоровича: «Мой дядя Бандуринъ». Въ этомъ разсказѣ нѣтъ рѣшительно ничего своеобразнаго; дядя

Бандуринъ описанъ тысячи разъ и г. Григоровичъ изъ своихъ наблюденій ничего не прибавилъ къ знакомому типу. Однако, разсказъ читается съ интересомъ и вы чувствуете, что онъ написанъ опытною рукой. Авторъ искусно планируетъ подробности, умѣетъ васъ вò-время заставить улыбнуться, а—главное—обманываетъ читателя красивымъ, выдержаннымъ, благороднымъ языкомъ. Вы чувствуете, что такимъ языкомъ должна быть написана значительная вещь, и все время вѣрите, что вещь дѣйствительно значительная. Наконецъ—и послѣдняя страница. Тутъ иллюзія исчезаетъ и, дочитавъ разсказъ до конца, вы убѣждаетесь, что не много вынесли изъ него, что авторъ не только не коснулся явленій новыхъ, еще мало извѣстныхъ, но и старому типу не придалъ новой черточки. Даже самая выработанность языка, эта строгая архитектоника—все старо и знакомо.

Разсказы г. Григоровича изъ народнаго быта свидѣтельствуютъ, что этотъ бытъ хорошо извѣстенъ автору; но свѣдѣній, которыя имѣлъ въ данномъ случаѣ г. Григоровичъ, было недостаточно для большаго романа изъ крестьянской жизни. Изучая народъ на базарѣ, на какой нибудь деревенской пирушкѣ, или во время странствованія по полямъ съ ружьемъ и собакою, — однимъ словомъ, изучая его такъ, какъ изучали прежніе писатели-помѣщики, нельзя уловить интимныхъ подробностей и особенностей крестьянскаго быта. Но, еслибы г. Григоровичъ и изучилъ эти мелкія, интимныя подробности, онъ врядъ ли былъ бы способенъ надлежащимъ образомъ воспользоваться ими въ романѣ. Все таки въ крестьянскомъ быту, особенно того времени, грубость и крайняя откровенность преобладали; утонченный эстетикъ не могъ въ точности воспроизвести грубые, откровенные нравы. Лишь послѣ Рѣшетникова, въ нашей литературѣ стали появляться неприкрашенные разсказы изъ народнаго быта, и врядъ ли эти разсказы можно считать образчиками, достойными подражанія. Г. Григоровичъ не могъ вдаться въ подобную крайность, зато онъ вдался въ крайность противоположную. Два романа изъ крестьянскаго быта—«Переселенцы» и «Рыбаки», представляютъ, по фабулѣ, нѣчто искусственное, навѣянное романами изъ жизни французскихъ крестьянъ. Это дало, между прочимъ, поводъ Добролюбову отрицать въ г. Григоровичѣ даже знаніе деревенскаго быта и — по отношенію къ названнымъ романамъ—несовсѣмъ безосновательно.

Однако, и въ «Рыбакахъ», и въ «Переселенцахъ» мы найдемъ превосходныя страницы, посвященныя описаніямъ и бытовымъ сценамъ. Первымъ произведеніемъ г. Григоровича, обратившимъ на себя вниманіе, была повѣсть: «Деревня». Въ этой повѣсти очень

ярко сказался важный недостатокъ, вообще присущій нашему автору, именно: малая способность къ юмору и въ то же время постоянная погоня за нимъ. Какимъ образомъ г. Григоровичъ стремится проявить особенность, отсутствующую въ его талантѣ, видно изъ слѣдующаго отрывка (начало повѣсти «Деревня»):

«Въ одномъ богатомъ селеніи, весьма значительномъ по количеству земли и числу душъ, въ грязной, смрадной избѣ, на дворѣ у скотницы родилась дочь. Это обстоятельство, *въ сущности весьма незамѣчательное*, имѣло однако слѣдствіемъ то, что больная и хилая родильница, не бывъ въ состояніи вынести мученій, а, можетъ быть, и просто отъ недостатка бабки (что очень часто случается въ деревняхъ) испустила послѣдній вздохъ послѣ перваго крика своей малютки. Рожденіе дѣвочки было ознаменовано бранью бабъ и новой скотницы, товарки умершей, дѣлившихъ, *со свойственнымъ имъ безкорыстіемъ*, обношенные и дырявые пожитки ея. Ребенокъ, брошенный на произволъ судьбы (*окружающіе были заняты дѣломъ болѣе нужнымъ*), безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы послѣдовать за своими родителями (*и, конечно, не могъ бы сдѣлать ничего лучшаго*), еслибы одно изъ великодушныхъ существъ, наполнявшихъ избу, не приняло въ немъ участія и не сунуло ему какъ-то случайно попавшійся подъ руку, рожокъ. Услуга пришлась очень кстати и *была*, можно сказать, *настоящею причиною, опредѣлившею судьбу младенца, которая до того времени весьма нерѣшительно колыхала (?) между жизнью и смертью*. Дѣлежъ, *совершаемый по всѣмъ законамъ справедливости между растроганными однокашницами бывшей скотницы*, не успокоилъ, однако, шумнаго ихъ сборища; хотя тетка Ѳекла и уступила скотницѣ Домнѣ полосатую панёву покойницы за ея изношенные коты (главную причину криковъ о раздѣлѣ); хотя завистливая Домна перестала кричать на Голендуху, завладѣвшую подвязками и чулками умершей, но наступившая тишина продолжалась недолго и была только предвѣстницей новой бури».

Подчеркнутыя нами фразы авторъ смѣло могъ бы выбросить: онѣ безъ нужды пестрятъ рѣчь, сообщаютъ ей водянистость и, въ общемъ, какую-то вычурность. Но г. Григоровичъ этими фразами не можетъ поступиться, ибо въ нихъ-то и заключенъ юморъ: вѣдь очень юмористично сказать, что услуга, оказанная младенцу человѣкомъ, давшимъ ему рожокъ, была «настоящею причиной, опредѣлившей судьбу младенца, которая до тѣхъ поръ *колыхала* между жизнью и смертью»; очень юмористично также назвать алчныхъ бабъ безкорыстными, а производимую ими шумную дѣлежку—совершаемой по всѣмъ законамъ справедливости. Помимо указаннаго отрицательнаго значенія, приведенный отрывокъ имѣетъ еще другое. Описаніе ссорящихся бабъ, т. е. описаніе живыхъ людей, описаніе дѣйствій этихъ людей вовсе не легко дается г. Григоровичу и далеко не совершенно. Здѣсь интересно сопоставить другой отрывокъ, также описательнаго характера, но касающійся не людей уже, а природы. Этотъ отрывокъ мы беремъ изъ повѣсти «Пахарь».

«... И вотъ я снова въ поляхъ, снова на просторѣ, снова дышу воздухомъ, пахнущимъ землею и зеленью. Чудный былъ вечеръ! Солнце было еще высоко надъ горизонтомъ: оставалось часъ или полтора до заката. Прозрачное, безоблачное небо дышало свѣжестью; оно сообщало, казалось, свѣжесть самой землѣ, гдѣ на всемъ виднѣлись признаки юности. Апрѣль приближался къ концу. Весна была ранняя, дружная, снѣгъ давно сбѣжалъ съ полей. Повсюду, направо и налѣво отъ дороги, вдали и вблизи, по всѣмъ буграмъ и скатамъ зеленѣли озими, освѣщенныя косвенными золотыми лучами; тонкія полоски межей были еще темны; надъ ними, вмѣсто тучныхъ кустовъ кашки, донника, ежевики и шиповника, лоснились покуда пунцовые прутья и поднимались ноздреватые пересохнувшіе стебли прошлаго года; гдѣ-гдѣ развѣ развертывался и сквозилъ мягкій, какъ бархатъ, листъ земляники. Но какъ уже хорошо было въ полѣ! Тишина необыкновенная. Такъ тихо, что ни одна былинка не покачаетъ головкой; а чувствуешь, между тѣмъ,—слышишь даже,—что весь этотъ неоглядный просторъ земли и воздуха наполненъ жизнью и движеніемъ. Напрягши слухъ, жадно прислушиваешься... и—странно!—звуки эти радостно даже какъ-то отдаются въ душѣ и тѣшатъ ее. Совсѣмъ не то, что въ городѣ... Въ блестящей глубинѣ небеснаго свода не видать жаворонка, но воздухъ наполненъ его переливами. Въ каждой бороздѣ, въ каждой чащѣ мелкой травы, въ озимяхъ слышится писк, шорохъ. Далеко въ рощѣ воркуетъ горлинка и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто дикіе голуби. Все оживаетъ: въ самой тонкой вѣткѣ, въ самыхъ нѣжныхъ стебелькахъ движется свѣжій сокъ, хлынувшій изъ корня, которому такъ тепло теперь подъ землею, нагрѣтою солнцемъ. Миріады насѣкомыхъ роями жужжатъ въ воздухѣ, снуютъ и качаются на гибкихъ травкахъ молодой зелени. Солнце вездѣ и всюду: солнце насквозь пронизываетъ густыя чащи, не успѣвшія еще заслониться листомъ; солнце донимаетъ, въ глубинѣ лѣсовъ и враговъ, остатки рыхлаго почернѣвшаго снѣга; солнце жаркими лучами обливаетъ поля, гдѣ сквозь рѣдкую еще зелень блещутъ новые отпрыски озимаго хлѣба и желтѣетъ прошлогоднее дотлѣвающее жнивье».

Между первымъ приведеннымъ нами описаніемъ и вторымъ—громадная, очевидная разница. Авторъ чувствуетъ себя сильнымъ и свободнымъ, описывая природу; онъ не прибѣгаетъ къ рискованнымъ фигурамъ и тропамъ, не уснащаетъ рѣчь «словечками», но съ большою точностью и большимъ знаніемъ вырисовываетъ мелкія подробности картины. Картина, въ концѣ концовъ, получается опредѣленная и полная, только ей недостаетъ размаха, широты, мы бы сказали — вдохновенности. Описанія г. Григоровича весьма точны и красивы, но они точны потому, что онъ внимательно относится къ каждой мелочи; красивы потому—что онъ подбираетъ красивыя слова, красиво ихъ планируетъ, заботится о музыкальной размѣренности рѣчи. Истинный, самобытный художникъ далъ бы инаго рода картину. Можетъ быть, какъ у Толстаго, она была бы неряшлива; въ ней не было бы отчеканенныхъ, стройныхъ фразъ, но зато были бы отчеканенные, стройные образы. Большіе мастера, Тургеневъ и Толстой, различны по своимъ техническимъ

пріемамъ, но художественной цѣли они достигаютъ однимъ и тѣмъ же путемъ. Внутренняя сила озаряетъ и одухотворяетъ каждый ихъ образъ; мелкими подробностями въ своихъ описаніяхъ они пользуются настолько, насколько нужно продлить данное настроеніе, или насколько подробность можетъ дополнить всю картину. Толстой не любитъ пространныхъ описаній природы; Тургеневъ удѣляетъ имъ много мѣста, не менѣе, чѣмъ г. Григоровичъ. Разница между описаніями Тургенева и г. Григоровича ясна. Читая тургеневское описаніе, вы мало по малу проникаетесь настроеніемъ автора и дохо дите почти до иллюзіи; вы уже чувствуете на лицѣ ароматное дуновеніе вѣтра, слышите пѣніе птицъ, видите зеленый просторъ поля или входите въ полусумрачную лѣсную чащу. Описанія г. Григоровича такого эффекта не даютъ, вы получаете представленіе объ изображаемой имъ картинѣ, но самой картины ярко и опредѣленно не видите. Поэтому, намъ кажется, о г. Григоровичѣ нельзя сказать, чтобы онъ былъ большимъ мастеромъ по части описаній; нельзя въ данномъ случаѣ поставить его наряду съ С. Т. Аксаковымъ, описанія котораго достигаютъ величайшей образности и почти такого же обаянія, какое производятъ описательные стихи Фета. Но, еслибы г. Григоровичъ и въ самомъ дѣлѣ могъ претендовать на званіе большаго мастера по части описаній, этимъ далеко еще не опредѣлялась бы его физіономія, какъ беллетриста. Описанія природы не могутъ затруднить сколько нибудь наблюдательнаго и владѣющаго языкомъ человѣка. Оттого поэзія описанія у насъ богаче и во многихъ случаяхъ совершеннѣе поэзіи чувства, не говоря уже о драматической поэзіи, въ какую бы форму эта послѣдняя облечена ни была.

III.

Г. Григоровичу не посчастливилось написать ни одной повѣсти, ни одного разсказа, который ярко характеризировалъ бы его творчество и былъ единственнымъ въ русской литературѣ; все, написанное почтеннымъ авторомъ, представляетъ несомнѣнныя художественныя достоинства, но не носитъ печати яркой оригинальности и не западаетъ глубоко въ память. Такъ, разсказы изъ народнаго быта (какъ мы уже говорили), безусловно знакомаго г. Григоровичу, производятъ впечатлѣніе чего-то давнымъ давно извѣстнаго. Это впечатлѣніе находится въ зависимости отъ кореннаго свойства таланта г. Григоровича, которое заключается въ томъ, что всѣми писательскими качествами онъ надѣленъ въ *среднемъ* размѣрѣ: наблюдательность у г. Григоровича—средняя, пониманіе наблюдаемаго—

также среднее и только техника стоитъ нѣсколько выше. Г. Григоровича какъ будто не трогаютъ описываемыя явленія жизни; не видно, чтобы онъ ихъ глубоко прочувствовалъ, чтобы они мучили и волновали его; замѣчается обратное: писатель смотритъ на явленія жизни, какъ художникъ на мертвую натуру, и заботится лишь о вѣрной передачѣ внѣшности. Еслибы всѣ писали такъ, какъ пишетъ г. Григоровичъ, человѣческія страсти, а, стало быть, и человѣческіе типы, очень скоро были бы исчерпаны. Въ одномъ и томъ же типѣ настоящій художникъ различаетъ нѣсколько разновидностей и беретъ въ качествѣ матеріала для творчества то, что его наиболѣе интересуетъ, наиболѣе трогаетъ. Поэтому такой типъ, какъ типъ Евгенія Онѣгина, различные художники трактовали различно и создавали какъ бы совсѣмъ другихъ людей. Такимъ образомъ, Онѣгинъ испыталъ цѣлый рядъ метаморфозъ, начавшихся пушкинскимъ романомъ, продолжавшихся «Героемъ нашего времени» и закончившихся въ «Мосьё Батмановѣ» Писемскаго. Истинные художники различали это видоизмѣненіе типа; на взглядъ же средняго писателя, онъ всегда бы остался однимъ и тѣмъ же, потому что въ глаза ему бросаются, прежде всего, однѣ и тѣ же внѣшнія черты.

На внѣшнія черты людей и обращаетъ исключительное вниманіе г. Григоровичъ. Разсказываетъ ли онъ намъ про горемычнаго Антона, изображаетъ ли свѣтскую дѣвушку, или хандрящаго въ одиночествѣ сановника, или акробата благотворительности, или несчастнаго мальчугана, ломающагося въ циркѣ—внѣшними чертами почти все и исчерпывается. Вы не можете сказать, что такихъ-то и такихъ-то происшествій не бываетъ въ жизни, что не разыгрываются такія-то и такія-то драмы; но, съ другой стороны, вы согласитесь, что это не драма, а только *схема драмы*, только намеки, общія мѣста. Описываетъ, напримѣръ, г. Григоровичъ богатую квартиру стараго, одинокаго сановника. Описаніе идетъ стройно, не забыта и не искажена ни одна мелочь, чувствуется извѣстное настроеніе картины; но одновременно чувствуется, что въ такихъ квартирахъ мы бывали сотни разъ, что на такія подробности сотни разъ обращалось наше вниманіе и что настроеніе картины тоже очень, очень знакомое; между тѣмъ, фабула разсказа не лишена внѣшняго интереса. Отчего же получается вялое впечатлѣніе, отчего разсказъ кажется банальнымъ? Очевидно, причиною всему слѣдуетъ признать безжизненность, вялость и банальность главнаго дѣйствующаго лица. Потому и обстановка квартиры сановника намъ знакома, что слишкомъ знакомъ самый типъ ея обитателя и авторъ не придалъ ему ни одной свѣжей черты. Въ концѣ концовъ, о разсказѣ приходится

сказать: да, такіе люди бываютъ, все это вѣрно, все это искусно построено, но все это мы давнымъ давно знаемъ и оттого все это насъ не хватаетъ за душу.

Сообщая въ началѣ статьи краткія біографическія свѣдѣнія о г. Григоровичѣ, мы, между прочимъ, сказали, что первоначально онъ почувствовалъ призваніе къ живописи и два года регулярно посѣщалъ академію художествъ. Кажется, призваніе художника было сильнѣе въ г. Григоровичѣ, чѣмъ призваніе литератора. Мы это говоримъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, по собственному признанію г. Григоровича, къ занятію литературой его подвигнулъ, главнымъ образомъ, примѣръ молодаго Некрасова, жившаго исключительно своимъ литературнымъ трудомъ: «жить также своимъ трудомъ,—пишетъ г. Григоровичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—сдѣлаться также литераторомъ казалось мнѣ чѣмъ-то поэтическимъ, возвышеннымъ,—цѣлью, о которой только и стоило мечтать». Во-вторыхъ, г. Григоровичъ не столько пишетъ, сколько описываетъ различныя происшествія, группируя ихъ то въ разсказы, то въ повѣсти, и очень рѣдко въ романы. Что г. Григоровичъ *никогда* не мучился творческими замыслами, что внутри его не было сложнаго, кипучаго міра, въ которомъ формируются извѣстныя идеи, мучащія художника до тѣхъ поръ, пока онъ не подыщетъ имъ воплощенія въ образахъ, взятыхъ изъ міра дѣйствительнаго,—доказывается перерывомъ его писательской дѣятельности спустя какихъ нибудь десять лѣтъ послѣ ея начала. Въ теченіе десяти лѣтъ, г. Григоровичъ написалъ десять томовъ и описалъ все, что имѣлъ описать; мы нарочно сказали: *описалъ*, а не *высказалъ*, потому что высказывать автору «Деревни» было нечего. Въ кипучій періодъ шестидесятыхъ годовъ г. Григоровичъ не подвергался гоненію и, стало быть, не былъ вынужденъ молчать, какъ былъ вынужденъ, напримѣръ, покойный Фетъ; но что же могъ сказать намъ авторъ? При маломъ развитіи художественной чуткости къ зарождающимся новымъ типамъ и къ едва опредѣлившимся новымъ явленіямъ жизни, г. Григоровичу предстояло, на выборъ, что либо одно: или путешествовать «проселочными дорогами» и въ сотый разъ пересказывать «Антона Горемыку», или же сложить оружіе и скромно отойти въ сторону; г. Григоровичъ предпочелъ послѣднее. Повторенія «Антона Горемыки» могли не только надоѣсть, но и вовлечь автора въ непріятную полемику съ людьми, жаждавшими «живаго дѣла вмѣсто словъ». Эти люди не придавали значенія красотамъ описаній, не трогались сантиментальными романами изъ крестьянскаго быта, а требовали идеи или богатаго фактическаго матеріала. По части идей г. Григоровичъ былъ довольно слабъ; въ сущности въ

его распоряженіи имѣлась одна идея: надо сочувствовать страданіямъ бѣдняка, а если возможно, такъ и облегчать его долю. Идея прекрасная, высоко гуманная, но значительно поотставшая отъ эпохи, которая выдвинула на первый планъ несравненно болѣе сложныя и захватывающія мысли и стремленія.

Выбывъ изъ литературнаго строя, г. Григоровичъ мирно прожилъ шестидесятые и семидесятые года; имя его произносилось съ заслуженнымъ уваженіемъ и признательностью; прежнія заслуги давали огромный дивидендъ. Но вотъ разгаръ идейныхъ увлеченій миновалъ, общество успокоилось; въ литературѣ только отдѣльные голоса требовали отъ беллетристовъ добрыхъ поученій и такихъ повѣстей и романовъ, изъ которыхъ можно было бы извлечь непосредственную пользу. Тутъ г. Григоровичъ могъ снова выступить на сцену: во-первыхъ, произведенія его оказались уже достаточно забытыми; имя же, не омраченное никакимъ «отступничествомъ», пріобрѣло еще бо̀льшій вѣсъ и бо̀льшее значеніе; во-вторыхъ, одинъ за другимъ сходили въ могилу громко прославившіеся писатели и г. Григоровичъ уже ничѣмъ не рисковалъ, возвращаясь къ литературѣ. Дѣйствительно, каждый его новый разсказъ, каждый очеркъ вызывалъ почтительное вниманіе критики, которая не иначе называла Дмитрія Васильевича, какъ маститымъ и высокоталантливымъ. Писатель, замолчавшій тридцать лѣтъ назадъ, вдругъ пріобрѣлъ особенный интересъ и особенное значеніа...

IV.

Указавъ на особенности творчества г. Григоровича, — творчества, далеко уступающаго художественной силѣ его знаменитыхъ сверстниковъ—остановимся, теперь на тѣхъ прекрасныхъ качествахъ нашего почтеннаго писателя, которыя заслужили ему большую популярность, не ослабѣвающую въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ міросозерцаніи бо̀льшей части писателей сороковыхъ годовъ заключалось нѣчто въ высшей степени симпатичное, мы бы даже сказали: благородное. Эти писатели умѣли сочетать задачи искусства съ задачами высшей нравственности, и совершенно напрасно, въ послѣднемъ отношеніи, ихъ противополагаютъ писателямъ шестидесятыхъ годовъ. Положимъ, изъ произведеній г. Григоровича не вытекаетъ опредѣленной общественной идеи, но характеръ этихъ произведеній, ихъ тонъ, не могутъ поселить въ душѣ ничего злобнаго, мрачнаго, эгоистичнаго. Произведенія г. Григоровича, подобно произведеніямъ другихъ писателей сороковыхъ годовъ, «открываютъ душу для добра», для добра вообще, а не для тѣхъ добрыхъ на-

мѣреній, которыя у консерваторовъ одни, у либераловъ — другія. Конечно, талантъ г. Григоровича не настолько силенъ, чтобы оказать глубокое воздѣйствіе на душу читателя, но г. Григоровичъ — достойный товарищъ тѣхъ великихъ писателей, которымъ дано было «чувства добрыя лирой пробуждать».

Поучительны произведенія г. Григоровича и съ точки зрѣнія упорнаго труда, который онъ клалъ на отдѣлку ихъ. Въ началѣ статьи мы говорили о мастерствѣ г. Григоровича, какъ техника. Среди машиннаго «перепроизводства» нынѣшнихъ беллетристовъ, отчеканенныя, тщательно обработанныя повѣсти г. Григоровича выдѣляются рѣзко и выгодно. Еслибы только въ одномъ этомъ была его заслуга, то и тогда пришлось бы согласиться, что заслуга эта—немалая.

К. Говоровъ.

„Онъ гордъ“...

«Онъ гордъ», рѣшила ты: «невольныхъ оскорбленій
Не можетъ онъ забыть, не можетъ и простить...
Онъ избѣгаетъ встрѣчъ, не хочетъ объясненій,
И въ немъ желанья нѣтъ былое воскресить».

Не назоветъ ли жизнь твое рѣшенье ложнымъ?
Быть можетъ, потому боится встрѣчъ поэтъ,
Что сердце счастіемъ все бредитъ невозможнымъ,
И хочетъ то вернуть, чему возврата нѣтъ!

А. Кругловъ.

ТОМИРАНДА.

(Амазонская легенда кавказскаго побережья Чернаго моря) [1]).

I.

Основаніе царства.

Почти все мужское населеніе черноморскаго побережья ушло на войну въ Азію. Въ прибрежномъ селеніи остались лишь пожилые и старики, малыя дѣти и женщины. Пусто было въ деревнѣ, и жизнь ея обитателей какъ-то не ладилась. Теперь женщинамъ приходилось дѣлать все то, что̀ не дальше года тому назадъ исполняли мужчины. Чтобы кормить дѣтей, стариковъ и себя, необходимо было добывать средства къ жизни, а это было не легко: нужно было ходить походомъ на сосѣднія племена и нерѣдко въ кровопролитной битвѣ отвоевывать стада, мѣха и прочія необходимыя для обихода вещи. Нужно было исполнять и всякую другую работу, которая требуетъ физической силы и мужской мощи. Долго бѣдствовали покинутыя женщины. Сначала нѣсколько мужчинъ, оставшихся въ селеніи, несли на себѣ весь тяжелый трудъ, всѣ лишенія, съ которыми сопряжены набѣги на сосѣдей; но война въ Азіи становилась все свирѣпѣе и свирѣпѣе, требуя все новыхъ силъ; немного времени прошло, какъ и остальные мужчины были вызваны въ Азію и покинули своихъ женъ, матерей и сестеръ. Тогда еще бо̀льшія бѣдствія посыпались на покинутыхъ: ихъ посѣтилъ голодъ, всевозможныя лишенія и болѣзни. Женщины стали умирать одна за другою. Пробовали нѣкоторыя изъ нихъ взяться за мужскую работу: для этого надлежало смастерить

[1]) Настоящая легенда написана по источникамъ, въ свое время помѣщавшимся въ «Кавказскомъ Сборникѣ» и въ «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», а также по устнымъ преданіямъ и рукописнымъ матеріаламъ.

Авт.

себѣ оружіе, чтобы было чѣмъ обороняться и въ случаѣ надобности нападать; но приготовить лукъ и стрѣлы было не такъ легко, какъ это имъ казалось, когда онѣ, бывало, смотрѣли на работу своихъ мужей. Въ полномъ отчаяніи онѣ предавались горю и въ громкихъ стонахъ возносили унылыя жалобы къ небу, въ ожиданіи возвращенія мужчинъ изъ похода... Но время шло и не приносило ничего утѣшительнаго съ береговъ далекой Азіи.

Въ это время, у молодой Асатры родился ребенокъ. Не зная, что̀ съ нимъ дѣлать, она въ совершенномъ отчаяніи, руководимая безвыходнымъ горемъ и мыслью, что и онъ,—этотъ новорожденный мальчикъ, — выростя, покинетъ свою мать и будущую жену на произволъ судьбы, какъ бросилъ ее отецъ его, снесла ребенка на скалу и кинула въ бушующее море. Это увидѣли другія женщины и послѣдовали ея примѣру. Голодъ дошелъ до послѣдней степени; терпѣть—не стало больше силъ, и всѣ женщины рѣшили раздѣлаться съ лишнимъ балластомъ селенія. Однажды ночью вывели онѣ стариковъ и дѣтей, и всѣхъ ихъ постигла участь ребенка Асатры...

Была бурная ночь. Свинцовыя облака затянули небо. Волны бушевали и съ бѣшенствомъ бились о скалы. Вѣтеръ ревѣлъ... Въ эту бурную ночь Томиранда, покинутая жена предводителя азіатскихъ войскъ, вышла изъ своего дома на берегъ. У нея была мужественная душа въ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ. Она никогда не выносила мирной и тихой жизни, не терпѣла ясной погоды, а любила громъ оружія и бурю въ природѣ. Только тогда она оживала душей, только тогда чувствовала, что живетъ, и жизнь имѣла тогда для нея своеобразную прелесть. Давно, давно уже мечтала она испробовать свои силы на дѣлѣ,—въ какомъ нибудь набѣгѣ, героическомъ подвигѣ или въ походѣ. Но мужъ ея, предводитель, не допускалъ ея до этого. Разъ, когда онъ не могъ натянуть свой боевой лукъ, она, шутя, взяла его изъ рукъ мужа и почти безъ усилій пустила стрѣлу. Съ тѣхъ поръ онъ ее возненавидѣлъ, осыпалъ упреками и насмѣшками, жестоко обращался съ нею и, наконецъ, покинулъ, уйдя въ походъ. Глубоко на сердцѣ затаила она недоброе къ нему чувство. Дѣтей у нея не было,—она не знала чувствъ матери;—мужа не стало—она забыла и чувства жены. Родныхъ тоже не было. Ее, еще дѣвочкой, похитилъ

мужъ отъ сосѣдняго племени. Поэтому родственныя чувства тоже были ей чужды. Теперь одно осталось у нея въ жизни— это непримиримая ненависть къ мужу и жгучее желаніе отмстить ему. Съ тѣхъ поръ какъ мужчины покинули селеніе, Томиранда передумала о многомъ. Грандіозные планы смущали ея умъ. И вотъ, въ бурную ночь, вышла она на прибрежныя скалы, чтобы въ послѣдній разъ собраться съ мыслями, все хорошенько обдумать, все взвѣсить. Она не привыкла отступать передъ тѣмъ, что разъ ею задумано. Но она могла обдумывать и всесторонне обсуждать что либо только на чистомъ, свѣжемъ воздухѣ, обвѣваемая бурнымъ вѣтромъ, подъ шумъ бушующихъ волнъ. Вѣтеръ рвалъ ея волосы, непогода разрывала на клочки ея платье, и она еле могла удержаться на скалахъ, вцѣпившись въ камень своими сильными руками. Въ эту ночь созрѣла давно взлелѣянная ею мечта. Мечта эта была проста, какъ вся ея жизнь, и смѣла, какъ эта буря...

Томиранда задумала большое дѣло. Она рѣшила, въ теченіе долгаго времени своего одиночества, что женщины легко могутъ обойтись безъ мужчинъ. Какъ ни проста была съ перваго взгляда эта мысль, она все таки пугала ее въ первое время. Но теперь же она къ ней привыкла и обдумывала способы провести эту мысль въ сознаніе другихъ женщинъ. На что имъ мужчины?.. Ходить въ походы могутъ и женщины: для этого нужно только умѣть управлять лошадью и обращаться съ лукомъ. То и другое не трудно, и она возьмется обучить своихъ подругъ этому нехитрому дѣлу, если онѣ захотятъ того. Она задумала образовать *женское царство*. И съ этимъ нужно торопиться. Когда вернутся изъ похода ихъ мужья, будетъ поздно; онѣ опять подпадутъ подъ ихъ власть и возобновится прежнее, уже безпредѣльное, рабство. О, она сама готова была бы скорѣе броситься въ эти грозныя, черныя, бушующія волны, чѣмъ снова подчиниться мужчинѣ!.. Сопровождаемая гуломъ бури, она пошла домой. Рѣшеніе ея созрѣло, и она немедленно приведетъ его въ исполненіе. Дома она схватила одинъ изъ луковъ, оставленныхъ ея мужемъ, и принялась его натягивать. Это ей удалось съ такой легкостью, что она засмѣялась. Она побѣжала съ нимъ опять на берегъ моря и стала пускать стрѣлу за стрѣлой въ черную бездну. Однако, что-то мѣшало ей; она чувствовала какую-то неловкость и вскорѣ догадалась, что

стрѣлы летятъ неправильно потому, что строеніе женскаго тѣла мѣшаетъ ей хорошенько приложить лукъ къ груди. Это не остановило ея. Она опять пошла домой, вынула два кремня, высѣкла изъ нихъ огонь и зажгла костеръ. Когда дрова достаточно обгорѣли, она выхватила изъ пылающаго костра самую большую головёшку и, не долго думая, приложила ее къ своей правой груди. Что-то зашипѣло и смрадъ распространился въ воздухѣ. Жгучая, мучительная боль прошла по ея тѣлу, но ни единаго крика, ни единаго стона не вырвалось изъ ея груди, ни единая слеза не осквернила ея прекрасныхъ глазъ, взоръ которыхъ дышалъ рѣшимостью и мужествомъ. Потомъ она вскочила на дикаго коня, предварительно перевязавъ зіяющую рану, и помчалась въ далекія скалы.

Буря мало по малу утихла; море успокоилось и небо прояснилось. Занималась заря, когда Томиранда на успокоенной и усмиренной лошади возвращалась домой. Подъѣзжая къ селенію, она слышала стоны своихъ больныхъ и голодныхъ подругъ. Она собралась съ силами и рискнула привести свой планъ въ исполненіе. Покинутыя женщины въ послѣдній разъ собрались на площади у высокихъ скалъ, чтобы рѣшить послать кого нибудь въ Азію, съ просьбой къ своимъ мужьямъ о возвращеніи.

— Мы всѣ умираемъ отъ болѣзней и голода, мы не можемъ жить дольше безъ поддержки мужей,—говорили онѣ со слезами въ голосѣ.

— Насъ покинули, насъ оставили безъ всякой помощи. Намъ нечего ѣсть; мы умертвили дѣтей и стариковъ, но намъ не легче отъ этого. Гдѣ мы добудемъ себѣ пропитаніе, кто спасетъ насъ отъ смерти, если сосѣди, узнавъ о нашемъ бѣдствіи, вздумаютъ напасть на насъ, беззащитныхъ?..

— Нужно скорѣе отправить кого нибудь къ нашимъ мужьямъ; нужно просить ихъ вернуться,—кричали однѣ жалобнымъ голосомъ.

— Пусть вернутся, пусть отдохнутъ, пусть наберутся новыхъ силъ,—стонали другія.

— Но кого мы пошлемъ?—спросила Асатра.—Мы всѣ такъ слабы, такъ истощены нашимъ горемъ и лишеніями, что не въ силахъ совершить столь далекое путешествіе въ невѣдомыя страны...

Тогда наступило гробовое молчаніе. Слышались слабые стоны. Всѣ смотрѣли другъ на друга въ робкой нерѣшительности. Никому не хотѣлось пускаться въ опасное и рискованное предпріятіе. Ужь если суждено умирать, то лучше умереть дома, среди своихъ, чѣмъ гдѣ нибудь, среди дикихъ и неизвѣстныхъ народовъ Азіи.

И вдругъ, посреди гробовой тишины, раздался радостный, свѣжій молодой голосъ:

— Томиранду будемъ просить, Томиранду! Она сильнѣе всѣхъ насъ. Она должна насъ выручить.—Это говорила молоденькая Ѳема, только годъ тому назадъ вышедшая замужъ, горячо любившая своего мужа, съ которымъ ей пришлось такъ скоро и такъ неожиданно разстаться, и съ которымъ она страстно жаждала вновь увидаться.

— Томиранда неспособна на такое низкое дѣло! — раздался вдругъ сильный, громкій голосъ, перекричавшій собраніе.— Томиранда никогда не унизится до такой степени, чтобы обратиться за помощью къ людямъ, которыхъ она презираетъ.

Всѣ обернулись и подняли головы. Голосъ шелъ сверху. Многіе попадали ницъ, въ суевѣрномъ ужасѣ. На вершинѣ скалы, за которою сверкало тысячью огней море, озаренное восходящимъ солнцемъ, показалась верхомъ на лошади Томиранда въ грозномъ величіи. Роскошные черные волосы ея развѣвались, какъ плащъ, по вѣтру, глаза сверкали, черныя брови сдвинулись, изгибаясь на блѣдномъ лицѣ, какъ змѣи. Послѣдніе клочки ея одежды, оборванные бурею и оставшіеся на скалахъ, во время ея бѣшеной ночной скачки, обнажили ея мужественное тѣло. Только грудь ея была перевязана, а сверхъ повязки чернѣлъ ремень, который поддерживалъ за спиной лукъ. На боку былъ привѣшенъ колчанъ со стрѣлами. Красивыя, крѣпкія, бѣлыя ноги ея цѣпко впивались во взмыленныя бока скакуна; изъ его ноздрей шелъ паръ, и онъ тяжело дышалъ, утомившись въ бѣшеномъ бѣгѣ. Этотъ дивный образъ вырисовывался темнымъ фантастическимъ силуэтомъ на свѣтломъ фонѣ неба. Это невиданное явленіе — женщина на конѣ и въ вооруженіи—было до того поразительно, что женщины не могли опомниться. Между тѣмъ, могучій голосъ продолжалъ вѣщать имъ:

— Томиранда никогда не пойдетъ отыскивать тѣхъ, кто

угнеталъ ее... Но она можетъ спасти васъ. Встаньте, робкія женщины, слабыя дѣвы! Взгляните на меня и не бойтесь: я спасу васъ...

— Ты... ты... спасешь насъ?! — воскликнула Асарта, съ благоговѣніемъ и обожаніемъ глядя на Томиранду.

— Я, стало быть, опять увижу, обниму своего мужа?— радостно проговорила Θема.

Негодованіе блеснуло во взорѣ Томиранды.

— Ты ошибаешься, Θема,—грозно воскликнула она.—Я могу спасти васъ при одномъ условіи: чтобъ никто изъ васъ никогда и не вспоминалъ о вашихъ мужьяхъ. Вы должны навсегда забыть о нихъ. Мало вы натерпѣлись отъ этихъ дикихъ, свирѣпыхъ людей? Мало тиранили и мучили они васъ? Неужели быть рабами лучше, чѣмъ жить на свободѣ? И если вы хотите жить безъ горя и печалей—будемъ жить безъ мужчинъ.

— А если они вернутся? — спросила изъ толпы одна женщина.

— Мы ихъ прогонимъ. Мы заведемъ себѣ коней, луки и стрѣлы; мы сами себѣ будемъ добывать пропитаніе; мы сами будемъ дѣлать набѣги. Я васъ выучу ѣздить на лошади и метать стрѣлы. Смотрите, это вовсе не такъ трудно...—И она нажала бока лошади, и лошадь взвилась на дыбы и сдѣлала отчаянный скачокъ. Томиранда выхватила стрѣлу изъ колчана, взяла лукъ,—уперла его въ израненную грудь, не издавъ ни малѣйшаго стона, натянула тетиву, и стрѣла со свистомъ и жужжаньемъ пронеслась надъ толпою. Крикъ ужаса и восторга огласилъ скалы.

— Томиранда, управляй нами, владѣй нами; мы будемъ покорны тебѣ,—прокричали въ толпѣ.

— Клянетесь ли вы въ этомъ? Клянетесь ли безпрекословно исполнять мои повелѣнія? Клянетесь ли вы стать послушнымъ орудіемъ въ моихъ сильныхъ рукахъ? Знайте: каждое мое слово должно быть священно для васъ...

— Клянемся!—кричали покоренныя же́нщины.

— Подумайте раньше, чѣмъ рѣшиться на это. Потомъ будетъ поздно! Это вѣдь требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ. Управлять конемъ и лукомъ не трудно, но для этого нужна нѣкоторая рѣшимость... Смотрите!..—вдругъ вскрикнула она и сорвала съ своей груди повязку.

И всѣ съ ужасомъ увидѣли, рядомъ съ полной и красивой лѣвой грудью Томиранды, зіяющее обугленное пятно.

— И у васъ я выжгу грудь, какъ выжгла ее въ эту ночь себѣ,—сказала Томиранда.—Это необходимо для стрѣльбы изъ лука и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это будетъ знакомъ покорности съ вашей стороны. Отнынѣ вы будете называться «амазонками» [1]). Согласны ли вы на это?

— Согласны, согласны!—кричали женщины:—только спаси насъ отъ неминучей смерти, отъ грозящей бѣды.

Томиранда съѣхала со скалы и вступила на конѣ въ средину женщинъ. У нея былъ до того величественный видъ, глаза ея такъ грозно сіяли; она, обнаженная, блистала такою сильною, мужественною красотою, что женщины пали на колѣни и тутъ же принесли ей клятвы вѣрности. Она заставила ихъ, въ знакъ покорности, цѣловать ея ногу. И каждая, подходя къ ней, падала на колѣни, а потомъ цѣловала ея ногу между колѣномъ и щиколодкою. Когда этотъ обрядъ исполняла Ѳема, Томиранда сердито взглянула на нее и, толкнувъ ее ногой въ лицо, гнѣвно сказала:

— Забудь о своемъ мужѣ, или тебѣ плохо придется...

Томиранда выбрала шесть наиболѣе сильныхъ и красивыхъ женщинъ въ свою свиту. Тотчасъ же она отправилась съ ними, и въ окрестностяхъ селенія отбила у пастуховъ цѣлое стадо барановъ. Вернувшись, она устроила пиръ и накормила проголодавшихся женщинъ. Радость была неимовѣрная. На другое утро Томиранда назначила обрядъ обращенія въ амазонокъ. Женщины, превращаемыя въ амазонокъ, по ея назначенію, носили дрова и устроили грандіозный костеръ. Томиранда собрала ихъ вокругъ себя и каждой изъ нихъ собственноручно продѣлала эту операцію... Крики и жалобные стоны моментально умолкали предъ суровымъ взглядомъ царицы. Ѳема упала безъ чувствъ. Затѣмъ, царица велѣла всѣмъ снять одежды и не носить ихъ впредь, чтобы тѣло ея подданныхъ привыкало къ рѣзкимъ перемѣнамъ климата черноморскаго побережья. Послѣ этого, она дала всѣмъ недѣлю срока, для заживленія ранъ, а потомъ началось обученіе стрѣльбѣ изъ лука и наѣздничеству.

«Такъ—гласитъ легенда—началось женское царство».

[1]) Безгрудыми.

II.

Ночная встрѣча.

Каждый день Томиранда собирала женщинъ и упражняла ихъ въ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ... Все населеніе она раздѣлила на партіи: пока одна партія обучалась, другая, изъ наиболѣе мужественныхъ и сильныхъ женщинъ, быстро усвоившихъ себѣ науку воиновъ, дѣлала набѣги на сосѣднія племена для добыванія съѣстныхъ припасовъ; третья партія отправлялась на окраины селенія и строила высокую и толстую стѣну, чтобы оградить его отъ набѣговъ; четвертая занималась домашними работами, изготовляла луки, стрѣлы, исправляла жилища... Никто не смѣлъ сопротивляться и спорить, всѣ должны были безпрекословно подчиняться слову Томиранды, которая выбрала себѣ въ приближенныя самыхъ мужественныхъ и твердыхъ характеромъ женщинъ. Малѣйшее неповиновеніе строго наказывалось. Мало по малу ея воля подчинила себѣ волю всѣхъ остальныхъ женщинъ, которыя прониклись убѣжденіемъ, что имъ нечего бояться нападеній извнѣ, что Томиранда защититъ ихъ; скоро онѣ увидѣли, что легко могутъ обходиться безъ помощи мужчинъ. Томиранда всегда во-время умѣла озаботиться запасомъ жизненныхъ припасовъ, такъ что населеніе перестало терпѣть голодъ и нужду. Медленно, но постепенно образовался кадръ войска, хорошо обученнаго и ловко владѣющаго оружіемъ. Къ сожалѣнію, однако, кадръ этотъ былъ незначителенъ, а—главное—недоставало лошадей и негдѣ было ихъ добыть. Томиранда не рѣшалась пускаться съ небольшой горстью своего женскаго войска въ отдаленныя и рискованныя предпріятія; она могла дѣлать набѣги только на близкихъ разстояніяхъ, отлично сознавая, что и эти набѣги удавались ей, лишь благодаря ея распорядительности, самообладанію и храбрости, а болѣе всего—тому суевѣрному ужасу, который внушалъ сосѣднимъ племенамъ необыкновенный видъ этихъ обнаженныхъ и сильныхъ женщинъ съ развѣвающимися по вѣтру волосами, на дикихъ необузданныхъ коняхъ. Враги приходили въ сильное смятеніе, воображая себѣ, что передъ ними какія-то видѣнія изъ другаго міра, а не живые люди.

Вотъ эта-то малочисленность войскъ и смущала ихъ предводительницу. Она знала, что въ скоромъ времени число обученныхъ амазонокъ увеличится, но не могла придумать, откуда достать коней. По обыкновенію, она отправилась ночью на прибрежныя скалы обдумать новый походъ въ довольно отдаленныя горы, гдѣ,—какъ она слышала еще отъ мужа,—пасутся огромные табуны лошадей. Погода была тихая и лунная. Она погрузилась въ думы. Нужно было еще долго ждать, пока ей можно будетъ съ наличными силами тронуться въ путь; походъ протянется долго—и что сдѣлается тогда съ только что зародившимся царствомъ? Не распадется ли оно также быстро, какъ создалось, не вернутся ли въ это время мужья и не пойдетъ ли опять все по старому?..

И вдругъ посторонній звукъ коснулся ея уха. Она встрепенулась... Что это?... Нигдѣ ничего не видно. Но странный звукъ — какой-то тихій всплескъ — повторился. Она прислушалась—онъ повторился вновь; она глянула внизъ на море и увидѣла какую-то черную скорлупу на чешуйчатомъ серебряномъ фонѣ моря. Глубоко, глубоко внизу, подъ скалами, качался на волнахъ пловецъ въ утлой ладьѣ. Онъ старался попасть въ маленькую, скрытую въ скалахъ, бухточку, откуда шла извилистая тропинка къ селенію амазонокъ. Волны относили одинокаго странника, но онъ, не унывая, упорно боролся съ ними, и только что успѣвалъ нѣсколько приблизиться къ берегу, какъ капризная волна вновь отбрасывала его далеко въ море. Наконецъ, волна какъ будто сжалилась надъ нимъ и сама внесла его въ бухту. Утлая скорлупка съ сидѣвшимъ въ ней человѣкомъ исчезла между скалъ. Томиранда направилась къ бухтѣ. Она ѣхала по тропинкѣ довольно долго, когда наконецъ увидѣла идущаго ей на встрѣчу человѣка. Она его окликнула. Луна во всемъ величіи плыла по темному небу и ярко освѣщала чудную фигуру амазонки, кладя на ея красивое обнаженное тѣло фантастическіе блики. Она казалась отлитой изъ серебра, а на оконечностяхъ стрѣлъ, виднѣвшихся изъ ея колчана, игралъ отблескъ луны. Пѣшеходъ остановился, взглянулъ на нее и въ трепетномъ ужасѣ упалъ на колѣни.

— Не бойся, странникъ, — заговорила Томиранда. — Не бойся; встань и объясни свое появленіе. Откуда ты пріѣхалъ, куда направляешься, какъ сюда попалъ?

— Какъ, ты говоришь на моемъ языкѣ?—едва приходя въ себя отъ изумленія, залепеталъ странникъ:—ты не богиня ночи?

— Нѣтъ!—отвѣтила Томиранда.

— Такъ ты—могучее божество, вышедшее изъ волнъ этого грознаго моря, чтобы покарать меня, дерзкаго путника, осмѣлившагося нарушить священную ночную тишину моря?

— Нѣтъ.

— Такъ вѣрно ты грозное божество этихъ угрюмыхъ и непривѣтливыхъ скалъ?—продолжалъ путникъ, все еще повергнутый ницъ передъ амазонкой.

— Нѣтъ.

— Такъ кто же ты?—проговорилъ онъ и осмѣлился взглянуть въ ея черные глаза, въ которыхъ отражался лунный блескъ.

— Я—повелительница здѣшнихъ мѣстъ, я царица амазонокъ...

— Я, значитъ, ошибся берегомъ. Я не туда присталъ, куда мнѣ было нужно,—отвѣтилъ путникъ, все еще не оправившись отъ смущенія.—Меня обманулъ видъ этихъ дикихъ скалъ, которыя, при блескѣ ночнаго свѣтила, мнѣ показались слишкомъ знакомыми... Но теперь я вижу, что ошибся. Я никогда не былъ въ странѣ амазонокъ и ничего не слыхалъ о существованіи подобнаго племени... Отпусти меня, царица. Я вновь поѣду искать роднаго берега.

— Но ты мнѣ не сказалъ, *кто ты* и откуда?

— Давно, давно уже я покинулъ родные берега; насъ было много, очень много, и мы, бросивъ свои очаги, отправились въ дальнее странствованіе, въ дикую дальнюю Азію. Мы оставили дома женъ и дѣтей, мы долго сражались на чужбинѣ и многихъ изъ насъ уже нѣтъ. Но мои уцѣлѣвшіе товарищи скоро вернутся домой. Я отправился впередъ, чтобы подготовить имъ встрѣчу. Не успѣетъ луна три раза взойти на высокомъ небѣ, какъ они всѣ вернутся сюда. Мы много страдали и немало насъ перебито. Но оставшіеся въ живыхъ везутъ множество золота, тканей, мѣховъ, лошадей, оружія и прочаго добра, награбленнаго нами у азіатскихъ народовъ. Мы веземъ съ собой множество рабовъ, плѣнныхъ и еще больше рабынь и плѣнницъ. Теперь мы можемъ успокоиться, пожить и отдохнуть у своихъ очаговъ, въ своихъ шатрахъ, до новаго по-

хода. У меня остались жена и ребенокъ. Я спѣшу повидаться съ ними. Я привезъ имъ богатые дары... Отпусти же меня съ миромъ, царица...

Бѣшеная радость душила Томиранду, когда она слушала его рѣчь. Золото, ткани, драгоцѣнные мѣха, лошади и оружіе! Это все, о чемъ она мечтала. Рабы и рабыни! И всего этого, по словамъ путника, въ изобиліи. Нужно, во что бы то ни стало, дождаться возвращенія воиновъ и хитростью или силой завладѣть ихъ богатствомъ. Какъ это сдѣлать? И новый блестящій планъ зрѣлъ въ ея головѣ.

— Какъ зовутъ твою жену, странникъ?—спросила она.

— Асатра, и у нея есть мой ребенокъ...

— Ребенка твоего давно уже нѣтъ: онъ погибъ; а Асатра жива и ждетъ твоего возвращенія.

— Какъ, ты знаешь ее?—спросилъ онъ.

— Знаю ее, какъ ты знаешь меня. Я—Томиранда.

Эти слова поразили его, какъ громомъ.

— Какъ, ты—Томиранда?..

— Я—Томиранда.

— Ты? ты—жена нашего предводителя?..

— Да, его жена.

— Но про какое же царство амазонокъ ты говоришь, и какая же ты царица?..

— Я основала это царство. Всѣ, покинутыя вами на волю злыхъ божествъ, жены, сестры и матери рѣшили сами себя кормить, защищать и обходиться на будущее время безъ вашей помощи. Мы стали учиться вашимъ наукамъ и уже имѣемъ свое войско, которымъ предводительствую я.

Тогда ея собесѣдникъ громко расхохотался и сталъ грубо издѣваться надъ нею.

— И Асатра состоитъ въ этомъ лихомъ и доблестномъ войскѣ?—говорилъ онъ со смѣхомъ.—Такъ вотъ что ты называешь амазонками? Забавно, забавно! Ужь не придется ли намъ послѣ дикихъ народовъ Азіи покорять и васъ? Не придется ли приступомъ брать наше селеніе? Не заберете ли вы насъ въ плѣнъ и не сдѣлаете ли вашими рабами?..

И онъ бѣшено хохоталъ. Брови Томиранды нахмурились. Губы искривились злобной улыбкой и глаза заметали молніи.

— Подожди раньше времени издѣваться! Посмотримъ, кто

надъ кѣмъ посмѣется. Не совѣтую тебѣ шутить со мной, дерзкій и жалкій воинъ!—закричала она.

— Ужь не предводительствуетъ ли вашимъ храбрымъ войскомъ Асатра?—продолжалъ странникъ.—Не возьметъ ли она меня въ кормилицы къ моему ребенку?

— Я уже сказала тебѣ, что у Асатры нѣтъ ребенка. Она его утопила. Что?! Какъ тебѣ это нравится? Да, утопила. Она не предводительствуетъ войскомъ, потому что имъ предводительствую я, а она—моя приближенная. А ты—долженъ сейчасъ же мнѣ сдаться и безпрекословно слѣдовать за мной.

Онъ въ бѣшенствѣ схватилъ сѣкиру странной и невиданной формы и яростно ринулся на Томиранду. Но лошадь ея, поднявшись на дыбы, отпрянула далеко въ сторону, а амазонка, выхвативъ изъ колчана стрѣлу, быстро и ловко вложила ее въ лукъ, натянула тетиву и... стрѣла зазвенѣла. Она впилась прямо въ руку ея врага, и сѣкира его упала на камни. Кровь брызнула изъ раны, и горячія капли ея попали на голыя ноги амазонки. Все это свершилось въ мгновеніе ока, и онъ не успѣлъ еще одуматься, какъ вторая стрѣла впилась ему въ ногу.

Онъ упалъ.

— Захотѣла бы—попала бы тебѣ въ сердце,—проговорила Томиранда.

— Такъ вотъ что такое амазонки!—пробормоталъ онъ невнятно.—Если всѣ такія, какъ эта, придется намъ покориться.

Онъ доползъ до нея и, съ усиліемъ приподнявшись съ земли, дотянулся до ея ноги и поцѣловалъ въ знакъ покорности. Она велѣла ему взять дары, привезенные въ ладьѣ, и слѣдовать за собой, не взирая на жгучую боль въ рукѣ и ногѣ. Онъ повиновался и медленно поплелся, нагруженный кладью, за ея лошадью. Уже начинало свѣтать, когда они подходили къ стану амазонокъ. У крѣпостныхъ стѣнъ кипѣла работа. Стѣны были уже почти окончены и оставалось сдѣлать очень немного. На площади шло обученіе войска. Черезъ южныя ворота вступалъ отрядъ, впереди котораго плелось, вздымая клубы пыли, только что отбитое въ утреннемъ набѣгѣ, стадо.

Обезсиленный отъ потери крови, измученный жаждой, обезпамятѣвшій отъ боли и долгой ходьбы, несчастный плѣнникъ

видѣлъ множество обнаженныхъ женщинъ, работающихъ на стѣнахъ, видѣлъ знаки подобострастія и уваженія, оказываемые его побѣдительницѣ, и ему показалось, что онъ попалъ въ какой-то чуждый ему міръ волшебныхъ грёзъ, фантастическихъ сновъ, которые ему не снились даже и въ причудливой Азіи, гдѣ онъ всему изумлялся... И онъ, въ полномъ изнеможеніи, безъ чувствъ, упалъ на землю у ногъ Томиранды. Когда, по ея приказанію, позвали Асатру, она застала лишь трупъ своего мужа. Томиранда зорко посмотрѣла ей въ глаза, какъ будто взоромъ желая проникнуть въ самую глубь ея души, въ тайникъ ея сокровенныхъ мыслей...

И та поняла ея взглядъ и, склонившись ницъ передъ грозной царицей, облобызала ей ногу.

— Я убила его!—произнесла Томиранда,—а черезъ нѣсколько дней та же участь постигнетъ и остальныхъ... Они всѣ возвращаются... Ступай... Прикажи прибрать его отсюда,—добавила она,—вынь изъ его тѣла стрѣлы, вымой ихъ и принеси сюда: онѣ еще пригодятся намъ; нельзя даромъ тратить наше оружіе. Скоро мы будемъ сильны и богаты. Наши мужья везутъ намъ много богатства. Но ихъ мы всѣхъ умертвимъ... Ступай...

Слабый стонъ раздался гдѣ-то неподалеку.

Этотъ стонъ вырвался изъ груди малодушной и юной Θемы. Очи ея затуманились: она такъ любила своего мужа и еще не насытилась его ласками. Услыхавъ о возвращеніи мужей, увидя мужа Асатры, она обрадовалась и представила себѣ теплый шатеръ, мягкую ткань на своемъ обнаженномъ тѣлѣ, иззябшемъ на тяжелой ночной работѣ, вкусную пищу и горячія ласки мужа послѣ долгой разлуки... Она была молода, нѣжна, и очень любила радости бытія. И вдругъ она слышитъ, что *ихъ всѣхъ*, а слѣдовательно и ея мужа, умертвятъ. Болѣзненный стонъ вырвался изъ ея почти дѣвственной груди, теперь такъ жестоко обезображенной. Хорошо, что этого стона не слыхала грозная Томиранда!..

III.

Жатва смерти.

Цѣлыхъ три дня и три ночи приготовлялись амазонки къ встрѣчѣ съ мужьями. Всѣ работы въ селеніи,—превратившемся

теперь, съ возведеніемъ стѣны, въ укрѣпленный городъ,—прекратились, за исключеніемъ достройки небольшаго участка этой стѣны. Все, что только способно было носить оружіе и управлять конемъ, собрано было на площадяхъ для военныхъ упражненій. На полномъ скаку амазонки стрѣляли изъ луковъ въ цѣль и, чтобы не тратить понапрасну стрѣлъ, вынимали ихъ изъ цѣли обратно и исправляли слегка попорченныя. Между тѣмъ, на городскихъ стѣнахъ кипѣла работа. Обнаженныя тѣла амазонокъ ярко блестѣли подъ жгучимъ солнцемъ; потъ лилъ съ нихъ градомъ. Однѣ вырубали изъ каменоломни тяжелые камни; другія, согнувшись, таскали ихъ по направленію отъ мѣста ломки къ стѣнѣ; третьи укладывали и укрѣпляли ихъ, задѣлывая широкую брешь. Всѣ онѣ уже отвыкли отъ одеждъ, и въ трудной физической работѣ тѣла ихъ укрѣпились, кожа загорѣла и загрубѣла, мускулы превратились въ сталь. Издали, въ лучахъ ярко сіяющаго солнца, онѣ казались,—со своими крѣпкими мускулистыми ногами и торсами,—какими-то странными существами съ мужскимъ тѣломъ и длинными, развѣвающимися по вѣтру, волосами... Тяжело имъ давался сначала физическій трудъ, но мало по малу онѣ втянулись; слабыя не выдержали и пали, болѣе сильныя — окрѣпли. Теперь онѣ съ увлеченіемъ предавались труду. Когда солнце было уже высоко на небѣ, работы на стѣнахъ прекратились и всѣ онѣ отправились къ рѣкѣ Ѳермадону купаться. Тамъ, внизу подъ скалами, у самаго устья рѣки, впадающей въ Понтъ, притаился другой отрядъ амазонокъ, высланный сюда Томирандой, чтобы слѣдить за первымъ появленіемъ мужчинъ, возвращающихся изъ азіатскаго похода. Оба отряда сошлись здѣсь, и веселымъ шуткамъ не было конца. Всѣ были какъ-то нервно настроены въ ожиданіи чего-то новаго, небывалаго, рѣшительнаго и торжественнаго.

Къ концу втораго дня, Томиранда приказала собрать свое войско къ рѣкѣ Ѳермадону. Наступили сумерки. Амазонки, привыкшія уже къ безусловному подчиненію, ждали свою царицу въ тишинѣ и безмолвіи. Наконецъ, на быстро темнѣвшемъ фонѣ неба, выдѣлилась ея фигура. Между амазонками пробѣжалъ трепетъ. Съ тѣхъ поръ какъ онѣ познали ея твердую волю, ея суровое, безпощадное обращеніе съ Ѳемой, ея рѣшительный поступокъ съ несчастнымъ мужемъ Асатры,—

онѣ стали трепетать ея. Онѣ знали, что у Томиранды давно уже не стало того, что̀ принято называть женскимъ сердцемъ; онѣ знали, что для достиженія своей цѣли — она ни передъ чѣмъ не остановится. Къ тому же, въ ея фигурѣ, осанкѣ въ ея движеніяхъ было столько твердаго и повелительнаго, что глаза невольно опускались при ея суровомъ взглядѣ, и дрожь пробѣгала по тѣлу. И онѣ смутно сознавали еще, что, не будь надъ ними этой могучей воли и этого паническаго страха,—въ ихъ молодомъ царствѣ тотчасъ же начались бы раздоры, борьба мелкихъ самолюбій, и онѣ всѣ до единой неминуемо погибли бы. Теперь же, при подчиненіи Томирандѣ, онѣ дѣлаютъ только то, что̀ та имъ повелѣваетъ, и оспаривать эти повелѣнія не приходится.

Но сегодня, въ этотъ вечеръ, въ фигурѣ и особенно во взглядѣ царицы было что-то совершенно особенное. Какое-то торжество, воодушевленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ жестокость. Смущенное войско безмолвно стояло передъ ней и даже, казалось, кони, и тѣ смутились и дрожали. Она лихо подскакала къ войску и сразу осадила коня.

Раздался ея звучный голосъ:

— Слушайте всѣ: здѣсь, передъ грозными водами Понта, на священной для насъ рѣкѣ Θермадонѣ, питающей нашъ городъ, я объявляю вамъ мое повелѣніе: завтра,—какъ узнали мы отъ мужа Асатры,—должны вернуться наши братья и мужья... Мы всѣ выдемъ къ нимъ на встрѣчу, далеко отъ города. Мы возьмемъ съ собою дары, стада, пиво. Мы встрѣтимъ ихъ и устроемъ пиръ, сдѣлаемъ видъ, что мы обрадовались ихъ возвращенію. Накормимъ ихъ и въ особенности напоимъ крѣпкимъ пивомъ. Если они будутъ спрашивать, гдѣ оставленные ими сыновья—говорите, что умерли съ голоду; если спросятъ, почему наши тѣла обнажены—скажите имъ, что одежда истлѣла на насъ отъ времени и бѣдствій. Если спросятъ, почему у насъ повреждена грудь—скажите имъ, что вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда посѣтила насъ какая-то странная болѣзнь, испортившая наше тѣло. Вы можете ласкать своихъ мужей, можете обольщать ихъ; но—главное—помните, такъ или иначе,—вы должны напоить имъ крѣпкимъ пивомъ, но самимъ его не касаться. И какъ только они, утомленные зноемъ и дальней дорогой, упоенные ласками и крѣпкимъ питьемъ, уснутъ,—

часть изъ васъ пойдетъ обратно въ городъ и проведетъ тихонько, горною тропинкою, коней, нагруженныхъ стрѣлами и луками. Вы всѣ тогда ночью вооружитесь, обезоружьте спящихъ мужей, свяжите ихъ крѣпко. Все, что̀ они привезли съ собой—будетъ наше, а какъ поступить съ ними самими — я скажу вамъ, когда исполните мое повелѣніе... Горе слабымъ!— вдругъ грозно закричала Томиранда.—Горе тѣмъ, которые забыли обиды, притѣсненія и истязанія своихъ дикихъ мужей! Вспомните, какую жалкую безпомощную жизнь вы вели...

Она отыскивала кого-то въ рядахъ. Наконецъ глаза ея остановились на одной амазонкѣ:

— Вспомни, Ахла, какъ привязывалъ тебя мужъ къ хвосту дикаго быка и заставлялъ его, разъяреннаго, мчаться по полю... Вспомни, какъ онъ бѣшено радовался, видя твое обнаженное тѣло, раздираемое каменьями. Раны твои зажили... а злоба?

— Нѣтъ, моя злоба кипитъ, царица, и на меня ты можешь положиться.

— А ты, — обратилась она къ другой амазонкѣ, — развѣ ты, Протоя, забыла, какъ мужъ запиралъ тебя въ каменную пещеру и не давалъ тебѣ пищи? За что? Не за то ли, что ты родила ему дѣвочку, а не сына? А развѣ Пала не помнитъ уже,—обратилась она къ третьей,—какъ она лежала ничкомъ, отъ восхода до заката солнца, подъ грубой пятой мужа, и какъ онъ заставлялъ ее ѣсть землю за то, что она не съумѣла раздобыть ему пищи?

— Нѣтъ, нѣтъ, царица, мы не забыли, мы всѣ исполнимъ твою волю.

— Я и сама ничего не забыла и никогда больше не сдѣлаюсь рабой этихъ дикихъ мужей. И я думаю, что вы тоже не захотите вновь вернуться къ этому рабству. Съ тѣхъ поръ какъ вы подчинились мнѣ, съ тѣхъ поръ какъ стали моими рабами, все у васъ измѣнилось. Вы всѣ подчиняетесь одной повелительницѣ—мнѣ; дома же вы полныя хозяйки и живете свободно. Посмотрите: я вамъ дала лошадей, я васъ обучила многому, что̀ вамъ пригодится на будущее время; я вамъ построила стѣну, и наше беззащитное селеніе превратилось въ укрѣпленный городъ; а если вы и впредь будете жить по моимъ указаніямъ, я обѣщаю вамъ въ будущемъ силу, могущество, славу у сосѣднихъ племенъ, и множество городовъ. Кля-

нитесь же теперь, передъ предстоящей завтра битвой, въ вѣрности мнѣ,—только одной мнѣ.

Она соскочила съ лошади, сѣла на выступъ камня и свѣсила свои ноги. Амазонки послѣдовали ея примѣру и, столпившись внизу у камня, ставъ на колѣни, цѣловали ея ногу въ знакъ покорности, произнося клятвы. Затѣмъ, по окончаніи этой церемоніи, всѣ вернулись въ городъ—готовиться къ завтрашнему дню. Часть наиболѣе надежныхъ амазонокъ осталась стеречь коней и лошадей, а всѣ другія рано поутру вышли за ворота и направились къ берегу моря. Впереди ихъ шло стадо овецъ, приготовленныхъ для предстоящаго пира, а сзади везли на быкахъ наваренное въ большомъ количествѣ крѣпкое пиво. Уже нѣсколько разъ отрядъ, спрятанный въ скалахъ у устьевъ Θермадона, давалъ знать, что вдали,—тамъ, гдѣ море сливается съ небомъ,—виднѣются черныя точки. Это были суда съ возвращавшимися мужьями.

Уже солнце стало заходить, когда первое судно *причалило* къ берегу. Изъ него вышли воины. Они были изумлены, увидя передъ собой какихъ-то странныхъ обнаженныхъ женщинъ, съ почти мужскимъ загрубѣлымъ тѣломъ и съ длинными волосами.

Томиранда первая встрѣтила ихъ и поднесла имъ дары. Она же объяснила имъ, почему тѣло ихъ обнажено и грудь ихъ испорчена. Она говорила о томъ, какъ онѣ, покинутыя женщины, предавались отчаянію, какъ думали, что уже погибли, какъ тосковали онѣ по своимъ мужьямъ, какъ обрадовались, когда узнали объ ихъ возвращеніи.

Прежде чѣмъ вести ихъ въ городъ, онѣ устроятъ имъ пиръ на самомъ берегу моря, въ воспоминаніе о горькихъ слезахъ, пролитыхъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ разлуки, и въ ознаменованіе радости при настоящемъ свиданіи.

Многіе изъ прибывшихъ не узнавали своихъ женъ, а жены—мужей. Многіе измѣнились, многихъ не стало. Когда, наконецъ, кое-какъ поразобрались, мужчины сняли съ себя боевые доспѣхи и, выбравъ удобныя мѣста подъ тѣнью нависшихъ скалъ, расположились подкрѣпить свои силы трапезой. Между тѣмъ, суда подплывали и высаживали на берегъ все новыя и новыя партіи возвращавшихся. Весь берегъ на далекое пространство былъ занятъ группами странныхъ людей: суровые воины въ

тяжелыхъ доспѣхахъ какъ-то причудливо выдѣлялись на фонѣ обнаженныхъ женскихъ тѣлъ; повидимому, мужья не очень были удивлены такимъ видомъ своихъ женъ, они уже достаточно приглядѣлись къ населенію Африки, къ берегамъ которой они подплывали и видѣли много чернокожихъ невольницъ. Многіе изъ мужей обзавелись даже чернокожими наложницами и теперь заставляли служить ихъ себѣ, а своихъ законныхъ женъ, амазонокъ, заставляли прислуживать этимъ наложницамъ. Глубокая обида закралась въ души этихъ оскорбленныхъ, и онѣ со жгучимъ нетерпѣніемъ ждали ночи. Амазонки обступили невольницъ и съ любопытствомъ разсматривали ихъ, какъ какихъ нибудь выходцевъ съ того свѣта. Вотъ, наконецъ, прибыло судно съ награбленными богатствами. На берегъ стали выносить всевозможные рѣдкіе мѣха, домашнюю невиданную утварь, клыки слоновой кости, золото, ожерелья изъ какихъ-то цвѣтныхъ камней, массу оружія, тканей, фруктовъ и много чего другаго. Амазонки съ жаднымъ любопытствомъ разсматривали все это. Берегъ на далекое разстояніе превратился въ какую-то пеструю и разнообразную ярмарку самыхъ интересныхъ, причудливыхъ и невиданныхъ товаровъ. Но настоящій ужасъ и всеобщую панику произвели верблюды. Амазонки въ безумномъ страхѣ разбѣжались, когда первый верблюдъ появился на берегу. Это чудовище возвышалось среди толпы, какъ какое-то миѳическое божество. Сама Томиранда нѣсколько смутилась и смѣшалась, не ожидая встрѣтить ничего подобнаго. Но она скоро оправилась.

Вскорѣ появились на берегу шатры, вывезенные изъ Азіи. Одинъ изъ нихъ, самый большой, принадлежалъ предводителю, мужу Томиранды. Онъ возлежалъ въ немъ на мягкихъ подушкахъ и съ нимъ лежала добытая имъ въ Азіи желтокожая наложница въ какомъ-то костюмѣ, сотканномъ какъ бы изъ облака. Красивый, стройный бюстъ съ необезображенной грудью и стройныя полныя ноги мягко просвѣчивали черезъ прозрачное облако шелковистой ткани и составляли полный контрастъ съ обнаженнымъ, загрубѣлымъ и пріобрѣвшимъ мужественныя формы тѣломъ Томиранды.

Предводитель, никогда особенно не жаловавшій своей жены, и всегда жестоко съ ней обращавшійся, съ презрѣніемъ взглянулъ на нее при входѣ. Молча, затаила оскорбленіе Томи-

ранда и ничего не сказала. Но и въ ея грубое сердце проникла новая обида, и оно застонало. Тѣмъ лучше. Эта обида была какъ бы ударомъ бича. Отъ всего пережитаго, отъ всякихъ невиданныхъ чудесъ, отъ этого шума, гама, яркихъ цвѣтовъ невольничьихъ одеждъ, отъ этой пестроты, а также отъ волненія при созерцаніи около себя давно невиданныхъ мужчинъ, отъ начинавшей закипать женской страсти — она съ ужасомъ начинала чувствовать въ себѣ смутный трепетъ, головокруженіе, упадокъ силъ, нерѣшительность и чуть ли не робость. Ее не пустили къ предводителю, ея мужу, пока ему не устроили шатра. Теперь онъ потребовалъ ее къ себѣ. Съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ, въ предвкушеніи страстныхъ объятій мужа, которыхъ она такъ долго была лишена и которыя были все таки потребностью ея здороваго и сильнаго организма—она вошла въ шатеръ, и что же увидѣла? Какое-то видѣніе не изъ этого міра, какую-то не то женщину, не то духа въ объятіяхъ своего мужа. Этотъ духъ лежалъ на мягкихъ коврахъ и смотрѣлъ на нее чудными, большими глазами, а ротъ его искривился въ насмѣшливую улыбку.

— Томиранда, — сказалъ предводитель, сурово взглянувъ на вошедшую:—вотъ твоя госпожа. Возвращайся въ наше селеніе, приготовь все къ ея пріему. Пусть будетъ тамъ изобиліе пищи и питья; возьми съ собой, по указанію начальника послѣдняго судна, ковры и другія драгоцѣнности, и укрась ими комнату для твоей госпожи.

— Не я ли должна быть госпожею ея?—спросила Томиранда, блѣднѣя отъ гнѣва.—Не утомила ли тебя дорога или, можетъ быть, ты несовсѣмъ здоровъ, предводитель, и слова твои имѣютъ обратное значеніе? Это твоя невольница? — хороша! Научи же ее, что она должна подчиняться мнѣ, твоей женѣ, и при входѣ моемъ не должна лежать и валяться.

— Еще одно слово и я убью тебя,—въ бѣшенствѣ закричалъ предводитель.—Я не усталъ и здоровъ, и знаю, что̀ приказываю. Ты сдѣлаешь то, что̀ я говорю. Ты будешь служить ей и мнѣ, и чтобы доказать тебѣ это...

Онъ прервалъ себя на этихъ словахъ и обратился къ невольницѣ на какомъ-то непонятномъ для Томиранды языкѣ.

Та встала съ своего мѣста, лѣниво пошла въ уголъ шатра и усѣлась на высокихъ подушкахъ, имѣвшихъ видъ трона.

Потомъ, все не сводя своихъ большихъ глазъ съ Томиранды, повелительно указала ей жестомъ на землю у своихъ ногъ, а предводитель сказалъ своей женѣ:

— Она хочетъ, чтобы ты простерлась ницъ передъ нею, а она, въ знакъ власти, поставитъ свою ногу на твою голову.

Скрипя отъ ярости зубами, Томиранда исполнила это приказаніе. Хорошенькая невольница все улыбалась. Томиранда лежала у ея ногъ въ прахѣ, уткнувшись лицомъ въ землю. И вдругъ на головѣ своей она ощутила ногу невольницы. Она хотѣла вскочить и вонзить въ нее стрѣлу; но колчана съ ней не было; она вспомнила, что она безоружна; она готова была задушить ее своими руками, но вдругъ мысль о задуманномъ планѣ, о томъ, что сегодня ночью планъ этотъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе, что въ рукахъ ея — счастье цѣлаго народа, осѣнила ее. Страшнымъ усиліемъ воли она удержалась отъ гнѣвнаго порыва и покорно продолжала лежать въ прахѣ, ощущая на своей головѣ ногу желтокожей невольницы и съ трепетомъ думая только о томъ, какъ бы кто нибудь изъ амазонокъ не увидѣлъ ея въ такомъ унизительномъ положеніи.

— Встань,—сказалъ ей предводитсль.—Ступай. Нѣтъ, постой! Опусти пологъ, раздѣнь свою госпожу и стань пока на стражѣ у шатра...

Томиранда раздѣла невольницу. Отъ ея упругаго тѣла вѣяло молодостью и свѣжестью, а отъ ея волосъ пахло какими-то благовоніями востока, невѣдомыми ея неизбалованному обонянію... Въ свою очередь, обнаженная невольница освободила отъ доспѣховъ и одѣяній предводителя. Въ шатрѣ стало темно. Предводитель выпилъ поданное ему невольницей какое-то питіе съ одуряющимъ запахомъ, съ презрѣніемъ отказавшись отъ пива, принесеннаго ранѣе амазонками въ его шатеръ. Невольница помѣстилась у его ногъ. Томиранда стала на стражѣ.

Когда они заснули, она тихонько выбралась изъ шатра. Полузадушенная ярость, оскорбленное чувство жены, только что пережитое униженіе клокотали въ ней, и хриплые звуки вырывались изъ запекшихся отъ волненія губъ. Она задыхалась. Шатаясь, попробовала она идти. Ноги не держали ея. Она чуть не упала, но быстро овладѣла собой. Рѣзкій прибрежный вѣтеръ освѣжилъ своимъ дуновеніемъ ея пылающія щеки и голову... Мало по малу сознаніе возвращалось къ ней. Мысли сосредоточивались на одномъ...

На небѣ горѣли уже звѣзды; въ станѣ блистали костры. Нужно было спѣшить. По стану неслись звуки пьяныхъ пѣсенъ, шелъ гамъ, крики, гулъ. Оргія была въ полномъ разгарѣ. Воины, послѣ походовъ и трудовъ боевой жизни, съ увлеченіемъ наслаждались благами мирнаго существованія. Они всѣ опьянѣли отъ вина и сладострастныхъ порывовъ...

Томиранда шла по стану... Тихо крадучись, она зорко всматривалась въ группы опьянѣвшихъ воиновъ. Голыя тѣла амазонокъ виднѣлись рядомъ съ грузными фигурами мужей. Попадались иногда, рядомъ съ амазонками, и невольницы, вывезенныя изъ Азіи и Африки, и это каждый разъ напоминало ей о только что пережитой сценѣ; кровь снова туманила ей голову. Однако сознаніе все больше и больше возвращалось къ ней. Она пришла въ условленное мѣсто къ устью Ѳермадона. Тутъ уже нашла она преданныхъ союзницъ, съ безпокойствомъ ожидавшихъ ее. Коней уже привели изъ города, и они стояли спрятанными въ скалахъ. Амазонки *быстро вооружались*. Только тѣ, которыя не успѣли усыпить своихъ мужей, еще предавались якобы ночной нѣгѣ и, подъ прикрытіемъ опьяняющихъ ласкъ, отбирали у нихъ оружіе и усыпляли крѣпкимъ пивомъ. Но почти всѣ уже были въ сборѣ.

Томиранда сказала имъ нѣсколько словъ. Она, главнымъ образомъ, старалась показать имъ, что мужья ихъ не только не исправились, а, побывавъ въ Азіи, окончательно развратились; и что имъ, амазонкамъ, нечего ждать отъ нихъ пощады, еслибы даже онѣ захотѣли теперь отказаться отъ задуманнаго плана мщенія. Худшее рабство ждетъ ихъ теперь,—и цѣлая цѣпь оскорбленій, лишеній и позора!..

Она воодушевила свое войско этой сильной и сжатой рѣчью. Въ голосѣ ея звучали суровыя ноты безумной ярости... Жребій былъ брошенъ... Костры потухали, кое-гдѣ догорая кровавымъ пламенемъ. Луна зашла за тучи, вѣтеръ пересталъ, но море бушевало и билось о скалы. Темная ночь покрыла станъ своимъ чернымъ крыломъ; кое-гдѣ, въ разныхъ мѣстахъ, слышался тяжелый храпъ упившагося воина или несвязный лепетъ уснувшей подлѣ него невольницы.

Вскорѣ началось поголовное избіеніе сонныхъ и безоружныхъ воиновъ. Амазонки съ охотничьими копьями въ рукахъ шли, какъ духи смерти, по спящему стану, чтобы погру-

зить временно заснувшихъ людей въ вѣчный сонъ. Съ особымъ ожесточеніемъ исполняла свое дѣло сама Томиранда. Со страстнымъ наслажденіемъ погружала она свое копье въ беззащитныя груди мужчинъ, и каждый разъ, когда, выдернувъ копье, она чувствовала на своемъ тѣлѣ брызги горячей крови и видѣла алый ручей, ключемъ бившій изъ раны—тихій стонъ какого-то счастья вырывался изъ ея груди. И вездѣ, гдѣ проходили амазонки, онѣ оставляли послѣ себя смерть и разрушеніе. Изрѣдка вспыхнувшій костеръ освѣщалъ гдѣ нибудь тѣло съ глубокой раной въ груди, изъ которой текла рѣкой на землю кровь. Спящихъ съ ихъ мужьями невольницъ—амазонки не убивали. Женщинъ онѣ не трогали.

Жатва смерти пронеслась по стану. Восходящіе лучи солнца освѣтили огромное мертвое поле.

Теперь Томиранда съ гордостью и безъ боязни за будущее могла смотрѣть на созданное ею дѣло.

IV.

Дворъ Томиранды.

Томиранда не спала. Послѣ бурно-проведенной ночи, она на нѣсколько лишь минутъ прилегла подъ выступомъ скалы и вздремнула. Но лишь только блеснули первые лучи восходящаго солнца, она была уже на ногахъ, свѣжая, бодрая, сильная, какъ всегда. Блескъ особаго торжества воодушевлялъ ея взоръ. На губахъ играла гордая улыбка побѣдительницы. Она собрала своихъ амазонокъ, велѣла имъ привести въ порядокъ своихъ коней и слѣдовать за нею. Онѣ обходили поле битвы или—вѣрнѣе — избіенія. Костры еще тлѣли, распространяя смрадъ въ воздухѣ; трупы воиновъ грудами лежали въ ужасающемъ безпорядкѣ. Амазонки шли съ торжествомъ по этому полю смерти. Когда онѣ дошли до шатра предводителя, Томиранда остановилась и заглянула внутрь. Трупъ ея мужа лежалъ ногами на подушкахъ мягкаго ложа, а туловище валялось на полу. Кровь, вытекавшая изъ раны на его груди, образовала широкое запекшееся пятно на дорогомъ и рѣдкомъ коврѣ, разостланномъ по землѣ. Отверстіе раны почернѣло и темная кровь, спѣнившаяся по краямъ, какъ будто закупорила ее. Къ ногамъ покойника была привязана за обнаженный

стройный бюстъ красивая наложница. Она была жива, но смертельный ужасъ свѣтился въ ея обезумѣвшихъ глазахъ. Томиранда не велѣла ее убивать. Убить ее также просто, какъ она приказала убить своего мужа, было для нея совершенно недостаточно. За то униженіе, которое она испытала отъ невольницы, ей мало было ея смерти! Ей нужно было придумать такую казнь, которая могла бы искупить все испытанное ею униженіе. Но такой казни не скоро придумаешь: для этого нужно время, а пока она привязала невольницу къ тѣлу ея бывшаго повелителя. Было жутко смотрѣть на эту молодую и красивую жизнь, прикованную къ бездыханному трупу.

Томиранда, войдя въ шатеръ, съ безумной яростью толкнула покойника ногой въ лицо и съ бѣшенствомъ обрушилась на невольницу. Она ей говорила самыя оскорбительныя вещи, какія только могла придумать на своемъ языкѣ, потомъ она ее безпощадно била, затѣмъ приказала отвязать отъ трупа, повергла ницъ передъ собой и заставила своихъ спутницъ топтать ее ногами. Но и это не насытило ея ярости, и она велѣла отвести ее подъ стражей въ городъ и заключить до поры до времени въ подземелье.

Вслѣдъ затѣмъ, амазонки начали прибирать трупы. Онѣ свозили мертвецовъ къ берегу моря и кидали ихъ въ волны. И волны поглощали эти тѣла, и море бушевало и клокотало. Лошадей, верблюдовъ, барановъ, ковры, золото, ткани, слоновую кость, ожерелья, драгоцѣнные камни, шатры — все это амазонки забрали съ собою въ городъ...

Прошло съ той достопамятной ночи нѣсколько дней. Въ эти нѣсколько дней городская стѣна была окончательна готова, и небольшое отверстіе, еще не задѣланное въ день избіенія, закрылось. Въ городъ вели только широкія ворота, запиравшіяся на ночь, и у этихъ воротъ постоянно стояла стража амазонокъ.

Въ городѣ закипѣла работа. Амазонки украшали свои жилища награбленными сокровищами, разставляли шатры. Работать было легче, ибо теперь въ распоряженіи амазонокъ были и рабочіе верблюды, и рабочія лошади, и инструменты; въ каменоломняхъ били камень и возили его массами въ городъ.

Бывшее селеніе мало по малу пріобрѣтало совсѣмъ другой видъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, а городъ, названный по приказанію Томиранды—Телискирой и объявленный столицею амазонскаго царства, продолжалъ расти и украшаться. Невольницы, привезенныя мужьями амазонокъ и оставшіяся въ живыхъ отъ избіенія мужчинъ, поступили въ полное распоряженіе Томиранды,—а ихъ оказалось немало. Она образовала изъ нихъ свою почетную стражу и въ военачальники имъ назначила Ахлу, которую прозвала Вихремъ за стремительность и свирѣпость, съ которою та избивала спящихъ воиновъ и переносилась съ одного конца лагеря на другой, какъ геній смерти, вездѣ сѣя гибель и разрушеніе. Теперь во власти Томиранды было хорошо дисциплинированное войско, стража невольницъ и флотъ—корабли, привезшіе воиновъ и поступившіе теперь въ ея распоряженіе. Бо̀льшая часть богатствъ перешла также въ ея обладаніе. Въ числѣ этихъ богатствъ оказался роскошный золотой поясъ невиданной работы, усѣянный драгоцѣнными каменьями. Этотъ поясъ она возложила на себя, какъ знакъ царскаго достоинства, и издала повелѣніе, чтобы никто изъ амазонокъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія, не смѣлъ носить поясовъ, потому что это украшеніе должно быть отнынѣ только достояніемъ царицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ она позволила возложить на себя ту легкую облачную матерію, которую видѣла на красивой невольницѣ мужа и запасы которой въ большомъ количествѣ оказались въ трюмахъ судовъ. Но огрубѣлое тѣло ея уже отвыкло отъ прикосновенія какихъ либо тканей, и одежда стѣсняла ея. Поэтому она надѣвала мантію только въ торжественныхъ случаяхъ и сдѣлала ее тоже знакомъ своей власти.

Прошло еще полгода. Въ центрѣ города, на обширной площади, возвышалось теперь красивое высокое зданіе изъ бѣлаго мрамора, добытаго изъ отдаленной страны, куда Томиранда посылала одно изъ судовъ подъ предводительствомъ амазонки Протои. Это былъ дворецъ царицы. Томиранда поселилась въ немъ, украсивъ внутренность дворца коврами, тканями и прочими драгоцѣнностями. Теперь она занята была упорядоченіемъ и благоустройствомъ своей страны. Она хотѣла дать твердые и опредѣленные законы для своихъ подданныхъ, по

которымъ онѣ могли бы жить и управляться. Поэтому она собрала вокругъ себя во дворцѣ умнѣйшихъ и преданнѣйшихъ ей амазонокъ, и совмѣстно съ ними обсуждала новое законодательство. По этому новому законодательству, Томиранда признавалась пожизненно царицею амазонокъ. Амазонки дѣлались ея подданными и должны были безпрекословно подчиняться ей во всемъ. Она имѣла право жизни и смерти надъ своими подданными. Никакими прямыми данями и податями она однако же ихъ не обложила. Онѣ обязаны были только содержать ея дворъ, доставлять ей все необхидимое и служить въ ея войскѣ. Она окружила себя внѣшнимъ почетомъ: приблизила къ себѣ нѣсколькихъ амазонокъ, которыхъ избавила отъ службы въ строю, но которыя обязаны были прислуживать ей; при встрѣчѣ съ нею амазонкамъ вмѣнялось въ обязанность падать ницъ, а если она хотѣла наградить кого либо особою милостью, то позволяла лобызать свою ногу. Удостоенная такой высокой милости пріобрѣтала нѣкоторыя права и преимущества: она имѣла право носить ожерелье, которое и свидѣтельствовало о томъ, что она удостоилась цѣловать ногу царицы, а при встрѣчѣ съ такой амазонкой всѣ должны были вставать и уступать ей первой мѣсто. Вообще Томиранда стала держать себя гордо и высокомѣрно, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своего народа, возмнивъ о себѣ, — послѣ того какъ ей удалось устроить свое царство и освободить его отъ ига мужчинъ, — что она ниспослана какимъ либо высшимъ божествомъ на счастье обездоленныхъ женщинъ. Порой, въ глубинѣ своего мраморнаго дворца, ей чудилось, что не она ли сама это высшее божество, въ чемъ ее увѣряли и раболѣпныя женщины, составлявшія придворную свиту. Одна изъ нихъ, именно Асатра, своими руками при помощи нѣкоторыхъ орудій высѣкла изъ мрамора подобіе статуи Томиранды, воздвигла ее на площади передъ дворцомъ, поставила тутъ же жертвенникъ, найденный ею на одномъ изъ судовъ, и воскурила передъ статуей благовонія, вывезенныя мужьями амазонокъ изъ Азіи. Томиранда относилась къ этому благосклонно и даже приказала соорудить надъ статуей крытое капище, въ которомъ ежедневно производилось богослуженіе, воскуреніе оиміама и жертвоприношенія. Сюда стекались амазонки и возносили свои мольбы къ Томирандѣ, распростершись ницъ передъ ея статуей; сюда

же приносились всевозможные дары. Верховной хранительницей капища царица назначила Асатру.

Томиранда по прежнему вставала рано и дѣлала на конѣ прогулку за городъ, къ берегу моря. Возвратившись домой, она занималась дѣлами своей страны и творила судъ и расправу. Впрочемъ, она только одобряла или не одобряла приговоры верховнаго судьи, назначивъ на эту должность амазонку Палу, которая и судила лично провинившихся. Затѣмъ царица обѣдала и отдыхала. Войсками завѣдывала Протоя, а внутренними порядками во дворцѣ, личными домашними дѣлами Томиранды и уходомъ за ея лошадью—амазонка Меланиппа, которая и считалась ея правой рукой, намѣстницей царицы въ странѣ. Меланиппа укладывала ее спать, въ торжественныхъ случаяхъ облачала въ воздушныя ткани, прислуживала ей за столомъ, раздѣвала ее и стояла на колѣняхъ у ея ногъ, не покидая до тѣхъ поръ ея опочивальни, пока царица не засыпала. Это была очень почетная должность и сколько, сколько амазонокъ завидовали Меланиппѣ!

За всякія сношенія съ мужчинами сосѣднихъ племенъ, свободными или взятыми въ плѣнъ, опредѣлялась виновной — смертная казнь. Провинившуюся привязывали къ хвосту дикаго вола и пускали его, разъяреннаго, въ прибрежныя скалы. Но никто еще до сихъ поръ не подвергался такому наказанію. За непочтеніе къ царицѣ-богинѣ, смерть опредѣлялась еще болѣе мучительная: виновной выкалывали глаза и она запиралась въ каменное подземелье, гдѣ должна была умереть съ голоду, и откуда ни одинъ звукъ или стонъ не достигалъ до поверхности земли. За измѣну своей странѣ виновную сбрасывали со скалы въ море. Ни одно изъ этихъ наказаній не было примѣнено: амазонки вели себя образцово и сильно боялись своего верховнаго судьи—Палы, которая славилась суровостью и озлобленностью, послѣ тѣхъ униженій, которыя когда-то перенесла отъ мужа, заставлявшаго ее ѣсть землю, за малѣйшую провинность по отношенію къ его столу.

Всѣ эти строгія мѣры Томиранда ввела потому, что ей казалось, будто па первыхъ порахъ необходимо дѣйствовать на женщинъ страхомъ и что безъ этого страха трудно будетъ удержать ихъ отъ женскаго влеченія къ другому полу. Допустить же что нибудь подобное любви въ ея царствѣ — зна-

чило потерять это царство, которое неминуемо распадется,—и тогда всѣ труды ея рухнутъ. Амазонки безпрекословно подчинялись этому деспотическому гнету Томиранды, сознавая ея величіе и зная ея несокрушимую волю и суровое сердце. Приближенныя же къ царицѣ были ей вполнѣ преданы, искренно увѣровавъ въ ея неземное происхожденіе.

Такимъ образомъ, установилось на болѣе или менѣе твердыхъ началахъ амазонское царство, но уже въ этомъ абсолютномъ деспотизмѣ скрывались зачатки разложенія...

V.

Θема.

Со дня достопамятнаго избіенія мужей амазонками, Θема исчезла. Никто не видѣлъ ея ни во время кровавой ночи, ни послѣ нея. Въ общей суматохѣ она была позабыта, никто не обратилъ вниманія на ея отсутствіе, никто не вспомнилъ о ней. Нѣсколько дней спустя, когда амазонки заняты были распредѣленіемъ между собой добычи, приведеніемъ въ порядокъ домовъ своихъ и тому подобными домашними дѣлами, о ней тоже никто не вспомнилъ; но однажды, когда царица занята была назначеніемъ на новыя должности своихъ подчиненныхъ, Пала доложила ей, что Θема отсутствуетъ и неизвѣстно, гдѣ находится. Томиранда гнѣвно сдвинула брови и повелѣла разыскать ее во что бы то ни стало. И однако же, не смотря на тщательные розыски, въ которыхъ принимала участіе сама Пала, прошли недѣли и мѣсяцы, а Θема не была разыскана. Предполагали, что она нечаянно убита кѣмъ нибудь изъ своихъ же, во время ночнаго избіенія; поговаривали о томъ, что она бѣжала къ сосѣднему народу, такъ какъ режимъ амазонскаго царства казался ей слишкомъ суровымъ, и ея нѣжная натура не могла ему добровольно подчиниться; говорили еще о какой-то давно прошедшей любви Томиранды къ молодому мужу Θемы, который не отвѣтилъ ей взаимностью, предпочтя нѣжную и слабенькую дѣвочку — мужественной и сильной женщинѣ.

Томиранда не очень заботилась объ этомъ исчезновеніи; она отдала повелѣніе, чтобы Θема была отыскана, и пребывала въ полной увѣренности, что она будетъ отыскана: до та-

кой степени она привыкла видѣть свои желанія исполненными. Въ одномъ только она себя упрекнула, что не распорядилась съ Θемой своевременно по своему усмотрѣнію и допустила ее выйти изъ города въ мужской лагерь вмѣстѣ со всѣми; но у нея было въ то время столько серьезныхъ заботъ, что все предупредить, предвидѣть и предугадать, очевидно, не было ни малѣйшей возможности.

Между тѣмъ Θема здравствовала. Въ день прибытія амазонскихъ мужей изъ далекихъ странъ, она, вмѣстѣ со всѣми другими, вышла за городъ къ нимъ на встрѣчу. Въ то время какъ другія ея соотечественницы питали противъ мужчинъ коварные замыслы, Θема шла за толпой совсѣмъ съ другими намѣреніями, осаждаемая совершенно иными чувствами. Послѣ недолгихъ поисковъ, она нашла своего мужа. Онъ сидѣлъ у палатки на коврѣ и взоръ его пристально всматривался вдаль; онъ искалъ между проходившими Θемы, не замѣтилъ, какъ она подошла, и не слыхалъ, какъ она его окликнула. Когда, наконецъ, онъ услыхалъ свое имя, то вскочилъ съ своего мѣста; взоръ его загорѣлся огнемъ любви и страсти, и онъ готовъ былъ заключить Θему въ свои сильныя объятія, но на лицѣ ея прочелъ одну суровость. Она нахмурила брови и, злобно взглянувъ на него, тихо проговорила:

— Какъ только зайдетъ дневное свѣтило, будь у нашихъ скалъ на морскомъ берегу, гдѣ ты когда-то нашелъ меня...

— Θема!—воскликнулъ онъ,—Θема, неужели ты не хочешь побыть со мной?!..

— Молчи!—строго сказала она,—исполни, что̀ я тебѣ говорю, иначе ты погибъ безвозвратно.

И прошла мимо. Она нарочно напустила на себя суровость, чтобы не выдать своихъ чувствъ предъ амазонками. Когда солнце начало садиться, Θема ушла въ городъ вмѣстѣ со многими другими, какъ будто за оружіемъ, но, выходя изъ города обратно, она воспользовалась наступавшей темнотой и незамѣтно отстала и скрылась. Пока она бѣжала по направленію къ морю, она слышала за собой два-три сдержанныхъ голоса:

— Θема! Θема! Гдѣ ты? Куда ты дѣвалась?

— Она вѣрно впереди,—отвѣтили имъ другіе голоса, и все затѣмъ смолкло.

Тогда Ѳема облегченно вздохнула. Тьма становилась все гуще, ночь быстро надвигалась; до морскихъ скалъ было еще далеко, и она боялась сбиться съ дороги, но вскорѣ на небѣ зажглись звѣзды, и она отчасти по нимъ, отчасти инстинктивно угадала мѣстность и бодро подвигалась впередъ. Скоро до слуха ея дошелъ смутный гулъ морскаго прибоя. Море шумѣло, и она съ каждымъ шагомъ все отчетливѣе различала плескъ волнъ о скалы. И глухой ропотъ моря ласкалъ ея слухъ отрадной надеждой скораго свиданья и освобожденія отъ суроваго гнета. Множество разнородныхъ чувствъ волновало ее. Молодая жгучая страсть развивалась въ ней въ ожиданіи скораго удовлетворенія, и это сознаніе придавало ей бодрость и мужество; надежда на то, что ей удастся спасти мужа отъ неминуемой смерти, а себя—отъ преслѣдованій ненавистной царицы и женщины—воодушевляла ее; она рисовала себѣ картины свободной и независимой жизни на полномъ просторѣ. Давно забывшая мужскую ласку и почти не испытавшая *ея*,—такъ какъ была взята мужемъ еще совершенной дѣвочкой,—она видѣла себя въ его объятіяхъ, чувствовала на своемъ тѣлѣ его ласку, и бѣжала все скорѣй и скорѣй. А, вотъ, наконецъ, темныя громады скалъ. Она скорѣй угадывала ихъ, чѣмъ видѣла передъ собой. И, дѣйствительно, мрачные великаны вздымались теперь передъ нею. Она нашла тропинку, ведшую между скалъ по ущелью къ морю, и пошла по ней, едва переводя духъ. У самаго моря, въ скалѣ, выдававшейся очень далеко впередъ, была знакомая ей укромная, скрытая другими скалами, большая пещера, въ которую велъ цѣлый лабиринтъ запутанныхъ ходовъ. Въ былыя времена она часто приходила сюда мечтать и слушать плескъ моря. Она уходила сюда потихоньку отъ всѣхъ и никогда никому не открывала своего убѣжища, желая по временамъ остаться совершенно одною.

Она остановилась у этой скалы и, глубоко вздохнувъ, осмотрѣлась. Никого не было. Она въ безпокойствѣ начала вглядываться въ окружавшую ее тьму. Ничего не было видно. Тогда она робко окликнула своего мужа. Ни единымъ звукомъ никто не отвѣтилъ ей; только море бушевало и волны съ бѣшенствомъ бились о скалы.

Здѣсь, когда-то очень давно, въ этой пещерѣ, нашелъ ее въ такихъ мечтахъ молодой воинъ, забредшій сюда совершенно

случайно. Онъ долженъ помнить это мѣсто, онъ не можетъ забыть его... А вдругъ забылъ и не найдетъ этой пещеры? Что она будетъ дѣлать? Тогда они оба погибли.

— Θема!—раздался вдали осторожный голосъ,—ты здѣсь, Θема?

— Здѣсь, мой воинъ, мой храбрый воинъ. Такъ ты не забылъ этихъ скалъ?..

И она упала въ его объятія; онъ увлекъ ее по таинственнымъ ходамъ въ глубь пещеры. Здѣсь было еще темнѣе, еще мрачнѣе, чѣмъ на берегу, но въ душѣ обоихъ любовниковъ-супруговъ становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе. Огонь страсти, долго затаенный въ груди, разгорался и превратился въ цѣлый пожаръ. Весь міръ былъ забытъ. *Онъ* забылъ о долгихъ годахъ походовъ и лишеній; забылъ и мучительный зной тропическаго дня, и ночной холодъ пустыни, и голодъ, и жажду, и жгучую боль отъ стрѣлъ иноземныхъ народовъ—все это исчезло изъ его памяти, да и какъ могло не исчезнуть, когда онъ сжималъ въ объятіяхъ молодое трепетавшее тѣло?.. *Она* забыла своего исконнаго врага—Томиранду, забыла ея злобныя унизительныя для своего самолюбія выходки; забыла смертельную опасность, которой подвергалась, еслибы была открыта. Все было тихо вокругъ нихъ. Въ нихъ же самихъ бушевала страсть, сильнѣе, чѣмъ снаружи бушевало море.

Но первый порывъ страсти прошелъ. Подобно тому, какъ волны, съ бѣшенствомъ ударившись о берегъ, медленно и съ тихимъ рокотомъ отходятъ назадъ, какъ бы умиротворенныя давно желаннымъ свиданіемъ съ землею,—такъ и страсть, послѣ жгучаго и неудержимаго порыва, начала утихать, уступая мѣсто разсудку.

Θема первая пришла въ себя. Въ быстрой, но связной рѣчи она разсказала мужу все, что̀ испытала; повѣдала ему о всѣхъ пережитыхъ невзгодахъ; сообщила о томъ, какую власть и силу пріобрѣла Томиранда; какъ малодушныя женщины ей подчинились; какъ она ихъ обезобразила, выжегши имъ грудь; какъ она терзала ихъ военными упражненіями; какъ она ударила Θему ногой по лицу; наконецъ, сообщила ему, что сегодня ночью всѣ мужчины будутъ перебиты и Томиранда сдѣлается полновластною царицею амазонскаго царства. И тогда Θемѣ, конечно, не будетъ житья: Томиранда давно уже затаила

къ ней злобу. Она разсказала своему мужу весь планъ избіенія, придуманный царицей. Онъ хотѣлъ немедленно бѣжать въ лагерь на выручку своихъ товарищей, но Θема напомнила ему, что уже поздно; что пока онъ дойдетъ обратно, уже большинство будетъ перебито, и ему ничего не останется больше, какъ добровольно отдаться на милость царицы, а милости отъ нея ждать невозможно... Что онъ, одинокій воинъ, можетъ сдѣлать противъ множества вооруженныхъ женщинъ, искусившихся долгими упражненіями въ ратномъ дѣлѣ?

Онъ подумалъ и согласился съ нею.

И они рѣшили остаться здѣсь, въ этой пещерѣ, до болѣе благопріятнаго случая, когда можно будетъ переселиться въ болѣе безопасное мѣсто. Поэтому, не откладывая ни на минуту своего плана, пользуясь темной ночью и тѣмъ, что всѣ до одной амазонки заняты были въ это время ночной бойней, онъ отправился по берегу моря къ своему судну, и вмѣстѣ съ Θемой, нагрузивъ лодку всѣмъ необходимымъ, что онъ успѣлъ достать изъ трюма, причалилъ съ нею къ скалистой пещерѣ. Здѣсь они общими силами выгрузили и перенесли въ пещеру пищевой запасъ, ковры, оружіе и драгоцѣнности. Во время этой работы онъ любовался своей женой.

— Ты напрасно такъ ужь бранишь Томиранду: посмотри, какой сильной и ловкой она сдѣлала мою Θему...

Θема смѣялась. Да! она многому научилась во время военныхъ ученій, производившихся царицей, но все таки считается самой слабой изъ всѣхъ амазонокъ. Какъ мужчина, какъ воинъ, онъ не могъ не оцѣнить этой физической силы и ловкости въ своей юной женѣ, оставленной имъ еще дѣвочкой. И онъ съ наслажденіемъ поручалъ ей переносить тяжелые тюки и радовался, что она дѣлала все это такъ легко и ловко. «И зло имѣетъ въ себѣ много хорошаго», припомнилась ему, слышанная гдѣ-то въ чужихъ земляхъ, фраза.

Такимъ образомъ они устроились, поселившись въ самой отдаленной части пещеры. Такъ какъ у него былъ большой запасъ жилъ, которыя натягивались на луки, то онъ размоталъ ихъ и провелъ по извилистымъ ходамъ пещеры до самаго укромнаго уголка, чтобы не запутаться въ лабиринтѣ, такъ какъ пещера была огромная и скрывала въ себѣ множество отдѣленій. Они украсили свой уголокъ коврами и подушками,

а также мягкими шкурами леопардовъ и львовъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи они сложили запасъ пищи и водворили цѣлое стадо барановъ. Еще въ третьемъ отдѣленіи—они спрятали оружіе, драгоцѣнности и лодку. Днемъ—они жили въ пещерѣ; съ наступленіемъ сумерекъ и ночью выходили на берегъ. Глаза ихъ вскорѣ отвыкли отъ дневнаго свѣта, но это ихъ пока мало смущало.

Потянулись дни за днями, похожіе на ночи, и ночи за ночами, похожія на дни; протекали недѣли и мѣсяцы, и никто ихъ не тревожилъ, никто не приходилъ смущать ихъ покоя. Ѳема отдыхала отъ трудовой жизни, которую вела когда-то въ своемъ городѣ, и съ каждымъ днемъ расцвѣтала и хорошѣла; иногда ея мужъ зажигалъ въ пещерѣ вывезенную имъ изъ Азіи левантскую смолу, которая давала мягкій свѣтъ и пріятный ароматъ, и въ туманѣ этого фантастическаго свѣта, окруженная легкими облаками пахучаго дыма, златокудрая Ѳема казалась ему дивнымъ видѣніемъ изъ какого-то сказочнаго таинственнаго міра. Ея красоту нѣсколько портила обезображенная Томирандой грудь, но онъ вскорѣ приглядѣлся къ этому недостатку и примирился съ нимъ. Она также имъ любовалась; онъ былъ еще юношей, когда разстался съ нею, отправляясь въ дальній походъ. Теперь онъ сильно возмужалъ и загорѣлъ. Волосы его блестѣли и завивались кольцами; борода придавала ему мужественный видъ. Тѣло его загорѣло и загрубѣло отъ непогоды и лишеній, но тѣмъ красивѣе оно стало.

Долгими днями или ночами (кто бы могъ сказать внутри пещеры—свѣтитъ ли на небѣ солнце, или луна?) сидѣли они вдвоемъ или лежали на мягкихъ звѣриныхъ шкурахъ и разсказывали другъ другу эпизоды изъ своей жизни. Она ему говорила о новомъ царствѣ амазонокъ, о гордой царицѣ Томирандѣ; онъ—о своихъ странствованіяхъ, о далекихъ странахъ, гдѣ живутъ совсѣмъ необыкновенные люди съ желтой или черной кожей; о чужихъ моряхъ, въ которыхъ водятся никогда раньше не виданныя имъ чудища... Въ долгихъ странствованіяхъ онъ научился чужеземному языку, потому что его сотоварищи плѣнили много желтокожихъ рабынь, съ которыми объяснялись по ихнему, сдѣлавъ ихъ своими наложницами. Онъ не переставалъ любить Ѳему, и воспоминаніе о ней, ея чудный образъ всегда были съ нимъ, жили въ его душѣ... вотъ

почему онъ не взялъ себѣ желтокожей рабыни... Отъ нечего дѣлать онъ сталъ учить Ѳему языку желтокожихъ. Онъ увѣрялъ ее, что языкъ этотъ ей пригодится, потому что не вѣчно же сидѣть имъ въ этой мрачной пещерѣ... Когда опять настанутъ ясные дни, когда настанетъ хорошее время года и бурное море утишится,—они отправятся на утлой ладьѣ въ далекія страны и поселятся между людьми, хотя и желтокожими. И Ѳема училась чужому языку. Трудно онъ ей давался, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она уже кой-чему научилась.

Иногда, глухою ночью, въ болѣе тихую погоду вытаскивали они изъ пещеры свою ладью и ѣздили по морю; рано утромъ, до восхода зари, ловили рыбу, а порой оба они, вооружившись луками, стрѣляли морскихъ птицъ и огромныхъ орловъ, парившихъ надъ скалами. И всегда Ѳема удивляла и восхищала своего мужа ловкостью, съ какою она попадала въ птицъ, и силой, съ какою натягивала лукъ. Но лишь занималась на небѣ заря—они скрывались въ пещеру.

Томиранду, уединившуюся въ своемъ мраморномъ дворцѣ, снѣдалъ червь честолюбія. Привыкнувъ уже къ рабской покорности своихъ подданныхъ; видя постоянно вокругъ себя колѣнопреклоненныхъ и распростертыхъ ницъ женщинъ; слыша изъ своихъ оконъ гимны и мольбы, раздававшіеся въ капищѣ съ ея статуей; обоняя благовонный оиміамъ, воскуряемый ей, какъ богинѣ, въ томъ же капищѣ; не допуская ни въ чемъ противорѣчія своей волѣ; убѣдившись, что для нея не существуетъ теперь ничего невозможнаго; что за нее рабыни-амазонки отдадутъ свою жизнь и будутъ считать эту жертву за особое счастье—она возмнила, что она, дѣйствительно, всемогущее божество и что не по ея величію и силамъ царить и властвовать надъ одной Телискирой и окрестной страной, населенной, все таки, не очень многочисленнымъ народомъ. Она захотѣла основать еще нѣсколько городовъ, покорить еще нѣсколько странъ и народовъ. Задумавъ это, она рѣшилась дѣйствовать; ея божественное спокойствіе нарушилось. Уже она не могла величаво возсѣдать на тронѣ въ золотомъ поясѣ, изрекая милости или творя судъ своимъ подданнымъ; она не могла равнодушно наслаждаться запахомъ оиміама и звуками молитвенныхъ гимновъ. Какъ бывало прежде, ею овладѣлъ духъ безпокойства;

ей снова захотѣлось движенія, бурь, бѣшеной скачки на лихой лошади... По прежнему она стала ѣздить верхомъ на прибрежные утесы, гдѣ подъ рокотъ волнъ, обвѣваемая свѣжимъ морскимъ вѣтромъ, она обдумывала смѣлые планы, но никому ихъ не повѣряла...

И вотъ, однажды ночью, она проснулась и увидѣла у своихъ ногъ колѣнопреклоненную Меланиппу. Начальница ея дворца, съ нѣкоторыхъ поръ, изъ преданности къ царицѣ, почти вовсе не покидала опочивальни. Она, колѣнопреклоненная, бодрствовала у ногъ царицы, пока та не засыпала, послѣ чего въ томъ же согбенномъ видѣ, съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ за спиной, какъ вѣрный песъ, засыпала сама, или—вѣрнѣе—только дремала. Стоило лишь царицѣ проснуться и, протянувъ ногу, коснуться ея головы, какъ она вскакивала, бодрая и готовая исполнить первое повелѣніе царицы. Эта преданность и самоотверженіе очень нравились Томирандѣ, и она отличала амазонку своими милостями. Весь придворный штатъ завидовалъ Меланиппѣ, которая одна получила, въ видѣ особой милости, право присутствовать при столѣ Томиранды, конечно, стоя на колѣняхъ, и ежедневно лобызать ея божественную ногу, чего тщетно добивались весьма и весьма многія. Проснувшись въ эту ночь, Томиранда нѣсколько разъ дотрогивалась ногой до склоненной головы Меланиппы, но та не просыпалась. Томиранда уже начинала раздражаться, когда наконецъ ея вѣрный стражъ проснулся.

— Сейчасъ же выведи мнѣ моего коня,—приказала Томиранда.

— Богиня изволитъ утомлять себя,—замѣтила Меланиппа, уходя исполнить приказаніе.

— Воротись и слушай,—остановила ее Томиранда.—Я задумала великій подвигъ. Меня будутъ прославлять не однѣ амазонки, мнѣ будутъ поклоняться и другіе народы. За твою вѣрность я тебя не забуду, а теперь иди исполнить мое приказаніе и никогда не осмѣливайся больше возражать твоей повелительницѣ.

Меланиппа ушла, облобызавъ предварительно ея ступню. Скоро Томиранда помчалась къ своимъ излюбленнымъ скаламъ. Ночь была прохладная и морской воздухъ пріятной свѣжестью щекоталъ ея тѣло. Близился разсвѣтъ. Надъ Томирандой про-

летѣла ночная птица и скрылась; вдали, надъ моремъ, зажглась узкая полоса багровой зари; съ моря потянулъ вѣтерокъ. Было то время между ночью и днемъ, когда окрестные предметы принимаютъ какіе-то смутныя и фантастическія очертанія, кажутся величественнѣе и таинственнѣе.

И вдругъ, когда царица, стоя въ задумчивости, вперила свой взоръ въ неопредѣленную даль, до слуха ея долетѣли звуки. Это былъ говоръ, говоръ людской и притомъ, какъ будто, ей знакомый. Звуки летѣли откуда-то снизу, съ самаго моря. Она не шевелилась, опустила глаза на тропинку, пролегавшую подъ скалой, и увидѣла двѣ тѣни, пробиравшіяся къ пещерѣ. Онѣ окутаны были предразсвѣтною мглою и казались выходцами изъ инаго міра. Это не могли быть люди, потому что никто никогда не доходилъ до этихъ скалъ, которыя знала одна Томиранда и цѣнила ихъ уединенное положеніе. Невольный трепетъ прошелъ въ душѣ Томиранды. Она, привыкшая сама себя почитать за богиню, смутно чувствовала все таки свое земное происхожденіе, и ей на одну минуту показалось, что эти двѣ тѣни—ничто иное, какъ дѣйствительные боги, вышедшіе изъ пучины моря, для того чтобы покарать ее за богохульство. Она тщетно всматривалась въ движущіяся тѣни, какъ вдругъ услышала вновь голоса и на этотъ разъ чрезвычайно отчетливо:

— Пойдемъ, Θема, скоро займется заря,—проговорилъ внизу, у входа въ пещеру, мужской голосъ.

— Что, Θема?—чуть не вскрикнула царица, и бѣшеная, безумная, злобная радость заклокотала въ ея сердцѣ.—А, такъ вотъ гдѣ ты скрывалась, жалкое, ничтожное существо! Ты одна изъ всего моего народа осмѣлилась нарушить мою волю и сопротивляться моимъ желаніямъ. Ты, хилая и слабая женщина, не захотѣла мнѣ подчиниться, и ушла, и живешь на свободѣ, не признавая моего владычества!.. Въ то время когда я задумала основать новые города и покорить новыя страны, ты нагло осмѣлилась чуть не подъ самой столицей основать свое маленькое царство, и жить на свободѣ, когда всѣ остальныя живутъ подъ моей пятой?! Хорошо же! Ты узнаешь, возможно ли на землѣ укрыться отъ страшнаго гнѣва *богини* Томиранды.

И она пустилась стрѣлой къ воротамъ Телискиры.

Мрачнѣе ночи и грознѣе бури вернулась во дворецъ Томиранда. Солнце начинало всходить надъ столицей. Изъ храма неслось пѣніе, и синей струйкой подымался къ небесамъ благовонный дымокъ; у дворца стояла конная стража невольницъ. Съ подобострастной позой приняла Меланиппа поводья изъ рукъ царицы и отвела ея коня на конюшню; въ прихожей стояли ея придворныя: начальница почетной стражи, Ахла; начальница войскъ, Протоя; верховный судья, Пала, и еще нѣсколько приближенныхъ. Всѣ онѣ пали ницъ при ея входѣ, но на лицѣ царицы ничего не отразилось, и она сурово, даже не взглянувъ ни на кого, удалилась къ себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ она потребовала къ себѣ Палу. Всѣ ея приближенныя трепетали отъ ужаса. Пала вошла блѣдная и испуганная и, бросившись ницъ предъ царицей, начала докладывать ей о текущихъ дѣлахъ. Томиранда молча слушала, и на лицѣ ея лежала все та же печать гнѣва. Наконецъ, Пала сказала ей:

— Вотъ уже много мѣсяцевъ въ подземельѣ твоего дворца, могущественная богиня, заключена невольница твоего бывшаго мужа. Какъ повелишь поступить съ ней?

Тогда заговорила Томиранда:

— Ты,—сказала она, мрачно взглянувъ на Палу,—ты можешь вскорѣ занять мѣсто этой невольницы...

Пала затрепетала.

— Не я ли сдѣлала тебя верховнымъ судьей? Не мнѣ ли ты обязана тѣмъ, что не несешь тяжелой службы въ войскѣ и живешь спокойно и судишь амазонокъ? Не я ли тебя возвысила надъ ними, не я ли заставила всѣхъ трепетать передъ твоей властью? И чѣмъ же ты мнѣ заплатила? Я повелѣла тебѣ разыскать и представить предъ мои очи амазонку Θему. Вотъ прошло уже много мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, много разъ нарождалась луна, а ты все еще не исполнила моего повелѣнія. Ты знаешь, я этого не терплю...

— Великодушная, милосердная богиня, я искала Θему повсюду, разослала гонцовъ во всѣ стороны, но не могла найти ее. Если черезъ три дня я не найду, вели умертвить меня.

— Ты найдешь ее сегодня же. Она въ двухъ шагахъ отъ Телискиры. Возьми отрядъ и ступай къ прибрежнымъ скаламъ,—тамъ есть одна скала, выдающаяся далеко въ море; въ

той скалѣ есть, вѣроятно, пещера, а въ пещерѣ скрывается Ѳема съ своимъ мужемъ, оставшимся въ живыхъ какимъ-то чудомъ послѣ избіенія ненавистнаго рода. Умертвить его, и доставить ее живою! Если это не будетъ исполнено—ты займешь мѣсто невольницы. Придется сдѣлать *ее* верховнымъ судьею надъ вами, если вы не способны ловить измѣнниковъ своей царицы и судить ихъ. Ѳему—посадить въ каменную пещеру подъ дворцомъ, рядомъ съ тою, гдѣ томится невольница. Я придумаю имъ обѣимъ достойную казнь. Ступай и помни, что̀ я тебѣ сказала...

Пала вышла отъ царицы, еле дыша отъ страха. Она не удостоилась сегодня облобызать священную ногу, и это опечалило ее больше всего. Она вѣрила, что въ этотъ день ей ничего уже не удастся. Она зашла въ капище, поверглась ницъ передъ мраморной Томирандой, возносила ей горячія молитвы, воскурила оиміамъ и принесла въ жертву барана. Затѣмъ она подползла на колѣняхъ къ статуѣ, съ вѣрою поцѣловала *холодную* мраморную ногу богини и, получивъ благословеніе *отъ* жрицы Асатры, отправилась въ путь, въ обществѣ пяти амазонокъ.

Скоро онѣ прибыли къ скаламъ и послѣ нѣкоторыхъ поисковъ отыскали пещеру. Долго блуждали онѣ по извилистамъ ходамъ и не могли никакъ найти нужнаго хода. Пала начинала ужь отчаиваться въ успѣхѣ дѣла, какъ вдругъ одна изъ ея спутницъ увидѣла за однимъ изъ камней кусочекъ шнура. Она нагнулась и подняла его, желая знать, гдѣ онъ кончается; она пошла по шнуру изъ воловьей жилы, а за нею пошли остальныя. Вскорѣ таинственное убѣжище было открыто, и Пала первая имѣла удовольствіе видѣть Ѳему въ объятіяхъ своего мужа. Эта картина поразила амазонокъ, которыя совершенно уже отвыкли отъ лицезрѣнія любовныхъ ласкъ, и имъ стало завидно и жутко. Тѣмъ съ бо̀льшею радостью накинулись онѣ на Ѳему. Мужъ ея былъ немедленно вытащенъ изъ пещеры и сброшенъ съ завязанными руками со скалы, а несчастную Ѳему, запатавшуюся при видѣ этой жестокой расправы съ любимымъ человѣкомъ, привязали къ хвосту лошади, на которой ѣхала Пала, и погнали въ столицу.

Пала тотчасъ же явилась во дворецъ, но Меланиппа не допустила ея до царицы, которая теперь отдыхала. Тогда

Пала просила доложить Томирандѣ, что повелѣніе ея исполнено въ точности, а сама пошла и заключила Ѳему въ каменную пещеру, рядомъ съ невольницей. Въ этой пещерѣ было непроницаемо-темно, холодно и сыро, а по угламъ ютились какія-то крылатыя существа, хлопавшія крыльями при малѣйшемъ движеніи узницы.

Пала отправилась въ храмъ вознести горячую благодарственную молитву богоподобной Томирандѣ за благополучное исполненіе даннаго ей повелѣнія.

Темная ночь спустилась на землю, но еще темнѣе было въ душѣ несчастной Ѳемы, снова попавшей въ руки ея исконнаго врага и лишенной теперь всего: любимаго мужа, свободы и надежды на лучшее будущее...

В. Свѣтловъ.

(Окончаніе будетъ).

ПУТЬ КЪ БЕРЛИНСКОМУ ТРАКТАТУ.

VI.

Говоря о всевозможныхъ заботахъ и попеченіяхъ великобританскаго правительства, направленныхъ къ облегченію положенія Порты и поддержанію турецкихъ интересовъ, такъ близкихъ его собственнымъ,—необходимо указать на четыре обстоятельства, заслуживающія вниманія, а именно: 1) произведенное на Грецію давленіе; 2) прибытіе сильной великобританской эскадры; 3) присутствіе англійскихъ офицеровъ какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ театрахъ войны; и 4) посредничество между *воюющими* сторонами.

Предвидя, что даже одно простое выраженіе сочувствія къ *Россіи* со стороны Греціи можетъ создать для Порты значительныя затрудненія, лордъ Дерби поручилъ еще осенью 1876 года. Стюарту,—англійскому представителю въ Аѳинахъ,—выяснить взглядъ на это греческаго правительства. На запросъ Стюарта г. Трикупись отвѣтилъ въ общихъ выраженіяхъ, что Греція не намѣрена въ настоящую пору вступать въ борьбу съ Турціей и по возможности будетъ стараться устранять и предупреждать возстанія и волненія въ пограничныхъ съ нею Ѳессаліи и Эпирѣ.

Позже, а именно 4 сентября, въ отсутствіи посланника, англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Уйндгамъ (Wyndham) передалъ г. Трикупису телеграмму лорда Дерби, въ которой тотъ дѣлалъ намеки на то, что положеніе, принимаемое Греціей, возбуждаетъ въ Константинополѣ,—по словамъ великобританскаго посла,—сильныя опасенія. Г-ну Уйндгаму поручено было спросить, разрѣшаетъ ли аѳинскій кабинетъ великобританскому правительству передать Портѣ увѣренія въ томъ, что Греція не принимаетъ на себя почина въ дѣйствіяхъ, могущихъ породить волненія въ пограничныхъ съ нею областяхъ Турціи?

На этотъ разъ г. Трикупись, въ своемъ отвѣтѣ, хотя и повторяетъ сказанное имъ предварительно г. Стюарту, но тѣмъ не менѣе выдѣляетъ изъ этого вопросъ объ эллинизмѣ. Вотъ подлинныя слова греческаго министра иностранныхъ дѣлъ:

«Я, дѣйствительно, говорилъ г. Стюарту, что Греція въ настоящее время не предполагаетъ объявлять войну Турціи, и повторилъ г. Уйндгаму, что въ этомъ заключается все, чего отъ Греціи вправѣ ожидать Турція, или кто либо дѣйствующій отъ ея имени. Никакое самостоятельное государство не обязано связывать себя на будущее время относительно объявленія войны.

Такого рода объявленіе для независимыхъ государствъ является результатомъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Поэтому греческое правительство въ настоящемъ кризисѣ болѣе, чѣмъ когда либо, нарушило бы свои обязательства относительно самостоятельности страны и интересовъ эллинизма, и такимъ образомъ лишило бы себя свободы дѣйствій, ограничивая ее совершенно, или только относительно отдѣльныхъ случаевъ. Порта полагала возможнымъ поставить подобнаго рода требованія во время учрежденія королевства. Но на это домогательство отвѣтили краткимъ и категорическимъ отказомъ, занесеннымъ въ протоколъ конференціи, собравшейся въ Лондонѣ 30-го августа 1832 г. Конечно, Греція не покинетъ того международнаго положенія, которое сорокъ пять лѣтъ тому назадъ она заставила признать за собой».

Относительно же того, что̀ г. Трикуписъ говорилъ ранѣе великобританскому посланнику насчетъ вліянія, которое Греція могла бы до настоящей поры употребить для предупрежденія волненій въ Эпирѣ и Ѳессаліи, то это было сказано просто для свѣдѣнія.

«Эллинское правительство,—пишетъ г. Трикуписъ, — должно было, въ силу своихъ международныхъ обязательствъ, не возбуждать волненій въ областяхъ государства, съ которымъ оно состоитъ въ мирныхъ отношеніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и Порта не имѣла права требовать его содѣйствія для предупрежденія или укрощенія возстанія въ этихъ областяхъ, и греческое правительство не возьметъ на себя подобнаго обязательства. Если справедливо, какъ я сказалъ г. Стюарту, что Греція употребляетъ все свое вліяніе, какое она можетъ имѣть на означенныя области, чтобы помѣшать возстанію, то она дѣйствуетъ въ силу своихъ личныхъ побужденій. Но греческое правительство вовсе не принимало на себя обязательства предъ иностранными державами дѣйствовать въ означенномъ выше смыслѣ. Оно останется на этой почвѣ столько времени, сколько ею будетъ сочтено полезнымъ для интересовъ эллинизма. Выяснивъ такимъ образомъ смыслъ требуемаго отъ насъ заявленія, я не задумался сказать г. Уйндгаму, что онъ можетъ извѣстить лорда Дерби о томъ, что эллинское правительство соблюдаетъ и будетъ соблюдать лежащія на немъ обязанности,—не возбуждать волненій въ пограничныхъ областяхъ. Обязательство относительно этого—само собою подразумѣвалось, будучи взаимно необходимымъ для обоихъ государствъ, находящихся въ мирѣ, и Греція, признавая ихъ, конечно, не могла помышлять объ ихъ нарушеніи» [1]).

Что касается вопроса о вооруженіи Греціи, поставленнаго Уйндгамомъ, то греческій министръ опять таки сослался на тотъ же протоколъ 1832 г., въ который внесенъ былъ отказъ представителей Россіи, Франціи и Великобританіи—принять во вниманіе требованіе Порты относительно ограниченія греческихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ до предѣла, необходимаго для полиціи и общественнаго порядка.

Объяснительное сообщеніе греческаго правительства не было доведено сенъ-джемскимъ кабинетомъ до свѣдѣнія Порты, изъ опасенія, что тамъ его не найдутъ удовлетворительнымъ. На запросъ же, сдѣланный лордомъ Дерби,—не согласится ли кабинетъ, въ удостовѣреніе своихъ миролюбивыхъ намѣреній, отказаться отъ выраженныхъ имъ соображеній, г. Трикуписъ не пожелалъ что либо прибавить или убавить: «требовать болѣе,—пишетъ онъ 11 сентября,—было бы равносильнымъ навязать Греціи обязанность турецкой жандармеріи по отношенію къ греческому населенію Турціи. Этимъ въ достаточной степени объясняется, что на такой почвѣ Великобританія не можетъ надѣяться найти насъ готовыми къ удовлетворенію желаній Порты».

[1]) Négociations etc., стр. 243.

Въ той же самой депешѣ, какъ и въ предшествовавшей ей и помѣченной 4 сентября, г. Трикупись всю вину за положеніе, въ которомъ находится въ настоящее время Турція, возлагаетъ на саму же Порту и снова указываетъ на эллинизмъ:

«Въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ, а никакъ не въ дѣйствіяхъ Греціи, Порта должна отыскивать средства къ устраненію опасностей, вызываемыхъ ея положеніемъ относительно греческаго элемента Турціи. Добросовѣстное изученіе причинъ настоящаго положенія указало бы ей, что единственно отъ нея зависитъ принести дѣйствительное облегченіе тому недугу, отвѣтственность за который несправедливо взваливаютъ на другихъ. Что же касается отношеній Греціи къ своимъ братьямъ въ Турціи, то она тщательно старается не нарушить международныхъ обязательствъ относительно Турціи; въ остальныхъ же случаяхъ она имѣетъ въ виду лишь одни интересы эллинизма. Эти интересы имѣлись въ виду, когда было создано независимое государство, и Грецiя слишкомъ хорошо сознаётъ ту роль, которую она призвана волею европейскихъ державъ сыграть на востокѣ, чтобы отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей и обязательствъ, налагаемыхъ на нее означенною ролью. Возможность кризисовъ, подобныхъ тому, который переживаетъ нынѣ востокъ, не ускользнула отъ предусмотрительности государственныхъ людей и дипломатовъ, призванныхъ въ 1832 году дать на конференціи отвѣтъ на требованія Порты, въ которыхъ она старалась уже тогда связать по рукамъ и ногамъ Грецію. Конечно, не въ ту минуту, когда начинаетъ осуществляться предусмотрѣнное, станетъ Грецiя уклоняться съ пути своихъ обязательствъ, предначертанныхъ на лондонской конференціи 1832 г.».

Но Порта не угомонилась. Ея посолъ въ Лондонѣ, *Мусурусъ-паша*, передалъ 30-го августа лорду Дерби телеграмму *отъ имени* своего правительства, въ которой Порта заявляла, что факты не соотвѣтствуютъ миролюбивымъ завѣреніямъ Греціи. Сообщеніе посла заканчивалось словами: «Не есть ли священный долгъ правительства—противиться распространенію зла и стараться пресѣчь его не полумѣрами, а истребленіемъ въ самомъ его корнѣ? Представляя эти соображенія лорду Дерби, вы должны именно настаивать на этой послѣдней точкѣ зрѣнія».

Означенная телеграмма была сообщена г. Уйндгамомъ греческому правительству. Не есть ли уже это угроза по отношенію къ Греціи?

Но здѣсь министръ небольшаго и слабаго государства даетъ чувствительное наставленіе могучей Англіи и беззастѣнчивому руководителю ея иностранной политики. Въ нотѣ отъ 22-го сентября г. Трикупись сначала опровергаетъ жалобы Турціи относительно образованія шаекъ повстанцевъ, находящихъ себѣ убѣжище въ Греціи, а также относительно греческой печати и вербовки добровольцевъ въ Турціи. Упомянувъ затѣмъ о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ на него сообщеніемъ турецкихъ нареканій, министръ иностранныхъ дѣлъ продолжаетъ:

«Вотъ къ какимъ уловкамъ прибѣгаетъ Порта, чтобы подготовить почву для замысла нападенія на Грецію. Священный долгъ греческаго правительства — говоритъ Порта — заключается въ томъ, чтобы радикально уничтожить зло, и оно обращаетъ особое вниманіе англійскаго министра на эту плохо скрытую угрозу. Въ самомъ дѣлѣ, угроза эта существенна и такого характера, что должна возбудить заботу всѣхъ, кого только интересуетъ судьба Греціи и кто несетъ отвѣтственность за ея безопасность, тѣмъ болѣе, что держава, поручившаяся за независимость Греціи, вмѣсто того чтобы подобающимъ образомъ осудить подобныя слова, принимаетъ на себя трудъ сообщать ихъ намъ. Это обстоятельство для Греціи является

БИБЛІОТЕКА

указаніемъ на то, что лишь въ своихъ собственныхъ силахъ должна она искать опоры для своихъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрен[illegible] не пренебрегать пути, который она намѣтила себѣ. Уважая права другихъ, Греція должна довершить развитіе силъ страны, чтобы имѣть возможность требовать и отъ другихъ уваженія къ своимъ правамъ».

Этотъ замѣчательный отвѣтъ Трикуписа оканчивается весьма разумною и ловкою просьбою, обращенною къ великобританскому правительству—безотлагательно предъявить Турціи встрѣчное требованіе: о признаніи Портою попранныхъ правъ грековъ въ Турціи, о прекращеніи нарушеній международныхъ обязательствъ Порты относительно Греціи и о немедленномъ удовлетвореніи за оскорбленіе, нанесенное баши-бузуками греческому консулу въ Ларисѣ, на котораго было сдѣлано нападеніе.

«Г. Уйндгамъ, — пишетъ еще Трикупись отъ 28 сентября,—обратилъ мое вниманіе на то, что великобританское правительство взяло на себя починъ сообщенія ему взглядовъ Порты лишь въ интересахъ мира. Я ему на это возразилъ, что греческое правительство не склонно купить миръ попраніемъ своихъ правъ, а также, что эллинскій народъ готовъ на всевозможныя жертвы для огражденія этихъ правъ и исполненія своихъ обязанностей въ настоящемъ кризисѣ. Ни совѣтами уступить предъ угрозами, ни даже самими враждебными дѣйствіями нельзя заставить греческій народъ пребывать въ мирномъ положеніи. Напротивъ того, опасность столкновенія можетъ быть устранена только лишь уваженіемъ правъ эллинизма. То, что подготовлялось въ Θессаліи, Эпирѣ, Македоніи и на островѣ Критѣ, должно было привлечь вниманіе державъ, закрывавшихъ глаза на возбужденное состояніе грековъ, а ужь никакъ не совершенно законныя военныя подготовленія небольшаго государства, чести и правамъ котораго угрожаютъ и которое къ тому же предоставлено въ дѣлѣ защиты своимъ собственнымъ силамъ. Кажется, что въ дѣйствительности Порта сама какъ будто поставила себѣ задачею нарочно накоплять въ греческихъ областяхъ Турціи всѣ поводы къ возстанію, доведя до крайнихъ предѣловъ ихъ терпѣніе и терпѣніе сосѣдней державы... Такое положеніе вещей дѣлаетъ гадательнымъ сохраненіе мира».

Достоинство и сдержанность греческаго правительства въ послѣднемъ восточномъ кризисѣ, не смотря на весьма понятное стремленіе Греціи прійти на помощь страдающимъ братьямъ,—подданнымъ Турціи,—заслуживаетъ полнаго уваженія, особенно, если принять въ разсчетъ ея историческое соперничество съ единовѣрнымъ населеніемъ сѣверной части балканскаго полуострова. Болгары и греки съ давнихъ уже поръ не скрываютъ своихъ притязаній на обладаніе Македоніею и Θракіей, а, можетъ быть, имѣютъ и болѣе обширныя вожделѣнія.

Еще въ болѣе затруднительное положеніе ставила Грецію слѣдующая дилемма: помочь посильно Россіи въ созданіи сильной Болгаріи—значитъ нанести ущербъ интересамъ эллинизма; если же ограничиться ролью пассивной зрительницы, то въ такомъ случаѣ неминуемымъ слѣдствіемъ будетъ ослабленіе того же эллинизма. Помимо этого, греки не могли не опасаться сильнаго турецкаго флота, находившагося въ то время въ недалекомъ разстояніи отъ греческихъ береговъ, подъ начальствомъ англичанина-турка Гобартапаши. Такое воздержаніе Греціи отъ активнаго участія въ войнѣ великобританское консервативное министерство, конечно, поставило себѣ въ заслугу въ глазахъ Турціи.

Вторымъ обстоятельствомъ, на которое мы указывали выше. было

внезапное появленіе въ Безикской бухтѣ англійской эскадры, состоящей изъ семи броненосцевъ. Послѣ шестимѣсячной стоянки близь Пирея, англійское адмиралтейство послало адмиралу приказаніе приблизиться съ эскадрой къ Константинополю и снова бросить якорь въ Безикской бухтѣ. Эта мѣра была принята, вѣроятно, по совѣту или требованію великобританскаго посла при Портѣ, г. Лэйарда, потому что она совпадаетъ съ полученіемъ въ Лондонѣ потребованныхъ отъ него соображеній и взглядовъ относительно тогдашняго положенія дѣлъ. Остановка эскадры почти у самаго входа въ Дарданельскій проливъ была если не угрозой, то, во всякомъ случаѣ, своего рода фактическимъ давленіемъ, сдѣланнымъ Великобританіей въ видѣ предостереженія. Но кого же желала предостеречь Англія? Здѣсь не можетъ быть двусмысленнаго отвѣта, хотя англійскіе министры и давали объясненія весьма темныя — на запросы, дѣлаемые имъ въ обѣихъ палатахъ парламента, въ началѣ іюля 1877 г., по поводу передвиженія эскадры изъ Пирея въ Безикскую бухту. Не менѣе утѣшительнымъ признакомъ искренняго сочувствія Великобританіи къ Портѣ было несомнѣнно присутствіе въ рядахъ турецкихъ войскъ, какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій, цѣлой массы англійскихъ офицеровъ, не говоря уже о начальникѣ всего турецкаго флота Гобартѣ-пашѣ, чистокровномъ сынѣ Альбіона, вычеркнутомъ *pro forma* изъ списковъ могучаго «Royal Navy». Но самое любопытное доказательство своей заботливости о Турціи дали графъ Дерби и г. Лейярдъ въ эпизодѣ, касающемся попытки посредничества, предложеннаго во время осады Плевны. Дня за два до первой неудавшейся аттаки плевненскихъ укрѣпленій, а именно 16/28 іюня 1877 г., лордъ Дерби пишетъ г. Лэйярду:

«Правительство ея величества разрѣшаетъ вамъ освѣдомиться у султана, на какихъ условіяхъ возможенъ миръ. Если его величество расположенъ открыть переговоры, то вы можете дать ему увѣреніе, что онъ можетъ разсчитывать на добрыя услуги правительства ея британскаго величества для достиженія возможно лучшихъ условій мира при настоящихъ обстоятельствахъ, но великобританское правительство не расположено само принять на себя починъ предложенія какихъ либо условій».

Спустя два дня послѣ неудачи русскихъ войскъ подъ Плевной, посолъ отвѣчаетъ:

«Я, кажется, могу вамъ сказать, не безъ нѣкоторой увѣренности, что его величество, при настоящихъ обстоятельствахъ, не можетъ ни предложить, ни выслушать какія либо мирныя условія, хотя я имѣю поводъ думать, что его величество, лично, съ нетерпѣніемъ желаетъ спасти государство отъ ужасовъ войны:—его министры и другія вліятельныя лица до того ободрены послѣдними успѣхами турецкаго оружія подъ Плевною, Эски-Загрой и въ Азіи, что надѣются окончательно отбросить непріятеля и вытѣснить русскихъ изъ Румыніи, какъ то случилось въ Арменіи».

Вскорѣ послѣ паденія Плевны и Карса, разбитая на голову Турція обращается 12 декабря 1877 года къ Европѣ съ просьбою о помощи. Въ циркулярѣ Порты отъ означеннаго числа читаемъ:

«Мы полагаемъ, что настала пора, когда обѣ стороны могутъ согласиться на миръ, не умаляя своего достоинства, и когда Европа можетъ съ пользою предложить добрыя услуги для посредничества. Что касается императорскаго турецкаго правительства, то оно готово просить о томъ не потому, что страна считаетъ всѣ средства къ борьбѣ — исчерпанными (нѣтъ

такихъ жертвъ, которыхъ не принесла бы она для сохраненія цѣлости и независимости отечества!) но на обязанности императорскаго правительства лежитъ остановить по возможности дальнѣйшее великое кровопролитіе. Лишь во имя человѣколюбія, взываемъ мы къ чувству справедливости великихъ державъ и надѣемся, что онѣ соблаговолятъ благосклонно принять нашу просьбу».

На самомъ дѣлѣ средства Турціи были совершенно истощены и уничтожены: уцѣлѣла только военная честь и доблесть свято исполненнаго долга предъ отечествомъ.

Императоръ германскій Вильгельмъ I, съ своей стороны, немедленно отклонилъ просьбу султана о посредничествѣ. Послѣдствіемъ этого была невозможность совокупнаго вмѣшательства державъ, на что именно и указывалось въ турецкомъ циркулярѣ отъ 12 декабря. Тогда Порта прибѣгла къ единичному посредничеству Великобританіи и 24 декабря 1877 г. отправила къ своему послу въ Лондонѣ депешу, въ которой весьма ясно указываетъ то покровительство, на которое она считала себя вправѣ разсчитывать со стороны Великобританіи.

«Десять дней назадъ, Блистательная Порта обратилась къ великимъ державамъ, подписавшимъ парижскій трактатъ, съ выраженіемъ желанія о возстановленіи мира. Этотъ шагъ, составляющій предметъ циркулярной депеши отъ 12 декабря, хотя и встрѣтилъ въ принципѣ сочувственный отзывъ въ Европѣ, однако не достигъ результата, котораго мы считали себя вправѣ ожидать отъ него. При такихъ обстоятельствахъ, и въ силу причинъ, выясненныхъ въ депешѣ отъ 12 декабря,—причинъ еще и нынѣ не утратившихъ своего значенія,—его императорское величество султанъ,—движимый желаніемъ положить предѣлъ войнѣ, столь тяжкой для воюющихъ сторонъ и прекратить дальнѣйшее кровопролитіе,—рѣшилъ обратиться къ правительству ея британскаго величества, всегда оказывавшей свою благосклонную заботливость относительно независимости и неприкосновенности имперіи—основнаго начала нашего политическаго существованія. Поэтому предлагаю вамъ, г. посолъ, по приказанію нашего августѣйшаго повелителя, просить отъ имени Блистательной Порты о посредничествѣ правительства ея британскаго величества, въ чемъ, какъ мы убѣждены, намъ не будетъ отказано нашимъ старымъ и вѣрнымъ другомъ».

Здѣсь Порта проситъ Англію (24 декабря) болѣе чѣмъ о добрыхъ услугахъ: она ожидаетъ отъ нея *посредничества*. Но лорду Дерби было давно извѣстно заявленіе, сдѣланное императоромъ Александромъ II, еще въ концѣ іюня 1877 г., г. Уэльслею (Wellsley),—великобританскому военному агенту при главной квартирѣ императора,—который сообщилъ это заявленіе англійскому министру 7-го августа (какъ значится въ парламентской Синей книгѣ, № 9—1878 г., приложеніе къ № 3, стран. 2). Забылъ ли лордъ Дерби въ декабрѣ о сообщеніи г. Уэльслея—не знаемъ, а если онъ и забылъ о немъ, то во всякомъ случаѣ несообразнымъ и страннымъ кажется то обстоятельство, что лордъ Дерби принялъ на себя починъ посредничества, послѣ того какъ Европа уклонилась отъ совокупнаго давленія, единогласно признаннаго неудобнымъ на константинопольской конференціи, и такимъ образомъ предоставила Россіи дѣйствовать единолично. Все это тѣмъ болѣе странно, что германскій императоръ только что преподалъ ему прекрасный примѣръ воздержанія. Весьма естественно, что императоръ Александръ II, предоставленный самому себѣ, имѣлъ полное и безусловное право вести переговоры о мирѣ непосредственно съ побѣжденнымъ непріяте-

лемъ; но англійской беззастѣнчивости не было предѣла. Франція, какъ и Германія, отклонила посредничество, по крайней мѣрѣ, офиціально, прибавивъ однако, что не откажется отъ нравственой поддержки, въ смыслѣ смягченія взаимнаго раздраженія сторонъ.

Первая попытка англійскаго посредничества была сдѣлана уже 27 сентября 1877 г. Лорду А. Лофтусу поручено было освѣдомиться у русскаго правительства, приметъ ли императоръ Александръ предложеніе о мирѣ. Черезъ день англійскій посолъ въ С.-Петербургѣ сообщаетъ своему правительству категорическій отвѣтъ государственнаго канцлера—князя А. М. Горчакова.

«Князь Горчаковъ,—пишетъ посолъ,—принялъ это сообщеніе вѣжливо и дружелюбно и поручилъ мнѣ отвѣтить на вопросъ, поставленный правительствомъ ея величества, что Россія ничего болѣе не желаетъ, какъ достигнуть мира; но что для этого Порта должна сама обратиться къ главнокомандующимъ императорскими военными силами въ Европѣ и Азіи. Эти главнокомандующіе и укажутъ условія, на которыхъ можетъ состояться перемиріе» [1]).

Тогда графъ Дерби дѣлаетъ вторую попытку. 4 января 1878 г., отъ имени лорда Дерби, сообщается князю Горчакову, что, по *его* мнѣнію, «условія перемирія, касающагося военныхъ силъ въ Европѣ и Азіи, а равно относящіяся къ Сербіи и Черногоріи, *очевидно* должны быть обсуждаемы между обоими враждующими правительствами, а не между ихъ главнокомандующими. Правительство *ея* величества,—прибавлялось при этомъ,—обращаетъ вниманіе князя Горчакова на такое измѣненіе его взгляда».

«Князь Горчаковъ,—сообщаетъ на слѣдующій же день въ Лондонъ лордъ Лофтусъ,—возразилъ, что онъ подтверждаетъ данный мнѣ первый отвѣтъ, а именно: Порта должна обратиться чрезъ посредство какого либо знатнаго и довѣреннаго лица прямо къ главнокомандующимъ въ Европѣ и Азіи. Онъ мнѣ сказалъ, что такой пріемъ необходимъ не только для перемирія, но и для мира. Главнокомандующіе снабжены предписаніями относительно условій, на которыхъ перемиріе можетъ быть установлено» [2]).

На основаніи разрѣшенія, должно быть, полученнаго изъ Лондона, турецкій военный министръ обратился къ великому князю Николаю Николаевичу, который прислалъ ему 10 января слѣдующій отвѣтъ: «Переговоры могутъ имѣть мѣсто только непосредственно со мною. Не можетъ быть и рѣчи въ настоящую пору о перемиріи безъ мирныхъ основъ».

Видя окончательную невозможность сопротивляться и оттягивать время, лордъ Дерби, 12 января 1878 г., разрѣшаетъ Портѣ покориться необходимости и уступить требованію вести одновременно переговоры о перемиріи и объ условіяхъ мира. Такимъ образомъ, лордъ Дерби дотянулъ дѣло до послѣдней крайности въ угоду алчнымъ британскимъ интересамъ, которые онъ отстаивалъ шагъ за шагомъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и упорствомъ, но при условіяхъ далеко не столь благопріятныхъ для Великобританіи, какъ то было во время предыдущаго восточнаго кризиса, разра-

[1]) Négociations etc, стр. 251.

[2]) Négociations etc, стр. 251—252.

зившагося крымскою войною. Въ ту пору Англія нашла себѣ готоваго союзника въ лицѣ Наполеона III, нуждавшагося въ ней для достиженія совершенно иныхъ цѣлей, а именно — для упроченія своей собственной, еще шаткой власти во Франціи и для окончательнаго возстановленія династіи Бонапартовъ. Ему нужна была война въ то время для поднятія своего обаянія; съ кѣмъ воевать— это было для него вопросомъ второстепеннымъ. Война же именно съ Россіей не доказывала особенной дальновидности французскаго правительства того времени, ибо въ концѣ концовъ Франція сама же лишилась возможности, при сведеніи счетовъ, разсчитывать на помощь русскихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ для отпора и противовѣса всѣмъ надоѣвшей великобританской морской гегемоніи. Уничтоженіе русскаго флота въ Черномъ морѣ и стѣснительныя постановленія парижскаго трактата касательно его возстановленія—повредили самой же Франціи, а выгоды пошли за ея счетъ въ пользу Англіи и англійскихъ интересовъ.

Но въ данную минуту для Англіи найти такихъ союзниковъ было очень трудно: опытъ былъ сдѣланъ только четверть вѣка назадъ. Сама же Англія не желала проливать свою драгоцѣнную кровь,—хотя, можетъ быть, и не пожалѣла бы своего золота. Пришлось всякими правдами и неправдами отстаивать свое и, связанное съ нимъ, чужое добро собственными средствами. Всевозможныя преграды были воздвигаемы Англіей до и во время войны; а въ виду окончательнаго сведенія политическаго баланса при заключеніи мира готовились еще бо̀льшія затрудненія.

Въ чемъ именно заключаются великобританскіе интересы,— лордъ Дерби даетъ подробное объясненіе въ депешѣ отъ 6 мая 1877 г. на имя англійскаго посла при русскомъ дворѣ. Въ этой депешѣ онъ указываетъ на условія нейтралитета Англіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Правительство ея величества королевы . . . . . не упустило времени для заявленія о своемъ нейтралитетѣ. Оно, съ перваго же дня, предупредило Порту, что ей нечего разсчитывать на его содѣйствіе, и рѣшила продолжать безпристрастно слѣдовать по заявленному политическому пути, пока дѣло идетъ лишь объ интересахъ Турціи. На случай же, еслибы настоящая война, къ несчастію, приняла болѣе широкіе размѣры,—такъ что могли бы быть затронуты извѣстнаго рода интересы, которые великобританское правительство должно и намѣрено защищать,— ему желательно ясно опредѣлить (насколько это возможно при настоящихъ обстоятельствахъ) какіе интересы оно считаетъ наиболѣе существенными. Прежде всего необходимымъ является оставить открытыми, неприкосновенными и непрерывными пути сообщенія между Европою и востокомъ чрезъ Суэзскій каналъ. Всякая попытка къ блокадѣ или къ какимъ либо другимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ въ каналѣ или доступахъ къ нему будетъ сочтена Великобританіей за угрозу по отношенію къ Индіи и сильнымъ ущербомъ для всемірной торговли. Малѣйшая мѣра, принятая въ томъ направленіи какой либо изъ враждующихъ сторонъ, сдѣлаетъ невозможнымъ сохраненіе пассивнаго нейтральнаго положенія, хотя англійское правительство и надѣется, что такія мѣры не будутъ приняты ни одною изъ враждующихъ сторонъ. Коммерческіе и финансовые интересы европейскихъ народовъ столь тѣсно связаны съ Египтомъ, что нападеніе на эту страну или ея занятіе, хотя бы и временное, въ стратегическихъ видахъ, не можетъ быть равнодушно допущено нейтральными державами, и ни въ какомъ случаѣ Великобританіей.

«Важное значеніе Константинополя, съ точки зрѣнія какъ военной, такъ и политической, и торговой, слишкомъ общепризнанно. Поэтому нѣтъ надобности

ности указывать, что правительство ея величества не будетъ равнодушно смотрѣть на переходъ въ другія руки столицы, находящейся въ такой важной мѣстности. Условія, существующія въ настоящее время, принятыя и санкціонированныя Европою, которыми опредѣляется судоходство по Босфору и Дарданелламъ, кажутся правительству королевы разумными и полезными и, по его мнѣнію, введеніе въ нихъ малѣйшаго измѣненія сопряжено съ весьма важными неудобствами.

«Правительство сочло не безполезнымъ выразить вамъ откровенно свои взгляды. Ходъ событій можетъ еще указать и на другіе интересы, которые должны быть охраняемы, какъ напримѣръ, относительно Персидскаго залива. Но оно не сомнѣвается, что этихъ указаній достаточно, чтобы вашему превосходительству было извѣстно, въ какихъ предѣлахъ война должна быть замкнута, или, по крайней мѣрѣ, при какихъ условіяхъ правительство намѣрено сохранить политику воздержанія и нейтралитета. Оно питаетъ надежду, что русскій императоръ принимаетъ во вниманіе желаніе видѣть его политику хорошо понятою и согласуетъ ее съ увѣреніями, данными въ Ливадіи, какъ они были обнародованы по просьбѣ вашего превосходительства. Увѣренія эти подтверждены честнымъ словомъ императора, что онъ не имѣетъ намѣренія овладѣть Константинополемъ и, если въ силу требованій войны, и явится необходимость занять часть Болгаріи, то занятіе это будетъ лишь временнымъ и продолжится только до той поры, пока миръ и спокойствіе христіанскихъ населеній не будутъ упрочены.

«Великобританское правительство не можетъ дать лучшаго доказательства своего довѣрія къ заявленіямъ его императорскаго величества, какъ прося ваше превосходительство передать его величеству императору и его правительству откровенное объясненіе, которое я имѣлъ честь вамъ изложить».

Въ сущности все это не ново. Указаніе на честное слово, данное императоромъ Александромъ II въ Ливадіи—по меньшей мѣрѣ, излишне. Значеніе этого слова до того вѣско, что лорду Дерби весьма легко можно было воздержаться отъ указанія на него, когда онъ велъ рѣчь о Болгаріи и Константинополѣ. Съ какою, однако, беззастѣнчивостью англійскій министръ отрекается отъ солидарности и общности великобританскихъ интересовъ съ турецкими! Указаніе на Суэзскій каналъ вызываетъ просто улыбку и, вѣроятно, оно было предназначено для назиданія обѣихъ палатъ парламента. Блокада Порта-Саида и занятіе Каира? Какъ же былъ великъ страхъ за Индію, если онъ довелъ англійское воображеніе до такихъ предѣловъ... Недурной образчикъ дальновидности представляетъ и заботливость о Персидскомъ заливѣ. Понятнымъ оставался одинъ только вопросъ о проливахъ, но и тутъ были замѣшаны интересы столько же великобританскіе, сколько и общеевропейскіе, включая и русскіе.

Нашъ государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, съ достоинствомъ и ясностью, но и не безъ ироніи, отвѣтилъ 30 мая 1877 г. на сообщеніе, сдѣланное великобританскимъ правительствомъ [1]):

«Императорскій кабинетъ, — пишетъ канцлеръ, — не имѣетъ намѣренія ни блокировать Суэзскій каналъ, ни ставить преграды судоходству по нему, или угрожать ему какимъ либо образомъ. Императорское правительство смотритъ на каналъ, какъ на международное сооруженіе, въ которомъ заинтересована торговля всего міра и которое должно быть ограждено отъ всякаго нападенія. Египетъ есть составная часть оттоманской имперіи; египетскіе солдаты находятся въ рядахъ турецкой арміи. Россія, слѣдовательно, вправѣ считать себя въ открытой войнѣ съ Египтомъ. Однако, императорское правительство не теряетъ изъ виду ни европейскихъ интересовъ,

[1]) Négociations etc, стр. 269—270.

связанныхъ съ Египтомъ, ни, въ частности,—англійскихъ. Египетъ не входитъ въ кругъ военныхъ дѣйствій.

«Относительно же Константинополя, императорскій кабинетъ хотя нынѣ и не можетъ предрѣшать хода событій и исхода войны, тѣмъ не менѣе повторяетъ завѣреніе, что завладѣніе этою столицею не входитъ въ разсчеты его величества государя императора, чтò бы ни произошло. Правительство его величества признаётъ, что будущность Константинополя представляетъ собой вопросъ общаго интереса, разрѣшимый только лишь съ общаго согласія. Невозможно допустить, чтобы этотъ городъ сдѣлался принадлежностью той или другой изъ европейскихъ великихъ державъ, въ случаѣ, если будетъ поднятъ вопросъ объ обладаніи имъ. Что же касается проливовъ, то хотя оба ихъ берега и принадлежатъ одной и той же державѣ, но такъ какъ они соединяютъ два большихъ моря, которыми связаны интересы всего міра, то весьма важно, для общаго спокойствія и международнаго равновѣсія, чтобы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ посредствомъ общаго соглашенія, на твердыхъ началахъ справедливости.

«Лордъ Дерби намекнулъ и на другіе англійскіе интересы, могущіе быть затронутыми случайнымъ расширеніемъ войны, какъ-то: Персидскій заливъ и путь къ Индіи. Императорскій кабинетъ заявляетъ, что война не выдетъ изъ предѣловъ, необходимыхъ для достиженія ясно опредѣленной цѣли, побудившей императора взяться за оружіе; онъ будетъ принимать во вниманіе указанные лордомъ Дерби великобританскіе интересы, пока Англія сохранитъ нейтралитетъ.

«Императорскій кабинетъ вправѣ ожидать, что великобританское правительство, со своей стороны, приметъ съ должнымъ вниманіемъ спеціальные интересы Россіи, связанные съ настоящею войною и для которыхъ она приняла на себя столь тяжкія жертвы. Эти интересы заключаются въ безусловной необходимости положить предѣлъ печальному положенію христіанскихъ населеній, подвластныхъ Турціи, а также и хроническимъ волненіямъ, составляющимъ главную причину этого положенія. Такой ходъ дѣлъ и обусловливаемыя имъ насильственныя мѣры вызываютъ въ Россіи броженіе, возбуждаемое глубоко укоренившимся въ русскомъ народѣ религіознымъ чувствомъ, а также племенными и единовѣрными узами, связывающими его съ большинствомъ христіанскаго населенія Турціи. Императорское правительство тѣмъ болѣе должно принимать во вниманіе означенное броженіе, что оно отзывается на внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи Россіи.

«При каждомъ новомъ кризисѣ подозрѣніе падаетъ на Россію, и обвиняютъ ея политику; а отъ этого страдаетъ ея внутреннее состояніе: торговля, финансы. Его величество государь императоръ не можетъ допустить, чтобы Россія вѣчно подвергалась тѣмъ разорительнымъ приключеніямъ, которыя являются препятствіями для ея мирнаго развитія, причиняя ей неисчислимый вредъ. Для устраненія этого, его императорское величество и рѣшилъ возложить на страну бремя войны. Цѣль не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока христіанскія населенія Турціи не будутъ поставлены въ такое положеніе, что ихъ жизнь и безопасность будутъ достаточно ограждены отъ невыносимыхъ злоупотребленій турецкой администраціи. Этотъ существенный русскій интересъ не противорѣчитъ никакому интересу Европы, которая сама страдаетъ отъ неустройства дѣлъ на востокѣ. Императорскій кабинетъ пытался достигнуть желаемой цѣли чрезъ содѣйствіе дружественныхъ и союзныхъ державъ. Вынужденный нынѣ преслѣдовать ее единолично, нашъ августѣйшій монархъ рѣшился не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ цѣли и не получитъ вѣрныхъ ручательствъ на будущее время».

Мы немного вернулись назадъ, указывая на эти, въ высшей степени интересные, документы; мы полагали, что умѣстно будетъ выяснить, въ чемъ именно заключаются «великобританскіе интересы» и гдѣ ихъ предѣлы. Мы сопоставили ихъ также съ русскими—для сравненія. Конечно, англофилы могутъ возразить, что для Великобританіи означенные интересы—вопросъ весьма важный; но неужели же должны быть принесены въ жертву имъ не только благосостояніе, но и самое существованіе многочисленнаго христіан-

ского населенія Балканскаго полуострова? Такого рода требованіе врядъ ли найдетъ многихъ сторонниковъ внѣ предѣловъ Соединеннаго королевства.

19 февраля (3 марта) былъ подписанъ въ Санъ-Стефано договоръ графомъ Н. П. Игнатьевымъ и г. Нелидовымъ со стороны Россіи, Савфетомъ-пашею и Саддула-беемъ—со стороны Порты; этимъ актомъ прекратилась война между Россіей и Турціей какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ материкѣ.

Нельзя не привести здѣсь дословнаго текста договора [1]). Онъ наглядно и вѣрно выражаетъ, о комъ именно болѣе всего заботилась и пеклась Россія и каковы были ея стремленія и справедливыя домогательства. Это даетъ возможность читателю провести параллель между нимъ и берлинскимъ трактатомъ.

VII.

Чтобы пролить болѣе свѣта на роль Великобританіи въ ея вѣковой политической тяжбѣ съ Россіей,—тяжбѣ, которая должна была временно пріостановиться на берлинскомъ конгрессѣ, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на циркуляръ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ—маркиза Салисбюри—къ великобританскимъ посламъ при державахъ, отъ 1 апрѣля 1878 г. [2]).

«По приказанію королевы, поручаю вашему превосходительству *объяснить* правительству, при которомъ вы аккредитованы, тѣ пріемы, которыми правительство ея величества сочло нужнымъ руководиться относительно предварительныхъ мирныхъ условій (прелиминарій), заключенныхъ между россійскимъ и оттоманскимъ правительствами, равно какъ и относительно предлагаемаго созванія конгресса для разсмотрѣнія этого договора.

«14 января, въ виду дошедшихъ до правительства ея величества донесеній о мирныхъ переговорахъ, имѣющихъ открыться между россійскимъ правительствомъ и Портою, и для устраненія какого либо недоразумѣнія, правительство ея величества поручило лорду А. Лофтусу передать князю Горчакову, что, по мнѣнію правительства ея величества, всякій договоръ, заключенный между Россіею и Портою, отмѣняющій постановленія 1856 и 1871 г., долженъ быть договоромъ общеевропейскимъ и не будетъ признанъ дѣйствительнымъ безъ согласія державъ, подписавшихъ означенныя постановленія. 25 января, россійское правительство отвѣтило увѣреніемъ, что оно не имѣетъ намѣренія единолично разрѣшать европейскіе вопросы, которые могутъ быть затронуты при заключеніи мира съ Турціей.

«Правительство ея величества, узнавъ, что основы мира были установлены въ Казанлыкѣ между россійскими и турецкими делегатами, поручило лорду А. Лофтусу, 29 января, заявить россійскому правительству, что, хотя оно и признаетъ всякаго рода конвенціи,—выработанныя означенными делегатами въ Казанлыкѣ для заключенія перемирія и установленія мирныхъ основъ,—обязательными для обѣихъ воюющихъ державъ, тѣмъ не менѣе оно заявляетъ, что если сказанныя конвенціи измѣняютъ свойства европейскихъ трактатовъ и могутъ нанести ущербъ какъ общеевропейскимъ, такъ и британскимъ интересамъ,—то ему не будетъ возможно признать ихъ дѣйствительными, если онѣ не сдѣлаются предметомъ формальнаго соглашенія со стороны державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ 1856 г.

«30 января, лордъ Лофтусъ сообщилъ сказанное заявленіе князю Горчакову, и его свѣтлость возразилъ, что для заключенія перемирія необходимо установить и нѣкоторыя мирныя основы, но что таковыя должны быть при-

[1]) С. Стефанскій договоръ см. въ приложеніи къ VI-й главѣ.

[2]) «Русскій дипломатическій ежегодникъ» за 1878 г., стр. 233-я.

няты лишь какъ предварительныя, а не окончательныя. При этомъ онъ категорически объявилъ, что вопросы, относящіеся до европейскихъ интересовъ, будутъ обсуждаться между европейскими державами и что по поводу этого онъ уже далъ правительству королевы ясныя и положительныя увѣренія.

«4 февраля, австрійскій посолъ сообщилъ намъ телеграмму, приглашавшую правительство ея величества на конференцію въ Вѣнѣ, и правительство ея величества немедленно приняло это приглашеніе. 5 февраля, его превосходительство обратился къ лорду Дерби съ офиціальнымъ приглашеніемъ, въ которомъ было сказано: Австро-Венгрія, въ качествѣ державы, подписавшей международные акты, которые имѣли предметомъ установить политическую систему востока, въ продолженіе всей войны, все время старалась сохранить за собой право на извѣстную долю вліянія при окончательномъ постановленіи условій будущаго мира. Императорское россійское правительство, которому былъ сообщенъ этотъ взглядъ, вполнѣ его одобрило.

«Нынѣ, когда предварительныя условія только что подписаны между Россіей и Портой, намъ кажется, настало время для соглашенія Европы относительно тѣхъ измѣненій, которыя понадобилось бы внести въ названные трактаты. Самымъ подходящимъ способомъ для установленія подобнаго соглашенія, по нашему мнѣнію, будетъ созывъ конференціи державъ, подписавшихъ парижскій договоръ 1856 г. и лондонскій протоколъ 1871 г.

«9 марта, австрійское правительство, вмѣсто конференціи, которую предполагалось собрать въ Баденъ-Баденѣ, предложило собрать конгрессъ въ Берлинѣ. Правительство ея величества отвѣтило, что оно не имѣетъ возраженій противъ подобнаго измѣненія, но, по его мнѣнію, было бы желательно прежде всего установить, чтобы всѣ вопросы, заключающіеся въ договорѣ, подписанномъ между Россіей и Портой, были предъявлены обсужденію конгресса, и чтобы никакое измѣненіе въ положеніи вещей, установленномъ до этого договора, не могло быть признано дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ согласіе державъ.

«12 марта, графъ Бейстъ былъ увѣдомленъ, что правительство ея величества должно быть вполнѣ ознакомлено съ тѣми пунктами, которые означены въ его письмѣ отъ 9 марта, прежде чѣмъ окончательно согласиться на участіе въ конгрессѣ. 13 марта, правительство ея величества высказалось съ большей опредѣленностью; оно заявило, что, прежде чѣмъ приступать къ конгрессу, необходимо выяснить, что конгрессу должны быть предъявлены всѣ статьи договора между Россіей и Портою, разумѣется, не для ихъ принятія, а для того чтобы судить, какія статьи могутъ имѣть надобность въ принятіи для различныхъ державъ и какія нѣтъ.

«14 числа, россійскій посолъ сообщилъ слѣдующую телеграмму князя Горчакова: «Всѣ великія державы знаютъ уже, что полный текстъ предварительнаго мирнаго договора съ Портою имъ будетъ сообщенъ, какъ только ратификаціи будутъ обмѣнены; одновременно онъ будетъ и обнародованъ. Намъ нечего скрывать».

«17 числа, лордъ Лофтусъ увѣдомляетъ, что получилъ отъ князя Горчакова нижеслѣдующій меморандумъ: «Въ отвѣтъ на сдѣланное лордомъ А. Лофтусомъ сообщеніе депеши, которою лордъ Дерби отвѣтилъ на предложеніе графа Бейста относительно созыва конгресса въ Берлинѣ, имѣю честь повторить увѣреніе, которое уже поручено было графу Шувалову дать великобританскому правительству, а именно, что предварительный мирный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, будетъ дословно сообщенъ великимъ державамъ до сбора конгресса и что на самомъ конгрессѣ каждая держава будетъ пользоваться полною свободою дѣйствій и взглядовъ».

«Въ депешѣ, полученной 18 числа, лордъ А. Лофтусъ увѣдомляетъ, что, по словамъ князя Горчакова, ему возможно будетъ принять участіе въ обсужденіи лишь тѣхъ частей договора, которыя соприкосновенны съ европейскими интересами. Лордъ Дерби освѣдомился у графа Шувалова объ отвѣтѣ князя Горчакова. Россійскій посолъ отвѣтилъ ему 19 числа, что ему поручено довести до свѣдѣнія правительства королевы, что договоръ, заключенный между Россіей и Турціей (этотъ договоръ—одинъ, такъ какъ

никакихъ другихъ тайныхъ соглашеній между Россіей и Турціей не существуетъ) будетъ сообщенъ правительству королевы цѣликомъ и гораздо ранѣе сбора конгресса, и что правительству королевы, наравнѣ съ правительствами другихъ державъ, предоставляется полная свобода сужденія. Но эту самую свободу, которую Россія не оспариваетъ у другихъ, она требуетъ и для себя; а потому связать себя предварительнымъ обязательствомъ—одной среди всѣхъ остальныхъ державъ—для Россіи равносильно лишенію этой свободы.

«21 числа, лордъ Дерби отвѣтилъ, что правительство ея величества не можетъ отказаться отъ положенія, имъ уже ясно принятаго; а именно необходимо, прежде чѣмъ принять участіе въ конгрессѣ, точно опредѣлить, что каждая статья договора между Россіей и Турціей будетъ представлена конгрессу, не для обязательнаго ея принятія, но для того, чтобы онъ могъ судить, какія статьи подлежатъ принятію или содѣйствію той или другой державы и какія изъ нихъ не нуждаются въ этомъ. Правительство ея величества не можетъ допустить мнѣнія, нынѣ выраженнаго княземъ Горчаковымъ, что, при такомъ предварительномъ соглашеніи, свобода сужденій или дѣйствій Россіи будетъ болѣе стѣснена, чѣмъ таковая же свобода какой либо изъ другихъ державъ. Поэтому правительство ея величества желало бы знать, считаетъ ли возможнымъ россійское правительство признать сообщеніе всего договора державамъ какъ бы сообщеніемъ его конгрессу, для того чтобы весь договоръ въ его связи съ прежними трактатами могъ быть обсуждаемъ конгрессомъ? 26 ч., графъ Шуваловъ пишетъ лорду Дерби, что императорскій россійскій кабинетъ полагаетъ придерживаться заявленія, которое ему поручено было сдѣлать правительству королевы. Это заявленіе изложено въ письмѣ, отправленномъ его превосходительству 19 марта. «Свободу сужденій и дѣйствій», которую Россія *оставляетъ* за собой на конгрессѣ, императорскій кабинетъ понимаетъ въ *слѣдующемъ* смыслѣ: предоставляя другимъ державамъ свободу въ *дѣлѣ возбужденія на* конгрессѣ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые имъ покажутся подлежащими обсужденію, Россія оставляетъ за собой право согласиться или не согласиться на обсужденіе этихъ вопросовъ.

«Правительство ея величества глубоко сожалѣетъ о рѣшеніи, такимъ образомъ выраженномъ россійскимъ правительствомъ.

«До какой степени было бы полезнымъ обсужденіе европейскими державами постановленій Санъ-Стефанскаго договора, этого въ настоящее время рѣшить невозможно. Но даже и въ томъ случаѣ, если наибольшая часть этихъ постановленій не встрѣчаетъ препятствій къ принятію, оговорка о правѣ согласиться или не согласиться на ихъ обсужденіе на конгрессѣ державъ, тѣмъ не менѣе, подвергается вѣскимъ возраженіямъ. Одного бѣглаго взгляда на договоръ достаточно для того, чтобы доказать, что правительству ея величества невозможно согласиться на частичное и разрозненное ознакомленіе конгресса съ его постановленіями. Всякое существенное (material) постановленіе, въ немъ заключающееся, влечетъ за собой уклоненіе отъ трактата 1856 г.

«Въ декларации, приложенной къ первому протоколу лондонской конференціи 1871 года, уполномоченные великихъ державъ, включая и Россію, признали за существенное начало международнаго права, что ни одна держава не можетъ освободиться отъ обязательствъ трактата или измѣнить его постановленія, иначе, какъ съ согласія договаривающихся сторонъ посредствомъ дружелюбнаго соглашенія. Невозможно правительству ея величества, не нарушая смысла означенной декларации, согласиться на то, чтобы державы были лишены возможности ознакомиться со статьями новаго договора, измѣняющими прежнія обязательства и несовмѣстными съ ними. Общее свойство договора и совокупное дѣйствіе его постановленій на интересы державъ представляетъ другой и притомъ убѣдительный доводъ противъ обсужденія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ постановленій помимо остальныхъ.

«Наиболѣе важнымъ послѣдствіемъ договора является практическое значеніе его для населенія юго-восточной Европы. Статьями объ образованіи новой Болгаріи созидается могущественное славянское государство подъ покровительствомъ и контролемъ Россіи, со значительными гаванями

на Черномъ морѣ и въ Архипелагѣ, что даетъ этой странѣ преобладающее вліяніе въ политическомъ и торговомъ отношеніи въ этихъ моряхъ. Оно будетъ учреждено такимъ образомъ, что поглотитъ своимъ славянскимъ большинствомъ значительное число грековъ и сочувствующихъ имъ населеній, смотрящихъ тревожно на такое соединеніе ихъ съ національностью имъ чуждою не только по племени, но и по политическимъ и духовнымъ направленіямъ.

«Постановленія, въ силу которыхъ новое государство должно быть управляемо правительствомъ, въ дѣйствительности избраннымъ Россіею; его администрація, созданная русскимъ комисаромъ, и первыя дѣйствія нововведенныхъ учрежденій подъ контролемъ русскихъ войскъ, достаточно указываютъ, какой политической системы будетъ держаться новое государство въ будущемъ. Къ этому присоединяются постановленія, распространяющія означенное вліяніе даже за предѣлы новой Болгаріи. Эти постановленія, относящіяся до учрежденій, улучшенныхъ въ пользу населеній Ѳессаліи и Эпира, сами по себѣ весьма благопріятныя, ограничиваются условіемъ, что новый законъ, посредствомъ котораго они должны быть утверждены, будетъ составленъ подъ наблюденіемъ русскаго правительства. За симъ слѣдуютъ обязательства относительно покровительства членамъ православной церкви— обязательства, не менѣе, конечно, ограниченныя въ ихъ объемѣ, чѣмъ статьи Кайнарджійскаго договора, на которыхъ были основаны уничтоженныя въ 1856 г. притязанія.

«На подобнаго рода постановленія не могутъ смотрѣть съ удовольствіемъ ни греческое правительство, ни тѣ державы, для которыхъ всѣ части оттоманской имперіи представляютъ предметъ общаго интереса. Эта часть договора будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ усиленіе власти россійской имперіи надъ мѣстностями и побережьемъ, гдѣ преобладаетъ греческое населеніе, не только въ ущербъ этому народу, но и всѣмъ странамъ, интересы которыхъ связаны съ Средиземнымъ моремъ.

«Разъединеніе Константинополя съ греческими, албанскими и славянскими областями, оставшимися подъ властью Порты, имѣетъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ, что ихъ управленіе будетъ сопряжено съ постоянными затрудненіями и помѣхами; оно не только лишитъ Порту политической силы, но подвергнетъ населеніе серьезной опасности анархіи. Къ такимъ же послѣдствіямъ, только по отношенію къ другимъ границамъ оттоманской имперіи, должны привести и прочія постановленія договора. Насильственное отчужденіе Бессарабіи отъ Румыніи, расширеніе Болгаріи до береговъ Чернаго моря, преимущественно заселенныхъ мусульманами и греками, и пріобрѣтеніе значительнаго батумскаго порта установятъ преобладаніе Россіи надъ всѣмъ черноморскимъ побережьемъ.

«Пріобрѣтеніе крѣпостей Арменіи поставитъ населеніе этой области подъ вліяніе той державы, которая ими будетъ обладать, въ то время какъ обширная европейская торговля, направляющаяся теперь черезъ Трапезунтъ въ Персію, будетъ, вслѣдствіе уступки нѣкоторыхъ мѣстностей въ Курдистанѣ, подвержена стѣсненіямъ всякій разъ, какъ это заблагоразсудится Россіи, благодаря запретительнымъ преградамъ ея торговой системы.

«Другое постановленіе относится до вознагражденія, итогъ котораго очевидно превышаетъ то, что Турція въ состояніи выплатить, даже и въ томъ случаѣ, если не будетъ обращено вниманіе на тотъ фактъ, что уже всякій излишекъ доходовъ находится въ залогѣ у другихъ заимодавцевъ. О способѣ расплаты говорится въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: что онъ будетъ установленъ послѣдующимъ соглашеніемъ между Россіей и Турціей. Уплата можетъ быть потребована немедленно, или отсрочена въ видѣ обязательства непогашеннаго и непогасимаго, чтобы связать независимость Порты въ продолженіе многихъ лѣтъ. Уплата можетъ быть замѣнена еще бо́льшею территоріальною уступкою или она можетъ принять видъ спеціальныхъ обязательствъ, подчиняющихъ во всемъ турецкую политику политикѣ Россіи. Нельзя не признать въ означенномъ постановленіи могущественнѣйшаго орудія для принужденія оттоманскаго правительства, еслибы обстоятельства того потребовали...

«Но вопросъ объ отдѣльномъ дѣйствіи постановленій не составляетъ еще предмета серьезнѣйшаго вниманія державъ, подписавшихъ парижскій

трактатъ. Совокупное же ихъ дѣйствіе, какъ уже указано, со всѣми послѣдствіями по отношенію какъ къ греческому населенію, такъ и къ равновѣсію морскаго преобладанія, унизитъ почти до уровня полной подчиненности политическую независимость константинопольскаго правительства. Формальное владычество этого правительства распространяется на географическія мѣстности, составляющія предметъ существеннѣйшихъ великобританскихъ интересовъ. Во власти оттоманскаго правительства—открыть или закрыть проливы, этотъ великій естественный путь между Эгейскимъ и Чернымъ морями.

«Владычество Турціи признаётся у входа въ Персидскій заливъ, на протяженіи всего Левантійскаго побережья и въ непосредственно прилегающихъ къ Суэзскому каналу мѣстностяхъ. У Великобританіи нѣтъ другаго побужденія, какъ ревностная забота о странѣ, властвующей надъ означенными мѣстностями и такъ тѣсно прижатой аванпостами болѣе могущественной державы, что самостоятельность этой страны и даже самое существованіе ея становятся почти невозможными.

«Это—послѣдствія не столько отдѣльно взятыхъ статей договора, сколько всего договора, взятаго во всемъ его объемѣ.

«Ограниченное обсужденіе отдѣльныхъ статей, выбранныхъ какою либо державою на конгрессѣ, было бы призрачнымъ средствомъ противъ опасностей, грозящихъ какъ британскимъ интересамъ, такъ и постоянному спокойствію Европы. Таковы были бы послѣдствія отъ того порядка вещей, который предлагается установить договоромъ.

«Цѣль, преслѣдуемая правительствомъ ея величества на константинопольской конференціи, заключалась въ осуществленіи политики, имѣвшей въ виду преобразовать Турцію при помощи турецкаго правительства, устраняя поводъ въ справедливымъ жалобамъ, и охранить такимъ *образомъ* имперію до той поры, когда будетъ возможно не нуждаться болѣе въ *покровительственномъ* обезпеченіи. Очевидно, что это достижимо лишь при *условіи*, что населенія будутъ настолько довольны своимъ положеніемъ, что въ нихъ возбудится патріотическое чувство и они будутъ готовы защищать оттоманскую имперію, какъ вѣрные подданные султана.

«Но эта политика оказалась несостоятельною, благодаря несчастному сопротивленію самого оттоманскаго правительства и, при измѣнившихся обстоятельствахъ настоящаго времени, тотъ же исходъ не можетъ быть достигнутъ въ тѣхъ же предѣлахъ и тѣми же средствами. Великія измѣненія могутъ быть и, вѣроятно, будутъ введены въ трактатахъ, на основаніи которыхъ управлялся юго-востокъ Европы донынѣ. Но хорошее управленіе, обезпеченный миръ и благодѣянія свободы, до сихъ поръ чуждыя этимъ населеніямъ, останутся постоянною желаемою цѣлью этой страны (Англіи).

«Требуя полнаго пересмотра общихъ интересовъ, которымъ угрожаютъ новыя установленія, правительство ея величества полагаетъ, что этимъ оно принимаетъ самыя вѣрныя мѣры для достиженія цѣли. Правительство охотно приступило бы къ конгрессу, гдѣ всѣ постановленія, о которыхъ идетъ рѣчь, могли бы быть разсмотрѣны, какъ одно совокупное цѣлое, въ ихъ отношеніяхъ къ существующимъ трактатамъ, признаннымъ правамъ Великобританіи и другихъ державъ, и къ тому благодѣтельному исходу, къ осуществленію котораго всегда стремилась общими усиліями Европа. Но ни интересы, поручаемые бдительной охранѣ правительства ея величества, ни благосостояніе странъ, о которыхъ заботится договоръ, не были бы приняты въ соображеніе конгрессомъ, на которомъ обсужденія ограничились бы оговорками въ родѣ тѣхъ, на которыя указываетъ князь Горчаковъ въ послѣднемъ своемъ сообщеніи».

Этотъ документъ окончательно поднимаетъ завѣсу, прикрывавшую великобританскія притязанія, и съ назидательною откровенностью выставляетъ на видъ все то, что̀ Англія считаетъ несовмѣстнымъ съ своими интересами. Онъ вызвалъ немедленный отвѣтъ русскаго правительства, также въ видѣ циркуляра князя Горчакова къ императорскимъ посольствамъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ,

Вѣнѣ и Римѣ, съ приложеніемъ къ нему памятной записки (pro memoria). Циркуляръ помѣченъ 28 марта (9 апрѣля) 1878 г. [1]). о

«Лордъ А. Лофтусъ,—значится въ немъ,—сообщилъ мнѣ циркуляръ, съ которымъ обратился маркизъ Салисбюри къ великимъ державамъ отъ 1 апрѣля сего года. Означенный циркуляръ былъ подверженъ тщательному изученію и мы должны признать за нимъ откровенность въ изложеніи взглядовъ великобританскаго правительства на предварительный Санъ-Стефанскій мирный договоръ. Однако, мы въ этомъ документѣ усматриваемъ только весьма подробныя возраженія сенъ-джемскаго кабинета, тщательно стараясь найти въ немъ какія либо предложенія, которыя онъ былъ бы склоненъ представить для практическаго разрѣшенія настоящаго восточнаго кризиса. Маркизъ Салисбюри говоритъ намъ, чего великобританское правительство не желаетъ, и умалчиваетъ о томъ, чего оно хочетъ. Мы полагали бы полезнымъ, чтобы благородный лордъ соблаговолилъ ознакомить насъ съ этимъ предметомъ для уясненія положенія.

«Что касается изложенія взглядовъ правительства ея британскаго величества относительно конгресса, то я могу лишь напомнить о томъ образѣ дѣйствій, котораго съ своей стороны въ этомъ вопросѣ держался императорскій кабинетъ. Онъ офиціально сообщилъ великимъ державамъ дословный текстъ предварительнаго Санъ-Стефанскаго договора съ объяснительною картою, присовокупляя, что на конгрессѣ каждая изъ державъ, въ немъ представительствуемая, будетъ пользоваться, если понадобится, полною свободою дѣйствія и оцѣнки подъ условіемъ предоставленія подобнаго же права и Россіи. Мы можемъ лишь повторить то же самое заявленіе. Благоволите сообщить настоящую депешу съ ея приложеніемъ правительству, при которомъ вы аккредитованы».

Къ этому циркуляру была приложена нижеслѣдующая «памятная записка» (pro memoria):

«1) Нельзя утверждать, что Санъ-Стефанскій договоръ создалъ новую Болгарію, или сильное славянское государство подъ контролемъ Россіи. Болгарія существовала, хотя и въ угнетенномъ состояніи. Европа это признала и пожелала примѣнить средства къ облегченію ея положенія. Константинопольская конференція указала на пригодныя мѣры для достиженія этой цѣли. Предлагая эти мѣры, уполномоченные, засѣдавшіе на константинопольской конференціи, конечно, не имѣли мысли сдѣлать ихъ недѣйствительными; надо предположить, что они имѣли въ виду упрочить за Болгаріей національное существованіе и дѣйствительную административную автономію. Въ такомъ случаѣ, болгарское государство, хотя и раздѣленное на двѣ области, было бы создано въ зародышѣ и этотъ зародышъ, развиваясь подъ сѣнью Европы, возросъ бы до той степени зрѣлости, которую предназначалъ ему Санъ-Стефанскій договоръ. Отказъ, противопоставленный Портою, и послѣдовавшая за этимъ отказомъ война не дозволили,—какъ сознаётся самъ маркизъ Салисбюри, — вернуться прямо и просто къ программѣ константинопольской конференціи. Санъ-Стефанскій договоръ привелъ только къ обязательному согласію Порты на программу болѣе полныхъ, точныхъ и практическихъ реформъ. Но уже тотъ фактъ, что Санъ-Стефанскій договоръ есть только *предварительный*, указываетъ на мысль императорскаго кабинета—установить лишь основу, не предрѣшая окончательнаго примѣненія, требовавшаго техническаго изученія, точной оцѣнки географическихъ условій и примиренія многочисленныхъ интересовъ.

«Поэтому много статей договора составлены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, оставляя просторъ для дальнѣйшихъ измѣненій, которыя оказались бы необходимыми.

«2) Санъ-Стефанскій договоръ не поставилъ новаго государства подъ контроль Россіи. Императорскій кабинетъ озаботился лишь о томъ же самомъ, что̀ имъ было сдѣлано въ 1830 году по отношенію Придунайскихъ княжествъ. Опытъ доказалъ, что совершонное въ то время для этихъ княжествъ принесло пользу, содѣйствуя ихъ процвѣтанію. Не замѣтно, чтобы этимъ создавалось особое преобладаніе русскаго вліянія, отъ котораго могло пострадать

[1]) «Русскій дипломатическій Ежегодникъ» за 1878 годъ, стр. 221 и слѣд.

европейское равновѣсіе. Можно присовокупить, что если княжества, обязанныя Россіи за свое существованіе и съ нею сопредѣльныя, съумѣли сдѣлаться совершенно независимыми отъ нея, тѣмъ болѣе надо разсчитывать на подобный же исходъ для Болгаріи, территорія которой будетъ разъединена отъ Россіи предвидѣнною уступкою Добруджи въ пользу Румыніи.

«3) Двухлѣтній максимальный срокъ былъ опредѣленъ для временнаго занятія Болгаріи въ томъ разсужденіи, что такой срокъ необходимъ для огражденія христіанскихъ и мусульманскихъ населеній отъ взаимныхъ мщеній, для переустройства страны и введенія народныхъ учрежденій, туземной милиціи и пр., и пр.,—а также и потому, что, при неопредѣленномъ срокѣ занятія, въ немъ усмотрѣли бы поползновеніе къ окончательному завладѣнію, никакимъ образомъ не входящему въ виды императорскаго кабинета. Само собой разумѣется, что означенный приблизительный срокъ императорское правительство вполнѣ готово сократить, насколько возможно, не умаляя успѣха труднаго дѣла, которое должно быть завершено въ видахъ всеобщаго мира. Разграниченіе болгарскаго государства указано только въ общихъ чертахъ. Единственная постоянная основа, которая была установлена, относится до большинства населенія и, конечно, трудно создать ее и болѣе справедливою, и болѣе раціональною. Она служитъ отвѣтомъ на возраженіе, основанное на разнородности меньшинства племенъ, интересы которыхъ, впрочемъ, вполнѣ были ограждены точными постановленіями. Но примѣненіе означенной основы было предоставлено смѣшанной комиссіи, мѣстныя изслѣдованія которой одни только могутъ разсѣять сомнѣнія и неувѣренность относительно еще неразрѣшенныхъ спорныхъ вопросовъ.

«4) Предварительному разграниченію ставятъ въ укоръ то, что Болгаріи отводятся гавани на Черномъ морѣ. Но сама же константинопольская конференція разсудила, что безъ выходовъ въ морѣ процвѣтаніе страны немыслимо. Что же касается до портовъ на Эгейскомъ морѣ, то было принято въ разсчетъ одно только торговое развитіе Болгаріи и понятно, что болѣе всего воспользоваться этимъ развитіемъ придется не Россіи, а вѣрнѣе Великобританіи и державамъ, торговля которыхъ въ Средиземномъ морѣ, будучи значительно дѣятельнѣе русской, всегда была могучимъ рычагомъ для сохраненія ихъ политическаго вліянія.

«5) Предварительный договоръ вовсе не подчиняетъ Болгарію власти, избранной Россіей. Формальнымъ образомъ постановлено, что правительство будетъ избрано туземными административными совѣтами и утверждено Портою съ согласія Европы, равно какъ постановлено и устраненіе членовъ царствующихъ домовъ отъ избранія. Не видно, какое могло быть дано лучшее ручательство свободѣ выборовъ. По отношенію устройства княжества, оно поручено собранію туземныхъ знатныхъ людей. Россійскому комисару предоставлено только право наблюденія совмѣстно съ турецкимъ комисаромъ. Кромѣ того, оставлено мѣсто для соглашенія между державами и Портою относительно присоединенія спеціальныхъ делегатовъ къ россійскому императорскому комисару. Притомъ, мѣры, предварительно принятыя русскими властями для управленія страною, вовсе не имѣютъ въ виду, какъ утверждаютъ, ввести Болгарію въ кругъ дѣйствія русской политической системы. Почти никакихъ перемѣнъ не было введено въ существующія учрежденія, къ которымъ привыкла страна. Вниманіе было только обращено на ихъ порочное исполненіе. Приступлено было только къ уничтоженію выкупной за военную службу повинности; къ уничтоженію десятины, съ замѣною ее болѣе нормальнымъ налогомъ; къ уничтоженію откупа налоговъ,—этого источника главнѣйшихъ злоупотребленій,—и, наконецъ, установленія для христіанскихъ жителей права отвода, въ смѣшанныхъ мѣстностяхъ, во время избраній тѣхъ мусульманъ, которые только что ознаменовали себя фанатическимъ преслѣдованіемъ христіанскаго населенія. Кромѣ того, осадное положеніе, въ которомъ находилась страна во время войны, вынуждало назначеніе русскихъ губернаторовъ: въ помощь имъ вездѣ были даны вице-губернаторы изъ болгаръ, въ тѣхъ видахъ, чтобы по заключеніи мира, по мѣрѣ возстановленія спокойствія въ странѣ, эти-то вице-губернаторы и могли замѣстить русскихъ губернаторовъ, не причиняя ущерба правильному ходу администраціи страны. Исключительная цѣль всѣхъ этихъ предверительныхъ мѣръ заключалась въ огражденіи національнаго

развитія и въ допущеніи возможности составленія перваго болгарскаго собранія, призваннаго устроить учрежденія княжества.

«6) Утвержденіе, что будто бы Санъ-Стефанскій договоръ распространилъ вліяніе Россіи за предѣлы Болгаріи установленіемъ улучшенныхъ учрежденій для Эпира и Ѳессаліи,—вызываетъ одно только удивленіе. Если-бы Россія ничего не постановила въ пользу этихъ областей, то ее же обвинили бы въ томъ, что она жертвуетъ греками въ пользу болгаръ. Еслибы, съ другой стороны, Россія постановила для нихъ вассальную автономію, которую не признаютъ по отношенію Болгаріи, то ее стали бы обвинять въ томъ, что она совершенно разрушаетъ оттоманскую имперію, съ цѣлью насадить русское вліяніе. Императорскій кабинетъ всегда понималъ покровительственную задачу, предначертанную ему исторіею, въ христіанскомъ духѣ, безъ различія племени и вѣры. Если и были постановлены болѣе точныя, полныя условія въ пользу Болгаріи, то только потому, что эта страна была главною причиною и театромъ войны, а также и потому, что Россія тамъ пріобрѣла положительныя права воюющей державы. Ограничиваясь требованіемъ постановленій улучшенныхъ учрежденій для греческихъ областей, Россія предоставляла великимъ державамъ право истребовать для нихъ болѣе обширныя льготы. Также не вѣрно и то, будто Санъ-Стефанскимъ договоромъ постановлялось, чтобы сказанныя учрежденія были организованы подъ наблюденіемъ Россіи: общимъ руководствомъ для нихъ послужилъ критскій уставъ, дарованный султаномъ по настоянію великихъ державъ. На основаніи договора, учрежденія должны быть приведены въ дѣйствіе при помощи особой комисіи, въ которой туземный элементъ долженъ имѣть преобладающее представительство. Вѣрно лишь то, что Порта обязывается, прежде чѣмъ приступить къ исполненію, совѣтоваться съ Россіею. Однако договоръ не запрещаетъ Портѣ обращаться за такими же совѣтами и къ представителямъ дружественныхъ державъ.

«7) Весьма неправильно поняты статьи, относящіяся до покровительства надъ членами русской церкви, если ихъ сравнили со статьями кайнарджійскаго договора, уничтоженнаго парижскимъ трактатомъ 1856 г. Статья кайнарджійскаго договора относилась къ православно-греческой церкви и обнимала всѣхъ христіанскихъ подданныхъ султана, исповѣдующихъ эту вѣру. Санъ-Стефанскій же договоръ исключительно упоминаетъ лишь о монахахъ, духовныхъ лицахъ, паломникахъ *русскихъ или русскаго происхожденія*, и постановленія въ ихъ пользу ограничиваются установленіемъ равенства въ правахъ, льготахъ и преимуществахъ, которыми пользуются духовныя лица другихъ народностей. Поэтому невозможно признать справедливымъ утвержденіе, будто совокупность такихъ постановленій Санъ-Стефанскаго договора имѣетъ цѣлью *увеличить могущество россійской имперіи въ странахъ, гдѣ преобладаетъ греческое населеніе, въ ущербъ какъ этимъ странамъ, такъ и всѣмъ другимъ, интересы которыхъ связаны съ западною частью Средиземнаго моря.*

«8) Также преувеличено и то, *будто совокупность постановленій Санъ-Стефанскаго договора, относящихся до переуступки румынской Бессарабіи, расширенія Болгаріи до Чернаго моря и пріобрѣтенія Батумскаго порта могутъ дать Россіи преобладающее вліяніе надъ всѣмъ побережьемъ этого моря.* Россія, въ прошломъ, могущественно способствовала освобожденію Греціи и Румыніи, и однако не видно, чтобы ея власть отъ этого увеличилась болѣе, чѣмъ власть другихъ державъ. Переуступка румынской Бессарабіи есть ничто иное, какъ возвращеніе къ порядку вещей, измѣненному 22 года тому назадъ изъ-за причинъ, не имѣющихъ болѣе ни основаній, ни законнаго значенія, ни даже предлоговъ, съ тѣхъ поръ какъ судоходство по Дунаю поставлено подъ контроль и охрану международной комисіи, въ особенности теперь, когда Румынія провозглашаетъ свою независимость, а Европа склонна ее признать. Нужно замѣтить, кромѣ того, что сказанная переуступка не распространяется на всю часть Бессарабіи, отторгнутую отъ Россіи въ 1856 г. Дунайское гирло изъ нея исключено, и Россія имѣетъ намѣреніе возвратить его Румыніи, отъ которой оно было отнято въ 1857 г. Это обстоятельство въ значительной степени ослабляетъ значеніе требуемой переуступки съ точки зрѣнія вліянія на судоходство на дунайскихъ рукавахъ.

«9) Батумъ есть единственный хорошій портъ въ тѣхъ мѣстностяхъ;

онъ имѣетъ существенное значеніе для безопасности Россіи и важенъ для нея въ торговомъ отношеніи. Его пріобрѣтеніе представляетъ единственное положительное вознагражденіе, которое Россія выговорила себѣ за понесенныя громадныя жертвы въ войнѣ, предпринятой ею одною. Оно, поэтому, совсѣмъ не даровая уступка и далеко не соотвѣтствуетъ денежному вознагражденію, которое оно собою изображаетъ.

«10) Что касается до пріобрѣтеній въ Арменіи, то они имѣютъ только оборонительное свойство. Весьма возможно, что Великобританія предпочла бы увидать эти укрѣпленныя позиціи въ рукахъ турокъ; но по тѣмъ же самымъ причинамъ Россія придаетъ цѣну обладанію ими для собственной своей безопасности, хотя бы для того, чтобы не приходилось ихъ осаждать при всякой новой войнѣ, какъ то было съ Карсомъ, взятымъ трижды въ продолженіе полувѣка. Подобныя территоріальныя уступки суть естественныя послѣдствія войны. Еслибы Великобританія желала спасти отъ нихъ Турцію, то ей слѣдовало бы присоединиться къ Россіи, въ то время когда ей дважды было это предложено: одинъ разъ, когда приступали къ берлинскому меморандуму, а другой, когда обсуждали порученіе, данное графу Эльстонъ Сумаркову въ Вѣну, и имѣвшее цѣлью оказать на Порту совокупное морское давленіе; этого давленія, вѣроятно, было бы достаточно, чтобы достигнуть того, что̀ нынѣ стоило такъ много пролитой крови. Великобританское правительство, отвѣтившее на эти предложенія отказомъ, не можетъ нынѣ оспаривать у Россіи, пролившей свою кровь, право требовать установленія порядка вещей, избавляющаго ее впредь отъ такихъ жертвъ или дѣлающаго ихъ менѣе тяжкими. Но чего невозможно понять, такъ это выводовъ о вліяніи исправленія границъ на свободу европейской торговли Трапезунта чрезъ Персію. Эти доводы—въ противорѣчіи съ тѣми, которые не разъ *приводились* различными членами великобританскаго правительства и по которымъ *завладѣніе* Россіей Эрзерумомъ и Трапезунтомъ не представляетъ опасности *для* великобританскихъ интересовъ. Исправленіе границъ въ Азіи, постановленное Санъ-Стефанскимъ договоромъ, далеко не достигаетъ еще этого предѣла; поэтому утверждать, что подобное исправленіе *дастъ Россіи возможность пресѣчь путь европейской торговой системѣ посредствомъ запретительныхъ преградъ, значитъ довести недовѣріе до самыхъ крайнихъ границъ.*

«11) Возраженія, поднятыя противъ Санъ-Стефанскаго договора, по поводу денежнаго возмездія съ Турціи, столь же мало состоятельны. Разумѣется, что цифра вознагражденія—внѣ всякой пропорціи съ громадными издержками, причиненными Россіи войною. Быть можетъ также, что она и превосходитъ настоящія средства Турціи, увеличивая для нея затрудненія въ удовлетвореніи своихъ кредиторовъ. Но нужно замѣтить, что Турція была неисправна въ обязательствахъ предъ своими иностранными кредиторами еще задолго до войны, вслѣдствіе безпорядковъ отъ неудовлетворительнаго состоянія администраціи. Позволительно предположить, что при возстановленіи мира на раціональныхъ основахъ, имѣемыхъ въ виду Санъ-Стефанскимъ договоромъ, Европа, подтверждая ихъ, придала бы этимъ основамъ твердое и устойчивое свойство, которое имѣло бы для самой Турціи послѣдствіемъ—уменьшеніе расходовъ и приращеніе средствъ, что̀ дало бы ей возможность удовлетворять требованія внѣшняго кредита. Въ виду именно возможности такого исхода и были составлены постановленія Санъ-Стефанскаго договора относительно военнаго вознагражденія въ тѣхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя подвергаются упрекамъ. Если ужь критикуютъ слишкомъ высокую цифру этого вознагражденія, то тѣмъ болѣе стали бы критиковать требованіе немедленнаго платежа. Съ другой стороны, еслибы постановленъ былъ правильный способъ уплаты, то пришлось бы захватить имущество, уже находящееся въ залогѣ у иностранныхъ кредиторовъ, чего Санъ-Стефанскій договоръ старался избѣгнуть, предоставляя рѣшеніе вопроса послѣдующему соглашенію, хотя дѣйствительно, благодаря этой предосторожности, договоръ подвергается подозрѣнію, что онъ *имѣетъ въ виду связать Турцію и дать Россіи возможность господствовать надъ нею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ или замѣнять вознагражденіе новыми территоріальными пріобрѣтеніями.* Было бы проще усмотрѣть въ этомъ желаніе пощадить какъ Турцію, такъ и европейскіе интересы, удерживая Порту на почвѣ строгаго исполненія своихъ обязательствъ и уваженія мирныхъ отношеній, полезныхъ для всѣхъ. Но нѣтъ никакихъ средствъ противъ недовѣрія.

«12) Съ удовольствіемъ узнаётся изъ заключенія депеши маркиза Салисбюри, *что цѣль великобританскаго правительства и всегдашнее пламенное его желаніе направлены къ обезпеченію хорошаго управленія, спокойствія и свободы населеніямъ, которымъ таковыя благодѣянія были чужды.* Равнымъ образомъ, доставляетъ удовольствіе откровенно сдѣланное признаніе, что *эта политика оказалась обманчивою вслѣдствіе несчастнаго сопротивленія самого оттоманскаго правительства; что при измѣнившихся обстоятельствахъ настоящаго времени тотъ же исходъ не можетъ быть достигнутъ въ тѣхъ же предѣлахъ и тѣми же средствами (т. е. программою константинопольской конференціи) и что, наконецъ, великія измѣненія могутъ быть и, вѣроятно, будутъ введены въ трактаты, которыми управлялся юго-востокъ Европы донынѣ.*

«Если къ этимъ соображеніямъ присовокупить и то, что повторенные отказы великобританскаго правительства присоединиться къ фактическому совокупному давленію, которое слѣдовало оказать на Порту, препятствовали Европѣ достигнуть мирнымъ путемъ исхода, желаемаго даже самимъ лондонскимъ кабинетомъ, то придется признать, что какъ война, такъ и Санъ-Стефанскій договоръ соотвѣтствовали требованіямъ положенія, признаннаго маркизомъ Салисбюри съ полною откровенностью и въ столь возвышенномъ духѣ. Положеніе это можетъ вкратцѣ быть изложено слѣдующимъ образомъ: существующіе договоры были постепенно нарушаемы въ продолженіе 22 лѣтъ, сначала турецкимъ правительствомъ, не исполнившимъ своихъ обязательствъ по отношенію христіанъ; потомъ соединенными княжествами; французскою оккупаціею въ Сиріи; самою константинопольскою конференціею, установившею вмѣшательство во внутреннія дѣла оттоманской имперіи, и въ самую послѣднюю пору—вступленіемъ великобританскаго флота въ проливы. Съ другой стороны, маркизъ Салисбюри лично признаётъ, что великія измѣненія могутъ и должны имѣть мѣсто при настоящихъ обстоятельствахъ.

«Намъ остается узнать, какимъ путемъ полагаетъ благородный лордъ примирить практически *эти трактаты и признанныя права Великобританіи и другихъ державъ съ благодѣтельными исходами, къ осуществленію которыхъ всегда были направлены совокупныя усилія Европы, т. е.: къ хорошему управленію, къ обезпеченію спокойствія и свободы населеніямъ, для которыхъ эти благодѣянія были чуждыми.* Равнымъ образомъ остается узнать, какимъ путемъ благородный лордъ полагаетъ достигнуть, внѣ основъ, установленныхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, желаемую всѣми цѣль, принимая одновременно въ справедливое вниманіе пріобрѣтенныя Россіей права за принесенныя ею одною жертвы, чтобы сдѣлать возможнымъ достиженіе этой цѣли.

«Депеша маркиза Салисбюри не содержитъ ни одного отвѣта на эти вопросы. Поэтому кажется, что соображенія, въ ней заключающіяся, нашли бы себѣ болѣе подходящее мѣсто на конгрессѣ. Тамъ уполномоченные, пользуясь всѣ полною свободою сужденія и дѣйствія, были бы въ состояніи изложить, вмѣстѣ со своими возраженіями, и практическія предложенія, клонящіяся къ обезпеченію соглашенія относительно разрѣшенія настоящихъ затрудненій въ общемъ интересѣ твердаго и устойчиваго умиротворенія востока».

Нельзя не признать за русскимъ циркуляромъ съ его приложеніемъ неоспоримыхъ качествъ діалектики и логики. Онъ съ достоинствомъ даетъ отпоръ беззастѣнчивой откровенности великобританскаго кабинета и пунктъ за пунктомъ возражаетъ на положенія, установляемыя англійскимъ министромъ, одновременно разбивая ихъ. Причиной явной придирчивости великобританскаго кабинета, весьма вѣроятно, было опасеніе остаться въ концѣ концовъ безъ особыхъ барышей при подведеніи окончательныхъ итоговъ. Извилистые ходы, препоны и преграды, въ которыхъ англійская дипломатія изощрялась, чтобы умалить все то, на что Россія завоевала себѣ полное законное право, цѣною своей крови и громадныхъ матеріальныхъ жертвъ, — все это сводилось къ тому, чтобы и на

долю Англіи перепало хоть что нибудь при подписаніи мира. Такое предположеніе наглядно оправдывалось пріобрѣтеніемъ почти въ полную собственность острова Кипра, уступкою котораго Турція должна была отблагодарить Англію за оказанныя заступничество и покровительство. Но чтобы судить, насколько было полезно и выгодно для Порты столь безкорыстное покровительство и заступничество великобританскаго правительства, надо вернуться немного назадъ.

По установленіи между обоими кабинетами предѣловъ какъ англійскихъ, такъ и русскихъ интересовъ, графу Шувалову еще въ самомъ началѣ войны поручено было *вдобавокъ* обмѣняться мыслями съ лордомъ Дерби относительно возможныхъ условій мира, но при оговоркѣ: во-первыхъ, что остальныя державы сохранятъ нейтралитетъ, и, во-вторыхъ, что Порта дастъ свое согласіе на предлагаемыя условія до перехода русскихъ войскъ по ту сторону Балканъ; въ то время они еще не переправились чрезъ Дунай.

Совѣщаніе графа Шувалова съ лордомъ Дерби имѣло мѣсто 8 іюня 1877 г. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ излагаетъ его сущность въ меморандумѣ, отправленномъ лорду Лофтусу въ Петербургъ при депешѣ отъ того же числа [1]):

«Въ этомъ случаѣ миръ могъ бы быть заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Болгарія до Балканъ будетъ обращена въ вассальную автономную область, подъ поручительствомъ Европы. Турецкія власти и войско изъ нея будутъ удалены, а крѣпости разоружены или срыты. Автономія будетъ установлена при содѣйствіи народной милиціи, учрежденной въ самое непродолжительное время. Державы войдутъ въ соглашеніе относительно обезпеченія для той части Болгаріи, которая находится на югѣ отъ Балканъ, равно какъ и для другихъ христіанскихъ областей Турціи—наилучшихъ ручательствъ для правильнаго ихъ управленія. Черногорія и Сербія получатъ территоріальное приращеніе, которое будетъ установлено съ общаго согласія. Боснія и Герцеговина будутъ снабжены учрежденіями, которыя также съ общаго согласія будутъ признаны совмѣстными съ ихъ внутреннимъ состояніемъ и могущими обезпечить имъ хорошее туземное управленіе. Что же касается Румыніи, только что провозгласившей свою независимость, то императоръ того мнѣнія, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только совокупнымъ соглашеніемъ. Если Порта будетъ просить о мирѣ и согласится на вышеизложенныя условія до перехода русскихъ войскъ чрезъ линію Балканъ, то Россія дастъ свое согласіе на заключеніе мира, но выговоривъ для себя право требовать нѣкоторыя уступки въ видѣ возмездія за военныя издержки.—Эти уступки не превзойдутъ *той части Бессарабіи, которая отошла отъ Россіи въ 1856 г.*—до сѣвернаго рукава Дуная (т. е. дельта этой рѣки останется исключенною) и уступки Батума съ прилегающей къ нему территоріей. Въ такомъ случаѣ можно будетъ, съ общаго согласія, предоставить Румыніи въ видѣ вознагражденія либо провозглашенную ею независимость, либо часть Добруджи.

«Если же съ своей стороны Австро-Венгрія потребуетъ себѣ вознагражденія въ силу расширенія пріобрѣтеній Россія или же какъ обезпеченіе противъ вышесказанныхъ новыхъ сдѣлокъ въ пользу христіанскихъ населеній Балканскаго полуострова,—то Россія не будетъ противиться тому, чтобы она нашла себѣ такое вознагражденіе по направленіи къ Босніи, а частью и Герцеговины... Если же турецкое правительство отвѣтитъ отказомъ, тогда Россія будетъ вынуждена продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Порта не будетъ принуждена согласиться на миръ. Въ этомъ случаѣ условія императорскаго кабинета могутъ измѣниться... Весьма важно для императора узнать, можетъ ли онъ, въ означенныхъ предѣлахъ, разсчитывать

[1]) Négociations etc, стр. 272.

на нейтралитетъ Великобританіи,—нейтралитетъ, исключающій даже временное занятіе Константинополя и проливовъ этою державою».

Нѣсколько дней спустя (14 іюня) графъ Шуваловъ ввелъ нѣкоторое измѣненіе въ своемъ сообщеніи относительно южной части Болгаріи. Въ тотъ же день лордъ Дерби увѣдомляетъ лорда Лофтуса объ этомъ измѣненіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«По тщательномъ разсмотрѣніи положенія, князь Горчаковъ пришелъ къ заключенію, что раздѣленіе Болгаріи на двѣ части неосуществимо. Мѣстныя изслѣдованія доказали, что Болгарія должна остаться единою областью; въ противномъ случаѣ наиболѣе трудолюбивая и образованная часть болгарскаго населенія,—та, которая болѣе всего пострадала отъ сквернаго турецкаго управленія, будетъ исключена изъ автономныхъ учрежденій».

Какъ видно изъ этого, великобританскому правительству положительно извѣстны были, до переправы черезъ Дунай, въ главныхъ чертахъ, условія, которыя намѣревался поставить императоръ Александръ II Турціи; эти условія также были конфиденціально сообщены въ Берлинъ и Вѣну [1]). Нѣкоторое время спустя (30 іюля), великобританскій военный агентъ, полковникъ Уэльслей, получилъ лично отъ императора совершенно однородное заявленіе. Поэтому для великобританскаго правительства виды и предположенія Россіи при заключеніи мира не могли быть и не были тайною. Но не питала ли Англія въ то время преувеличенныхъ призрачныхъ надеждъ, разсчитывая на силы Турціи и ея устойчивость? Это предположеніе довольно правдоподобно.

Тѣмъ не менѣе, графъ Дерби передаетъ по телеграфу въ Константинополь великобританскому послу русское сообщеніе, прося увѣдомить, предвидится ли возможность согласія Порты на предъявленныя условія. Г. Лэйярдъ немедленно отвѣчаетъ. Приводимъ выдержки изъ его депешъ отъ 13 и 19 іюня: взгляды англійскаго дипломата достойны вниманія.

«Если султанъ на это согласится при настоящихъ обстоятельствахъ, то онъ, вѣроятно, поплатится престоломъ, если не жизнью. При дворѣ существуетъ могущественная партія, поддерживаемая извнѣ старо-турками, фанатиками, сопротивляющимися миру и готовыми продолжать войну до послѣдней крайности. Партія состоитъ изъ людей необузданныхъ, которые не остановятся ни предъ какой мѣрой, если имъ покажется, что Турціи хотятъ предписать условія, клонящіяся къ разрушенію государства, къ окончательному уничтоженію послѣдователей корана въ европейскихъ владѣніяхъ султана. Основательны ли такія опасенія, или нѣтъ, но они могутъ быть дѣйствительны, и хоть я далеко не распространитель тревожныхъ слуховъ, однако мнѣ трудно усомниться въ томъ, что можетъ быть вызвана страшная рѣзня. Я думаю, что было бы весьма не желательнымъ, если не опаснымъ для Великобританіи, совѣтовать Портѣ принятіе такихъ условій, какія предлагаетъ Россія. Все то вліяніе, которое намъ еще возможно удержать и можно употребить впослѣдствіи въ пользу мира, будетъ, по моему мнѣнію, совершенно уничтожено, если мы дадимъ подобный совѣтъ. Мы прослывемъ за болѣе злыхъ враговъ Турціи и исламизма, чѣмъ сами русскіе,—за подложныхъ друзей, за измѣнниковъ.

«Предоставьте другой державѣ подобную заботу. Для самыхъ существенныхъ нашихъ интересовъ, для тѣхъ интересовъ, для выраженія важности которыхъ не находится словъ, жизненный вопросъ заключается въ томъ, чтобы мы были готовы вмѣшаться для спасенія Турціи отъ полнаго распаденія. Мы не можемъ рѣшиться предоставить ее своей судьбѣ, какъ не можемъ предоставить той же участи наивысшіе интересы великобритан-

[1]) Négociations etc, стр. 274.

ской имперіи. Понятно, что та политика, которая заставила насъ поддерживать Турцію для нашей собственной пользы и для нашей безопасности, а никакъ не изъ отвлеченнаго чувства любви къ туркамъ и ихъ вѣрѣ,—политика, одобренная и примѣнявшаяся величайшими англійскими государственными людьми,—не такая политика, которая могла бы быть измѣнена хотя бы и событіями послѣднихъ мѣсяцевъ, не имѣвшихъ къ ней отношенія. Эта политика основана отчасти на убѣжденіи, что Турція представляетъ собой преграду честолюбивымъ замысламъ Россіи на востокѣ и что султанъ, признанный глава магометанства, есть полезный, если не необходимый, союзникъ Англіи, имѣющей милліоны мусульманскихъ подданныхъ. Султанъ можетъ быть лишенъ своего государства и обращенъ въ мелкоразряднаго азіатскаго властителя, но онъ все таки останется калифомъ ислама. Мусульманскій міръ, въ борьбѣ за свое собственное существованіе, можетъ обратиться противъ Великобританіи, какъ главной виновницы угрожающей ему опасности.

«Нѣтъ почти никакой надобности разсуждать здѣсь объ исходѣ, къ которому привели бы распаденіе и дѣлежъ оттоманской имперіи; о равновѣсіи и великой опасности для свободы и цивилизаціи отъ установленія обширнаго военнаго славянскаго государства на европейскомъ востокѣ».

Весьма естественно, что лордъ Дерби, по полученіи депеши г. Лэйярда, отвѣтилъ ему 23 іюня 1877 г., «что правительство ея величества не намѣрено давать ему предписанія — сдѣлать Портѣ предложеніе о принятіи тѣхъ мирныхъ условій и поддерживать таковыя».

Послѣдовала война.

Мы выше ставили вопросъ: было ли для Турціи *полезнымъ* и выгоднымъ покровительство Англіи и ея совѣты? Принявъ мирныя условія, предлагаемыя ей Россіей до переправы русскихъ войскъ по ту сторону Дуная, Турція несомнѣнно оказалась бы въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ то, въ которое она была поставлена при подписаніи Санъ-Стефанскаго договора. Не говоря уже о другихъ выгодахъ, Турція во всякомъ случаѣ сохранила бы почти всецѣло свою армію, сложившую оружіе подъ Плевною и попавшую въ плѣнъ съ лучшимъ изъ ея полководцевъ, доблестнымъ Османомъ-нашею. Да кромѣ того, Портѣ, весьма вѣроятно, не пришлось бы понести чувствительной потери острова Кипра, представлявшаго для нея столь несомнѣнную важность по своему географическому положенію.

Б. К. П.

(Окончаніе будетъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ VI-й.

Прелиминарный мирный договоръ.

Его величество императоръ всероссійскій и его величество императоръ оттомановъ, движимые желаніемъ возвратить и обезпечить своимъ государствамъ и своимъ народамъ благодѣянія мира, а также предупредить всякое новое усложненіе, которое могло бы угрожать этому миру, назначили, въ качествѣ своихъ полномочныхъ, для установленія, заключенія и подписанія прелиминарнаго мирнаго договора:

Его величество императоръ всероссійскій съ одной стороны — графа Николая Игнатьева, генералъ-адъютанта его императорскаго величества, генералъ-лейтенанта, члена государственнаго совѣта, кавалера ордена св. Александра Невскаго съ бриліантами и многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ, и господина Александра Нелидова, камергера импе-

раторскаго двора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, кавалера ордена св. Анны 1-й степени съ мечами и многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ,

и его величество императоръ оттомановъ съ другой — Сафвета-пашу, министра иностранныхъ дѣлъ, кавалера орденовъ Османіе съ бриліантами, Меджидіе 1-й степени и многихъ другихъ иностранныхъ орденовъ, и Саддула-бея, посла его величества при германскомъ императорскомъ дворѣ, кавалера орденовъ Меджидіе 1-й степени, Османіе 2-й степени и многихъ другихъ иностранныхъ орденовъ,

Которые по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащей и установленной формѣ, согласились на нижеслѣдующія статьи:

Статья I.

Дабы положить конецъ непрестаннымъ столкновеніямъ между Турціею и Черногоріею, граница, раздѣляющая оба государства, будетъ исправлена согласно съ прилагаемою при семъ картою и сообразно съ оговоркою, ниже помѣщаемою, слѣдующимъ образомъ:

Отъ горы Доброщицы граница прослѣдуетъ по указанной константинопольскою конференціею чертѣ, чрезъ Билекъ до Корыта. Отсюда новая граница пройдетъ къ Гацко (Метохія-Гацко будетъ принадлежать Черногоріи) и къ сліянію рѣкъ Пивы и Тары, поднимаясь къ сѣверу по теченію Дрины, до ея сліянія съ Лимомъ. Восточная граница княжества пойдетъ вдоль этой послѣдней рѣки до Пріеполья и направится чрезъ Рошай къ Сухой Планинѣ (оставляя Бихоръ и Рошай Черногоріи). Охватывая Ругово, Плаву и Гусинье, пограничная черта будетъ слѣдовать по горной цѣпи чрезъ Шлебъ, Пакленъ и вдоль сѣверной границы Албаніи по хребту горъ Копривника, Баба-врха и Боръ-врха до высшей точки горы Проклети. Отсюда граница направится черезъ высоту Бискащика и по прямому направленію подойдетъ къ озеру Ижичени-Хоти; прорѣзавъ Ижичени-Хоти и Ижичени-Кастрати, она пересѣчетъ Скутарское озеро и упрется въ Бояну, по руслу которой достигнетъ моря. Никшичъ, Гацко, Спужъ, Подгорица, Жаблякъ и Антивари останутся за Черногоріей.

Установленіе окончательныхъ границъ княжества будетъ возложено на европейскую комисію, въ составъ которой войдутъ представители отъ Блистательной Порты и черногорскаго правительства. Комисія эта подвергнетъ на мѣстѣ общее очертаніе границъ измѣненіямъ, какія сочтетъ необходимыми и справедливыми съ точки зрѣнія взаимныхъ выгодъ и спокойствія обоихъ государствъ, причемъ каждому изъ нихъ дано будетъ соотвѣтственное возмѣщеніе, признаваемое необходимымъ.

Для судоходства по Боянѣ, дававшаго постоянно поводъ къ пререканіямъ между Блистательною Портою и Черногоріею, будутъ опредѣлены особыя правила, имѣющія быть выработанными тою же европейскою комисіею.

Статья II.

Блистательная Порта признаётъ окончательно независимость княжества Черногоріи.

По соглашенію между россійско-императорскимъ правительствомъ, правительствомъ оттоманскимъ и княжествомъ Черногоріи, будутъ опредѣлены впослѣдствіи характеръ и форма взаимныхъ отношеній между Блистательною Портою и княжествомъ, а именно: касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оттоманской имперіи, гдѣ это будетъ признано необходимымъ, выдачи преступниковъ, бѣжавшихъ на ту или другую территорію,—и подчиненія путешествующихъ по оттоманской имперіи или проживающихъ въ ней черногорцевъ оттоманскимъ законамъ и властямъ, сообразно основаніямъ международнаго права и обычаямъ, установленнымъ относительно черногорцевъ.

Особое условіе будетъ заключено между Блистательною Портою и Черногоріею для разрѣшенія вопросовъ, касающихся взаимныхъ отношеній жителей пограничныхъ мѣстностей обоихъ государствъ, а также военныхъ сооруженій на тѣхъ мѣстностяхъ. Вопросы, по которымъ не послѣдовало бы соглашенія, должны быть покончены третейскимъ рѣшеніемъ Россіи и Австро-Венгріи. Впредь же, если произойдутъ споръ или столкновеніе, за

исключеніемъ случаевъ, возникающихъ изъ-за территоріальныхъ требованій, Турція и Черногорія предоставятъ разрѣшеніе свонхъ несогласій Россіи и Австро-Венгріи, которыя совмѣстно будутъ постановлять третейское рѣшеніе.

Черногорскія войска должны будутъ очистить территорію, не вошедшую въ обозначенныя выше границы, въ десятидневный срокъ со времени подписанія прелиминарнаго мирнаго договора.

Статья III.

Сербія признана независимою. Граница ея, обозначенная на прилагаемой при семъ картѣ, пойдетъ по руслу Дрины, оставляя княжеству Малый Зворникъ и Закаръ, и направляясь далѣе, по прежней границѣ, до истоковъ ручья Дезево, близь Стойлака. Отсюда новая пограничная черта направится по теченію этого ручья до рѣки Рашка и затѣмъ по теченію сей послѣдней до Новаго Базара. Отъ Новаго Базара, поднявшись вверхъ по ручью, который протекаетъ близь деревень Мекинье и Трговище до его истока, граница направится чрезъ Босуръ Планину въ долину Ибара и спустится по теченію ручья, впадающаго въ эту рѣку близь селенія Рыбанича. Далѣе граница пойдетъ по теченію Ибара, Ситницы, Лабы и ручья Батинце до его истока (на Грапашницѣ Планинѣ). Отсюда пограничная черта прослѣдуетъ по водораздѣлу Кривы и Ветерницы, достигнетъ по кратчайшей линіи этой послѣдней рѣки, при устьѣ ручья Міовацка, подымется вверхъ по его теченію, пересѣчетъ Міовацку Планину и спустится къ Моравѣ близь деревни Калиманчи. Отъ сего мѣста граница спустится по Моравѣ до рѣки Влосины у селенія Стайковцы, затѣмъ, поднявшись вверхъ по теченію этой послѣдней, по Любераздѣ и по ручью Кукавице, пройдетъ чрезъ Суху-Планину, по ручью Врыло до Нишавы, и спустится по означенной рѣкѣ до деревни Крупацъ, откуда кратчайшею линіею соединится къ юго-востоку отъ Караулъ-Баре съ прежней сербской границей, по которой будетъ слѣдовать до Дуная. Ада-Кале будетъ очищена и срыта. Турецко-сербская комисія, при содѣйствіи русскаго комисара, установитъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ окончательное очертаніе границъ и окончательно разрѣшитъ вопросы, касающіеся острововъ Дрины. Болгарскій делегатъ будетъ допущенъ къ участію въ трудахъ комисіи, когда она будетъ проводить границу между Сербіею и Болгаріею.

Статья IV.

Мусульмане, владѣющіе поземельною собственностью на присоединенной къ Сербіи территоріи и желающіе выселиться изъ княжества, могутъ сохранить за собою, въ его предѣлахъ, недвижимыя имущества, сдавъ оныя въ аренду или поручивъ управленіе имѣніями другимъ лицамъ. На турецко-сербскую комисію, съ участіемъ въ ней русскаго комисара, будетъ возложено постановить въ теченіе двухъ лѣтъ окончательныя рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, касающимся признанія правъ на такія недвижимыя имущества, въ коихъ замѣшанъ интересъ мусульманъ. На ту же комисію будетъ возложено установленіе въ трехлѣтній срокъ способа отчужденія имуществъ, принадлежащихъ правительству или духовнымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, которые касаются частныхъ интересовъ, могущихъ быть при этомъ затронутыми. До заключенія между Турціей и Сербіей непосредственнаго договора, установляющаго характеръ и форму взаимныхъ отношеній между Блистательною Портою и княжествомъ,—сербскіе подданные, путешествующіе по оттоманской имперіи или проживающіе въ ней, будутъ пользоваться положеніемъ, сообразнымъ съ общими началами международнаго права. Сербскія войска должны будутъ очистить мѣстности, не включенныя въ обозначенныя выше границы, въ пятнадцатидневный срокъ со времени подписанія прелиминарнаго мирнаго договора.

Статья V.

Блистательная Порта признаётъ независимость Румыніи, которая предъявитъ свои права на вознагражденіе, имѣющее быть опредѣленнымъ обѣими сторонами. До заключенія непосредственнаго договора между Турціею и Румыніею, румынскіе подданные будутъ пользоваться въ Турціи всѣми правами, которыя обезпечены за подданными другихъ европейскихъ державъ.

Статья VI.

Болгарія образуетъ самоуправляющееся, платящее дань, княжество, съ христіанскимъ правительствомъ и земскимъ войскомъ.

Окончательныя границы Болгаріи будутъ установлены особою русско-турецкою комисіею до очищенія Румеліи россійско-императорскою арміею. При измѣненіяхъ на мѣстѣ общаго очертанія границъ, комисія, согласно основаніямъ мира, приметъ во вниманіе начала народности большинства пограничныхъ жителей, а также топографическія условія и практическія нужды мѣстнаго населенія, касающіяся удобства сообщеній. Размѣры княжества Болгаріи опредѣлены въ общихъ чертахъ на прилагаемой при семъ картѣ, долженствующей служить основаніемъ для окончательнаго разграниченія. Отъ новой границы сербскаго княжества пограничная черта направится по западному рубежу казы Враньи до цѣпи Карадага. Повернувъ на западъ, граница пройдетъ по западнымъ предѣламъ казъ: Куманово, Кочани, Калканделенъ, до горы Корабъ и отсюда по рѣкѣ Велещицѣ до сліянія ея съ Чернымъ Дриномъ. Направляясь на югъ по Дрину и затѣмъ по западной границѣ казы Охриды къ горѣ Линасъ, пограничная черта пойдетъ по западнымъ предѣламъ казъ: Горчи и Старово до горы Граммосъ.

Далѣе, пограничная черта чрезъ озеро Касторію дойдетъ до рѣки Могленицы и, спустившись по ея теченію, пройдетъ южнѣе Яницы (Вардаръ-Енидже) и направится чрезъ устье Вардара и по Галлико къ селеніямъ Парга и Сарайкёй; отсюда—чрезъ середину озера Бешикъ Гёля къ устьямъ рѣкъ Струмма и Карасу и по морскому берегу до Бургеля; затѣмъ, повернувъ къ сѣверо-востоку,—къ горѣ Чалтапе, по цѣпи Родопа до горы Крушово, по Чернымъ Балканамъ (Кара-Балканъ), по горамъ Ешекъ-Кулачи, Чепеліу, Караколасъ и Ишикларъ до рѣки Арды. Отсюда пограничная черта будетъ проведена по направленію города Чирмена; оставляя городъ Адріанополь на югѣ, она пройдетъ чрезъ села: Сугутліу, Кара-Хамза, Арнаутъ-Кёй, Акарджи и Енидже, до рѣки Теке-дересси. Слѣдуя по теченью Теке-дересси и Чорлу-дересси до Лулебургаса и далѣе по рѣкѣ Суджакъ-дере до селенья Сергена, пограничная черта пойдетъ по возвышенностямъ прямо къ Хакимъ-Табіаси, гдѣ она примкнетъ къ Черному морю. Граница покинетъ морской берегъ близь Мангаліи, направится по южнымъ предѣламъ Тульчинскаго санджака и примкнетъ къ Дунаю выше Рассова.

Статья VII.

Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ царствующихъ династій великихъ европейскихъ державъ не можетъ быть избранъ княземъ Болгаріи. Въ случаѣ, если званіе князя болгарскаго останется незамѣщеннымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ.

Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Филиппополѣ (Пловдивѣ) или въ Трновѣ, выработаетъ, до избранія князя, подъ наблюденіемъ россійскаго императорскаго комисара и въ присутствіи комисара оттоманскаго, уставъ будущаго управленія, по примѣру того, какъ было сдѣлано въ 1830 году, послѣ адріанопольскаго мира, въ придунайскихъ княжествахъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгарское населеніе перемѣшано съ турецкимъ, греческимъ, валашскимъ (куцо-влахи) или другими, при выборахъ или выработкѣ органическаго устава будетъ обращено должное вниманіе на права и потребности этихъ народностей. Введеніе новаго образа правленія въ Болгаріи и наблюденіе за его примѣненіемъ будутъ поручены, въ теченіе двухъ лѣтъ, россійскому императорскому комисару. По прошествіи перваго года со времени введенія новаго порядка, европейскіе кабинеты,—въ случаѣ, если это будетъ признано нужнымъ и если по сему предмету послѣдуетъ соглашеніе между ними, Россіею и Блистательною Портою,—могутъ присоединить особыхъ уполномоченныхъ къ россійскому императорскому комисару.

Статья VIII.

Оттоманскія войска не будутъ болѣе находиться въ Болгаріи, и всѣ прежнія крѣпости будутъ срыты на счетъ мѣстнаго правительства. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать, по своему усмотрѣнію, военными припасами и другими принадлежащими ей предметами, оставленными въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ въ силу перемирія 19/31 января, а равно и тѣми военными припасами и предметами, которые оказались бы въ крѣпостяхъ Шумлѣ и Варнѣ. До полнаго образованія земскаго войска,—достаточнаго для охраны порядка, безопасности и спокойствія, и численность коего будетъ впослѣдствіи опредѣлена соглашеніемъ между оттоманскимъ правительствомъ и россійскимъ императорскимъ кабинетомъ,—русскія войска будутъ занимать страну и, въ случаѣ надобности, оказывать содѣйствіе комисару. Военное занятіе Болгаріи будетъ одинаково ограничено приблизительнымъ срокомъ въ два года. Численность оккупаціоннаго русскаго корпуса, составленнаго изъ шести дивизій пѣхоты и двухъ кавалеріи, который останется въ Болгаріи по очищеніи Турціи императорскою арміею, не будетъ превосходить пятидесяти тысячъ человѣкъ. Этотъ корпусъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны. Русскія войска, которыя будутъ занимать Болгарію, сохранятъ сообщенія съ Россіею не только чрезъ Румынію, но и чрезъ черноморскіе порты—Варну и Бугасъ, гдѣ они могутъ учредить на время занятія необходимые склады.

Статья IX.

Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарія будетъ платить сюзеренному двору, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ впослѣдствіи Блистательною Портою, опредѣлится соглашеніемъ между *Россіею*, оттоманскимъ правительствомъ и прочими кабинетами, по истеченіи *перваго* года дѣйствія новыхъ учрежденій. Дань эта будетъ установлена сообразно средней доходности всей территоріи, которая войдетъ въ составъ княжества.

Болгарія заступитъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ рущуко-варнской желѣзной дорогѣ, на основаніи особаго соглашенія между Блистательною Портою, правительствомъ княжества и управленіемъ означенной дороги. Рѣшеніе вопросовъ касательно другихъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ по княжеству, предоставляется также соглашенію между Блистательной Портой, учрежденнымъ правительствомъ Болгаріи и правленіями заинтересованныхъ компаній.

Статья X.

Блистательная Порта будетъ имѣть право пользоваться проходомъ чрезъ Болгарію для перевоза, по отдѣльнымъ путямъ, войскъ, военныхъ припасовъ и провіанта въ области, находящіяся за предѣлами княжества, и обратно. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени ратификаціи настоящаго акта, въ избѣжаніе затрудненій и недоразумѣній въ примѣненіи сказаннаго права, условія пользованія имъ будутъ опредѣлены, по соглашенію Блистательной Порты съ управленіемъ въ Болгаріи, особымъ уставомъ, обезпечивающимъ, между прочимъ, военныя нужды Блистательной Порты. Само собою разумѣется, что вышеозначенное право распространяется исключительно на оттоманскія регулярныя войска, иррегулярныя же—башибузуки и черкесы—безусловно будутъ исключены изъ него.

Блистательная Порта предоставляетъ себѣ также право провозить черезъ княжество свою почту и содержать въ немъ телеграфную линію, относительно чего будетъ также сдѣлано соглашеніе вышеупомянутымъ способомъ и въ одинаковый срокъ.

Статья XI.

Землевладѣльцы вѣроисповѣданія мусульманскаго и другихъ, которые пожелали бы избрать мѣсто жительства внѣ княжества, могутъ сохранить за собою, въ его предѣлахъ, недвижимую собственность, отдавъ оную въ аренду или поручивъ управленіе ею другимъ лицамъ. Турецко-болгарскія комисіи, подъ наблюденіемъ русскихъ комисаровъ, будутъ засѣдать въ

главныхъ центрахъ населенія и постановлять въ теченіе двухъ лѣтъ окончательныя рѣшенія по всѣмъ вопросамъ о признаніи правъ собственности на недвижимыя имущества, въ которыхъ замѣшаны интересы мусульманъ и лицъ другихъ исповѣданій. На подобныя же комисіи будетъ возложено окончательное устройство, въ теченіе двухъ лѣтъ, всѣхъ дѣлъ, касающихся способовъ отчужденія, эксплуатаціи и употребленія въ пользу Блистательной Порты имуществъ, принадлежащихъ правительству и духовнымъ учрежденіямъ (вакуфъ).

По истеченіи вышесказаннаго двухлѣтняго срока, всѣ имущества, на которыя не будетъ предъявлено требованій, будутъ проданы съ публичнаго торга и вырученная отъ сего сумма обращена на содержаніе вдовъ и сиротъ какъ мусульманъ, такъ и христіанъ, жертвъ послѣднихъ событій.

Статья XII.

Всѣ крѣпости на Дунаѣ будутъ срыты. Впредь на берегахъ этой рѣки не будетъ болѣе укрѣпленій, не будетъ также въ водахъ румынскаго, сербскаго и болгарскаго княжествъ военныхъ судовъ, кромѣ обычныхъ стаціонеровъ, и легкихъ судовъ, предназначаемыхъ для надобностей рѣчной полиціи и таможеннаго управленія. Права, обязательства и льготы международной нижне-дунайской комисіи остаются неприкосновенными.

Статья XIII.

Блистательная Порта принимаетъ на себя возстановленіе судоходства Сулинскаго рукава и вознагражденіе частныхъ лицъ, коихъ имущества пострадали отъ войны и вслѣдствіе прекращенія плаванія по Дунаю, назначая на этотъ двойной расходъ пятьсотъ тысячъ франковъ изъ суммъ, которыя дунайская комисія должна оттоманскому правительству.

Статья XIV.

Въ Босніи и Герцеговинѣ будутъ немедленно введены,—сообщенныя оттоманскимъ уполномоченнымъ, въ первомъ засѣданіи константинопольской конференціи,—предложенія европейскихъ державъ, съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ установлены по взаимному соглашенію между Блистательною Портою, русскимъ и австро-венгерскимъ правительствами. Недоимки не будутъ взыскиваемы и текущіе доходы этихъ провинцій, до перваго марта тысяча восемьсотъ восьмидесятаго года, будутъ исключительно обращаемы на вознагражденіе семействъ бѣглецовъ и жителей, пострадавшихъ отъ послѣднихъ событій, безъ различія ихъ народности и вѣроисповѣданія, а равно и на мѣстныя нужды страны. Сумма, которая, по истеченіи сказаннаго срока, должна будетъ ежегодно причитаться центральному правительству, имѣетъ быть опредѣлена соглашеніемъ между Турціею, Россіею и Австро-Венгріею.

Статья XV.

Блистательная Порта обязуется ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 года, сообразуясь съ желаніями, уже выраженными мѣстнымъ населеніемъ. Подобный же уставъ, примѣненный къ мѣстнымъ потребностямъ, будетъ также введенъ въ Эпирѣ и Ѳессаліи, и въ другихъ частяхъ европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не предусмотрѣно настоящимъ актомъ. Разработка подробностей новаго устава будетъ поручена въ каждой области особымъ комисіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе. Результаты этихъ трудовъ будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты, которая, прежде чѣмъ примѣнить ихъ, посовѣтуется съ россійскимъ императорскимъ правительствомъ.

Статья XVI.

Въ виду того, что очищеніе русскими войсками занимаемыхъ ими въ Арменіи мѣстностей, которыя должны быть возвращены Турціи, могло бы подать тамъ поводъ къ столкновеніямъ и усложненіямъ, могущимъ вредно отразиться на добрыхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ,—Блистательная Порта обязуется осуществить, безъ замедленія, улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями въ областяхъ, населенныхъ армянами, и оградить безопасность послѣднихъ отъ курдовъ и черкесовъ.

Статья XVII.

Полная и безусловная амнистія даруется Блистательною Портою всѣмъ оттоманскимъ подданнымъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ событіяхъ, и всѣ лица, вслѣдствіе сего подвергнутыя заключенію или отправленныя въ ссылку, будутъ немедленно освобождены.

Статья XVIII.

Блистательная Порта обратитъ особенное вниманіе на мнѣніе, выраженное комисарами посредствующихъ державъ по вопросу о правѣ владѣнія городомъ Котуромъ, и обязуется привести въ исполненіе работы по окончательному проведенію турецко-персидской границы.

Статья XIX.

Вознагражденіе за войну, а равно убытки, причиненные Россіи, которые его величество императоръ всероссійскій требуетъ и которые Блистательная Порта обязалась ему уплатить, заключается въ:

a) девятистахъ милліонахъ рублей военныхъ издержекъ (содержаніе арміи, возмѣщеніе припасовъ, военные заказы);

b) четырехстахъ милліонахъ рублей убытковъ, причиненныхъ южному побережью государства, отпускной торговлѣ, промышленности и желѣзнымъ дорогамъ;

c) ста милліонахъ рублей убытковъ, причиненныхъ Кавказу вторженіемъ;

d) десяти милліонахъ рублей проторей и убытковъ русскимъ подданнымъ и учрежденіямъ въ Турціи.

Итого тысяча четыреста десять милліоновъ рублей.

Принимая во вниманіе финансовыя затрудненія Турціи и *сообразуясь* съ желаніемъ его величества султана, императоръ всероссійскій соглашается замѣнить уплату большей части исчисленныхъ въ предъидущемъ параграфѣ суммъ слѣдующими территоріальными уступками:

a) Тульчинскій санджакъ, то есть уѣзды (казы): Килія, Сулины, Махмудіе, Исакчи, Тульчи, Мачина, Бабадага, Гирсова, Кюстендже и Меджидіе, а равно острова Дельты и Змѣиный островъ. Не желая присоединять себѣ означенной территоріи и острововъ Дельты, Россія предоставляетъ себѣ промѣнять ихъ на отчужденную отъ нея трактатомъ 1856 года часть Бессарабіи, граничащую съ юга русломъ Килійскаго рукава и устьемъ Стараго-Стамбула. Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловель имѣетъ быть рѣшенъ русско-румынскою комисіею въ годовой срокъ со времени ратификаціи мирнаго трактата;

b) Ардагаиъ, Карсъ, Батумъ, Баязидъ и территорія до Саганлуга. Въ обшихъ чертахъ, граница отъ берега Чернаго моря направится по хребту горъ, служащихъ водораздѣломъ притоковъ рѣкъ Хопы и Чароха и по горной цѣпи къ югу отъ города Артвина до рѣки Чароха, близъ селеній Алата и Бешагета; затѣмъ граница направится по вершинамъ горъ Дервеникъ-Геки, Херчезора и Беджигинъ-дага, по хребту, раздѣляющему притоки рѣкъ Тортумъ-чая и Чароха и по высотамъ близъ Яйлы-Вихина до селенія Вихинъ-Килисса на рѣкѣ Тортумъ-чаѣ. Отсюда пограничная черта направится по цѣпи Сиври-дага до перевала того-же имени, проходя на югъ отъ селенія Нориманъ; далѣе граница повернетъ къ юго-востоку, послѣдуетъ къ Зивину, откуда, пройдя на западъ отъ дороги изъ Зивина въ селенія Ардостъ и Хорассанъ, направится на югъ къ Саганлугской цѣпи, до селенія Гиличманъ; затѣмъ по хребту Шаріанъ-дага достигнетъ, въ десяти верстахъ къ югу отъ Хамура, Мурадчайскаго ущелія; потомъ граница пройдетъ вдоль по хребту Алладага, по вершинамъ Хорп и Тандурека, и, пройдя на югъ отъ Баязидской долины, примкнетъ къ прежней турецко-персидской границѣ къ югу отъ Казли-Гёля. Окончательныя границы присоединенной къ Россіи территоріи, обозначенныя на прилагаемой при семъ картѣ, будутъ установлены комисіею изъ русскихъ и оттоманскихъ делегатовъ. Комисія эта приметъ во вниманіе при своихъ работахъ какъ топографію мѣстности, такъ и необходимыя условія для хорошей администраціи и для обезпеченія спокойствія страны.

c) Территоріи, означенныя въ параграфахъ *a* и *b*, уступаются Россіи взамѣнъ суммы тысячи ста милліоновъ рублей. Что касается остальной части вознагражденія, за исключеніемъ десяти милліоновъ рублей, слѣдующихъ русскимъ учрежденіямъ и подданнымъ въ Турціи, то есть, трехсотъ милліоновъ рублей, то способъ ихъ уплаты и предназначаемыя къ тому обезпеченія будутъ опредѣлены послѣдующимъ соглашеніемъ между россійскимъ императорскимъ правительствомъ и правительствомъ его величества султана.

d) Десять милліоновъ рублей, выговоренныхъ въ видѣ вознагражденія подданнымъ и учрежденіямъ русскимъ въ Турціи, имѣютъ быть уплачиваемы по мѣрѣ того, какъ требованія заинтересованныхъ лицъ и учрежденій будутъ разсмотрѣны россійскимъ посольствомъ въ Константинополѣ и переданы Блистательной Портѣ.

Статья XX.

Блистательная Порта приметъ дѣйствительныя мѣры къ полюбовному окончанію нерѣшенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тяжебныхъ дѣлъ русскоподданныхъ, къ вознагражденію тяжущихся, если есть на то достаточный поводъ, и къ безотлагательному приведенію въ исполненіе произнесенныхъ судебныхъ рѣшеній.

Статья XXI.

Жители уступленныхъ Россіи мѣстностей, желающіе поселиться внѣ ихъ предѣловъ, могутъ удалиться, продавъ свои недвижимыя имущества, на что означеннымъ лицамъ даруется трехлѣтній срокъ, со дня ратификаціи настоящаго акта. По прошествіи сказаннаго срока, жители, не покинувшіе страны и не продавшіе своихъ недвижимыхъ имуществъ, останутся въ русскомъ подданствѣ.

Недвижимыя имущества, принадлежащія правительству или духовнымъ учрежденіямъ, находящимся внѣ предѣловъ поименованныхъ выше мѣстностей, имѣютъ быть проданными въ тотъ же трехлѣтній срокъ, по способу, который будетъ установленъ особою русско-турецкою комисіею. Этой же комисіи будетъ поручено опредѣлить способъ вывоза оттоманскимъ правительствомъ военныхъ и боевыхъ припасовъ, провіанта и другихъ предметовъ, принадлежащихъ правительству, и которые оказались бы въ укрѣпленіяхъ, городахъ и мѣстностяхъ, уступленныхъ Россіи и не занятыхъ въ настоящее время русскими войсками.

Статья XXII.

Русскія духовныя лица, паломники и иноки, путешествующіе или пребывающіе въ европейской и азіатской Турціи, будутъ пользоваться тѣми же правами, преимуществами и льготами, какъ иностранныя духовныя лица другихъ народностей. За императорскимъ посольствомъ и за русскими консульствами въ Турціи признаётся право официальной защиты, какъ вышеозначенныхъ лицъ, такъ и ихъ имуществъ, а равно духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ учрежденій въ святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Аѳонскіе монахи русскаго происхожденія сохранятъ свои имущества и прежнія льготы и будутъ продолжать пользоваться въ трехъ монастыряхъ, имъ принадлежащихъ, и въ зависящихъ отъ нихъ учрежденіяхъ тѣми же правами и преимуществами, которыя обезпечены за другими духовными учрежденіями и монастырями Аѳонской горы.

Статья XXIII.

Всѣ договоры, конвенціи, обязательства, прежде сего заключенные между обѣими высокими договаривающимися сторонами касательно торговли, подсудности и положенія русско-подданныхъ въ Турціи, и утратившіе значеніе вслѣдствіе войны, снова вступятъ въ силу, за исключеніемъ условій, измѣненныхъ настоящимъ актомъ. Оба правительства будутъ снова взаимно поставлены, касательно всѣхъ своихъ обязательствъ и сношеній торговыхъ и другихъ, въ то же положеніе, въ которомъ они находились до объявленія войны.

Статья XXIV.

Босфоръ и Дарданеллы будутъ открыты, какъ во время войны, такъ и во время мира, для торговыхъ судовъ нейтральныхъ державъ, приходящихъ изъ русскихъ портовъ или отправляющихся въ оные. Вслѣдствіе сего, Бли-

стательная Порта обязуется впредь болѣе не установлять недѣйствительной блокады портовъ Чернаго и Азовскаго морей, какъ несоотвѣтствующей точному смыслу декларацiи, подписанной въ Парижѣ 4/16 апрѣля 1856 года.

Статья XXV.

Полное очищенiе россiйскою армiею европейской Турцiи, за исключенiемъ Болгарiи, произойдетъ въ теченiе трехъ мѣсяцевъ послѣ заключенiя мира между его величествомъ императоромъ всероссiйскимъ и его величествомъ султаномъ. Дабы выиграть время и избѣжать продолжительнаго пребыванiя русскихъ войскъ въ Турцiи и Румынiи, часть императорской армiи можетъ быть направлена къ портамъ Чернаго и Мраморнаго морей для посадки на суда, принадлежащiя русскому правительству или зафрахтованныя на этотъ случай. Очищенiе войсками азiатской Турцiи произойдетъ въ теченiе шести мѣсяцевъ со дня заключенiя окончательнаго мира; русскимъ войскамъ будетъ предоставлена возможность сѣсть на суда въ Трапезунтѣ для возвращенiя чрезъ Кавказъ или Крымъ.

Немедленно по обмѣнѣ ратификацiй будутъ приняты мѣры къ выводу войскъ.

Статья XXVI.

До тѣхъ поръ пока россiйскiя императорскiя войска будутъ находиться въ мѣстностяхъ, имѣющихъ быть въ силу настоящаго акта возвращенными Блистательной Портѣ, управленiе и существующiй порядокъ въ нихъ останутся въ томъ же видѣ, какъ во время занятiя. Блистательная Порта не должна будетъ принимать никакого участiя въ управленiи въ теченiе всего этого времени, до окончательнаго выхода всѣхъ русскихъ войскъ.

Оттоманскiя войска могутъ вступить въ мѣстности, возвращаемыя Блистательной Портѣ, а послѣдняя приступитъ въ нихъ къ отправленiю своей власти тогда лишь, когда для всякаго мѣста и всякой области, очищаемыхъ русскими войсками, начальникъ этихъ войскъ поставитъ о семъ въ извѣстность назначеннаго Блистательною Портою на этотъ случай офицера.

Статья XXVII.

Блистательная Порта принимаетъ обязательство не преслѣдовать никоимъ образомъ и не позволять преслѣдовать турецкихъ подданныхъ, которые были бы замѣшаны въ сношенiяхъ съ русскою армiею во время войны. Въ случаѣ, еслибы нѣкоторыя лица пожелали удалиться со своими семействами вслѣдъ за русскими войсками, оттоманскiя власти тому не воспротивятся.

Статья XXVIII.

Немедленно по ратификацiи прелиминарнаго мирнаго договора, военноплѣнные будутъ взаимно возвращены при посредствѣ назначенныхъ съ той и съ другой стороны особыхъ комисаровъ, которые отправятся съ этою цѣлью въ Одессу и Севастополь. Оттоманское правительство уплатитъ въ восемнадцать равныхъ сроковъ, въ теченiе шести лѣтъ, согласно счетамъ, составленнымъ вышеупомянутыми комисарами, всѣ расходы по содержанiю военно-плѣнныхъ, которые будутъ возвращены сему правительству.

Обмѣнъ плѣнныхъ между оттоманскимъ правительствомъ и правительствами Румынiи, Сербiи и Черногорiи произойдетъ на такихъ же основанiяхъ; при этомъ, однако, въ денежныхъ разсчетахъ число возвращаемыхъ оттоманскимъ правительствомъ плѣнныхъ будетъ вычитаемо изъ числа плѣнныхъ, которые будутъ ему возвращаемы.

Статья XXIX.

Настоящiй актъ будетъ ратификованъ ихъ императорскими величествами, императоромъ всероссiйскимъ и императоромъ оттомановъ, и ратификацiи будутъ обмѣнены въ пятнадцатидневный срокъ или ранѣе, буде то возможно, въ С.-Петербургѣ, гдѣ также произойдетъ соглашенiе относительно мѣста и времени, гдѣ и когда условiя настоящаго акта будутъ облечены въ торжественную форму, обычную для мирныхъ трактатовъ. Пребываетъ, однако, вполнѣ установленнымъ, что высокiя договаривающiяся стороны считаютъ себя формально связанными настоящимъ актомъ со времени его ратификацiи.

Въ удостовѣренiе чего обоюдные полномочные подписали настоящiй актъ и приложили къ нему свои печати.

Въ Санъ-Стефано, $\frac{\text{19 февраля}}{\text{3 марта}}$ 1878 года.

Въ лѣсной глуши.

Бѣжитъ ручей
Въ тѣни вѣтвей,
Звеня струей своей студёной,
А кущи ивъ,
Главы склонивъ,
Въ него глядятъ листвой зеленой.
И звонъ волны,
И блескъ весны,
И свѣжій лугъ съ травой росистой,
И дальній лѣсъ,
И глубь небесъ,
И облака въ лазури чистой—
Все нѣжитъ взоръ,
Все будитъ хоръ
Волшебныхъ грезъ въ душѣ дремотной,
И эхо ихъ—
Пѣвучій стихъ—
Изъ сердца льется беззаботно.
Волшебный день!
Приволье, тѣнь,
Веселыхъ птичекъ звонкій лепетъ,
И солнца блескъ,
И струекъ плескъ,
И листьевъ ивъ чуть слышный трепетъ...
Здѣсь чуждъ мой умъ
Тревожныхъ думъ.
Что за просторъ! Что за прохлада!
Въ нѣмой глуши
Есть для души
Неизъяснимая отрада.

А. Когенъ.

ПОВѢСТЬ ЧЕСТНАГО ГРАЖДАНИНА.

(*А. В. Никитенко.* «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ».—Дневникъ (1826—1877). Три тома).

Списокъ замѣчательныхъ русскихъ людей становится все полнѣе и богаче. У насъ много талантливыхъ писателей и ученыхъ; цѣлая плеяда оригинальныхъ, блестящихъ и образованныхъ композиторовъ; достаточно знаменитыхъ художниковъ и скульпторовъ; есть даже не лишенные дарованій администраторы и общественные дѣятели.

Конечно, нѣкоторые изъ нашихъ замѣчательныхъ людей *были*, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прекрасными гражданами. Но главное ихъ призваніе, давшее славу и блескъ именамъ этихъ людей, заслоняло присущія имъ гражданскія качества. Между тѣмъ, для современнаго русскаго общества весьма назидательно знакомство именно съ гражданскими качествами выдающихся дѣятелей,—потому что въ данной области царствуетъ теперь особенно замѣтная сумятица и понятія какъ будто перемѣшались. На несчастіе, среди такъ называемыхъ «руководителей общественнаго мнѣнія» тоже начинаютъ утрачиваться вѣрныя представленія о достоинствахъ *настоящаго гражданина*. Одни выступаютъ съ «идеальными требованіями», которымъ не удовлетворитъ ни одинъ смертный; другіе довели снисходительность и терпимость до послѣднихъ крайностей оппортунизма.

При такихъ обстоятельствахъ, опытъ характеристики «честнаго гражданина», составленный по живымъ историческимъ матеріаламъ, какими являются мемуары самого гражданина, на нашъ взглядъ, долженъ имѣть безусловное значеніе и интересъ. Конечно, ждать отъ «честнаго гражданина», о которомъ мы намѣреваемся говорить, великихъ подвиговъ самоотреченія и самопожертвованія не слѣдуетъ. Тѣмъ-то и дорогъ примѣръ, что, при всей привлекательности, онъ легко поддается подражанію.

«Честный гражданинъ»—герой нашей «повѣсти»—А. В. Никитенко, извѣстный писатель, цензоръ, профессоръ и академикъ.

I.

Никитенко родился въ семьѣ крѣпостнаго крестьянина воронежской губерніи, слободы Алексѣевской. Отецъ его былъ несомнѣнно выдающимся человѣкомъ. Попавъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ пѣвческую капеллу своего владыки, графа Шереметева, онъ обнаружилъ блестящія способности ко всему, чему его учили, и, какъ выражается А. В. Никитенко, «пріобрѣлъ разнородныя познанія, далеко превышавшія его положеніе». Здѣсь ему пришлось, между прочимъ, столкнуться «со знаменитымъ и несчастнымъ Дегтеревскимъ, немного позднѣе угасшимъ среди глубокихъ, никѣмъ не понятыхъ и никѣмъ не раздѣленныхъ, страданій». Дегтеревскій былъ талантливый музыкантъ. На него обратили вниманіе знатоки, и графъ Шереметевъ далъ ему блестящее музыкальное образованіе. Даже въ Италіи, гдѣ онъ учился, его сочиненія пріобрѣли нѣкоторую извѣстность. «Но,—разсказываетъ Никитенко,—возвратясь въ отечество, онъ нашелъ суроваго деспота, который, по ревизскому праву на душу геніальнаго человѣка, захотѣлъ присвоить себѣ безусловно и вдохновенія ея: онъ наложилъ на него желѣзную руку». Впослѣдствіи Дегтеревскій началъ сильно пить, подвергался унизительнымъ наказаніямъ—отчего пилъ съ еще бо́льшимъ ожесточеніемъ, и наконецъ умеръ, сочиняя трогательныя молитвы для хора.

Когда отецъ Никитенка потерялъ голосъ, его, семнадцатилѣтняго юношу, распорядились отправить обратно въ Алексѣевку, давъ ему въ графской канцеляріи немаловажное мѣсто старшаго писаря. Слобода Алексѣевка была обширная и многолюдная. Кромѣ семи тысячъ душъ, числившихся въ ней, администрація слободы вѣдала еще девяносто хуторовъ, съ населеніемъ свыше двѣнадцати тысячъ человѣкъ.

Вернувшись на родину въ качествѣ должностнаго лица, молодой Никитенко задумалъ повернуть установившіеся порядки на свой ладъ и нанести жестокій ударъ взяточничеству, кляузничеству и всякимъ злоупотребленіямъ, свившимъ гнѣздо въ графской канцеляріи. Пользуясь извѣстнымъ служебнымъ вліяніемъ, писарь-мечтатель принялся отстаивать правду къ великому неудовольствію взяточниковъ и кляузниковъ. Разумѣется, они повели правильную аттаку противъ идеалистическихъ новшествъ молодаго администратора и очень успѣли въ этомъ, такъ какъ Никитенко не обладалъ знаніемъ жизни и не понималъ условій, въ которыхъ находилась его дѣятельность. Борьба съ неправдою кончилась тѣмъ, что Ни-

китенка, по распоряженію графа, отрѣшили отъ должности и посадили въ тюрьму. Къ этому времени онъ уже былъ женатъ—по любви, на дѣвушкѣ изъ очень невліятельнаго и небогатаго семейства. Сидя въ тюрьмѣ, Никитенко раздобылъ при помощи жены перо, чернила и бумагу, и написалъ графу подробный отчетъ какъ о своихъ дѣйствіяхъ, такъ и о дѣйствіяхъ своихъ гонителей. Никитенка вызвали въ Петербургъ. «Графъ благосклонно выслушалъ его, но еще благосклоннѣе отнесся къ навѣтамъ противной стороны. Жалобщика признали человѣкомъ безпокойнымъ, волнующимъ умы и радѣющимъ больше о выгодахъ человѣчества, чѣмъ о графскихъ. Въ заключеніе, бѣднягу заковали въ цѣпи и привезли обратно въ слободу, гдѣ велѣли жить подъ надзоромъ мѣстныхъ властей».

Это былъ первый суровый ударъ судьбы, повлекшій за собою цѣлый рядъ другихъ, еще болѣе неожиданныхъ и тяжелыхъ.

Вернувшись изъ Петербурга, Никитенко мало по малу приспособился къ педагогической дѣятельности и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ завоевалъ себѣ извѣстную долю независимости и благосостоянія. Семью онъ держалъ «на городской ногѣ», чему много способствовала и его жена, женщина умная, энергичная, трудолюбивая и съ большимъ практическимъ смысломъ. На своего сына Александра Никитенко обращалъ серьезное вниманіе и старался сдѣлать изъ него «человѣка». Разумѣется, ученіе было выдвинуто на первый планъ, и мальчикъ предавался ему съ полнымъ усердіемъ.

Такъ прошелъ не одинъ годъ, и вдругъ надъ мирною семьею разразилось новое несчастіе. Хотя Никитенко уже давно не занималъ никакой офиціальной должности, тѣмъ не менѣе враги его не хотѣли успокоиться и отъ времени до времени нашептывали на «безпокойнаго человѣка» кому слѣдовало. Вѣдь онъ все же видѣлъ чинимыя ими безобразія и могъ, при случаѣ, вывести ихъ на свѣжую воду. Происки увѣнчались, въ концѣ концовъ, отличнымъ успѣхомъ: изъ Москвы явилось предписаніе конфисковать имущество Василія Никитенка, а его съ семействомъ сослать въ отдаленную глушь, именно въ одну изъ вотчинъ смоленской губерніи, гжатскаго уѣзда, въ деревню Чуриловку.

«Незаслуженный ударъ,—пишетъ А. В. Никитенко,—повергъ въ отчаяніе бѣднаго отца. Его маленькое благосостояніе, плодъ нѣсколькихъ лѣтъ честнаго труда, мгновенно разрушилось. Въ данномъ случаѣ не было ни слѣдствія, ни суда; все рѣшилъ слѣпой деспотическій произволъ. Кто знаетъ, какъ малороссіяне привязаны къ родному пепелищу, какъ тоскуютъ, разставаясь съ своимъ яснымъ, теплымъ небомъ и благодатными полями, какъ неохотно братаются съ москалями, тотъ вполнѣ пойметъ, что̀ значила для моихъ роди-

телей неожиданная роковая ссылка—эта разлука съ родиной, съ природою, привѣтливо отвѣчавшею на ихъ беззавѣтную любовь».

Когда изгнанники достигли мѣста изгнанія, передъ ними развернулась не веселая, особенно для глазъ малоросса, картина маленькой деревушки дворовъ въ тридцать. На занесенной снѣгомъ равнинѣ, торчали жалкія курныя избы: точь въ точь болотныя кочки или копны перепрѣвшаго сѣна. Позади шумѣлъ сосновый боръ. Унылый ландшафтъ наводилъ невыразимую тоску. Однако, люди здѣсь оказались не такъ суровы и непривѣтливы, какъ природа. «Вокругъ насъ—говоритъ авторъ «повѣсти»—все было мрачно и неприглядно, но на печальномъ фонѣ картины не замедлили выступить болѣе отрадныя явленія. Населеніе края встрѣтило насъ самымъ радушнымъ образомъ. Оно отнеслось къ намъ не какъ къ презрѣннымъ ссыльнымъ, а какъ къ людямъ, не по заслугамъ несчастнымъ... Трудъ и бѣдность шли у чуриловцевъ объ руку съ чувствомъ братства и съ состраданіемъ къ еще болѣе обездоленнымъ, чѣмъ они сами. Благодаря имъ, мы и въ ссылкѣ не чувствовали себя одинокими въ той мѣрѣ, какъ этого можно было бы ожидать».

Между тѣмъ Василій Никитенко сошелся съ нѣкоторыми помѣщиками и получилъ разрѣшеніе поселиться въ деревнѣ одного изъ нихъ для занятій съ дѣтьми помѣщика. Завелись и другіе уроки. Семья опять начала мало по малу становиться на ноги. Но тутъ ее снова постигло бѣдствіе. Случился пожаръ и Никитенки потеряли все имущество, едва-едва успѣвъ спасти жизнь. На помощь снова пришли чуриловцы. Съ міру по ниткѣ, они нанесли погорѣльцамъ всякаго убогаго добра—въ видѣ кусковъ холста, мѣшковъ съ мукою, нитокъ и т. п.

Въ это время умеръ старый графъ Шереметевъ и надъ его владѣніями, перешедшими къ малолѣтнему сыну, была учреждена опека. В. Никитенко воспользовался этимъ и послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ добился, наконецъ, своего. Онъ получилъ возможность вернуться на родину, совершенно оправданный отъ всѣхъ, взведенныхъ на него, обвиненій.

Но, вернувшись въ Алексѣевку съ почетомъ, Никитенко все таки вернулся туда нищимъ и больнымъ,—не смотря на свои двадцать семь лѣтъ. Немного отдохнувъ, онъ двинулся въ Петербургъ, куда его вызывали для объясненій. Въ отсутствіе отца, семья терпѣла всевозможныя лишенія, еле-еле находя дневное пропитаніе.

Въ Петербургѣ Никитенку удалось оправдаться передъ опекунами, но возвратился онъ оттуда совершенно больной, такъ что его на рукахъ внесли въ хату. Однако, «живительная сила роднаго

воздуха» скоро подняла измученнаго странника съ постели, хотя здоровье его было уже подточено навсегда. Чтобы вернуть прежнее благосостояніе, Никитенко пустился въ комерцію, но первая же комерческая операція не удалась ему, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ, безъ дома, безъ земли, безъ орудій для добыванія хлѣба. Пришлось снова обратиться къ учительству. Кое-какъ дѣло наладилось и Никитенки вошли въ колею непрерывнаго труда и борьбы съ нуждою.

Прошло много времени, прежде чѣмъ судьба улыбнулась неудачнику-идеалисту и крѣпостному крестьянину-интеллигенту. Онъ получилъ мѣсто управляющаго имѣніемъ у богатой богучарской помѣщицы Бедряги. Трудно было Никитенку ладить съ этою злою, своенравной, ехидной, мало-нравственной и недалекой женщиной. Однако, польза, которую онъ ей приносилъ, заставляла деспотичную старуху держаться въ извѣстныхъ границахъ. Здѣсь Никитенко, какъ и въ смоленской губерніи, скоро сошелся съ мѣстными помѣщиками, и съ однимъ изъ нихъ, Григоріемъ Ѳедоровичемъ Татарчуковымъ, даже свелъ тѣсную дружбу. Татарчуковъ былъ большимъ оригиналомъ, но добрымъ, честнымъ и по тогдашнему времени образованнымъ человѣкомъ. Часто бывая у Татарчукова, Никитенко встрѣчался съ людьми иной среды, чѣмъ та, къ которой принадлежалъ по рожденію. Между ними авторъ «повѣсти» отмѣчаетъ профессора Ивашковскаго, особенно подружившагося съ его отцомъ и состоявшаго затѣмъ съ нимъ въ перепискѣ. Время пребыванія Никитенка въ богучарскомъ уѣздѣ совпало со временемъ отечественной войны. По поводу этой послѣдней А. В. дѣлаетъ чрезвычайно интересное замѣчаніе. «Странно, говоритъ онъ, что въ этотъ моментъ сильныхъ потрясеній, которыя переживала Россія, не только нашъ тѣсный кружокъ, за исключеніемъ развѣ одного молодаго Татарчукова (лично принимавшаго участіе въ войнѣ), но и все окрестное общество равнодушно относились къ судьбамъ отечества. Отца часто навѣщали сосѣдніе помѣщики и горожане. Всѣ, правда, безропотно несли тягости, вызванныя народной войною, поставляли и снаряжали рекрутъ, терпѣли во всемъ дороговизну и прочее. Но я никогда не слышалъ въ ихъ разговорахъ теплаго участія къ событіямъ времени. Всѣ, повидимому, интересовались только своими личными дѣлами. Имя Наполеона вызывало скорѣе удивленіе, чѣмъ ненависть. Словомъ, общество наше поражало невозмутимымъ отношеніемъ къ бѣдѣ, грозившей Россіи. Это отчасти могло происходить отъ отдаленности театра войны: до насъ, дескать, врагъ еще не скоро доберется! Но главная причина тому, я полагаю, скрывалась въ апатіи, свойственной людямъ,

отчужденнымъ, какъ были тогда русскіе люди, отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и привыкшимъ не разсуждать о томъ, что вокругъ дѣлается, а лишь безпрекословно повиноваться приказаніямъ начальства».

Когда автору «повѣсти» пошелъ одиннадцатый годъ, отецъ отправилъ его въ Воронежъ и здѣсь опредѣлилъ въ уѣздное училище. Мальчикъ учился отлично и, перейдя въ старшій классъ, сдѣлался сначала авдиторомъ, а потомъ и цензоромъ. «Званіе школьнаго цензора, замѣчаетъ А. В., было какъ бы предзнаменованіемъ моего будущаго цензорства на государственной службѣ, гдѣ я претерпѣлъ столько непріятностей и гдѣ каждый день отправленія моихъ обязанностей грозилъ мнѣ бѣдою». Подъ конецъ пребыванія А. В. Никитенка въ училищѣ, надъ его отцомъ собралась и разразилась новая гроза. Помѣщица, имѣніемъ которой онъ управлялъ, выказала таки себя въ надлежащемъ свѣтѣ и по отношенію къ Никитенку, совершенно забывъ тысячи важнѣйшихъ услугъ, оказанныхъ имъ. Она учинила на бѣднаго управляющаго настоящее разбойническое нападеніе. Ему еле удалось бѣжать; семья же и имущество остались въ плѣну у Бедряги. В. Никитенко затѣялъ тяжбу съ богатой помѣщицей. Съ величайшими усиліями онъ добился, наконецъ, того, что ему возвратили семью. Но нажитое честнымъ трудомъ имущество такъ и осталось во владѣніи бандита-помѣщицы. Никитенки перебрались на хуторъ Данцевку, въ двадцати верстахъ отъ Богучара, и уже богъ знаетъ въ который разъ начали съизнова мучительную борьбу съ не забывавшей, очевидно, объ ихъ существованіи нуждою. Никитенка пригласили было въ одну изъ донскихъ станицъ привести въ порядокъ какія-то дѣла. Но почтенная помѣщица тотчасъ же всполошилась, написала отвратительный доносъ и станичное начальство упрятало его, ничего не разобравъ, въ тюрьму. По счастію, въ судьбѣ несчастнаго заключеннаго принялъ участіе полковникъ Поповъ, разсмотрѣлъ дѣло, освободилъ Никитенка изъ подъ ареста и поручилъ ему привести въ порядокъ свое имѣніе. Когда порученіе было успѣшно исполнено, полковникъ вознаградилъ недавняго «преступника» и отпустилъ его восвояси.

Между тѣмъ молодой Никитенко окончилъ уѣздное училище. И ему, и его отцу страстно хотѣлось, чтобы образованіе продолжалось, но поступленіе въ семинарію было фантастическою мечтою: двери этого учебнаго заведенія стояли закрытыми передъ рабами. Впрочемъ, на что-то еще надѣялись и отецъ снова отправилъ сына въ Воронежъ, помѣстивъ его у прежняго хозяина. Денегъ за сына В. Никитенко теперь уплатить не могъ и просилъ хозяина подождать до болѣе благопріятнаго времени. Благопріятное время, однако,

не торопилось наступить. Мечты о гимназіи окончательно рухнули. Директоръ категорически объявилъ мальчику, что принять его не можетъ. Нужно было возвращаться домой, но на какія средства?

Кое-какъ, при помощи добрыхъ людей, юный Никитенко выбрался изъ Воронежа и вернулся въ семью, переселившуюся въ Острогожскъ. Объ Острогожскѣ авторъ повѣсти сообщаетъ подробныя свѣдѣнія и они дѣйствительно очень интересны. Острогожскъ въ то время былъ замѣчательный городъ. «На разстояніи многихъ верстъ отъ столицъ, въ степной глуши, онъ проявлялъ жизненную дѣятельность, какой тщетно стали бы тогда искать въ гораздо болѣе обширныхъ и лучше расположенныхъ центрахъ россійской имперіи. И умственный, и нравственный уровень его стоялъ неизмѣримо выше не только большинства уѣздныхъ, но и многихъ губернскихъ городовъ. Въ немъ процвѣтала заводская промышленность. Купечество ворочало большими капиталами... Большинство зажиточныхъ помѣщиковъ этого уѣзда проводило часть года въ городѣ, гдѣ имѣло домá. Они, какъ и все острогожское дворянство, были одушевлены особымъ корпоративнымъ духомъ и радѣли о чести своего сословія. Оттого образъ дѣйствій ихъ отличался достоинствомъ, мало извѣстнымъ въ тѣ времена развращающаго крѣпостничества. О взяточничествѣ между ними не было и помину. Служившіе по выборамъ были истинными и нелицепріятными слугами общества. Во главѣ мѣстной аристократіи стояли люди, извѣстные не одною родовитостью, но и полезною дѣятельностью».

На первыхъ порахъ, положеніе семьи Никитенка въ Острогожскѣ было чрезвычайно тяжелое и безнадежное. Отецъ съ трудомъ доставалъ ничтожную работу, нищенски оплачивавшуюся, и окончательно падалъ духомъ. Все бремя поддержки и пропитанія семьи теперь легло на его жену, и долгое время ея комисіонерскій трудъ по продажѣ и покупкѣ подержанныхъ вещей составлялъ главный, почти единственный, ресурсъ семьи. Видя положеніе отца и непосильную работу матери, юный А. В. возгорѣлъ пламеннымъ желаніемъ помочь имъ. И судьба помогла ему тотчасъ же: онъ получилъ уроки. Съ этого момента начинается самостоятельная трудовая жизнь Александра Васильевича Никитенка. Года черезъ два юноша имѣлъ уже массу уроковъ и пользовался репутаціею отличнаго, умѣлаго преподавателя. Мѣстное общество отнеслось къ нему съ теплымъ сочувствіемъ. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ гражданъ и дворянъ приняли въ немъ участіе, обласкали его. И Никитенко никогда не забывалъ о нихъ. «Никого изъ нихъ—съ искреннимъ, глубокимъ чувствомъ говоритъ онъ въ своей грустной «повѣсти»,—уже нѣтъ на свѣтѣ, но память о нихъ жива въ моемъ сердцѣ. Ихъ теплому

участію, гуманному забвенью моего гражданскаго ничтожества, ихъ снисхожденію къ моимъ юношескимъ, часто невоздержнымъ стремленіямъ и, наконецъ, великодушному содѣйствію и отрезвляющему вліянію обязанъ я тѣмъ, что не изнемогъ въ борьбѣ съ судьбою, не утонулъ, такъ сказать, въ себѣ самомъ, въ безднѣ безплоднаго самосозерцанія, не утратилъ вѣры въ добро, въ людей, въ самого себя. Я жилъ въ ихъ средѣ. Ихъ общество было моимъ. И теперь, на склонѣ лѣтъ, проходя мыслями совершонный мною съ тѣхъ поръ длинный путь, я съ умиленіемъ и благодарностью вспоминаю, какъ много имъ обязанъ. Они первые протянули мнѣ руку помощи и помогли подняться на тѣ ступени общественной лѣстницы, гдѣ я, наконецъ, могъ безнаказанно считать себя человѣкомъ».

Разумѣется, общеніе съ гуманными и образованными людьми должно было произвести въ душѣ юноши цѣлый переворотъ, еще ярче показать ему весь ужасъ и всю вопіющую несправедливость того дикаго, безправнаго состоянія, въ которомъ онъ находился. Не мудрено, что юношу посѣщала иногда мысль о самоубійствѣ. «Нѣтъ, говорилъ онъ себѣ, такъ не годится: этому не бывать! пусть я не самъ себѣ господинъ, пусть я ничто въ глазахъ людей и ихъ законовъ! У меня все же есть одно право, котораго никто не въ силахъ лишить меня: это—право смерти. Въ крайнемъ случаѣ я не премину воспользоваться имъ. А до тѣхъ поръ—смѣло впередъ».

Онъ раздобылъ пистолетъ, пороху и двѣ пули. Подъ защитой смерти уже ничто болѣе не страшило его!..

Кругъ сношеній со свободными и образованными людьми между тѣмъ расширялся. Въ Острогожскѣ и въ его окрестностяхъ расположились войска. Никитенко скоро сблизился съ нѣкоторыми изъ офицеровъ. Тутъ же онъ впервые встрѣтился съ К. Ѳ. Рылѣевымъ. Но знакомство ихъ состоялось уже позднѣе въ Петербургѣ, гдѣ Рылѣевъ оказалъ Никитенку немалую услугу. Наибольшее значеніе для А. В. имѣло въ то время знакомство съ генераломъ Юзефовичемъ, жившимъ въ Острогожскѣ съ сестрою и ея дочкой, десятилѣтней дѣвочкой, и съ другой племянницей. Никитенко былъ приглашенъ давать уроки маленькимъ барышнямъ. Юзефовичъ долгое время дарилъ юнаго педагога расположеніемъ и покровительствомъ. Тѣмъ временемъ отецъ Никитенка умеръ въ Тирасполѣ, куда генералъ отправилъ его вести тяжебное дѣло. Горькія строки посвящаетъ этому событію авторъ «повѣсти о самомъ себѣ». «Бѣдный, бѣдный отецъ! На что послужили ему способности, благородство чувствъ и честность поступковъ. Все это было въ немъ исковеркано, придавлено средою и обстоятельствами. Можно ли винить его въ томъ, что онъ не превозмогъ своей судьбы, не всегда

умѣлъ противиться страстямъ? Нѣтъ, пусть ищутъ героевъ, гдѣ хотятъ, но не въ русскомъ крѣпостномъ человѣкѣ, для котораго каждое преимущество его натуры являлось новымъ бичемъ, новымъ поводомъ къ паденію. А отецъ мой до послѣдняго вздоха сохранилъ настолько уваженія къ своему попранному человѣческому достоинству, что и въ позорѣ своего положенія не опозорилъ себя ни однимъ низкимъ дѣломъ, ни одной безчестной мыслью».

Вскорѣ послѣ смерти отца, Никитенко былъ вынужденъ слѣдовать за семьею Юзефовича въ Елецъ, а черезъ годъ въ Чугуевъ. Здѣсь Юзефовичъ устраивалъ военныя поселенія по рецепту Аракчеева. Отношенія Юзефовича къ Никитенку стали замѣтнымъ образомъ мѣняться, хотя большихъ поводовъ къ тому и не было. Наконецъ, они до такой степени сдѣлались въ тягость молодому человѣку, что онъ добился дозволенія вернуться къ своимъ и наконецъ уѣхалъ, унося самыя лучшія воспоминанія о своихъ друзьяхъ—сестрѣ Юзефовича и его племянницѣ. Вскорѣ причина странностей генерала обнаружилась: онъ сошелъ съ ума.

Вернувшись въ Острогожскъ, Никитенко встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны своихъ старыхъ знакомыхъ и вновь принялся за учительскую дѣятельность. Однако, надъ нимъ въ непродолжительномъ времени разразилась бѣда. Одинъ изъ учителей мѣстнаго училища, недовольный конкурренціей со стороны безправнаго педагога, поднялъ исторію, которая легко могла окончиться для Никитенка скверно и лишить его, вмѣстѣ съ семьею, средствъ къ существованію. Пришлось ѣхать въ Воронежъ и тамъ ходатайствовать передъ директоромъ гимназіи. Конечно, острогожскіе друзья не преминули снабдить безправнаго педагога рекомендательными письмами и вообще постарались отвлечь отъ него грозившія непріятности. Въ концѣ концовъ, дѣло завершилось благополучно. Хотя формальнаго разрѣшенія преподавать Никитенко и не получилъ, тѣмъ не менѣе обѣщали ему устроить такъ, чтобы его уже болѣе не безпокоили.

Не смотря на благополучный исходъ, это происшествіе не могло не произвести на молодаго человѣка самаго гнетущаго дѣйствія: оно еще разъ наглядно доказало ему, какъ непрочно добываемое трудами его рукъ, какъ ложно положеніе, занятое имъ, крѣпостнымъ человѣкомъ господина Шереметева. Нужно было сбросить ярмо раба, но какимъ образомъ? Вся надежда основывалась на личныхъ свойствахъ молодаго графа. Быть можетъ, онъ—умный и сердечный человѣкъ. Быть можетъ, онъ пойметъ весь трагизмъ положенія образованнаго раба и изъ полутораста тысячъ «подданныхъ» отпуститъ одного на волю. Но надежда не осуществилась. Ограниченный и

пустой офицерикъ, безотчетно распоряжавшійся участью сотни тысячъ людей, скорѣе бы тронулся воемъ избитой собаки, чѣмъ стономъ познавшаго себя раба. Ходатайство Никитенка Шереметевъ «оставилъ безъ уваженія».

Между тѣмъ избавленіе все таки шло къ юношѣ — помимо его надеждъ и воли сіятельнаго душевладѣльца. Въ Острогожскѣ основалось библейское общество. Конечно, членами его сдѣлались многіе друзья Никитенка, а предсѣдателемъ—Владиміръ Ивановичъ Астафьевъ, относившійся къ даровитому юношѣ съ глубокой симпатіей. Въ секретари общества избрали Никитенка. Это было для него большимъ почетомъ. Надо ли говорить, съ какой энергіей взялся молодой секретарь за выполненіе возложенныхъ на него обязанностей. Онъ еще не подозрѣвалъ всего блага, которое было сопряжено съ этимъ секретарствомъ. 27 ноября 1824 г. состоялось первое общее собраніе библейскаго товарищества. «Это вѣчно-памятный день!—восклицаетъ Никитенко. Его хотѣли обставить какъ можно торжественнѣе. Изъ уѣзда съѣхалось много помѣщиковъ. Въ залу засѣданія собрались почетные горожане и всѣ главныя чиновныя лица. Я выступилъ передъ собраніемъ съ отчетомъ, который составилъ къ этому дню, о дѣйствіяхъ и матеріальныхъ средствахъ товарищества, а въ заключеніе прочелъ рѣчь собственнаго издѣлія. Я говорилъ о высокомъ значеніи религіозныхъ истинъ, открытыхъ намъ евангеліемъ, о благотворномъ вліяніи ихъ на частную и общественную нравственность, и коснулся пользы, какую могутъ принести въ этомъ смыслѣ соединенныя усилія просвѣщенныхъ гражданъ, посредствомъ распространенія св. писанія. Мнѣ теперь кажется, что все достоинство моей рѣчи заключалось въ искреннемъ увлеченіи и юношескомъ пылѣ, съ какимъ я ее произнесъ. Это подкупило слушателей, большинство которыхъ, къ тому же было ко мнѣ дружески расположено. Послѣдовалъ взрывъ энтузіазма, и мнѣ была сдѣлана настоящая овація. Собраніе единодушно постановило представить мою рѣчь главному президенту библейскихъ обществъ въ Россіи, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, и ходатайствовать о позволеніи напечатать ее. Не знаю, питали ли мои друзья, приходя къ этому соглашенію, какія нибудь надежды на мой счетъ. Но на меня оно произвело дѣйствіе живительнаго луча. Въ сердце закралось предчувствіе близкаго рѣшенія моей участи. «Теперь или никогда», — думалъ я:—если этотъ случай пройдетъ безслѣдно, тогда всему конецъ». Я отъ волненія лишился сна, апетита, бродилъ, какъ тѣнь, нигдѣ не находя покоя».

Такъ длилось около мѣсяца. Затѣмъ пришло письмо отъ князя

Голицына на имя Астафьева. Князь писалъ, что «съ большимъ удовольствіемъ прочелъ доставленную ему рѣчь, которая свидѣтельствуетъ не только объ учености и талантѣ автора, но и о благородномъ образѣ его мыслей». При этомъ князь просилъ доставить ему слѣдующія свѣдѣнія: «кто авторъ рѣчи, какого онъ званія, возраста, и имѣетъ ли семейство». Товарищество поспѣшило дать на все удовлетворительные отвѣты.

Добрый князь А. Н. Голицынъ принялъ теплое участіе въ судьбѣ Никитенка и вошелъ по его дѣлу въ сношенія съ Шереметевымъ. Результатомъ этого былъ вызовъ молодаго человѣка въ Петербургъ. Однако, Шереметевъ не захотѣлъ такъ легко разстаться съ умнымъ, образованнымъ и талантливымъ рабомъ. Если онъ уменъ, талантливъ и образованъ—тѣмъ лучше его господину. Пусть господинъ снимаетъ пѣнки съ таланта, ума и образованія, тѣмъ болѣе, что самъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ похвастаться не могъ.

Много тяжелыхъ мытарствъ пришлось испытать Никитенку въ Петербургѣ, прежде чѣмъ онъ добился своего. По счастію, защитники его не дремали. «Слухи о моихъ превратностяхъ,—пишетъ Александръ Васильевичъ,—проникли въ великосвѣтскіе салоны. Мною заинтересовались дамы высшаго круга. Одна изъ нихъ, графиня Чернышева, даже взялась лично аттаковать за меня графа Шереметева. Узнавъ о колебаніяхъ его, она прибѣгла къ слѣдующей хитрости.

«У нея въ домѣ было большое собраніе. Въ числѣ гостей находился и молодой графъ. Графиня Чернышева подошла къ нему съ привѣтливою улыбкой, подала руку и во всеуслышаніе сказала:

«— Мнѣ извѣстно, графъ, что вы недавно сдѣлали доброе дѣло, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ другія добрыя дѣла ваши. У васъ оказался человѣкъ съ выдающимися способностями, который обѣщаетъ много впереди, и вы дали ему свободу. Считаю величайшимъ для себя удовольствіемъ благодарить васъ за это: подарить полезнаго члена обществу—значитъ многихъ осчастливить.

«Графъ растерялся, расшаркался и пробормоталъ въ отвѣтъ, что радъ всякому случаю доставить ея сіятельству удовольствіе».

Такимъ образомъ, на Шереметева со всѣхъ сторонъ оказывали давленіе, со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ имя Никитенка и настоятельныя просьбы отпустить на волю талантливаго и образованнаго молодаго человѣка. Наконецъ, дружныя усилія массы ходатаевъ, подкрѣпленныя еще находчивостью управляющаго графа, сломили упорство рабовладѣльца: 11 ноября 1824 года онъ подписалъ Александру Васильевичу Никитенку «вольную». Въ заключеніе Шере-

БИБЛІОТЕКА

метевъ все таки не могъ не замѣтить: «однако, этому молодому человѣку надо хорошенько намылить голову за то, что онъ надѣлалъ столько шуму. Точно я не могъ самъ по себѣ сдѣлать то, что дѣлаю изъ уваженія къ друзьямъ».

Какъ бы и когда бы онъ сдѣлалъ это «самъ по себѣ»—нетрудно понять, вспомнивъ длинный и тяжелый путь, которымъ шло освобожденіе Никитенка.

Немногими, но сильными словами привѣтствуетъ А. В. свое освобожденіе: «я отказываюсь говорить о томъ, что я пережилъ и перечувствовалъ въ эти первыя минуты глубокой, потрясающей радости... Хвала Всевышнему и вѣчная благодарность тѣмъ, которые помогли мнѣ возродиться къ новой жизни».

На этомъ кончается «Повѣсть о самомъ себѣ». О дальнѣйшей судьбѣ Никитенка подробно узнаёмъ изъ его «Дневника», — единственнаго въ своемъ родѣ литературно-житейскаго документа.

II.

Я назвалъ «Дневникъ» Никитенка единственнымъ въ своемъ родѣ литературно-житейскимъ документомъ не потому, чтобы онъ отличался блестящимъ изложеніемъ или содержалъ въ себѣ строго систематизированные, имѣющіе важное значеніе, факты. Нѣтъ, авторъ «Дневника» пишетъ иной разъ очень небрежно, не соблюдаетъ послѣдовательности, интересной для посторонняго читателя, и многаго касается лишь мелькомъ. «Дневникъ» замѣчателенъ по другимъ причинамъ. Первыя напечатанныя его страницы относятся къ 1826 году, послѣднія—къ 1877. Такимъ образомъ, Никитенко бесѣдуетъ самъ съ собою въ теченіе пятидесяти лѣтъ слишкомъ, начиная бесѣду юнымъ студентомъ петербургскаго университета и кончая ее уже заслуженнымъ профессоромъ, академикомъ, тайнымъ совѣтникомъ, украшеннымъ массою знаковъ отличія, извѣстнымъ литераторомъ и ученымъ. На протяженіи этихъ пятидесяти лѣтъ, Никитенку приходилось встрѣчаться съ безчисленнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, вращаться въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, переживать громадной важности общественныя и государственныя событія, испытать въ личной жизни немало всякихъ пертурбацій и перемѣнъ.

Мы нисколько не удивились бы, еслибы Никитенко двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ не походилъ на Никитенка шестидесятыхъ и семидесятыхъ. Вообще жизнь пережить—не поле перейти, а прожить такую жизнь, какую прожилъ Никитенко, и подавно задача мудреная. На его глазахъ совершались удивительныя метаморфозы.

Сколько разъ ему приходилось съ горечью и болью отмѣчать, что такой-то благородный человѣкъ, одушевленный самыми лучшими намѣреніями, по достиженіи извѣстной высоты, летѣлъ съ нея «въ тину нечистую мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей» и сжигалъ то, чему поклонялся. Люди не робкіе и не слабые измѣняли себѣ на каждомъ шагу. Еслибы Никитенко далъ себѣ трудъ сконцентрировать всѣ случаи отступничества и измѣнъ, онъ, конечно, получилъ бы отличный матеріалъ, опираясь на который, легко могъ бы оправдать собственную неустойчивость и собственное шатанье. Но Никитенку не было надобности предпринимать подобнаго труда. Каждый разъ, когда онъ оглядывался на свое прошлое, ему не приходилось краснѣть за него:—были ошибки, были заблужденія, но не было ни сознательно произведеннаго зла, ни предосудительныхъ сдѣлокъ съ совѣстью. Зато Никитенко могъ бы привести длинный списокъ своихъ заслугъ передъ обществомъ вообще и передъ *литературой* въ особенности. Будучи цензоромъ въ крутое николаевское время, онъ всячески старался умѣрить цензурный *произволъ* и успѣлъ на этомъ пути столько, сколько не могли успѣть *другіе*— еслибы и хотѣли.

Впрочемъ, о цензорской дѣятельности А. В. намъ еще предстоитъ говорить подробно.

Всегда оставаясь неизмѣнно-честнымъ человѣкомъ и труженикомъ, Никитенко не измѣнилъ и убѣжденіямъ своимъ, сочувствуя осмысленному движенію впередъ, расширенію правъ народа и т. д., и т. д. Въ то же время онъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ относился къ себѣ, не обольщаясь насчетъ удачъ и не особенно горюя о пораженіяхъ, если они не были вызваны его опрометчивостью или непохвальною слабостью. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ оцѣниваетъ свою профессорскую дѣятельность наканунѣ оставленія каѳедры (1864 г.):

«Признаюсь, грустно мнѣ оставлять университетъ. Бо́льшая и лучшая часть моей жизни посвящена ему. Но, можетъ быть, я, дѣйствительно, не въ состояніи буду дальше приносить той пользы слушателямъ, какую можетъ принести имъ новое лицо со свѣжими силами? Настоящее мое значеніе въ нашей университетской наукѣ было нравственно-философское, а теперь требуютъ преимущественно фактовъ. Фактами по русской словесности и я, конечно, могу быть не бѣденъ. Но мнѣ недостаетъ возможности *сравнительнаго* способа, по незнанію моему иностранныхъ языковъ. Вотъ гдѣ настоящій для меня камень преткновенія. Я чувствую мои силы въ философской и эстетической сферѣ; знаю, что мои слушатели могутъ получить отъ меня, можетъ быть, вѣрныя основныя начала, могутъ

развиться подъ моимъ руководствомъ въ высшихъ соображеніяхъ по литературѣ и особенно утвердиться въ сочувствіи къ великимъ истинамъ науки и жизни, потому что я самъ глубоко проникнутъ этимъ, имѣю для подобнаго руководства достаточный запасъ опытности, пожалуй, и способностей. Но этого недостаточно при нынѣшнихъ требованіяхъ науки. На это было время, и я могу безъ всякаго глупаго жеманства и мелочнаго самолюбія по совѣсти сказать, что тогда приносилъ и принесъ свою долю пользы. На этомъ я и долженъ успокоиться. Истинно честный дѣятель не только честно служитъ своему дѣлу, но еще и умѣетъ, ради пользы этого любимаго своего дѣла, своевременно и добровольно отъ него отказаться и передать его въ болѣе сильныя руки».

Никитенко былъ именно такимъ честнымъ дѣятелемъ, любившимъ свое дѣло. Приведенная выдержка какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о его скромности «безъ глупаго жеманства» и знаніи себѣ цѣны—безъ крайностей самомнѣнія и хлестаковщины.

Значительно позднѣе (въ 1872 г.) Александръ Васильевичъ говоритъ вообще о своей службѣ обществу: «Моя служба обществу разбивается на двѣ половины: на учено-литературную и литературно-административную. Могу сказать одно, что въ первой я всегда старался проводить идеи, возвышающія человѣческое достоинство нашей національности. Во второй я не безъ нѣкотораго мужества старался отражать напоръ неблагопріятныхъ обстоятельствъ противъ нашей мысли и науки. Болѣе я ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Пусть по этому и судятъ меня».

Судя о дѣятельности Никитенка въ предѣлахъ, указанныхъ имъ самимъ, наиболѣе строгій судья не вынесъ бы приговора, менѣе снисходительнаго. Конечно, я подразумѣваю, что строгій судья въ то же время и судья честный. Нечестные судьи думаютъ иначе и не конфузятся зачислять Никитенка въ разрядъ людей, гордыхъ, по выраженію поэта, тѣмъ, что «не вредятъ». Здѣсь скрывается, конечно, крупное недоразумѣніе. Люди, которые отказываются признать заслуги Никитенка передъ обществомъ и литературой, стоятъ на совершенно фантастической точкѣ зрѣнія. Ихъ девизъ: «все или ничего». Никитенко говоритъ, что «не безъ извѣстнаго мужества старался отражать напоръ неблагопріятныхъ обстоятельствъ противъ нашей мысли и науки». Люди съ девизомъ: «все или ничего» кричатъ, что этого мало, что надо было сокрушить напоръ въ дребезги, или сидѣть сложа руки. Теорія чудесная, свидѣтельствующая, что проповѣдники ея — или граждане «Утопіи», или лежебоки. Вѣрнѣе, въ данномъ случаѣ, послѣднее. Какой нибудь «ультра-принципіальный журналистъ», всю жизнь проведшій въ нескончаемой

болтовнѣ, не можетъ иногда понять самой простой вещи. Никитенко прошелъ слишкомъ исключительную и тяжелую житейскую школу, чтобы пренебрегать простыми вещами и не пытаться проникнуть въ ихъ сокровенный смыслъ. Примѣръ отца всегда былъ передъ его глазами. Еслибы отецъ Никитенка, явившись на родину въ качествѣ должностнаго лица, началъ борьбу со взяточниками и кляузниками постепенно, а не налетѣлъ на нихъ ураганомъ,—съ нимъ не такъ-то легко было бы справиться. Обладая бо̀льшимъ, чѣмъ всѣ они, умомъ, образованіемъ и талантомъ, В. Никитенко незамѣтно пріобрѣлъ бы значеніе и вліяніе среди графской администраціи. Отсюда слѣдовало ждать самыхъ благопріятныхъ результатовъ какъ лично для него, такъ и для дѣла, за которое онъ ратовалъ.

Но пылкій идеалистъ, крѣпостной писарь, задумалъ однимъ движеніемъ руки перевернуть алексѣевскій міръ. Конечно, этотъ *міръ* оказался неизмѣримо сильнѣе отдѣльнаго человѣка. Первымъ же поворотомъ рычага, за который взялся неразсчетливый борецъ, его отшвырнуло прочь, надорваннаго и искалѣченнаго.

Повторить ошибку отца А. В. могъ бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы природа обдѣлила его здравымъ смысломъ и пониманіемъ *простыхъ вещей*. Никитенко очень хорошо сознавалъ, что открытая борьба была бы чистымъ донъ-кихотствомъ, что въ иныхъ случаяхъ показать карты значитъ не только не помочь дѣлу, не только погубить дѣло, но создать положеніе еще худшее, чѣмъ прежнее.

Людямъ, принявшимъ на себя курьезную, но и безопасную задачу ставить ультиматумы, которыхъ никто не принимаетъ и не слушается—очень легко рисоваться «идеальной» требовательностью. Какой нибудь пустозвонъ можетъ сколько угодно кричать: «хочу полной свободы печати, не хочу цензуры ни предварительной, ни карательной»—все равно его гласъ останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и онъ будетъ неизмѣнно продолжать путешествіе между цензурными Сциллой и Харибдой.

Задача Никитенка была совершенно инаго рода. Онъ, можно сказать, по грошамъ выторговывалъ то одну льготишку, то другую, то одно «снисхожденіе», то другое. Впослѣдствіи я подробно буду говорить о цензорской и вообще литературно-административной дѣятельности Никитенка, теперь же достаточно и этихъ общихъ указаній, чтобы покончить съ претензіями «требовательныхъ людей».

Мудрая умѣренность, которая помогала Никитенку отстаивать нерѣдко важные, но имѣвшіе очень сомнительные шансы на успѣхъ, интересы литературы и науки, помогала ему также правильно оцѣнивать достоинство людей. Никитенко никогда не подходилъ къ

людямъ съ «идеальными» требованіями. Онъ зналъ, что идеальнымъ требованіямъ никто удовлетворить не можетъ, и потому предъявлять ихъ—трудъ напрасный. Каждое доброе движеніе человѣческой души находило въ немъ живѣйшій отголосокъ; каждая малѣйшая заслуга, малѣйшее искреннее желаніе принести пользу имѣло въ его глазахъ значеніе. Можно ли отсюда сдѣлать выводъ относительно «оппортунизма» Никитенка? Нѣтъ, Никитенко не былъ оппортунистомъ. Онъ не мирился ни съ сановниками, ни съ литераторами, ни съ профессорами, ни съ частными людьми, направленіе дѣятельности которыхъ зависѣло исключительно отъ эгоистическихъ побужденій. Главное требованіе, предъявляемое имъ къ людямъ, я формулировалъ бы такъ: человѣкъ можетъ ошибаться, можетъ ослабѣвать, можетъ поддаться малодушію. Ему свойственны недостатки и даже пороки. Но черезъ всю его жизнь должно красною нитью проходить искреннее, осмысленное и, сообразно силамъ, настойчивое стремленіе къ добру. Если это стремленіе налицо — человѣкъ достоинъ уваженія въ мѣру совершеннаго имъ и въ мѣру *искренности* и неуклонности благороднаго стремленія.

Благодаря такому взгляду, Никитенко уважалъ не только *хорошихъ* людей, но и такихъ, которые *искренно* хотѣли быть хорошими. Разумѣется, когда хотѣніе оставалось только хотѣніемъ и изъ него путнаго не выходило — Никитенко измѣнялъ мнѣніе о человѣкѣ. Вѣдь нельзя все, безъ разбора, валить на «обстоятельства». Личныя усилія также очень много значатъ; оттого-то люди, находящіеся въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, часто кончаютъ совсѣмъ не одинаково.

Такимъ образомъ, основы житейской философіи Никитенка не содержатъ въ себѣ ничего головоломнаго, и если не безусловно справедливы, то очень полезны въ практическомъ примѣненіи. А Никитенко былъ человѣкомъ не только кабинетной дѣятельности, но и практической жизни. Слѣдовательно, для него данныя основы были весьма пригодны. Руководствуясь ими, онъ безконечно рѣже впадалъ въ ошибки, чѣмъ люди «идеальныхъ» требованій.

Послѣ этого необходимаго отступленія, возвращаюсь къ «Дневнику». Связи въ кругу значительныхъ чиновниковъ и аристократовъ, пріобрѣтенныя Никитенкомъ въ теченіе петербургскаго періода «борьбы за свободу», пригодились ему, когда онъ достигъ, наконецъ, своей завѣтной цѣли и поступилъ въ университетъ. На первыхъ порахъ студента пріютила нѣкая г-жа Штеригъ. За столъ и комнату Никитенко былъ обязанъ заниматься съ сыномъ «благодѣтельницы» и исполнять разныя работы для нея самой. Такъ тянулось болѣе двухъ лѣтъ. Имѣя кровъ и кусокъ хлѣба, молодой сту-

дентъ не имѣлъ ни копѣйки денегъ, безъ которыхъ и въ то блаженное время существовать, конечно, было немыслимо. Вѣроятно, Никитенко не легко рѣшилъ бы возникшую на этой почвѣ проблему, еслибы природа и обстоятельства не снабдили его замѣчательной выдержкой, тактомъ и трудолюбіемъ. Благодаря содѣйствію Д. И. Языкова, Никитенко, послѣ долгаго ожиданія, получилъ занятія въ канцеляріи попечителя. Языковъ предлагалъ Никитенку устроить его казеннокоштнымъ студентомъ, но молодой человѣкъ имѣлъ въ виду посвятить себя научной дѣятельности и не желалъ лѣзть въ новую петлю. Точно также отклонилъ онъ предложеніе попечителя «повліять» на г-жу Штеригъ и заставить ее платить А. В. жалованье.

На литературное поприще Никитенко выступилъ, будучи еще въ университетѣ. Его первая работа появилась въ «Сынѣ Отечества» и обратила на себя вниманіе. По окончаніи университета, попечитель предложилъ А. В. отправиться за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія. Никитенко попросилъ нѣсколько дней на размышленіе и вскорѣ же пришелъ къ категорическому рѣшенію. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу въ «Дневникѣ»: «По возвращеніи изъ-за границы, придется четырнадцать лѣтъ служить профессоромъ по назначенію отъ правительства. Я люблю науку и жажду познаній, но не въ качествѣ ремесленника, а, главное, не могу примириться ни съ чѣмъ, что хотя сколько нибудь отзываетъ *закрѣпощеніемъ* себя (курсивъ автора «Дневника»). Раны отъ неволи еще слишкомъ свѣжи во мнѣ, для того чтобы я добровольно согласился еще разъ испытать ее на себѣ, хотя и въ смягченномъ и облагороженномъ видѣ. Соблазнъ усовершенствоваться въ Германіи, конечно, великъ, но я предпочитаю *свободно* располагать своей будущностью въ Россіи».

Ненависть къ закрѣпощенію всегда слышится въ словахъ Никитенка, о какомъ бы видѣ закрѣпощенія ни шла рѣчь. Недаромъ онъ такъ упорно и такъ долго велъ борьбу за свою свободу. Поступиться хоть частью ея для него представлялось немыслимымъ — черта, заслуживающая вниманія и весьма опредѣленно характеризующая этого замѣчательнаго человѣка.

Выдя изъ университета, Никитенко устроился довольно недурно: онъ получилъ мѣсто секретаря при попечителѣ съ жалованьемъ въ 1,200 р., лекціи въ пансіонѣ Курнанда за 1,600 р. и уроки словесности у одного изъ родственниковъ Я. И. Ростовцева, друга Никитенка. Въ 1829 г. Никитенку предложили каѳедру естественнаго права, но дѣло не состоялось; зато въ слѣдующемъ году А. В. читалъ уже лекціи по политической экономіи, выступивъ

на первыхъ порахъ въ качествѣ «помощника ординарнаго профессора Бутырскаго». Въ «Дневникѣ» этого времени начинаютъ попадаться болѣе или менѣе категорическія сужденія о разныхъ интересныхъ событіяхъ, какъ литературныхъ, такъ общественныхъ и административныхъ. Такъ, онъ отмѣчаетъ выходъ перваго тома «Исторіи русскаго народа» Н. А. Полеваго и говоритъ по этому поводу: «Еще до появленія въ свѣтъ этой книги, она уже была осуждаема и превозносима. Такъ называемые патріоты, почитатели добраго Карамзина, не понимаютъ, какъ можно осмѣлиться писать исторію послѣ Карамзина. Партія эта состоитъ изъ двухъ элементовъ. Одни изъ нихъ—царедворцы, вовсе не мыслящіе или мыслящіе по заказу властей; другіе, у которыхъ есть охота судить и рядить, да недостаетъ толку и образованія, въ простотѣ сердца вѣруютъ, что Карамзинъ дѣйствительно написалъ «Исторію русскаго народа», а не исторію русскихъ князей и царей. Конечно, есть также люди благомыслящіе и образованные, судъ которыхъ основывается на мышленіи и доказательствахъ, но ихъ немного. Эти послѣдніе знаютъ, чѣмъ обязано отечество Карамзину, но знаютъ также, что его твореніе не удовлетворяетъ требованіямъ идеи исторіи столько, сколько удовлетворяетъ требованіямъ вкуса».

Я нарочно привелъ этотъ отрывокъ, какъ образчикъ сдержанности и безпристрастія Никитенка въ сужденіяхъ о предметахъ, можетъ быть, ему несимпатичныхъ (какъ «твореніе» Карамзина), но и при всѣхъ недостаткахъ все таки имѣющихъ цѣнность.

Далѣе, подъ тѣмъ же годомъ, находимъ нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ: «Воейковъ посаженъ на гауптвахту. Въ одно время съ нимъ посажены Булгаринъ и Гречъ, будто бы за неумѣренныя и пристрастныя литературныя рецензіи (!!). Въ Москвѣ цензоръ Глинка также заключенъ на двѣ недѣли. Бѣдное сословіе писателей. У насъ жалуются на недостатокъ хорошихъ писателей. Есть люди съ дарованіями, но имъ недостаетъ развитія. Послѣдняго и вообще не много у насъ. Отчего? Причина очевидна. Мы можемъ быть настолько развиты и просвѣщенны, на сколько позволяютъ условія нашей жизни. Въ городѣ очень многіе радуются тому, что Воейкова, Булгарина и Греча посадили на гауптвахту. Ихъ беззастѣнчивый эгоизмъ всѣмъ надоѣлъ. *Пусть такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава*».

Въ концѣ 1830 года послѣдовало распоряженіе, по которому ни одно сочиненіе не допускалось къ печати безъ подписи авторскаго имени. Подъ впечатлѣніемъ этого «подарка русскимъ писателямъ къ новому году», А. В. пишетъ: «Истекшій годъ, вообще, принесъ

мало утѣшительнаго для просвѣщенія Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники. Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности. Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самыми, которые ихъ составляютъ; какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. д. Въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія, который тѣмъ хуже, чѣмъ онъ сокровеннѣе: это червь, подтачивающій дерево. Якобинецъ порадуется этому, но человѣкъ мудрый пожалѣетъ о политическихъ ошибкахъ, конецъ коихъ предвидѣть нетрудно».

Уже по этимъ наброскамъ можно видѣть, что Никитенко *далеко* не счастливыми глазами смотрѣлъ на дѣйствительность, *хотя ему* лично особенно жаловаться было не на что. Но въ складѣ его ума было нѣчто скептическое и пессимистическое. Прочитавъ, напримѣръ, извѣстную повѣсть Гюго: «Послѣдній день *приговореннаго* къ смерти», Никитенко сознаётся, что «этого сочиненія нельзя читать безъ содроганія». Среди современныхъ критиковъ врядъ ли многіе одобрили бы смакованіе подобныхъ сюжетовъ, подобно тому, какъ далеко не всѣмъ по душѣ ужасы въ романахъ Достоевскаго, хотя эти ужасы и имѣютъ яко бы глубочайшее «психологическое значеніе». Никитенко, по поводу «Дня осужденнаго», задается вопросомъ: «справедливо ли упрекаютъ нынѣшнихъ романистовъ за то, что они выбираютъ сюжеты столь мрачные», и склоняется къ мысли, что несправедливо. «Эти писатели,—разсуждаетъ онъ,—заслуживаютъ, напротивъ, благодарность. Въ самыхъ мрачныхъ глубинахъ сердца человѣческаго, среди тяжкаго напряженія страстей, они отыскиваютъ искры нравственной красоты и спасаютъ отъ отчаянія душу человѣческую, которая безъ сего ужаснулась бы самой себѣ, при видѣ нѣкоторыхъ пороковъ и злодѣяній. Это-то и есть поэтическая сторона произведеній, въ которыхъ играютъ роль убійцы и всякаго рода злодѣи и преступники. Въ этихъ произведеніяхъ, кромѣ того, обращается вниманіе читателя на причины кровавыхъ событій, гдѣ человѣкъ является такъ низко падшимъ. Они указываютъ въ сердцѣ злополучнаго свѣтлую точку, которая была зерномъ добрыхъ наклонностей, но въ заключеніе подернулась, какъ тиною, томленіями нищеты, ранними незаслуженными страданіями, презрѣніемъ, которымъ свѣтъ многихъ обременяетъ при первомъ появленіи на сцену жизни. Но для чего это? спросятъ. Для того, чтобы содрогнулись притѣснители и пробудились угнетенные».

Такимъ образомъ, пессимистическое міросозерцаніе не приводитъ Никитенка ни къ безнадежности, ни къ равнодушію. Онъ видитъ зло жизни, но не оспариваетъ возможности успѣшной борьбы съ нимъ. Онъ вѣритъ, что сердца угнетателей способны, при извѣстномъ нравственномъ воздѣйствіи, дрогнуть, а угнетенные—пробудиться.

Въ 1833 году Никитенко былъ назначенъ цензоромъ. Министръ, пригласившій его для личной инструкціи, между прочимъ, сказалъ А. В.: «Дѣйствуйте по системѣ, которую вы должны постигнуть не изъ одного цензурнаго устава, но изъ самыхъ обстоятельствъ и хода вещей. Но притомъ дѣйствуйте такъ, чтобы публика не имѣла повода заключить, будто правительство угнетаетъ просвѣщеніе». Въ сущности, министръ выразилъ желаніе, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Никитенко отнесся къ словамъ Уварова довѣрчивѣе, и это совершенно понятно. За нѣсколько дней до назначенія цензоромъ, А. В. писалъ въ своемъ «Дневникѣ»:

«Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ священнаго писанія. Тогда Магницкіе и Руничи требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; чтобы, преподавая логику, старались въ то же время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ; а преподавая исторію, говорили бы, что Римъ и Греція вовсе не были республиками, а такъ, чѣмъ-то похожимъ на государство съ неограниченною властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Могла ли наука принести какой нибудь плодъ, будучи такъ извращаема? А теперь? о, теперь совсѣмъ иное дѣло. Теперь требуютъ, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе—что такое? Офицеры, которые сурово управляются съ истиной и заставляютъ ее вертѣться во всѣ стороны передъ своими слушателями. Теперь требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и притомъ не механически, но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ».

Отъ подобныхъ мыслей Никитенко, естественно, всегда былъ готовъ оторваться, разъ дѣйствительность давала сколько нибудь надлежащій поводъ къ тому. Этимъ поводомъ были слова Уварова, понятыя Никитенкомъ, конечно, не такъ, какъ понимаемъ ихъ теперь мы. Нельзя, равнымъ образомъ, упрекать молодаго адъюнкта за то, что онъ принялъ мѣсто цензора. Еслибы, принявъ мѣсто цензора,

А. В. обратился въ одного изъ «офицеровъ, сурово управляющихся съ истиной», и забылъ о преимуществахъ свѣтлой головы передъ свѣтлыми пуговицами—тогда другое дѣло. Ничего подобнаго съ Никитенкомъ не случилось. Наоборотъ, его цензорская дѣятельность вызываетъ безусловное уваженіе и симпатію. Ни на минуту Никитенко не забывалъ, что онъ прежде всего литераторъ и ученый и что на его обязанности лежитъ отстаивать интересы науки и литературы до послѣдней возможности.

Самъ Никитенко слѣдующими словами характеризуетъ сущность своихъ новыхъ обязанностей: «Надо соединять три несоединимыя вещи: удовлетворить требованію правительства, требованіямъ писателей и требованіямъ своего собственнаго внутренняго чувства. Цензоръ считается естественнымъ врагомъ писателя—въ сущности это и не ошибка». Съ момента назначенія А. В. цензоромъ, въ его «Дневникѣ» появляются интереснѣйшіе факты какъ изъ собственной практики, такъ и вообще изъ практики цензурнаго вѣдомства. Съ нѣкоторыми изъ этихъ, наиболѣе типическими, я считаю нужнымъ познакомить читателя. Они точно опредѣляютъ обстановку, среди которой приходилось дѣйствовать Никитенку, господствовавшіе тогда въ административныхъ сферахъ взгляды на литературу и всякое проявленіе не только «независимой», но просто честной мысли. На этомъ мрачномъ фонѣ должна рѣзче выступить личность *цензора* Никитенка и міросозерцаніе Никитенка профессора и писателя. Между прочимъ, авторъ «Дневника» разсказываетъ: «Священникъ Сидонскій написалъ дѣльную философскую книгу: «Введеніе въ философію». Монахи за это отняли у него каѳедру философіи, которую онъ занималъ въ Александро-Невской академіи. Удивляюсь, какъ они до сихъ поръ еще на меня не обрушились: я былъ цензоромъ этой книги. Вотъ еще сказаніе о нихъ. Загоскинъ написалъ плохой романъ, подъ названіемъ «Аскольдова могила». Московскіе цензора нашли въ ней что-то о Владимірѣ Равноапостольномъ и рѣшили, что этотъ романъ подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры. Отправили. Она въ конецъ растерзала бѣдную книгу. Загоскинъ обратился къ Бенкендорфу, и ему какъ-то удалось исходатайствовать позволеніе на напечатаніе ея, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Но я по дѣламъ былъ у министра и видѣлъ бумагу къ нему отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода съ жалобою на богомерзкій романъ Загоскина».

Тотъ же Сидонскій передавалъ Никитенку о гоненіяхъ, которымъ онъ подвергся со стороны монаховъ, «разумѣется, отъ Филарета», за свою книгу, «Введеніе въ философію». Еще лучше былъ другой «духовно-цензурный» подвигъ Филарета. Онъ обратился къ Бенкен-

дорфу съ жалобою на одинъ стихъ Пушкина въ «Онѣгинѣ», тамъ, гдѣ онъ, описывая Москву, говоритъ: «и стаи галокъ на крестахъ». Здѣсь Филаретъ нашелъ оскорбленіе святыни... Цензоръ, котораго призывали къ отвѣту (все таки призывали!) по этому поводу, сказалъ, что «галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно, садятся на крестахъ московскихъ церквей, но что, по его мнѣнію, виноватъ здѣсь болѣе всего московскій полицмейстеръ, допускающій это, а не поэтъ и не цензоръ. Бенкендорфъ отвѣчалъ учтиво Филарету, что это дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа: «еже писахъ, писахъ».

«У насъ на образованіе, добавляетъ Никитенко, смотрятъ, какъ на заморское чудовище: повсюду устремлены на него рогатины. Не мудрено, если оно взбѣсится».

А вотъ рѣчь Уварова, которую онъ произнесъ передъ А. В., доказывая необходимость сжить со свѣта несчастнаго Полеваго. Рѣчь эта, не смотря на отдаленное отъ насъ время (1834) заслуживаетъ вниманія. Недаромъ она врѣзалась въ память Никитенка. «Полевой проводитъ революціи,—сказалъ министръ.—Онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила (при тогдашнихъ-то административныхъ и въ частности цензурныхъ порядкахъ, когда поэты обязывались гонять галокъ съ крестовъ московскихъ церквей!). Онъ не любитъ Россію. Я давно уже наблюдаю за нимъ; но мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ. Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ данъ ему офиціальный выговоръ: это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду; это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить съ публикою—это правительство всегда властно сдѣлать и притомъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ (!): *ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ* (замѣтьте, это говоритъ министръ *народнаго просвѣщенія*). Это привиллегія, которую правительство можетъ дать, можетъ и отнять, когда *хочетъ* (иныхъ основаній, ясно, не требуется). Впрочемъ, продолжалъ онъ, извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены: Полевой хочетъ быть органомъ ихъ. Но да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ. Съ Гречемъ и Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы; имъ стоитъ пригрозить гауптвахтою, и они смиряются. Но Полевой—я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него нужны рѣшительныя мѣры. Московская цензура была непростительно слаба».

Не мудрено, что Никитенко порою приходилъ въ полное уныніе, наслушавшись подобныхъ рѣчей, и въ «Дневникѣ» его появлялись мрачныя строки: «Власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, они, однако, до того затруднили насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ душѣ какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются. Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ *объявили*, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями, что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признаётся единственнымъ началомъ, на основаніи котораго полезно дѣйствовать—*тогда все юное* поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія—а мечтанія людямъ умнымъ смѣшны. Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣянію, и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ, негоднымъ; его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки».

«Но скажутъ,—продолжаетъ Никитенко,—что въ это время открывали новые университеты, увеличили штаты учителямъ и профессорамъ, посылали молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Это значило еще увеличивать массу несчастныхъ, которые не знали, куда дѣться со своимъ развитымъ умомъ, со своими требованіями на высшую умственную жизнь».

Какъ много пищи давала къ подобнымъ размышленіямъ дѣйствительность, видно изъ слѣдующаго почти непосредственно за отмѣченными строками факта. Онъ, кстати, характеризуетъ и условія, въ которыхъ работалъ Никитенко-цензоръ. Молодой поэтъ Тимофеевъ написалъ драму «Счастливецъ». Никитенко пропустилъ ее. «Но пока она печаталась,—разсказываетъ авторъ «Дневника»,—направленіе нашей цензуры такъ измѣнилось, что эта пьеса не могла быть выпущена безъ дурныхъ послѣдствій для меня. Я не имѣлъ права ее остановить, ибо она вся уже напечатана. Тимофеевъ могъ

бы потребовать ея выпуска. Изъ этого возникъ бы шумъ, я сдѣлался бы жертвою его или же долженъ былъ бы принять на себя типографскія издержки. Тимофеевъ самъ предложилъ мнѣ пріостановить выпускъ его драмы».

Будучи человѣкомъ общительнымъ и, что̀ называется, пріятнымъ, Никитенко умѣлъ пріобрѣтать новыя знакомства и умѣлъ ихъ поддерживать. Нечего и говорить, ка̀къ пользовался Никитенко своимъ тактомъ и пріятностью въ сношеніяхъ съ господами, въ родѣ Уварова, которые могли однимъ почеркомъ пера упразднить чуть ли не половину печатной литературы. Дрожа за ея участь, А. В. употреблялъ всѣ мѣры, чтобы мягче стлать. Гоненія на мысль не ослабѣвали, но усиливались. Разсказываютъ, напримѣръ, и до сихъ поръ, будто Николай I самъ, съ извѣстнаго времени, цензуровалъ всѣ сочиненія Пушкина. Но это, какъ видно изъ «Дневника» Никитенка, далеко не вѣрно. Николай I только *иногда* просматривалъ пушкинскіе стихи. Между прочимъ, лично имъ былъ запрещенъ почему-то «Мѣдный всадникъ». Вообще же Пушкина цензуровала собственная канцелярія государя и легко представить снисходительность ея цензуры. Литераторы, въ родѣ Булгарина и Греча, усугубляли трудность положенія. Напримѣръ, цензоръ Корсаковъ пропустилъ въ «Энциклопедическій словарь» статью: «18-е брюмера». «Гречъ подалъ въ цензурный комитетъ доносъ, что статья эта неблагонамѣренная, либеральная и вредная для Россіи, потому что въ ней говорится о революціяхъ и конституціяхъ. Статья была читана въ комитетѣ. Трусливѣйшіе изъ цензоровъ, Гаевскій и Крыловъ—и тѣ даже не нашли въ ней ничего предосудительнаго. Сверхъ того, она была пропущена и самимъ министромъ. Я предложилъ,—пишетъ Никитенко,—вопросъ: «Должны ли мы французскую революцію считать революціей, и позволено ли въ Россіи говорить, что Римъ былъ республикой, а во Франціи и въ Англіи конституціонное правленіе, или не лучше ли принять за правило—думать и писать, что ничего подобнаго на свѣтѣ не было и нѣтъ»? Крыловъ отвѣчалъ: исторію и статистику нельзя измѣнять. Другіе цензоры согласились съ этимъ. Но предсѣдатель комитета нашелъ, что въ статьѣ «18-е брюмера» слѣдующее выраженіе не должно быть пропущено: «Добрые французы сокрушались, видя правительство не твердымъи по всюду во Франціи царствующее безначаліе». Онъ доказывалъ, что во Франціи тогда не могло быть ни одного *добраго* человѣка, и что эти слова непремѣнно надо вымарать». Въ заключеніе, положено было, однако, статью «18-е брюмера» не считать зловредною».

К. Медвѣдскій.

(Окончаніе будетъ).

Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны.

VII.

Русская литература объ адвокатахъ.

Русскую литературу о нашихъ присяжныхъ цицеронахъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: художественную и научную, или, *вѣрнѣе*, дѣловую, чтобы не прилагать термина «научный» къ произведеніямъ пера, такой чести не заслуживающимъ. Во главѣ нашихъ писателей-художниковъ, изображавшихъ типы и нравы присяжныхъ повѣренныхъ, стоитъ, конечно, М. Е. Салтыковъ съ его безсмертнымъ типомъ Балалайкина. Какъ и подобаетъ геніальному писателю, Салтыковъ въ изображеніи этого общаго типа современнаго присяжнаго повѣреннаго не погрѣшилъ ни на іоту: нарисовалъ со всѣми его «качествами», такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, въ жизни. Другіе писатели только дополняли, объясняли и разукрашивали созданный имъ типъ. Достоевскій («Братья Карамазовы»), Некрасовъ...

Получивъ гонораръ неумѣренный,
Восклицалъ мой присяжный повѣренный:
«Передъ вами стоитъ гражданинъ,
Чище снѣга альпійскихъ вершинъ»!

Эртель въ одномъ изъ своихъ романовъ, Терпигоревъ (С. Атава) въ фельетонныхъ разсказахъ, Буренинъ въ сатирахъ и др.—всѣ эти писатели, далеко не сходные другъ съ другомъ по направленію, по литературнымъ дорогамъ и своимъ задачамъ, но всѣ безспорно талантливые и опытные наблюдатели русской жизни, сошлись, спѣлись вполнѣ на описаніи быта и нравовъ нашихъ присяжныхъ цицероновъ. Какими чертами описаны или заклеймены у этихъ писателей наши цицероны, здѣсь незачѣмъ напоминать, потому что ихъ статьи и книжки читаются всѣми. Эртель въ своемъ романѣ выставилъ слишкомъ прозрачно, чтобы не узнать его, московскаго «учителя», обладающаго высокимъ даромъ краснорѣчія. И какою же воплощенною пошлостью явился предъ читателями этотъ разоблаченный «учитель»!

На нихъ, на всѣхъ этихъ писателей русскихъ, ссылаюсь я въ свое оправданіе; ихъ произведенія, всѣмъ извѣстныя, беру въ свидѣтели, еслибы кому нибудь изъ читателей показались недостаточно объективными эти очерки, писанные по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ, при искреннемъ желаніи писать sine ira et studio.

Изъ болѣе выдающихся новѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, гг. Короленко, Чеховъ и Потапенко пока но затронули типа нашихъ присяжныхъ цицероновъ. Оттого ли, что они не придаютъ этому типу большаго значенія, что̀ несправедливо; или по молодости своей еще мало встрѣчались съ его представителями; или потому, что этотъ сложный, «высоко-культурный» типъ имъ не по плечу? И простыхъ, примитивныхъ Разуваевыхъ и Подугольниковыхъ брались описывать многіе. Но только Салтыкову и отчасти Глѣбу Успенскому удалось постигнуть и увѣковѣчить эти типы. Познать же, вѣрно опредѣлить и художественно изобразить нашихъ присяжныхъ цицероновъ во столько же разъ труднѣе, во сколько университеты и лицеи, выпустившіе ихъ изъ нѣдръ своихъ, выше кабаковъ и харчевень, давшихъ воспитаніе Разуваевымъ и Подугольниковымъ.

Гораздо труднѣе объяснить себѣ, почему И. С. Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ ни разу не коснулся нравовъ нашихъ присяжныхъ цицероновъ? Онъ, конечно, могъ встрѣчаться съ ними и наблюдать. Въ однихъ воспоминаніяхъ о немъ разсказывается, какъ на литературномъ вечерѣ, устроенномъ нарочно для И. С. формировавшейся редакціей новаго журнала, опрометчиво приглашенный туда же извѣстный петербургскій присяжный повѣренный съ изящными манерами цѣлый вечеръ производилъ великому писателю «почтительный допросъ», и послѣ этого вечера И. С. уже не рисковалъ заглядывать въ редакцію...

Другой нашъ знаменитый писатель, гр. Л. Н. Толстой, также ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не изобразилъ нашихъ присяжныхъ цицероновъ. Брезгливость его была тому причиной или что другое—неизвѣстно. Но только всякій, кто желаетъ одного лишь хорошаго нашей присяжной адвокатурѣ и надѣется, что не всегда же эта профессія въ Россіи будетъ школой пошлости и паденія, но что настанетъ пора, когда русскіе адвокаты завоюютъ себѣ, если не такое же широкое общественное поприще, какое теперь занимаютъ французскіе адвокаты, то хоть похожее на него,—всякій такой оптимистъ, въ особенности если онъ принадлежитъ къ корпораціи присяжныхъ цицероновъ, долженъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы Л. Н. Толстой не обратилъ бы какъ нибудь своего вниманія на эту почтенную корпорацію, на ея принципы, общественную роль и на ея мораль. Своимъ умственнымъ орлинымъ взоромъ Толстой,

конечно, увидитъ «все»! Ни хорошій тонъ, ни изящныя манеры г. Герарда, ни задушевное краснорѣчіе съ цитатами изъ «Дѣяній апостольскихъ» московскаго *учителя* не проведутъ и не собьютъ его. Ужь если г. Эртель раскусилъ и разсмотрѣлъ этого «учителя», то какъ же не познать его такому знатоку человѣческаго сердца, какъ Толстой?

И тогда великій писатель, не пощадившій даже врачей, пожалуй, такъ или иначе «въ комедію вставитъ» нашихъ цицероновъ, какъ выражался и чего такъ основательно боялся умный гоголевскій городничій, и приложитъ ко лбу корпораціи такое клеймо, предъ которымъ раскаленныя желѣзныя клейма, употреблявшіяся въ старину, будутъ сравнительно, въ нравственномъ отношеніи, не болѣе какъ воздушные поцѣлуи!

Первой *серьезною* статьей объ адвокатурѣ, обратившей на себя общее вниманіе, была извѣстная статья Е. Л. Маркова: «*Софисты* XIX столѣтія» въ «Голосѣ». Живо и талантливо написанная, она вполнѣ заслуживала доставшагося на ея долю интереса. Ея авторъ едва ли не впервые указалъ и предостерегъ русское общество отъ явныхъ признаковъ балалайкинскаго типа и нравовъ, замѣченныхъ имъ въ присяжной адвокатурѣ. Никто, однако, не обратилъ вниманія на это предостереженіе. До него ли было, когда настала эпоха концессій, хищеній, краховъ, лакомыхъ судебныхъ дѣлъ, а съ ними посыпались десятками тысячъ гонорары въ карманы наиболѣе извѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ и сразу, безъ труда, обезпечили ихъ? Въ обществѣ и въ «интеллигенціи» установился даже взглядъ на присяжную адвокатуру, какъ на вѣрнѣйшее поприще наживы для «способнаго человѣка». И какъ ни грустно, но этотъ взглядъ проникъ въ университеты, и вовсе не исключеніе, что молодые люди, выбирая юридическій факультетъ, руководствуются именно такимъ взглядомъ и корыстными вожделѣніями, иногда обманывая свою молодую совѣсть увѣреніемъ, что они и «бѣдныхъ» будутъ защищать, а «когда обезпечатся», то только однихъ бѣдныхъ... Не составляютъ также исключенія и любимые разговоры у современныхъ студентовъ-юристовъ о томъ, какіе адвокаты и по какимъ дѣламъ сорвали куши и какъ разгульно живутъ такіе присяжные повѣренные, какъ ловко дѣла обдѣлываютъ, причемъ приводится множество увлекательныхъ примѣровъ. Но у студентовъ такіе разговоры, хотя и любимые, ведутся, стыда ради, секретно, подобно разговорамъ о «клубничкѣ». А вотъ, говорятъ, въ школахъ «статскихъ юнкеровъ», откуда также открытъ доступъ въ присяжную адвокатуру, тамъ прямо и откровенно, безъ всякаго стѣсненія обсуждаются шансы сравнительно скораго обогащенія на по-

прищѣ присяжнаго повѣреннаго; здѣсь, у этой фешенебельной и гнилой молодежи, о «бѣдныхъ», конечно, и рѣчи нѣтъ; они не обманываютъ и не оправдываютъ себя, разсуждаютъ практически, хотя и признаютъ, что на адвокатскомъ пути къ обогащенію большую роль играетъ счастье, вполнѣ сходясь во взглядахъ на счастье съ падшими ангелами Невскаго проспекта.

А наши извѣстные таланты, въ свое время бросившіе науку, литературу и государственную службу, и перешедшіе въ присяжные повѣренные въ виду сыпавшихся кушей? Всѣ они теперь—уже почтенные, сѣдые члены совѣтовъ, руководители, юрисконсульты большихъ обществъ, обезпеченные, справляющіе юбилеи своей адвокатской дѣятельности, мнящіе себя примѣрами и образцами для молодыхъ адвокатовъ, носителями традицій и принциповъ судебныхъ уставовъ покойнаго государя! По истинѣ плохую они службу сослужили русской присяжной адвокатурѣ, подтвердивши еще разъ своимъ примѣромъ вѣковую мудрость, что вообще нельзя «и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти», что нельзя нажить палатъ каменныхъ трудами праведными. Положимъ, напримѣръ, что кушъ достался достойнѣйшему, который, получивъ такой «гонораръ неумѣренный» и разбогатѣвъ, уже не рветъ больше кушей и даже мало занимается денежной практикой, а дѣлается писателемъ или ученымъ и, можетъ быть, въ благодарность обогатившей его адвокатурѣ, относится съ большимъ участіемъ къ своей корпораціи, продолжаетъ руководить ею, даетъ совѣты и пишетъ статьи о ней. Но попробуйте указать на него, какъ на образецъ, въ назиданіе кому нибудь изъ молодыхъ талантовъ этой корпораціи, очень уже развязному и вообще «не по поступкамъ поступающему», и получите отъ него сардоническій отвѣтъ:

— О, конечно, N. самый идеальный человѣкъ! А вотъ когда мы съ вами такой же, какъ и онъ, кушъ получимъ и сразу разбогатѣемъ, тогда мы еще идеальнѣе его будемъ. Дѣла свои грошовыя тоже всѣ бросимъ, да не то что критикой — философіей заниматься будемъ! Тогда мы не какую нибудь тамъ деревню, въ голодный годъ, прокормимъ на пятьдесятъ рублей и распубликуемъ объ этомъ; да мы тогда съ вами цѣлый странноприимный домъ построимъ, хотя бы для нашихъ несчастныхъ, безъ дѣлъ сидящихъ, помощниковъ. И за это насъ съ вами почетными членами совѣта или руководителями выберутъ. А пока намъ.... кусать надо.

Иной разъ вы увѣрены, что оппонентъ вашъ, еслибы дѣйствительно достался ему такой кушъ, не только оловяннаго гроша не далъ бы на странноприимный домъ или на что нибудь подобное, а даже долговъ своихъ корпораціи не уплатилъ бы,—и все таки

должны прикусить языкъ и сознаться самому себѣ, что примѣръ выбрали вы по меньшей мѣрѣ неудачный и неубѣдительный....

А это вѣдь достойнѣйшій, какихъ во всей нашей адвокатурѣ разъ, два, да и обчелся! Въ совѣты же попадаютъ не одни, конечно, достойнѣйшіе; попадаютъ туда и обыкновенные Балалайкины, попадаютъ и просто «хорошіе малые», какихъ русскіе любятъ выбирать, за ихъ полную индиферентность, и въ земскія собранія, и въ городскія думы; попадаютъ и пріобрѣтатели, бездарные, но акуратные; попадаютъ и пролазы, которыхъ выбираютъ одни за то, чтобы угодить и имѣть въ нихъ, какъ говорится, заручку, другіе просто, чтобы отвязаться отъ ихъ просьбъ и приставаній—явленіе опять таки обычное и на земскихъ, и на всякихъ русскихъ выборахъ. Наконецъ, проползаютъ иногда въ совѣты и спеціалисты по конкурснымъ или бракоразводнымъ дѣламъ, и даже подающіе за нѣсколько радужныхъ «юридическіе совѣты» объ изъятіи документовъ, или помогающіе вчинать иски и руководящіе «дѣлами», за которыя законъ, всегда, впрочемъ, остающійся мертвою буквою, наказываетъ такихъ просвѣщенныхъ руководителей по 939 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Понятно, что при такомъ разнообразномъ и пестромъ составѣ совѣтовъ, особенно когда извѣстно, что квартиры нѣкоторыхъ членовъ совѣтовъ имѣютъ два крыльца, переднее и заднее, и входъ по заднему крыльцу не возбраняется заинтересованной сторонѣ, приговоры и мнѣнія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ никакимъ моральнымъ авторитетомъ среди членовъ корпораціи не пользуются. Поэтому же и самомнѣніе нѣкоторыхъ совѣтовъ, ихъ претензія хранить и блюсти традиціи судебныхъ уставовъ ни на чемъ не основаны и являются чѣмъ-то лицемѣрнымъ, лживымъ и опять-таки напоминающимъ героя французской комедіи съ его девизомъ: l'honneur, l'honneur—avant tout! Такая честь—хранить, блюсти и развивать принципы уставовъ покойнаго гасударя—можетъ принадлежать сенату, судамъ, министерству юстиціи, но ужь отнюдь не Балалайкинымъ...

Единственнымъ ученымъ и капитальнымъ трудомъ объ адвокатурѣ на русскомъ языкѣ является «Организація адвокатуры» Е. В. Васьковскаго (Спб. 1893 г.). Такъ какъ вышла только первая часть этого сочиненія, гдѣ притомъ русской адвокатурѣ и ея исторіи посвящено всего 25 листиковъ, то подробно разбирать это сочиненіе, да еще не въ спеціальномъ журналѣ, преждевременно. Позволимъ себѣ только нѣсколько замѣчаній. Вышедшая первая часть книги Васьковскаго имѣетъ видъ краткаго учебника для студентовъ и по содержанію характеризуется почти полнымъ отсут-

ствіемъ критическаго элемента и самостоятельныхъ теоретическихъ мнѣній автора, ограничивающагося цитатами изъ громадной массы литературныхъ источниковъ и ихъ резюмированіемъ, что̀ придаетъ 1-й части этого почтеннаго труда характеръ весьма полной и добросовѣстной компиляціи. Конечно, свои собственные взгляды и мнѣнія объ общественной роли адвокатуры вообще и нашей въ особенности, о ея задачахъ, идеалахъ и пр. авторъ приберегъ ко второй, еще не вышедшей, части своего труда, которая поэтому будетъ въ десять разъ интереснѣе и важнѣе первой. Интересующему насъ вопросу о внутренномъ состояніи русской адвокатуры авторъ посвящаетъ только 12 листиковъ, почти сплошь занятыхъ выписками и цитатами изъ статей гг. Гребенщикова, Макалинскаго, Фукса, Ломницкаго, Джаншіева и др., но въ особенности изъ полюбившейся автору статейки В. Н. Вильскаго (ее авторъ цитируетъ цѣлыхъ пять разъ), представляющей изъ себя «защитительное», но слабое и неубѣдительное, возраженіе на превосходную статью г. Обнинскаго: «Откуда идетъ деморализація нашей адвокатуры»? въ «Юрид. Вѣстникѣ» № 8 за 1890 г. (О той и другой статьѣ мы говоримъ ниже). Странно и грустно намъ было читать резюмэ автора, что вышеприведенные авторы, почти исключительно адвокаты, значитъ, писавшіе нѣсколько pro domo suo, «наиболѣе компетентны и безпристрастны» (стр. 356) въ оцѣнкѣ внутренняго состоянія нашей адвокатуры; а мнѣнія и взгляды М. Е. Салтыкова по этому вопросу авторъ считаетъ «рѣзкими и явно несправедливыми». Русское общество и исторія едва ли согласятся съ авторомъ и, конечно, скорѣе повѣрятъ своему геніальному писателю, нежели авторитетамъ г. Васьковскаго и другихъ «компетентныхъ» пигмеевъ, сравнительно съ Салтыковымъ, и притомъ въ большинствѣ находящимся въ небезпристрастномъ положеніи гречневой каши, которая сама себя хвалитъ...

Я не буду, разумѣется, разбирать здѣсь всѣхъ вышедшихъ объемистыхъ сочиненій о русской адвокатурѣ,—сочиненій компилятивнаго или справочнаго характера. Наиболѣе извѣстное изъ нихъ несомнѣнно—«С.-Петербургская присяжная адвокатура» г. Макалинскаго, автора обширнаго и на практикѣ, какъ извѣстно, столь безполезнаго руководства для судебныхъ слѣдователей. Также безполезна и упомянутая справочная компиляція г. Макалинскаго о петербургской адвокатурѣ. Авторъ задался цѣлью указать «руководящіе принципы»—самые высокіе, понятно—петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за нѣсколько лѣтъ. Если ужь такъ трудно собрать въ одно цѣлое руководящіе принципы нашего сената, нерѣдко самому себѣ противорѣчащаго въ рѣшеніяхъ, то въ этомъ,

по крайней мѣрѣ, есть смыслъ: сенатъ — высшее у насъ судебное учрежденіе; его принципы, обязательные для судовъ имперіи, становятся такимъ образомъ принципами вообще русскаго правосудія. Но какой смыслъ—рыться, собирать, коллектировать, иногда натягивать и выдумывать «принципы» какого нибудь петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, или, напримѣръ, московскаго сиротскаго суда, или какого нибудь приказа общественнаго призрѣнія? Но два послѣднихъ учрежденія имѣютъ за собой, по крайней мѣрѣ, вѣковое существованіе и свои рѣшенія излагаютъ, не мудрствуя лукаво и безъ разсчета пустить пыль въ глаза своей мнимой принципіальностью или дешевымъ либерализмомъ. Только старинный членъ совѣта, какъ г. Макалинскій, и могъ посвятить свою старость—собиранію, натягиванію и выдумыванію (bona fide, разумѣется) воображаемыхъ «руководящихъ принциповъ и традицій» своего собственнаго совѣта.

Гораздо болѣе интересны «Замѣтки о русской адвокатурѣ» другаго члена совѣта К. К. Арсеньева. Къ сожалѣнію, авторъ не сдѣлалъ никакихъ опредѣленныхъ выводовъ и не чуждъ былъ неблагодарной тенденціи разъяснить читателямъ: какъ-де мы хороши и почтенны! Наврядъ онъ убѣдилъ кого въ этомъ.

Лучшею статьею объ адвокатурѣ за послѣдніе годы была упомянутая нами статья П. Н. Обнинскаго: «Откуда идетъ деморализація нашей адвокатуры», вызвавшая отвѣтъ на нее въ № 1 «Журн. гр. и уг. пр.» за 1891 г.: «Деморализуется ли наша адвокатура»? В. Н. Вильскаго (псевдонимъ). П. Н. Обнинскій исходитъ изъ слѣдующаго сознанія московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ своемъ докладѣ о современномъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ нашихъ присяжныхъ цицероновъ: «*Уровень опытности и знаній въ массѣ понижается*, и чувство чести и долга, понятіе о порядочности, о границахъ дозволеннаго и недозволеннаго, *принципы общественнаго служенія забываются*». Это благородное самосознаніе московскаго совѣта, до котораго еще далеко не доросъ петербургскій совѣтъ съ своими «принципами», дѣйствительно составляетъ единственное отрадное явленіе въ жизни нашей присяжной адвокатуры, показывающее, что еще сохранился въ одномъ уголкѣ ея «духъ животворящій», что «не проѣлъ до сердцевины ее порокъ», и подающее надежду на возрожденіе и обновленіе корпораціи. Характерно, что въ объяснительной запискѣ московскаго совѣта, содержащей это самобичеваніе, «орлы» московской присяжной адвокатуры не участвовали: ее составили скромные люди и бросили въ лицо лицемѣрамъ и ихъ прихвостнямъ, столько шумѣвшимъ и возмущавшимся по поводу этой записки. Но имена

авторовъ записки будутъ почитаться и храниться русской присяжной адвокатурой въ ея лучшіе дни, которые настанутъ же когда нибудь. А отъ «орловъ» ничего не останется, кромѣ развѣ скандальныхъ анекдотовъ объ ихъ загребистыхъ лапахъ...

Находя господствующій современный типъ присяжнаго повѣреннаго гораздо ниже, въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи, даже дореформенныхъ «ходатаевъ по дѣламъ», или «ябедниковъ»,—какъ они офиціально назывались въ Россіи при Петрѣ Великомъ,—П. Н. Обнинскій проводитъ такую любопытную параллель между ними:

«*Дореформенный адвокатъ любилъ кадуть*, былъ не прочь выпить и погулять въ веселой компаніи, но *не хвастался этимъ*, не выставлялъ этого на показъ. Современный же адвокатъ, принципіально освободившись даже отъ дореформеннаго стыда (или «позабывъ понятіе о порядочности», какъ выражается записка московскаго совѣта), не находитъ въ этомъ ничего, кромѣ ловкости, «практическаго смысла» и жизни въ свое удовольствіе. Если ко всему этому мы вспомнимъ, что дореформенный адвокатъ не получалъ университетскаго образованія и орудовалъ по судамъ,—при одномъ воспоминаніи о которыхъ, по выраженію Аксакова, «волосъ становится дыбомъ»,—и поставимъ этого адвоката рядомъ съ теперешнимъ, то первый долженъ будетъ показаться намъ агнцемъ невиннымъ. Наконецъ, дореформенный адвокатъ, благодаря господствовавшей въ тѣ времена «судебной волокитѣ», пользовался извѣстнымъ досугомъ, кое-что даже почитывалъ, чтобы обладать «витіеватымъ перомъ» при составленіи просьбъ, любилъ вести душеспасительные разговоры, по субботамъ ходилъ въ баню, а по праздникамъ пѣвалъ на клиросѣ; онъ имѣлъ затѣмъ хотя кое-какой, но свой собственный «семейный очагъ», гдѣ и проводилъ свободные отъ «хожденія» часы. Ради всего этого, отъ него не вѣяло цеховою черствостью; порою онъ могъ быть даже живымъ человѣкомъ. Современный замѣститель его лишенъ даже и этого; онъ не знаетъ досуга; съ утра выслушивается и обработывается кліентъ; потомъ—на судоговореніе, въ конкурсъ, или на аукціонъ—кто во что гораздъ,—потомъ обѣдъ въ ресторанѣ, скачки, бѣга, оперетка, балетъ или винтъ съ веселымъ ужиномъ и т. д. Преуспѣвающій такимъ порядкомъ адвокатъ, разумѣется, не имѣетъ времени ни на то, чтобы прочесть что нибудь, кромѣ разнаго рода объявленій, да биржевыхъ курсовъ, ни на то, чтобы поговорить о чемъ нибудь, кромѣ тѣхъ же конкурсовъ, скачекъ, винта, ужина и т. п.; о пребываніи у семейнаго очага (заводимаго иногда изъ разсчета) и говорить нечего,—въ немъ совершается только перемѣна фрака на жакетку, жакетки на сюртукъ, коляски на пролетку и другія необходимыя, второпяхъ совершаемыя, функціи».

Эту меткую характеристику нашихъ присяжныхъ цицероновъ дѣлаетъ человѣкъ, бывшій, какъ видно изъ его же статьи, 25 лѣтъ прокуроромъ, значитъ компетентный, какъ никто другой, изучившій присяжную адвокатуру во всѣхъ ея проявленіяхъ, насмотрѣвшійся и на ея «орловъ», и на рядовыхъ Балалайкиныхъ. Притомъ же, изъ самой статьи П. Н. Обнинскаго, изъ каждой ея строчки можно замѣтить, какъ симпатично онъ относится къ адвокатурѣ и какъ

глубоко и искренно скорбитъ объ ея паденіи и опошленіи въ настоящее время. Слѣдовательно, устами такого писателя говоритъ сама истина [1]). Указывая на историческій фактъ изъ временъ кануна великой французской революціи, когда всѣ слои французскаго общества и самого правительства охватилъ глубокій развратъ и только одно «барро», адвокатское сословіе, не только уберегло себя отъ всеобщаго растлѣнія, но даже вступило въ борьбу съ нимъ,— П. Н. Обнинскій какъ будто удивленъ тѣмъ: какъ же ничего подобнаго не повторилось послѣ эмансипаціи въ Россіи, гдѣ, напротивъ, знаменитые и талантливѣйшіе представители нашего барро открыто шествовали въ хвостѣ свиты чумазаго, подавая «юридическіе совѣты». Они,—эти талантливѣйшіе представители нашей присяжной адвокатуры, сломя голову кинувшіеся ловить куши, бросивъ для нихъ профессуру, науку, литературу, государственную службу, теперь уже почтенные старцы, хорошо пристроившіеся, строгіе *судьи* и хранители «принциповъ и традицій» въ нѣкоторыхъ *совѣтахъ*, развязно смотрящіе на себя, какъ на образцы и примѣры для молодежи,—они много виновны въ деморализаціи нашей присяжной адвокатуры. Теперь нѣкоторые изъ нихъ опять возвратились къ наукѣ, литературѣ; они не прочь и отъ общественной дѣятельности, не прочь даже и «бѣдныхъ» защищать безкорыстно. Но уже поздно! Уже никакимъ хорошимъ примѣромъ и образцомъ для молодой адвокатуры они не могутъ быть, ибо своею жизнью, своимъ талантомъ они установили прочно не только въ средѣ самой адвокатуры, но и въ обществѣ, и даже среди университетской учащейся молодежи, новый взглядъ на адвокатуру,—не какъ на скромное и почтенное поприще тяжелаго труда, а какъ на арену легкаго труда и наживы, гдѣ требуется главнымъ образомъ «приспособляться» и «не зѣвать».

Вторымъ элементомъ, отравившимъ и растлившимъ нашу присяжную адвокатуру, на долгіе годы низведшимъ ее съ пьедестала общественнаго служенія до уровня мелочной лавочки и западни для легковѣрной публики, былъ громадный процентъ евреевъ, допущенныхъ въ эту корпорацію,—евреевъ, уже господствующихъ въ нѣкоторыхъ округахъ надъ всей корпораціей и руководящихъ ею, хотя политично устраняющихъ себя, для видимости, отъ избранія въ члены совѣтовъ. Евреи привили русской присяжной адвокатурѣ свои из-

[1]) Такое хорошее, доброе отношеніе къ адвокатурѣ даже удивительно въ бывшемъ прокурорѣ. Обыкновенно же представители прокурорскаго надзора имѣютъ зубъ противъ присяжной адвокатуры и относятся къ ней свысока, хотя и сами въ большинствѣ далеко не стоятъ въ Россіи на высотѣ своего призванія.

вѣстные историческіе нравы, свою мораль, свою ненасытную жадность къ деньгамъ, свое всепобѣждающее трудолюбіе въ наживѣ и свои «необыкновенныя способности»... къ гешефтамъ. Но, какъ уже было упомянуто, вопросъ о значеніи и роли евреевъ въ русской присяжной адвокатурѣ такъ сложенъ и обширенъ, что долженъ быть предметомъ особаго изслѣдованія.

В. Н. Вильскій, въ своемъ отвѣтѣ на статью П. Н. Обнинскаго, не возражаетъ ему по существу, а только старается хоть нѣсколько оправдать и защитить нашихъ присяжныхъ цицероновъ отъ ударовъ молота Обнинскаго, указывая на конкурренцію частной адвокатуры, на исполнительный процессъ, на самую публику, которая сплошь и рядомъ готова съ чистымъ сердцемъ надуть своего повѣреннаго, не доплатить ему или совсѣмъ отдѣлаться отъ вознагражденія за самый тяжкій и успѣшный трудъ. Въ заключеніе, В. Н. Вильскій доказываетъ, что русская присяжная адвокатура не деморализуется, а только демократизируется. Мысль очень новая. Но почтенный писатель забылъ развѣ, что и вся наша родная земля, съ самаго освобожденія крестьянъ и до сихъ поръ, большими шагами идетъ къ несомнѣнной демократизаціи, къ переходу полей, луговъ и лѣсовъ изъ старыхъ дворянскихъ рукъ въ руки новѣйшихъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ съ ихъ хищническими пріемами воздѣлыванія земли, съ ихъ извѣстными способами «обработки» сосѣднихъ крестьянскихъ деревушекъ, т. е. разоренія и закабаленія ихъ. Такой что ли «*демократизаціи*» хочетъ В. Н. Вильскій и для нашей присяжной адвокатуры? Но если въ свое время нѣкому было оборонить русскую землю отъ разночинской деморализаціи, путемъ учрежденія крестьянскихъ банковъ и другихъ формъ дешеваго народнаго кредита, для пріобрѣтенія столь дешевыхъ вначалѣ дворянскихъ земель тѣми, кто обработывалъ ихъ въ потѣ лица, то оборони Богъ русскую присяжную адвокатуру отъ подобной же демократизаціи!

Остается упомянуть о статьяхъ и брошюрахъ Гр. Джаншіева по отдѣльнымъ вопросамъ адвокатуры («Веденіе неправыхъ дѣлъ» и др.) далеко, впрочемъ, уступающихъ его превосходнымъ путевымъ очеркамъ,—и вопросъ о литературныхъ источникахъ для изученія нашихъ присяжныхъ цицероновъ исчерпывается...

VIII.

Заключеніе.

Прежде чѣмъ говорить о мѣрахъ и способахъ къ возрожденію русской присяжной адвокатуры, слѣдуетъ сказать вообще, во избѣ-

жаніе недоразумѣній, что старшее поколѣніе нашихъ присяжныхъ цицероновъ,—теперешніе старики, «на спокоѣ», члены совѣтовъ и пр.,—представляется автору этихъ очерковъ значительно болѣе развитымъ, умнымъ и симпатичнымъ поколѣніемъ, нежели младшее поколѣніе присяжныхъ повѣренныхъ. Кажется, что у старшаго поколѣнія нашихъ цицероновъ можно отыскать многія добрыя качества, какія П. Н. Обнинскій находитъ у дореформенныхъ ходатаевъ по дѣламъ [1]) и видитъ полное ихъ отсутствіе у современ-

[1]) А какіе иногда симпатичные люди встрѣчаются между старыми «ярыгами», при всей ихъ неприглядной внѣшности. Во времена моего студенчества я зналъ одного такого народнаго адвоката въ с. Д. (орлов. губ.). Это былъ старикъ съ огромной бородой, ходилъ и лѣтомъ, и зимой въ валенкахъ и въ шапкѣ; видъ у него былъ серьезный, даже суровый. Звали его всѣ *Даниломъ*, а самъ онъ рекомендовался и подписывался «отставнымъ канцеляристомъ четвертаго разряда» и съ гордостью носилъ этотъ чинъ. Дома онъ не принималъ, да и являлся домой только вечеромъ, во хмѣлю, а цѣлые дни просиживалъ, принимая кліентовъ и сочиняя прошенія, въ двухъ кабакахъ на *большой* дорогѣ изъ Орла въ Ливны. Никогда онъ денегъ съ своихъ кліентовъ-мужиковъ не бралъ, а была у него такса: за прошеніе къ мировому — косушка (водки), въ синодъ — полуштофъ, на высочайшее имя — бутылка кабацкой наливки. Въ другія инстанціи онъ почему-то не писалъ прошеній. А юридическіе совѣты всѣмъ охотно подавалъ даромъ или за сливки. Въ деревенскихъ кабакахъ сливками называется, если, напримѣръ, раскутившійся мужикъ приказываетъ сидѣльцу: «лей на три»! А стаканчикъ водки стоитъ двѣ коп. Тогда сидѣлецъ наливаетъ съ верхомъ и часть проливается на подносъ. Такъ вотъ стаканчикъ выпьетъ кліентъ, а что пролилось на подносъ, сливки, предоставляетъ адвокату, какъ гонораръ за судебный совѣтъ. Писалъ Данилычъ по старинному, обязательно «съ титуломъ», витіевато и напыщенно до комизма. Не рѣдко, по словамъ его кліентовъ, написанныя имъ прошенія оставались безъ разсмотрѣнія: или написаны были неправильно, или не туда адресованы, куда нужно,—напримѣръ, жалобы въ св. синодъ на взяточника становаго. И, при всемъ томъ, Данилычу смѣло можно было подать руку и съ гораздо бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ многимъ нашимъ присяжнымъ орламъ и членамъ совѣтовъ, потому что онъ былъ добръ и безкорыстенъ, и во всей нашей округѣ ни одного человѣка не ограбилъ и не обидѣлъ. Онъ былъ грозою не только мѣстныхъ урядниковъ и волостныхъ старшинъ, но и нѣкоторые становые пристава, не по чину берущіе или справляющіе къ обывательскому ущербу два раза въ годъ свои именины, побаивались его. Но одинъ случай въ особенности поднялъ престижъ Данилыча. Случай этотъ такъ характеренъ во многихъ отношеніяхъ, что я хочу разсказать его. Однажды утромъ бабы нашей деревни, выгонявшія скотъ на пастьбу, вернулись съ необычайною новостью: къ Данилычу пришелъ указъ отъ самого царя и Данилычъ читаетъ его въ кабакѣ торжественно, и всѣ ему тамъ подносятъ, поздравляютъ, а староста и ктиторъ наливкой его угощаютъ. Оказалось, что чрезъ становаго пришло Данилычу объявленіе отъ канцеляріи прошеній, что такъ какъ нѣсколько его неправильныхъ и неподлежащихъ разсмотрѣнію всеподданнѣйшихъ жалобъ по одному дѣлу оставлено безъ разсмотрѣнія, то чтобы полиція обязала его подпиской впередъ такихъ жалобъ не подавать. Восторгу и гордости Данилыча, по полученіи этой бумаги, не было

ныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Про стариковъ присяжныхъ повѣренныхъ было бы несправедливо сказать, что они махнули рукой на всѣ добрыя традиціи. Правда, они по субботамъ въ баню не ходятъ, по воскресеньямъ на клиросѣ не поютъ, говорить о «душеспасительномъ» не любятъ, предпочитая, — какъ знатоки и немножко мышиные жеребчики, — смаковать что нибудь интимное по части клубнички. Но они, какъ болѣе обезпеченные люди, имѣютъ досугъ и для чтенія, и для занятій литературой, не брезгаютъ наукой и искусствомъ, добросовѣстно относятся къ казеннымъ (даровымъ) защитамъ, не хвалятся полученными кушами, вообще сравнительно скромны, не прочь давать добрые совѣты молодымъ товарищамъ; и также, подобно прежнимъ ходатаямъ, каждый изъ нихъ имѣетъ свой собственный какой ни на есть семейный очагъ, а иные и два очага, гдѣ проводятъ свободное время. Многіе изъ нихъ производятъ впечатлѣніе оставшихся не у дѣлъ и выдохшихся либераловъ 60-хъ годовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сантиментальны, амбиціозны, любятъ, чтобы ихъ считали великими людьми, за что-то потерпѣвшими, хотя они ничего не сдѣлали и ни на грошъ не потерпѣли; но они все таки много видали, интересуются политикой, литературой, общественными вопросами, и съ ними интересно поговорить.

У молодыхъ же, на лицѣ, въ рѣчахъ, въ образѣ ихъ жизни,— во всемъ рѣшительно виденъ одинъ ясный и простой девизъ: «жрать надо!» Молодые производятъ, какъ люди, отталкивающее

предѣловъ. Потребовалъ онъ копію съ этой бумаги, назвалъ ее «указомъ» и съ радостью и чувствомъ достоинства показывалъ всѣмъ этотъ «указъ», какъ лучшее свидѣтельство, что его, Данилыча, въ Петербургѣ самое высокое начальство знаетъ. А какъ онъ объяснялъ и коментировалъ полученную бумагу, т. е. вполнѣ въ свою пользу, объ этомъ и говорить нечего. Но смѣшнѣе всего было видѣть, что нашъ малограмотный урядникъ, повидимому, вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Данилыча на полученную бумагу и завидовалъ послѣднему. Тщетно попробовалъ я разъяснить одному богатому нашему однодворцу, что въ бумагѣ нѣтъ ничего похвальнаго для Данилыча а, напротивъ, есть осужденіе. Онъ твердилъ свое: — Нѣтъ, ужь не говорите! Ужь значитъ что нибудь да было, если вдругъ такая бумага къ намъ пришла, какой съ роду у насъ никто не получалъ! Я такъ полагаю, — замѣтилъ мой собесѣдникъ, понизивъ голосъ (былъ третій свидѣтель нашего разговора—меринъ, на которомъ онъ пріѣхалъ),—что, можетъ быть, Данилычъ не задѣлъ ли въ своемъ прошеніи кого нибудь изъ гг. министровъ или, можетъ, изъ придворныхъ. Вѣдь вы Данилыча только на каникулахъ видите, а мы-то его давно знаемъ! Повѣрите, иной разъ попросишь его простое заявленіе въ земскую управу написать насчетъ тамъ страховки или чего другаго, а онъ тебѣ такое напишетъ, такое напишетъ, что и не разберешь, и не поймешь! Вотъ онъ какой, нашъ Данилычъ!

И эти послѣднія слова произносились не безъ гордости за своего деревенскаго цицерона.

впечатлѣніе. Талантливости, даже оригинальности у нихъ не замѣтно никакой: всѣ свои силы они прилагаютъ, чтобы быть похожими другъ на друга. Въ послѣдніе годы, въ Петербургѣ стали выдаваться немного два *молодыхъ адвоката*, т. е. по двѣ-три рѣчи ихъ въ громкихъ процессахъ было напечатано въ газетахъ, которыя вскорѣ же уличили молодыхъ цицероновъ въ томъ, что они списываютъ почти буквально свои рѣчи,—одинъ изъ сочиненій Достоевскаго, другой—у какого-то французскаго адвоката, изъ переведенныхъ на русскій языкъ.

Отсюда понятно, почему въ этихъ очеркахъ больше вниманія отдается старшему поколѣнію нашихъ присяжныхъ цицероновъ—ихъ порокамъ и доблестямъ въ сферѣ общественной жизни, ихъ морали и краснорѣчію. Кому больше дано, съ того больше и спросится.

Итакъ, изложивши въ этихъ очеркахъ причины упадка правды, чести и сознанія своей нравственной отвѣтственности [1]) у *нашихъ* присяжныхъ цицероновъ, мы должны теперь перечислить тѣ мѣры и способы, которыми правительство законодательнымъ порядкомъ, министерство юстиціи — порядкомъ административнымъ, а самоуправленіе корпораціи своими внутренними мѣрами—могли бы возвратить нашимъ присяжнымъ цицеронамъ эти чувства и это сознаніе, и твердо навсегда направить ихъ ко благу народа и государства. Эти мѣры таковы: 1) Совершенное упраздненіе сословія частныхъ повѣренныхъ. 2) Устраненіе адвокатуры или, по крайней мѣрѣ, наибольшое ограниченіе ея участія въ исполненіи судебныхъ рѣшеній. 3) Реформа корпораціи судебныхъ приставовъ съ установленіемъ для нихъ высшаго образовательнаго ценза, фактической отвѣтственности и дѣйствительнаго надзора за ними.

Это три главныя мѣры. Безъ осуществленія ихъ, ничего не выдетъ. Пояснять ихъ значило бы повторять, только въ другой формѣ, все то, что уже было нами высказано по этимъ вопросамъ.

Затѣмъ слѣдуютъ три второстепенныя мѣры: 1) Разумная постановка конференцій для начинающихъ адвокатовъ. 2) Живое отношеніе корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ къ общественной дѣятельности, и 3) совершенное недопущеніе въ корпорацію адвокатовъ-евреевъ, — по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ евреи не допускаются нашимъ правительствомъ, напримѣръ, къ винокуренію, кабацкому промыслу, и другимъ родамъ дѣятельности, имѣющимъ съ адвокатурой, какъ это ни странно на первый взглядъ, нѣчто общее,—именно соблазнъ и скользкій путь. Но подробное развитіе

[1]) Дѣло о преобразованіи судебной части, т. XVI-й, журналъ по проэкту о присяжныхъ повѣренныхъ.

и обоснованіе этой мѣры возможно лишь въ связи съ изслѣдованіемъ положенія и роли евреевъ въ нашей присяжной адвокатурѣ.

Поговоримъ здѣсь, поэтому, только о первыхъ двухъ мѣрахъ. Прежде чѣмъ указывать способы разумной постановки конференцій, нужно замѣтить, что еще разумнѣе было бы вовсе упразднить помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и пополнять адвокатовъ только людьми, уже опытными въ дѣлахъ и въ искушеніяхъ жизни, и прослужившими нѣсколько лѣтъ по судебному вѣдомству, — допуская ихъ прямо въ присяжные повѣренные,—а не окончившими курсъ студентами, не умѣющими, по выходѣ изъ университета, написать, какъ слѣдуетъ, прошенія мировому судьѣ, не знающими ни сроковъ, ни формъ, и не умѣющими даже иной разъ найти подходящій законъ. Пока такой юристъ начинаетъ учиться съ азбуки, сколько онъ надѣлаетъ грубыхъ и непоправимыхъ ошибокъ, за которыя отвѣтятъ интересы и карманы его неосторожныхъ довѣрителей; сколько ждетъ его соблазновъ и искушеній на этомъ скользкомъ пути, а за спиной молодаго человѣка въ эту пору жизни стоитъ обыкновенно нужда — худой совѣтникъ!.. Необезпеченный даже на завтра, молодой юристъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, въ лучшіе годы своей жизни, волею-неволею сидитъ безъ дѣла или шляется по садамъ, пріучается къ лѣни, къ самой ненормальной безпорядочной жизни, заводитъ самыя позорныя знакомства, которыхъ самъ сначала стыдится и оправдывается: «что будешь дѣлать, кусать надо»! не видитъ предъ собой въ будущемъ ничего вѣрнаго и опредѣленнаго, и развиваетъ въ себѣ только праздныя мечты и надежды на удачу. Въ то же время его товарищи по выпуску, поступившіе на государственную службу, начинаютъ постигать нашъ общій жизненный удѣлъ,—регулярный, ежедневный механическій трудъ, — искривляютъ себѣ позвоночный хребетъ, пріучаются къ терпѣнію, къ порядку, къ серьезности и дисциплинѣ. Качества, конечно, не идеальныя, но необходимыя, — и горе безъ нихъ человѣку, службой живущему!

Бо̀льшею частью, «помощники» занимаются небольшими дѣлами у мировыхъ судей, набирая ихъ цѣлые десятки и сотни. Между тѣмъ необходимо всѣми, хотя бы и суровыми мѣрами побуждать простой народъ судиться у мировыхъ судей лично, а не черезъ повѣренныхъ. Не говоря уже о томъ, что камера сколько нибудь хорошаго и внимательнаго судьи есть лучшая публичная школа права и даже морали для простыхъ неграмотныхъ людей,—нерѣдко участіе повѣреннаго въ ихъ дѣлахъ именно искажаетъ правосудіе. Положимъ, неграмотный или полуграмотный истецъ взыскиваетъ у

мироваго судьи съ такого же неграмотнаго отвѣтчика долгъ безъ расписки. Явившись лично, отвѣтчикъ, уличаемый при всѣхъ истцомъ съ указаніемъ на икону и приглашеніемъ побожиться, никогда, за самыми рѣдкими исключеніями, не осмѣлится отпереться отъ своего долга. Но вотъ вмѣсто него является его повѣренный, какой нибудь помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Берка Абрамовичъ или Альбертъ Александровичъ Хомзензонъ и, напяливъ пенснэ, развязно «позволяетъ себѣ выразить удивленіе, что истецъ рѣшился предъявить къ его довѣрителю совершенно ни на чемъ не основанный искъ», и при этомъ ссылается на статью закона, непремѣнно требующую письменнаго документа для подтвержденія долговаго обязательства. Когда же неграмотный истецъ, до глубины души возмущенный такимъ наглымъ запирательствомъ, взволнованнымъ голосомъ, часто со слезами на глазахъ, наивно спрашиваетъ у такого цицерона: есть ли у его довѣрителя и у него самого *крестъ* на шеѣ? Хомзензонъ даже не отвѣтитъ, а только сдѣлаетъ *собачье* лицо и перекоситъ плечи, въ знакъ своего презрѣнія, и, конечно, по закону, за неимѣніемъ у истца расписки, выиграетъ дѣло и получитъ отъ своего довѣрителя половину исковой суммы въ гонораръ: и тому, и другому выгодно, и дѣло по закону рѣшено, только одна justitia pereat, да не нашедшій у мироваго судьи правды и огорченный этимъ истецъ, хорошо понимая, по чьей это винѣ, дождется молодаго цицерона въ дверяхъ и пошлетъ его туда, куда по обычаямъ простонароднымъ полагается въ такихъ случаяхъ посылать. Къ сожалѣнію, предписываемое закономъ (51 и 52 ст. у. гр. суд. и 45 и 46 ст. у. уг. судопр.) записываніе мировыми судьями словесныхъ просьбъ не прививается у насъ, главнымъ образомъ, по причинѣ лѣности гг. судей. Необходимость написать прошеніе и заставляетъ прежде всего неграмотный народъ обращаться къ адвокатамъ и по мелкимъ дѣламъ.

Но практическое осуществленіе этой мѣры,—т. е. упраздненія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, — едва ли не встрѣтитъ серьезнаго препятствія въ слишкомъ небольшомъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ: ихъ не насчитывается и двухъ тысячъ во всей Россіи. Можетъ оказаться недостатокъ въ адвокатахъ, если при этомъ будетъ упразднено и сословіе частныхъ повѣренныхъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо устроить, чтобы молодые помощники, по крайней мѣрѣ, не оставались въ центрахъ, гдѣ и безъ нихъ всегда будетъ больше адвокатовъ, чѣмъ нужно, а обязательно начинали бы и проводили первые годы своей дѣятельности въ удаленныхъ отъ центровъ городахъ, гдѣ они будутъ завалены работой и гдѣ ихъ, какъ говорится, «само дѣло научитъ».

Точно также, по аналогичнымъ основаніямъ, было бы въ высшей степени полезно всѣхъ вообще молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, поступающихъ на государственную службу, посылать на службу въ окраины, гдѣ они весь пылъ своей юности, незабытые пока университетскіе идеалы и знанія могутъ посвятить, подъ эгидой закона, на борьбу съ лютымъ зломъ, котораго такъ много на окраинахъ; а потомъ уже — запирать ихъ департаменты, гдѣ они будутъ производительно работать, познавши русскую жизнь въ первыхъ ея источникахъ. А когда,—какъ это большею частію дѣлается, — университетскую молодежь сразу, не давши ей ни однимъ глазкомъ посмотрѣть на натуральную, а не искусственную петербургскую, жизнь, засаживаютъ въ департаменты, — она тамъ высушивается, дѣлается живою тряпкой, и на міръ божій привыкаетъ смотрѣть, какъ на департаментъ, «гдѣ въ часы досуга люди заняты сниманьемъ копій другъ со друга», какъ, вѣроятно, не безъ основанія, поется про нихъ въ одной пѣсенкѣ.

Но возвратимся къ конференціямъ и ихъ правильной постановкѣ. Въ настоящее время онѣ, какъ было упомянуто, не болѣе какъ школы кляузничества для молодыхъ адвокатовъ. А должны онѣ быть исключительно зародышами несуществующихъ пока у насъ школъ краснорѣчія. Для этого надобно одно: чтобы вмѣсто теперешнихъ компилятивныхъ рефератовъ, каждый помощникъ обязательно представлялъ бы туда на судъ товарищей и руководителей подробнѣйшее письменное изложеніе всякой рѣчи, которую ему предстоитъ говорить по уголовнымъ защитамъ или по гражданскимъ дѣламъ, и затѣмъ долженъ въ конференціи же сполна произнести эту рѣчь, совершенно такъ, какъ бы на судѣ. Польза отъ такой постановки дѣла будетъ неисчислимая. Товарищи и руководители прежде всего замѣтятъ и укажутъ оратору пономарскую угловатость или, наоборотъ, жидовскую развязность его манеръ и вообще всѣ внѣшніе недостатки его, какъ оратора, требующіе исправленія. Самое содержаніе рѣчи будетъ, разумѣется, разобрано по косточкамъ, и тутъ же обличится: изучилъ ли ораторъ добросовѣстно свое дѣло, или только схватилъ верхушки, или прочелъ одинъ обвинительный актъ, какъ теперь большею частію дѣлается при «казенныхъ защитахъ». Оратору будутъ указаны и разъяснены всѣ его достоинства и недостатки, всѣ особенности дѣла и пр., и пр. Такимъ образомъ, при опытныхъ и хорошихъ руководителяхъ и обязательной явкѣ на конференцію всѣхъ сотрудниковъ, подъ страхомъ серьезнаго взысканія, мало по малу образуется школа какого ни на есть краснорѣчія съ опредѣленными идеалами, съ извѣстными задачами и съ своимъ собственнымъ направленіемъ.

Несомнѣнно также, что послѣ такой основательной фильтраціи адвокатской рѣчи, когда она будетъ произнесена на судѣ, въ ней уже гораздо меньше будетъ элементовъ, возбуждающихъ обыкновенно столь вредныя для правосудія — и всегда оканчивающіяся униженіемъ адвоката—пререканія между защитникомъ и предсѣдателемъ судебнаго учрежденія.

Предлагая, наконецъ, болѣе живое отношеніе адвокатской корпораціи къ общественной дѣятельности, главнымъ образомъ, къ земской и городской, я имѣю въ виду ту,—отчасти указанную выше,—пользу, какую могли бы приносить, и то общественное руководящее значеніе, какое могли бы имѣть въ нашихъ земскихъ и думскихъ парламентахъ присяжные повѣренные, еслибы они въ состояніи были сознать эту пользу и значеніе, а стремленіе къ общественной дѣятельности—сдѣлать однимъ изъ важнѣйшихъ принциповъ своей корпораціи. Но старики съ своими практическими принципами, въ родѣ «работать и заработывать» (*идеалъ* петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ) и т. *п.* едва ли способны это понять, да и большинство ихъ стоитъ одной ногой въ гробу. А молодые, какъ уже сказано, еще хуже стариковъ. Обладая въ большомъ размѣрѣ двумя цѣнными современными качествами,—наглостью и безстыдствомъ,—наши молодые присяжные цицероны оказываются способными развѣ только осмѣивать всякія стремленія къ общественной дѣятельности, какъ къ дѣятельности, не приносящей имъ ни пользы, т. е. денегъ, ни удовольствія. Остается, по примѣру и указанію П. Н. Обнинскаго, возложить надежду на тѣхъ незамѣтныхъ одинокихъ и честныхъ бойцовъ, живущихъ болѣе чѣмъ скромно, по дальнимъ угламъ нашего отечества, вдали отъ центровъ и «руководящаго» вліянія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, не рвущихъ кушей, подобно столичнымъ «орламъ», но которые выступятъ на первый планъ, когда придетъ ихъ часъ. Только позволительно спросить у П. Н. Обнинскаго словами извѣстнаго поэта:

«Гдѣ жь они, о, гдѣ же?
Типы нашей жизни—все одни и тѣ же!
Тотъ же все Молчалинъ, Фамусовъ иль Рудинъ,
Хлыщъ или Обломовъ!..
Люди отрицанья, фатовства пустаго»...

Можно еще указать на нѣкоторыя мѣры, которыя могли бы способствовать умственному и нравственному подъему корпораціи, напримѣръ, повышеніе образовательнаго ценза, для пріема въ помощники, до степени кандидата правъ. Необходимо также уничтожить существующее теперь *номинальное помощничество*, допу-

ская при одномъ присяжномъ повѣренномъ не болѣе двухъ помощниковъ, и слѣдить, чтобы онъ за ихъ труды платилъ бы хотя небольшое жалованье, а не эксплуатировалъ ихъ, какъ теперь нерѣдко случается. Хорошо было бы вообще сравнять у насъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, положеніе присяжныхъ адвокатовъ съ положеніемъ нашихъ нотаріусовъ, т. е. установить ихъ комплектъ для каждаго города, завести адвокатскія конторы и книги для записи дѣлъ и получаемаго по таксѣ гонорара, съ обложеніемъ адвокатовъ въ пользу государства или города налогомъ, тутъ же взимаемымъ съ гонорара, и т. д., приспособляясь къ нотаріальнымъ порядкамъ; а нынѣшній налогъ съ помощниковъ, какъ несправедливый, уничтожить.

Не смотря на то, что французскіе адвокаты играютъ теперь въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ республики огромную первенствующую роль, и что вообще адвокатамъ во Франціи—рай, отнюдь нельзя рекомендовать нашему правительству реформировать адвокатуру на подобіе французской. Ибо все въ государствѣ должно дѣлаться и приспособляться къ удобству и благу массы народа. А французскіе адвокаты въ палатѣ депутатовъ вовсе не представители интересовъ рабочихъ и ремесленниковъ (самый большой по количеству элементъ французскаго народа); палата депутатовъ до сихъ поръ кормитъ этотъ классъ обѣщаніями—заняться обсужденіемъ рабочаго вопроса. Напротивъ, французскіе адвокаты — талантливые представители интересовъ и политики французской буржуазіи. Затѣмъ, во Франціи вести чрезъ адвоката небольшое, среднее по суммѣ, дѣло — настоящее разореніе и для истца, и для отвѣтчика. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ возможность насмотрѣться на французскіе адвокатскіе порядки въ одномъ изъ южныхъ французскихъ городовъ, гдѣ къ моему русскому знакомому, разорившемуся помѣщику, предъявленъ былъ искъ однимъ французомъ на сумму въ 60 фр. Мой знакомый это дѣло выигралъ. Какія издержки понесъ проигравшій его истецъ, я не знаю, но мой знакомый обратился къ услугамъ французской адвокатуры. Онъ заплатилъ, разумѣется, впередъ стряпчему (avoué) *10 фр.* за какое-то нужное заявленіе по этому дѣлу въ судъ, затѣмъ у стряпчаго же въ конторѣ оставилъ *20 фр.* для адвоката (avocat) за два выхода его въ судъ по этому дѣлу—цѣны минимальныя по таксѣ, потому что и дѣло было маленькое. Тянулось оно, однако, мѣсяца полтора. Avocat, которому avoué представилъ моего знакомаго, жилъ рядомъ съ рынкомъ. Поэтому часто, возвращаясь утромъ изъ рынка съ провизіей, мой знакомый заглядывалъ на минутку въ контору своего адвоката: узнать, не назначено ли дѣло его къ разбору, допрошены ли сви-

дѣтели и пр.,—вообще «пока́лякать» по русскому обычаю. Принималъ его адвокатъ каждый разъ очаровательно. Даже, когда знакомый мой, нагруженный корзинкой съ мясомъ или пататами, стѣснялся войти съ своей ношей въ адвокатскую контору и хотѣлъ только изъ-за дверей справиться у писца, не назначено ли его дѣло, avocat любезно подходилъ къ нему, самъ бралъ изъ его рукъ корзину съ провизіей, называлъ его mon cher monsieur le russe, увлекалъ его, упирающагося, въ свой кабинетъ, признавался ему въ любви къ Россіи и просилъ не безпокоиться насчетъ дѣла, такъ какъ оно совершенно правое и ясное.

Знакомый мой всегда возвращался въ восторгѣ отъ своего avocat. Когда же окончилось это дѣло, въ нашъ домъ пришелъ симпатичный старичокъ, судебный приставъ (huissier), и принесъ выигравшему дѣло моему русскому знакомому копію съ резолюціи или рѣшенія, и при этомъ взыскалъ съ него за эту услугу *по таксѣ* 7 фр. Но каково же было удивленіе и затѣмъ жестокій *гнѣвъ моего* соотечественника, когда тотъ же huissier и тутъ *же вручилъ* ему на бланкѣ счетъ его прекраснаго адвоката на 40 фр. за восемь «консультацій». Несчастный, оказывается, всего восемь разъ забѣгалъ съ рынка покалякать о дѣлѣ къ своему хваленому avocat, а тотъ каждый его визитъ оцѣнивалъ въ 5 фр. и вносилъ день его посѣщенія въ свою офиціальную шнуровую книгу, съ которой и былъ списанъ счетъ по всѣмъ правиламъ бухгалтеріи.

Мой русскій знакомый сперва было отказался повѣрить такой неожиданности. Когда же убѣдился, то, придя въ совершенное неистовство, сталъ было кричать, грозить и ругаться, что это разбой, грабежъ и мошенничество; что никакихъ консультацій никогда онъ и не просилъ у своего адвоката, да и не нужно ему было никакихъ консультацій; что адвокатъ только одни комплименты говорилъ ему; что онъ такой и сякой, и въ Россіи его бы и на порогъ суда не пустили. И компатріотъ рѣшительно отказался уплатить 40 франковъ по счету коварнаго avocat. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, еслибы не принялъ въ насъ участіе добрый huissier, также заявившій свои симпатіи къ alliance franco-russe и откровенно высказавшій намъ за чаемъ глубокую надежду, что Россія и monsieur le Tzar помогутъ французамъ отвоевать назадъ Эльзасъ-Лотарингію,—т. е., другими словами, подставить за чужую, хотя и весьма симпатичную страну, подъ прусскія пушки и штыки добрую сотню тысячъ своихъ родныхъ дѣтей. Онъ терпѣливо и сердечно урезонилъ моего компатріота, что счетъ avocat совершенно правиленъ, такъ какъ самъ же истецъ не отрицаетъ, что былъ восемь разъ не на дому у адвоката, а въ его конторѣ; въ адвокатскую же

контору только и ходятъ «по дѣламъ», за консультаціями; что его адвокатъ взялъ съ него самую дешевую цѣну по таксѣ, всего 5 фр. за консультацію, и что лучше и выгоднѣе ему сейчасъ же безъ разговоровъ уплатить сполна 40 фр. по счету. Если же онъ не заплатитъ сейчасъ, то приставъ долженъ будетъ отдать этотъ счетъ обратно адвокату, тотъ—судьѣ, судья поставитъ на счетѣ штемпель о взысканіи, и тогда черезъ день приставъ снова принесетъ этотъ счетъ русскому господину и, во-первыхъ, взыщетъ за это въ свою пользу еще 7 фр. по таксѣ, а, во-вторыхъ, если русскій господинъ не уплатитъ, huissier долженъ будетъ наложить арестъ, въ суммѣ счета, на всѣ его вещи и за опись этихъ вещей взыщетъ въ свою пользу по 50 сантимовъ съ каждой; что въ результатѣ, такимъ образомъ, черезъ два дня вмѣсто 40 фр. русскому мосьё придется заплатить около 60. Доводы почтеннаго пристава, поступившагося, ради своихъ русскихъ симпатій, законными доходами, были такъ основательны и убѣдительны, что всѣ мы, присутствовавшіе при этой сценѣ, пристали къ своему компатріоту и уговорили его немедленно уплатить по адвокатскому счету сполна 40 фр., что̀ и было исполнено. Такимъ образомъ вышло, что отвѣтчикъ, выигравшій во французскомъ судѣ дѣло въ 60 фр. при помощи французской адвокатуры, заплатилъ за эту помощь 70 фр., а всего понесъ убытка отъ выиграннаго дѣла 77 фр. (7 фр. для huissier). А сколько бы понесъ онъ убытка, еслибы имѣлъ несчастіе проиграть это дѣло?

Влад. Птицынъ.

На мотивъ изъ А. Теннисона.

Вижу ль на небѣ полоску зари золотую,
Тихій ли шопотъ колосьевъ до слуха коснется,
Сердце такъ сладко, такъ трепетно-сладко забьется,
Жизнь вспоминая невольно, давно прожитую,
Юности свѣтлые дни.
Солнца ль закатъ прихотливо въ лучахъ разольется,
Волны ль со стономъ и ревомъ бушуютъ морскія,
Снова и радость, и горе, и грёзы былыя
Память освѣтитъ и сердце такъ больно сожмется,
Вспомнивъ минувшіе дни,—
Дни, когда счастья улыбка свѣтло и привѣтно
Жизни сіяла и—полное вѣры и силы—
Юное сердце впервые и свято любило...
Дороги мнѣ, какъ былинка съ могилы завѣтной,
Тѣ невозвратные дни!

М. Анненкова.

ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ.

Историческій романъ **Феликса Дана.**

Часть II.

Цезарь.

(355—361 г. по Р. Х.).

«Къ болѣе крупному произведенію приступаю я; болѣе высокій порядокъ вещей открывается передо мной съ Юліаномъ. Возвышенный духъ руководилъ этимъ юношей отъ колыбели до его послѣдняго издыханія. И въ мирное, и въ военное время, все было такъ внезапно исправлено имъ, что онъ, мудрый, какъ Веспасіанъ, считался по добротѣ вторымъ Титомъ; Траяномъ — по военной доблести, Антониномъ — по кротости, а по ясности и глубинѣ пытливаго ума его сравнивали съ Маркомъ-Авреліемъ».

Амміанъ-Марцелинъ. XV, 9, XVI. 1.

I.

Тамъ, гдѣ многоводный, могучій Рейнъ широко разливается подобно озеру, раздѣляясь у Батавскаго острова на два рукава, жили въ то время по обоимъ берегамъ, въ странѣ, изрѣзанной дремучими лѣсами и болотами, салійскіе франки,—тѣ батавы, которые, нѣкогда вступивши въ борьбу съ Римомъ за свободу въ царствованіе Клавдія Цивилія, послужили главной составной частью для группы народовъ, сплотившейся воедино подъ именемъ «свободныхъ», уже за четыре или пять поколѣній до той поры. На Батавскомъ островѣ, довольно близко къ раздѣленію «Рейна», т. е. сѣвернаго рукава отъ южнаго «Ваала», на самомъ высокомъ холмѣ, на полетъ стрѣлы отъ рѣки, возвышалось довольно внушительное жилище областнаго короля.

Незадолго до того времени, когда новый цезарь пустился въ невѣдомую страну разрѣшать невѣдомую задачу, въ продолговатой залѣ этого королевскаго двора собралось на совѣтъ нѣсколько областныхъ королей и представителей благородныхъ родовъ различныхъ сало-франкскихъ народностей, но, кромѣ нихъ, здѣсь были также гости, пріѣхавшіе издалека и принадлежавшіе къ другимъ германскимъ племенамъ.

Возвышенное мѣсто занималъ хозяинъ дома, маститый король Небисгастъ; густая волна ниспадавшихъ до плечъ серебристо-бѣлыхъ волосъ и длинная борода такого же цвѣта придавали ему въ высшей степени почтенный видъ; такъ какъ его зрѣніе было плохо, то ему прислуживалъ сынъ, сидѣвшій на скамьѣ напротивъ, и помогалъ ему, когда старикъ шарилъ по круглому столу дрожащею рукою, отыскивая кубокъ; глаза молодаго человѣка съ любовью слѣдили за каждымъ движеніемъ отца. Остальные государи и гости сидѣли на полукруглыхъ скамьяхъ, поставленныхъ вокругъ стола; слуги были отпущены, такъ какъ между присутствующими обсуждались крайне важные вопросы. Почетное мѣсто по правую руку хозяина дома занимала исполинская фигура мужчины лѣтъ сорока, на плащѣ котораго, сдѣланномъ изъ чернаго турьяго мѣха, ярко выдѣлялась темнорыжая борода; дубовый столъ задребезжалъ, когда великанъ опустилъ на него литую мѣдную кружку, съ двумя ручками, для разбавленнаго вина.

— Клянусь Тіусомъ и рыжимъ Донаромъ,—воскликнулъ онъ,—налей-ка мнѣ еще, Меровехъ. Слишкомъ малъ величайшій сосудъ вàловъ [1]) для аламанской жажды.

Королевскій сынъ усмѣхнулся, когда пошелъ съ выпитой до дна высокой кружкой—зачерпнуть ею, изъ пузатаго глинянаго кувшина, стоявшаго на каменномъ полу, крѣпкаго ароматнаго краснаго вина.

— А между тѣмъ, король Хнодомаръ, этотъ маленькій кубокъ служилъ самымъ громаднымъ сосудомъ для разбавленнаго вина у императора Константина. Въ немъ вино перемѣшивалось съ водою на девятерыхъ гостей.

— Ба! да вѣдь это были вàлы, сухопарые, малорослые людишки,—воскликнулъ аламанъ, снова поднося обѣими руками

---

[1]) Такъ называли римлянъ германцы.

огромную кружку къ бородатому рту.—Однако, у тебя отличный домашній кубокъ, батавъ! Откуда ты его добылъ?

— Императоръ Констанцій послалъ его отцу вмѣстѣ со мною, когда отпустилъ меня на свободу.

— Какъ долго, Меровехъ, находился ты въ плѣну у римлянъ?—спросилъ гость, сидѣвшій рядомъ съ Хнодомаромъ: суэбскій чубъ, закрученный на макушкѣ головы, указывалъ на его аламанское происхожденіе.

— Онъ не былъ въ плѣну, король Уръ,—съ неудовольствіемъ возразилъ отецъ молодаго человѣка.—Добровольно отдалъ я мальчика—въ то время ему было пятнадцать лѣтъ—великому Константину въ залогъ мира. Только одинъ этотъ миръ спасъ мой народъ. Неодолимою силою стоялъ августъ въ моей странѣ: всякое сопротивленіе было невозможно; римскіе легіоны могли перебить насъ поголовно въ нѣсколько дней; миръ былъ заключенъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ мы дали заложниковъ—нѣсколькихъ юношей благородныхъ родовъ, въ числѣ которыхъ долженъ былъ находиться королевскій сынъ. И я отдалъ его, мое златокудрое дѣтище; съ тѣхъ поръ въ моемъ домѣ не стало солнечнаго луча. Мои глаза помутились, а мать такъ и не видала больше, какъ онъ снова переступилъ отцовскій порогъ. Но этой цѣною я купилъ моему народу миръ, необходимый странѣ, и этотъ миръ продолжался почти двадцать лѣтъ. Мы, батавы, сидѣли спокойно, тогда какъ всѣ наши сосѣди, несвоевременно возстававшіе противъ императора, погибали подъ мечами побѣдоноснаго врага. Всѣ эти годы я тосковалъ по единственномъ сынѣ, какъ по умершемъ. Только недавно вернулся онъ ко мнѣ.

И маститый король обратилъ ослабѣвшіе глаза къ Меровеху, любуясь видомъ юнаго героя.

— Ну, что жь?—засмѣялся Хнодомаръ, заглядывая въ громадную кружку.—Вѣдь мальчику тамъ недурно жилось, пока ты считалъ его умершимъ? Хитрая лисица, Константинъ, котораго ты называешь великимъ императоромъ,—чтобъ ему крутиться между мечей и змѣй въ ледяномъ потокѣ Гельса!—воспиталъ его вмѣстѣ съ самыми знатными юношами своего государства. Имъ изучены латынь и греческій языкъ, и книги о распятомъ Сынѣ Отца вселенной и, какъ говорятъ, всѣ таинства египетскихъ волшебниковъ. Онъ былъ посвященъ въ жрецы

какого-то египетскаго бога, и потому получилъ даже египетское имя. Какъ, бишь, тебя тамъ звали?

— Серапіономъ зовусь я между римлянами по имени Сераписа, величайшаго бога египтянъ.

— Да, онъ изучилъ также ихъ священныя таинства,—съ гордостью замѣтилъ отецъ.

— Что не помѣшало ему, однако, остаться батавскимъ и салійскимъ героемъ,—воскликнулъ сѣдобородый гость, сидѣвшій рядомъ съ королевскимъ сыномъ, и ласково ударилъ его по плечу.—Меровехомъ назвали мы тебя по имени великаго предка, сына Клавдія Цивилія, при освященіи воды, когда новорожденному нарекаютъ имя. Этотъ Меровехъ, по завѣту умирающаго отца, сплотилъ наши народности подъ великимъ именемъ франковъ—сначала тайно, скрытно отъ подозрительныхъ римлянъ, пока наконецъ—за добрую сотню зимъ до нашего времени, пятый потомокъ того Меровеха громко возвѣстилъ имя франковъ, и оно грянуло громовымъ ударомъ до самаго Рима!

— Да, это правда,—подтвердилъ старый король, припоминая.—Я въ восьмомъ колѣнѣ, а мой Меровехъ въ девятомъ, приходимся потомками тому Клавдію Цивилію.

— У насъ, сугамбровъ,—продолжалъ сѣдобородый, и его голубые глаза вспыхнули юношескимъ огнемъ,—самая старинная вражда съ Римомъ; онъ напалъ на нашихъ предковъ прежде всѣхъ остальныхъ сыновъ Водана и разсѣялъ ихъ; одну часть прогналъ, другую насильно переселилъ сюда изъ стараго отечества и поработилъ ее; но месть не старѣетъ. И потому говорю вамъ, короли франковъ: примите предложеніе смѣлыхъ, какъ вепри, аламановъ! Взгляните на этого короля Хнодомара; богу грома подобенъ онъ, своему предку. Половину Галліи завоевали уже они: нарушьте миръ, насильственно навязанный намъ Римомъ, заключите союзъ съ аламанами и раздѣлите съ ними галльскую землю. Давно уже нѣтъ въ живыхъ императора Константина, котораго вы боялись. Въ слабыя руки попалъ его золотой жезлъ! На Дунаѣ съ язычами, въ далекой Азіи съ персами бьются римскіе легіоны; вся страна отъ Рейна до Луары остается беззащитною; она принадлежитъ сильному. Не теряйте времени,—побѣдоносный отецъ подаритъ ее вамъ.

И онъ поднялъ рогъ, стоявшій передъ нимъ на серебряной подставкѣ, чтобы сдѣлать изъ него большой глотокъ вина.

— Нѣтъ, Мело, сынъ Мельфрида,—началъ его сосѣдъ съ лѣвой руки, покачивая головой съ короткими черными кудрями.— Я предостерегаю васъ отъ этого! Какъ часто—не мы, конечно!— но наши сосѣди на сѣверѣ и востокѣ нарушали миръ, заключенный съ ними Римомъ. Съ грабежемъ и разбоемъ врывались они въ чужую страну, руководимые слѣпой жадностью. Но всякій разъ это не приводило къ добру! Сначала разбойникамъ везло, но потомъ снова являлись легіоны подъ своими непобѣдимыми орлами...

— Которые теперь упразднены,—вставилъ Меровехъ.

— И подъ предводительствомъ непобѣдимыхъ полководцевъ.

— Хо-хо-хо-хо!—раскатисто засмѣялся Хнодомаръ, такъ что стѣны залы задрожали.

— Но, въ концѣ концовъ, цезари все таки оставались побѣдителями и—тутъ горячая кровь бросилась ему въ лицо— одно забываете вы всегда, неугомонные. Вѣдь вы сидите въ лѣсахъ и болотахъ, вы...

— Вы варвары, хочешь ты сказать,—спокойно добавилъ Меровехъ.

— Вы болѣе бѣдные, смѣю замѣтить я. Когда римскіе когорты являются сюда для наказанія нарушаемой вѣрности, вы уходите въ лѣсъ и болота.

— Куда легіонеръ неохотно пускается, — засмѣялся Мело.

— Женщинъ, дѣтей, скотъ и недорого стоющій скарбъ вы забираете съ собою въ дремучій лѣсъ, который тянется на цѣлыя мили. Вамъ нипочемъ, если центуріонъ подожжетъ вашъ опустѣлый деревянный дворъ. А тамъ вскорѣ южане отступаютъ назадъ, устрашенные холоднымъ дождемъ вашей осени, и тотъ же лѣсъ, послужившій вамъ пріютомъ, гдѣ вы прятались въ засады, даетъ вамъ бревна для новыхъ построекъ. Но намъ, намъ приходится кое-что терять въ Кёльнѣ, гдѣ у насъ красивые каменные дома на римскій образецъ и богатое имущество...

— И раздольная жизнь, но не свобода, которую вы давно потеряли,—засмѣялся Хнодомаръ.

— Свобода!—повторилъ, пожимая плечами, ўбіецъ.—Ну, вы имѣете полную свободу голодать и мерзнуть.

— Да и жить, какъ мы хотимъ,—воскликнулъ Мело.

— Или, скорѣе, какъ мы должны!—съ удареніемъ сказалъ

Меровехъ.—Мы ведемъ несказанно дорогой намъ образъ жизни, унаслѣдованный нами отъ нашего племени, отъ нашихъ предковъ. По моему,—задумчиво заключилъ онъ,—свобода состоитъ въ возможности жить по своимъ привычкамъ. Галлы же обратились въ римлянъ, да и вы отчасти тоже.

— А развѣ образъ жизни римлянъ хуже? Моя мать была римлянка.

— А моя нѣтъ, благодареніе богамъ!

— Что ты хочешь этимъ сказать?—вскипѣлъ убіецъ, хватаясь рукою за мечъ.

— А то, о Спурій,—спокойно возразилъ Меровехъ,—что недостатки моего народа для меня милѣе преимуществъ чужестранцевъ. Въ эти восемнадцать лѣтъ я видѣлъ и нравы многихъ народовъ въ Римѣ, въ Византіи, въ Антіохіи, въ Александріи, и ничего не нашелъ я, что понравилось бы мнѣ *болѣе* германскихъ обычаевъ. Нѣкоторые народы превосходятъ насъ мудростью, но не благородствомъ и силою. А міръ принадлежитъ не самымъ хитрымъ, а самымъ сильнымъ и благороднымъ. Мы же превзошли всѣхъ въ этихъ качествахъ.

— Гейло!—воскликнулъ Хнодомаръ и выпилъ за его здоровье.—Этотъ малый умѣетъ говорить, какъ и драться. Онъ управляетъ рѣчью, какъ копьемъ.

— Но прежде всего онъ умѣетъ думать,—замѣтилъ убіецъ.—А этому онъ научился отъ римлянъ, грековъ и ихъ философовъ. А міръ?—онъ принадлежитъ еще императору, значитъ императоръ есть умнѣйшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ?

— Констанцій?—улыбнулся Меровехъ,—этого онъ и самъ про себя не думаетъ. А кому принадлежитъ міръ, это еще будетъ видно.

— Ну, — залился Хнодомаръ громоподобнымъ хохотомъ,—тотъ прекрасный кусочекъ свѣта, который называется Галліей, уже не принадлежитъ ему болѣе. Мы завладѣли доброй частью этой землицы, а скоро и вся она цѣликомъ будетъ наша, если вы захотите намъ помочь и подѣлить съ нами добычу.

— Гмъ!—проворчалъ четвертый гость, молчавшій до сихъ поръ, худощавый мужчина съ мрачнымъ лицомъ. — Помогать вамъ, дѣлиться съ вами! Вотъ этого-то мы и не хотимъ, мы—хатты. Старинный пограничный споръ раздѣляетъ наши области съ вами, съ вами, всегда готовыми къ насилію, аламанами.

Мнѣ еще предстоитъ исполнить завѣтъ кровавой мести надъ однимъ изъ вашихъ королевскихъ родовъ: за три поколѣнія отъ насъ, одинъ изъ моихъ предковъ погибъ жертвой аламанской ярости.

— А сколько твоихъ родичей, Адгандестеръ, пало отъ меча легіонеровъ?—спросилъ Меровехъ.—Или, будучи взято въ плѣнъ, было растерзано дикими звѣрями? Мнѣ помнится, что въ числѣ плѣнныхъ королей и представителей благородныхъ родовъ, которыхъ благочестивый Константинъ отдалъ на растерзаніе медвѣдямъ въ Тріерѣ, находился также твой родной отецъ? Неужели ты позабылъ объ этомъ?

— Пусть я буду плавать въ ледяномъ потокѣ Гельса, — пылко возразилъ хаттъ,—если когда нибудь позабуду это! Но вѣдь римляне—чужестранцы. Ненависть гораздо сильнѣе между родственными народами: аламаны — сыны Водана, какъ и мы. Но мы дружнѣе съ пограничными франками, чѣмъ съ аламанами, злыми сосѣдями. Мнѣ не очень-то пріятно встрѣтить ихъ здѣсь, въ залѣ пира, у франковъ. Помогать? дѣлиться? Я бы не хотѣлъ этого. Деритесь сами, аламаны, съ римлянами. А тогда мы, хатты, и вы—салійцы, отнимемъ у побѣдителя все завоеванное.—И онъ бросалъ пылавшіе ненавистью взоры на обоихъ аламанскихъ королей.

— Ну,—засмѣялся Хнодомаръ,—твоя политика, хаттъ, по крайней мѣрѣ, откровенна. Точно также откровененъ будетъ и мой отвѣтъ: когда мы всѣ вмѣстѣ поскачемъ обратно домой на своихъ коняхъ, я тебя убью.

— Политика!—тономъ сожалѣнія воскликнулъ Меровехъ.—Да, вотъ она, наша исконная политика зависти, рѣзни, сосѣдской ненависти и племенной вражды. Неужели такъ должно продолжаться и на будущее время? Что дѣлало римлянъ непобѣдимыми цѣлыя столѣтія? Единая воля, управлявшая ими. Что расшатываетъ теперь ихъ могущество и ведетъ къ ихъ паденію? Несогласіе, зависть цезарей.

— Значитъ, и ты, мой милый сынъ, — серьезно спросилъ старый король,—совѣтуешь намъ нарушить миръ съ Римомъ и вступить въ союзъ со смѣлыми аламанами? Обдумай хорошенько. Тебѣ лучше насъ всѣхъ извѣстна сила Рима; кромѣ того, тебя не влечетъ туда, какъ другихъ юношей, жажда грабежа и жажда брани: ты вернулся ко мнѣ обратно юнымъ

мудрецомъ. Чему ты научился еще отъ епископовъ, жрецовъ Аполлона, Сераписа, Моисея, этого я вѣдь не знаю! Но одно ты хорошо изучилъ: Римъ, его величіе и его недуги. И управлять собою научился ты...

— И видѣть насквозь другихъ и черезъ это также управлять ими,—подтвердилъ Мело, кивая головою.

— Ну, въ этомъ я недалеко ушелъ, — сказалъ Меровехъ, встряхивая длинными кудрями.—Но одному, дѣйствительно, научился я: любить мой народъ больше всего, горячей любовью и всею душою.

— Странно,—насмѣшливо возразилъ Спурій.—Неужели это было написано въ свиткахъ жрецовъ Сераписа?

— Нѣтъ, убіецъ. А также и не въ священной книгѣ христіанъ. Тамъ ничего не говорится о любви къ собственному народу. Сынъ іудейскаго бога видѣлъ, какъ тяжко страдаетъ его народъ подъ игомъ Рима, но онъ не сказалъ о томъ ни слова, онъ велѣлъ воздавать и воздавалъ: кесарево кесареви, не исключая и своихъ порабощенныхъ соплеменниковъ. Нѣтъ, не книги научили этому меня, мальчика, ставшаго вдали отъ родины юношей и зрѣлымъ мужемъ, не книги, но сердечная потребность и гордость сердца. Видите ли, я былъ такъ молодъ, а искушеніе такъ сильно со всѣхъ сторонъ. Я не хочу сказать, что то былъ соблазнъ пороковъ, неслыханныхъ пороковъ, окружавшихъ мою юность. Нѣтъ, то былъ соблазнъ отпасть отъ самого себя, отъ моей своеобычности. Я видѣлъ ежедневно, какъ другіе,—римляне и варвары, которые не были ни сильнѣе, ни храбрѣе, ни мудрѣе меня,—быстро возвышались передъ моими глазами. Золота, почестей, власти, красивыхъ женщинъ, наслажденій всякаго рода достигали они, отрекаясь отъ самихъ себя, становясь такими лживыми, себялюбивыми, коварными, такъ пресмыкаясь и обманывая ради достиженія цѣли, а послѣ достигнутой побѣды выказывая такую же кровожадную жестокость, какъ... ну, какъ самъ императоръ Константій, его епископы и патриціи. И часто таинственный голосъ нашептывалъ мнѣ на ухо: подражай имъ, и ты пойдешь дальше ихъ всѣхъ! Лги, сплетай интриги! Соблазняй женъ твоихъ недруговъ и друзей, чтобы знать тайны, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, льсти и лицемѣрь! А главное — прими крещеніе, и ты можешь сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ пожелаетъ твое сердце, въ этомъ государ-

БИБЛІОТЕКА

ствѣ, при этомъ дворѣ! Но тутъ передъ моими духовными очами вставала родина, нашъ домъ, и я стыдился отпасть отъ нашего исконнаго благородства. Я видѣлъ предъ собою отца съ серебристой бородой, который и въ мирное, и въ военное время жилъ только для своихъ. Я видѣлъ доброе лицо матери, которая управляетъ своимъ женскимъ хозяйствомъ въ нашемъ дворѣ. Видѣлъ красавицу-сестру съ золотыми кудрями, невѣсту короля сѣверной страны, и сравнивалъ эту цѣломудренную дѣвушку, чистую, какъ утренняя роса, съ юными римлянками, развращенными, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ расцвѣсти. Я видѣлъ своихъ соотечественниковъ, ведущихъ переговоры подъ старымъ ясенемъ, гдѣ одно слово связывало больше, чѣмъ въ Римѣ всѣ клятвы на священныхъ костяхъ и грамотахъ въ локоть длиною. И я подумалъ, нѣтъ, сначала я почувствовалъ, какъ все у насъ было просто, вѣрно, чисто, нерушимо, справедливо, хотя сурово, даже грубо, а подчасъ и дико, кровожадно, и вотъ мнѣ опротивѣлъ окружающій блескъ—гнилое дерево, которое блеститъ отъ своего тлѣнія. И я говорилъ себѣ и среди евнуховъ въ Миланѣ, и среди размалеванныхъ подругъ патриціевъ, и среди тайныхъ убійцъ, важныхъ сановниковъ дворца, и среди ломающихся магиковъ Египта: нѣтъ, Меровехъ, сынъ Небисгаста, ты никогда не будешь подобенъ имъ! Ты останешься франкомъ, останешься сыномъ своего народа и будешь достоинъ его. Видишь ли, Спурій Романусъ: мой народъ, и только онъ одинъ, спасъ меня отъ растлѣнія. Не долженъ ли я любить его? Не долженъ ли я отплатить ему за это? И вотъ я поклялся содѣйствовать спасенію моего народа или умереть.

II.

Глубокая тишина послѣдовала за этими словами. Старый король протянулъ дрожащую руку черезъ столъ своему сыну. Даже говорливый убіецъ примолкъ. Только спустя нѣкоторое время онъ снова заговорилъ:

— Ну, хорошо, я не стану объ этомъ спорить; вѣдь я тоже люблю особенности римскаго народа, унаслѣдованныя мною отъ матери. Однако, прости мнѣ, королевичъ, я не вижу той опасности, отъ которой ты хочешь спасти свой народъ, какъ сейчасъ сказалъ. Никто не угрожаетъ вамъ, если вы сохраните

союзъ съ Римомъ, такъ часто подтверждаемый клятвами. Щитъ императора покрываетъ тѣхъ, кто ему вѣренъ.

— Я полагаю, что ему крайне нужны щиты для самого себя,—засмѣялся Хнодомаръ и выпилъ вина.

— Ты одинъ изъ народа батавовъ,—продолжалъ житель Кёльна,—видишь опасности, но ты одинъ и вызываешь ихъ, потому что тебя влечетъ къ войнѣ. Семь областей принадлежатъ батавамъ: гдѣ же остальные шестеро королей? Вѣдь, конечно, и они были приглашены, вмѣстѣ съ нами, Небисгастомъ въ свою залу совѣта. Почему они не явились? Я не вижу Лабіо и Бригантика, Храмна и Гунтхрамна, Трухтбрехта и Гримбранда; гдѣ они?

Скорѣе печально, чѣмъ гнѣвно, нахмурилъ старый король свое чело.

— Ты смѣешься, «агриппинецъ»? Вѣдь вы охотно *называетесь* также этимъ именемъ. Но ты имѣешь право *смѣяться*. Лабіо и Бригантикъ—полуримляне, подобно тебѣ,—ненавидятъ мой родъ, состоящій съ ними въ близкомъ родствѣ, такою же непримиримою ненавистью, какъ триста зимъ тому назадъ ихъ предки ненавидѣли Клавдія Цивилія, моего предка. Но также и четверо остальныхъ...

— Чистой германской крови,—насмѣшливо вставилъ Спурій.

— Да,—вмѣшался Меровехъ,—и они надѣлены чисто германской глупостью. Они завидуютъ намъ и ненавидятъ насъ, потому что область моего отца самая многолюдная.

Однако Спурій покачалъ головою.

— Это не единственная причина ихъ ненависти! Они отлично знаютъ, что если дѣло дойдетъ до войны, то Меровехъ будетъ избранъ герцогомъ также и ихъ подданными. Тогда имъ самимъ придется подчиниться Меровеху.

— Конечно,—съ горечью воскликнулъ Мело,—вотъ въ чемъ главная суть.

— Да,—заключилъ Меровехъ,—лучше служить чужеземцу, римлянину, нежели уступить хоть въ пустякахъ своему соплеменнику. Видишь ли, Спурій, слышишь, Адгандестеръ, вотъ одна страшная опасность, которая грозитъ нашему народу: исконная зависть, ревность, упорное своенравіе, неуступчивость. Даже въ четыре столѣтія германцы не успѣли замѣтить, что такія свойства губятъ ихъ всѣхъ. Только крайность, необ-

ходимость общей войны, можетъ излѣчить ихъ отъ наслѣдственнаго порока,—враждебнаго несогласія.

— И предводитель въ предстоящей войнѣ,—холодно сказалъ Адгандестеръ,—будетъ, конечно, называться Меровехомъ, потому что это путь къ могуществу.

— О, князь хаттовъ,—возразилъ тотъ съ очевидной горечью—неужели ты думаешь, что этотъ путь такъ соблазнителенъ? да онъ можетъ испугать кого угодно. Развѣ ты забылъ награду, выпавшую на долю великаго херуска? Еще до сихъ поръ арфисты поютъ и разсказываютъ о немъ въ королевскихъ залахъ. Подобно богу Палтару, онъ нашелъ раннюю смерть отъ руки собственныхъ родственниковъ,—отъ руки роднаго дяди и за столомъ. А каковъ былъ конецъ моего высокаго предка Клавдія Цивилія? Покинутый, преданный, изгнанный собственнымъ народомъ, который онъ хотѣлъ освободить и уже освободилъ, когда несогласія и зависть снова разрушили дѣло рукъ его,—онъ скончался бѣглецомъ въ дальней странѣ херусковъ; у могилы Арминія отлетѣла его высокая душа. Неужели ты полагаешь, что такіе примѣры соблазнительны?

— Ну, въ такомъ случаѣ,—возразилъ житель Кёльна,—оставайся въ покоѣ. Человѣка дальновиднаго можетъ увлечь въ подобныя опасности только одна любовь къ славѣ.

— Ты такъ полагаешь? О, какъ мнѣ жаль тебя. Впрочемъ, ты достаточно высказался: вѣдь у тебя нѣтъ больше ни народа, ни отечества. Отнюдь не любовь къ славѣ, которую я могъ бы несравненно блистательнѣе удовлетворить на службѣ Риму, а горячая любовь къ моему народу увлекаетъ меня къ опасностямъ. Слушайте меня вы оба: я дорожу жизнью, радуюсь своей силѣ, надѣюсь достичь еще многаго прекраснаго, великаго въ войнѣ и мирѣ; я знаю, что глубоко огорчитъ моя смерть престарѣлаго отца, что она, пожалуй, доведетъ его до могилы,—тутъ Меровехъ взглянулъ съ любовью на старика,—но, нисколько не задумываясь, прямо вотъ отъ этого рога, служащаго намъ застольной чашей, готовъ я броситься въ объятія смерти, еслибъ такая жертва могла принести хоть какую нибудь пользу народу франковъ.

— Гейло! Слава тебѣ, герой Меровехъ! Вотъ отлично сказано!—воскликнули на перебой Хнодомаръ, Уръ и Мело; но отецъ юноши молчалъ; только его глаза вспыхнули огнемъ.

Спустя нѣкоторое время, ўбіецъ началъ такъ:

— Если ты желаешь добра своему народу, не доводи его до войны съ Римомъ, единственно ради того, чтобъ пріучить его къ повиновенію тебѣ или, пожалуй, къ единству. Расплата выдетъ слишкомъ кровавой.

— Между тѣмъ, это—единственное средство. Но если ты дѣйствительно не понимаешь, въ чемъ дѣло, то слушай: не одно страстное стремленіе къ той цѣли — сплотить между собой нѣсколько нашихъ областей; о бо̀льшемъ нечего и думать,—а горькое, явное, неотвратимое бѣдствіе, какъ наводненіе, принуждаетъ насъ къ войнѣ противъ Рима, прямо наталкиваетъ на нее; бѣдствіе совершенно инаго рода...

— Мнѣ любопытно узнать, какой это страшный призракъ.

— Ты сказалъ правду, дѣйствительно это страшный призракъ, его зовутъ голодомъ. Да, онъ грозитъ намъ со *всѣми* своими ужасами! Ты улыбаешься, думая, какъ всегда, *только* о себѣ. Ты сидишь въ своемъ прекрасномъ мраморномъ домѣ съ колоннами на берегу широкаго Рейна, за крѣпкими высокими стѣнами Колоніи Агриппина, и спокойно попиваешь изъ коринѳскаго кубка сицилійское вино. Твои рабы и рабыни работаютъ для тебя, ведутъ торговлю и приносятъ тебѣ прибыль; между тѣмъ какъ ты, лежа на мягкихъ подушкахъ, слушаешь игру сирійской флейтщицы или любуешься искусствомъ танцовщицы изъ Аматуса.

— Погоди, выродокъ,—вмѣшался сердитый Уръ,—мы безъ церемоніи побезпокоимъ тебя среди твоихъ пѣвицъ и попрыгуній.

— Ахъ, вы, ненавистные богамъ подражатели римлянамъ,— проворчалъ Хнодомаръ.—Мы еще не раздѣлались съ вами за то, что вы, поклявшись въ вѣрности Цивилію, спасли этимъ вашъ фальшивый городъ, который былъ уже приговоренъ къ разрушенію, а вскорѣ послѣ того погубили полтысячи храбрѣйшихъ зарейнскихъ подданныхъ Цивилія во время пышнаго пира, заданнаго имъ на аренѣ цирка; когда тѣ упились виномъ и заснули, то вы заперли двери, произвели тамъ пожаръ и задушили своихъ гостей, сожгли ихъ въ пламени. А между тѣмъ вы слывете набожными агриппинцами, самыми ревностными почитателями боговъ. Но погодите! Вотъ мы посмотримъ, кто сильнѣе: Юпитеръ ли съ Марсомъ, или Воданъ и Тіусъ.

— А между тѣмъ,—продолжалъ Меровехъ,—вправо отъ Рейна, въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверо-востоку, въ дремучемъ лѣсу и болотѣ выростаетъ, безпрестанно размножаясь съ каждымъ годомъ, громада германскаго народа, который уже давно, уже два столѣтія, не имѣетъ достаточно земли, чтобы добыть изъ нея для себя хлѣба, достаточно пастбищъ для пропитанія скота! Тѣсной, слишкомъ тѣсной, вотъ уже за многія поколѣнія, сдѣлалась для могучаго роста нашего народа узкая полоса земли, которая была достаточна болѣе половины тысячелѣтія тому назадъ для ея тогдашнихъ обитателей. Но объ этомъ ты не безпокоишься. Для тебя довольно, черезчуръ довольно всего въ пышномъ Кёльнѣ, а зарейнскіе обитатели пускай пропадаютъ съ голоду.

— Но этого не будетъ съ ними, пока я живъ,—воскликнулъ Хнодомаръ,—и пока имъ нужно только перебраться на щитѣ черезъ Рейнъ, чтобы найти все въ богатой и прекрасной Галліи: вино и темноокихъ женщинъ, и римскія золотыя украшенія, и славу, и сладость побѣды, и...

— Ради всего этого, о, аламанскій герой,—перебилъ Меровехъ,—я не рискнулъ бы вести народъ франковъ за Рейнъ и начать войну съ Римомъ, потому что она будетъ кровавой! Только потому, что мы должны, что у насъ нѣтъ выбора, послѣдую я за тобою, Хнодомаръ, если отецъ позволитъ и областной совѣтъ согласится съ нами.

— Гейло, бравый юноша!—воскликнулъ исполинскій король.—Если только ты пойдешь и станешь драться — изъ-за чего бы то ни было—мнѣ все равно. Вотъ моя рука и долой римлянъ!

III.

«Юліанъ, цезарь противъ воли, своему излюбленному учителю, Лизію.

«Мое послѣднее письмо, о Лизій, повѣдало тебѣ, въ дальней странѣ на берегахъ Нила, о тѣхъ удивительныхъ перемѣнахъ въ моей судьбѣ, которыя произвелъ въ ней великій богъ, единый провидящій будущее, какъ прошедшее, и проникнутое его солнечнымъ сіяніемъ настоящее. Я описалъ тебѣ все до того вечера, когда, вмѣсто ожидаемой смерти, получилъ цезар-

скій санъ, любимую невѣсту, мать, сестру и порученіе—совершить невозможное, т. е. почти безъ всякихъ средствъ отнять обратно у варваровъ Галлію.

«Еще въ ту же ночь благодарность побуждала меня писать тебѣ. Дѣйствительно, я никогда не забуду, что безъ тебя сошелъ бы съ ума въ монастырѣ или остался тамъ монахомъ. На слѣдующій день за мной прибылъ ко дворцу блестящій конный отрядъ. Тѣмъ временемъ въ Миланъ стекались гарнизоны ближайшихъ крѣпостей и городовъ, созванные гонцами. Къ нимъ присоединились тѣлохранители, дворцовая стража, преторіанцы и другія многочисленныя части войскъ въ этомъ городѣ. Они были въ парадной формѣ, и всѣ эти тысячи вооруженныхъ людей составили громадный полукругъ на открытомъ полѣ, которое тянется къ сѣверо-западу отъ замка къ рѣкѣ Олоннѣ. Какою гордой радостью и воинственнымъ одушевленіемъ билось у меня сердце, когда я, по лѣвую руку августа, окруженный отрядомъ его тѣлохранителей, парѳянскими солдатами, катафрактаріями, закованными, какъ и ихъ кони, въ звенящіе чешуйчатые доспѣхи, мчался на конѣ при яркомъ свѣтѣ осенняго солнца, посреди этого небольшаго римскаго воинства! Подо мной былъ горячій испанскій, выдрессированный въ Африкѣ, бѣлый конь, по имени Аргосъ, подаренный мнѣ императрицей. Я дѣлалъ усилія, чтобъ не забыть уроковъ верховой ѣзды, которые бралъ по настоянію Іовіана въ Аѳинахъ, и старался хорошенько примѣнять ея правила, что̀ было такъ трудно при моемъ тогдашнемъ пылкомъ возбужденіи. Охотнѣе всего я бросился бы прямо оттуда съ этими всадниками на аламанскія копья. Однако вышло иначе, совсѣмъ иначе.

«Мнѣ было досадно, когда пришлось, по примѣру императора, сойти съ моего великолѣпнаго скакуна и подняться вслѣдъ за Констанціемъ на подобіе ораторской или, пожалуй, судебной трибуны; а еще правильнѣе было бы назвать ее театральной сценой. Мы влѣзли туда по многимъ ступенямъ, и мой двоюродный братецъ, приблизившись къ завѣшаннымъ пурпуромъ периламъ, немедленно сталъ держать рѣчь собравшемуся войску. Его рѣчь была и растянута, и не особенно складна; онъ говорилъ объ опасностяхъ, угрожающихъ государству, и о необходимости поставить цезаря для всей западной части имперіи,

а прежде всего для Галліи; затѣмъ онъ спросилъ войско, не находитъ ли оно умѣстнымъ съ этой цѣлью наградить пурпуромъ племянника великаго Константина и поощрить его развивающіяся добродѣтели. Я чувствовалъ, что краснѣю до корня волосъ, хотя Елена, присутствовавшая при церемоніи, какъ и сама императрица, увѣряли потомъ, будто бы я никогда не былъ такъ красивъ, какъ въ ту минуту. Тысяча глазъ взирали на меня,—тутъ были люди отъ Атропатены до Пиктенъ-Валя,—и вдругъ вся масса народа разразилась оглушительнымъ крикомъ: «побѣда и спасеніе цезарю Юліану»! Я невольно подумалъ, что эти несчастные дураки съ такимъ же воодушевленіемъ подняли бы вой, еслибъ императоръ пригласилъ ихъ почтить небывалыя добродѣтели какого нибудь евнуха Эвзебія. При окончаніи императорской рѣчи, воины ударили своими мѣдными щитами по колѣну—«совсѣмъ не по римски», сказалъ бы ты, позабывая, что большинство нашего римскаго войска уже давно состоитъ изъ варваровъ. Филиппъ, твой учитель, объяснилъ мнѣ потомъ, что это служитъ у нихъ знакомъ одобренія, а еслибъ они ударили въ щиты концомъ своихъ копій, то это означало бы ихъ гнѣвъ, и тогда, пожалуй, они немедленно обратили бы противъ насъ свое смертоносное оружіе. Когда восторженные клики умолкли, августъ обратился съ новой рѣчью ко мнѣ, несчастному, увѣщевая меня заслужить имя цезаря геройскими дѣяніями, а затѣмъ, при посредствѣ множества трескучихъ фразъ, перешелъ къ заключенію, что его довѣріе ко мнѣ не изсякнетъ цѣлые вѣка,—какъ будто онъ можетъ прожить болѣе сорока лѣтъ!—и не ослабѣетъ на самыхъ далекихъ разстояніяхъ: отъ Ѳулы до Атласа. Тутъ вестіаріи накинули мнѣ на плечи пурпурный плащъ. Въ эту минуту мнѣ пришло на умъ торжественное изреченіе моего Гомера: «И вотъ его охватила пурпурная смерть и могучая Мойра», потому что дѣйствительно съ того момента я почувствовалъ себя во власти пурпура, во власти міровой исторіи. Прощай теперь мое остроуміе, веселыя шутки и игривыя вводныя предложенія въ письмахъ; все въ моей жизни принимаетъ страшно серьезный оборотъ; прежде мое имя не имѣло значенія, но съ этихъ поръ оно будетъ вызывать въ грядущихъ вѣкахъ или отвращеніе, или похвалу, а, пожалуй, и то, и другое.

«Хваленое довѣріе отъ «Ѳулы до Атласа» было засвидѣ-

тельствовано мнѣ тотчасъ же по возвращеніи во дворецъ. Къ сожалѣнію, я не могъ ѣхать обратно верхомъ. Чтобы выставить на показъ наше родственное согласіе передъ войскомъ и народомъ, мнѣ пришлось сѣсть рядомъ съ императоромъ въ запряженную восьмеркою побѣдную колесницу. (Недоставало только побѣды!) Констанцій поцѣловалъ меня въ лобъ и обѣ щоки (я содрогнулся, вспоминая отца и брата!) и во все время долгаго обратнаго пути съ показною нѣжностью обнималъ меня лѣвой рукою за плечи. Я думалъ о римскомъ государствѣ, о Еленѣ, и перенесъ это.

«По пріѣздѣ во дворецъ, кажется, слѣдовало бы приступить къ торжеству бракосочетанія, но не тутъ-то было. По приказу императора, отъ меня удалили Іовіана, подоспѣвшаго пожать мнѣ руку, и почетный караулъ мавританскихъ *солдатъ*, которые показались мнѣ очень подозрительными, а *также* шестеро священниковъ повели твоего ученика въ *какое-то*, похожее на склепъ, подземелье, куда намъ пришлось спускаться по очень длинной лѣстницѣ. Спускъ былъ узокъ и теменъ, точно велъ къ самому Стиксу. Чтобъ успокоить невольную тревогу, я долженъ былъ напомнить себѣ, что, еслибъ меня собирались отправить на тотъ свѣтъ, то предварительно не выставили бы народу на всеобщее поклоненіе. Итакъ, я спустился по сырымъ ступенямъ съ веселой миной, приличной случаю, чтобы очутиться въ святилищѣ, похожемъ на катакомбы, гдѣ христіане до Константина тайно совершали свои богослуженія. Послѣ пѣнія молитвъ, узкая дверца въ стѣнѣ распахнулась и передо мной предсталъ императоръ въ сопровожденіи епископовъ, миланскаго и равенскаго, а также всѣхъ сановниковъ двора. Я долженъ былъ принести клятву вѣрности Констанцію, чтобы хранить ее до тѣхъ поръ, пока мы оба остаемся въ живыхъ. За малѣйшее нарушеніе послѣдней мнѣ грозили при жизни карой Неэмана сиріянина (т. е. проказой) и проклятіемъ Даѳана и Авирона; а въ загробномъ мірѣ меня ожидало за это жестокое наказаніе въ геенѣ огненной. Когда послѣ присяги все духовенство удалилось, Констанцій подошелъ ко мнѣ съ такимъ угрожающимъ, жестокимъ взглядомъ, что я невольно содрогнулся. Медленно и тихо началъ онъ:—Цезарь Юліанъ, нѣкоторыя изъ твоихъ нечаянныхъ восклицаній — срывавшихся у тебя съ языка клятвенныхъ

словъ!—возбудили во мнѣ вчера подозрѣніе, что ты не настолько твердо держишься святой вѣры, какъ это нужно для твоего спасенія. Берегись! Положимъ, спасеніе твоей души меня не касается, но горе тебѣ, если твои религіозныя сомнѣнія обнаружатся передъ другими. Мой цезарь долженъ вѣровать или—умереть. Но я обязанъ оградить себя. Только что произнесенная тобою клятва не служитъ мнѣ порукой, если ты не почитаешь святынь, передъ которыми клялся. Ты оставался равнодушнымъ во время присяги, и потому я потребую отъ тебя клятвы въ иномъ смыслѣ. Слушай!—Тутъ онъ подошелъ ко мнѣ еще ближе и проговорилъ, оскаливъ зубы:—Твоя сестра и мать, какъ тебѣ извѣстно, остаются моими заложницами. Никогда я не выпущу ихъ изъ своихъ рукъ. Я знаю, ты любишь свою мать, потому что я видѣлъ, какъ ты смотрѣлъ ей въ глаза. Итакъ, поклянись мнѣ въ вѣрности глазами твоей матери. Скажи: пусть они ослѣпнутъ, если ты нарушишь данное мнѣ слово.

«Я отшатнулся назадъ, сбросивъ его руку, которую онъ положилъ мнѣ на плечо.

«— Никогда! Ни за что!

«— Вотъ какъ! — воскликнулъ императоръ. — Значитъ, ты замышляешь измѣну, иначе ты бы поклялся; итакъ, я во-время разоблачилъ тебя. Однако, тебѣ не удастся исполнить того, что ты замышляешь. Ступайте,—обратился онъ къ стражѣ,—позовите обратно Эвзебія! Цезарь арестованъ.

«Я сталъ раздумывать: долгъ передъ Римомъ... Галлія!.. варвары!.. Елена!.. Кромѣ того, я зналъ и знаю, что никогда не протяну мятежной руки за діадемой. Геліосъ—мой свидѣтель. Значитъ, я не угрожаю никакой опасностью дивнымъ очамъ...—Остановитесь!—воскликнулъ я.—Императоръ, я клянусь тебѣ въ вѣрности очами моей матери. Никогда не протяну я руки къ твоему пурпуру. Клянусь въ томъ!

«— Хорошо,—сказалъ Констанцій, обращаясь къ присутствующимъ,—его мать должна ослѣпнуть, если онъ нарушитъ клятву. Вы всѣ слышали это. Ты же долженъ знать вотъ о чемъ—тутъ онъ прошипѣлъ мнѣ на ухо:—Я не полагаюсь на невѣрное мщеніе божіе болѣе, чѣмъ на свое собственное, которое вѣрнѣе! Твоя мать остается въ моей власти; если ты нару-

шишь клятву, и Богъ не ослѣпитъ ея, то клянусь, что она будетъ ослѣплена мною, Констанціемъ.

«Ахъ, я ненавижу его до глубины души»!

IV.

«Только сейчасъ я замѣтилъ, что мое письмо къ тебѣ, о дорогой учитель, постепенно обращается какъ бы въ дневникъ. Ну, что жь, это недурно. Я буду продолжать записывать такимъ образомъ мои дѣянія (ахъ, до сихъ поръ только мои страданія!) впечатлѣнія и сужденія, и по мѣрѣ возможности отсылать тебѣ исписанные листки. Это, какъ я полагаю, послужитъ мнѣ полезнымъ уясненіемъ самого себя, своего рода исповѣдью; конечно, и тутъ я не обойдусь безъ грѣха тщеславія. *Но такъ* какъ ты первый открылъ во мнѣ эту преобладающую *слабость*, то можешь съ удовольствіемъ сказать себѣ, что ты правъ. Отдѣлаться же отъ нея я совсѣмъ не въ силахъ.

«Въ полдень того дня императоръ сочеталъ меня, въ присутствіи миланскаго епископа, съ моей возлюбленной невѣстой, въ базиликѣ св. Аполлинарія. Я долженъ былъ вынести эту церемонію, хотя совѣсть упрекала меня въ лицемѣріи. Но что дѣлать? Если я открыто отпаду отъ церкви, то вновь подвергну опасности не только мою жизнь, но также и счастіе, т. е. мое супружество и душевное спокойствіе моей горячо любимой матери,—и если не буду казненъ, то меня заключатъ въ монастырь, чтобы снова обратить на путь истинный. А тѣмъ временемъ римское государство или, по крайней мѣрѣ, Галлія безвозвратно погибнетъ! Между тѣмъ, Рейнъ и вся западная часть имперіи настойчиво вопіютъ, требуя себѣ спасителя; Констанцій не спасетъ ихъ, это я знаю съ тѣхъ поръ, какъ его увидѣлъ. Но спасу ли я самъ? Это вѣдомо одному Богу. Однако онъ, всевидящій, призвалъ меня къ этой задачѣ, и я не долженъ отказываться отъ нея, хотя открыто отрицаю галилеянина. При этомъ я могу незамѣтно сдѣлать многое для тѣхъ, которые остались вѣрны старымъ (твоимъ!) богамъ. Конечно, о дорогой Лизій, твои боги перестали уже быть моими, но все таки они мнѣ ближе и милѣе другихъ.

«Итакъ, я долженъ притворяться. Ахъ, да, часто это меня жестоко терзаетъ, но иначе нельзя. «Прежде Римъ»,—говоритъ

храбрый Іовіанъ,—«а затѣмъ все остальное». Онъ не очень любитъ заниматься наукой и изслѣдованіями, мой Іовіанъ, но всегда судитъ справедливо, благодаря своему честному сердцу и здравомыслію, Точнѣе говоря, онъ всегда понимаетъ, какъ нужно поступать цѣлесообразнѣе въ данный моментъ, хотя бы даже для этого приходилось кривить душой.

«Какъ описать мнѣ счастіе, какое я нашелъ въ моей возлюбленной юной супругѣ, Еленѣ! Мой другъ Филиппъ (также твой учитель, какъ я слышалъ—конечно, онъ и былъ нашимъ тайнымъ другомъ при дворѣ) Филиппъ говоритъ, что уже давно прочиталъ въ звѣздахъ, будто бы какая-то Елена сдѣлается моею женою и составитъ мое счастіе. Да и ты самъ однажды (пожалуй, по его словамъ) предсказывалъ мнѣ высочайшее благополучіе черезъ женщину, по имени Елена. Она такъ не похожа на своего брата—благодареніе богамъ. И такъ весела! Среди мрачныхъ заботъ, осадившихъ меня немедленно по отъѣздѣ изъ Милана въ Галлію, ея всегдашняя веселость была моимъ единственнымъ утѣшеніемъ: милая дурочка воображаетъ, что я ни въ чемъ не могу потерпѣть неудачи. И представь себѣ, хотя она, само собою разумѣется, воспитана въ строгихъ правилахъ церковнаго ученія, мнѣ легко было избавить ее—сестру Констанція!—отъ этихъ узъ. Конечно, я полагаю, что тутъ болѣе подѣйствовала ея любовь ко мнѣ, чѣмъ мое краснорѣчіе. О, я такъ счастливъ, что, по крайней мѣрѣ, она не насилуетъ моей совѣсти, какъ другія двѣ женщины, самыя дорогія мнѣ послѣ нея. И моя красавица-сестра больше слушаетъ матери, чѣмъ меня. Но все таки я не отчаиваюсь: Юліана колеблется.

«А другъ Іовіанъ? Во всемъ другомъ я встрѣчаю въ немъ твердую опору, но здѣсь—въ самомъ священномъ для меня—нѣтъ; хотя, какъ я тебѣ писалъ, онъ и весь домъ его не крещены, однако я могу толковать съ нимъ обо всемъ, исключая мистики и вопросовъ философіи. «Это меня не увлекаетъ»,—говоритъ онъ—«къ этому я равнодушенъ! У меня нѣтъ ни способности, ни потребности познавать непознаваемое. Я римлянинъ и воинъ. То, что я долженъ дѣлать, подсказываетъ мнѣ сердце и разсудокъ. Бо́льшаго же я и не стремлюсь узнать».

«Да и мнѣ самому, послѣ отбытія изъ Милана, почти не хватало свободнаго времени, которое я могъ бы посвятить моей

Еленѣ, не говоря уже о занятіяхъ наукой и размышленіи. За свадебной церемоніей въ базиликѣ послѣдовалъ пиръ въ палаціумѣ; онъ имѣлъ только тотъ недостатокъ, что слишкомъ долго затянулся. Какъ плакала отъ умиленія моя дорогая мать, а также добрѣйшая Эвзебія, которой я обязанъ почти всѣмъ! Наконецъ-то, наконецъ-то остался я одинъ съ моей возлюбленной, съ моей юной супругой! О, Лизій, до тѣхъ поръ я никогда не прикасался къ женщинѣ! Чуждымъ былъ мнѣ богъ, который посылаетъ смертнымъ самое сладостное блаженство; теперь я его знаю: Эросъ ему имя. Впрочемъ, въ ту же ночь мнѣ пришлось убѣдиться, что, сдѣлавшись цезаремъ императора, я остался его плѣнникомъ. Подъ утро, когда любимая женщина сладко заснула рядомъ со мною, мнѣ захотѣлось излить передъ моими покровителями свое переполненное благодарностью сердце подъ открытымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами. Потихоньку отворилъ я двери таламоса и хотѣлъ выйти изъ передней залы на открытый дворъ, но тотчасъ наткнулся на двухъ мавританскихъ копьеносцевъ, охранявшихъ выходъ. Они назвались моимъ «почетнымъ карауломъ», назначеннымъ мнѣ милостью императора. И такъ продолжается до настоящей минуты, когда я пишу тебѣ эти строки изъ Віенны. На каждомъ шагу за мною слѣдятъ шпіоны, agentes in rebus августѣйшаго; я едва могу избавиться отъ нихъ, когда сажусь въ ванну, и это письмо было бы моей гибелью,—я увѣренъ, что всѣ посланія отъ меня и ко мнѣ открываются и прочитываются—еслибъ ты не научилъ меня пользоваться нашими милыми тайными письменами. Также и на Іовіана распространяется честь безпрестаннаго надзора; Филиппу никогда не позволялось разговаривать со мною безъ свидѣтелей, и даже безобидному монаху Іоанну, котораго ты преслѣдуешь въ высшей степени несправедливой ненавистью. Между тѣмъ, онъ такъ преданъ матери и мнѣ, и я не сомнѣваюсь, что этотъ человѣкъ охотно отдалъ бы за насъ свою жизнь.

«Мнѣ хотѣли навязать цѣлый придворный штатъ,—я поблагодарилъ за подобный легіонъ соглядатаевъ и взялъ только троихъ слугъ, а въ числѣ ихъ одного великолѣпнаго германца, который бѣгаетъ за мною, какъ ручной медвѣдь, и я увѣренъ, что онъ готовъ защищать меня съ медвѣжьей силой. Потомъ при мнѣ находится врачъ Орибазій, выбранный Филиппомъ изъ

числа своихъ учениковъ (значитъ, если онъ отравитъ меня, то по своей должности, а не преднамѣренно), и наконецъ невольникъ-библіотекарь, подаренный мнѣ императрицей вмѣстѣ съ цѣлой, весьма драгоцѣнной, библіотекой. Какую возвышенную душу поселилъ Геліосъ въ оболочку этого черезчуръ хрупкаго тѣла! Представь себѣ мое удивленіе, когда я нашелъ въ присланномъ мнѣ собраніи всѣ свои любимыя книги и всѣхъ тѣхъ авторовъ, которыхъ я цитировалъ на моихъ лекціяхъ въ Аѳинахъ. Увидавъ въ первый разъ Эвзебію, я тотчасъ вспомнилъ, что это ея глаза, исполненныя чувства, такъ пристально, съ такимъ выраженіемъ смотрѣли на меня изъ толпы слушателей во время этихъ лекцій. Она такъ добра ко мнѣ и окружаетъ меня нѣжными попеченіями любящей сестры. Зачѣмъ боги отдали во власть какому-то Констанцію такой благоуханный, прелестный цвѣтокъ? Но въ своемъ превращеніи по смерти она найдетъ болѣе справедливую награду на лучшей звѣздѣ.

«Императоръ проводилъ меня самъ до Павіи съ небольшимъ войскомъ, вѣроятно, съ цѣлью убѣдиться, что я дѣйствительно отправляюсь въ Галлію! Онъ далъ мнѣ даже предписаніе, какъ я долженъ проводить свой день; тутъ не забыты и часы церковной молитвы. Мало того: имъ составленъ списокъ блюдъ за моимъ столомъ. Но онъ не можетъ помѣшать мнѣ молиться въ базиликахъ Фебу-Аполлону, а также оставлять нетронутыми многія кушанья. Я ужь успѣлъ прогнать всѣхъ поваровъ и раздѣляю незатѣйливую трапезу моихъ воиновъ.

«Съ такою же точностью, какъ жаркое и рыбу, предписалъ мнѣ августъ и мой образъ дѣйствій въ Галліи: кому изъ чиновниковъ я могу довѣрять, — ихъ немного, и они какъ разъ тѣ самые, противъ которыхъ предостерегалъ меня Филиппъ!— и за кѣмъ изъ нихъ я обязанъ «слѣдить», посылая «тайныя донесенія» объ ихъ поступкахъ, т. е. просто жалобы, ко двору. Меня удивляетъ только, какъ онъ еще не расписалъ мнѣ на своей записной дощечкѣ въ Миланѣ, гдѣ и когда я долженъ напасть на аламановъ и франковъ и побить ихъ».

V.

«А что творится въ этой Галліи, которую мнѣ предстоитъ отнять обратно у варваровъ?

«Ахъ, Геліосъ съ содроганіемъ отвратилъ бы взоры отъ ужасающаго бѣдствія въ этой странѣ! А кто въ немъ виновенъ? Больше всѣхъ самъ Констанцій.

«Въ своемъ бѣшенствѣ и нетерпѣніи скорѣе ниспровергнуть личныхъ враговъ, онъ самъ—императоръ!—желая уничтожить Деценція, брата мятежника и узурпатора Магненція, призвалъ въ страну королей и полудикихъ предводителей аламановъ и франковъ. Мало того: онъ заплатилъ имъ деньги и щедро осыпалъ ихъ дарами за то, чтобы они, слѣдуя собственному влеченію сердца, перешли Рейнъ; говорятъ, будто бы даже онъ далъ имъ подтвержденное грамотою право считать своею неотъемлемою собственностью тѣ земли въ Галліи, которыя они займутъ, только бы эти опасные сосѣди устранили Деценція. На императорскую грамоту ссылается, какъ я слышалъ, самый дикій изъ ихъ королей, чудовищный Хнодомаръ; но *я не могу* этому вѣрить! Послѣ того какъ сторонники Констанція сами перевели варваровъ черезъ Рейнъ, послѣдніе стали обращаться со всѣми римлянами безъ различія, какъ съ врагами, не исключая и тѣхъ, которые остались вѣрны императору. И неудержимо, какъ море черезъ прорвавшуюся плотину, разлились эти германцы далеко по всей странѣ: сорокъ пять сильныхъ крѣпостей,—а не четыре или пять, какъ обманомъ увѣрили меня раньше,—и притомъ такихъ, которыя окружали своими стѣнами цвѣтущіе города, были захвачены ими и сожжены, насколько римскія каменныя постройки поддаются огню. Отъ Рейна, Мааса и Мозеля заняли они страну болѣе, чѣмъ на семнадцать часовъ пути, и болѣе, чѣмъ втрое,—на пятьдесятъ четыре часа—производили они набѣги на беззащитную Галлію! Богатые землевладѣльцы сначала бѣжали изъ своихъ помѣстій въ укрѣпленные города, а за ними послѣдовали колонисты и рабы со стадами, которыя еще можно было спасти. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, тѣсно сжатое въ укрѣпленныхъ городахъ, населеніе питалось только тѣмъ хлѣбомъ, который жители сѣяли внутри крѣпостныхъ валовъ и на мѣстахъ пожарищъ. Но жалкіе гарнизоны, не получавшіе уже цѣлые годы жалованья и продовольствія, не имѣвшіе возможности возобновить своего вооруженія, открыто отказываются повиноваться своимъ начальникамъ, когда тѣ хотятъ сдѣлать вылазку противъ непріятеля; близость послѣдняго и даже самое его имя приводитъ въ содрога-

ніе римское войско.—И все это я долженъ исправить, я — Флавій-Клавдій-Юліанъ, хотя первый между почитателями боговъ, не послѣдній между философами и діалектиками, но межъ полководцевъ и государственныхъ мужей—самый ненаходчивый.

«Еще по дорогѣ сюда, въ первый же день моего отбытія изъ Павіи въ Туринъ—2 декабря—узналъ я черезъ посланныхъ, отправленныхъ устрашенными городами Галліи ко двору съ просьбой о помощи, что даже Кёльнъ, старинный, гордый и самый главный оплотъ на Рейнѣ, палъ въ числѣ другихъ. То было для меня громовымъ ударомъ. Императоръ отлично зналъ объ этомъ, но не нашелъ нужнымъ сообщать мнѣ о подобныхъ пустякахъ и даже увѣрилъ меня въ противномъ, такъ какъ я не брался за спасеніе Галліи въ случаѣ потери Кёльна. И августѣйшій имѣлъ даже коварство улыбнуться, когда я на слѣдующій день развилъ передъ нимъ весь планъ похода, который опирался именно на кёльнскую крѣпость. Оттуда я могъ наблюдать за франками на сѣверѣ и аламанами на югѣ, угрожать имъ, не допускать ихъ соединенія, нападать на нихъ въ одиночку. Еще въ то время эта улыбка Констанція показалась мнѣ подозрительной, но я подумалъ, что онъ, какъ несравненно болѣе опытный человѣкъ, смѣется въ душѣ надъ моей юношеской самоувѣренностью. Теперь же мнѣ вполнѣ понятно значеніе императорской улыбки: онъ потѣшался надъ легковѣріемъ простяка, который принимаетъ за истину слова, сказанныя ему при дворѣ.

«Моему повелителю въ точности было извѣстно, что аламаны и франки соединились между собою, что Хнодомаръ, одинъ изъ аламанскихъ королей, и одинъ батавскій королевичъ сообща осадили Кёльнъ, взяли его штурмомъ и на половину выжгли въ наказаніе за то, что и германское—убійское—населеніе, наряду съ римскимъ гарнизономъ, защищало укрѣпленія Кёльна противъ своихъ соплеменниковъ. Предводитель приверженцевъ Рима—Спурій Романусъ—палъ отъ аламанскаго меча въ разбитыхъ воротахъ. Потеря Кёльна была крушеніемъ моихъ плановъ, почти всѣхъ моихъ надеждъ. Въ первомъ порывѣ горя (а, пожалуй, также и гнѣва!) я хотѣлъ сгоряча отказаться отъ званія полководца и цезаря, съ презрѣніемъ швырнувъ то и другое подъ ноги своему повелителю. Но этимъ я не достигъ

бы ничего, кромѣ вѣрной неудачи въ предпріятіи, которую теперь каждый благомыслящій человѣкъ долженъ приписать единственно моему тщеславію и глупости. Кромѣ того, ужь гораздо больше чести пасть отъ германскаго копья, чѣмъ, подобно Галлу, отъ руки палача. А въ прощальномъ взглядѣ моего повелителя я именно прочиталъ мысль: «онъ долженъ вернуть мнѣ Галлію или я пошлю его къ брату въ гадесъ». Мое положеніе было отчаяннымъ, я хорошо сознавалъ свою неопытность и безсиліе, но великая душа не робѣетъ и не унываетъ, а Геліосъ даровалъ мнѣ нетрусливый духъ. Я вскорѣ побѣдилъ свое отчаяніе; Іовіанъ также подоспѣлъ ко мнѣ на помощь.—Я не философъ,—сказалъ онъ своимъ простымъ, трезвымъ языкомъ,—не толкователь звѣздъ и не поклонникъ Гомера, но я запомнилъ у него одно изреченіе: «Самое важное — воевать и умереть за *отечество*». Ты долженъ идти въ Галлію; вѣроятно, тебя *ожидаетъ* тамъ смерть. Но если ты не отправишься, Г*аллія навѣрное* погибнетъ. Римъ зоветъ тебя, ты долженъ идти.

«Я согласился съ нимъ, разорвалъ рѣзкое письмо, написанное августу, и продолжалъ свой путь навстрѣчу собственной гибели. Можетъ ли ожидать успѣха, какъ полководецъ и государственный мужъ, неопытный человѣкъ, проведшій двадцать четыре года своей жизни по монастырямъ, академіямъ, библіотекамъ, изучавшій теологію, мистику, риторику, діалектику, никогда не занимавшій никакой государственной должности, не командовавшій даже небольшой когортой и только годъ тому назадъ научившійся владѣть оружіемъ и ѣздить верхомъ, хотя ему и приходилось прилежно заниматься—по книгамъ!—военной исторіей и стратегіей? Это все равно, что сказать кому нибудь: «прыгни въ эту закрытую яму, тогда ты будешь цезаремъ»,—тогда какъ въ ямѣ ждутъ безоружнаго медвѣди. Впрочемъ, пожалуй, вершители судебъ Рима отлично знали, въ какую яму заставляютъ меня прыгать».

VI.

«Да, еслибъ даже, по незаслуженной милости боговъ, мнѣ и удалось достигнуть здѣсь чего нибудь путнаго, то это вѣрнѣе всего подготовитъ мою гибель. Примѣры прошлаго сулятъ мало хорошаго.

«Моимъ предшественникомъ въ Галліи былъ Сильванъ—франкъ по происхожденію, не смотря на свое римское имя, поднявшійся до званія главнокомандующаго нашей пѣхотой. Этотъ вѣрный, храбрый, мудрый воитель успѣшно защищалъ нижній Рейнъ противъ собственныхъ соотечественниковъ. Но его завистникамъ при дворѣ—Эвзебію и другимъ евнухамъ—были ненавистны его успѣхи и доблести. Они написали подложныя письма отъ Сильвана, гдѣ только его подпись была настоящей, а преступное содержаніе, въ которомъ шла рѣчь о государственной измѣнѣ, они написали сами на чистыхъ листахъ. Его гибель была рѣшена при дворѣ. Онъ узналъ о томъ и, услыхавъ о своемъ приговорѣ—причемъ ему не дали возможности оправдаться—хотѣлъ сначала бѣжать, но увидѣлъ себя окруженнымъ сѣтями со всѣхъ сторонъ. Всѣ дороги тщательно охранялись. Только тутъ этотъ вѣрный человѣкъ никогда не преступавшій своего долга, рѣшился для спасенія своей жизни на безумный шагъ, о которомъ никогда не думалъ: онъ замыслилъ возстаніе! Лишь за пять дней до того, Сильванъ послушно роздалъ жалованье войскамъ и возобновилъ присягу императору. И вотъ отчаяніе заставило несчастнаго протянуть руку къ діадемѣ, потому что тотъ, кто однажды сталъ подозрительнымъ Констанцію, погибъ безвозвратно; одинъ пурпуръ могъ его спасти. Легіоны, бывшіе подъ начальствомъ Сильвана, провозгласили его императоромъ въ Кёльнѣ, еще принадлежавшемъ тогда римлянамъ, и онъ допустилъ это! Мнѣ такой образъ дѣйствій внушаетъ отвращеніе: никогда. никогда не нарушу я вѣрности ради спасенія своей жизни. Сначала Римъ, потомъ все прочее. Что̀ значитъ какой-то Юліанъ—но, конечно, что значитъ также какой-то Констанцій сравнительно съ Римомъ!

«Итакъ, я вполнѣ осуждаю Сильвана, но вмѣстѣ и сожалѣю о немъ. За неимѣніемъ пурпурнаго плаща, были сорваны пурпурные вымпелы и полотнища знаменъ съ драконовъ конницы, со штандартовъ и вексилъ, сшиты вмѣстѣ и наброшены ему на плечи. Какое варварство! совсѣмъ не по римски. Какъ все это характеризуетъ совершенно не римскую торопливость и отсутствіе достоинства! Роковому пурпуру драконовъ суждено было не спасти, а погубить несчастнаго. Съ тѣмъ же коварствомъ, съ которымъ августъ недавно опуталъ и погубилъ мо-

его злополучнаго брата, послалъ онъ къ Сильвану,—сначала прикидываясь незнающимъ, а потомъ обѣщая прощеніе,—довѣреннаго человѣка, который такъ далеко зашелъ въ своемъ лицемѣріи, что сначала самъ примкнулъ для вида къ возстанію, пока наконецъ, двадцать восемь дней спустя, ему не удалось подкупить горсть сарматскихъ солдатъ. Тѣ передъ восходомъ солнца проникли въ кёльнскій дворецъ, убили франкскую свиту Сильвана, и наконецъ умертвили и его самого въ капеллѣ, гдѣ тотъ искалъ убѣжища. Онъ палъ подъ множествомъ ударовъ. На протестъ возмущеннаго священника, набожный императоръ отвѣчалъ, что, во-первыхъ, солдаты, умертвившіе измѣнника, не были крещены, а, во-вторыхъ, капеллу еще ранѣе осквернили савелліане, совершивъ въ ней однажды свое еретическое богослуженіе, такъ что она не могла уже служить убѣжищемъ осужденному.

«О, Лизій, и на все это долженъ взирать великій, непорочный Геліосъ! Никогда ни за что не дойду я до клятвопреступленія даже противъ какого нибудь Констанція; никогда не обременю своей чистой души такой низостью, хотя бы это было единственнымъ средствомъ для спасенія моей жизни. Нѣтъ, лучше трижды умереть! Но коварство императора и того, кто послужилъ ему орудіемъ, еще гнуснѣе отчаяннаго поступка германца. Самое же худшее то, что такая лживость находитъ оправданіе у людей, которыхъ я долженъ причислить къ лучшимъ изъ нашихъ согражданъ; до того низко упало у насъ чувство нравственности. Вотъ хоть бы взять къ примѣру отличнаго человѣка, Амміана Марцелина; онъ грекъ, родомъ изъ Антіохіи, и я имѣлъ случай близко сойтись съ нимъ въ Аѳинахъ и Византіи. Онъ славный военный трибунъ, но въ часы досуга пописываетъ исторію не только прошлаго римской имперіи, а также и нашихъ дней,—повѣствователь, достойный сожалѣнія! Амміанъ очень мнѣ нравится, онъ не льстецъ: отъ него я слышалъ почти такіе же суровые упреки въ тщеславіи, какъ отъ тебя, и отъ него же узналъ въ Туринѣ подробности объ интригѣ императора съ Сильваномъ, о притворствѣ посланнаго имъ довѣреннаго лица (его зовутъ Урсиномъ, и онъ также бравый воинъ) но ни единаго слова неодобренія не прибавилъ Амміанъ къ своему разсказу! И это не изъ трусости, не изъ предусмотрительности—онъ открыто порицаетъ августа, въ раз-

говорахъ со мною,—нѣтъ, очевидно имъ руководило здѣсь другое. Онъ просто разучился отвергать низкія средства, если только они удаются. Почтенный трибунъ преспокойно продолжаетъ даже служить подъ начальствомъ Урсина. И это одинъ изъ лучшихъ. О, горе тому, кто долженъ царствовать надъ подобными римлянами и греками. Благодареніе всѣмъ богамъ, что я не сынъ великаго Константина и никогда не буду осужденъ на званіе императора надъ этимъ опустившимся римскимъ государствомъ!

«Въ переполохѣ, наступившемъ въ Кёльнѣ между нашими войсками послѣ умерщвленія Сильвана, германцамъ удалось овладѣть этой главной крѣпостью. Сначала несогласія германцевъ принесли намъ побѣду; неужели теперь должно выходить наоборотъ? Да сохранитъ насъ отъ этого спасительный Зевсъ и защитница городовъ Паллада».

VII.

«Итакъ, изъ Турина я отправился дальше на завоеваніе Галліи — съ трехсотъ шестьюдесятью воинами! Ты видишь—ихъ число едва разсчитано на годъ, если я буду ежедневно терять по одному! Однако, все это славные люди; къ сожалѣнію, долженъ сказать, что между ними преобладаютъ германцы, срокъ службы которыхъ истекъ и которые воспользовались случаемъ проникнуть за Альпы, поближе къ своей родинѣ. Многихъ склонилъ на мою сторону Берунгъ, мой аламанскій медвѣдь. На мои сомнѣнія въ ихъ благонадежности, онъ отвѣчалъ:—Господинъ, пока продолжается срокъ ихъ клятвы на мечахъ (они клянутся на своихъ мечахъ, воткнутыхъ въ землю остріемъ къ верху), они будутъ вѣрны тебѣ до смерти, но на другой же день по истеченіи этого срока, они, пожалуй, станутъ воевать противъ тебя заодно со своими земляками.

«— Ну, а ты?—спросилъ я.—Какъ долго продлится твоя клятва на мечѣ?

«— Я поклялся тебѣ своею кровью. Я служу тебѣ до конца жизни, которой обязанъ твоему заступничеству. (Я спасъ его отъ руки палача: Берунгъ позволилъ себѣ маленькое вольнодумство при дворѣ).

«Изъ этого благонадежнаго отряда я намѣренъ сформиро-

вать себѣ стражу тѣлохранителей, нѣчто въ родѣ свиты, какъ водится у германцевъ, гдѣ для этого избираютъ людей испытанной храбрости, честности и вѣрности. И у враговъ не мѣшаетъ кое-чему поучиться. Кромѣ того, ихъ слѣдуетъ ближе узнать, чтобъ тѣмъ успѣшнѣе съ ними сражаться. Теперь я въ первый разъ и очень внимательно читаю книжечку Тацита о германцахъ. Однако она мнѣ не нравится. Я нахожу, что онъ слишкомъ высоко цѣнитъ этихъ неотесанныхъ варваровъ. Ихъ воинственность не подлежитъ сомнѣнію, но едва ли они создадутъ что нибудь, даже государство. Человѣкъ, который могъ написать: «такъ какъ судьбы римскаго государства принимаютъ угрожающій характеръ, то насъ могутъ спасти только несогласія этихъ народовъ»—смотрѣлъ слишкомъ мрачно на настоящее и на будущее Рима. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ надъ нашимъ государствомъ, и оно еще стоитъ! Да, еслибы удалось возстановить старыхъ боговъ на старыхъ алтаряхъ и оживить древній римскій духъ, то я полагаю, что великій Римъ сталъ бы непоколебимымъ навѣкъ. Не варвары разрушатъ его, а сами римляне, переставшіе быть римлянами. Эти германцы могутъ выигрывать битвы и грабить добычу, но вѣдь они ищутъ у насъ только славы и прибыли, а добывъ то и другое, возвращаются обратно въ свои лѣсистыя болота, чтобы драться между собою за пріобрѣтенное отъ врага. Вотъ, еслибы они научились думать, сплотились между собою и наступали бы на насъ все ближе и ближе, оставаясь въ нашей странѣ, тогда... Но въ теперешнемъ состояніи я сравниваю ихъ со здѣшними медвѣдями и...

«Сію минуту прибылъ посланный съ письмомъ отъ августа. Онъ спрашиваетъ, неужели я до сихъ поръ не одержалъ побѣды и, по крайней мѣрѣ, не отнялъ обратно Кёльна. О, боги! а я сижу еще въ Віеннѣ, разсчитывая, сколько у меня военныхъ силъ въ Галліи и какъ ихъ распредѣлить повсюду. Тѣмъ временемъ Констанцій устроилъ торжественный въѣздъ въ Римъ, вѣроятно, по поводу побѣдъ, которыя я еще долженъ одержать. Филиппъ пишетъ, что тріумфаторъ ѣхалъ одинъ въ великолѣпной побѣдной колесницѣ, сіяя золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Неподвижный, какъ статуя, сидѣлъ онъ, не двинувъ рукою, съ окаменѣлымъ выраженіемъ лица. Народъ принялъ его за идола, которыхъ возятъ на показъ на востокѣ.

Его нѣжная супруга должна была слѣдовать за нимъ; онъ повсюду возитъ съ собой также мою мать и сестру, какъ своихъ гостей, точнѣе говоря—заложницъ. Въ память своего посѣщенія, онъ велѣлъ поставить въ циркѣ гранитный обелискъ съ береговъ Нила, въ сто пятнадцать футовъ высоты, притащенный на Тибръ. Для этого понадобилось столько усилій, что ихъ было бы достаточно для уничтоженія всѣхъ осадныхъ машинъ, которыми персидскій царь Сапоръ расшатываетъ стѣны нашихъ пограничныхъ крѣпостей въ Азіи, потому что—о, позоръ и стыдъ римскому государству!—персы безнаказанно врываются въ нашу страну на востокѣ, какъ германцы на западѣ.

«Со своего восшествія на престолъ, Констанцій далъ девять сраженій Сапору, «царю царей, брату солнца и луны», и всѣ они кончались пораженіемъ римлянъ. И каково же было мщеніе набожнаго императора? Отвратительная вѣсть дошла до меня! Въ схваткѣ конницы, одинъ изъ сыновей царя Сапора, по имени Артазанъ, попался намъ въ плѣнъ послѣ изумительно храброй защиты, подавленный только численностью враговъ. Констанцій—вопреки всякому народному праву — приказалъ обнажить раненаго королевича, великолѣпнаго юношу, бичевать и пытать его передъ цѣлымъ войскомъ и, наконецъ, вздернуть на висѣлицу. Это значитъ вызывать мщеніе боговъ, и я очень боюсь, что оно не замедлитъ на насъ обрушиться. О, зачѣмъ я не могу летѣть туда, гдѣ опасность всего сильнѣе? Три нашихъ самыхъ важныхъ крѣпости: Амида, значущая для Тигра то же самое, что̀ Кёльнъ для Рейна, Зенгара и Бецабда находятся въ критическомъ положеніи. Констанцій назначилъ меня консуломъ на наступающій годъ и послалъ мнѣ консульскіе знаки. О, еслибъ я былъ консуломъ, подобнымъ Сципіонамъ!

«Постепенно знакомлюсь съ полководцами и чиновниками, которые состоятъ у меня въ распоряженіи въ Галліи; я поочередно вызываю ихъ сюда, т. е. тѣхъ, которые могутъ покинуть свои города, находящіеся въ опасности отъ варваровъ. О, Лизій, что это за люди! Двое-трое рубакъ безо всякой мысли; всѣ, которые могутъ мыслить, думаютъ только о себѣ, и на каждомъ шагу я убѣждаюсь, что императоръ, въ своемъ недовѣріи ко мнѣ, велѣлъ имъ при всякомъ моемъ приказѣ ссылаться, по ихъ усмотрѣнію, на далекаго властелина. Въ

седьмой разъ мнѣ представили подобное полномочіе и я,—безсильный и связанный,—называюсь цезаремъ!

«Большая радость! болѣе того — пророческое привѣтствіе получилъ я отъ боговъ. При вступленіи въ званіе консула, я торжественно объѣзжалъ городъ, разсыпая золотыя и серебряныя монеты собравшемуся народу. Въ толкотнѣ сшибли съ ногъ какую-то старуху; при видѣ этого я выскочилъ изъ колесницы и поднялъ ее, причемъ замѣтилъ, что она слѣпа.

«— Благодарю тебя, любезный господинъ, благодарю Фебa-Аполлона, котораго я не могу болѣе видѣть,—проговорила почтенная женщина.—Скажи мнѣ, добрый человѣкъ—потому что твой голосъ ласковъ и проникнутъ добротой—что сегодня за праздникъ въ городѣ аллоброкской Юноны? Ахъ, я не знаю теперь, что дѣлается на свѣтѣ. Мой мужъ былъ жрецомъ Аполлона въ святилищѣ близь Парижа; его отняли у насъ, и онъ исчезъ, потому что не позволялъ запереть и осквернить храмъ. Въ то время центуріонъ убилъ также моего сына; меня они изгнали сюда, потому что я стала поносить императора. Скажи мнѣ, почему такъ томится народъ?

«— Прислушайся, матушка, къ тому, что они кричатъ,—отвѣчалъ я.—«Спасеніе Юліану, консулу-цезарю!»

«Старуха встрепенулась и заговорила въ экстазѣ, какъ пиѳія:—Цезарь Юліанъ? Моя мать предсказывала, что нѣкій цезарь Юліанъ, второй Юлій Цезарь, побѣдитъ варваровъ и возстановитъ алтари боговъ. Цезарь Юліанъ: ну, вотъ я и дожила до этого, и теперь готова умереть.

«— Она уже нѣсколько лѣтъ потеряла разсудокъ,—сказалъ мнѣ какой-то діаконъ тономъ вѣжливаго извиненія,—прости ей богохульство, о господинъ!—Тутъ меня снова заставили взойти на колесницу. Я послалъ женщинѣ черезъ Берунга нѣсколько червонцевъ.

«Но устами безумцевъ часто говорятъ высшія силы. О, какъ пылко стремится мое сердце къ побѣдѣ надъ варварами! Это предсказаніе я охотно принимаю; ну, а другое? Конечно, пока я зовусь цезаремъ, въ моей Галліи, по крайней мѣрѣ, не должно быть преслѣдованія боговъ и ихъ почитателей. Но я предвижу заранѣе, что ужь изъ-за этого одного не долго останусь цезаремъ. Однако я могу защищать и выказывать снисхожденіе; преслѣдовать за вѣру я бы никогда не сталъ, еслибъ

даже былъ облеченъ могуществомъ настоящаго цезаря. Какъ отвратительно такое насиліе, я испыталъ на себѣ слишкомъ глубоко для того, чтобъ когда нибудь взять на себя эту вину.

«Войско германцевъ и аламановъ подъ предводительствомъ Хнодомара, «рыжаго тура»—какъ называютъ его устрашенные жители провинціи, проникло въ самой срединѣ зимы (этимъ медвѣдямъ, кажется, никогда не бываетъ холодно!) не встрѣчая сопротивленія съ Рейна, отъ Базеля черезъ Безансонъ и Дижонъ до Автуна. У города только одна обвалившаяся стѣна и робкій гарнизонъ; говорятъ, они уже ведутъ переговоры. А я, я сижу здѣсь въ Віеннѣ, не зная, что̀ дѣлать, безпомощный, безъ войска. Ни денегъ, ни запасовъ, ни оружія! Съ трехстами шестьюдесятью эллинами, которыхъ я привелъ съ собою, и тысячью, которые нашлись здѣсь. Ахъ, боги отступились отъ Рима, потому что Римъ отступился отъ боговъ!

«Нѣтъ, нѣтъ, боги побѣды еще не отвернулись отъ тѣхъ, кто остается имъ вѣренъ. Посланный изъ спасеннаго Автуна! Наводящій ужасъ Хнодомаръ, увѣренный, что городъ падетъ, оставилъ осаждающихъ и пошелъ со своей свитой въ глубь страны. Дѣйствительно, начальникъ хотѣлъ отворить ворота. Однако, старые заслуженные воины, которыхъ было тамъ достаточно, храбрые латины и стойкіе иллирійцы, воспротивились такому трусливому рѣшенію: сѣдобородый центуріонъ—этого молодца зовутъ Маркомъ Корнеліемъ—взялъ на себя начальство, принесъ Марсу Репульсеру жертву въ давно запертомъ капитоліѣ города, вопросилъ божественныя знаменія и, такъ какъ ихъ предсказаніе вышло благопріятнымъ, сдѣлалъ ночную вылазку и обратилъ въ бѣгство варваровъ, не ожидавшихъ нападенія. Слава Марсу Репульсеру! Завтра поутру я тайно принесу ему благодарственную жертву, какъ только вернусь отъ воскреснаго богослуженія въ базиликѣ.

«До сихъ поръ мнѣ удалось обратить къ богамъ только мою чудную Елену. Она помогаетъ мнѣ украшать вѣнками алтарь, тогда какъ Іовіанъ по прежнему остается равнодушнымъ».

VIII.

«Прошли недѣли и мѣсяцы, съ тѣхъ поръ какъ я написалъ послѣднія строки.

«Зима и весна протекли для меня въ безпрестанной работѣ и стараніяхъ «собрать развалины провинціи»,—какъ я недавно писалъ своему новому другу, Амміану Марцелину,—снова пустить въ ходъ пришедшія въ застой дѣла управленія, собрать свѣдѣнія о врагахъ и ихъ планахъ, подкрѣпить слабые гарнизоны городовъ, находящихся въ опасности, собрать разрозненныя, а иногда также разбитыя дезертирствомъ, части войска, ободрить ихъ, вдохнуть въ нихъ римскій духъ, добыть оружія, запасовъ, набросать новый планъ похода; все это заняло послѣдніе мѣсяцы моего пребыванія здѣсь.

«Наконецъ, я былъ готовъ, хоть это несовсѣмъ вѣрно, и трезвый, правдивый Іовіанъ гораздо точнѣе опредѣлилъ положеніе дѣлъ, когда однажды сухо замѣтилъ мнѣ: — Ты не можешь выдержать больше, съ тѣхъ поръ какъ дороги сдѣлались доступны и на нихъ появились варвары. Ты также мало готовъ къ началу кампаніи, какъ и полгода назадъ, если понимать подъ этимъ, что тебѣ удалось уравновѣсить твои силы съ непріятельскими и достаточно вооружиться. Но все равно, въ этомъ смыслѣ ты никогда не будешь готовъ, пока скупость и недовѣріе императора лишаютъ тебя всякой поддержки изъ-за предѣловъ Галліи. Ты долженъ вернуть обратно на половину потерянную страну, только пользуясь мѣстными средствами. Итакъ, приступай къ дѣлу. Все равно, когда ни начать невозможное.

«Онъ правъ, какъ всегда. Онъ—воплощеніе здраваго смысла. А я? Пожалуй, я представляю большее, но разсудительности во мнѣ мало. Впрочемъ, боги покровительствуютъ благородной глупости.

«Итакъ, я разстался съ моей дорогой Еленой. Прощаніе было горькое. Она должна остаться въ Віеннѣ, гдѣ будетъ въ полной безопасности, тогда какъ мнѣ предстоитъ идти навстрѣчу всевозможнымъ превратностямъ судьбы. Мое сердце часто сжимается тревожнымъ предчувствіемъ, что я никогда больше не увижу моей несравненной супруги съ ея чарующей улыбкой. Ахъ, ей также предстоятъ тяжелыя минуты: съ какимъ восторгомъ ожидаю я появленія на свѣтъ нашего ребенка. Еще до рожденія посвятилъ я его высочайшему богу, который ниспослалъ мнѣ эту радость. Наше дитя будетъ называться Эліодоромъ или Эліодорой. Елена сообщила императрицѣ о

БИБЛІОТЕКА

своихъ надеждахъ. Констанцій тотчасъ послалъ ей своего собственнаго врача, къ сожалѣнію, не Филиппа; но я оставилъ ей также испытаннаго человѣка, Орибазія, и съ грустью покинулъ Віенну. Наконецъ-то я иду на варваровъ. Какое блаженство»!

IX.

«Я пишу это въ день моего прибытія въ Автунъ. Мнѣ давно хотѣлось ободрить своимъ посѣщеніемъ этотъ славный городъ, освободившійся отъ осады, благодаря доблести своихъ гражданъ. Кромѣ моихъ трехсотъ шестидесяти провожатыхъ—я сформировалъ изъ нихъ конный отрядъ—вся моя пѣхота состоитъ изъ слабаго легіона баллистраріевъ. Увы! мы веземъ за собою баллисты для осады крѣпостей и городовъ, которые были римскими въ продолженіе четырехъ столѣтій. Мой путь шелъ вверхъ по теченію Роны, по нашей старой военной дорогѣ, черезъ Ліонъ, Маконъ до Шалона, потомъ черезъ Саону въ Автунъ, куда я прибылъ сегодня, 23 іюня. Здѣсь, передъ воротами крѣпости, было собрано все духовенство, позади него городскіе куріалы, коллегіи и наконецъ войска; я спрыгнулъ съ лошади и, отстраняя тѣхъ, которые приготовили мнѣ торжественную встрѣчу, воскликнулъ:—Гдѣ Маркъ Корнелій, спаситель Автуна? Я хочу обнять его.

«Глубокая тишина, очевидное смущеніе. Наконецъ выступаетъ, съ блестящими почетными знаками на доспѣхахъ, военный трибунъ (какъ выяснилось послѣ, подлый предводитель войска, который хотѣлъ выдать городъ варварамъ) и говоритъ, покашливая:—Ты спрашиваешь, о великій цезарь, про того дерзкаго старика, который вопреки военной субординаціи присвоилъ себѣ начальническую власть и сдѣлалъ вылазку противъ осаждающихъ безъ моего разрѣшенія? Онъ осмѣлился отворить храмъ, запертый по высочайшему повелѣнію, принесъ тамъ жертву, предсказалъ побѣду по внутренностямъ животнаго и, не получивъ на то полномочія, преступнымъ образомъ дѣйствительно одержалъ ее, очевидно съ помощью демоновъ. Преступника увели отсюда въ цѣпяхъ и представили его императору, который приговорилъ его на пожизненную каторгу въ рудникахъ Сардиніи.

«Я чуть не вытянулъ мерзавца хлыстомъ по одутловатому лицу. Но Іовіанъ удержалъ мою поднятую руку. Я разжаловалъ трибуна и послалъ его плѣнникомъ къ Констанцію, обвиняя въ трусости передъ врагомъ.

«При въѣздѣ въ городъ, меня порадовало счастливое предзнаменованіе. Жители въ честь моего пріѣзда украсили ворота гирляндами изъ зелени. Какъ разъ въ ту минуту, когда я въ нихъ въѣзжалъ, самый красивый вѣнокъ изъ лавровъ свалился сверху на мой шлемъ. Собравшіяся толпы народа радостно воскликнули: «Небо посылаетъ тебѣ побѣду»! Я, конечно, не снялъ вѣнка, зная, что боги иногда незаслуженно посылаютъ намъ счастіе и славу.

«Побѣда! Побѣда! Онъ послалъ мнѣ ее, великій богъ. Моя первая битва была моей первой побѣдой. Моя душа ликуетъ. Какъ я счастливъ! Стрѣла задѣла мнѣ щеку; я самъ рубился мечемъ и убилъ германца въ открытомъ бою. О Марсъ, Юпитеръ и всѣ боги! О, Лизій, какъ желалъ бы я обнять тебя теперь или, еще лучше, Елену, къ которой посланъ гонецъ съ самаго поля битвы.

«Однако, разскажу все обстоятельно. Въ концѣ іюня я выступилъ изъ Автуна и направился черезъ лѣса отыскивать варваровъ. Нашимъ путеводителемъ служилъ знаменосецъ Вокопій, настоящій латинянинъ, сынъ Самнитскихъ горъ. Онъ велъ наше маленькое войско лѣсами и болотами къ сѣверо-западу на Оксеръ. Вступивъ въ дремучіе лѣса, перерѣзанные только узкими тропинками, мы тотчасъ почуяли впереди насъ и по обоимъ флангамъ близость варваровъ. Трудно было только догадаться, аламаны или франки осторожно обходили насъ, пуская порою изъ чащи стрѣлы и дротики. Я велъ свое небольшое войско плотною массой, прикрытой со всѣхъ четырехъ сторонъ отрядами конницы, которые при всякомъ нападеніи должны были скакать къ намъ обратно, чтобы не дать напасть на насъ врасплохъ.

«Но сегодня въ полдень непріятель чуть не достигъ этой цѣли. Мы подвигались въ густой чащѣ кустарниковъ: направо болота, налѣво цѣпь лѣсистыхъ холмовъ средней высоты. Вдругъ влѣво что-то зашевелилось и съ упомянутыхъ мною возвышенностей на нашъ лѣвый флангъ съ невообразимой быстротою хлынули варвары, причемъ не они подняли военный

кликъ, а мои устрашенные всадники закричали отъ испуга. Въ слѣдующій моментъ они врѣзались въ ряды нашей пѣхоты, внеся въ нихъ смятеніе и безпорядокъ. Сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ варвары были передъ нами уже на полетъ дротика, и не только ихъ конница, но и пѣхота. Эта быстрота нападенія объясняется тѣмъ, что выдрессированные долгимъ упражненіемъ юноши бѣгутъ рядомъ съ коннымъ солдатомъ, вцѣпившись лѣвой рукой въ гриву его коня и не отставая ни на шагъ. Это было великолѣпное зрѣлище. Но я не успѣлъ имъ полюбоваться; мои баллистраріи, уклоняясь въ сторону подъ неудержимымъ натискомъ врага, повернули вправо, т. е. прямо въ болото, гдѣ намъ предстояла гибель. Тутъ, въ самую критическую минуту, у меня мелькнуло великолѣпное выраженіе Фронтина о маневрѣ, который онъ назвалъ «клещами». Я приказалъ войску остановиться и повернуть влѣво переднюю и заднюю часть нашей линіи, такъ что варвары были охвачены нами со всѣхъ сторонъ и попали въ «клещи». И богъ побѣды помогъ намъ! Мой первый военный опытъ, вычитанный изъ книги, удался. Варвары, видя внезапное нападеніе съ сѣвера и съ юга, подумали, что мы получили незамѣтно для нихъ подкрѣпленіе и стали отступать; упорно держалась только горсть, нанесшая намъ первый молодецкій ударъ. Я видѣлъ, какъ лошадь Іовіана рухнула со всѣхъ ногъ рядомъ со мною. Пѣхотинецъ, ухватившійся за гриву чужаго коня, ударилъ ее короткимъ мечемъ въ шею; мой другъ лежалъ безпомощнымъ подъ лошадью и германскій всадникъ собирался уже поразить его копьемъ.

«— Стой! — крикнулъ я по латыни, перехватывая ударъ щитомъ,—стой, германецъ: надо драться, а не умерщвлять безоружныхъ.

«Тотъ моментально повернулъ свою лошадь на меня (къ сожалѣнію, они имѣли достаточно времени выучиться по латыни въ нашей странѣ и на нашъ счетъ!) и замахнулся своимъ длиннымъ копьемъ. Но мой короткій римскій мечъ предупредилъ его; я всадилъ ему оружіе подъ мышку поднятой руки; онъ вскрикнулъ и повалился съ лошади на лѣвую сторону. Тогда пѣшій вскочилъ на освободившагося неосѣдланнаго коня и обратился въ бѣгство. Іовіанъ тѣмъ временемъ вылѣзъ изъ подъ своей убитой лошади и подалъ мнѣ руку:—Видишь, какъ

хорошо ты научился ѣздить верхомъ и владѣть оружіемъ, — сказалъ онъ. — Философъ спасъ воина, а слѣдовало бы наоборотъ.

«Убитый мною былъ предводителемъ; его подчиненные пали духомъ и отступили. Мы взяли въ плѣнъ пятерыхъ раненыхъ и узнали отъ нихъ, что на насъ напало племя смѣшанныхъ аламановъ и франковъ, называемыхъ батавами; для насъ весьма не утѣшительно, что хотя часть этого народа, такъ долго сохранявшаго намъ вѣрность, присоединилась къ нашимъ врагамъ. Между тѣмъ, они считаются, благодаря старинной римской выправкѣ, самыми опасными изъ франковъ.

«Великолѣпный народъ эти германцы! Никогда еще не видалъ я такой силы, исполинскаго роста, но также и такой дикости. У нихъ оказалось двадцать убитыхъ. Это были первые мертвецы, видѣнные мною. Какую печать торжественности налагаетъ смерть! При видѣ ихъ, лежащихъ такимъ образомъ, съ потускнѣлымъ взглядомъ, можно было бы усомниться въ безсмертіи, еслибъ оно не было такъ ясно доказано Максимомъ.

«Іовіанъ слегка повредилъ себѣ бедро. Мнѣ пріятно ухаживать за нимъ.

«Удивительные люди эти германцы! Въ общемъ, я ставилъ ихъ не выше храбрыхъ и гордыхъ звѣрей въ ихъ лѣсахъ: медвѣдя, лося, вепря, оленя, тура. Но иногда они поражаютъ тонкостью чувства, которой нельзя было ожидать отъ дикарей. Вотъ, напримѣръ, мой Берунгъ привязанъ ко мнѣ, какъ умная, сильная собака; я знаю, онъ готовъ сложить за меня голову безо всякихъ разсужденій, и потому полагалъ, что онъ также будетъ драться, съ кѣмъ я прикажу. Но я ошибался. Когда мы недавно впервые выступили противъ врага, я въ шутку крикнулъ ему: — Ну, первую аламанскую голову принесетъ намъ Берунгъ. Онъ первый на очереди.—Преданный дикарь бросилъ на меня взглядъ, полный упрека, но промолчалъ въ присутствіи другихъ. Нѣсколько времени спустя, онъ пришпорилъ свою лошадь, подъѣхалъ ко мнѣ ближе и шепнулъ:

«— Господинъ, любимый господинъ, вѣдь это была только шутка и очень жестокая съ твоей стороны насчетъ аламанской головы?—Сѣрые глаза вѣрнаго Берунга взглянули на меня съ такимъ глубокимъ выраженіемъ, что я тотчасъ устыдился своего безсердечія, но, продолжая притворяться, возразилъ:—

А что же тутъ удивительнаго? Цѣлыя столѣтія дерутся подъ нашими знаменами германцы противъ германцевъ и нельзя сказать, чтобъ плохо. Почему же это вдругъ должно измѣниться?

«Онъ въ смущеніи помолчалъ немного, такъ какъ мои слова были справедливы, но потомъ заговорилъ тихонько, словно разсуждая самъ съ собою:

«— Не знаю... не знаю почему, но я не могу. Въ долгіе годы, когда я служилъ на чужбинѣ между чужими, мнѣ было хорошо; у меня было вдоволь всего, чего я могъ пожелать, но часто, когда я стоялъ въ ночную пору на караулѣ въ Азіи, въ Африкѣ или Миланѣ, меня тянуло къ своимъ, хотѣлось услышать родную рѣчь. Я завидовалъ звѣздамъ на небѣ, что въ этотъ часъ могутъ заглядывать въ дремучій лѣсъ на берегахъ Неккара, гдѣ между вѣковыми дубами стоитъ нашъ дворъ изъ темнобураго дерева. Я отдалъ бы свое мѣсячное жалованье, чтобы взглянуть въ глаза человѣку изъ нашего народа. И вдругъ теперь, когда я увижу своихъ земляковъ, мнѣ придется проливать ихъ кровь! Нѣтъ, пускай это дѣлаютъ другіе, а я не хочу больше. Да, теперь многіе изъ нашихъ ужь начинаютъ понимать, что мы, аламаны, родные между собою. Многіе, поступая на службу, условились воевать со всѣми врагами Рима, кромѣ собственнаго племени. Ужь не долженъ ли я бросить факелъ въ наслѣдственный дворъ моего рода? Съ франками и саксами, съ персами и маврами готовъ я биться за тебя, господинъ, но не со своими аламанами... Впрочемъ, я буду и противъ нихъ защищать твою жизнь собственной грудью, и противъ нихъ пойду за тобою въ битву, но только для защиты, а не для пролитія крови своихъ близкихъ. Умоляю тебя, дозволь мнѣ это, господинъ.

«Я пожалъ ему руку и утвердительно кивнулъ головою. Варваръ превзошелъ меня въ деликатности. Горе намъ, если подобныя чувства въ нихъ окрѣпнутъ! Впрочемъ, не бѣда; франка и сакса мой Берунгъ все таки готовъ уложить съ легкимъ сердцемъ. Онъ сдержалъ свое слово прикрывать меня собственнымъ тѣломъ. Я не видѣлъ этого, но Іовіанъ замѣтилъ, какъ онъ перехватилъ щитомъ два дротика какъ разъ противъ моей груди. Но никакого оружія для нападенія не взялъ съ собою мой Берунгъ».

X.

«Все предшествовавшее я написалъ еще съ поля битвы, а теперь пишу изъ Труа. Подумай только, какой позоръ! Когда я прибылъ къ воротамъ этой крѣпости, уже смеркалось и наступала ночь; храбрые защитники города не хотѣли впустить меня. Страхъ передъ варварами до того заполонилъ здѣсь все, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что жители не вѣрятъ своимъ глазамъ, увидавъ римскія войска въ открытомъ полѣ. Когда же я заговорилъ о побѣдѣ римлянъ, они прямо сочли это ложью, считая насъ варварами, переодѣтыми въ римскіе доспѣхи. Наконецъ, они узнали стараго Воконія и впустили цезаря въ свой трепещущій городъ, послѣ того какъ онъ простоялъ цѣлый часъ подъ дождемъ, перебраниваясь съ ними у подножія крѣпостнаго вала. Сильная крѣпость трепетала передъ варварами, а между тѣмъ въ ней скрывались самыя главныя военныя силы, съ которыми я долженъ завоевать обратно Галлію. Во главѣ ихъ находился magister militum Марцеллъ, подъ командой котораго состоитъ почти десять тысячъ шлемовъ. На слѣдующій день я взялъ это войско въ свое распоряженіе. Для моихъ плановъ въ Галліи очень важно, какимъ человѣкомъ окажется Марцеллъ, главный предводитель моихъ легіоновъ. До сихъ поръ я открылъ въ немъ только трусость, ханжество и низкопоклонство.

«Сегодня я снова получилъ письма отъ Елены, матери, сестры и Филиппа. Елена, моя дорогая, веселая подруга, не унываетъ и теперь, терпѣливо перенося свою нелегкую участь. Одна, послѣ немногихъ мѣсяцевъ величайшаго счастья, окруженная только служанками по выбору императора (онъ наотрѣзъ отклонилъ просьбы своей супруги, моей матери и сестры пріѣхать къ бѣдной женщинѣ, чтобъ раздѣлить ея одиночество) зная, что я нахожусь во всевозможныхъ передрягахъ, и ожидая для себя тяжелой развязки, она ни на минуту не падаетъ духомъ. Елена утѣшаетъ меня веселыми шутками. Она описываетъ мнѣ, каковъ будетъ нашъ Эліодоръ, такъ какъ твердо убѣждена, что у нея родится мальчикъ. Дорогое существо! я рвусь къ ея страдальческому ложу. Однако, меня требуютъ къ себѣ Хнодомаръ и другія чудовища.

«А моя мать! Какъ нѣжно и вмѣстѣ настоятельно напоминаетъ она мнѣ, чтобъ я ежедневно молился Христу ради спасенія своей души. Сама же она молится за меня день и ночь. Сестра пишетъ мнѣ также въ набожномъ тонѣ. Странно: Іовіанъ довольствовался тѣмъ, когда я прочитывалъ ему вслухъ письма другихъ; но, узнавъ отъ меня, что Юліана посылаетъ ему поклонъ, онъ схватилъ папирусъ и захотѣлъ самъ прочесть его содержаніе.

«Филиппъ сообщаетъ важныя новости насчетъ двора и государства. Этотъ добрякъ думаетъ, что важнѣе всего то, что относится лично ко мнѣ. Онъ ошибается: сначала государство, потомъ Юліанъ. Въ сильномъ огорченіи пишетъ мнѣ этотъ преданный человѣкъ, что еслибъ я имѣлъ виды на римскій престолъ, въ случаѣ смерти бездѣтнаго Констанція (всевидящій Геліосъ—свидѣтель тому, что у меня не было такой мысли даже въ сокровеннѣйшемъ уголку моей души!) то мое неосторожное покровительство почитателямъ боговъ разрушило мои планы. А въ чемъ состояла эта неосторожность? Въ каждомъ значительномъ городѣ Галліи, гдѣ мнѣ приходилось останавливаться на болѣе продолжительное время, какъ напримѣръ, въ Гренобліѣ, Валенсѣ и Віеннѣ, власти и духовенство приносили мнѣ жалобы на различныхъ преступниковъ, оставшихся безнаказанными среди смутъ и безпорядковъ послѣдняго времени; тутъ были во множествѣ убійцы, воры, разбойники и грабители. Я приказывалъ арестовать ихъ и произвести слѣдствіе. Но діаконъ въ Гренобліѣ пожаловался на молодую мать, которая незадолго до своихъ родовъ принесла въ жертву Юнонѣ Люцинѣ молоко и муку, а священникъ въ Валенсѣ требовалъ, чтобъ я заковалъ въ цѣпи старика, обѣщавшаго Гермесу пѣтуха, если тотъ пошлетъ ему легкую смерть; а віенскій епископъ жестоко обвинялъ молодаго скульптора изъ Коринѳа, проникшаго ночью въ храмъ Венеры, чтобъ срисовать и украсить вѣнкомъ изображеніе богини (говорятъ, будто бы эта статуя—работы Праксителя). Свѣтъ факеловъ въ давно заброшенномъ святилищѣ выдалъ его; юноша былъ схваченъ и посаженъ въ темницу. Подъ предлогомъ дознанія, я приказалъ отворить для себя храмъ. О, Лизій, какая чистота, какая святость свойственны прекрасному! Глубоко потрясенный, стоялъ я передъ великолѣпной богиней; это не укрылось отъ глазъ епископа, зорко наблюдав-

шаго за мною. Онъ настоятельно требовалъ наказанія молодому Артемидору и заклиналъ меня, чтобъ я велѣлъ разбить на куски демонское изображеніе, которое какъ будто смутило даже мой собственный духъ. Я отклонилъ это, но обѣщалъ ему удалить предметъ соблазна изъ города, послѣ чего распорядился перевезти прекрасную богиню въ Арль, гдѣ у одного друга Іовіана есть загородная вилла. Пусть съ этихъ поръ арлійская Венера приноситъ благословеніе городу! Артемидора увелъ я подъ арестомъ — ради его безопасности — съ собою; онъ провелъ дня два вмѣстѣ съ нами въ дорогѣ, причемъ я радовался отъ души на этого милаго юношу и, щедро одаривъ его, отпустилъ въ Марсель, откуда ему предстояло отправиться въ свое прекрасное отечество. Увижу ли я когда нибудь его благородное лицо?

«Письменныя жалобы на обоихъ другихъ виновныхъ *я бросилъ* въ волны Роны, но служители алтаря обвинили *меня* передъ августомъ въ потворствѣ идолопоклонству. Императоръ еще не принялъ противъ цезаря рѣшительныхъ мѣръ, но его подозрительность сильно возбуждена. Онъ сердито напалъ на Филиппа: «Полюбуйся, что дѣлаетъ твой любимецъ! Вы навѣрно спали и видѣли посадить его на престолъ. Но погодите—никогда, никогда не будетъ онъ носить пурпура. Я уже позаботился объ этомъ! Мой наслѣдникъ уже выбранъ, такъ какъ Эвзебія не хочетъ подарить мнѣ сына. Въ скоромъ времени я заставлю сенатъ и войско принести присягу одному человѣку, который не задумается послать къ демонамъ въ преисподнюю того почитателя старыхъ боговъ въ день моей кончины. Тогда пусть твой философъ сдѣлается императоромъ надъ нечистой силой».

«Однако, меня это нисколько не безпокоитъ: вѣдь я знаю, что долженъ умереть, чтобъ вознестись къ отцу вѣчнаго свѣта. Любимцы боговъ (а къ нимъ я причисляю себя все съ бо́льшей и бо́льшей увѣренностью, чѣмъ лучше познаю ихъ самихъ) умираютъ рано.

«Филиппъ заканчиваетъ свое письмо еще непонятными для меня строками: «Прочитай Горація, первую книгу сатиръ, сатира четвертая, стихъ 85, и поступай, какъ тамъ сказано».

«Невольникъ, завѣдующій книгами, приноситъ мнѣ моего Горація, подарокъ Эвзебіи... я отыскиваю указанное мѣсто.

Hic Niger est—hunc tu, Romane, caveto [1]). Что это можетъ значить? О, боги! Нигеръ—имя врача, посланнаго Констанціемъ. Филиппъ очевидно предостерегаетъ противъ него, а моя жена, мое дитя, безпомощны, беззащитны въ рукахъ этого человѣка! Я лечу обратно защитить ихъ... Нѣтъ, это невозможно; я даже съ виду не долженъ отступать передъ варварами, хотя бы мнѣ никогда болѣе не пришлось увидать Елену въ живыхъ. Іовіанъ правъ: «важнѣе всего биться за римское государство». Но я посылаю гонца съ предупрежденіемъ, написаннымъ тайнымъ шифромъ. Ахъ, какая жестокая судьба! Я даже не могу здѣсь оставаться, выжидая отвѣта. Дальше, дальше отъ возлюбленной ведетъ меня военный долгъ. Но куда же прежде всего? Это моя непроницаемая тайна. Завтра я отправляюсь отсюда въ Реймсъ и...

«Письмо отъ Елены... о, горе и несчастіе! Какъ разрывается моя душа. Мой посланный встрѣтился съ роковою вѣстью, только что пришедшей отъ моей супруги. Нашъ Эліодоръ... эта сладкая надежда...—погубленъ! Моя возлюбленная была совершенно здорова, какъ она сообщаетъ въ письмѣ, пока Нигеръ (врачъ) не принялся за ея лѣченіе, хоть у нея ничего не болѣло. Много разныхъ снадобій должна была проглотить Елена противъ воли, по приказанію Нигера, т. е. императора. И вотъ конецъ лѣченія: нашъ Эліодоръ преждевременно явился на свѣтъ, чтобъ тотчасъ умереть. Ахъ, только нѣсколько мгновеній видѣлъ онъ лучъ божества, даровавшаго его намъ. Нигеръ безслѣдно исчезъ, какъ только мальчикъ умеръ. Ужь Констанцію-то, конечно, извѣстно, куда онъ скрылся. Изнемогая подъ тяжестью собственнаго горя, Елена, это дивное созданіе, старается еще утѣшить меня. О, мой Эліодоръ! я хотѣлъ воспитать его вѣрнымъ слугою—богамъ и римскому государству. Ахъ, варвары должны поплатиться мнѣ за это».

XI.

«Я нашелъ, что у насъ въ войскѣ распространилось мнѣніе, будто бы для начала похода мы двинемся на франковъ: на сугамбровъ и возставшую область батавовъ, такъ какъ оттуда,

[1]) Здѣсь *черный*: берегись его, римлянинъ.

съ нижняго Рейна, послѣдовали первыя нападенія. Я поддерживалъ эту вѣру, но передъ самымъ выступленіемъ приказалъ повернуть не на сѣверъ—къ Коленвальду, а къ сѣверо-востоку, на Мецъ: неожиданность, невѣдѣніе его дѣйствительныхъ намѣреній принадлежали къ числу великихъ маневровъ единственнаго настоящаго Цезаря. Не на франковъ, а на аламановъ, на верхнемъ Рейнѣ, разсчитывалъ я напасть, и мой планъ удался вполнѣ, именно благодаря неожиданности. Отъ Меца пошелъ я форсированными маршами—ахъ, все дальше отъ Елены!—къ востоку, черезъ Діёзъ и Саарбургъ...

«Жарко пекло полуденное іюльское солнце; только съ трудомъ заставлялъ я подвигаться впередъ мѣшкавшія колонны; войску было приказано соблюдать величайшую тишину, а Іовіанъ съ легкой кавалеріей стрѣлковъ изъ лука былъ посланъ мною впередъ на развѣдки. Вскорѣ они примчались назадъ и сообщили, что аламаны, утомленные разслабляющимъ полуденнымъ зноемъ, отбросили всякую осторожность, всякую мысль объ опасности. Оставивъ свое оружіе въ лагерѣ, они расположились на рѣчкѣ Сааръ. Многіе купались и плескались въ волнахъ, другіе пили награбленное у непріятеля вино изъ своихъ шлемовъ. Нѣкоторые расчесывали свои длинные желтые волосы и подкрашивали ихъ въ болѣе рыжій цвѣтъ (повидимому, это имъ нравится) ѣдкимъ мыломъ изъ топленаго сала и буковой золы. Какъ пріятна была такая безпечность взору римскаго полководца! Я подалъ сигналъ нападенія черезъ кавалерійскихъ трубачей и снова обошелъ непріятеля «клещеобразно», раздѣливъ свои войска и сдѣлавъ обходъ одновременно съ сѣверо-востока и сѣверо-запада. Соединившись, мы отбросили застигнутыхъ врасплохъ аламановъ съ сѣвера на югъ въ ихъ лагерь и сейчасъ же погнали оттуда назадъ. Они не успѣли даже добраться до своего оружія, не только выстроиться, и на насъ посыпались отъ нихъ одна брань и проклятія вмѣсто метательныхъ копій. Кровопролитіе было ужасное—Эліодоръ отомщенъ!

«Однако, мнѣ нужна прежде всего осторожность въ этой странѣ, крѣпости которой — Шпейеръ, Зельцъ, Страсбургъ, Брунатъ—не принадлежатъ намъ болѣе; онѣ заняты непріятелемъ или же лишены стѣнъ. Мое войско, какъ и варвары, думали, что я пойду дальше въ томъ же направленіи къ

Страсбургу, воспользовавшись своей удачей. Но, повторяя свой пріемъ въ Труа, я бросилъ аламановъ и приказалъ также внезапно напасть на франковъ: я двинулся на Кёльнъ. Тутъ Іовіанъ подъѣхалъ ко мнѣ пожать мнѣ руку. Онъ не часто балуетъ меня похвалами, однако на этотъ разъ сказалъ:—Ну, маленькій философъ, ты—прирожденный полководецъ!

«— Хорошо, кабы такъ,—возразилъ я,—но зато, очевидно, не прирожденный ѣздокъ, потому что вчера два раза свалился съ лошади.

«Этотъ походъ на нижній Рейнъ также опасенъ, какъ и предшествующій, противъ аламановъ: на всемъ пути отъ Страсбурга до Кёльна въ нашихъ рукахъ остался только Ремагенъ, близъ Кобленца. Первая неудача, и довольно таки чувствительная! Какъ разъ въ послѣднюю минуту, благодаря Марсу и Іовіану, она однако не перешла въ пораженіе. Погода перемѣнилась, дождь льетъ потоками день и ночь, густые туманы поднимаются отъ болотистыхъ окрестностей громадной рѣки. Едва можно разсмотрѣть своего сосѣда въ строю. Подходилъ вечеръ, я надѣялся еще до наступленія темноты добраться до Кёльна, который, по словамъ моихъ развѣдчиковъ, оставался безъ гарнизона по совершенно необъяснимой причинѣ. «Варварское веденіе войны», подумалъ я въ своей юной гордости побѣдителя, гарцуя на лошади во главѣ войска. Мнѣ было скучно безъ Іовіана, который выпросилъ у меня позволеніе вести главный корпусъ.

«Неужели ты боишься франковъ больше, чѣмъ аламановъ?—спросилъ я, улыбаясь.

«— Хуже всего боюсь я твоей безпечности,—сурово, но довольно основательно возразилъ онъ и поѣхалъ дальше.

«Странно, то же самое слово: «безпечность» недавно употребилъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ славный Амміанъ. Я еще раздумывалъ объ этомъ, какъ вдругъ въ нашемъ арьергардѣ поднялся страшный ревъ, менѣе всего походившій на побѣдные клики.

«Я поручилъ арьергардъ—всего два легіона—Марцеллу, ожидая сопротивленія только съ фронта или съ лѣваго фланга: справа прикрывалъ насъ Рейнъ, по самому берегу котораго пролегаетъ наша старая военная дорога. Но франки (это были они) обошли насъ и ударили въ тылъ, скрываясь въ туманѣ

до самаго момента нападенія. Марцеллъ тотчасъ кинулся впередъ; его тяжело вооруженные воины были уже отброшены вправо и во множествѣ попàдали съ крутаго берега въ воду. Еще немного—и арьергардъ былъ бы уничтоженъ. Но тутъ, въ самую рѣшительную минуту, явился Іовіанъ съ подкрѣпленіемъ изъ центра и открылъ сраженіе. Настала ночь, варвары отступили, но мы потеряли много людей, утонувшихъ въ Рейнѣ, а взяли въ плѣнъ только одного раненаго. Онъ сказалъ намъ, что то были батавы, подъ предводительствомъ одного царевича. Планъ нападенія былъ составленъ мастерски.

«Кёльнъ дѣйствительно оказался незанятымъ, что̀ совершенно непонятно. Нерѣшительно, видимо не довѣряя тому, что мы останемся въ ихъ полуразрушенныхъ стѣнахъ, вылѣзали кёльнскіе граждане изъ своихъ домовъ и подваловъ. *О*, боги, какой видъ имѣлъ этотъ опустошенный городъ! *Выходитъ*, что только изъ одного тщеславнаго задора варвары взяли Кёльнъ и потомъ покинули. Я увѣрилъ куріаловъ, что, пока останусь въ Галліи, Кёльнъ не будетъ отнятъ непріятелемъ, и тотчасъ приказалъ своему войску еще ночью, въ то время, когда когортамъ раздавали вино и пищу, приступить при свѣтѣ факеловъ къ возстановленію только поверхностно разрушенныхъ валовъ. Люди стали ворчать, потому что Марцеллъ ужасно распустилъ ихъ. Тогда я самъ взялъ лопату и сказалъ:—Первую глыбу земли поднимаю я, вашъ цезарь, и первому ослушнику раскрою лопатой черепъ.—Они опѣшили, но тотчасъ же повиновались всѣ безъ исключенія. Мнѣ кажется, что умѣнье повелѣвать есть также даръ боговъ. Впослѣдствіи я узналъ подробности о томъ нападеніи батавовъ. Умыселъ былъ очень зловредный. Одновременно съ первымъ патискомъ на нашъ тылъ, четверо другихъ повелителей батавскихъ областей должны были аттаковать нашъ фронтъ и лѣвый флангъ. Тѣ четверо, послѣ долгихъ переговоровъ, согласились содѣйствовать царевичу (его зовутъ Меровехомъ, надо запомнить это имя!) Но въ послѣднюю минуту они измѣнили своему слову, не предупредивъ союзника. Зачѣмъ? Ихъ войска также выбрали Меровеха своимъ герцогомъ, т. е. главнымъ предводителемъ; тогда въ нихъ проснулась старинная зависть и четверо царей перешли обратно на нашу сторону. Только одинъ царь сугамбровъ сдержалъ слово и примкнулъ къ вой-

ску Меровеха; этотъ сѣдоголовый старикъ нападалъ на насъ съ ожесточеніемъ, пока его не унесли прочь совсѣмъ израненнаго. Іовіанъ взялъ бы его въ плѣнъ, еслибъ самъ Меровехъ не отстоялъ своего союзника; четверо же остальныхъ послали уполномоченныхъ въ Кёльнъ, умоляя о мирѣ и прощеніи. Я охотно согласился на то и другое, такъ какъ воевать въ этой варварски-суровой странѣ—дожди и грады здѣсь не прекращаются!—и пройти во время осени до германскаго моря,—на это, пожалуй, хватило бы охоты у меня, но не у моего войска. Итакъ, я посвятилъ эти мѣсяцы на то, чтобъ снова укрѣпить Кёльнъ и другіе опустошенные города, а потомъ пошелъ черезъ Тріеръ въ Санъ на Іоннѣ, намѣреваясь расположиться тутъ на зимнія квартиры и выписать къ себѣ свою дорогую жену изъ Віенны. Какое свиданіе, какая радость, какая любовь и какое горе!

«Но когда горькія чувства одолѣваютъ меня, я стараюсь представить себѣ опечаленный Римъ, который я все таки облегчилъ отчасти отъ долговременныхъ невзгодъ и позора. Конечно, это только начало; многое остается еще сдѣлать. Пусть непобѣдимый богъ солнца ведетъ меня дальше. Недаромъ мы, Констанціи, происходимъ отъ великаго побѣдителя германцевъ, Клавдія: можетъ быть, я отчасти унаслѣдовалъ его духъ и его счастіе. Только здѣсь,—въ самой срединѣ зимы!—получаю я, наконецъ, отвѣтъ отъ тебя или, по крайней мѣрѣ, имѣю увѣдомленіе, что ты получилъ мои посланія въ видѣ писемъ и дневника. Разумѣется, сначала я отправлялъ ихъ въ Никомидію, не догадываясь, что ты ради собственной безопасности удалился въ свою любимую страну чудесъ,—Египетъ. Конечно, если Эвзебій,—какъ тебѣ тайно сообщили Филиппъ и благородный Іоаннъ,—подозрѣваетъ тебя въ отступничествѣ, ты долженъ былъ поскорѣе скрыться, чтобы спасти твою дорогую мнѣ жизнь. Однако, о, возлюбленный учитель! твои короткія строки я не могу назвать отвѣтомъ на такія пространныя и, смѣю сказать, такія богатыя содержаніемъ изліянія моего горячаго, молодаго, довѣрчиваго сердца. Кому долженъ я безусловно довѣрять, какъ не тебѣ? Поэтому я, хотя стыдясь, но *съ восторгомъ* подѣлился также съ тобою тѣмъ глубокимъ счастіемъ, которое нашелъ въ своей дорогой женѣ, и своей надеждой на рожденіе нашего ребенка, и же-

стокимъ горемъ о потерѣ Эліодора! Я намѣревался говорить тебѣ и дальше о своей любви, о своемъ супружествѣ, когда послѣ столькихъ мѣсяцевъ разлуки могъ снова прижать къ груди любимую женщину (ахъ, она не поправилась, т. е. ея здоровье не возстановилось, и Елена вернула себѣ только трогательную веселость, которая утѣшаетъ меня!) Но послѣ твоихъ замѣчаній, Лизій, я не могу больше писать тебѣ о Еленѣ. Между мною и моимъ обожаемымъ учителемъ стоитъ что-то чуждое, непонятное мнѣ. Ты поздравляешь меня съ моимъ спасеніемъ, съ саномъ цезаря, но не съ моимъ величайшимъ счастіемъ, которымъ я обязанъ Еленѣ. Ты пишешь такъ загадочно: «твоя женитьба состоялась, пожалуй, противъ воли боговъ и теченія звѣздъ». О, Лизій, развѣ это мыслимо? Относительно же нашего ребенка ты выражаешься *жестоко:* «ошибочно назвалъ ты мальчика Эліодоромъ. Не Геліосъ даровалъ его тебѣ и не другіе боги, иначе онъ бы *не* умеръ. Боги защищаютъ свои дары. Константій и слѣпой случай сдѣлали тебя отцомъ этого ребенка».

«Лизій, нужна вся благодарность моей души къ тебѣ, чтобы простить твои слова. Всего охотнѣе вызвалъ бы я тебя сюда. Еслибъ мы увидали другъ друга, призракъ, встающій между нами, тотчасъ бы разсѣялся; но если не по пути ко мнѣ, то въ моемъ лагерѣ ты навѣрно попалъ бы въ руки шпіоновъ Эвзебія. Они здѣсь такъ и кишатъ».

XII.

«Теперь я прилежно занятъ моими приготовленіями къ слѣдующему походу, работаю день и ночь, и сплю только два часа въ сутки, такъ какъ любимыя книги тоже требуютъ своихъ правъ. И всегда, и повсюду, во время военныхъ переходовъ, въ прирейнскихъ болотахъ, за разсчетомъ припасовъ, которые мнѣ нужны, и войскъ, которыя необходимо вновь достать, въ судѣ, пока я рѣшаю дѣла,—мнѣ приходятъ на мысль великіе вопросы объ отношеніи боговъ (не такъ называемыхъ народныхъ боговъ; прости, я знаю, это тебя оскорбляетъ, но между нами должна существовать полная откровенность) къ великой міровой душѣ, къ единому Богу, единому по сущности. Насколько болѣе, чѣмъ пустаго, суевѣрія народа

въ томъ, что люди почитаютъ такое множество боговъ, богинь и демоновъ? Не суть ли они простые символы? Или они суть проявленія и силы того высочайшаго Бога? Я много писалъ объ этомъ; мнѣ хочется привести въ законченное систематическое ученіе свои постепенно проясняющіеся взгляды. Во-первыхъ, для себя самого, а потомъ—я не прочь заслужить писательскіе лавры; для меня они были бы важнѣе всѣхъ моихъ битвъ. Ахъ, еслибъ у аѳинскихъ книгопродавцевъ было выставлено: «Новое произведеніе Клавдія-Юліана о существѣ боговъ». Но моимъ первымъ покупателемъ сдѣлался бы Констанцій, а также и моимъ послѣднимъ, потому что копіи были бы немедленно сожжены, а цезарь снова заточенъ въ монастырь. Елена говоритъ, что и въ продолженіе своего двухчасоваго сна я безпрерывно говорю о міровой душѣ, о Геліосѣ и Фебѣ-Аполлонѣ. (Составляютъ ли они оба одно, или нѣтъ?)

«Цѣлый мѣсяцъ не удалось занести ни словечка въ свой дневникъ. Довольно безцеремонно былъ я разбуженъ отъ своихъ философскихъ сновъ, когда написалъ здѣсь послѣднія строки. Вѣрный Берунгъ постучался рукоятью своего меча въ дверь нашей спальни и крикнулъ: «Вставай, господинъ; къ оружію! Непріятель у воротъ».

«Я вскочилъ и схватилъ мечъ, хотѣлъ также взять шлемъ и щитъ, но съ ближайшаго вала до меня донесся такой оглушительный шумъ битвы, что я бросился вонъ изъ дому, наскоро простившись съ Еленой. Я не хотѣлъ вѣрить, но это было такъ! Франки бросились на приступъ къ нашимъ гнилымъ стѣнамъ. Я побѣжалъ къ боковой башнѣ восточныхъ воротъ, гдѣ схватка была всего жарче. Непріятель взбирался уже до самыхъ зубцовъ; нѣкоторымъ удалось добраться до верху, откуда они сталкивали нашихъ колючками на своихъ щитахъ. Вокругъ меня сыпался настоящій градъ стрѣлъ и дротиковъ; многіе изъ моихъ людей падали. Тутъ я внезапно почувствовалъ, что кто-то надѣлъ мнѣ сзади на голову шлемъ; я обернулся: позади меня стояла, освѣщенная багровымъ заревомъ нашихъ смоляныхъ факеловъ, улыбающаяся Елена. Она подала мнѣ также щитъ. О, какимъ блаженствомъ переполнилось мое сердце! На глазахъ у всѣхъ обнялъ я краснѣющую подругу и заставилъ ее спуститься по узкой каменной лѣсенкѣ внизъ, куда не достигали выстрѣлы. Только съ величайшимъ

усиліями нападеніе было отбито. Однако варвары не отступили; они остались. Тридцать дней осаждали они насъ среди самой суровой зимы, но, какъ сказано, эти медвѣди не боятся холоду! Каждый день штурмовали они крѣпость. Ни на одну минуту не уходилъ я со стѣнъ все это время. Я спалъ, закутавшись въ плащъ, за однимъ изъ зубцовъ. И никакой возможности спровадить нахаловъ молодецкой вылазкой! Для этого я былъ слишкомъ слабъ. Я скрежеталъ зубами отъ гнѣва, что долженъ ограничиваться обороной; ради пропитанія мнѣ пришлось расквартировать чужія войска своихъ союзниковъ по разнымъ пунктамъ. Франки пронюхали объ этомъ и надѣялись, благодаря такому обстоятельству, завладѣть городомъ и взять въ плѣнъ цезаря. Меровехъ придумалъ эту штуку и самъ повелъ осаду. На тридцатый день, какъ слышно, онъ былъ раненъ. Не смотря на сопротивленіе, свои унесли его прочь и, упавъ духомъ, сняли осаду и удалились. Мнѣ же эти тридцать дней показали, что̀ можетъ сдѣлать воля и непреклонное мужество даже въ слабомъ тѣлѣ, но это мыслимо лишь въ томъ случаѣ, когда въ человѣкѣ живетъ духъ, представляющій собою искру великаго міроваго солнца, частицу вѣчной міровой души. Но какъ могло случиться, что дерзкій непріятель незамѣтно переправился черезъ замерзшія рѣки, такъ что я не получилъ ни откуда предостереженія? Какъ удалось ему проникнуть такъ далеко на западъ отъ Рейна и Мозеля? Мало того: какимъ образомъ въ продолженіе тридцати дней, когда вѣсть объ осадѣ нашего города распространилась по всей Галліи, не было сдѣлано ни одной попытки доставить мнѣ подкрѣпленіе? Это было возможно только благодаря низкому предательству Марцелла, который расположился совсѣмъ вблизи, съ сильнымъ войскомъ; онъ преспокойно сидѣлъ тамъ тридцать дней за своими прочными стѣнами. Вѣроятно, этотъ негодяй сказалъ: «Императоръ охотно потеряетъ городъ Санъ, только бы вмѣстѣ съ нимъ потерять и цезаря». Но я этого не стерплю и потребую отъ Констанція отставки Марцелла. Чтобы предупредить мою жалобу клеветами, онъ поспѣшилъ уже вернуться ко двору. Іовіанъ сталъ проситься, чтобъ я отправилъ его въ Миланъ разъяснить дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, надо его отпустить, какъ только прекратятся военныя дѣйствія; и я знаю, онъ охотно отправится туда, гдѣ увидитъ вновь мою

мать и... сестру, прекрасную, стройную, темноокую. Давно уже я подмѣтилъ нѣжныя чувства, которыя Юліана и мой храбрый товарищъ еще въ Миланѣ робко и стыдливо старались скрыть отъ самихъ себя. Бѣдныя сердца! Никогда не исполнится ихъ завѣтное желаніе. Констанцій ни за что не согласится отдать руку женщины изъ рода Константина такому доблестному воину: подобныя заслуги и подобный союзъ—согласно мнѣнію августа о людяхъ—повели бы къ неодолимому искушенію заявить свои права на пурпуръ. Но я охотно доставлю имъ радость свиданія. Ахъ, какъ еще мало достигнуто мною прошлогоднимъ походомъ! Уже въ февралѣ разлились и теперь въ мартѣ продолжаютъ разливаться вновь по трепещущей странѣ новыя полчища германцевъ. Я совершенно не понимаю, что̀ ободряетъ ихъ дѣйствовать съ такимъ безстыдствомъ. Неужели они руководствуются безразсудною мыслью, что мы потерпимъ ихъ долгое время въ Галліи? Такая идея будетъ выбита у нихъ изъ головы, не будь я цезарь! Неужели теперь, четыреста лѣтъ спустя, мы очутимся въ томъ же положеніи, какъ въ то время, когда настоящій Цезарь выступилъ въ походъ противъ Аріовиста? Нѣтъ, наши теперешнія условія еще гораздо хуже. Аріовистъ отнялъ Галлію только у галловъ, а Хнодомаръ и его сотоварищи отняли ее у римлянъ! Они отправили мнѣ пословъ, которые съ угрозами требовали, чтобъ я не посягалъ на завоеванную ими область въ этой странѣ. Но погодите! Марсомъ-мстителемъ поклялся я не уходить отсюда до тѣхъ поръ, пока здѣсь останется хоть одинъ непокорный германецъ, конечно,—если императоръ или смерть не отзовутъ меня раньше».

«Я пишу это изъ Реймса. Къ моему удивленію, августъ одобрилъ мой планъ похода на слѣдующую весну, при которомъ опять таки непріятель будетъ окруженъ «клещеобразно». Да, онъ обѣщалъ послать двадцать пять тысячъ войска, подъ предводительствомъ magister peditum Барбаціо изъ Базеля, чтобъ аттаковать южный флангъ аламановъ, между тѣмъ какъ я (послѣ тревожной и безпокойной зимы въ Санѣ) двинусь отсюда, чтобъ аттаковать ихъ съ фронта. За возобновленными укрѣпленіями города оставляю я свою, никогда не унывающую, Елену. Однако, эта безопасность сомнительна. Что̀ еще можетъ считаться безопаснымъ въ царствѣ римлянъ?

«Пока двѣ римскія арміи выступаютъ противъ аламановъ, шайка разбойниковъ имѣла дерзость проскользнуть между ними и проникла отъ Рейна до Ліона на двѣнадцать часовъ пути, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Хорошо еще, что удалось захлопнуть ліонскія ворота у нихъ подъ носомъ и спасти эту сильную крѣпость. Но по всей низменности они произвели опустошенія своими грабежами. Я выходилъ изъ себя отъ бѣшенства и поспѣшилъ по всѣмъ тремъ дорогамъ, по которымъ они могутъ отступить отъ Реймса къ юго-востоку, чтобы предупредить ихъ и отрѣзать имъ отступленіе. Мнѣ и возвратившемуся Іовіану удалось переловить и перебить разбойниковъ на обоихъ путяхъ. Однако Барбаціо выпустилъ изъ рукъ третью шайку, которая шла черезъ его область. Что это—злой умыселъ или глупость?

«А кто были эти разбойники? Что̀ хуже всего: то *были не* германцы, а римляне, по крайней мѣрѣ, римскіе *подданные*, жители Кёльна,—мелкіе крестьяне, жалкая голь, которую цѣлыми тысячами римскіе сборщики податей выгоняли изъ домовъ и дворовъ въ лѣса, въ болота, къ варварамъ. Такъ продолжалось цѣлые десятки лѣтъ, и теперь эта голь, доведенная до отчаянія нуждою, дѣйствуетъ заодно съ нашими врагами! Такому безправію слѣдуетъ положить конецъ, иначе богатая, прекрасная страна, откуда бѣгутъ римляне, населится германцами. Какъ только я справлюсь съ варварами, то начну походъ противъ нашихъ чиновниковъ. Это—кровопійцы, и притомъ самые безжалостные. Quos ego»!

XIII.

«Конецъ іюля. Въ лагерѣ на Рейнѣ, между Базелемъ и Страсбургомъ. Прошли тѣ времена, когда римскій флотъ господствовалъ на этой рѣкѣ! У меня нѣтъ даже какой нибудь пары судовъ, чтобы проучить за дерзость аламановъ въ ихъ многочисленныхъ прирейнскихъ областяхъ. Они ютятся за рѣкою, на поросшихъ густымъ кустарникомъ узкихъ островкахъ, насмѣхаются надо мною и моими воинами; какъ только мы приблизимся къ берегу, громко осыпаютъ насъ бранью, которой я, къ счастію, не понимаю, и дѣлаютъ далеко не лестные жесты въ нашу сторону.

ВЯТСКАЯ ГАЗЕТНАЯ БИБЛІОТЕКА

«Я выпросилъ у Барбаціо, по крайней мѣрѣ, семь [illegible] изъ множества судовъ, которыя онъ держитъ у себя для переправы подъ Базелемъ. Да, теперь мы знаемъ: Барбаціо дѣйствуетъ не по глупости, а по злобѣ, предательству, желая подслужиться императору; вѣдь августа постоянно разбираетъ страхъ, чтобъ я не одержалъ слишкомъ важныхъ, быстрыхъ и слишкомъ многочисленныхъ побѣдъ. Барбаціо предпочелъ сжечь суда, чтобъ не давать ихъ мнѣ. Подъ предлогомъ боязни, чтобъ они не попались въ руки непріятелю, онъ сжегъ также запасы провіанта, которые я имѣлъ возможность доставить къ себѣ, насколько онъ въ нихъ ни нуждался. Марцеллъ, Барбаціо... какъ-то будетъ называться третій мошенникъ? Но безстыднымъ островитянамъ я все таки отмстилъ.

«Одинъ батавъ на нашей службѣ (къ несчастію, германцы вскорѣ будутъ нашими лучшими силами) по имени Байнобаудъ, отыскалъ переправу (эти батавы привычны къ водѣ) и въ одну безлунную ночь, частью идя въ бродъ, частью плывя на связанныхъ снизу щитахъ, достигъ со своимъ отрядомъ ближайшаго поселенія, перебилъ здѣсь все живое, что нашелъ: даже женщинъ, дѣтей, стариковъ, какъ убиваютъ скотъ; затѣмъ нашелъ челноки, привязанные къ берегу, переплылъ на нихъ на другіе острова, погасилъ здѣсь также всякій слѣдъ жизни и вернулся обратно съ богатой добычей. Сначала я почувствовалъ ужасъ, когда въ ночной тишинѣ до меня долетѣли крики избиваемыхъ, а ихъ тростниковыя хижины запылали такимъ яркимъ, багровымъ пламенемъ. Но война скоро пріучаетъ мириться съ необходимостью. Удивительные люди эти германцы! Когда Барбаціо сжегъ мои запасы, я безпокоился о томъ, откуда взять мнѣ хлѣба для гарнизоновъ во вновь укрѣпленныхъ замкахъ, а также для моихъ походныхъ силъ; но тутъ мѣстные жители доложили мнѣ, что аламаны повсюду, куда они успѣли проникнуть, превосходно обработали поля, какъ прилежные земледѣльцы, которые живутъ въ безопасности въ своемъ отечествѣ. Нѣтъ, каковы эти разбойники, бродяги, опустошители! Неужели они считаютъ себя здѣсь, какъ дома?

«Итакъ, мои войска достали хлѣбъ, посѣянный этими прилежными землепашцами-грабителями. Конечно, по большей части онъ былъ купленъ цѣною крови. Мои полевыя войска! Да, теперь предстоитъ выступить въ походъ, гдѣ, какъ я на-

дѣюсь, меня ожидаетъ великая, рѣшительная побѣда. Необходимо сдѣлать Рейнъ снова римскимъ. Я повернулъ къ Цаберну, на сѣверо-востокъ отъ Страсбурга; это—значительная крѣпость, которую не разъ штурмовали аламаны (она запираетъ дорогу внутрь страны), и наконецъ погребли ее подъ пепломъ, послѣ чего бросили пустою, подобно Кёльну. Быстро привелъ я въ порядокъ никогда не разрушавшіяся до основанія укрѣпленія и перевезъ туда аламанскій хлѣбъ, чтобы обезпечить за собою убѣжище и провіантъ на случай отступленія (отъ котораго да избавятъ меня Марсъ и Паллада-Аѳина).

«Отсюда я направлю рѣшительный ударъ на врага. Непріятель, какъ слышно, въ огромномъ количествѣ стремится изъ внутренней Германіи, стягиваясь на правомъ берегу Рейна противъ Страсбурга. Говорятъ, у него свыше тридцати тысячъ войска; у меня же не наберется и десяти тысячъ шлемовъ. *Все* равно, я рискну выступить въ поле, какъ только получу извѣстіе отъ Барбаціо (пятерыхъ посланныхъ отправилъ я къ нему и до сихъ поръ нѣтъ отвѣта), однимъ словомъ, какъ только узнаю, что онъ наконецъ выступилъ изъ Базеля со своими двадцатью пятью тысячами и идетъ на Страсбургъ въ тылъ непріятелю. Тутъ мы аттакуемъ его вмѣстѣ превосходными силами, съ двухъ сторонъ, и тогда горе варварамъ!

«Сегодня я дѣлалъ смотръ своей персо-парѳянской дружинѣ конныхъ латниковъ, которыхъ вызвалъ изо всѣхъ гарнизоновъ.

«Видъ у нихъ великолѣпный! Съ головы до подошвъ закованы эти люди въ плотно прилегающую къ тѣлу чешуйчатую броню, которая покрываетъ голову шлемомъ, шею, спину и грудь—панцыремъ, руки и ноги—наручниками и наколѣнниками; даже пальцы на ногахъ прячутся въ желѣзной чешуѣ, какъ въ чулкѣ. Точно такой же чешуйчатый желѣзный чехолъ защищаетъ коня онъ ушей до бедръ и колѣнъ. Когда эти латники прикрываются узкимъ продолговатымъ щитомъ со стороны поводьевъ, а въ правую руку берутъ обитое желѣзомъ копье, они дѣйствительно кажутся неуязвимыми, какъ мѣдныя изваянія всадниковъ. Ихъ предводитель, изгнанный персидскій князь, состоящій уже давно на нашей службѣ, замѣтилъ, съ какимъ удивленіемъ я разглядывалъ его людей.—Да,—воскликнулъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—ты можешь посмѣиваться про себя, о цезарь! Пока Дарандакъ стоитъ во главѣ вотъ этого

желѣзнаго клубка, никакое бѣшенство германцевъ не опрокинетъ твоихъ рядовъ.—И, дѣйствительно, одинъ видъ такого войска съ его предводителемъ подтверждаетъ эти слова.

«Констанцій посылаетъ мнѣ новаго magister militum, по имени Севера. Это—старый рубака, сѣдобородый, грубый, но, кажется, честный. Конечно, напускная грубость служитъ порою маской лукавства. Однако, Іовіанъ относится къ нему благосклонно, а это значитъ много. Ахъ, даже самую безобразную изъ богинь, Эрисъ, можетъ послать Зевсъ на выручку своимъ сынамъ. Мои силы собственно были слишкомъ ничтожны, чтобъ предпринять съ ними что нибудь; приходилось только прятаться. Вотъ тутъ-то Эрисъ и оказала мнѣ любезность очень кстати. Къ намъ неожиданно подоспѣло сильное подкрѣпленіе. Быстрокрылая богиня полетѣла къ батавамъ, на большой островъ на Рейнѣ, и ожесточила сердца четырехъ областныхъ царей этихъ племенъ такою страшною завистью къ Меровеху и его славѣ у аламановъ и франковъ, что эти цари добровольно—потому что я, дѣйствительно, не могъ принудить ихъ!—отдали въ мое распоряженіе войска своихъ областей, свыше четырехъ тысячъ копій. Это—великолѣпные воины, соединяющіе въ себѣ германскую свѣжесть силъ съ многолѣтнимъ военнымъ опытомъ римлянъ: любо посмотрѣть на такихъ молодцовъ! Батавы считаются испоконъ вѣка (скоро уже четыре столѣтія) самыми лучшими изъ германскихъ воиновъ. Еще со временъ Друза переплыли они не одну рѣку во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта на нашей службѣ: окрасили своею кровью не одно римское поле сраженія. Это войско всѣмъ внушаетъ страхъ. Они даютъ клятву между собою спасать каждаго сотоварища по оружію отъ всевозможныхъ опасностей, рискуя собственной жизнью. Гдѣ только возможно, я стану выставлять ихъ противъ того Меровеха: «всегда германцевъ противъ германцевъ»,—училъ Тиверій. «Алмазъ алмазомъ рѣжется, и на чью бы сторону ни склонилась побѣда, Римъ всегда останется въ выигрышѣ. У этихъ отважныхъ до глупости героевъ только одинъ недостатокъ: ихъ черезчуръ ужь много».

«Имена четырехъ моихъ новыхъ друзей звучатъ также варварски, какъ дико смотрятъ ихъ медвѣжьи, турьи и буйволовы шкуры: «Храмнъ», «Гунтхрамнъ», «Трухтбрехтъ» и «Гримбрандъ». Отвратительно! Точь въ точь карканье болотныхъ

птицъ. Я называю ихъ для краткости: медвѣдь, волкъ, вепрь, туръ. Они смѣются, и это имъ нравится. Очевидно они чувствуютъ собя польщенными.

«Германскіе цари только что просили меня выставить ихъ въ битвѣ противъ своихъ соплеменниковъ. Я далъ слово, въ знакъ своего особаго благоволенія и въ видѣ награды! (Я не трусъ, но не желалъ бы быть на мѣстѣ Меровеха).

«Почему собственно,—спросилъ я ихъ,—вы такъ сильно ненавидите этого царевича?

«Они долго не находили отвѣта отъ изумленія. Наконецъ Туръ безцеремонно воскликнулъ:—Какой вопросъ! Вѣдь онъ нашъ землякъ»!

XIV.

«И вотъ, наконецъ, мнѣ привелось увидѣть собственными глазами позоръ Рима (нѣтъ, нѣтъ, только стыдъ Констанція!) чему я до сихъ поръ не рѣшался вѣрить: Хнодомаръ и его разбойничья братія послали мнѣ—въ подлинникѣ—письма императора; въ нихъ онъ торжественно уступаетъ имъ, какъ своимъ союзникамъ въ войнѣ противъ Деценція, всю землю по лѣвому берегу Рейна, которую они будутъ въ состояніи занять, и этотъ трактатъ скрѣпленъ государственной печатью. Опираясь на него, они требуютъ, чтобъ я очистилъ всю отвоеванную мною область и отступилъ за Сену; по ихъ словамъ, не Римъ, но они сами—настоящіе, признанные договоромъ, владѣльцы всего лѣваго берега: въ противномъ случаѣ—безпощадная война! Я просилъ посланныхъ (эти варвары говорятъ по латыни) дать мнѣ въ руки всѣ три письма, прочитанныя ими вслухъ: дѣйствительно, я не могъ имъ повѣрить, но когда прочелъ, то меня передернуло отъ гнѣва и стыда. Осѣненный внезапнымъ вдохновеніемъ, я разорвалъ всѣ три грамоты—опасныя доказательства ихъ права и нашего позора.

«Ахъ, какъ они разсвирѣпѣли, звѣри Шварцвальда! Одинъ выхватилъ короткій мечъ и прорычалъ:—Ты нарушаешь народное право!—Вы не народы, а разбойничьи орды,—возразилъ я. Онъ чуть не убилъ меня, но моя стража обезоружила дикаря и его двоихъ товарищей. Я удержалъ ихъ въ плѣну, по крайней мѣрѣ, до битвы, чтобъ они не выдали своимъ малочисленность моихъ войскъ, которыя видѣли. Послѣ моей побѣды, пускай бѣгутъ, куда хотятъ; я знаю, это противъ народ-

наго права, но великій Юлій сдѣлалъ то же самое съ другими германцами.

«О, всѣ боги! какой громовой ударъ, какое несчастіе! Мой послѣдній посланный бѣжалъ, остальные въ плѣну. Войско Барбаціо не стоитъ больше въ полѣ. Онъ позволилъ напасть на себя у гальскаго вала къ сѣверу отъ Кольмара, былъ разбитъ и его гнали далеко за Аугстъ: обозъ, вьючныя животныя, обозная прислуга и нѣсколько тысячъ воиновъ погибло. А римская честь! И что же сдѣлалъ мой помощникъ послѣ своего пораженія? Оставшихся у него въ распоряженіи двадцать тысячъ человѣкъ Барбаціо провелъ кругомъ Женевскаго озера и расположилъ на «зимнія квартиры» при августовской жарѣ! Самъ онъ поспѣшилъ къ императору, чтобъ обвинить меня въ неспособности, въ безумной отвагѣ, и потребовать моего отрѣшенія. Какъ теперь поступить? Запереться въ этомъ тѣсномъ, кое-какъ починенномъ вновь, гнѣздѣ, чтобы варвары осадили меня? Невозможно! Ни на какое подкрѣпленіе нельзя разсчитывать; если я не погибну отъ непріятельскаго нападенія, то погибну отъ голода. Вернуться назадъ? какъ далеко? куда? Къ Реймсу на сѣверѣ? къ Труа на югѣ? Вездѣ одно и то же. Вездѣ я буду осажденъ превосходными силами и, прежде чѣмъ подоспѣетъ подкрѣпленіе—отъ Констанція!—буду побѣжденъ мечемъ или голодомъ.

«И, вмѣстѣ съ тѣмъ, уступить обратно страну, уже отвоеванную мною, вторично оставить на жертву варварамъ доведенныхъ до отчаянія жителей провинціи? Это значило бы погасить въ нихъ всякую, внушенную мною, надежду на спасеніе, на возстановленіе Рима. Но, съ другой стороны, какъ рѣшиться съ тринадцатью тысячами разнокалибернаго и разноплеменнаго войска напасть въ открытомъ полѣ на военныя силы грозныхъ варваровъ, въ три раза превосходящихъ насъ численностью? Паду я—падетъ и Галлія. Вотъ труднѣйшій выборъ моей жизни! Тогда, въ Миланѣ, рѣчь шла только о томъ, «долженъ ли Юліанъ сдѣлаться цезаремъ, или умереть»? Теперь же: «должна ли Галлія быть спасена, или погибнуть»? Это могу рѣшить лишь я одинъ. Мнѣ не хочется прибѣгать даже къ совѣту Іовіана. Въ глубинѣ собственной души долженъ я почерпнуть роковое рѣшеніе. Теперь звѣздная ночь. Одинъ, молча, хочу я выйти за городскія ворота. Смотрите на

*

меня сверху, о звѣзды, тѣ же блестящіе боги! Услышьте мою мольбу, мой вопль, и всѣ вы, другія божества! Я не могу принести вамъ жертвъ, увѣнчать вашихъ алтарей. Бѣдный, безпомощный, покинутый, стою я здѣсь и взываю къ вашему милосердію: просвѣтите меня! Пошлите мнѣ въ эту ночь знаменіе, сонное видѣніе. Сдѣлайте это ради царства, не ради меня. Услышьте меня, помогите мнѣ, просвѣтите меня, милосердые боги»!

XV.

Въ тотъ день, когда Юліанъ заносилъ въ свой дневникъ эти слова въ Цабернѣ,—въ лагерѣ, разбитомъ аламанами послѣ переправы черезъ Рейнъ, къ юго-западу отъ Страсбурга,—гдѣ кончается военная дорога, ведущая въ Цабернъ,—шло шумное веселье. Лагерь состоялъ большею частью изъ шалашей, которые такъ искусно и быстро умѣли строить германцы изъ тонкихъ стволовъ и зеленыхъ вѣтвей; палатки—военная добыча отъ римлянъ—употреблялись довольно рѣдко. Въ самомъ лучшемъ изъ этихъ полотняныхъ шатровъ — пурпурная кайма верхней драпировки доказывала, что онъ нѣкогда принадлежалъ лже-императору Магненцію — сидѣли за драгоцѣннымъ круглымъ столомъ, принесеннымъ съ ближайшей римской виллы, семеро союзныхъ царей аламановъ и Меровехъ, батавскій царевичъ. Эти цари различались по степени своего могущества, согласно тому, стояли ли они во главѣ цѣлаго народа, или нѣсколькихъ отдѣльныхъ областей, или всего одной области. Самымъ могущественнымъ считался исполинъ Хнодомаръ, который повелѣвалъ всѣмъ Эльзасомъ, отъ Мюльгаузена на югѣ и дальше священнаго заповѣднаго лѣса въ Хагенау на сѣверѣ; ради его сильнаго войска и испытаннаго геройства въ войнѣ противъ Рима, онъ былъ выбранъ герцогомъ, т. е. главнокомандующимъ въ этомъ походѣ. Изъ остальныхъ: Уръ, Урсицинъ и Вестральпъ имѣли владѣнія въ среднемъ Баденѣ и Вюртембергѣ, которыя переходили за верхній Дунай до Линсгауерна на сѣверномъ берегу Баденскаго озера; Суомару и Гортари принадлежали земли въ долинахъ Шварцвальда, тогда какъ Агенарихъ владѣлъ страною отъ Шварцвальда до Констанца.

Мощныя фигуры воиновъ производили впечатлѣніе медвѣжьей силы со своими здоровенными обнаженными руками и ногами въ короткой національной одеждѣ. Только тутъ и тамъ какая нибудь римская вещь, добытая на войнѣ, разнообразила или дополняла германскій костюмъ и вооруженіе. Однако, у каждаго изъ нихъ непремѣнно былъ плащъ изъ шкуры зубра, тура или медвѣдя, или шубы изъ сшитыхъ вмѣстѣ волчьихъ и вепревыхъ шкуръ, причемъ боевой шлемъ каждаго непремѣнно покрывался натянутой на него головою какого нибудь звѣря съ оставленными на ней рогами или разинутой пастью и бѣлыми клыками. Странно выдѣлялись подъ такими плащами на бронѣ круглыя римскія почетныя бляхи, отломленныя съ добытыхъ на войнѣ доспѣховъ знатныхъ офицеровъ. На столѣ, въ углубленіи драгоцѣннаго римскаго серебрянаго щита—Хнодомаръ самъ снялъ его съ руки Деценція, брата Магненція, раскроивъ ему ударомъ меча и шлемъ, и черепъ,—дымился вепрь, зажаренный цѣликомъ на вертелѣ. Пирующіе отрѣзывали продолговатые куски мяса отъ сочнаго жаркаго съ помощью своихъ кинжаловъ, употребляя вмѣсто тарелки широкій ломоть хлѣба; вокругъ безпрестанно ходили кубки, чаши и германскіе рога для питья наряду съ римскими бокалами изъ серебра, золота и художественно обработанной мѣди. Съ молчаливой досадой смотрѣлъ Меровехъ, какъ трапеза, а еще болѣе возлежаніе за виномъ, затягивались до безконечности; онъ втихомолку вздыхалъ отъ нетерпѣнія и пытался не разъ прервать потокъ громкихъ застольныхъ рѣчей, но напрасно! И вотъ снова самый глубокій кубокъ, въ формѣ золотой башни, осыпанной драгоцѣнными каменьями, дошелъ до Агенариха, немного уступавшаго въ ростѣ Хнодомару. Уже заплетающимся языкомъ началъ онъ, поводя вокругъ широко-раскрытыми голубыми глазами:—Трапезовать хорошо, пить лучше, воевать самое лучшее, а побѣждать—самое великолѣпное. Кажется, я ужь довольно выпилъ; теперь надо подумать о войнѣ и побѣдѣ. Подай-ка мнѣ твой кинжалъ, Вестральпъ.—Онъ царапнулъ себѣ лѣвую руку выше локтя, такъ что оттуда брызнула кровь, которой онъ далъ стечь въ кубокъ въ видѣ башни, и продолжалъ:—Слушайте мою клятву за кубкомъ; я пью его за Браги. Въ предстоящемъ сраженіи я долженъ побѣдить; я пробью желѣзные ряды римскихъ щитовъ, какъ разламываю

вотъ этотъ ломоть хлѣба своими пальцами, или же я паду, гдѣ стою. Въ опьяненіи поклялся я въ томъ, но трезвый сдержу свою клятву.

Тутъ онъ опорожнилъ кубокъ, уронилъ большую мохнатую голову на обнаженныя руки, скрещенныя на столѣ, и немедленно заснулъ съ громкимъ храпомъ. Остальные засмѣялись. Меровехъ хотѣлъ вскочить съ мѣста, но тутъ царь Вестральпъ, сидѣвшій рядомъ, подвинулъ ему бокалъ.—Не хочешь ли и ты произнести клятву за кубкомъ, юный герой?—спросилъ онъ. Меровехъ спокойно подвинулъ золотую башню дальше по столу.—Мнѣ не нужно призывать никакихъ боговъ въ свидѣтели моихъ намѣреній: я ихъ и такъ исполню, даже не высказанныя.—И онъ гнѣвно смотрѣлъ передъ собою; его зеленовато-сѣрые глаза странно блестѣли.—Ну, я замѣчаю,—сказалъ Уръ, сосѣдъ Меровеха съ правой руки,—у тебя уже есть грозный планъ. Я же со своей стороны даю здѣсь клятву надъ кубкомъ: Воданъ, и Тіусъ, и Браги слышатъ мои слова! Я не покину поля битвы, пока буду въ состояніи поднимать вотъ эту руку.

И онъ сдѣлалъ большой глотокъ.—И я также,—воскликнулъ Урсицинъ, вырывая у него бокалъ и принимаясь торопливо пить.—И я! и я! и я!—крикнули остальные, слѣдуя его примѣру.—Ну, а ты, Меровехъ?—спросилъ Хнодомаръ,—ты молчишь?—Да, потому что это само собою разумѣется.—Славно сказано. Но подъ твоими гнѣвно-сдвинутыми бровями зрѣетъ какое-то рѣшеніе,—замѣтилъ Хнодомаръ.—Въ чемъ же оно заключается и къ кому относится?—Къ Байнобауду,—промолвилъ Меровехъ сквозь зубы,—умертвителю женщинъ и дѣтей. До сихъ поръ еще считается позволительнымъ, чтобъ аламанъ бился противъ аламана, франкъ противъ франка на римской службѣ. Но тотъ кровожадный звѣрь не воевалъ, а убивалъ. Беззащитныхъ соплеменниковъ перерѣзалъ онъ ради Рима! Если я до него доберусь... Довольно!—Онъ схватился за рукоятку меча и потомъ началъ такъ:—Позвольте и мнѣ, хоть я несравненно моложе васъ, подать вамъ совѣтъ.—Что же тутъ еще совѣтовать?—воскликнулъ Агенарихъ, пробуждаясь отъ своего полусна.—Мы пойдемъ и задавимъ ихъ руками, вотъ и все!—Но Хнодомаръ кивнулъ головою:—Пусть говоритъ; онъ хорошо знаетъ ихъ—римлянъ.—Лучше насъ всѣхъ,—подтвердилъ Суомаръ.—Ба! но онъ ставитъ ихъ все еще слишкомъ высоко!

Вспомните-ка веселую заячью травлю Барбаціо,—засмѣялся Гортари. — Только цезарь—не Барбаціо, — возразилъ Меровехъ.—А развѣ войска Барбаціо—мы узнали это по ихъ брошеннымъ щитамъ — не были лучшими героями, — тѣми самыми, которые задавали намъ прежде такую горячую работу? — спросилъ Вестральпъ. — Богъ побѣды отступился отъ римлянъ,—воскликнулъ Урсицинъ.—Но онъ какъ будто послалъ имъ своего представителя въ лицѣ этого Юліана, потому что римляне теперь ведутъ войну въ новомъ духѣ съ тѣхъ поръ какъ надъ ними начальствуетъ этотъ юноша, котораго они въ насмѣшку называютъ «философомъ». Полагаю, вы должны были это замѣтить. Его неожиданныя нападенія—сначала на васъ, потомъ на Кёльнъ... Наши приступы постоянно разбиваются въ самый моментъ побѣды объ его рѣшительность.—Да,—воскликнулъ Хнодомаръ,—и мой братъ, Медерихъ, почти такой же сильный и высокій, какъ я самъ, палъ въ первой битвѣ въ единоборствѣ съ этимъ карапузикомъ. Я долженъ отплатить ему кровавой местью; я не люблю оставаться у кого нибудь въ долгу, тѣмъ болѣе за кровь. Его самого, этого коротышку, отыщу я въ предстоящей битвѣ, вытащу изъ ряду закованныхъ въ желѣзо латниковъ, какъ коршунъ цыпленка, прямехонько снесу его къ ближайшему дереву при дорогѣ и размозжу о стволъ его премудрый черепъ, такъ что кровь и мозгъ брызнутъ во всѣ стороны!—Погоди еще,—предостерегъ Меровехъ;—послѣ того какъ онъ порядочно пощипалъ меня подъ Кёльномъ, мнѣ захотѣлось взять его въ плѣнъ. Интересно узнать поближе такого необыкновеннаго человѣка. Я желалъ бы спросить у него кое о чемъ; напримѣръ, во что онъ вѣруетъ... Вотъ почему я нападалъ на Автунъ; но взять его въ плѣнъ мнѣ не удалось. Еще два дня—и крѣпость была бы разрушена. Но тутъ меня ранили и унесли безъ памяти прочь. Во всякомъ случаѣ, съ нимъ нужна осторожность; противъ такого тонкаго полководца нельзя ломить впередъ, ничего не разбирая; пожалуй, можно разбить головою стѣну, если эта голова сидитъ на такой воловьей шеѣ, какъ у Хнодомара, но сѣтку изъ шолковыхъ петлей, которая постоянно подается, ты не пробьешь. Я совѣтовалъ величайшую осмотрительность послѣ первой же его побѣды. Напрасно! Вы допустили постыднымъ образомъ напасть на васъ на берегахъ

Саара. Послѣ того какъ прогнали Барбаціо, я настаивалъ на томъ, чтобы броситься на ничего не подозрѣвавшаго цезаря; тогда мы его отлично бы накрыли, но не тутъ-то было! Вы должны были сначала отпраздновать побѣду тридцатью пятью тысячами попоекъ, какъ водится по старинному обычаю!

— Прежде надо было выждать новолунія,—возразилъ Ходомаръ. — Боги не посылаютъ побѣды передъ новолуніемъ,— замѣтилъ маститый Уръ, поглаживая длинную сѣдую бороду.— Боги, надѣюсь, не такъ суевѣрны, какъ мы сами, почтенный царь. Сверхъ того, они не прочь, чтобы ихъ принуждали; храбрость въ надлежащее время склоняетъ боговъ къ милости. Да, наконецъ, и при успѣхѣ почти бываетъ такъ, какъ будто боги тутъ непричемъ,—прибавилъ Меровехъ съ тонкой усмѣшкой.—Еслибъ мы тогда, не мѣшкая, произвели нападеніе, молодому господчику ни за что бы не сдобровать. Цабернъ лежалъ еще въ развалинахъ, а съѣстныхъ припасовъ у него не хватило бы даже и на шесть дней. Но боги, новолуніе и ваша жажда рѣшили иначе. Потомъ я совѣтовалъ, по крайней мѣрѣ, занять Страсбургъ, гарнизонъ котораго цезарь поспѣшно отозвалъ къ себѣ, узнавъ о бѣгствѣ Барбаціо. Это было бы очень удобно на случай нашего отступленія...—Его не будетъ!—воскликнулъ царь Агенарихъ заплетающимся языкомъ.—«Пожалуй, ты правъ, да не въ ту сторону», — подумалъ про себя Меровехъ и продолжалъ: — Ну, ради того, чтобъ обезпечить намъ прикрытіе и убѣжище... Но нѣтъ, это показалось вамъ ненужной предосторожностью. Я просилъ позволить мнѣ расположить тамъ, по крайней мѣрѣ, половину моего собственнаго войска. — Ишь что выдумалъ! — подхватилъ царь Урсицинъ, добродушно грозя кулакомъ.—Ахъ ты, ловкая бестія! Вѣдь вы, франки, прехитрый народъ и думаете, что мы, тупоголовые аламаны, до того ужь глупы, что ничего не замѣчаемъ. Вы давно высматриваете изъ своихъ болотъ на низины: нельзя ли потихонечку да полегонечку пробраться подальше, вверхъ по прекрасной рѣкѣ Рейну. Конечно, вашей братіи было бы пріятно придвинуться къ Страсбургу и расположиться на верхнемъ Рейнѣ. Ну, нѣтъ, пріятель-франкъ, подожди немного!— Сидите ужь на своемъ мѣстѣ,—поддержалъ Урсицина и Суомаръ.—Когда мы убьемъ послѣдняго римлянина въ Галліи, тогда соберемся гдѣ нибудь вмѣстѣ, напримѣръ, въ Кёльнѣ, и

бросимъ жребій, какъ намъ подѣлить римское наслѣдство—сколько достанется аламану и сколько франку.

Меровехъ смѣрилъ его продолжительнымъ взглядомъ.—Можетъ быть. Пожалуй, наши племена дѣйствительно кинутъ когда нибудь жребій о высшей власти. Но столъ, на которомъ покатятся эти кости, будетъ окрашенъ подъ ними въ кровавый цвѣтъ. Получивъ отказъ на всѣ свои предложенія, я сталъ совѣтовать самымъ убѣдительнымъ образомъ, я заклиналъ васъ, по крайней мѣрѣ, какъ можно скорѣе переправить всѣ наши силы на лѣвый берегъ, занявъ для предосторожности маленькіе покинутые замки; потомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, напасть на цезаря, именно тогда, когда онъ выступилъ изъ Цаберна, отрѣзать ему всякое отступленіе отъ этого единственнаго пункта, на который онъ можетъ опереться, и во всякомъ случаѣ дать сраженіе, какъ можно дальше отъ Рейна. Вѣдь въ случаѣ неудачи...—У насъ не будетъ неудачи, — воскликнулъ Хнодомаръ, спокойно улыбаясь про себя.—Но вы осмѣяли совѣтъ «осторожнаго». Съ невѣроятной мѣшкотностью теряли вы драгоцѣнные дни; а между тѣмъ каждый часъ укрѣпляется Цабернъ; стягивающіеся гарнизоны—пополняютъ римское войско; увеличиваются его продовольственные запасы. А вы то залеживаетесь на боку, то порою кидаетесь драться, очертя голову, если на васъ найдетъ такой стихъ. Но, конечно, вѣдь надо проспаться послѣ тридцати пяти тысячъ попоекъ.

Присутствующіе добродушно разсмѣялись на эти упреки.

— Наконецъ-то, наконецъ вы сдвинулись съ мѣста, но, разумѣется, опять безъ особенной торопливости! Три дня и три ночи понадобились вамъ,—при безпрерывной выпивкѣ въ честь боговъ,—для переправы черезъ рѣку на челнокахъ и плотахъ. Лучше всего поступили всадники, т. е. кони, потому что тѣ пили одну воду и переправлялись вплавь. И вотъ, очутившись на лѣвомъ берегу, вмѣсто того чтобъ съ быстротою стрѣлы налетѣть на врага, вы снова разбили лагерь! Не ради безопасности, что̀ было бы благоразумно—нѣтъ, вы оставили его неукрѣпленнымъ,—но ради того, чтобы справить въ немъ пиръ: великій пиръ рейнской переправы! Друзья, вы пропьете всѣ свои шансы на побѣду. И до сихъ поръ еще мы не двинулись съ мѣста. Подумайте только: если мы дадимъ сраженіе такъ близко къ рѣкѣ и проиграемъ его...—Глупости! — захохоталъ

Агенарихъ и опять заснулъ. — Дайте ему высказаться,—унималъ Хнодомаръ,—тогда я молвлю слово, которое все рѣшитъ.—Мнѣ очень любопытно его послушать!—Итакъ, въ случаѣ неудачи, намъ придется, спасаясь отъ врага, прыгать въ ту же широкую, глубокую рѣку, для переправы черезъ которую вамъ понадобилось сто сорокъ четыре часа и въ добрую пору. Представьте же себѣ, что будетъ, когда римляне бросятся преслѣдовать насъ съ своими парѳянскими стрѣлками изъ лука на быстрыхъ нумидійскихъ коняхъ. Вѣдь тогда мы всѣ будемъ уничтожены!—Слушай, батавъ,—крикнулъ Вестральпъ,—я знаю, ты не трусъ, но рѣчь твоя труслива.—Зачѣмъ же намъ непремѣнно быть побитыми? — спросилъ Гортари. — Если тебѣ страшно,—засмѣялся Урсицинъ,—вернись къ своему отцу Небисгасту. Намъ не нужно твоей тысячи копій.—Потише, братецъ,—остановилъ Хнодомаръ.—Оставьте его,—сказалъ Меровехъ,—на пьяныя рѣчи нечего обижаться.—Скажи только, куда ты клонишь со своей пространной рѣчью?—спросилъ его Уръ.—Обыкновенно, ты немногорѣчивъ,—замѣтилъ Суомаръ.—Да, но здѣсь нельзя скупиться на слово, когда нужно такъ много обсудить.—Ну, хорошо, что же намъ теперь дѣлать?—нетерпѣливо спросилъ Вестральпъ.—Двинуться наконецъ впередъ! Неужели аламановъ,—сыновъ воинственнаго Тіуса,—надо подстрекать къ бою? Но вы опять назначили большое «жертвоприношеніе» передъ выступленіемъ—ради побѣды,—и снова пропадутъ цѣлые часы, пожалуй, полдня, а намъ дорогъ каждый часъ, говорю я вамъ. Заклинаю васъ, оставьте всякія жертвы; выступимъ немедленно!—Извѣстно,—проворчалъ старый Уръ,—что ты не очень-то усерденъ до жертвъ богамъ, саліецъ.

— Возитесь съ ними, сколько угодно, но *послѣ* побѣды. Будь я богомъ, благодарственныя жертвы были бы мнѣ пріятнѣе умилостивительныхъ, потому что первыя предполагаютъ въ человѣкѣ весьма похвальныя чувства, а умилостивительныя—только себялюбивое желаніе и разсчетъ подкупить божество.—Этого я не понимаю,—проворчалъ Вестральпъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго,—подхватилъ Меровехъ—Итакъ, повторю: исправьте то, что еще можетъ быть исправлено послѣ вашихъ безчисленныхъ промаховъ. Прекратите свою жертвенную трапезу и выступите еще ночью.—Напрасная забота!—заключилъ наконецъ Хнодомаръ, махнувъ могучей пра-

вой рукою.—Юный другъ, я далъ тебѣ высказаться, потому что ты говоришь умно, и когда я слѣдовалъ твоимъ совѣтамъ...— Это бывало рѣдко.—Они приводили къ добру. Но на этотъ разъ... Узнайте, друзья мои.—Онъ поднялся съ мѣста и торжественная серьезность, одушевленіе вѣры сдѣлало прекраснымъ, облагородило слишкомъ грубыя черты великана.—Я держу побѣду въ рукахъ также вѣрно и крѣпко, какъ этотъ рогъ, который поднимаю въ честь Донара, моего предка. Это случилось три ночи тому назадъ. Долго не могъ я заснуть: мудрыя, безпощадныя слова Меровеха поколебали меня; я долженъ былъ сознаться себѣ, что, дѣйствительно, много пропущено времени. Безпокойно вертѣлся я на своей буйволовой шкурѣ, но наконецъ заснулъ. И вотъ мнѣ явился Донаръ, мой предокъ, такъ ясно, только гораздо красивѣе своего деревяннаго изображенія въ священной рощѣ: великолѣпно блестѣла, какъ текучій огонь, его рыжая борода; высоко поднялъ онъ молотъ въ мощной рукѣ и заговорилъ:

Блаженный сынъ, утѣшься, вѣрный!
Твоя побѣда рѣшена богами;
Ты побѣдишь и также несомнѣнно,
Какъ несомнѣнно то, что правлю я въ Валгаллѣ,—
Побѣдоноснаго отца великій сынъ,—
Какъ то, что я царю въ Трудвангѣ,
Какъ то, что я теперь явился,
Покрытый славы блескомъ лучезарнымъ.
Сыщи *его*, увѣренный въ побѣдѣ,
Сыщи его на полѣ брани.
Пусть отъ руки твоей падетъ тщедушный цезарь,
Безсильный, жалкій, и за кровь
Ты братнюю отмстишь.
Взмахни своимъ мечемъ тяжелымъ—
Онъ никогда не сломится, не бойся!—
Разбей имъ цезаря блестящій щитъ
И порази чудовищнымъ ударомъ
Сквозь крѣпкій панцырь вражеское сердце.
Повалится съ коня съ предсмертнымъ стономъ
Противникъ твой тебѣ во славу,
Какъ и Донару, предку твоему.

Царь умолкъ въ экстазѣ; вдохновенный взоръ его голубыхъ прекрасныхъ глазъ былъ обращенъ къ верху; съ нѣмой благодарственной молитвой поднялъ онъ рогъ. Тутъ неописуемое воодушевленіе охватило остальныхъ царей. Они вскочили съ мѣстъ, подняли вверхъ рога съ виномъ, выхватывали мечи изъ-за пояса, обмѣнивались рукопожатіями и тѣснились

къ Хнодомару, чтобы пожать ему исполинскую правую руку. Меровехъ также поднялся.

— Значитъ, вы остаетесь пировать? Ну, само собою разумѣется! А я прошу главнокомандующаго позволить мнѣ немедленно выступить одному со своимъ войскомъ.

— Куда?

— Навстрѣчу непріятелю.

— Ты думаешь, что онъ идетъ на насъ?

— Да, если онъ еще не перещеголялъ аламановъ въ глупости.

— Почему?

— У молодаго цезаря нѣтъ выбора. Онъ долженъ искать съ нами сраженія, и онъ сдѣлаетъ это, если я въ немъ не ошибаюсь.

— Знаешь ли ты, откуда онъ идетъ?

— Да, полагаю, что такъ.

— Откуда же?

— Онъ идетъ прямо по старой римской дорогѣ отъ Цаберна сюда. Я посмотрю, нельзя ли что нибудь сдѣлать. Прощайте, цари. Пейте не дольше того, чѣмъ этого требуетъ ваша набожность.

Онъ взялъ плащъ, копье и пошелъ.

— Боги, боги!—ворчалъ Меровехъ, выходя изъ шатра.—Эти ненужные господа, эти вѣчно занятыя существа... Пускай бы они заботились о своихъ дѣлахъ и предоставили мои битвы мнѣ одному. Ужь не ждетъ ли также юный философъ въ Цабернѣ вдохновенія отъ своихъ боговъ въ этотъ часъ? Пускай бы они внушили ему такія же глупости и ниспослали такія же нелѣпыя откровенія, какъ нашему храброму герцогу его боги. Но на это едва ли можно разсчитывать, потому что боги каждаго вѣрующаго поразительно похожи на самого вѣрующаго. Ну, а теперь на коня! Навстрѣчу развязкѣ.

XVI.

Сѣверная область батавовъ выставила приблизительно одиннадцать сотенъ копій; кромѣ нихъ, вокругъ молодаго царевича собралась свита изъ восьмидесяти племовъ, которую онъ обратилъ въ конный отрядъ и также подарилъ коней многимъ изъ

своихъ вассаловъ. Такимъ образомъ, у него было въ распоряженіи почти триста всадниковъ и около девятисотъ человѣкъ пѣхоты.

Тотчасъ послѣ прощанія съ царями, не дожидаясь разсвѣта, Меровехъ выступилъ изъ шумнаго аламанскаго стана со своимъ маленькимъ войскомъ къ сѣверо-западу. Была послѣдняя ночь полнолунія; на слѣдующій день наступало новолуніе. Юноша глубоко перевелъ духъ, выѣхавъ изъ шумѣвшаго лагеря съ его неровнымъ освѣщеніемъ, такъ какъ здѣсь то ярко вспыхивали костры подъ клубами бѣлаго дыма, то тянулись темныя тѣни отъ шалашей. Когда же онъ выбрался на просторъ, его охватило торжественное молчаніе широкой равнины, равномѣрно залитой блѣднымъ, призрачнымъ свѣтомъ мѣсяца.

Царевичъ ѣхалъ далеко впереди своихъ провожатыхъ по военной дорогѣ, которая вела къ Цаберну. Онъ глубоко задумался и наконецъ заговорилъ самъ съ собою:—Сколько людей щеголяли своею мудростью, разсказывая мнѣ объ этой блѣдной планетѣ! И наши мудрыя женщины—кельтскія друидесы—и жрецы Селены, и халдейскіе, и египетскіе звѣздочеты. Сколько различныхъ ученій, сколько сказокъ! Каждый вѣритъ въ то или другое излюбленное безуміе, и благо ему, если онъ вѣритъ еще во что нибудь.

Послѣ полуночи, передъ солнечнымъ восходомъ, западный вѣтеръ какъ будто сталъ нагонять тучи; однако дождь, котораго жаждала истомленная земля, такъ и не собрался. Хотя вдали поминутно мерцали зарницы на сѣверо-западѣ, гдѣ лежалъ Цаберн, но только одна багровая молнія передъ самымъ разсвѣтомъ сопровождалась могучимъ раскатомъ грома, который долго сердито рокоталъ, точно не хотѣлъ уняться. И вотъ, наконецъ, на востокѣ заалѣли облака и солнце залило багровокрасными лучами лагерь аламановъ въ низинѣ надъ Рейномъ. Наступило утро, благодатное и ясное. По краямъ дороги попадались поля, покрытыя спѣлою жатвой; утренній вѣтерокъ пригибалъ къ землѣ спѣлые колосья. Легкія волокнистыя облачка тянулись съ запада къ востоку, нѣжно алѣя на небесной лазури. Изъ разбросанныхъ далекихъ дворовъ поднимались кудрявыя струйки дыма; жаворонокъ, заливаясь громкой трелью, выпорхнулъ изъ влажныхъ отъ утренней росы хлѣ-

бовъ. Вокругъ все было такъ тихо и торжественно среди ландшафта, залитаго утреннимъ свѣтомъ!

Меровехъ приказалъ своимъ всадникамъ мчаться за нимъ во всю прыть, а пѣхотѣ поспѣвать съ возможной скоростью. Странный контрастъ съ этою мирною картиной широко раскинувшихся полей и раннимъ утреннимъ часомъ представлялъ сверкающій оружіемъ конный отрядъ, несшійся впередъ, звеня и гремя доспѣхами, — эта свита Меровеха, избранные воины въ самомъ лучшемъ вооруженіи, слѣдовавшіе за своимъ предводителемъ. Но самъ Меровехъ не блисталъ бранным уборомъ; его темный желѣзный шлемъ не былъ ничѣмъ украшенъ: два большихъ вороновыхъ крыла, воткнутыхъ ему на прощаніе отцомъ по обѣимъ сторонамъ шлема, онъ сбросилъ тотчасъ по отъѣздѣ, говоря:—«Я самъ себѣ Воданъ». Длинныя, волнистыя, темнорусыя кудри меровинговъ разсыпались у него по юношескимъ плечамъ. Матовая броня испанской мѣди, великолѣпной работы, была добычей изъ лагеря бѣжавшаго Барбаціо. Изъ подъ нея виднѣлась голубая шерстяная одежда, доходившая до колѣнъ; легкій круглый щитъ кавалериста былъ помѣченъ знакомъ дома меровинговъ, руною *M* надъ выходящимъ изъ моря драконом. Копье на ременной перевязи царевичъ перебросилъ за спину, потому что его правая рука была занята: на подъемѣ въ гору онъ пустилъ лошадь шагомъ и разсматривалъ полусожженную римскую карту путей сообщенія, которую ему удалось найти въ кучѣ пепла въ Страсбургѣ.

Немного спустя, молодой предводитель громко свиснулъ, снова пустивъ рысью воронаго коня, и за нимъ весело помчался весь отрядъ. Вскорѣ они достигли широкаго ручья, гдѣ Меровехъ велѣлъ остановиться; тутъ онъ отрядилъ посланныхъ навстрѣчу своей пѣхотѣ, а другихъ—обратно въ лагерь съ убѣдительною просьбой немедленно выступать. Послѣ того, съ немногими провожатыми царевичъ поднялся на возвышенность, гдѣ теперь стоитъ Гюртихгеймъ; отсюда можно было ясно прослѣдить дорогу къ Цаберну, на разстояніи цѣлой мили, сначала опускавшуюся, потомъ поднимавшуюся къ Кюттольсгейму; никто не могъ пробраться сюда незамѣченнымъ изъ Цаберна. Послѣ продолжительнаго обзора окрестностей, онъ оставилъ на этомъ пунктѣ пятерыхъ своихъ лучшихъ всадниковъ, приказавъ имъ зорко смотрѣть во всѣ стороны и, завидѣвъ врага, немедленно *предупредить* объ его приближеніи.

— Самъ же я,—сказалъ онъ своему наблюдательному посту,—поѣду назадъ къ герцогу, чтобъ посовѣтовать ему, какъ раздѣлить войска вонъ тамъ внизу, позади насъ, потому что на той равнинѣ—онъ указалъ вдаль копьемъ—будетъ выиграно или проиграно сраженіе.

На восходѣ солнца, около пяти часовъ утра, вывелъ Юліанъ свое маленькое войско—всего тринадцать тысячъ человѣкъ—изъ южныхъ воротъ Цаберна, дѣйствительно, на угаданную Меровехомъ дорогу.

Половину своей конной охранительной стражи выслалъ онъ впередъ подъ командою Іовіана, какъ авангардъ, на развѣдки. По обоимъ флангамъ легіоновъ тянулись справа по широкой дорогѣ, длинною, тонкою цѣпью, конные латники и конные нумидійскіе стрѣлки изъ лука, а слѣва—батавскія вспомогательныя войска. За послѣднимъ легіономъ, который маршировалъ позади такъ называемыхъ prïmani съ громадными метательными машинами, слѣдовалъ обозъ. Послѣ болѣе чѣмъ пятичасоваго перехода, зной августовскаго дня далъ сильно почувствовать себя тяжело вооруженнымъ легіонерамъ. Было около одиннадцати часовъ, когда войско достигло плоской возвышенности надъ Винценгеймомъ — приблизительно въ двухъ километрахъ отъ того мѣста, гдѣ теперь лежитъ Кюттольсгеймъ: чтобы пройти шестнадцать километровъ отъ Цаберна сюда, потребовалось болѣе пяти часовъ.

Тутъ цезарь сдѣлалъ остановку. Онъ хотѣлъ подвергнуть испытанію своихъ солдатъ, узнать ихъ настроеніе, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ему казалось рискованнымъ вести на непріятеля людей, уже и теперь видимо истомленныхъ, принудивъ ихъ къ дальнѣйшему переходу при возрастающемъ зноѣ. Если они выкажутъ себя усталыми, нерасположенными къ битвѣ, тогда онъ хотѣлъ остаться здѣсь, окопаться рвами, окружить свой лагерь валомъ и пойти на приступъ со свѣжими войсками уже завтра, подъ прикрытіемъ Цаберна съ тылу, или выждать здѣсь нападенія варваровъ.

Непріятель, находившійся очевидно въ ложбинѣ, еще не показывался, но когда онъ поднялся на высоту и спустился въ долину Зуффеля, Юліанъ увидѣлъ его линію, растянувшуюся на цѣлыя мили. Однако, передъ столкновеніемъ, онъ

хотѣлъ еще разъ испытать духъ своихъ собственныхъ войскъ. Цезарь приказалъ имъ выстроиться полукругомъ, съ предводителями во главѣ, и сталъ держать имъ рѣчь, сидя на своемъ благородномъ конѣ серебристо-бѣлой масти. Лошадь, недовольная остановкой, била копытомъ въ землю, какъ будто порываясь впередъ съ плохо сдерживаемымъ нетерпѣніемъ, какъ и всадникъ. Ему приходилось съ трудомъ обуздывать горячаго коня. Юліанъ заговорилъ о близости полудня, о плохихъ путяхъ рядомъ съ военной дорогой, по которымъ придется идти послѣ жаркаго дня, въ темную ночь; о недостаткѣ воды на потрескавшейся отъ зноя почвѣ, о неравной борьбѣ натощакъ съ врагами, которые успѣли отдохнуть, подкрѣпить себя пищей и виномъ. Поэтому онъ предложилъ отдохнуть на мѣстѣ остановки, подъ защитой рвовъ, землянаго вала и перемѣнныхъ ночныхъ постовъ, чтобы выступить дальше только на слѣдующее утро, послѣ сна и подкрѣпившись пищей.

Однако, искусная рѣчь, въ которой молодой риторъ сдѣлалъ собравшемуся войску такое предложеніе, не достигла своей цѣли или, пожалуй, наоборотъ. Порывисто, громко и шумно потребовали воины, чтобъ ихъ немедленно вели впередъ на битву.

— Веди насъ, цезарь Юліанъ, мы не боимся подъ твоимъ начальствомъ даже демоновъ преисподней, потому что съ тобой Христосъ Господь! — Такъ воскликнулъ юноша съ темными задумчивыми глазами и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ свою грудь подъ чешуйчатой броней.

Юліанъ замѣтилъ этого человѣка.

— Мы всегда побѣждали ихъ, цезарь, съ тѣхъ поръ какъ я ношу передъ тобою это знамя, — сказалъ старый Боконій, поднимая пурпурный вымпелъ.—Съ тобою побѣда!

— Съ тобою побѣда!—грянули цѣлыя тысячи.

Тутъ, вспугнутый крикомъ, громадный орелъ, который до той минуты незамѣтно описывалъ круги въ вышинѣ, скрытый въ дымкѣ знойнаго воздуха, внезапно шарахнулся вправо отъ римскаго войска; съ громкимъ клекотомъ и быстро махая крыльями, полетѣлъ онъ къ юго-востоку, прямо на аламановъ.

— Слышите? Видите орла, стараго путеводителя нашихъ легіоновъ къ побѣдѣ? — съ воодушевленіемъ воскликнулъ Юліанъ.—Еще сегодня ночью приснился онъ мнѣ во снѣ. Я

принимаю это знаменіе. Да, будетъ такъ, какъ захотѣли вы и орелъ!—необдуманно прибавилъ цезарь.—Впередъ, къ оружію. На коней,—и горе варварамъ!

— И горе варварамъ!—единодушно подхватили тысячи голосовъ.

Люди тотчасъ разобрали сложенные вмѣстѣ щиты и копья, выстроились въ ряды или вскочили въ сѣдла, послѣ чего бодрѣе прежняго двинулись впередъ.

Завидѣвъ всадника, скакавшаго отъ авангарда, цезарь пришпорилъ коня и помчался ему на встрѣчу. Этотъ всадникъ былъ самъ Іовіанъ.

— Аламаны идутъ!—крикнулъ онъ. — Съ вершины вонъ той возвышенности я увидалъ на склонѣ покатаго холма пятерыхъ всадниковъ. Ихъ фигуры рѣзко выдѣлялись на свѣтломъ фонѣ неба. Замѣтивъ насъ, они тотчасъ поскакали прочь по спуску въ долину къ юго-востоку. Тогда мы поднялись на холмъ и увидали передъ собою по обѣимъ сторонамъ дороги далеко раскинувшіяся къ сѣверо-востоку и юго-западу полчища варваровъ. Широкая долина такъ и блеститъ отъ ихъ оружія!

(Продолженіе будетъ).

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

ГАЗЕТА ИЛИ ЖУРНАЛЪ?

I.

Какой-то французскій журналистъ, — кажется, Фукье,—въ предисловіи къ сборнику своихъ фельетоновъ указываетъ на «искреннюю впечатлительность», какъ на главное достоинство такого рода печатныхъ произведеній. «Искренняя впечатлительность» г-на Фукье, по собственному его признанію, доходила до противорѣчій самому себѣ, ибо сегодня данное явленіе находило у него одну оцѣнку, завтра другую, послѣ завтра—третью. Объясняется подобная особенность «искренно-впечатлительнаго» журналиста очень просто. Онъ заботится приподнести публикѣ, во что бы то ни стало, plat du jour. Но событія не спѣшатъ развернуть передъ нимъ всѣ стороны. Сегодня онъ видитъ одну и составляетъ сужденіе на основаніи одной. Завтра выступаетъ другая, и онъ долженъ, принявъ ее въ соображеніе, измѣнить вчерашніе выводы. Послѣ завтра выяснится третья сторона, и первоначальный взглядъ «искренно-впечатлительнаго» журналиста «кувыркомъ, кувыркомъ полетитъ».

Фукье полагаетъ, что «искренняя впечатлительность», доводящая журналиста до явнаго несогласія съ самимъ собою,—его главное достоинство. Конечно, искренность верхогляда симпатичнѣе злостной предвзятости «основательнаго» тупицы, но не свидѣтельствуетъ ли признаніе Фукье о крайнемъ неудобствѣ условій, въ которыхъ находится журналистика? Подносимыя ею «plats du jour» очень смахиваютъ на вокзальную стряпню, быстро уничтожаемую спѣшащими, не имѣющими времени просмаковать ее, пассажирами. Только отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ гостепріимной станціи, пассажиръ начинаетъ давать себѣ отчетъ о достоинствахъ полученнаго обѣда и, конечно, эту критическую оцѣнку нельзя считать своевременной.

Въ аналогичномъ положеніи находится публика, которую каждое утро снабжаютъ торопливой стряпней газетные буфеты. Публика пожираетъ ее, не разбирая степени свѣжести продуктовъ и добро-

совѣстности поваровъ. Эти послѣдніе—въ массѣ не дурные психологи, на сколько психологія касается ихъ части. Они знаютъ вкусъ потребителя и не жалѣютъ пикантныхъ приправъ. Къ тому же каэнскій перецъ, лавровый листъ отлично маскируютъ недоброкачественность продуктовъ. Безцеремонные повара пользуются тѣмъ и другимъ ингредіентомъ до явныхъ злоупотребленій.

«Искренно-впечатлительный» журналистъ, судящій вкривь и вкось о событіяхъ дня, давно утратилъ принципіальный маштабъ. Еслибы маштабъ не былъ утраченъ, журналистъ нимало не поступался бы «искреннею впечатлительностью», мудро выжидалъ бы момента, когда занимающее его явленіе откроется со всѣхъ сторонъ, а пока—судилъ бы о немъ осторожно, воздерживаясь отъ *категорическихъ* выводовъ. Но бѣда газетной журналистики заключается именно въ страсти къ категорическимъ отзывамъ. «Вотъ онъ, Любимъ Торцовъ, передъ тобою живой стоитъ». Весь, какъ на ладони. Вотъ вамъ событіе, о которомъ едва заикнулся телеграфъ—во всемъ значеніи и во всѣхъ послѣдствіяхъ! Опредѣлить значеніе и послѣдствія далеко не выяснившагося событія необыкновенно легко для газетнаго публициста. Отъ него не требуютъ группировки фактовъ, строго провѣренныхъ аргументовъ, обстоятельныхъ и точныхъ ссылокъ. Онъ долженъ прежде всего найти своей мысли остроумную и крикливую формулировку. Разъ мысль формулирована удачно—дѣло уже сдѣлано. Остается варьировать ее, разукрашивать второстепенными подробностями, пикантными аналогіями и т. п.

Журналистъ совершенно безопасно морочитъ читателя. Кто собираетъ и хранитъ газеты? Любителей подобнаго систематическаго, добросовѣстнаго чтенія газетъ очень мало. Имѣющіеся, вѣроятно,—самые не бойкіе изъ читателей. День прошелъ и слава богу! Завтрашнему дню довлѣетъ новая злоба; завтра журналистъ съумѣетъ починить прорѣхи, образованныя фактами на его вчерашнихъ разглагольствованіяхъ. А если прорѣхи обнаружатся не завтра, а черезъ недѣлю, то и чинить ихъ нѣтъ надобности: публика не замѣтитъ и открытаго противорѣчія взглядамъ, высказаннымъ недѣлю назадъ.

Эти условія газетнаго труда (на которыя любятъ ссылаться журналисты—неряхи и хамелеоны) воспитываютъ безпринципность и неуваженіе къ печатному слову въ самихъ дѣятеляхъ его. Чѣмъ шибче мчится впередъ жизнь, чѣмъ больше вышвыриваетъ изъ себя «вопросовъ», тѣмъ труднѣе журналисту угнаться за ней, тѣмъ охотнѣе онъ пользуется «неудобствомъ положенія», чтобы упростить свою работу. Журналистъ не въ состояніи охватить всего, но не желаетъ довольствоваться частью. Какъ же быть? А вотъ какъ:

*

отъ всего нужно урвать по кусочку, обо всемъ нужно сказать, «сколько скажется», дополнивъ недостающее «талантливостью» изложенія, остроуміемъ, находчивостью.

Я понимаю нашихъ газетныхъ глуповцевъ, которые, возмнивъ себя подлинными европейцами, заваленными «злобою дня», начинаютъ пропагандировать украденныя за рубежемъ теоріи о талантѣ, какъ единственно-нужномъ аттрибутѣ журналиста. Насчетъ образованія они пока еще ни то, ни сё, но насчетъ честности и принципіальности окончательно порѣшили, что этого не нужно. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, какой же истинно честный человѣкъ согласится безтрепетно изготовлять «plats du jour», несущія потребителю вѣрный катарръ желудка? Не изготовитъ удовлетворительнаго «plat du jour» и принципіальный писатель. Въ газетной журналистикѣ я не знаю «видныхъ» публицистовъ, отличающихся стойкостью, принципіальностью и честностью въ *строго-литературномъ смыслѣ*.

Изъ настоящаго литератора, посаженнаго за газетную работу, никогда не выдетъ удовлетворительнаго поставщика хлесткихъ «хроникъ» и сенсаціонныхъ обозрѣній: не тотъ матеріалъ!

II.

Прежде чѣмъ перейти къ «выводамъ», посмотримъ, во что обратились собственно наши россійскія газеты, для которыхъ изготовленіе «plats du jour» очень часто сопряжено съ большими, «не зависящими отъ редакціи», препятствіями и непріятностями.

Сначала — «злободневная» часть газеты. На первомъ планѣ — огромный иностранный отдѣлъ, состоящій изъ телеграммъ, корреспонденцій, переводныхъ сообщеній и передовыхъ статей. Если сравнить иностранный отдѣлъ съ внутреннимъ, то у большинства газетъ онъ несоразмѣрно малъ: три-четыре выдержки изъ провинціальныхъ изданій, жиденькая корреспонденція и—«воля ту», какъ говорятъ нижегородскіе французы. Фельетонъ—необходимая принадлежность каждаго газетнаго нумера. «Текущихъ фельетоновъ» сравнительно не много. Разъ въ недѣлю обозрѣваются московскія злобы дня. Онѣ очень часто сводятся къ анекдотамъ о тузистыхъ москвичахъ добраго стараго времени, а еще чаще—къ разглогольствованіямъ о заѣзжихъ и мѣстныхъ театральныхъ знаменитостяхъ. Просто диву даешься, читая «московскія письма» и «московскіе отголоски»: да неужели въ первопрестольной, въ «столицѣ изъ столицъ», въ сердцѣ «необъятной Россіи» за всю недѣлю такъ-таки и не случилось ничего стоющаго вниманія, такъ-таки и не возникло ни одного путнаго вопроса?

Сомнительно; между тѣмъ фельетонистъ утверждаетъ, что не случилось, не возникло. Надо ему вѣрить.

Но московскій фельетонъ все таки «фактическій». Въ томъ его преимущество передъ другими, основанными исключительно на разглагольствованіяхъ. Какихъ только интересныхъ и важныхъ вопросовъ не касаются обитатели газетнаго подвала? И литературную этику они обсуждаютъ, и проэкты переустройства общества сочиняютъ, и дворянство на нѣтъ сводятъ, и астрономію безпокоятъ, и бациллы съ микробами сопрягаютъ, и политическіе союзы мастерятъ, и композиторовъ поучаютъ, и художникамъ даютъ смѣлые уроки, и техниковъ пробираютъ, и даже «пролетаріатъ проповѣдуютъ». Я долго не кончилъ бы, еслибы занялся подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ подвиговъ газетныхъ фельетонистовъ, которымъ статья въ 500—600 строкъ представляется длиннѣйшей диссертаціей. Что же? Мы жить торопимся и чувствовать спѣшимъ. Намъ некогда писать длинныхъ статей; еще менѣе времени для ихъ прочтенія.

Впрочемъ, газеты и длинныхъ статей не боятся. Отъ времени до времени, онѣ печатаютъ изслѣдованія, поражающія своей пространностью и обстоятельностью. Какъ упрекать газету, послѣ того, въ легкомысліи? Но здѣсь новая бѣда. Пространныя и обстоятельныя изслѣдованія не соотвѣтствуютъ понятіямъ о «plats du jour», а читатель привыкъ именно къ послѣднимъ. Поэтому вотъ что происходитъ. Громадное большинство вовсе не интересуется обстоятельными изслѣдованіями. Незначительная часть пробѣгаетъ ихъ въ разбивку. Сегодня было время—прочелъ сотню строкъ; завтра не будетъ времени—не прочтетъ ни одной; послѣ завтра, утративъ уже нить, прочтетъ опять сотню строкъ изъ начала, конца и середины. Можете представить, какъ много вынесетъ читатель изъ подобнаго ознакомленія съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ? Между тѣмъ, иначе и не ознакомляются. Исключеній нельзя брать въ разсчетъ.

Но обстоятельныя изслѣдованія все таки рѣдкость въ газетѣ. Обыкновенно тамъ обсуждаются вопросы совершенно иначе и ужь, разумѣется, не обстоятельно... Возникаетъ, напримѣръ, вопросъ о «ростовщическихъ» принципахъ земельныхъ банковъ. Сейчасъ появляется «письмо въ редакцію»: «М. Г. Земельные банки упрекаютъ въ слѣдованіи ростовщическимъ принципамъ. Это невѣрно. Если банки дѣйствительно берутъ съ заемщиковъ по нѣскольку цѣлковыхъ *какъ бы* лишнихъ, то кому отъ того вредъ? Въ отдѣльности каждый заемщикъ легко уплачиваетъ нѣсколько *какъ бы* лишнихъ рублей, въ общей же сложности получаются милліоны, что для акціонеровъ очень важно и о чемъ уже стоитъ говорить. Очевидно, что нападки на земельные банки неосновательны. Примите и пр. Акціонеръ».

На другой же день, въ редакцію мчится другое письмо: «М. Г. Въ сегодняшнемъ № вашей высокопочтенной газеты, г. Акціонеръ доказываетъ, что каждому изъ заемщиковъ земельныхъ банковъ нетрудно уплатить нѣсколько какъ бы лишнихъ рублей въ годъ, а что для акціонеровъ это важно, потому что изъ нѣсколькихъ какъ бы лишнихъ рублей составляются милліоны рублей, уже вовсе не лишнихъ. Позвольте спросить черезъ посредство вашей уважаемой газеты г. Акціонера: чѣмъ же мы, сельскіе хозяева и землевладѣльцы, хуже акціонеровъ, и почему вовсе не лишніе милліоны должны перекочевывать изъ нашихъ въ ихъ карманы, а не оставаться въ нашихъ? Странныя разсужденія и совершенно непонятныя! Да и кто можетъ говорить за другаго, что ему ничего не стоитъ уплатить въ годъ нѣсколько какъ бы лишнихъ рублей?? Примите и пр. Перезаложившійся землевладѣлецъ».

Вопросъ исчерпанъ, распря умиротворена редакціонною статьею, доводы которой цѣликомъ взяты изъ письма г. Перезаложившагося землевладѣльца. Вы возразите, что въ иныхъ доводахъ нѣтъ и надобности, ибо доводы г. Акціонера всѣ-де опровергнуты и разбиты. Очень хорошо, но вѣдь сущность-то дѣла сводится не къ полемикѣ съ г. Акціонеромъ—предоставьте ее г. Перезаложившемуся землевладѣльцу—а къ разсмотрѣнію всего вопроса цѣликомъ. Тутъ, стало быть, нужно затронуть и исторію возникновенія земельныхъ банковъ, и условія, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство, и общее экономическое положеніе страны, и т. д., и т. д. Подобное отношеніе къ вопросу, очевидно, выходитъ за предѣлы понятія о «plats du jour». Газетѣ нѣтъ выбора. Или опять принимайся за «обстоятельныя изслѣдованія», которыхъ никто не читаетъ, или своди дѣло къ верховному суду надъ полемикой между г. Акціонеромъ и г. Перезаложившимся помѣщикомъ.

Послѣднее, конечно, наиболѣе удобно и «газетно».

III.

Совершенно также обсуждаются и другіе вопросы. Газета не охватываетъ всѣхъ сторонъ сразу и не старается примирить противорѣчій. Ясно, что отсюда проистекаютъ самыя печальныя послѣдствія. Читатель пріучается къ верхоглядству, къ легкомысленному третированію важныхъ предметовъ, къ всезнайству и болтовнѣ.

Чего же вы хотите отъ газетъ, не допуская спѣшнаго обсужденія текущихъ злобъ дня? — спросятъ меня любители «plats du *jour*».

А вотъ чего. На первомъ планѣ у газеты должны быть фактическіе отдѣлы. Далѣе — статьи на тему сегодняшнихъ фактовъ, но статьи не категорическія, не претендующія на окончательное разрѣшеніе часто не выяснившихся еще вопросовъ, а сдержанныя, осторожныя, краткія, освѣщающія лишь тѣ стороны явленій, которыя уже стали извѣстны. Отъ обстоятельныхъ изслѣдованій, отъ беллетристики, отъ псевдо-научныхъ и псевдо-критическихъ экскурсій газетамъ непремѣнно слѣдуетъ отказаться. Вѣдь, пробавляясь подобнымъ матеріаломъ, онѣ забираются въ неподлежащую область и мѣшаютъ установленію правильныхъ взглядовъ на *журналистику* и *литературу*. Понятіе о *журналистикѣ* необходимо различать отъ понятія о *литературѣ*. Въ прошломъ обозрѣніи я указывалъ на крайне прискорбные результаты смѣшенія этихъ двухъ понятій. По самому существу своему, газетное дѣло нуждается въ участіи лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ литературой. Репортеры и корреспонденты составляютъ душу газеты, а какіе же они литераторы? Хроникеры и авторы передовыхъ статей на злобы дня—ремесленники, обязанные вдохновляться тѣмъ, что ихъ вовсе не вдохновляетъ, и постоянно имѣть «bonne mine au mauvais jeu». Вѣчная спѣшка, вѣчная погоня за самымъ новымъ дѣлаетъ ихъ неразборчивыми въ литературныхъ пріемахъ. До извѣстнаго предѣла они сознаютъ важныя погрѣшности своей работы, но съ теченіемъ времени это сознаніе утрачивается и поверхностная болтовня о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, кажется имъ вполнѣ удовлетворительнымъ *литературнымъ* трудомъ.

Газетные нравы не могутъ стоять высоко, потому что слишкомъ часто подвергаются искушеніямъ, и потому еще, что эти искушенія выпадаютъ на долю людей, не связанныхъ *литературными* традиціями, не преслѣдующихъ никакихъ принципіальныхъ цѣлей, не видящихъ въ доставленіи извѣстій или фельетонныхъ замѣтокъ благороднаго *искусства*, которое можетъ процвѣтать лишь въ чистой и здоровой атмосферѣ. Покладистость репортера, музыкально-театральнаго «рецензента», автора «хроникъ» кидаетъ отблескъ на всю газетную компанію, а такъ какъ общество еще плохо различаетъ журналистику отъ литературы, то широкія тѣни, бросаемыя газетной компаніей, ложатся и на нее.

Вотъ главнѣйшее зло, вотъ почему люди, дорожащіе святыми интересами *литературы*, обязаны по всѣмъ перекресткамъ звонить, что журналистика и литература не одно и то же, что *литература*, по самому существу своему, не можетъ быть безнравственной или нечестной, что газеты, тоже по самому существу своему, частію

пришли, частію придутъ къ нравамъ, достаточно выяснившимся хотя бы изъ процесса французскихъ панамистовъ.

Газетная этика совсѣмъ другая, чѣмъ литературная, и явленія она захватываетъ совершенно другія. Возьмемъ примѣръ. Къ редактору газеты является дѣлецъ и излагаетъ планъ блестящаго финансоваго предпріятія. Редактору извѣстно, что дѣлецъ пользуется отличной репутаціей; предпріятіе ему кажется имѣющимъ всѣ шансы на успѣхъ и не содержащимъ никакихъ предосудительныхъ элементовъ. Дѣлецъ проситъ поддержать это предпріятіе, сдѣлать рекламу, привлечь возможно больше кліентовъ. Отчего не поддержать честнаго предпріятія (насколько вообще честны финансовыя предпріятія), но съ какой стати, опять таки, поддерживать, когда главнѣйшая выгода—на сторонѣ антрепренеровъ, когда массѣ населенія оно, подобно тысячѣ другихъ финансовыхъ предпріятій, не принесетъ ни малѣйшей доли барыша, приносимаго участникамъ, когда вообще финансовыя предпріятія—лишь необходимое до поры до времени зло? Очевидно, принципіальная сторона здѣсь отсутствуетъ; остается одна комерческая сторона. Газета, озабоченная изготовленіемъ «plats du jour», не можетъ игнорировать новаго финансоваго предпріятія. Она должна высказаться о немъ, по традиціи, категорически—за или противъ. Высказываться противъ—нѣтъ причинъ; безкорыстно высказаться *за*—наивное великодушіе. Дѣлецъ получитъ свою львиную долю; другіе дѣльцы тоже получатъ львиныя доли, а газета, помогшая ихъ успѣху, до извѣстной степени даже создавшая этотъ успѣхъ, не получитъ ничего! Положеніе тѣмъ болѣе курьезное, что въ него попадаетъ комерсантъ.

Но дѣлецъ приходитъ на помощь: онъ устраняетъ дальнѣйшія колебанія, любезно предлагая принять участіе въ будущихъ несомнѣнныхъ прибыляхъ, получивъ теперь же, авансомъ, ту или иную крупную сумму. Вы негодуете, возмущаетесь, кричите: «панамисты»! Но это—лицемѣріе и зависть. Кромѣ того, это результатъ непониманія различія между журналистикою и литературой. Газетная этика оправдываетъ журналиста. Онъ потрудился и получилъ вознагражденіе за трудъ. Что же тутъ безнравственнаго, почему *онъ* долженъ оказывать услуги а *его* не слѣдуетъ «благодарить» за нихъ?

Конечно, не всѣ газеты откровенно примѣняютъ принципы, непремѣнно *общія* всѣмъ газетамъ. Литераторъ имѣетъ свободный выборъ и останавливается изъ тысячи вопросовъ на любомъ. Часто книжка толстаго журнала не отвѣчаетъ ни на одну злобу дня, раздутую газетами. Условія литературнаго труда тоже совершенно иныя, чѣмъ условія труда газетнаго. Поставщикъ «plats du jour» подаетъ

ихъ съ пылу, съ жару. Литераторъ, не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ газетнымъ буфетамъ, обязуется разсматривать и обсуждать явленія всесторонне, не спѣша и не отыгрываясь хлесткими словами. На протяженіи нѣсколькихъ листовъ читатель имѣетъ время и возможность замѣтить всѣ погрѣшности, недомолвки, передёржки, предвзятость, неточность ссылокъ и т. д., и т. д. Оттого литературная извѣстность создается гораздо труднѣе, чѣмъ газетная, и оттого литераторы быстрѣе теряютъ кредитъ, чѣмъ газетчики. Ознакомившись съ двумя, тремя статьями малоспособнаго литератора, вы уже составляете себѣ мнѣніе о немъ. Доказать основательность мнѣнія очень легко. Тутъ, дѣйствительно, «Любимъ Торцовъ живой стоитъ». Разсматривайте его, сколько угодно. Личность автора, также точно, какъ и явленіе, имъ разбираемое, ничѣмъ не заслонена.

Что дѣло обстоитъ именно подобнымъ образомъ, легко убѣдиться изъ слѣдующаго. Объ упадкѣ литературы и литературныхъ нравовъ у насъ кричатъ на всѣхъ перекресткахъ. Почему? Потому что прочтетъ критиканствующій обыватель повѣсть, статью или поэму и ничего неяснаго для него не остается. Повѣсть, статья, поэма или понравились, или не понравились. Если не понравилось подъ рядъ три повѣсти и показались бездарными подъ рядъ три поэмы—кричи объ упадкѣ литературы. Сравненія уже готовы, на сцену выступаютъ Пушкинъ, Тургеневъ, Толстой—безспорные гиганты литературы. Съ ними соперничать очень мудрено даже вполнѣ процвѣтающей, но лишенной крупныхъ талантовъ, литературѣ—не говоря уже о литературѣ декаданса.

Между тѣмъ, объ упадкѣ газетной журналистики никто не кричитъ. Во-первыхъ, съ какой стати кричать, если газеты «разносятъ» не по днямъ, а по часамъ, если онѣ сверху до низу набиты «матеріаломъ», и если этотъ матеріалъ—интересенъ? «Plats du jour» придаютъ газетамъ пикантность; беллетристика, научныя и критическія статьи создаютъ иллюзію литературы; спѣшное проглядываніе громаднаго печатнаго листа мѣшаетъ вникать въ точный смыслъ «матеріала», не даетъ замѣтить постоянныхъ противорѣчій, страшной безграмотности корреспонденцій и репортерскихъ замѣтокъ, дурнаго стиля передовицъ и «хроникъ».

Наконецъ, кто же больше газетъ кричитъ объ упадкѣ современной литературы? Кто высмѣиваетъ беллетристовъ и поэтовъ, которые, какъ они ни плохи, все же безконечно выше газетныхъ строчилъ, жалкихъ невольниковъ «злобы дня», чуждыхъ «принципіальности» и вѣры въ пользу своей завѣдомо-недобросовѣстной работы.

IV.

Распространеніе газетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ у насъ существуютъ, — величайшее несчастіе для литературы. У газетъ имѣется своя область и забираться въ чужую имъ нѣтъ надобности. Между тѣмъ, въ погонѣ за подписчиками, которыхъ невозможно соблазнить однѣми «plats du jour», газеты пустились на совершенно непозволительные фокусы. Онѣ фальсифицируютъ иллюстрированные журналы, выбрасывая каждую недѣлю листикъ-другой съ отвратительными рисунками и портретами, могущими одинаково успѣшно изображать, какъ Бисмарка, такъ и Гладстона. Свободное отъ рисунковъ и портретовъ мѣсто заполняется оригинальными и переводными повѣстушками, статейками и т. п. Что это такое? Иллюстрированный журналъ? Нѣтъ, потому что иллюстрированные журналы издаются на совершенно иныхъ началахъ, даютъ несравненно больше и, иногда изящнѣе. Воскресное иллюстрированное приложеніе къ газетѣ—только жалкое подражаніе иллюстрированному журналу, и разсчитано на простодушіе читателя, который повѣритъ, что, получая разъ въ недѣлю листокъ съ картинками, онъ вполнѣ избавленъ отъ необходимости выписывать еженедѣльный журналъ, ибо имѣетъ уже его.

Въ свою очередь, еженедѣльные журналы, нашедшіе неожиданнаго конкуррента въ лицѣ газеты, принуждены бороться за существованіе, переходя границы отмежеванной имъ области. Подобно тому, какъ газеты фальсифицируютъ иллюстрированный еженедѣльный журналъ, иллюстрированный еженедѣльный журналъ начинаетъ фальсифицировать ежемѣсячный толстый журналъ. Понятно, что фальсифицированный толстый журналъ также похожъ на подлинный, какъ воскресный газетный листокъ—на еженедѣльную иллюстрацію.

Теперь спрашивается: гдѣ же выходъ изъ заколдованнаго круга? Газета, преслѣдующая вовсе не тѣ цѣли, которыя должна была бы преслѣдовать, дѣйствуетъ въ подрывъ иллюстрированному и толстому журналу, отнюдь не достигая усовершенствованія собственной части. Иллюстрированный журналъ пробуетъ соперничать съ толстымъ и теряетъ смыслъ своего существованія. За всѣхъ и за все расплачивается толстый журналъ—единственный подлинный представитель *литературы*, какова бы она въ данный моментъ ни была.

Въ видахъ литературнаго воспитанія и просвѣщенія общества, толстому журналу нужно пожелать самыхъ благопріятныхъ условій.

Еслибы дѣло касалось одной только матеріальной стороны, не стоило бы начинать разговора, но дѣло касается сторонъ болѣе существенныхъ. Западно-европейское общество достигло извѣстной высоты культурности, и никакими фальсификаціями его провести нельзя. Французъ или англичанинъ ясно сознаютъ, что «Temps» или «Times» не могутъ замѣнять «Revue des deux Mondes» или «Эдинбургскаго обозрѣнія», что миссія газеты, миссія иллюстраціи и миссія толстаго журнала — различны, что газетная работа не имѣетъ ничего общаго съ журнальной, литературной и т. п.

У насъ, пользуясь неразвитостью публики, стремятся доказать пользу «замѣны» фальсифицированнымъ журналомъ—настоящаго, и неразвитая публика вѣритъ. Это—въ полномъ смыслѣ слова невозможное положеніе, ужасъ котораго усугубляется индивидуальными особенностями читателя, котораго развращаютъ. Юношу стараются остеречь отъ чтенія книгъ, сомнительныхъ по своему вліянію. Нашего юнаго читателя не только не остерегаютъ, но завѣдомо обманываютъ и ради чего? Ради нѣсколькихъ тысячъ барыша, идущаго въ карманъ газетнаго антрепренера. Да вѣдь это хуже всякихъ «publicités», безнравственнѣе поборовъ съ содержателей театровъ и мзды отъ эксплуатирующихъ публику дѣльцовъ!

Попробуйте поставить вопросъ такъ: необузданная алчность газетъ, пускающихся, въ видахъ наиуспѣшнѣйшаго уловленія подписчиковъ, на самыя предосудительныя хитрости, съуживаетъ и безъ того ограниченный кругъ подписчиковъ толстыхъ журналовъ, лишаетъ этихъ послѣднихъ возможности сдѣлать рядъ необходимыхъ улучшеній, и тѣмъ наноситъ ущербъ правильному литературному развитію общества. Васъ поднимутъ на смѣхъ, васъ обзовутъ торгашемъ, и къ тому еще циничнымъ торгашемъ. Между тѣмъ, дѣло ясно. Толстому журналу также необходимы подписчики, какъ и газетѣ, и даже больше, потому что газеты пользуются еще доходомъ съ объявленій. Въ интересахъ литературы, нужно желать, чтобы внѣшнія условія, въ которыхъ находится теперь дѣло изданія толстаго журнала, радикально измѣнились. Въ то время какъ газеты и иллюстраціи прибѣгаютъ, съ цѣлью расширить кругъ читателей, къ самымъ торгашескимъ и безцеремоннымъ пріемамъ, толстый журналъ остается неизмѣнно вѣренъ изстари выработаннымъ традиціямъ. Очевидно, онъ и долженъ оставаться вѣренъ имъ, но «пресса» и иллюстраціи—должны онѣ или не должны, къ собственной же выгодѣ, позаботиться объ измѣненіи совершенно безсмысленнаго порядка? Когда нибудь я посвящу одно изъ моихъ обозрѣній вопросу о газетномъ и журнальномъ издательствѣ. Полагаю, что этотъ вопросъ и немаловаженъ, и интересенъ. Теперь же, разъ рѣчь зашла о не-

нормальныхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыхъ находится изданіе толстыхъ журналовъ, укажу на другія стороны того же дѣла.

Извѣстно, что книжная торговля у насъ не процвѣтаетъ. Разный хламъ, соблазняющій покупателя дешевизною и сенсаціонными заглавіями, еще находитъ сбытъ, но дѣльная книга положительно—не ко двору русской читающей публикѣ. Однако, судьба дѣльной книги была бы навѣрно счастливѣе, еслибы «люди печатнаго дѣла» не подставляли другъ другу ножку самымъ неблагоразумнымъ образомъ. Остановимся на примѣрѣ библіотекъ, этихъ будто бы проводниковъ просвѣщенія. Кто станетъ спорить, что главная масса частныхъ библіотекъ изъ «проводниковъ просвѣщенія» давнымъ давно обратилась въ лавочку, торгующую лишь товаромъ текущаго дня. Такъ называемая «фундаментальная часть» библіотекъ, наиболѣе важная для просвѣтительныхъ цѣлей, всегда очень и очень слаба. Зато библіотеки выписываютъ новые книги и журналы, и за два рублишка въ мѣсяцъ вы можете читать и «Вѣстникъ Европы», и «Русскій Вѣстникъ», и «Наблюдатель», и «Русскую Мысль», и «Русское Богатство»—тотчасъ же по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Вы можете читать также всѣ новыя книги, нисколько не заботясь объ ихъ пріобрѣтеніи.

Положительно, такую постановку библіотечнаго дѣла нужно признать тормозомъ истиннаго просвѣщенія общества. Во-первыхъ, кліенты библіотекъ по 1-му разряду, вносящіе 10—15 рублей залога и 2—3 рубля ежемѣсячной абонементной платы—люди далеко не бѣдные; во вторыхъ, просвѣщеніе, зиждущееся на послѣдней книжкѣ журнала и вообще на послѣдней новой книжкѣ, конечно, просвѣщеніе слишкомъ поверхностное. Миссія библіотекъ должна заключаться въ томъ, чтобы давать возможность всѣмъ и каждому, за небольшую плату, знакомиться съ капитальными произведеніями по литературѣ, искусствамъ, исторіи, различнымъ наукамъ и т. п., но вовсе не въ томъ, чтобы удовлетворять любопытство людей, охотно уплачивающихъ порядочныя деньги за ложу въ оперномъ театрѣ и считающихъ цѣлковый, истраченный на покупку книги, напрасно брошенными деньгами. Развѣ рѣдкость встрѣтить въ библіотекѣ даму, пріѣхавшую на «собственной резинѣ», ливрейнаго лакея, получающаго книги по барской запискѣ, воспитанника привилегированнаго учебнаго заведенія и т. д., и т. д.?!

Чтобы наше книжное дѣло развивалось, необходимо смотрѣть на него именно какъ *на дѣло*. Почему авторъ и издатель должны благотворить самой состоятельной публикѣ и вообще публикѣ, которая, въ другихъ случаяхъ, безъ разговоровъ оплачиваетъ чужія услуги и требуетъ оплаты собственныхъ. Тутъ можно было бы

вспомнить о докторской и адвокатской таксахъ, объ очень милыхъ и остроумныхъ проэктахъ закабаленія не только докторскаго и адвокатскаго *труда*, но и *искусства*. Нельзя понять, въ силу какихъ законовъ логики общество требуетъ отъ представителей «либеральныхъ профессій»—самопожертвованія, идеальнаго безкорыстія, всевозможныхъ альтруистическихъ качествъ, не налагая *на себя* ни одной соотвѣтствующей обязанности. Тутъ кроется сильное недоразумѣніе. Общество создало извѣстный строй жизни; во всѣхъ случаяхъ, касающихся личной выгоды, оно заботливо охраняетъ даже завѣдомо-дурныя стороны его. Главный принципъ этого общества: ничто не дѣлается даромъ. А просвѣщаться оно хочетъ совсѣмъ даромъ; книги и журналы ему нужно давать даромъ, авторскія права надо упразднить, талантливаго юриста—поставить на одну доску съ ремесленникомъ-ходатаемъ, европейски-извѣстнаго врача приравнять въ правахъ къ думскому «безплатному»...

V.

Возвращаюсь къ вопросу, съ котораго началъ. Газетное, журнальное и книжное дѣло до тѣхъ поръ не дождутся правильной постановки, пока общество не будетъ имѣть правильныхъ взглядовъ въ отношеніи каждаго дѣла. Особенно важно, чтобы понятіе о журналистикѣ не сливалось съ понятіемъ о литературѣ. Газеты могли бы сами посодѣйствовать выясненію этого важнаго вопроса, и не только словомъ, но и «поступками». Если онѣ откажутся отъ нелѣпой идеи давать *какъ можно больше*, не различая газетнаго матеріала отъ журнальнаго—обѣ стороны будутъ удовлетворены. Пріучивъ публику видѣть въ газетѣ поставщицу исключительно фактическаго матеріала; довольствуясь по части «литературной» одними «plats du jour», наши Таймсы и Фигаро прочно застрахуютъ себя отъ неожиданной и нелѣпой конкурренціи, переставъ, въ то же время, конкуррировать съ иллюстрированными и иными *болѣе литературными* изданіями. Тогда иллюстрированныя изданія почувствуютъ подъ собою прочную почву и, работая лишь въ *своей* области, перестанутъ фальсифицировать толстые журналы и вносить тѣмъ въ умы нашей малоразвитой публики вредную путаницу.

Впрочемъ, меркантильность современныхъ газетныхъ и иллюстрированныхъ предпринимателей застилаетъ имъ глаза и мѣшаетъ видѣть вещи въ подлинномъ освѣщеніи. Вѣроятно, такъ съ застланными глазами они и дойдутъ до всеобщаго краха, который отрезвитъ шельмоватыхъ или ужь черезчуръ зарвавшихся издателей.

Что жь, поживемъ—увидимъ!

К—скій.

Изъ вечернихъ пѣсенъ.

(Маріи Конопницкой).

Я пойду далеко, полечу на волю,
Надъ горами вихремъ, по землѣ—рѣкой,
По лачугамъ—пѣсней, тишиной—по полю,
Гдѣ колышетъ вѣтеръ колосъ наливной.
Пролечу я шумомъ надъ лѣсной рапной,
Ночью стану тѣнью и лазурью днемъ,
Я пройду по лугу свѣтлой паутиной,
Въ вёдро—красной зорькой; радугой съ дождемъ.
Пролечу потомъ я надъ людской темницей...
Тамъ въ поту кровавомъ стонутъ города,
Облечу лачуги сказочной жаръ-птицей,
Гдѣ томится-плачетъ жалкая нужда.
Я сердца обвѣю радостными снами,
Заблещу звѣздою имъ издалека...
Всю пройду я землю тихими шагами,
Какъ ни безгранична, какъ ни велика!
Соберу я слезы горькою росою
И въ рукахъ я слезы эти понесу
Къ тѣмъ лучамъ далекимъ, что всегда зарею
Зажигаютъ въ небѣ чудную красу.
И меня, быть можетъ, озаритъ лучами
Солнце, надъ могилой восходя бойцовъ,
И осушитъ слезы жаркими устами,
Какъ росу ночную съ чашечекъ цвѣтовъ.

Мих. Гербановскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Значеніе мира съ Бисмаркомъ.—Тарифная политика и здравый смыслъ.—Новые взрывы въ Парижѣ и новый герой на смѣну Вальяна.—Парламентскія пререканія и анархистскія любезности.—Комунары въ законодательной палатѣ.—Разоблаченія о состояніи французскаго флота.—Неурядица въ колоніяхъ.—Увеличеніе пошлины на привозный хлѣбъ.—Ріомскій процессъ.—Болгарская офенбахіада.—Дорогой гость, хозяйничающій въ Сербіи.—Положеніе Испаніи.—Еврейскія продѣлки.

Если Франція кончила прошлый годъ поднесеніемъ политическому міру Европы сюрприза въ формѣ попытки взорвать на воздухъ палату народныхъ представителей, то и Германія, въ началѣ нынѣшняго года, удивила все культурное общество, заключивъ миръ съ Бисмаркомъ въ лицѣ верховнаго вождя германской расы. Самодержавный императоръ, объявившій открыто, не смотря на всѣ конституціи и парламенты, что воля его—высшій законъ (suprema lex—regis voluntas) обратился съ такими авансами къ опальному канцлеру, у котораго онъ отнялъ власть самымъ рѣзкимъ и неделикатнымъ образомъ, что Бисмаркъ не могъ отказаться отъ приглашенія явиться въ Берлинъ и исполнить свою роль въ офиціальной сценѣ примиренія. Насколько искренно и сочувственно оба дѣйствующія лица отнеслись къ этой сценѣ, мы не будемъ касаться этого вопроса, ибо «сердце человѣка — кладезь недосягаемый»; но, во всякомъ случаѣ, пріѣздъ Бисмарка, хоть и отправившагося обратно въ тотъ же день, произвелъ сильное впечатлѣніе и принадлежитъ несомнѣнно къ выдающимся событіямъ нашего времени. Было что-то ненормальное, неловкое въ отношеніяхъ монарха въ своему подданному, стоявшему столько лѣтъ во главѣ правленія и оказавшему немало услугъ если не Германіи, то своему отечеству—Пруссіи, а теперь рѣзко отзывавшемуся о ея политикѣ въ органахъ печати. Конечно, каждый публицистъ имѣетъ право высказывать свое мнѣніе о правительственныхъ мѣрахъ, но когда ихъ осуждаетъ лицо, бывшее правителемъ государства, оно не можетъ не прислушиваться къ его голосу. И въ настоящемъ случаѣ общественное мнѣніе было на сторонѣ стараго канцлера. Не одни дипломаты, но и всѣ

культурные классы въ Европѣ видѣли ясно, что нѣмецкая политика, и безъ того уже не отличавшаяся устойчивостью, при новомъ курсѣ пошла такою кривою дорогою, что не могла не возбуждать всеобщихъ опасеній. Голосъ Бисмарка все чаще и рѣзче раздавался въ его гамбургской газетѣ, указывая на ошибки и промахи имперскаго правительства. Онъ возставалъ и противъ торговыхъ договоровъ 1891 года, которымъ Вильгельмъ II придавалъ такое огромное политическое значеніе и за которые сдѣлалъ Каприви графомъ. Когда же, предоставивъ участникамъ тройственнаго союза всевозможныя льготы, распространили ихъ и на всѣ мелкія государства, удержавъ диференціальныя таможенныя пошлины только по отношенію къ Россіи, «Гамбургскія извѣстія» прямо высказали, что это значитъ оскорблять могущественную сосѣдку, присуждая ее платить за привозимый ею хлѣбъ вдвое дороже, чѣмъ Румынія и Испанія.

И Россія принуждена была отвѣчать на эту нелѣпую тарифную политику наложеніемъ пошлины въ 50% на всѣ привозимые изъ Германіи товары. Началась таможенная война, принесшая огромные убытки нѣмецкой промышленности, развитой гораздо больше, чѣмъ русская. Довольны были только крупные землевладѣльцы, продававшіе дорогой хлѣбъ народу, лишенному дешеваго русскаго хлѣба. Такое ненормальное положеніе, очевидно, не могло продолжаться, и Германія рѣшилась заключить торговый договоръ съ Россіей, уничтоживъ въ немъ двойную пошлину на нашъ хлѣбъ и пересмотрѣвъ заодно и другія тарифныя ставки, не смотря на то, что противъ договора возстали въ парламентѣ аграріи и партіи, враждебныя всякому облегченію народной тяготы. Можно было опасаться ихъ интригъ и противъ другихъ правительственныхъ мѣръ. Неустойчивость политики народъ приписывалъ разногласію «новаго курса» со взглядами Бисмарка, хотя онъ же и началъ финансовую войну противъ Россіи, и его отношенія къ ней были всегда двуличны и далеко не сочувственны. Но видя, что большинство нѣмцевъ—на сторонѣ стараго канцлера, императоръ оказался вовсе не такимъ абсолютнымъ и прямолинейнымъ автократомъ, какъ думали его подданные, и уступилъ общественному мнѣнію, доказавъ свое вниманіе къ нему такимъ шагомъ, какого отъ него можно было всего менѣе ожидать—примиреніемъ съ человѣкомъ, къ которому не могъ чувствовать симпатію. И это былъ очень умный и ловкій шагъ, которымъ Вильгельмъ приглашалъ нѣмцевъ сдѣлать и ему уступку, принявъ всѣ новые военные налоги, противъ которыхъ высказалась въ парламентѣ одна изъ главныхъ частей имперіи—вюртембергское королевство. И для того чтобы сильнѣе подѣйствовать на своихъ подданныхъ, онъ принялъ Бисмарка съ необыкновеннымъ радушіемъ, послалъ къ нему во Фридрихсруэ своего флигель-адьютанта, друга канцлера, племянника Мольтке, провелъ со старикомъ день въ самомъ интимномъ семейномъ кругу, представилъ ему своихъ дѣтей, обѣдалъ съ нимъ и съ императрицей, надѣлъ

тотъ же кирасирскій мундиръ, въ которомъ пріѣхалъ старикъ, сдѣлалъ его шефомъ этого полка, послалъ ему теплую солдатскую шинель, проводилъ на станцію желѣзной дороги въ обратный путь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, для сохраненія своего авторитета, императоръ хотѣлъ показать, что это примиреніе—чисто личное, домашнее, дѣло нисколько не политическое, до котораго государству нѣтъ дѣла. И когда потомъ военный министръ поздравилъ его съ этимъ примиреніемъ и отъ имени арміи, онъ остался очень недоволенъ и даже спросилъ: имѣлъ ли министръ порученіе говорить за армію? Бисмаркъ не принималъ никакихъ официальныхъ визитовъ и былъ только у вдовы Фридриха III. Все это, конечно, не отнимаетъ у его пріѣзда политическаго значенія, которое произведетъ желаемое впечатлѣніе на рейхстагъ, и на тонъ бисмарковскихъ органовъ печати, но именно личнаго вліянія не будетъ имѣть никакого. Совѣты стараго канцлера молодой императоръ станетъ, пожалуй, принимать, но сомнительно, чтобы послѣдовалъ имъ; точно также и Бисмаркъ не будетъ одобрять правительственныхъ мѣръ новаго курса, и даже при утвержденіи торговаго договора съ Россіей выставилъ на видъ, конечно, съ сожалѣніемъ, что онъ возбудитъ неминуемый антагонизмъ между земледѣльческимъ и промышленнымъ населеніемъ Германіи.

И для чего было больше полугода вести переговоры, чтобы прійти къ логическому заключенію, что Россія должна стоять на нѣмецкомъ рынкѣ въ равныхъ условіяхъ со всѣми другими государствами, для чего было необходимо повысить пошлину на ея сельско-хозяйственные продукты? Договоръ заключенъ на десять лѣтъ, безъ права повышенія таможенныхъ пошлинъ, что закрѣпляетъ и за русской промышленностью тарифныя ставки. Увеличеніе пошлинъ за привозимые товары для поправленія курса осуждается политико-экономическими принципами. Пониженіе пошлинъ на нашу рожь и пшеницу доходитъ, по новому трактату, до $10^3/_4$ копѣйки съ пуда и до 9-ти за овесъ, отчего доходъ нашего землевладѣльца увеличивается на 5 рублей съ посѣвной десятины при среднемъ урожаѣ. Въ урожайныхъ мѣстностяхъ эта значительная цифра должна быть повышена въ $1^1/_2$, 2 раза. Для желѣза пошлина понижена всего на 10 коп. (съ 60-ти на 50), на каменный уголь вдвое (1 коп. золотомъ вмѣсто 2-хъ) и единственно по этой статьѣ тарифа допускается повышеніе по истеченіи четырехъ лѣтъ. На сельско-хозяйственныя машины пошлина понижена съ 70 коп. на 50. Въ общемъ всѣ предметы ввоза понижаются на 15, 20% съ пуда, иные на 50 и больше: такъ мука картофельная—60 коп. вмѣсто 1 р. 40 к., фрукты свѣжіе 60 коп. вмѣсто 1 р. 24 к., простые огородные овощи допускаются безпошлинно, телеграфные кабели 2 р. (прежде 4) бархатъ и плюшъ 3 р., а не 7 р. 50 к. Въ германскомъ тарифѣ сдѣланы пониженія въ маркахъ за 100 кило (6 пудовъ), кромѣ хлѣба всякаго рода: на наше

вино—20 и 10 м. вмѣсто 20 м.; птицъ битыхъ 12 (прежде 30) графитъ—2 м., а не 20, на свѣжее мясо—50%, дичь 33, мукомольные продукты—30, сыръ 25, яица 33, войлокъ 25, лѣсъ—25% и пр.

Императоръ отдалъ визитъ Бисмарку и, пріѣхавъ во Фридрихсруэ, пробылъ до вечера—значитъ примиреніе скрѣплено окончательно. Нѣмецкій поэтъ говорилъ справедливо: «великъ тотъ, кто укрощаетъ своихъ враговъ, но еще болѣе великъ тотъ, кто укрощаетъ самого себя».

Вальяна, наконецъ, гильотинировали черезъ два мѣсяца послѣ его покушенія взорвать палату депутатовъ. Казнь его на площади Ларокетъ не собрала многочисленной толпы зрителей. Безпорядковъ никакихъ не было. Анархистъ поблѣднѣлъ при видѣ инструмента, отрубившаго ему голову, но прокричалъ по заведенному порядку: «да здравствуетъ коммуна»! обѣщая, что за смерть его отомстятъ «гнилому обществу», какъ будто самъ онъ былъ хоть чѣмъ нибудь лучше этого общества. Негодяй, обокравшій своего товарища, давшаго ему пріютъ, развратившій его жену, послѣ того какъ помѣстилъ свою въ публичный домъ, герой динамита—вздумалъ въ послѣднее время разыгрывать роль нѣжнаго отца и заботился о судьбѣ своей дочери, которую хотѣла взять на воспитаніе герцогиня д'Юзесъ, но, врагъ всякой аристократіи, онъ поручилъ ее какому-то сапожнику изъ анархистовъ. Могилу «мученика» на кладбищѣ въ Иври друзья его сдѣлали мѣстомъ поклоненія. Туда собирались въ огромномъ числѣ не только анархисты, но разные непризнанные поэты, декаденты, символисты, сотрудники журнала «Revue libertituaire». Они развертывали красное знамя, произносили проклятія современному обществу, читали рѣчи, стихи, устраивали мистическія торжества и процессіи, и кончили тѣмъ, что разрыли могилу, чтобы достать изъ земли стружки, пропитанныя кровью. Пришлось разогнать безобразниковъ и, приставивъ къ могилѣ караулъ, запретить всякія манифестаціи и сборища. Въ то же время анархистскіе листки попробовали возобновить нападки на правительство и на президента республики, но присмирѣли послѣ процесса Бретона, редактора журнала «Parti socialiste». Этотъ господинъ, называвшій въ прежнее время Карно «тигромъ съ человѣческимъ лицомъ», попытался и теперь заявить печатно, что если президентъ не помилуетъ Вальяна, то въ одинъ прекрасный день «можетъ испытать маленькое неудовольствіе — видѣть свой деревянный каркасъ разрушеннымъ бомбой». Бретона судили, присяжные признали его виновнымъ и проговорили къ двухлѣтнему тюремному заключенію и тысячѣ франковъ штрафа.

Но такими статьями и демонстраціями очевидно не могли довольствоваться мстители за Вальяна: 12 февраля, въ маленькомъ кафэ «Терминюсъ», бѣдно одѣтый юноша лѣтъ 20-ти, сидѣвшій у входа, бросилъ въ публику маленькую бомбу, начиненную пулями и динамитомъ. Взрывъ

былъ ужасный; въ ресторанѣ, наполнившемся густымъ дымомъ, было больше 300 человѣкъ; изъ нихъ ранено человѣкъ 20, нѣкоторые— опасно. Анархистъ бросился бѣжать, воспользовавшись паникой; за нимъ погнались; онъ началъ отстрѣливаться изъ револьвера и тяжело ранилъ одного полицейскаго, но его все таки нагнали, схватили и народъ едва не разорвалъ его на мѣстѣ. Въ полиціи онъ велъ себя дерзко, назвался ложнымъ именемъ, но на другой день держалъ себя менѣе вызывающимъ образомъ, объявивъ, что ему 21 годъ, зовутъ его Эмиль Анри, полировщикъ по ремеслу, но бросилъ свои занятія и пріѣхалъ въ Парижъ съ тремя товарищами, получивъ средства отъ анархистовъ. Прежде онъ жилъ годъ въ Лондонѣ. Онъ мало развитъ и очевидно былъ только орудіемъ въ рукахъ другихъ лицъ, изготовившихъ для него бомбу. Жестянка для нея—лондонской фабрики. Анри безъ сопротивленія далъ снять съ себя фотографію и принималъ передъ камерой героическія позы. Полиція знала о его пріѣздѣ изъ Лондона и хоть онъ увѣряетъ, что у него не было сообщниковъ, но это покушеніе очевидно—слѣдствіе заговора, составленнаго въ Англіи. Въ этомъ сознаётся даже «Times» и напоминаетъ правительству, что оно беретъ на себя страшную отвѣтственность, позволяя приготовлять на англійской территоріи покушенія, приводимыя въ исполненіе въ другихъ странахъ. Парижская полиція не разыскала однако другихъ анархистовъ, пріѣхавшихъ изъ Лондона съ Анри, вся семья котораго держится также крайнихъ убѣжденій: отецъ его, полковникъ коммуны, бѣжалъ изъ Франціи, братъ сидитъ въ тюрьмѣ, осужденный на три года заключенія за подстрекательство къ убійству. Когда Анри арестовали анархисты сожгли въ его квартирѣ всѣ бумаги, но слѣды изготовленія бомбъ, обрѣзки свинца, склянки кислотъ въ ней остались. Несомнѣнно, что у него были сообщники. Черезъ три дня послѣ парижскаго взрыва, въ Гринвичѣ, близъ обсерваторіи, произошелъ также взрывъ, и на мѣстѣ его полиція подняла изувѣченнаго французскаго анархиста Бурдена, недавно бѣжавшаго въ Англію. Онъ умеръ отъ ранъ, не сказавъ ни слова. Думаютъ, что онъ несъ бомбу и, по неосторожности, взорвалъ и ее, и себя. Этотъ случай еще болѣе подтверждаетъ фактъ, что анархисты сосредоточились теперь въ Лондонѣ, откуда разсылаютъ во всѣ страны своихъ эмисаровъ съ убійственными снарядами. Связь съ Лондономъ трехъ барселонскихъ разбойниковъ, бросавшихъ бомбы въ театрѣ, доказана судомъ, но благодушные испанцы присудили злодѣевъ только къ семилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, а по окончаніи ихъ эти господа могутъ возобновить свои подвиги, гдѣ имъ угодно. Не мудрено поэтому, что въ Парижѣ сдѣланы еще два взрыва, одинъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ рабочемъ кварталѣ, гдѣ ранено трое и хозяйка дома смертельно. Другой былъ произведенъ въ гостинницѣ самою полиціею, опасавшеюся вынести изъ дома подброшенную туда бомбу. Еще нѣсколько заготовленныхъ снарядовъ найдено у разныхъ анархистовъ, которыхъ опять обыскали въ числѣ двухъ тысячъ и опять отпустили

на свободу. Это косвенное приглашеніе продолжать свои подвиги по истинѣ замѣчательно.

Палата депутатовъ принимаетъ огромнымъ большинствомъ всѣ правительственныя мѣры, даже такія, какъ запрещеніе представленія драмы «Ames solitaires», написанной нѣмецкимъ жидкомъ-анархистомъ Когеномъ, арестованнымъ и высланнымъ изъ Франціи. Дѣлавшій запросъ депутатъ Винье замѣтилъ: «за что запретили пьесу? за національность автора—но развѣ у человѣческой мысли есть отечество? Или потому, что авторъ анархистъ?—но въ пьесѣ нѣтъ ни слова объ анархизмѣ: это простая исторія доктора, бросающаго свою жену изъ любви къ философіи, потомъ философію—изъ любви къ студенткѣ». Министръ Рейналь объяснялъ запрещеніе предшествовавшими обстоятельствами: послѣ представленія пьесы Ибсена, было собраніе анархистовъ, на которомъ Тальвидъ заявилъ, что встрѣча русскихъ моряковъ была эпилептическимъ припадкомъ страны, а собраніе кричало: «да здравствуетъ анархія»! При этомъ Когенъ говорилъ такую рѣчь, что его пришлось арестовать и потомъ выслать изъ Франціи, когда пересмотрѣли его бумаги. «Нельзя же было допустить манифестацію въ честь человѣка, который, между прочимъ, писалъ вотъ какія вещи: «я начинаю понимать, что̀ такое чувство ненависти, когда вижу тысячи несчастныхъ, едва держащихся на ногахъ; это живой обвинительный актъ противъ нашего ужаснаго общества. Да наступитъ скорѣе всемірный потопъ, потому что терпѣніе истощается». Министра прервалъ Пельтанъ вопросомъ: «по какому праву онъ читаетъ чужія письма»? но Рейналь, не смотря на страшный шумъ въ палатѣ, продолжалъ свои цитаты: «бить надо ногами, кулаками, здоровыми дубинами. Душить надо: нѣтъ болѣе сладостнаго чувства, какъ ощущать въ своихъ пальцахъ горло какого нибудь буржуа или аристократа». Пельтанъ замѣтилъ, что такія письма, хотя и найденныя при обыскѣ, секвеструютъ для суда и читать ихъ съ трибуны не слѣдуетъ, но министръ продолжалъ свое чтеніе: «наконецъ-то мы избавились отъ русскихъ и можно будетъ вздохнуть свободнѣе. Теперь и послѣдній слѣдъ моей симпатіи къ французамъ исчезъ. Что за мерзость! У меня не хватитъ слюны, чтобы плюнуть въ рожу всѣмъ этимъ мерзавцамъ». Крики: довольно! довольно! прервали министра, который прибавилъ: «мы сочли невозможнымъ допустить представленіе пьесы, авторъ которой выражается подобнымъ образомъ». Пельтанъ возразилъ, что все это не относится къ пьесѣ и Рейналь поступилъ неправильно, цитируя захваченныя письма. Тотъ отвѣчалъ, что исполнилъ свой долгъ; президентъ палаты объявилъ инцидентъ исчерпаннымъ.

Слѣдующее засѣданіе палаты отличалось еще болѣе бурнымъ характеромъ и попыткою соціалистовъ произвести давленіе на правительство. Кловисъ Гюгъ сдѣлалъ запросъ кабинету относительно покушеній на свободу личности. «Французская революція, говорилъ ораторъ, была произве-

дена для завоеванія свободы. Теперь, подъ предлогомъ анархіи, министерство сдѣлало обыски у тысячи гражданъ и для чего? чтобы захватить нѣсколько бумагъ и переписку между супругами. И все это читалось не только въ полиціи, но и съ трибуны палаты. Домъ Элизэ Реклю подвергли разгрому и нашли тамъ сочиненія по части географіи. Описаніе Сициліи приняли за существованіе международнаго заговора. У одного гражданина нашли не обандероленныя спички, но онъ доказалъ, что онѣ никуда не годятся и не загораются. Въ редакціяхъ газетъ захватили переписку, статьи, не назначавшіяся для печати. Конфисковали «катехизисъ солдата» за то, что тамъ говорится противъ войны и военнаго званія. Но вѣдь тогда надо запретить всѣ сочиненія поэтовъ и философовъ». Рейналь отвѣчалъ: «Кловисъ Гюгъ осуждаетъ правительство за то, что оно примѣняетъ законы, недавно утвержденные палатами. Онъ желаетъ предоставить анархистамъ свободу дѣйствій; мы желаемъ оградить отъ нихъ общество. Обыски не остались безъ результатовъ: мы узнали число и, отчасти, планы анархистовъ. Анархистскія мнѣнія Элизэ Реклю давно извѣстны, но К. Гюгъ не говорилъ ничего о его племянникѣ, Полѣ Реклю, можетъ быть, потому, что тотъ бѣжалъ. При обыскахъ найдены важные документы, взрывчатыя вещества, даже краденыя процентныя бумаги,—извѣстно, что воровство считается тоже подвигомъ у рыцарей динамита. Такіе подвиги и убійства восхваляла газета «Pere Peinard», утверждавшая, что истинный гражданинъ не долженъ имѣть отечества. Газету запретили. Одну сходку закрыли, потому что предсѣдатель ея предложилъ заявить о невинности Вальяна». Сильное впечатлѣніе произвели въ палатѣ слова депутата Шодэ, отецъ котораго былъ въ 1871 году разстрѣлянъ коммунарами: «тѣ, у кого на совѣсти лежатъ звѣрства коммуны, не имѣютъ права ратовать за свободу личности и свободу печати». При этихъ словахъ депутатъ Тивріэ, являющійся въ палату въ блузѣ, хотя въ обществѣ носитъ сюртукъ, закричалъ: «да здравствуетъ коммуна»! Президентъ палаты предложилъ ему взять назадъ этотъ возгласъ. Тивріэ возразилъ, что хотѣлъ протестовать противъ «гнусностей», провозглашаемыхъ съ трибуны, и не отрекается отъ своихъ словъ. Тогда, по предложенію президента, вотировали цензуру съ временнымъ исключеніемъ Тивріэ изъ палаты, но онъ отказался подчиниться этому рѣшенію. Пріостановили засѣданіе; къ Тивріэ, окруженному соціалистами, подошли два квестора и попросили его удалиться. «Ступайте за войскомъ»! закричалъ онъ имъ, какъ разупрямившійся школьникъ. Явился комендантъ Бурбонскаго дворца со взводомъ солдатъ. На предложеніе уйти, Тивріэ отвѣчалъ: «меня прислали сюда для того, чтобы сидѣть, а не выходить», но, видя, что солдаты, по знаку полковника, сбираются взять его за шиворотъ, бородатый мальчишка обратился къ нимъ съ рѣчью: «дорогіе ребята! не забывайте, что вы—дѣти народа. Я за вами послѣдую и даже не сержусь на васъ, а сожалѣю только, что вамъ поручаютъ те-

перь грязную работу». И онъ торжественно вышелъ изъ палаты, въ сопровожденіи соціалистовъ, кричавшихъ неистово: «да здравствуетъ коммуна»! Одинъ изъ нихъ, Жюль Гедъ, прибавилъ даже: «да вѣдь это настоящее второе декабря!» забывъ приравнять эту нелѣпую сцену къ болѣе близкому времени, когда, въ ноябрѣ 1880 года, солдаты выносили на рукахъ изъ палаты монархиста Бодри д'Ассона, не пожелавшаго добровольно оставить засѣданіе по приговору палаты. Блузникъ оказался даже сговорчивѣе аристократа и ушелъ на своихъ ногахъ, не дожидаясь, чтобы его вытащили зашиворотъ. Когда засѣданіе возобновилось, соціалистъ Вальянъ — есть и такой въ палатѣ, не гильотинированный — объявилъ, что онъ также кричалъ: «да здравствуетъ коммуна»! но палата только поздравила его съ такимъ геройствомъ и большинствомъ 408 голосовъ противъ 64-хъ одобрила всѣ мѣры правительства противъ анархистовъ.

Происходили также въ палатѣ серьезныя пренія о состояніи флота. Извѣстно, что Англія, съ прошлой весны, рѣшилась увеличить свой военный флотъ, ассигновавъ милліоны на постройку новыхъ броненосцевъ и миноносокъ, практическая пригодность которыхъ въ морскомъ дѣлѣ еще весьма сомнительна. Вслѣдъ затѣмъ, въ газетѣ Клемансо начали появляться статьи о плохомъ состояніи французскаго флота. Сначала намеками, потомъ и открыто, газета заговорила о томъ, что въ арсеналахъ нѣтъ запасовъ для приведенія судовъ въ боевое положеніе, что миноноски и броненосцы въ плохомъ состояніи. Публика плохо вѣрила редактору-радикалу, озлобленному тѣмъ, что его не выбрали въ депутаты, но статьи его все таки возбуждали безпокойство. Тогда, въ палатѣ, Локруа выступилъ съ положительными обвиненіями. Онъ приводилъ странные факты и цифры. «Тройственный союзъ истратилъ въ 20 лѣтъ, на свои морскія силы, $2^1/_2$ миліарда; Франція, за это же время, израсходовала 3 миліарда 600 милліоновъ фр., а ея флотъ уступаетъ флоту союзниковъ. Золота у насъ не щадятъ, но оно уходитъ между пальцевъ и во всѣхъ частяхъ морскаго вѣдомства царитъ безпорядокъ. Ежегодно берутъ въ матросы 50,000 молодыхъ людей, но ихъ почти вовсе не обучаютъ, не готовятъ къ войнѣ. Оборона нашихъ береговъ въ жалкомъ состояніи; къ войнѣ ничего не подготовлено и только въ день мобилизаціи,—это подлинныя слова офиціальнаго приказа,—будетъ опредѣленъ кругъ обязанностей военныхъ начальниковъ. То есть, въ моментъ, когда надо будетъ снабжать военными запасами трехмилліонную армію, министры и чиновники начнутъ обсуждать кругъ обязанностей офицеровъ. Франція доступна непріятелю отъ Дюнкирхена до Ниццы. Гавръ, Діепъ совершенно беззащитны противъ бомбардировки, Булонь охраняется старыми крѣпостными верками, Руанъ, Шербургъ защищены недостаточно. Адмиралъ Ріенье пишетъ, что изъ шести миноносокъ въ Тулонѣ—четыре никуда негодны. Корсику легко занять непріятелю. Къ чему послужитъ храбрость моряковъ, когда оружіе ихъ

плохо? Итальянскіе броненосцы ходятъ скорѣе; съ нашими крейсерами поминутно случаются инциденты. Арсеналы наши пусты и матерьяльная часть никуда не годится». Поэтому Локруа требовалъ, для обслѣдованія положенія назначенія парламентской комисіи, а не министерской, такъ какъ министры будутъ все прикрывать и ревизовать только бухгалтерію. Морской министръ опровергалъ показанія Локруа и доказывалъ, что на французскій флотъ, сравнительно съ тройственнымъ союзомъ, издержано лишнихъ суммъ гораздо меньше миліарда, и то потому, что во Франціи заработная плата выше. «Численностью нашъ флотъ немногимъ слабѣе союзниковъ; превосходство нашей морской артиллеріи сознаютъ сами англичане. Броненосцы, построенные въ послѣднее время, удовлетворяютъ своему назначенію. Миноноски вполнѣ пригодны для береговой обороны. Запасы для флота удвоены въ прошломъ году». Военный министръ, въ свою очередь, утверждалъ, что береговая защита Франціи обезпечена, что новыя мелинитовыя торпедо могутъ разрушить непріятельскія суда и не подходя къ нимъ, а на разстояніи въ 5000 метровъ. Для защиты Корсики достаточно 20,000 человѣкъ; прибрежье Средиземнаго моря обороняетъ двухсоттысячная армія. На высадку непріятель не рѣшится, зная, что «вездѣ встрѣтитъ хорошо организованныя и хорошо командуемыя войска, и мы его опрокинемъ въ море». Это, конечно, тоже было бы хорошо, только министръ долженъ былъ сознаться, что разграниченіе круга дѣйствій военнаго министерства съ морскимъ—вопросъ деликатный, и не прибавилъ только, что отъ этого деликатничанья не разъ страдали интересы Франціи даже въ Дагомеѣ, гдѣ командиры французскихъ судовъ не хотѣли дѣйствовать заодно съ начальниками сухопутной арміи. И потомъ, что̀ это за хвастовство хорошими командирами, которые еще ничѣмъ себя не заявили? Жюль Гедъ имѣлъ полное основаніе сказать о рѣчи военнаго министра: «Ни дать, ни взять — маршалъ Лебёфъ, увѣрявшій въ 1870 году, что армія снабжена всѣмъ до послѣдней пуговицы». Министръ президентъ Перье заявилъ, что не одобряетъ непорядковъ морскаго вѣдомства и назначилъ уже особую слѣдственную комисію, но, находясь недавно во власти, не можетъ вдругъ искоренить то, что̀ накопилось годами. Изъ 36-ти членовъ комисіи, 22—члены палаты. Пельтанъ замѣтилъ, что зато между остальными членами есть лица, прикосновенныя къ безпорядкамъ. Перье однако настаивалъ, чтобы палата не назначала комисіи, за которую стоялъ и Бриссонъ, хотя, предсѣдательствуя въ панамской комисіи, могъ бы убѣдиться, что и парламентскія изслѣдованія ничего не открываютъ. Палата отвергла назначеніе комисіи изъ ея членовъ.

А изслѣдовать состояніе французскаго флота было бы весьма не лишнимъ; онъ очень нуженъ для поддержанія колоній, гдѣ вліяніе метрополіи сильно пошатнулось. Только въ Дагомеѣ генералъ Додсъ покончилъ съ Беганциномъ, захвативъ наконецъ этого чернаго звѣря и уничтоживъ его ди-

кое королевство, куда уже назначенъ гражданскій губернаторъ. Тутъ, стало быть, дѣло можетъ устроиться, если военныя власти не станутъ, какъ вездѣ, препираться со статскими и отстаивать свои мундирныя права. Въ обвиненіяхъ Локруа противъ морскаго вѣдомства, вѣроятно, много правды, но ихъ заподозриваетъ подкладка инкриминацій: всѣ знаютъ, что главные обвинители нынѣшнихъ военнаго и морскаго министра—бывшіе статскіе министры Фрейсинэ и Буржуа, только и думающіе о томъ, какъ бы опять захватить въ свои руки власть, на которую, съ другой стороны, заявляютъ претензіи Констанъ, Рибо и другіе экъ-премьеры, думающіе не о благѣ народа, а о своихъ личныхъ выгодахъ. Мадагаскаръ, благодаря происканъ англичанъ, почти совсѣмъ вышелъ не только изъ протектората, но и изъ подъ вліянія Франціи, а въ африканскомъ Суданѣ происходятъ весьма печальные факты. Тамъ французскій отрядъ вступилъ «по ошибкѣ» въ сраженіе съ англійскимъ и перестрѣлялъ немало европейцевъ, пока не разъяснилась ошибка, состоявшая въ томъ, что оба отряда приняли другъ друга за дикарей. Черезъ нѣсколько времени, однако, подобная же ошибка повторилась и въ другой мѣстности. Въ Суданѣ былъ отличный начальникъ, полковникъ Аршинаръ, но новый министръ отозвалъ его во Францію и отправилъ на его мѣсто своего фаворита, Бонье, предписавъ не дѣлать новыхъ завоеваній и присоединеній, но тотъ началъ съ того, что, вопреки приказаніямъ, взялъ Томбукту, довольно важный комерческій пунктъ на Нигерѣ, съ 18,000 жителей; Франція рѣшила удержать это завоеваніе, такъ какъ она «не отступаетъ оттуда, гдѣ однажды развивались ея знамена» (напримѣръ, въ Страсбургѣ и Лотарингіи?). Бонье былъ такъ доволенъ своими лаврами, что уснулъ на нихъ, выдя изъ Томбукту, былъ ночью застигнутъ врасплохъ туарегами и истребленъ со всѣмъ отрядомъ, изъ котораго спаслось немного бѣглецовъ.

Въ то время, когда Германія, для облегченія бѣдныхъ классовъ населенія и во имя здравой логики, отказывается отъ увеличенія пошлины за привозимый русскій хлѣбъ, французскіе аграріи налагаютъ непомѣрную пошлину, почти въ 54%, на иностранный хлѣбъ, ввозимый въ страну. Въ палатѣ, составленной преимущественно изъ зажиточной буржуазіи, нѣсколько дней продолжались пренія объ увеличеніи хлѣбной пошлины съ 5-ти франковъ на 8 (за 100 килограммовъ). Ораторовъ никто не слушалъ, всѣ были заранѣе увѣрены, что проэктъ будетъ утвержденъ, такъ какъ депутаты выбраны были крупными землевладѣльцами съ тѣмъ, чтобы законъ этотъ былъ непремѣнно проведенъ въ палатѣ, составленной наполовину изъ ярыхъ протекціонистовъ. Министерство не могло идти противъ общаго настроенія и сдѣлало только легкую уступку, заявивъ, что ему было бы желательнѣе увеличеніе пошлины не въ 8, а въ 7 франковъ. Отъѣвшіеся капиталисты требуютъ, чтобы во Франціи хлѣбъ продавали по 25 франковъ, тогда какъ въ Германіи онъ стоитъ 18 ф.,

въ Бельгіи и Англіи 15. Но вѣдь хлѣбъ и всякаго рода продукты и издѣлія добываются и производятся рабочими; какъ же они будутъ работать, если главная основа ихъ пищи вздорожаетъ чуть не вдвое? Или капиталисты и фабриканты сбираются увеличить заработную плату? Леруа-Больё говоритъ, что, при такомъ повышеніи цѣнъ на предметы первой необходимости, не продержится долго никакое правительство и соціалисты недаромъ напоминаютъ, что французская революція началась съ криковъ: «долой контрактъ на голодъ»! А развѣ не точно такой же контрактъ сочинили современные законодатели? Вѣдь, при новомъ налогѣ, обыкновенной французской семьѣ, изъ отца, матери и 3—4 дѣтей, придется тратить только на хлѣбъ болѣе ста франковъ въ годъ. Сверхъ того, крестьянинъ не печетъ самъ хлѣба, а покупаетъ его у булочниковъ, которые, покупая муку дороже, будутъ поднимать цѣну и на хлѣбъ. Не мудрено, если, при такомъ стремленіи французскихъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и торговцевъ къ наживѣ во что бы то ни стало, классы безземельные и рабочіе потребуютъ и своей доли въ пользованіи благами жизни. А вѣдь этого четвертаго сословія—пролетаріата—въ странѣ теперь не меньше, чѣмъ другихъ сословій, расплывающихся въ уровнѣ всеобщаго равенства. Прежней родовой аристократіи почти нѣтъ во Франціи, духовенство имѣетъ очень мало значенія, плутократовъ немного,—и они возбуждаютъ негодованіе въ обществѣ своими денежными скандалами и вліяніемъ на правительство, какъ Ротшильдъ, Герцъ, угрожающій и изъ Лондона министерству своими разоблаченіями, или Субейранъ, директоръ земельнаго кредита и учетнаго банка, двухъ учрежденій, ворочавшихъ милліонами и теперь лопнувшихъ, что̀ повлекло за собою разореніе десятковъ тысячъ мелкихъ акціонеровъ, какъ въ панамскомъ крахѣ. Этого аферіста слѣдователь упряталъ было въ тюрьму съ его помощникомъ, но Субейранъ—другъ Ротшильда, хоть и не жидъ, а милліоны производятъ магическое давленіе и на судей, какъ на министровъ, и потому директора погибшихъ банковъ тотчасъ же выпустили на свободу, хотя давно уже слѣдовало обнаружить его продѣлки. Мелкій чиновникъ при министрѣ финансовъ Фульдѣ, онъ сдѣлался извѣстенъ въ 1860 году, какъ отчаянный и счастливый игрокъ на биржѣ, спортсменъ, державшій огромные пари и покровитель модныхъ кокотокъ. Жилъ онъ на самую широкую ногу: его конюшни не уступали императорскимъ, онъ участвовалъ во всѣхъ спекуляціяхъ безчисленнаго множества банковъ. Онъ то обладалъ милліонами, то жилъ на чужой счетъ. Ротшильдъ не разъ выручалъ его изъ критическаго, безвыходнаго положенія. Но въ послѣднее время Субейранъ пустился въ самыя рискованныя предпріятія, растратилъ капиталъ учетнаго и земельнаго банка, потерялъ при упадкѣ ихъ акцій 45 милліоновъ, и его отвезли въ Мазасъ, гдѣ онъ пробылъ, впрочемъ, всего нѣсколько дней. Мудрено ли, что противъ такихъ безшабашныхъ спекуляторовъ подни-

мается общественное негодованіе, тѣмъ болѣе, что власти всегда на ихъ сторонѣ. Но и парламентъ стоитъ пока за министерство и, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, отвергнулъ проэктъ ультра-протекціониста Мелина и повысилъ пошлину на привозный хлѣбъ на 7 франковъ, а не на восемь—легкая сбавочка, которая не удовлетворитъ ни голодающій народъ, ни отъѣвшихся аграріевъ.

Въ маленькомъ городѣ Оверни, Ріомѣ, кончился странный процессъ отставнаго русскаго офицера барона Радена, убившаго, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, любовника его жены, датскаго поручика Кастенкіольда. Изъ дѣла выяснилось, что этотъ эстляндскій баронъ, 32 лѣтъ, сынъ губернатора, получившій хорошее образованіе, уже и въ ранней молодости причинялъ своими продѣлками горе своей матери. Изъ морской службы его уволили, онъ оставилъ Россію и женился на Эмиліи Вейсъ, изъ хорошей фамиліи. Но отецъ ея разорился и сдѣлался горькимъ пьяницей, а баронесса поступила въ наѣздницы цирка и на полторы тысячи франковъ въ мѣсяцъ содержала своего мужа, обходившагося съ нею грубо, постоянно пьянствовавшаго и колотившаго ее. Онъ былъ конюхомъ въ циркѣ, гдѣ «работала» его жена, и въ это же почетное званіе просился Кастенкіольдъ, но баронъ не согласился и то бражничалъ съ нимъ и мирился, то всѣ ругались и дрались между собою. Вся эта милая семейка появилась на судѣ и доказывала, что барону нельзя было не пить, такъ какъ «это въ русскихъ нравахъ». Адвокатъ требовалъ оправданія барона, «вступившагося за свою честь», и присяжные оправдали его, а публика аплодировала.

Въ Болгаріи продолжается прежняя офенбахіада. У Кобурга родился сынъ и вотъ какой опереточный манифестъ обнародовалъ этотъ, никѣмъ не признанный, но тѣмъ не менѣе благополучно царствующій, правитель: «Моему дорогому болгарскому народу. Сегодня, въ $7^1/_2$ часовъ утра, ея королевское высочество, царствующая княгиня Марія-Луиза Бурбонская, свѣтлѣйшая супруга моя, благополучно разрѣшилась, съ божьей помощью, въ нашемъ княжескомъ замкѣ въ Софіи, отъ бремени младенцемъ мужскаго пола, которому мы дали имя Борисъ и титулъ тырновскаго принца. Новорожденный принцъ—наслѣдникъ болгарскаго престола, герцогъ саксонскій, кавалеръ ордена «за храбрость» первой и четвертой степени и носитель ордена Александра святаго. Мы дѣлаемъ его шефомъ 4-го пѣхотнаго плевненскаго полка, 4-го кавалерійскаго и артиллерійскаго. Извѣщая нашъ возлюбленный народъ объ этомъ счастливомъ событіи, возносимъ наши горячія молитвы ко Всевышнему, да сохранитъ онъ нашего свѣтлѣйшаго сына и наслѣдника престола, и даруетъ ему здоровье, счастье и успѣхъ, на благо, славу и благоденствіе нашего дорогаго отечества. Данъ въ нашемъ дворцѣ, въ день св. Аѳанасія, 1894 года, а правленія нашего въ седьмое». Не смотря на свои ордена первой и четвертой степени за храбрость, новорожденный оказался очень слабъ. Названный православнымъ

именемъ, онъ, однако, окрещенъ въ католическую религію и папа прислалъ по этому случаю поздравленіе Кобургу, а глава болгарской церкви предписалъ служить благодарственные молебны. Въ то же время, въ Софіи начался процессъ по обвиненію братьевъ Ивановыхъ въ покушеніи на жизнь Кобурга и Стамбулова. Бывшій поручикъ болгарской арміи, котораго нѣмцы тотчасъ же произвели въ русскіе офицеры, укралъ полковыя деньги и бѣжалъ въ Россію, потомъ вернулся и со своимъ братомъ-студентомъ задумалъ убить правителей Болгаріи, но заговоръ открыли и братьевъ схватили и судили. Однако, вся эта исторія оказалась сочиненною Стамбуловымъ, вѣроятно, съ цѣлью напугать принца и упрочить свою власть, которая начинаетъ сильно колебаться.

Въ Сербіи Миланъ продолжаетъ распоряжаться судьбами страны, издаетъ газету «Патріотъ», въ которой доказываетъ необходимость твердой власти, чтобы спасти отечество, и готовится захватить эту власть, для чего старается сблизиться съ партіей либераловъ, является въ генеральскомъ мундирѣ, хотя давно уже продалъ и свое генеральство, и свои права, и званіе сербскаго гражданина, и свою честь. Радикалы осыпаютъ его бранью въ своихъ газетахъ, называютъ эксъ-королемъ, эксъ-отцомъ, эксъ-сербомъ, жителемъ города Парижа, и требуютъ высылки его изъ Сербіи, куда онъ далъ торжественное обѣщаніе не возвращаться, получивъ за это два милліона франковъ. Въ Бѣлградѣ полиція конфисковала газеты, отзывавшіяся такъ непочтительно о родителѣ короля, но судъ отмѣнилъ это распоряженіе, такъ какъ Миланъ, отказавшійся за деньги отъ правъ гражданина Сербіи, не можетъ пользоваться покровительствомъ ея законовъ. А онъ сбирается, повидимому, продать эти права еще разъ и приводитъ своими поступками въ недоумѣніе даже своихъ друзей. Венгерская офиціальная газета говоритъ о немъ: «Милану постоянно нужны деньги и неизвѣстно, куда онъ тратитъ такія огромныя суммы. Чтобъ получить деньги, онъ отказался отъ престола; изъ-за денегъ отправился въ изгнаніе; за крупную сумму помирился съ женой, продалъ всѣ свои права и вернулся теперь опять—защищать отечество, потому что ему понадобились деньги. Дорого обходятся несчастной странѣ его визиты». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начались уже возстанія въ пользу Карагеоргіевичей. Королева Наталія прислала сыну письмо, въ которомъ предостерегаетъ Александра отъ замысловъ и выходокъ его отца. Неужели нѣтъ средствъ убрать изъ Сербіи этого невмѣняемаго господина?

Испанія все ведетъ переговоры съ марокскимъ султаномъ и войска ея, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла въ пиратовъ Рифа, сидятъ, запершись въ Мелильѣ, откуда выслали только губернатора за то, что онъ республиканецъ. Султанъ ни за что не хочетъ платить 25 мильоновъ контрибуціи за военныя издержки испанцевъ, какъ его ни уговариваютъ Италія, Австрія и даже Англія. А деньги, даже больше чѣмъ Италіи, нужны этому стран-

ному государству, не платящему жалованья народнымъ учителямъ, но издерживающему по 14 мильоновъ въ годъ на бои быковъ; не ассигнующему ни копѣйки на больницы, но выкуривающему въ годъ на 50 мильоновъ табаку. Не мудрено, что въ этомъ табачномъ дыму одурманенные испанцы не въ силахъ разсуждать, какъ въ нормальномъ состоянiи и, поймавъ выводящихъ ихъ изъ терпѣнiя анархистовъ, отпускаютъ опять на всѣ четыре стороны.

Евреи безспорно поддерживаютъ другъ друга, но только до тѣхъ поръ, пока дѣло не касается денежной помощи: тутъ уже они дѣлаются совершенно глухи не только въ отношенiи къ христiанамъ, но и къ своимъ братьямъ. Особенной безсердечностью отличаются вездѣ раввины, которымъ, казалось бы, дѣло благотворительности ближе всего. Въ началѣ февраля, въ Лондонѣ, толпа евреевъ, оставшихся безъ работы и безъ всякихъ средствъ къ существованiю, произвела возмутительную манифестацiю, намѣреваясь проникнуть въ соборъ св. Павла, съ цѣлью принести жалобу канонику Голенду на полное равнодушiе раввиновъ къ страданiямъ евреевъ-рабочихъ и къ просьбѣ ихъ о помощи. Въ случаѣ отказа въ пособiи, они сбирались ворваться въ соборъ, и только сильные отряды полисменовъ удержали ихъ отъ этого покушенiя. Жаль, конечно, голодающихъ, но кто же виноватъ, что они наводнили Лондонъ, гдѣ мѣстнымъ пролетарiямъ и самимъ ѣсть нечего. И потомъ грязный образъ жизни жидовской черни, ея тупое изувѣрство, дикiе обряды возбуждаютъ антипатiю въ самомъ жалкомъ англiйскомъ оборванцѣ. Впрочемъ, изувѣрство въ крови у самыхъ либеральныхъ евреевъ—это черта ихъ нацiональнаго характера, и даже у насъ недавно редакторъ «Недѣли Восхода» самымъ рѣзкимъ образомъ выбранилъ врача-писателя г. Португалова (тоже еврейскаго происхожденiя) за то только, что онъ заговорилъ о вредѣ, съ точки зрѣнiя науки и нравственности, такихъ изувѣрствъ, какъ обрѣзанiе, хелицы, способъ убоя скота. Г. Ландау строжайше запрещаетъ касаться этихъ обрядовъ, забывая, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., омерзительную микву, запретили даже въ чертѣ осѣдлости. И еще эти изувѣры толкуютъ о равноправности, о сліянiи, о братскихъ чувствахъ къ гоямъ! Чувства эти они очень краснорѣчиво высказываютъ въ печати на разныхъ языкахъ, но на своемъ еврейскомъ повторяютъ предписанiя своего шулханъ-аруха. Въ львовскомъ сеймѣ депутатъ Мериневичъ вошелъ съ запросомъ о преподаванiи закона божiя ученикамъ-евреямъ. Оказывается, что учебники по этому предмету на еврейскомъ языкѣ заключаютъ въ себѣ много безнравственнаго и враждебнаго христiанству. Такъ напримѣръ, проповѣдуется слѣдующее ученiе: «съ гоевъ можно брать какiе угодно проценты и обмануть христiанина значитъ угодить Богу». Поэтому депутатъ требуетъ запрещенiя учебниковъ на еврейскомъ жаргонѣ. Врядъ ли только такое запрещенiе къ чему нибудь послужитъ; евреи всегда ищутъ случая

БИБЛІОТЕКА

обойти законъ, какъ нашли и у насъ при отбываніи общей воинской повинности. Огромное число евреевъ, не являющихся къ призыву по призывнымъ спискамъ, давно уже озабочивало наше правительство (такъ, изъ 655,000 призыва 1893 года евреевъ вызывалось 39,367 и не явилось 8,003, т. е. около 30%. Не добрано въ войска всего 4,774 человѣка и изъ нихъ 3,189 евреевъ). Чтобы парализовать подобное массовое уклоненіе отъ выполненія воинской повинности, по закону 1886 года, семью еврея, уклонившагося отъ своей обязанности, облагаютъ штрафомъ въ 300 рублей. Первое время эта мѣра подѣйствовала, но мало по малу евреи пріободрились и пустили въ ходъ очень незамысловатое средство въ обходъ закона: семья уклонившагося отъ повинности еврея устраивала дѣла свои такимъ образомъ, чтобы къ разсчетамъ съ казною оказаться вполнѣ несостоятельной и тогда, конечно, съ нея нельзя было взять никакого штрафа. Отъ этого недоимка за еврейскими семьями къ 1893 году возрасла до семи мильоновъ рублей. Выгодный гешефтъ! Но почему бы такую несостоятельную семью не высылать, какъ не имѣющую средствъ къ существованію, за границу?

НОВЫЯ КНИГИ.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томы 83, 84, 85, 86 и 87. 1893 г.

Наше «историческое общество» неутомимо продолжаетъ свою полезную дѣятельность и изъ года въ годъ выпускаетъ въ свѣтъ по нѣскольку томовъ весьма важныхъ изслѣдованій и документовъ. Пять огромныхъ книгъ сборника, изданныя въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года, представляютъ особенно богатый матеріалъ по самымъ разнообразнымъ историческимъ вопросамъ. 83-й томъ, напечатанный подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества А. А. Половцева, заключаетъ всю политическую переписку генерала Савари во время пребыванія его въ Петербургѣ, въ 1807 году. Она можетъ служить продолженіемъ тѣхъ томовъ сборника, гдѣ помѣщены документы дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей съ 1800 года, собранные А. С. Трачевскимъ (три тома: 70, 77 и 82). Изслѣдуя наполеоновскую эпоху по ея отношеніямъ къ Россіи, историки наши, какъ гг. Трачевскій и Татищевъ, разработали гораздо болѣе документовъ, чѣмъ французскіе писатели, какъ Вандаль, Рамбо и др., изучавшіе то же время. Переписка Савари, хранящаяся во французскомъ національномъ архивѣ, разсмотрѣна С. С. Татищевымъ, снявшимъ съ нея копіи, но редакція Сборника для полнаго освѣщенія событій, послѣдовавшихъ за тильзитскимъ миромъ, дополнила донесенія Савари письмами Наполеона и другими матеріалами, относящимися къ тому же предмету и извлеченными изъ петербургскаго и

парижскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Какъ важны эти бумаги для будущаго историка эпохи, доказывается тѣмъ, что изъ 85-ти документовъ, вошедшихъ въ этотъ томъ, 71 еще нигдѣ не были напечатаны. Сверхъ того, въ приложеніяхъ помѣщенъ текстъ четырехъ договоровъ, заключенныхъ въ Тильзитѣ, и личная переписка императоровъ въ теченіе шестимѣсячнаго пребыванія Савари въ Россіи. Въ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ отдѣльно вслѣдъ за документами, собраны указанія на всѣ факты, сообщаемые въ перепискѣ Савари, и нѣкоторые дополнительные матеріалы. Такимъ образомъ, томъ этотъ представляетъ полную исторію нашей дипломатіи въ 1807 году, когда Александръ I «надѣялся доставить своему народу періодъ мирнаго существованія гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ это допустило ненасытное властолюбіе Наполеона». Томъ этотъ представляетъ ту особенность, что напечатанъ весь безъ перевода на русскій языкъ, на которомъ являются только примѣчанія, оглавленіе, двѣ страницы предисловія и указатель. Конечно, французскій языкъ — дипломатическій языкъ и доступенъ всякому изслѣдователю историческихъ документовъ, но мы думаемъ, что было бы возможно если не перевести эти матеріалы, то хотя бы сдѣлать краткія указанія въ оглавленіи на ихъ содержаніе. А то вѣдь положительно странно составлять указатель русскихъ именъ для французскаго текста. Для иностранцевъ онъ безполезенъ и, не имѣя его на своемъ языкѣ, они, при русскомъ оглавленіи, должны будутъ перелистывать всѣ 300 страницъ тома, чтобы найти нужный документъ. Врядъ ли это удобно и практично. Офиціальные документы и договоры, конечно, всѣмъ извѣстны, но вѣдь въ письмахъ французскаго посланника, и особенно обоихъ императоровъ, много любопытныхъ подробностей, съ которыми охотно познакомился бы и русскій читатель. Такова, напримѣръ, записка Савари о русскомъ дворѣ и Петербургѣ. Посланникъ описываетъ семью государя, дворянство, купцовъ и народъ, «находящійся въ рабствѣ». Шесть человѣкъ болѣе близкихъ къ императору обѣдаютъ во дворцѣ три раза въ недѣлю, иногда чаще: оберъ-гофмаршалъ Толстой, Голицынъ, «министръ синода», князь Лобановъ, Гурьевъ, флигель-адъютантъ кн. Ливенъ и генералъ Уваровъ, командиръ кавалергардовъ, «довѣренное лицо—креатура» (въ примѣчаніи говорится, что Савари нигдѣ не упоминаетъ имени Аракчеева, который и тогда уже былъ временщикомъ). У императора никогда не собираются и въ 9-мъ часу онъ оставляетъ своихъ собесѣдниковъ. Императрица ведетъ совершенно уединенную жизнь и проводитъ время со своей сестрою, принцессою Амаліей Баденской. Большею частью она обѣдаетъ одна, а за столомъ императора является передъ тѣмъ, какъ подаютъ на столъ, и уходитъ тотчасъ послѣ кофе. Она много читаетъ, мало говоритъ и кажется очень холодною. При дворѣ никогда не бываетъ политическихъ интригъ. Вдовствующая императрица играетъ первенствующую роль. Даже на военныхъ церемоніяхъ

ждутъ ея появленія, чтобы начать ихъ, «хотя бы самъ императоръ присутствовалъ на нихъ». Ни одна награда, ни одно назначеніе не происходитъ безъ того, чтобы не явились благодарить императрицу-мать, хотя бы она въ этомъ не принимала никакого участія. Францію она не любитъ. Дворянство наше Савари обвиняетъ въ расточительности и распущенности. Въ Петербургѣ гораздо больше должниковъ, чѣмъ кредиторовъ, говоритъ онъ. О торговлѣ онъ очень не высокаго мнѣнія: вся она въ рукахъ англійскихъ купцовъ. О народѣ Савари не упоминаетъ вовсе, но даетъ совѣты, какъ привлечь Россію на сторону Франціи. Подобныхъ замѣтокъ немало и они могли бы быть интересны въ переводѣ.

745 страницъ 84-го тома Сборника наполнены протоколами и указами верховнаго тайнаго совѣта, отъ іюля до конца 1728 года, изданными подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Это уже шестой томъ, посвященный бумагамъ учрежденія, не игравшаго сколько нибудь замѣчательной роли ни въ политической, ни въ административной исторіи Россіи. Оно было основано для того, чтобы руководить Екатериною I, не готовившеюся въ своей латышской деревнѣ быть русской императрицею и совершенно неспособною давать правильный ходъ теченію внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ. Да и сами члены верховнаго совѣта: Меньшиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Толстой, Голицынъ, Остерманъ, занимались больше всего не государственными вопросами, а тѣмъ, что подкапывались другъ подъ друга: сначала Меньшиковъ вытѣснилъ Толстаго, потомъ остальные вытѣснили Меньшикова. При Петрѣ II вся власть перешла въ руки Долгорукихъ и Голицыныхъ. И все время совѣтъ заботился только о томъ, какъ бы принизить сенатъ: посылали ему указы изъ совѣта, отняли титулъ правительствующаго, назвали «высокоповѣреннымъ», потомъ просто «высокимъ». Извѣстно, какую жалкую роль играли верховники при воцареніи Анны Ивановны. Протоколы тайнаго совѣта даютъ мало матеріала для исторіи Россіи: въ нихъ мало данныхъ и для бытовыхъ сторонъ русской жизни, для характеристики дѣятелей того времени. Въ этомъ томѣ «протоколовъ» къ событіямъ общественной жизни относится только появленіе «опасной болѣзни» на берегахъ Каспійскаго моря, впрочемъ, недолго свирѣпствовавшей. Уже въ концѣ августа совѣтъ получилъ извѣстіе о прекращеніи заразы, болѣе всего опустошившей Астрахань. Въ Царицынѣ была устроена застава, чтобы не впускать никого въ зараженную мѣстность и не выпускать изъ нея; свободный пропускъ астраханцамъ разрѣшили въ октябрѣ. Въ этомъ же году княжество лифляндское и города Рига и Ревель получили особыя льготы. Много документовъ относится къ имуществу Меньшикова, отправленнаго въ ссылку. Съ его деньгами, вещами и припасами разнаго рода, не исключая хлѣба, отобранными въ дворцовую канцелярію, захвачено было и собственное имущество служителей павшаго временщика. Они подавали слезныя прошенія—

и оно имъ возвращалось. Встрѣчается немало бумагъ, относящихся къ старинным звамъ русскаго общества—взяткамъ и доносамъ: за взятки наказывали, хоть и не строго, за доносы награждали. Большое число изъ этихъ мелочныхъ документовъ относятся къ канцелярскимъ сборамъ, придворному хозяйству, подушнымъ сборамъ съ раскольниковъ, вотчинъ и т. п. Въ подробномъ оглавленіи, занимающемъ до 30-ти страницъ, при каждомъ документѣ приводится и его содержаніе, часто вовсе не объясняющее дѣла. Такъ, къ одному изъ первыхъ протоколовъ приложено прошеніе о помилованіи Пустыннаго и его девяти товарищей, сосланныхъ въ 1718 году въ каторгу «по извѣстному дѣлу». Какое это дѣло — *не* видно ни изъ протокола совѣта, ни изъ прошенія помилованныхъ «нижайшихъ рабовъ». Они просятъ только, чтобы его величество «ради своего многолѣтняго здравія, свободилъ ихъ въ Москву, чтобы имъ въ Сибири безгодною смертію съ женами и дѣтьми не помереть».

85-ый томъ заключаетъ въ себѣ донесенія и депеши англійскихъ пословъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ въ теченіе 1740 года и въ первые два мѣсяца 1741 г. Въ концѣ 1739 года, умеръ въ Петербургѣ англійскій резидентъ Рондо, жена котораго оставила такія любопытныя записки о придворной жизни въ Россіи того времени. На его мѣсто былъ посланъ Финчъ, пріѣхавшій къ процессу Волынскаго, о которомъ онъ сообщаетъ много подробностей. Но главная цѣль домогательствъ Финча—заключеніе оборонительнаго союза съ Англіей—всячески оттягивалась Остерманомъ, хотя Бирономъ склонялся на сторону англичанъ. Расположенія этого бывшаго нѣмецкаго конюха заискивала англійская аристократія, но добилась отъ него только разрѣшенія вывоза хлѣба въ Ганноверъ. Союзный договоръ такъ и не былъ подписанъ, сначала по случаю смерти Анны Ивановны, потомъ ради паденія Бирона, назначеннаго императрицею регентомъ, но низвергнутаго Анною Леопольдовной съ помощью Миниха. Напрасно были розданы и подарки русскимъ вельможамъ, сторонникамъ договора, одна статья котораго гарантировала Бирону и его семейству вѣчное владѣніе курляндскимъ герцогствомъ. Напрасно французскій маршалъ Бирономъ послалъ графа Божё съ письмомъ къ регенту, въ которомъ набивался къ нему въ родню и предлагалъ свой дворецъ въ Парижѣ въ распоряженіе сына Бирона, «наслѣднаго принца», сбиравшагося путешествовать. Всѣ ухаживанья за временщикомъ кончились съ заключеніемъ его въ шлиссельбургскую крѣпость, изъ которой онъ предостерегалъ правительницу противъ интригъ Миниха, доказывая, что фельдмаршалъ взялъ крупную взятку за свое содѣйствіе побѣгу короля Станислава изъ Данцига. Паденіемъ Миниха оканчиваются англійскія депеши, въ которыхъ много любопытныхъ частностей о лицахъ того времени. Всѣ документы переведены на русскій языкъ; въ немногихъ изъ нихъ сказано: конецъ депеши шифрованный. Это, конечно, самыя интересныя мѣста и неужели

въ англійскомъ архивѣ нельзя было отыскать шифра? Любопытно, что протоколъ, относящійся къ обсужденію съ Остерманомъ проэкта союза съ Англіей и заключающій до сорока страницъ въ Сборникѣ, изложенъ Финчемъ на французскомъ языкѣ, на которомъ, вѣроятно, и происходилъ разговоръ сановниковъ. Въ проэктѣ договора Англія, какъ и во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ другими державами, старается выговорить себѣ какъ можно больше выгодъ и предоставить союзникамъ какъ можно меньше; высчитываетъ съ малѣйшими подробностями число войскъ, какія въ этомъ «оборонительномъ» союзѣ Россія должна была выслать «на помощь Англіи для безопасности Европы (10,000 пѣхоты и 2000 драгунъ, что, по обычному разсчету трехъ пѣхотинцевъ за одного драгуна, составляетъ силу равную 16,000 пѣхоты; король же обязуется выставить военную эскадру въ 640 орудій)». Посланнику Георга II очень хотѣлось заручиться русской помощью для обезпеченія англо-американскихъ владѣній и въ войнѣ съ Испаніей, начатой задолго до переговоровъ съ Россіей, но осторожный Остерманъ отклонилъ всѣ англійскія вожделѣнія. Историческій интересъ всѣхъ этихъ документовъ неоспоримый.

86-й томъ, составленный подъ наблюденіемъ секретаря общества Г. Ѳ. Штендмана, содержитъ въ себѣ дипломатическую переписку съ парижскимъ дворомъ 1738, 39 и 40 гг. Это уже 9-й томъ сборника, наполненный подобною корреспонденціею. Въ апрѣлѣ 1738 года, Австрія и Россія прибѣгли къ посредничеству Франціи, «чтобы прекратить безполезную трату силъ въ войнѣ двухъ имперій съ Турціею», и въ слѣдующемъ году былъ заключенъ Бѣлградскій миръ, по которому Россія сохранила за собой одинъ Азовъ, съ обязательствомъ срыть его укрѣпленія. Тогда Франція отправила въ Петербургъ своего посланника, 34-лѣтняго маркиза де-ла-Шетарди, и этотъ томъ наполненъ преимущественно его донесеніями, которыми пользовался еще въ 1862 году Пекарскій, въ своей прекрасной монографіи: «Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи», и Вандаль въ сочиненіи: «Louis XV et Elisabeth de Russie», изданномъ два года назадъ. Кромѣ того, Рамбо помѣстилъ главнѣйшія депеши посланника въ своемъ капитальномъ «Сборникѣ инструкцій иностраннымъ посламъ». Поэтому, изъ 146-ти документовъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, совершенно неизвѣстныхъ очень мало, а важныхъ для исторіи вовсе нѣтъ. Тѣмъ не менѣе они интересны и характеристичны. Изъ нихъ видно, прежде всего, какой пустой человѣкъ былъ этотъ Шетарди, легкомысленный, тщеславный мотъ, проспавшій заключеніе союза между Россіей и Англіей, и заботившійся только о томъ, какъ установить церемоніалъ пріема его въ званіи французскаго посла при русскомъ дворѣ. Вандаль дѣлаетъ слишкомъ лестную характеристику этого шарлатана, напрасно названную «вѣрною» въ предисловіи, и хвалитъ его за внѣшній лоскъ, утонченную элегантность, галантное обращеніе, какъ будто въ этихъ качествахъ должно заклю-

чаться достоинство дипломата, вся политика котораго, по сознанію самого Вандаля, сводилась къ салонной интригѣ. Да и какое вліяніе могъ имѣть этотъ вертопрахъ при дворѣ Анны Ивановны, гдѣ господствовали нѣмцы, а Биронъ даже не могъ объясняться съ посланникомъ, не говоря по французски? Шетарди сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о Волынскомъ, о его взяточничествѣ и буйномъ нравѣ, выказанномъ имъ даже во время губернаторства въ Казани и Астрахани. Благодаря главнымъ образомъ его настояніямъ, были казнены Долгорукіе, какъ впослѣдствіи, по настоянію Бирона, былъ казненъ и Волынскій. Интересны депеши, относящіяся къ признанію наслѣдникомъ престола Ивана Антоновича и къ смерти Анны Ивановны. У будущаго императора отнята была даже фамилія его отца; ребенокъ былъ разлученъ съ родителями и отданъ на попеченіе жены Бирона; но Анна Ивановна такъ боялась смерти, что не хотѣла составлять духовнаго завѣщанія и уступила только просьбамъ Бирона изъ личнаго расположенія къ нему. Мы не видимъ только, почему въ предисловіи высказана мысль, что назначеніе Бирона регентомъ «оскорбляло государыню въ своемъ достоинствѣ». Какое же было въ этомъ оскорбленіе? Развѣ этотъ временщикъ и фаворитъ и безъ того не управлялъ Россіею во все царствованіе бывшей курляндской герцогини, которую верховники, на свою бѣду, задумали предпочесть прямой наслѣдницѣ престола, дочери Петра I. Говорятъ, что, назначая Бирона регентомъ, императрица сказала ему, что онъ будетъ самъ сожалѣть впослѣдствіи, что просьба его была исполнена, такъ какъ русскіе его не любятъ. Но русскіе были непричемъ, когда одинъ нѣмецъ захватилъ ночью другаго нѣмца въ его постели и отдалъ брауншвейгскимъ нѣмцамъ для поддержанія ихъ династіи. Непричемъ были они и во всѣхъ другихъ переворотахъ, начиная отъ воцаренія Екатерины I до Александра I...

87-ой томъ заключаетъ въ себѣ пятую часть политической переписки императрицы Екатерины II. Бумаги, помѣщенныя здѣсь, относятся только къ двумъ годамъ царствованія, седьмому и восьмому (1768—69), но и тутъ число нумеровъ, помѣщенныхъ въ пяти книгахъ Сборника, равняется 1900. Сколько же ихъ будетъ въ остальныя 27 лѣтъ ея жизни? И это еще только документы, относящіеся къ внѣшней политикѣ Россіи, ея международнымъ отношеніямъ. Какую же массу матеріала составятъ бумаги о внутренней жизни нашего отечества въ эпоху, слѣды которой не изгладились еще до нашего времени? Документы, помѣщенные въ этомъ томѣ, чрезвычайно разнообразны: они касаются и мѣръ о недопущеніи созванія въ Стокгольмѣ чрезвычайнаго сейма, и препирательствъ съ Франціею объ императорскомъ титулѣ, и нежеланія русскаго двора принять Макартнея въ качествѣ англійскаго посла, трактата съ Польшей, переговоровъ съ куріею о диссидентахъ, сношеній съ Турціею, Даніей, Венеціей, появленія въ Черногоріи самозванца Петра III. Самозванецъ этотъ очень тревожилъ правительство: были рескрипты къ пограничнымъ губернаторамъ о при-

нятіи мѣръ относительно пріѣзжающихъ; въ Черногорію отправленъ особый посланникъ съ грамотою черногорскому народу, изобличающею самозванца, съ воззваніемъ къ черногорцамъ отъ имени самой императрицы. Озабочивала ее также готовящаяся къ выходу въ свѣтъ «Исторія революціи 1762 года въ Россіи», и Панинъ пишетъ къ совѣтнику посольства въ Парижѣ, чтобы тотъ постарался, безъ огласки, самъ или чрезъ Дидро, купить у автора его рукопись за 200—400 червонцевъ, съ обѣщаніемъ не печатать этого произведенія. Есть тутъ бумаги и не имѣющія отношенія къ внѣшней политикѣ, какъ о волненіяхъ крестьянъ въ Украинѣ и Подоліи, о грабительствахъ генерала Кречетникова, о привитіи оспы императрицѣ и др. Интересъ бумагъ возрастаетъ съ объявленіемъ войны Турціи и возстаніемъ польскихъ конфедератовъ. Томъ этотъ заключается нѣмецкими рескриптами императрицы Бирону и его сыну, по случаю вступленія послѣдняго въ управленіе курляндскимъ герцогствомъ. Собственноручныхъ писемъ и замѣтокъ Екатерины въ томѣ не много. Приложенный къ нему указатель очень сжатъ и даетъ только однѣ фамиліи безо всякихъ цифръ и данныхъ, безъ указанія объ отношеніяхъ ихъ къ одноименнымъ людямъ. Такъ, даже не названы: гр. Тотлебенъ, сопровождавшій сына Бирона, Карла, въ его поѣздкѣ въ Парижъ, гдѣ ихъ обоихъ едва не посадили въ тюрьму за долги, и бывшій генералъ-маіоръ русской службы съ тою же фамиліею, о которомъ Панинъ пишетъ запорожскому атаману и двумъ генералъ-губернаторамъ, что если «сего измѣнника нашему отечеству въ прошедшей прусской войнѣ, лишеннаго всѣхъ честей и выгнаннаго за границы имперіи, особливымъ вашимъ стараніемъ, живаго или мертваго, въ руки намъ доставите, то несомнѣнно заслужите новую отличнѣйшую милость отъ нашей августѣйшей государыни». Какъ важно было для Екатерины поймать этого Тотлебена, находившагося неизвѣстно въ какихъ отношеніяхъ къ гр. Тотлебену, видно изъ ея собственноручнаго рескрипта графу Румянцеву, гдѣ императрица приказываетъ генералъ-аншефу «употребить всевозможныя мѣры и способы къ вѣрному его, тѣмъ или другимъ образомъ, прибранію въ наши руки, дабы онъ инако пакостей причинить не могъ. А въ прочемъ пребываемъ вамъ императорскою нашею милостью благосклонны». Указатели непремѣнно должны пополнять свѣдѣнія о лицахъ, вскользь упоминаемыхъ въ документахъ.

Н. Никифоровъ. **Озимые всходы.** Стихотворенія. 1894.

Д. Ратгаузъ. **Стихотворенія.** 1894. Кіевъ.

Еще два поэта — ихъ же имена на Руси ты, единый, Господи, вѣси! Одинъ столичный, петербургскій, другой—провинціальный, кіевскій. Одинъ предлагаетъ 74 стихотворенія, напечатанныхъ на 115 страницахъ очень разгонистаго шрифта, за рубль съ четвертью, другой даетъ 120 пьесъ на 320-ти страницахъ, не считая, понятно, эпиграммъ, и еще, между этими плодами музы, 14 большихъ поэмъ, занимающихъ до сотни

страницъ, тогда какъ каждое кіевское стихотвореніе умѣщается не больше какъ на полутора страницѣ. И за все это петербургскій поэтъ желаетъ получить только рубль съ полтиной. Не говоримъ уже о томъ, что кіевлянинъ пишетъ стихи только pro domo suo, изливаетъ свои личныя ощущенія, впечатлѣнія, размышленія, а петербуржецъ сыплетъ думами, грёзами, путевыми картинами, всѣми видами лирики; есть у него даже цѣлый отдѣлъ, озаглавленный: «Мгновенія», есть переводы изъ Гёте, Гейне, Гюго, Ленау и др.—однимъ словомъ, и здѣсь, какъ всегда, столица опередила провинцію и разнообразіемъ своей фантазіи старается сравняться съ твореніями запада. И неужели г. Ратгаузъ самъ не чувствуетъ, что семьдесятъ пьесъ, посвященныхъ самому себѣ, своей любви «весною и лѣтомъ, ночью, при закатѣ солнца», во всѣ времена дня и года—слишкомъ много? Вѣдь еще Мицкевичъ упрекалъ своихъ собратій, славянскихъ поэтовъ, что каждый изъ нихъ «только о себѣ самомъ «w kazdej nuci dumie», а русскій поэтъ говорилъ такому самовоспѣвателю: «какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ? Къ чему намъ знать твои волненья»? И хотя изъ стиховъ г. Ратгауза не видать, чтобы онъ особенно страдалъ и мучился,—у него, напротивъ, гораздо больше пьесъ, воспѣвающихъ восторги и блаженство любви,—но вѣдь и объ этомъ сюжетѣ писано уже столько, что новаго тутъ ничего не изобразишь и не придумаешь. Вотъ г. Никифоровъ очень сдержанъ относительно сладкихъ сценъ и воспоминаній, и къ дамамъ относится больше съ сатирической точки зрѣнія. Всѣ свои нѣжныя ощущенія и сердечныя страданія онъ выдѣлилъ подъ рубрику: «Мгновенія», предупредительно поставивъ подъ пьесами этого отдѣла разныя числа семидесятыхъ годовъ. Числа эти напоминаютъ, что стихи написаны двадцать лѣтъ назадъ и что поэту въ то время было столько же лѣтъ. Конечно, было бы еще лучше, еслибы эти «мгновенія», дорогія для автора, остались въ его памяти, а не въ печати, но, кромѣ этого отдѣла, на всѣхъ другихъ рубрикахъ можно остановить вниманіе. Изъ поэмъ его выдаются: «Буреломъ»—исторія бѣглаго каторжника, убившаго своего отца, за то что тотъ жилъ съ женой своего молодаго сына; «Настя изъ Савкиной горы», гулящая крестьянка, задумавшая бросить свою позорную жизнь и явившаяся къ сельскому учителю съ просьбой научить ее грамотѣ. Быстро усвоиваетъ она школьную премудрость, но бѣдный учитель влюбляется въ свою красивую ученицу, и когда предлагаетъ ей сдѣлаться его женой, она проситъ его дать ей время замолить свои прежніе грѣхи. Она уходитъ на богомолье, а бѣднякъ, не дождавшись ея возвращенія, спивается. «Сергѣй Лярскій»—хорошо выдержанный типъ аристократа, когда-то богатаго, но отецъ котораго, спустивъ все состояніе въ Монако, оставляетъ, умирая, одни долги, а сынъ, бросая свѣтскую жизнь, уѣзжаетъ въ оставшуюся у него бѣдную деревушку, чтобы работать тамъ вмѣстѣ съ народомъ. Но онъ увлекается дочерью богатаго

купца-сосѣда, женится на ней, и жена приходитъ въ ужасъ отъ намѣренія мужа—жить всегда съ мужиками, когда у нея есть средства жить въ столицѣ и за границей. Она бросаетъ мужа въ деревнѣ и, уѣхавъ въ Москву, успѣваетъ выхлопотать себѣ разводъ, а Лярскій остается, какъ прежде, бѣднякомъ. «Ириней-міроѣдъ» — рождественскій разсказъ о томъ, какъ деревенскій міроѣдъ, потерявшій жену и дѣтей и зачерствѣвшій въ торговыхъ дѣлахъ, готовится разорить помѣщика, запутавшагося въ долгахъ, и приходитъ съ его векселями, когда въ помѣщичьей семьѣ елка. Дѣти окружаютъ съ ласками гостя и спрашиваютъ, что̀ имъ принесъ въ подарокъ добрый дядя. Растрогавшійся Ириней даритъ имъ—векселя ихъ отца. Такіе сюжеты доказываютъ, что г. Никифоровъ не ограничивается въ своихъ стихахъ мелкими злобами дня, а затрогиваетъ вопросы болѣе серьезные и широкіе. Стихъ его всегда звученъ и гладокъ, впрочемъ, негладкихъ стиховъ не найдешь теперь даже у жидовскихъ и жидовствующихъ стихотворцевъ. Только эпиграммы его слишкомъ добродушны и вертятся больше на каламбурахъ. Между поэтами нашей мелкой прессы г. Никифоровъ занимаетъ все же одно изъ первыхъ мѣстъ.

Очеркъ комерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Составилъ *Д. Моревъ*. Изданіе 3-е. 1893.

Увлеченіе классицизмомъ, принесшее намъ столько вреда и замедлившее лѣтъ на двадцать развитіе всѣхъ отраслей не только умственной, но и практической жизни, замѣтно ослабѣло даже въ сознаніи лицъ, упорно державшихся этого ложнаго направленія, не свойственнаго ни русской природѣ, ни кореннымъ началамъ народнаго міровоззрѣнія. Здравые, реальные взгляды преобладаютъ не только въ обществѣ, но и въ школѣ. Это доказывается, между прочимъ, и успѣхомъ книги г. Морева, въ теченіе пяти лѣтъ потребовавшей третьяго изданія. А между тѣмъ предметъ этой книги— комерческая географія, хозяйственная статистика — очень сухой, и это не болѣе какъ учебникъ, составленный для реальныхъ и комерческихъ училищъ. Да и учебникъ этотъ чрезвычайно сжатъ и кратокъ, и нелегко было составить его, такъ какъ для прохожденія и изученія этого важнаго предмета назначено въ реальныхъ школахъ всего два часа въ недѣлю. По неволѣ пришлось составителю книги дать ей названіе «очерка» и помѣстить въ ней преимущественно свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи, а данныя другихъ странъ приводить собственно для сравненія. Но при составленіи своего очерка г. Моревъ все таки имѣлъ въ виду не однихъ учениковъ, но и читателей, интересующихся экономическими вопросами и желающихъ имѣть свѣдѣнія о современномъ состояніи важнѣйшихъ отраслей русскаго народнаго хозяйства. Лица, не имѣющія ни возможности, ни времени рыться въ спеціальныхъ статистическихъ сборни-

кахъ, наполненныхъ столбцами голыхъ цифръ безъ всякихъ объясненій и сравненій, будутъ благодарны автору за его трудъ, представляющій выводъ изъ этихъ цифръ. Данныя, приводимыя имъ, взяты изъ послѣднихъ, самыхъ свѣжихъ источниковъ, и въ третьемъ изданіи доходятъ до 1892 года, такъ что по отношенію въ цифрамъ оно является совершенно новымъ и переработаннымъ, что вполнѣ естественно, такъ такъ мѣняющіяся цифры требуютъ и новыхъ выводовъ. Но планъ руководства остается прежній: очеркъ имѣетъ два отдѣла: первый посвященъ изученію путей сообщеній и средствъ сношеній, второй содержитъ обзоръ промышленности и торговли Россіи, сравнительно съ другими государствами. Такимъ образомъ, характеръ перваго отдѣла преимущественно географическій, втораго—статистическій. Въ новомъ изданіи помѣщены вновь статьи о подвижномъ составѣ, перевозочной дѣятельности, тарифахъ и доходахъ желѣзныхъ дорогъ, приведены болѣе подробныя данныя о производствѣ и потребленіи разныхъ продуктовъ въ другихъ государствахъ. Многія цифры провѣрены по первоисточникамъ, хотя провѣрка требовала кропотливаго труда, особенно при переводѣ иностранныхъ мѣръ на русскія, гдѣ, при вычисленіяхъ величинъ, носящихъ одно и то же названіе, надо было различать ихъ еще по мѣсту происхожденія, такъ какъ англійскія и американскія тонны и бушели или индійскія и американскія капы хлопка имѣютъ различную величину. Въ первомъ отдѣлѣ книги подробно изложено торговое значеніе путей сообщенія и средствъ перевозки; внѣшнія условія торговыхъ оборотовъ, торговли биржевой, контрактовой, складочной, доковой, аукціонной; естественные и искуственные пути, распредѣленіе грузовъ между водными и желѣзными дорогами; мореходство и морскіе промыслы, судоходство, торговые флоты, каботажное плаваніе, а по внутреннимъ путямъ сообщенія: общія условія судоходности рѣкъ, ихъ регулированіе, исправленіе, рѣчной флотъ, желѣзнодорожная сѣть и, какъ средства сношеній, почта, телеграфъ, телефонъ. Въ статистическомъ отдѣлѣ русской торговли и промышленности разсмотрѣны всѣ виды добывающей промышленности и торговли сырыми продуктами: хлѣбомъ, льномъ, хлопкомъ, лѣсомъ, а, кстати, рыбные, звѣриные, горные промыслы, добыча нефти и минераловъ. Въ отдѣлѣ обработывающей промышленности въ Россіи изложено состояніе нашей фабрично-заводской дѣятельности, привозъ иностранныхъ издѣлій, обороты нашихъ фабрикъ и заводовъ, обработывающихъ питательныя и волокнистыя вещества, металлы и животные продукты, и разнаго рода производства: резиновое, асфальтовое, минеральныхъ маслъ и пр. Здѣсь же изложено и кустарное производство, къ сожалѣнію, въ весьма сжатомъ очеркѣ. Внутренняя торговля Россіи, ярмарки, акціонерныя компаніи, кредитныя учрежденія занимаютъ десятокъ страницъ. Книга оканчивается краткимъ обозрѣніемъ всемірной торговли и участія въ ней Россіи. Приводя въ заключеніи изложеніе па-

раграфа о международной торговлѣ хлѣбомъ, авторъ говоритъ, что Россія еще можетъ вернуть себѣ преобладающее значеніе на европейскомъ рынкѣ—если воспользуется горькими уроками прошлаго и примѣромъ другихъ странъ... Надежда очень шаткая.

Александръ Амфитеатровъ. Сонъ и явь. Разсказы. Москва. 1893.

Г. Амфитеатровъ, въ сравнительно короткій промежутокъ времени, пріобрѣлъ репутацію талантливаго публициста; его фельетоны въ московскихъ и петербургскихъ газетахъ читаются съ удовольствіемъ и пользой; въ нихъ всегда найдется нѣкоторая опредѣленная идея, иллюстрированная фактами повседневной жизни и изложенная литературнымъ языкомъ. Въ этихъ фельетонахъ авторъ проявляетъ солидное образованіе и большую начитанность. Въ отличіе отъ многихъ другихъ фельетонистовъ, которыми часто «владѣетъ перо» и которые, начавъ фельетонъ, сами не знаютъ, чѣмъ закончатъ его—куда приведетъ ихъ «власть пера»—г. Амфитеатровъ *самъ* «владѣетъ перомъ», не позволяя ему уклоняться въ сторону, сбиваться съ пути. Эти фельетоны авторъ подписываетъ разными псевдонимами, раскрывать которые мы не считаемъ себя вправѣ, не смотря на то, что одинъ изъ нихъ былъ раскрытъ уже, благодаря нескромности нѣкоего рецензента.

Беллетристическое дарованіе г. Амфитеатрова нѣсколько менѣе публицистическаго, судя по недавно вышедшему сборнику: «Психопаты (правда и вымыселъ)»; въ настоящее время передъ нами другой его сборникъ, заглавіе котораго выписано выше.

Книга «Сонъ и явь» состоитъ почти сплошь изъ легендъ. Здѣсь помѣщены кавказскія, малороссійскія и итальянскія легенды въ художественной обработкѣ автора. Писать легенды и легко, и трудно: легко, потому что тема и главный рисунокъ готовы, и авторской «выдумкѣ», авторскому творчеству въ выборѣ и сочиненіи темы—нѣтъ мѣста; трудно, потому что обработка легенды требуетъ неподдѣльнаго поэтическаго дарованія... Легенды г. Амфитеатрова написаны литературно и довольно поэтично, хотя, мало разработаны. Наиболѣе интересными намъ показались итальянскія легенды: *Падре Агостино*, *Стрѣлки въ Тоскани* и *Черный всадникъ*, въ особенности послѣдняя, повѣствующая въ поэтическихъ образахъ о побѣдѣ любви надъ смертью. Это одна изъ наиболѣе подробно разработанныхъ легендъ въ разбираемомъ сборникѣ, да и сама по себѣ легенда очень интересна. Очень жаль, что авторъ не сдѣлалъ при своихъ легендахъ указаній на источники, изъ которыхъ онъ ихъ заимствовалъ; такое указаніе сдѣлано лишь при малороссійской легендѣ «Ветла», въ примѣчаніи къ которой сказано, что это «отдаленный варіантъ литовскаго преданія о Блиндѣ-вербѣ». Книжка издана очень опрятно, и навѣрное прочтется съ удовольствіемъ всѣми любителями легкаго и изящнаго чтенія.

Географическое распредѣленіе града въ европейской Россіи и зависимость этого явленія отъ рельефа земной поверхности. *В. А. Таргонскаго.* Москва, 1893 г.

Авторъ этого сочиненія въ прошломъ году издалъ трудъ: «Страхованіе отъ градобитія», въ которомъ старался показать, что̀ сдѣлано у насъ въ Россіи по обезпеченію земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, вызываемыхъ градобитіями, и что̀ предстоитъ еще сдѣлать намъ въ этомъ направленіи. Въ настоящее время авторъ задался цѣлью кратко изложить все, что̀ извѣстно о градѣ, какъ атмосферическомъ явленіи, наглядно показать, нѣсколько тѣ или другія мѣстности европейской Россіи и въ какой степени подвергаются бѣдствію отъ града и, наконецъ, положить начало работамъ по составленію подробной карты географическаго распредѣленія града въ Россіи. Нужно сказать, что затронутый авторомъ вопросъ принадлежитъ къ числу весьма важныхъ, но еще совсѣмъ не изслѣдованныхъ предметовъ, и нельзя поэтому не привѣтствовать автора за попытку дать хоть что нибудь для разрѣшенія вопроса о томъ, ка̀къ велики размѣры бѣдствія, причиняемаго градомъ.

Трудъ г. Таргонскаго заключаетъ въ себѣ пять слѣдующихъ отдѣловъ: 1) причины града, 2) особенности града, 3) теорія образованія града, 4) географическое распредѣленіе града въ европейской Россіи и 5) зависимость града отъ рельефа земной поверхности. Мы остановимся на выводахъ автора относительно географическаго распредѣленія града. Наша бѣдная метеорологическая статистика не даетъ никакихъ свѣдѣній о географическомъ распредѣленіи града, но, такъ какъ существуетъ связь между грозой и градомъ, то и о распредѣленіи града судятъ по распредѣленію грозъ. Конечно, признавая въ общемъ параллельность хода грозъ, града и всѣхъ другихъ водныхъ осадковъ, нельзя отвергать и того факта, что явленія града, повторяются очень часто и безъ всякой связи или зависимости отъ грозъ, поэтому, при составленіи карты распредѣленія града, нельзя вообще руководствоваться данными о географическомъ распредѣленіи грозъ. Чтобы составить болѣе точную карту географическаго распредѣленія града, авторъ воспользовался статистическими данными общества взаимнаго страхованія посѣвовъ отъ градобитія. Изъ этихъ-то данныхъ слѣдуетъ, что на сѣверѣ и югѣ Россіи градобитія чрезвычайно рѣдки, что число ихъ увеличивается въ прибалтійскихъ губерніяхъ, достигая самой бо̀льшей силы въ юго-западныхъ, а затѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. Карта географическаго распредѣленія града въ европейской Россіи наглядно изображаетъ это распредѣленіе. Если обратить вниманіе на то, что западныя и центральныя части Россіи представляютъ собою обширныя возвышенныя пространства, то окажется, что градъ повторяется чаще въ мѣстностяхъ, возвышающихся надъ уровнемъ моря отъ 80—140 саж., а мѣстности, лежащія ниже 80—60 саж. надъ уровнемъ моря (долины и

низменности) рѣдко подвергаются градобитіямъ. Вторымъ факторомъ, вліяющимъ на распредѣленіе града, является составъ почвы: именно оказывается, что супесчаная и суглинистая почвы благопріятны для града, а песчаная и мѣловая — неблагопріятны. Зависимость града отъ состава почвы объясняется свойствомъ той или другой почвы—въ большей или меньшей степени испарять влагу. При длительности знойнаго времени, когда быстро испаряется значительное количество воды, въ большинствѣ случаевъ и образуется градъ. Затѣмъ явленіе града зависитъ отъ культуры почвы, лѣса, характера поверхности и пр. Брошюра г. Таргонскаго заключаетъ въ себѣ очень много интереснаго и написана простымъ и яснымъ языкомъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по водянымъ путямъ.—Вода, какъ продуктъ потребленія, какъ средство сообщенія и какъ необходимѣйшее условіе плодородія почвы.—Обиліе вѣдомствъ, которымъ поручены заботы о водѣ.—Потребности нашего воднаго дѣла.—Задачи перваго съѣзда, вытекающія изъ неурядицъ и ненормальностей въ водномъ хозяйствѣ Россіи.—Наши умственные «пути сообщенія» съ западною Европою.—Попытка затормозить ихъ посредствомъ литературныхъ конвенцій.—Фальшивые доводы въ пользу новаго налога.—Необходимость возвышенія народнаго образованія въ Россіи и урегулированія литературнаго и издательскаго дѣла.—Проэктъ торговаго трактата между Россіей и Германіей.—Недовольство московскихъ мануфактуристовъ и торговцевъ.

21 января текущаго года, въ конференцъ-залѣ института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I, былъ открытъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора П. А. Фадѣева, первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по водянымъ путямъ. Открытіе этого съѣзда воскресило въ обществѣ надежды на то, что за нашими заброшенными водяными путями наконецъ-то будетъ признано то громадное значеніе, которое они несомнѣнно имѣютъ въ экономической жизни Россіи. Упорядоченіе воднаго хозяйства давно уже является однимъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни, такъ какъ до сихъ поръ у насъ слишкомъ мало удѣлялось вниманія этой отрасли государственной экономіи. Отъ «перваго» съѣзда русскихъ дѣятелей по водянымъ путямъ наше отсталое, неблагоустроенное водное хозяйство ожидаетъ рѣшительнаго толчка, рѣшительныхъ перемѣнъ въ своей судьбѣ.

Громадное государственное значеніе воднаго хозяйства прямо вытекаетъ изъ той важной роли, которую вода играетъ какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни всей страны, являясь первѣйшимъ жизненнымъ продуктомъ потребленія, средствомъ самаго

дешеваго сообщенія и необходимѣйшимъ, наконецъ, условіемъ плодородія почвы. Не смотря на такую свою важность, вода до сихъ поръ не имѣетъ, однако, у насъ достаточно разработаннаго законодательства и не подчинена надзору вполнѣ опредѣленнаго вѣдомства: водою завѣдываютъ всѣ вообще, и никто спеціально. Не мудрено поэтому, что въ нашемъ водномъ хозяйствѣ замѣчаются большія неурядицы и разстройство.

Наукой давно уже выяснены дурныя послѣдствія для общественнаго здоровья отъ недостатка воды и ея недоброкачественности. Наблюденія надъ смертностью и заболѣваемостью населенія точно также прямо привели къ признанію серьезнаго антисанитарнаго значенія за отсутствіемъ или загрязненіемъ воды. Чтобы видѣть важное значеніе этого предмета потребленія, стоитъ вспомнить только о тѣхъ многоразличныхъ услугахъ, которыя вода оказываетъ людямъ: она служитъ для домашняго быта, для тушенія пожаровъ, для поливки улицъ, растеній, для фабрикъ и заводовъ и пр., и пр. Между тѣмъ, въ Россіи во многихъ мѣстахъ чувствуется крайній недостатокъ воды вообще и тѣмъ болѣе воды чистой и годной къ употребленію. Такъ, главнымъ источникомъ воды по всему югу Россіи служатъ пруды, ставки и вообще запруды, въ которыхъ собирается, главнымъ образомъ, снѣговая и дождевая вода. Но во всѣхъ этихъ водовмѣстилищахъ—вода стоячая, затхлая, зацвѣтшая, наполненная миріадами животныхъ и водорослей. Но даже и тамъ, гдѣ въ изобиліи имѣются текущія воды, нелегко бываетъ достать чистую воду, вслѣдствіе той свободы, съ которою производится у насъ загрязненіе рѣкъ и каналовъ. Поскольку вода служитъ продуктомъ потребленія, вліяя своимъ качествомъ и количествомъ на смертность и заболѣваемость населенія, она находится въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Но вода, кромѣ того, какъ мы сказали выше, служитъ еще средствомъ самаго дешеваго сообщенія. Водяные пути имѣютъ особенно важное значеніе въ нашемъ отечествѣ, гдѣ, при громадности разстоянія и малоцѣнности тяжелыхъ грузовъ, дешевизна перевозки является вопросомъ первой необходимости. Вслѣдствіе этого, у насъ въ Россіи должно быть удѣляемо исключительное вниманіе развитію водныхъ сообщеній, улучшенію существующихъ и постройкѣ новыхъ. Между тѣмъ, за послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ, мы, настойчиво стремясь къ увеличенію нашей желѣзнодорожной сѣти, совершенно не думали о водныхъ путяхъ сообщенія, играющихъ весьма видную роль въ жизни государства и пришедшихъ за послѣдніе годы въ очень печальное состояніе. Что почти всѣ наши судоходныя рѣки мелѣютъ, это является неоспоримымъ, хотя и грустнымъ фактомъ. Мелѣютъ Волга, Донъ, Днѣпръ, Кама, Ока, Днѣстръ и пр., и мелководье ихъ съ каждымъ годомъ становится все больше и больше. Давно уже признано, что водные пути сообщенія представляютъ одинъ изъ дешевыхъ способовъ передвиженія грузовъ, а потому развитіе ихъ ведетъ къ удешевленію предметовъ потребленія. Отсюда и содержаніе водяныхъ путей въ удовлетворительномъ состояніи должно быть признано народною, а, слѣдовательно, и государственною потребностью. Расходовъ на это—какъ

бы они громадны ни были—жалѣть нечего, ибо улучшеніе водныхъ путей сообщенія несомнѣнно послужитъ къ поднятію народнаго благосостоянія.

Убытки, которые теперь несетъ населеніе отъ обмеленія рѣкъ, выражаются въ громадныхъ, колоссальныхъ суммахъ, и эти убытки именно несетъ весь народъ, а не одни только торговцы и промышленники. При неустройствѣ водяныхъ путей сообщенія и происходящей, вслѣдствіе того, затруднительности въ доставкѣ по нимъ грузовъ,—товары, разумѣется, дорожаютъ, что̀ и отражается на карманахъ ихъ потребителей, т. е. всего народа, всѣхъ классовъ населенія. Чтобы необходимость упорядоченія нашихъ водяныхъ путей сообщенія представилась намъ вполнѣ осязательной, стоитъ обратить вниманіе на Волгу, которая всегда считалась «кормилицей русскаго народа». Но если обмеленіе ея пойдетъ далѣе, то Волга въ недалекомъ будущемъ перестанетъ быть этой «кормилицей», и изъ судоходной рѣки обратится,—по крайней мѣрѣ, во многихъ своихъ частяхъ,—въ рѣку, неудобную для судоходства. Обмеленіе нашихъ судоходныхъ рѣкъ, являясь неоспоримымъ фактомъ, требуетъ, чтобъ мы обратили на него серьезное вниманіе и приступили бы, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, къ уничтоженію тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ печальное состояніе нашихъ водяныхъ путей сообщенія. Обмеленіе русскихъ рѣкъ является весьма грустнымъ фактомъ еще и потому, что, не смотря на богатство своихъ водныхъ путей, Россія сравнительно съ своимъ общимъ пространствомъ значительно бѣднѣе судоходными путями, чѣмъ западно-европейскія страны. Такъ, на 100 кв. миль пространства Франція имѣетъ 135 верстъ судоходныхъ путей, Германія—119, Италія—59, а Россія—только 35. Кромѣ того, наши водные пути не представляютъ одной цѣльной сѣти, всѣ части которой были бы связаны между собой: между отдѣльными рѣками нѣтъ усовершенствованныхъ соединительныхъ путей, каналовъ или желѣзныхъ дорогъ, а потому многія мѣстности лишены возможности сбывать громоздкіе товары. Какъ на всемъ земномъ шарѣ, такъ и въ Россіи развитіе желѣзныхъ дорогъ сначала такъ увлекло вниманіе общества, что сооруженіе каналовъ и регулированіе рѣкъ повсюду пріостановились на нѣкоторое время. Но въ цивилизованныхъ странахъ теперь уже пришли къ выводу, что водяные пути могутъ во многихъ случаяхъ успѣшно соперничать съ желѣзными дорогами и не должны быть совершенно вытѣсняемы этими послѣдними. Вслѣдствіе этого, во всѣхъ государствахъ Европы и Америки снова вспомнили о водяныхъ путяхъ, и тамъ частью исполненъ, частью намѣченъ цѣлый рядъ систематическихъ работъ по углубленію, очищенію рѣкъ и сооруженію каналовъ. Кромѣ обмеленія рѣкъ и отсутствія связи между ними, какъ условій, тормозящихъ развитіе нашихъ водяныхъ путей, мы считаемъ нужнымъ указать еще на зависимость развитія этихъ путей отъ желѣзнодорожной политики. Дѣло въ томъ, что водяные пути сообщенія, разнообразно сочетаясь съ рельсовыми,—то какъ питательныя артеріи для послѣднихъ, то какъ коммуникаціи между ними, то, наконецъ, какъ конкурренты,—работаютъ въ тѣсной связи съ рельсовою сѣтью и, конечно, вслѣдствіе этого, испытываютъ на

себѣ вліяніе желѣзнодорожной политики. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о размѣрахъ нашихъ водяныхъ путей, приведемъ нѣкоторыя цифровыя данныя. Въ европейской Россіи съ Кавказомъ мы имѣемъ около 70,000 верстъ водяныхъ путей, годныхъ для судоходства. Всѣ каналы въ Россіи имѣютъ 741 версту длины, а части рѣкъ со шлюзами составляютъ только 1,300 верстъ. Эти цифры оказываются весьма незначительными при сравненіи ихъ съ данными западно-европейскихъ государствъ. Въ тѣсной связи съ малымъ развитіемъ и неблагоустройствемъ нашихъ водяныхъ путей находится незначительность нашихъ денежныхъ затратъ на это дѣло. Такъ, всѣ расходы на водяные пути не превышаютъ у насъ 3 милліоновъ руб. въ годъ, т. е. менѣе 100 руб. на 1 версту судоходныхъ рѣкъ, тогда какъ въ западной Европѣ на каждую версту водныхъ путей затрачивается по 300 — 400 руб. въ годъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ расходуютъ на одни изысканія болѣе милліона рублей ежегодно. Останавливаясь на вопросѣ о средствахъ для улучшенія и приведенія нашихъ водяныхъ путей въ тотъ порядокъ, который все болѣе и болѣе требуется условіями нашей экономической жизни, мы приведемъ заключительные выводы послѣдняго международнаго конгресса въ Парижѣ. «Огромное значеніе водяныхъ путей для каждой страны,—было постановлено конгрессомъ,—разсматриваемой, какъ одно цѣлое, оправдываетъ участіе, по мѣрѣ возможности, государства въ постройкѣ и поддержаніи водныхъ путей, чтобы облегчить перевозку грузовъ на большія разстоянія по дешевымъ цѣнамъ. Пользованіе водяными путями не должно быть, насколько возможно, предметомъ какого бы то ни было обложенія. Спеціальные сборы могутъ быть разрѣшаемы только при совершенномъ недостаткѣ общегосударственныхъ средствъ и должны идти на покрытіе расходовъ, способныхъ содѣйствовать развитію водныхъ путей и судоходства». При необъятности абсолютнаго протяженія нашихъ водяныхъ путей и при томъ важномъ значеніи, какое имѣютъ эти пути для господствующихъ у насъ тяжелыхъ и малоцѣнныхъ грузовъ, нужно считать совершенно недостаточнымъ размѣръ денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на поддержаніе и развитіе этихъ путей въ нашемъ государствѣ. Какъ видно изъ интересной лекціи Н. И. Вознесенскаго, недавно прочитанной имъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приближающихся по естественнымъ условіямъ къ нашему отечеству, не жалѣютъ средствъ на развитіе водныхъ сообщеній, на устройство своеобразныхъ приспособленій, перегружающихъ милліарды пудовъ въ годъ, гидротехническихъ сооруженій и на многія другія мѣры, приводящія къ удешевленію перевозки. Въ Соединенныхъ Штатахъ сознали уже важное значеніе водныхъ сообщеній для экономической жизни страны, а такъ какъ Россія во многихъ отношеніяхъ (громадность разстояній, рѣдкость населенія, богатство водяныхъ путей, отсутствіе густой сѣти шоссе и пр.) напоминаетъ штаты, то и намъ полезно было бы развить свои водяные пути и тѣмъ самымъ сохранить для народнаго хозяйства десятки, а, можетъ быть, и сотни, милліоновъ рублей въ годъ на перевозкѣ грузовъ. Считая идеаломъ безплатное поль-

зованіе совершенно благоустроенными водяными путями, мы, имѣя въ виду, что всѣ вообще гидротехническія работы связаны съ крупными затратами, которыя не могутъ быть произведены изъ общаго бюджета государства, обращаемъ особенное вниманіе на правильную организацію существующихъ у насъ судоходныхъ сборовъ; эти сборы, при существующемъ ихъ размѣрѣ, должны дать громадную сумму, которая и можетъ явиться достаточнымъ ресурсомъ на улучшеніе нашихъ водяныхъ путей.

Заканчивая бѣглое разсмотрѣніе важной роли, которую вода играетъ, какъ средство сообщенія, мы напомнимъ, что вода въ этомъ отношеніи находится у насъ въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія.

Обращаясь теперь къ вліянію воды на плодородіе почвы, мы увидимъ, что заботы о водѣ, какъ необходимомъ условіи для урожаевъ, лежатъ на нашемъ новомъ министерствѣ земледѣлія. И, въ дѣйствительности, можно признать безспорнымъ то положеніе, что главной причиной нашихъ неурожаевъ является недостатокъ воды. Вслѣдствіе этого, еще по распоряженію бывшаго министра государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго,—который началъ уже серьезно заботиться о болѣе плодотворномъ направленіи въ дѣятельности своего министерства,—при лѣсномъ департаментѣ была образована «особая экспедиція» для облѣсительныхъ и обводнительныхъ работъ въ степяхъ южной Россіи. По обводненію южной и юго-восточной Россіи извѣстны работы М. Н. Анненкова, проф. Докучаева, которыя имѣли въ виду устройство водохранилищъ для удержанія весеннихъ водъ въ орловской, тульской, рязанской, тамбовской, воронежской. екатеринославской и другихъ губерніяхъ. Указывая назначеніе воды для земледѣлія, мы пользуемся случаемъ сослаться на авторитетное мнѣніе автора книги: «Неурожай и народное бѣдствіе». Говоря о культурныхъ мѣрахъ для борьбы съ засухами, А. С. Ермоловъ утверждаетъ слѣдующее: «Нельзя же спокойно ожидать того времени, когда *наиболѣе плодородныя и цвѣтущія нѣкогда области Россіи превратятся въ безводныя, безплодныя и песчаныя пустыни*, и когда прежнее богатство русскаго чернозема, плодородіе русскихъ почвъ, а съ нимъ и благосостояніе русскаго земледѣльца, отойдутъ въ область стародавнихъ преданій». Впереди всѣхъ заботъ по сельскому хозяйству, г. министръ земледѣлія ставитъ заботу о водѣ, о возможно лучшей ея «утилизаціи, сбереженіи и даже привлеченіи». «Если не будетъ соблюдена правильная экономія воды,—говоритъ далѣе почтенный авторъ,—всѣ другія мѣры сами по себѣ не принесутъ желаемыхъ результатовъ... Въ дѣлѣ улучшенія естественныхъ условій черноземнаго района, на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено обезпеченіе водою въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ,—въ видѣ грунтовой влажности, въ видѣ дождей, въ видѣ снѣга, въ видѣ рѣкъ, прудовъ, источниковъ и колодцевъ, въ видѣ прежде всего лѣсовъ, какъ главныхъ регуляторовъ и сберегателей влаги, которые питаютъ и рѣки, и источники, которые поддерживаютъ и воздушную, и грунтовую сырость, которые привлекаютъ небесную влагу и удерживаютъ ее подъ своимъ покровомъ и лѣтомъ, и зимою». Но лѣса въ черноземъ-

ной области истреблены; поэтому охранять тамъ нечего, а необходимо думать о лѣсовозобновленіи и лѣсоразведеніи, не жалѣя для этого никакихъ средствъ и усилій. Такимъ образомъ, борьба съ неурожаемъ мыслима только путемъ увлажненія почвы нашего громаднаго, безлѣснаго, черноземнаго района. Этого увлажненія, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, можно достигнуть лишь облѣсеніемъ, благодаря которому дольше будетъ сохраняться не только зимняя, но и лѣтняя влага. Что же касается до искусственнаго орошенія, то на нашемъ черноземѣ, съ плоскимъ, въ большинствѣ случаевъ, профилемъ, оно врядъ ли когда станетъ общедоступнымъ, но скорѣе будетъ представляться исключеніемъ въ тѣхъ ограниченныхъ мѣстностяхъ, гдѣ устройство искусственнаго орошенія возможно.

Мы въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ старались выяснить значеніе воды, какъ продукта потребленія, какъ средства сообщенія и, наконецъ, необходимаго условія для плодородія почвы, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на существованіе цѣлыхъ трехъ министерствъ, которымъ принадлежатъ заботы о водѣ. Этотъ многоглавый надзоръ заинтересованныхъ вѣдомствъ не спасъ однако наши воды отъ цѣлаго ряда ненормальностей.

Такъ, вода, какъ продуктъ потребленія, загрязнена; вода, какъ средство сообщенія, совершенно не защищена и заброшена; обезлѣсеніе громадныхъ пространствъ Россіи, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, привело къ полному высыханію десятковъ судоходныхъ рѣкъ и значительныхъ озеръ, и къ обмеленію большихъ судоходныхъ рѣкъ. Естественные и искусственные водяные пути сильно запущены и не приведены въ должную связь между собой и съ рельсовыми путями. Наконецъ, мы лишились влаги, вслѣдствіе чего намъ угрожаютъ постоянные неурожаи и связанныя съ ними народныя бѣдствія.

Привѣтствуя образованіе *перваго* съѣзда спеціалистовъ по водному дѣлу, мы пожелаемъ ему всѣми зависящими отъ него средствами дать толчокъ къ упорядоченію этой важной отрасли государственной экономіи, охватить всѣ стороны, всѣ интересы нашего воднаго хозяйства и освѣтить многочисленные вопросы о некультурности, упущеніяхъ и недостаткахъ водной части. Съѣздъ состоитъ не только изъ людей науки, но и практики, а потому въ постановленіяхъ, нужно думать, будутъ приняты во вниманіе не только отвлеченныя требованія техники, но и практическія потребности, и въ живомъ дѣлѣ нашихъ водяныхъ путей будетъ дано надлежащее мѣсто голосу самой жизни.

Въ то время, когда наше правительство всѣми мѣрами старается улучшить и развить наши примитивные «пути сообщенія» по водѣ и по сушѣ,—нѣкое «общество книгопродавцевъ и *издателей*», пребывающее въ Петербургѣ и бо́льшею частію занимающееся не издательствомъ, а принятіемъ «на комисію» чужихъ изданій, всячески хлопочетъ о томъ, чтобы затормозить умственные пути сообщенія между нами и западною Европою. Какъ средство къ этому, оно избираетъ «литературную конвенцію» съ западно-европейскими государствами, о заключеніи которой и предполагаетъ ходатайствовать

передъ нашимъ правительствомъ,—вѣроятно, отъ имени апраксинскихъ букинистовъ, потому что изъ серьезныхъ литераторовъ и журналистовъ никто не высказывался за этотъ новый «налогъ на образованіе» (по удачному выраженію проф. Янжула). Парижскій commis-voyageur изъ русскихъ евреевъ, г. Гальперинъ-Каминскій,—столь усердно ратующій за денежные интересы французскихъ романистовъ,—пришелъ уже въ восторгъ отъ такого рѣшенія и полетѣлъ въ Москву—добиваться и тамъ подобной же резолюціи... у торговцевъ подъ Сухаревой башнею. Опасность отъ подобныхъ резолюцій, повидимому, еще не очень велика, но тѣмъ не менѣе безцеремонная назойливость этихъ пропагандистовъ заслуживаетъ вниманія и отпора.

Эти хлопоты о «литературной конвенціи» со стороны лицъ, заботящихся не объ интересахъ просвѣщенія, а о своихъ личныхъ барышахъ, начались уже три года тому назадъ, съ пріѣзда французскаго дипломата г. де-Кератри, уполномоченнаго вступить, по этому поводу, въ переговоры съ нашимъ правительствомъ. Переговоры, однако, не привели къ желательному для французскихъ беллетристовъ результату, ибо русское правительство, справившись съ мнѣніемъ компетентныхъ людей, вовсе не пожелало возлагать новое бремя на плечи нашей слабосильной литературы, въ видѣ *платы за право перевода* съ иностранныхъ языковъ, чего именно и добивались гг. конвенціонисты. «Мы думаемъ,—говорилось тогда въ нашемъ журналѣ,—что, не смотря на искреннія симпатіи, которыя мы питаемъ къ дружественной намъ Франціи, въ упомяну томъ вопросѣ о заключеніи новой литературно-художественной конвенціи мы не можемъ идти на встрѣчу домогательствамъ французскихъ издательскихъ фирмъ и французскихъ авторовъ, по той очень простой причинѣ, что *наши литературныя и художественныя силы не равны французскимъ* и, слѣдовательно, *всѣ выгоды отъ подобной конвенціи оказались бы на сторонѣ послѣднихъ*. Между тѣмъ, въ основу всякаго жизнеспособнаго договора должно быть положено равенство взаимно оказываемыхъ другъ другу услугъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ни для кого не тайна, что мы заимствуемъ у французскихъ авторовъ въ 10—15 разъ больше, чѣмъ французы у нашихъ. Слѣдовательно, каковы бы ни были условія, на которыхъ могла бы состояться будущая художественно-литературная конвенція между Франціею и Россіею, все же намъ пришлось бы переплачивать французскимъ издательскимъ фирмамъ и французскимъ авторамъ *въ 10—15 разъ больше*, чѣмъ Франція будетъ платить нашимъ авторамъ. *Какой же, спрашивается, резонъ отдать себя добровольно въ кабалу французскимъ издателямъ и авторамъ»?* (См. «*Наблюдатель*» 1891 г., № 4, «Наши внутрен. дѣла»). «Резонъ» тогда приводился—протекціонистскій, въ томъ смыслѣ, что Эмиль Золя и Альфонсъ Додэ отбиваютъ хлѣбъ у россійскихъ беллетристовъ-строчилъ и что разъ наплывъ иностранныхъ романовъ будетъ удержанъ на извѣстномъ уровнѣ покровительственнымъ тарифомъ, подъ именемъ гонорара за переводы, г. Боборыкинъ немедленно превратится въ Эмиля Золя, а г. Потапенко—въ Альфонса Додэ. «Когда рѣчь заходитъ о русскихъ ситцахъ—разсуждалъ «со своей перчаткой»

одинъ изъ такихъ конвенціонистовъ—*о ситцахъ, которые во сто разъ хуже заграничныхъ* (подчеркнемъ это косвенное captatio benevolentiae!) національ-экономы считаютъ необходимымъ покровительствовать ихъ производству и облагать потребителя налогомъ, въ видѣ таможенной пошлины, для процвѣтанія отечественныхъ мануфактуръ. Но та же система покровительства обращается противъ національныхъ производителей, когда дѣло касается продуктовъ художественнаго и литературнаго творчества. Здѣсь почему-то *допускается полная свобода торговли*, обмѣна и безпрепятственнаго ввоза».

Этотъ откровенный конвенціонистъ былъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ и хорошъ, что прямо становился на торгашескую точку зрѣнія, совершенно пренебрегая интересами просвѣщенія, какъ будто ихъ и не существуетъ на свѣтѣ; онъ съ полнѣйшимъ цинизмомъ даже сравнивалъ московскіе гнилые ситцы, покровительствуемые таможенной пошлиной, съ нашей беллетристической гнилью—увы!—до сихъ поръ не пользующейся такою дружелюбною охраною.

На эту наглость, написанную еще до заключенія новаго таможеннаго договора съ Германіей,—въ которомъ наше правительство отступилось уже отъ крайностей фабричнаго протекціонизма, направленнаго къ прямому ущербу нашего кореннаго земледѣльческаго промысла,—мы отвѣчали въ свое время такимъ образомъ: «Во-первыхъ, не всѣ же «національ-экономы», а лишь нѣкоторые протекціонисты à tout prix считаютъ полезнымъ покровительствовать производству русскихъ ситцевъ—обложеніемъ заграничныхъ таможенною пошлиной. А, во-вторыхъ, хоть мы теперь и привыкли оцѣнивать все на деньги, но все же нѣсколько рискованно сравнивать литературныя произведенія съ ситцами. При извѣстныхъ условіяхъ,—напр., съ улучшеніемъ орудій производства, при болѣе высокой рабочей платѣ, при лучшемъ выборѣ техниковъ,—русскіе фабриканты могутъ изготовлять ситцы не хуже заграничныхъ. Тутъ все сводится къ вопросу о бо́льшихъ или меньшихъ затратахъ на производство. На дѣлѣ же, конечно, весьма нерѣдко бываетъ, что русскіе фабриканты, *добившись увеличенія таможенныхъ пошлинъ* на извѣстные предметы, привозимые изъ-за границы, *въ концѣ концовъ или нисколько не улучшаютъ качества своихъ произведеній*, а только кладутъ себѣ большіе барыши въ карманъ, *или даже еще больше понижаютъ это качество*, въ разсчетѣ на то, что *покупателю все равно недоступны заграничныя произведенія*. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, для правительства, увеличивающаго размѣръ таможенныхъ пошлинъ, есть принципіальное оправданіе, въ смыслѣ желанія «поощрить» отечественное производство. Наконецъ, *таможенныя пошлины идутъ впдь въ пользу казны*, т. е. составляютъ одинъ изъ видныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, которые по идеѣ поступаютъ на удовлетвореніе государственныхъ или общеполезныхъ потребностей. Совершенно въ другомъ видѣ представляется рекомендуемый нынѣ налогъ въ пользу французскихъ издателей и авторовъ на переводы и заимствованія. Начать съ того, что *этотъ налогъ всецѣло попадетъ въ карманъ иностранцевъ*. Это—въ томъ случаѣ, когда намъ нельзя будетъ не заимствоваться у французскихъ авторовъ, напр., при появленіи въ свѣтъ такихъ

выдающимися произведеніями, какъ «Власть денегъ» Золя и т. под. Но затѣмъ, помимо подобныхъ заимствованій, русскимъ издателямъ, конечно, придется,—во избѣжаніе обязательной платы французскимъ издательскимъ фирмамъ, — довольствоваться печатаніемъ измышленій гг. Белибердовыхъ, Пустозвоновыхъ и тому подобныхъ корифеевъ. Понятно, что *для этихъ господъ тогда наступитъ настоящая масляница!* Но отечественная литература отъ этого не только ничего не выиграетъ, но, наоборотъ, безспорно проиграетъ. Какъ извѣстно, всѣ наши литературныя силы обыкновенно ютятся въ журналахъ. А каково положеніе нашихъ журналовъ—опять ни для кого не составляетъ секрета. Самые распространенные изъ нихъ насчитываютъ не больше 6 тысячъ подписчиковъ; обыкновенно же количество подписчиковъ не достигаетъ и половины этой цифры. При такомъ ограниченномъ спросѣ на литературныя произведенія, наши издатели журналовъ тѣмъ не менѣе ухитряются давать своимъ читателямъ самый разнообразный матеріалъ для чтенія. Но если отнять у нихъ право безпошлинныхъ переводовъ и заимствованій у иностранныхъ авторовъ, то ихъ положеніе сдѣлается еще болѣе критическимъ. Имъ придется печатать всякую русскую труху, въ перемежку съ такими переводами заграничныхъ авторовъ, которые теперь по большей части игнорируются. Въ виду этого, количество подписчиковъ, надо полагать, еще болѣе упадетъ. И вотъ въ результатѣ окажется, что и нынѣ существующіе журналы вынуждены будутъ прекратить свое существованіе, а вмѣстѣ съ ними *должны будутъ замолкнуть не только писатели средней руки, но и наши выдающіяся литературныя силы*, потому что изданіе отдѣльныхъ книгъ находится у насъ въ еще болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ журнальное дѣло».

Итакъ, «широкая масляница», которая наступила бы на первыхъ порахъ для второстепенныхъ нашихъ беллетристовъ, вслѣдъ за упраздненіемъ опасной для нихъ конкурренціи иностранныхъ писателей, превратилась бы въ скоромъ времени въ «великій постъ», благодаря упадку, а, можетъ быть, и исчезновенію болѣе слабыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Когда вопросъ о литературной конвенціи былъ вторично поднятъ въ послѣднее время по иниціативѣ Эмиля Золя,—все еще недовольнаго нашею данью его таланту,—сравненіе гнилыхъ ситцевъ съ гнилыми «романцами» не прорывалось уже наружу при новыхъ дебатахъ, хотя и просвѣчивало въ видѣ очень замѣтной боязни защитниковъ конвенціи за успѣхъ своей пропаганды. Но «выгода» нашихъ беллетристовъ, какъ слѣдствіе устраненія конкурренціи, продолжала фигурировать и на этотъ разъ, съ тѣмъ добавленіемъ, что Золя посулилъ имъ, кромѣ увеличенія гонорара на ихъ родинѣ, еще и значительный сбытъ, въ переводѣ, на европейскихъ книжныхъ рынкахъ. Не знаемъ, приняли ли «въ сурьёзъ» наши романисты лестное для нихъ обѣщаніе Золя, но искусственное сокращеніе конкурренціи могло прійтись имъ по вкусу. Затѣмъ, въ числѣ доводовъ въ пользу литературной конвенціи, упоминались еще и «право собственности», священное подъ всѣми градусами географической долготы и широты, и «французская дружба» къ намъ, за которую надо уплатить вещественными знаками...

Очевидно, что ни старые, ни отчасти подновленные, ни совсѣмъ новые «резоны» въ защиту нашего *самообложенія* не отличаются никакою устойчивостью. Голые факты и цифры по части нашей образованности и книжной торговли—уже приведенные нашимъ сотоварищемъ г. Ефимомъ Простосердовымъ въ предыдущей книгѣ «Наблюдателя» — остаются во всей своей силѣ, и сравненіе ихъ съ данными европейской статистики не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ: кто именно воспользуется благами проэктируемой конвенціи. Съ одной стороны, въ этомъ нелѣпомъ договорѣ будетъ стоять наше отечество съ 78,3% безграмотныхъ, а съ другой—Франція, сократившая уже это число, благодаря обязательности обученія, до 9,6; съ одной стороны, мы будемъ имѣть *вывозъ русскихъ книгъ* во Францію не свыше 189 пудовъ, а съ другой—*ввозъ къ намъ французскихъ книгъ*, достигшій въ 1890 г. 3,379 пудовъ. Да и о «правѣ литературной собственности» на журналъ или книгу намъ осторожнѣе было бы не заговаривать, такъ какъ во всемъ образованномъ мірѣ это право стоитъ подъ защитою открытаго, гласнаго суда и только у насъ оно не пользуется до сихъ поръ этою, необходимою для всякаго «права», гарантіею. Итакъ, еслибы «общество» книгопродавцевъ и ничего не издающихъ «издателей», совмѣстно съ примкнувшими къ нему (по газетнымъ извѣстіямъ) членами литературнаго фонда, были озабочены дѣйствительными интересами русской литературы и книгоиздательства, они должны бы похлопотать, прежде всего, объ удешевленіи, а не о вздорожаніи книгъ, о введеніи у насъ—по крайней мѣрѣ, въ людныхъ мѣстахъ—обязательнаго обученія, объ урегулированіи правъ литературной собственности, объ открытіи кредита въ государственномъ банкѣ издателямъ журналовъ и книгъ; а потомъ уже, лѣтъ черезъ 50—100, можно было бы завести рѣчь и о конвенціи между Россіей и западно-европейскими государствами, какъ *равносильными* и *равноправными* договаривающимися сторонами... Не мѣшаетъ еще помнить, что постановленія бернской конференціи, которыя предлагаетъ навязать намъ на шею «общество книгопродавцевъ», заставятъ насъ вступить въ соглашеніе не съ одною Франціею, откуда мы заимствуемъ талантливую беллетристику, но и съ Германіею и съ Англіею, откуда почерпаемъ бо̀льшую часть научныхъ изслѣдованій, не давая почти ничего въ обмѣнъ.

Въ концѣ концовъ, при имѣющихся налицо экономическихъ и юридическихъ, условіяхъ, предполагаемая конвенція нанесла бы русской литературѣ, и нашему образованію вообще, весьма чувствительный уронъ. По справедливому замѣчанію проф. Янжула, конвенція убьетъ, прежде всего, множество научныхъ книгъ, которыя теперь переводятся при всѣхъ университетахъ студентами, подъ руководствомъ профессоровъ, и издаются самымъ дешевымъ способомъ, большею частію въ кредитъ или даже на казенный счетъ. При установленіи же конвенціи, изданіе такихъ—несомнѣнно лучшихъ—переводовъ настолько осложнится переговорами о согласіи авторовъ и уплатою имъ гонорара, что число ихъ навѣрное сократится, по крайней мѣрѣ, на три четверти... «Напрасно думаютъ,—прибавляетъ къ этому г. Янжулъ,—что иностранные авторы ученыхъ произведеній *совсѣмъ будутъ отказываться отъ гонорара* за переводъ сво-

БИБЛІОТЕКА

ихъ книгъ или *захотятъ удовольствоваться лишь ничтожными*... скорѣе можно ожидать обратнаго. Получивъ просьбу о разрѣшеніи перевода своей книги, многіе иностранцы-ученые, *не зная условій нашего книжнаго оскуденія и ничтожности спроса на серьезныя книги*, заломятъ за свои произведенія тѣ же цѣны, которыя получаютъ гдѣ нибудь въ Германіи или Англіи». Г. Янжулъ подтверждаетъ это и примѣромъ своихъ личныхъ обращеній, «изъ вѣжливости», къ иностраннымъ ученымъ, даже при отсутствіи конвенціи. Кромѣ значительнаго количества нашихъ переводчиковъ и переводчицъ вообще, и университетскихъ студентовъ въ частности, отъ литературной конвенціи пострадаютъ у насъ и многіе издатели, совсѣмъ не преслѣдующіе торговыхъ цѣлей, какъ напр., г. Солдатенковъ, и сама казна, выпускающая въ свѣтъ разныя ученыя сочиненія, переведенныя съ иностранныхъ языковъ. Такіе безкорыстные издатели вынуждены будутъ, изъ-за этого безумнаго налога на народное образованіе, или увеличить безъ всякой основательной надобности свои расходы на издательство, или (что вѣрнѣе всего) значительно сократить число подобныхъ изданій, къ явному ущербу для интересовъ народа. Кто же останется въ барышахъ отъ этого договора? Прежде всего, конечно, иностранные авторы; а затѣмъ и крупныя издательскія компаніи въ Россіи, которыя постараются всячески *монополизировать* это дѣло въ своихъ рукахъ и поставить его на чисто «комерческія» основанія. *Качество* переводовъ едва ли при этомъ улучшится, какъ не улучшились у насъ и мануфактурныя издѣлія, усиленно протежируемыя чуть не запретительной пошлиной. Скорѣе всего, фактическая монополія издательскаго дѣла вызоветъ совершенно обратное явленіе: т. е. крайнюю халатность и неряшество издателей, какъ отсутствіе конкурренціи и увѣренность въ наживѣ.

Что же касается до того довода, который самъ Золя называетъ «сантиментальнымъ», а именно: до нашей якобы обязанности отплатить французамъ конвенціею за ихъ «братскую» встрѣчу русскихъ моряковъ, то объ этомъ можно только упомянуть для курьеза. Братская дружба нисколько не помѣшала французамъ назначить, почти на дняхъ, высокую ввозную пошлину на русскій хлѣбъ, разъ только они задумали покровительствовать этимъ путемъ своему собственному производству. А мы, ради покровительства—и кому же? беллетристамъ «средней руки», да толстосумамъ-издателямъ!—готовы сами себя обложить налогомъ и повредить развитію народнаго образованія, которое для насъ необходимѣе, чѣмъ для всякой другой европейской страны...

Мы находимся наканунѣ торговаго соглашенія Россіи съ Германіей: 29 января, въ Берлинѣ подписанъ трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Германіей. На дняхъ сталъ извѣстенъ проэктъ договора, который уже одобренъ германскимъ союзнымъ совѣтомъ и вносится черезъ особую комисію на разсмотрѣніе рейхстага. Согласно проэкту, договоръ вступаетъ въ силу 20 марта текущаго года и заключается почти на 10 лѣтъ — до 31-го декабря 1903 года. Этимъ трактатомъ,—если онъ получитъ въ Россіи и въ Германіи верховную санкцію, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться,—будетъ положенъ конецъ таможенной войнѣ, которая, конечно, доставляла немало убытковъ обоимъ государствамъ. Главнымъ результатомъ нашего соглашенія является достиженіе нами правъ «нак-

болѣе благопріятствуемой» державы», т. е. Россія по ввозу хлѣба и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ будетъ поставлена на германскомъ рынкѣ *въ равныя условія со своими иностранными конкуррентами*. Этотъ главный результатъ торговаго соглашенія Россіи съ Германіей весьма важенъ для насъ, такъ какъ Германія доселѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ставила Россію въ совершенно исключительныя условія по ввозу хлѣба, вслѣдствіе чего ввозъ сократился, а это вліяло на наши хлѣбныя дѣла и на курсъ нашего рубля. Не желая остаться въ долгу, Россія въ свою очередь устанавливала «боевыя» таможенныя пошлины на ввозимые изъ Германіи товары и повышенные желѣзнодорожные тарифы для этихъ послѣднихъ, разсчитывая затруднить высокими пошлиной и тарифомъ сбытъ нѣмецкаго производства. Установленіе боевыхъ пошлинъ, кромѣ значенія реванша, находило себѣ оправданіе еще и въ томъ убѣжденіи, что необходимо покровительствовать и защищать отечественную обрабатывающую промышленность отъ непосильной для нея конкурренціи съ западно-европейской. Подъ вліяніемъ отчасти таможенной войны съ Германіей, отчасти вслѣдствіе желанія покровительствовать отечественному производству, у насъ была установлена система почти запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ, доставившая большія выгоды немногимъ фабрикантамъ и заводчикамъ, и страшныя потери сельскимъ хозяевамъ и вообще всему населенію. Торговый договоръ съ Германіей положитъ конецъ боевымъ таможеннымъ ставкамъ и дастъ возможность свободно вздохнуть нашимъ сельскимъ хозяевамъ, которымъ останется только ожидать новыхъ признаковъ измѣненія нашей экономической политики и ослабленія крайне-протекціонной системы. Какъ таможенная война съ Германіей, такъ и нашъ протекціонизмъ, были особенно невыгодны для насъ въ томъ еще смыслѣ, что они являлись тяжелымъ бременемъ для всего народа, который пріобрѣталъ такой дорогой цѣною—не спасеніе отъ гибели коренныхъ и основныхъ отраслей своей промышленности, а прибыли для крупныхъ мануфактуристовъ. Г. министръ финансовъ, въ отвѣтъ на привѣтствіе предсѣдателя ярмарочнаго комитета въ Нижнемъ Новгородѣ, говорилъ, что «мы не просимъ отъ Германіи никакихъ жертвъ. Желаніе Россіи заключается единственно въ томъ, чтобы сосѣдка ея, съ которой Россія связана дружескими отношеніями, трактовала нашъ ввозъ точно такъ, какъ она трактуетъ ввозъ всѣхъ странъ свѣта. Мы не просимъ отъ Германіи никакихъ тарифныхъ пониженій, которыхъ она уже не предоставила всему міру». Изъ обнародованнаго проэкта трактата Россіи съ Германіей видно, что Россія достигла, чего хотѣла, и мы не можемъ не поздравить наше финансовое вѣдомство съ благополучнымъ окончаніемъ трудной таможенной войны.

Договоръ Россіи съ Германіей больше всего пришелся не по вкусу московскимъ мануфактуристамъ и торговцамъ, которые усмотрѣли въ немъ такія уступки Германіи съ нашей стороны, отъ которыхъ пострадаетъ «не только наша обрабатывающая, но и *земледѣльческая промышленность*» (?!).

Но всѣ эти ламентаціи или ложны въ самой своей основѣ, или до крайности преувеличены, лишившимися барышей, спекулянтами.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

«Скандалъ въ благородномъ семействѣ»... прессы.—Французскій академикъ, задавшій перцу газетнымъ «поварамъ».—Газета стараго и новаго типа.—Политическая программа и погоня за сенсаціонными новостями.—Легковѣсность и безпринципность, какъ отличительные признаки «Ежедневной Помойной Ямы».—Еврей—самый крупный акціонеръ помойной ямы.—Одесская печать, закупленная этимъ акціонеромъ.—Счастливое исключеніе.—Двадцатипятилѣтній юбилей «Новороссійскаго Телеграфа». — Результаты жидовскаго нашествія на югѣ Россіи. — Нравственныя основы талмуда и шулханъ-аруха, въ примѣненіи къ практической жизни.—Еврейскій погромъ въ Стародубѣ.—«Суббота, купившая воскресенье».

I.

Европейская пресса, пережившая свою скандальную «Панаму», нашла себѣ, наконецъ, и правдиваго Ювенала, бичующаго ее за мерзость паденія.

Недавно принятый въ синклитъ «безсмертныхъ» французской академіи, талантливый и тонкій критикъ Брюнетьеръ, садясь на кресло своего предмѣстника, извѣстнаго публициста Лемуана, счелъ нужнымъ раскритиковать въ пухъ и прахъ современную прессу и провести невыгодную для нея параллель съ журнализмомъ былыхъ временъ—пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. По мнѣнію Брюнетьера, въ оны дни, чтобы быть редакторомъ или только сотрудникомъ газеты, требовались солидное образованіе и продолжительная подготовка къ этому поприщу. Надо было знать кое-что изъ исторіи и литературы, одинъ или два иностранныхъ языка, и ознакомиться съ общимъ ходомъ отечественной политики. *Самъ* Литтрэ (знаменитый столпъ позитивной философіи) три года работалъ подъ наблюденіемъ Армана Карреля и сдѣлалъ массу извлеченій изъ иностранныхъ газетъ. Теперь же уровень политическаго и литературнаго

образованія рыцарей прессы упалъ до-нельзя, и вся эта иррегулярная армія состоитъ только изъ неудержимыхъ импровизаторовъ, репортеровъ и «поваровъ», обязанныхъ изготовлять и «подавать горячимъ» le plat du jour. Приспособляясь съ холопской услужливостью къ разнообразнымъ вкусамъ своихъ читателей, стремясь угодить и тому, и другому, руководители и сотрудники нынѣшней прессы естественно отказываются отъ прежней миссіи — воздѣйствовать въ извѣстномъ направленіи на взгляды и убѣжденія публики, вести ее за собою—и всецѣло предались своему ремеслу: собирать новости и сплетни со всѣхъ концовъ земнаго шара. «Факты, цифры, извѣстія, новости — иронизируетъ новѣйшій обличитель — вотъ что теперь ожидается отъ газеты. И если прежде *наилучшей газетой была та, въ которой наилучше писали и размышляли*, то впредь такой будетъ газета, которая *наилучшимъ образомъ освѣдомилась обо всемъ*. Тогда *для редактированія газеты можно будетъ удовлетвориться телеграфистами или телефонными барышнями*, и журналисту придется тщательно скрывать свой талантъ изъ боязни, чтобы послѣдній *не навредилъ ему*. Все это знаменуетъ, что *пути прессы совершенно различны отъ путей литературы*, и что журналистика съ каждымъ шагомъ удаляется отъ цѣли, къ которой стремятся художникъ и писатель. А это значитъ, что не подобаетъ смѣшивать двѣ совершенно противоположныя вещи—*заботу объ относительномъ* и *стремленіе къ абсолютному*». Забота объ относительномъ, о злобѣ дня, о житейскихъ мелочахъ и курьезахъ—вотъ область, отмежеванная себѣ нынѣшней лиллипутской прессою и существенно отличающаяся отъ сферы высшихъ идеаловъ и интеровъ человѣчества, куда имѣютъ доступъ только настоящіе представители литературы и искусства. Брюнетьеръ горько скорбитъ о всѣхъ поэтахъ, романистахъ и драматургахъ, которыхъ пресса измочалила и истолкла въ своей ежедневной толчеѣ, не давъ и развиться зародышамъ ихъ талантовъ.

Таково положеніе дѣлъ въ европейской «журналистикѣ», подъ которою французскій академикъ разумѣетъ преимущественно, если не исключительно, газетную прессу. Но въ Европѣ все таки сохранился еще, хотя и поврежденный въ значительной степени, типъ старой газеты, съ опредѣленнымъ политическимъ и литературнымъ направленіемъ,—газеты, служащей органомъ дѣйствительно интеллигентныхъ слоевъ современнаго общества и не гоняющейся за уличнымъ матеріаломъ «для оживленія» своихъ столбцовъ. Таковы, напр., лучшія изъ англійскихъ газетъ: «Times», «Daily News» (органъ Гладстона) и др.

Если же мы перенесемся на другую сторону земнаго полу*шарія*—въ сѣверную Америку,—гдѣ пресса дошла до апогея

своего промышленнаго развитія, то, съ нашимъ «устарѣвшимъ» европейскимъ взглядомъ на задачу и призваніе печати, мы совсѣмъ должны прійти въ уныніе и повѣсить носъ на квинту. Вотъ въ какихъ несимпатичныхъ краскахъ представляетъ намъ эту чисто-комерческую прессу г. Янжулъ, прожившій въ центрѣ Американскихъ Штатовъ нѣсколько мѣсяцевъ и имѣвшій возможность близко изучить «свычаи и обычаи» тамошняго журнализма. «*Вся суть* американскаго журнализма, или *условій, обозпечивающихъ успѣхъ газеты*—говоритъ онъ—покоится на такъ называемой «сенсаціонности»—на произведеніи извѣстнаго впечатлѣнія, которое заставляетъ, возбуждая любопытство и привлекая вниманіе публики, *раскупать газету*. Въ Америкѣ, еще больше, нежели въ Англіи (обратно съ Россіей или—повсюду—съ ежемѣсячными журналами) *газетный доходъ покоится преимущественно на розничной продажѣ, а не на подписчикахъ*, составляющихъ, въ смыслѣ дохода, уже предметъ второстепенной важности». По разсчету одного опытнаго лица, управлявшаго редакціей самой распространенной нью-іоркской газеты «World», ежегодно изъ числа старыхъ читателей американская газета удерживаетъ не болѣе 25% и, для того чтобы сохранить только свое прежнее распространеніе,—не говоря уже о расширеніи подписки,—она обязана, по выраженію этого компетентнаго «управляющаго», «*заарканить 75% новыхъ читателей каждый годъ*»! Понятно, что между такой газетой-афишей и ея—*не читателями*, а *покупателями* и не можетъ быть никакой нравственной солидарности.

Чтобы «заарканить» необходимый для американской газеты огромный процентъ новыхъ потребителей печатнаго товара, ей приходится, конечно, извиваться и ползти «ужомъ и жабой», смотря потому, какъ удобнѣе для достиженія комерческой цѣли. Вотъ тутъ-то и помогаютъ сенсаціонныя новости, за которыми бѣгаютъ, высуня языкъ, американскіе репортеры, составляющіе живую душу газеты. Г. Янжулъ разсказываетъ нѣсколько уже не забавныхъ, а прямо возмутительныхъ случаевъ, когда эти репортеры, ради заполученія матеріаловъ для «фурорной» статьи, вступали въ дружбу съ завѣдомыми мошенниками, чтобы, сейчасъ же по совершеніи преступленія, сообщить о немъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, самыя животрепещущія свѣдѣнія. «Такимъ образомъ, американской газетѣ,—по словамъ г. Янжула,—чтобы имѣть распространеніе при крупныхъ расходахъ изданія, приходится, во-первыхъ, разсчитывать на большую массу читателей, *что́ не можетъ не отражаться вредно на пониженіи ея уровня и достоинства тона*, и, во-вторыхъ, *наполнять безконечные столбцы своихъ листовъ сомнительнаго качества новостями и болтовней, а также широковѣщательными рекламами, на которыя американцы*

такъ падки». Но сообщеніе сенсаціонныхъ извѣстій близко соприкасается съ дѣйствующимъ и въ Америкѣ закономъ о клеветѣ,—и вотъ при самыхъ крупныхъ американскихъ газетахъ всегда состоятъ прикомандированными особые «юрисконсульты по предупрежденію судебныхъ процессовъ», на обязанности которыхъ лежитъ приведеніе статьи въ такой лукавый видъ, чтобы она и достигала своей комерческой цѣли, и не доводила до судебныхъ проторей и убытковъ. Чудесныя, мастерскія формы для такихъ извѣстій, или—точнѣе—извѣтовъ,—формы, удачно балансирующія между наказуемою *клеветою* и почти безнаказаннымъ *шантажемъ*,—изобрѣтены состоящими на хорошемъ жалованьѣ американскими «юрисконсультами»!

Вопросъ о *направленіи*,—все еще не маловажный для порядочной части европейскихъ газетъ,—составляетъ для американской прессы вопросъ чуть ли не праздный. Правда, встрѣчаются и въ Америкѣ органы, какъ «Boston Advertiser», «Nation» и др., предназначенные для защиты спеціальныхъ интересовъ, но они составляютъ рѣдкія исключенія и притомъ пользуются очень малой распространенностью; огромное же большинство газетъ — и въ томъ числѣ всѣ наиболѣе крупныя— *никакого направленія въ европейскомъ смыслѣ не держатся*, а сплошь и рядомъ не только въ разныхъ выпускахъ, но въ одномъ и томъ же нумерѣ печатаютъ статьи, побивающія одна другую. Сообразно съ этимъ общимъ характеромъ и назначеніемъ американской газеты, политическій и литературный отдѣлы въ нихъ занимаютъ самое жалкое мѣсто, сравнительно съ отдѣлами всякаго вида «спорта», рекламами и сенсаціонными статьями, къ которымъ обязательно придумываются кричащіе заголовки. А между тѣмъ газета есть почти единственное чтеніе американца, такъ какъ ежемѣсячная журналистика тамъ не въ ходу, а книгъ туземныхъ авторовъ издается даже меньше, чѣмъ въ Россіи. Американская газета убила ежемѣсячный журналъ и книгу,—чего не дай Богъ нашему отечеству!..

Впрочемъ, г. Янжулъ пробуетъ повернуть эту американскую медаль и другою стороною, болѣе приглядною и заставляющею отчасти примириться съ указанными болячками заатлантической прессы. Онъ говоритъ, напр., что эта пресса, придавая гласность и публичность цѣлой общественной жизни, всѣмъ отправленіямъ сложной государственной машины, «является цѣлительной силой и предупредителемъ самаго разнообразнаго зла»; что «всякій общественный дѣятель въ Соединенныхъ Штатахъ, по выраженію одного американца, какъ бы «живетъ въ стеклянномъ домѣ» (не знаемъ, однако, согласился ли бы кто нибудь жить добровольно въ фонарѣ!) и каждый шагъ не только публичной, но и частной жизни его становится широко извѣстнымъ, благодаря печати»; что «ни одинъ неблаговидный

поступокъ такого дѣятеля въ Америкѣ не останется тайной... и скорѣе, въ послѣднемъ отношеніи, *американская печать грѣшитъ въ противную сторону, впадая въ сплетню или преувеличеніе*, нежели умалчивая о томъ, что̀ заслуживаетъ сколько нибудь извѣстности»; что вобще, какъ бы ни были велики недостатки американскихъ газетъ, «но они не уничтожаютъ всѣхъ полезныхъ плодовъ гласности: нельзя себѣ представить такого случая, чтобы *всѣ газеты въ унисонъ искажали истину*; сама конкурренція заставляетъ постоянно ту или иную газету, въ каждомъ щекотливомъ или важномъ общественномъ вопросѣ, поднимать знамя истинныхъ народныхъ интересовъ... Еще менѣе возможно вообразить въ Америкѣ случаи подкупа или застращиванія всѣхъ или даже большинства газетъ: онѣ для этого слишкомъ богаты, *слишкомъ сильны и слишкомъ многочисленны*».

Въ этихъ circonstances atténuantes есть, конечно, доля справедливости; но насколько американская печать очищаетъ общественную атмосферу, поднимаетъ въ народѣ духъ правды и человѣколюбія, и удерживаетъ администрацію отъ явныхъ злоупотребленій—это видно изъ фактовъ: почти поголовной продажности американскаго чиновничества и законнаго существованія «суда Линча», такъ обстоятельно описаннаго г. Святловскимъ въ предыдущей книгѣ нашего журнала. Стало быть, и Чарльзъ Диккенсъ, путешествовавшій по Америкѣ въ сороковыхъ годахъ (т. е. когда европейская пресса не знала «Панамы» и стояла еще на высотѣ своего настоящаго призванія), въ свою очередь, не былъ не правъ, предложивъ для американской прессы общій типическій заголовокъ: «Ежедневная Помойная Яма». Недаромъ же и Веніаминъ Рёшъ, завѣщая, въ 1813 г., крупную денежную сумму въ пользу филадельфійской библіотеки, обязалъ ее условіемъ, чтобы ни одна копѣйка изъ этихъ денегъ не тратилась на выписку газетъ, такъ какъ всѣ онѣ, по убѣжденію завѣщателя, являются «*учителями безсвязнаго мышленія*». Что же сказать о благотворномъ общественномъ воздѣйствіи газетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ и не сильны, и не многочисленны, гдѣ ихъ можно легко «застращивать» и гдѣ онѣ пользуются относительнымъ просторомъ только въ области сплетни, скабрезности и печатнаго шантажа?!

II.

Нашъ журналъ говорилъ уже не разъ,—и на этомъ мѣстѣ, и въ политической хроникѣ, и во внутреннемъ обозрѣніи,—что исторія паденія европейской прессы, т. е. превращенія ея, почти сплошь, въ продажную и шантажную, тѣсно связана со

вторженіемъ въ нее разнузданнаго еврейскаго элемента, добившагося, подъ флагомъ «свободы, равенства и братства», права—творить самыя возмутительныя дѣла деспотизма, неравенства и человѣконенавистничества.

Чѣмъ слабѣе нравственныя и соціальныя скрѣпы въ данной странѣ; чѣмъ меньше оказываетъ она противодѣйствія развращающему и разоряющему вліянію «гонимаго племени»,—тѣмъ глубже и язвительнѣе всасываются эти паразиты въ ея внутреннюю жизнь, тѣмъ ужаснѣе становится перспектива ихъ экономическкго и политическаго господства!

Однимъ изъ самыхъ успѣшныхъ средствъ для пріобрѣтенія господства надъ «гоями» и для высасыванія изъ нихъ всѣхъ жизненныхъ соковъ, евреи давно уже признали современную прессу,—именно тотъ видъ ея, которому Диккенсъ наклеилъ ярлыкъ «Ежедневной Помойной Ямы». Для такой прессы не писаны никакіе законы, ни нравственные, ни общественные, ни политическіе; ея девизъ—наглое торгашество печатнымъ словомъ, ея затаенная цѣль—систематическое опустошеніе ума и сердца читателя, съ тѣмъ чтобы живьемъ забрать его въ жидовскія сѣти.

«Панамское дѣло» уже доказало во-очію, до чего жиды (числящіеся во Франціи всего-то въ количествѣ отъ 200—300 тысячъ душъ) успѣли прибрать къ рукамъ французскую прессу, раздразнивъ въ ней самые подлые, алчные инстинкты, обративъ ее чуть не сплошь въ какую-то проституцію печатнаго слова. Въ свое время, мы привели цѣлую таблицу парижскихъ газетъ, замаранныхъ подачками изъ «панамскаго общества», начиная отъ полумилліона («Figaro») и кончая «лептою вдовицы»,—скромною взяткою въ 15,000 франковъ («Gaulois»).

Если ужь болѣе или менѣе прочные нравы европейской прессы не устояли противъ еврейскаго соблазна, если самые выдающіеся политическіе дѣятели во Франціи (какъ напр., Фрейсинэ и Флокэ) похоронили въ жидовской ямѣ свои честныя репутаціи, то, значитъ, «гонимое племя» *загнало* уже самихъ французовъ въ такую трущобу деморализаціи, изъ которой имъ долго не выкарабкаться. Но что же сказать о такой слабой, не сформировавшейся прессѣ, какъ наша, которой и во снѣ не снились жирные куши, сорванные французскими «панамцами», а мѣриломъ взятки могли еще служить «серебряныя ложечки» гоголевскаго квартальнаго? Понятно, что справиться съ этою прессою было для жидовъ «легче легкаго», и «серебряныя ложечки» жидовскаго подаренія замелькали чуть не на всѣхъ столбцахъ нашихъ газетъ. Стоитъ только какой нибудь газеткѣ пошатнуться въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, какъ уже услужливый еврейскій факторъ совѣтуетъ ей прибѣгнуть къ *благодѣяніямъ* вексельнаго права... а тамъ, глядишь, и замель-

кали въ газетныхъ статейкахъ шаблонныя фразы въ родѣ того, что «всѣ люди—братья; евреи—люди, слѣдовательно, и они намъ братья» и пр., и пр. Продавшаяся кагалу газетка, конечно, забываетъ при этомъ, что жиды вовсе не хотятъ сдѣлаться нашими «братьями», что равноправность нужна имъ только для скорѣйшаго *порабощенія* гоевъ, въ которыхъ талмудъ видитъ лишь «скотское сѣмя», — вьючныхъ животныхъ, обязанныхъ возить на себѣ и еврейское добро, и его хозяевъ...

Постепенно и неуклонно шло это ожидовленіе русской прессы, а вмѣстѣ съ нею и значительной части нашей «тонконогой» интеллигенціи,—благодаря сначала нашему полному невѣжеству въ истинномъ смыслѣ еврейскаго вѣроученія, а затѣмъ уже подъ прямымъ давленіемъ кагальнаго золотаго мѣшка. Теперь это ожидовленіе достигло, кажется, своего зенита. Достаточно сказать, что изъ всѣхъ петербургскихъ газетъ только одно «Новое Время» открыто выдерживаетъ свой антиеврейскій характеръ; остальныя же или прямо холопствуютъ передъ жидами (какъ напр., «Новости» со своими *акціонерами*: Нотовичемъ и В. Никитинымъ) или прячутъ еврейскій вопросъ подъ фиговый листокъ своего продажнаго молчанія. А между тѣмъ этотъ фатальный вопросъ занимаетъ чуть ли не первое мѣсто въ нашей внутренней жизни, и правильное разрѣшеніе его несравненно интереснѣе русскому читателю, чѣмъ судьба ирландскаго билля Гладстона или паденіе французскаго министерства.

Наша провинціальная печать тоже въ значительной степени пропиталась чесночнымъ запахомъ, а въ крупныхъ центрахъ, какъ напр., въ Одессѣ, подверглась повально жидовскому обрѣзанію. Оно и понятно. Не только сама Одесса—эта прелестная черноморская столица—но и весь примыкающій къ ней новороссійскій край давно уже сдѣлались жертвою самой разнузданной еврейской эксплуатаціи, о чемъ подробно говорилось въ одномъ изъ внутреннихъ обозрѣній нашего журнала за прошлый годъ (№ 11). И торговля, и промышленность, и сельское хозяйство, и банковый кредитъ, и адвокатура, и медицинская часть, и городское хозяйство—все попало въ этомъ злосчастномъ краю въ загребистыя лапы «вѣчнаго жида». Даже страховыя преміи предназначаются, большею частію, въ руки еврейскихъ агентовъ и страхователей, ибо самыя стихіи очевидно покровительствуютъ «гонимому племени», и огнемъ пожираются, ради премій, преимущественно застрахованныя израильскія имущества. Всякій, даже и «не учившійся въ семинаріи», пойметъ, что при такомъ обширномъ оборотѣ еврейскихъ гешефтовъ, съ присущими имъ качествами, контроль *честной печати* былъ бы убійственъ для самаго зарожденія этихъ гешефтовъ; а потому евреи и порѣшили устранить его, скупивъ гуртомъ всѣ одесскія «Ежедневныя Помойныя Ямы».

Единственнымъ исключеніемъ, не поддавшимся огульной скупкѣ, является въ этомъ краю «Новороссійскій Телеграфъ» г. Озмидова, отпраздновавшій въ началѣ нынѣшняго года свой двадцатипятилѣтній юбилей. М. П. Озмидовъ—«человѣкъ *боевой* и рѣшительный» (какъ выразился о немъ одинъ изъ участниковъ юбилейнаго праздника) и, дѣйствительно, только *съ бою* онъ завоевалъ себѣ въ Одессѣ выдающееся положеніе и заставилъ выслушивать, среди хора еврейскихъ кагальниковъ, голосъ *русской* независимой печати. Что же именно проповѣдуетъ «Новороссійскій Телеграфъ»? По словамъ кружка его ближайшихъ сотрудниковъ, онъ проповѣдуетъ—«идею *русскаго единства и крѣпости, основанныхъ на уваженіи къ законамъ, на вѣрѣ въ просвѣтительную силу знанія*,—единства и крѣпости, *не допускающихъ никакимъ интересамъ стоять выше русскихъ интересовъ*, никакому племени занимать преимущественное мѣсто, принадлежащее русскимъ, и только русскимъ,—единства и крѣпости, одинаково осуждающихъ *какъ разнузданное свободомысліе праздныхъ говоруновъ, желающихъ перекроить Россію по готовымъ западнымъ образцамъ, такъ и безпредѣльную дикость самонадѣяннаго произвола, мечтающаго видѣть въ Россіи азіатскую, темную и всегда изъ страха послушную страну*».

Такое направленіе «Новороссійскаго Телеграфа» еврейскія газеты именуютъ «*консервативнымъ*», полагая, что эта кличка сама по себѣ настолько обидна и полна язвительнаго смысла, что прибавлять къ ней какіе нибудь коментаріи—было бы излишней жестокостью. Напрасно! Наши старыя журнальныя клички настолько перепутались и выцвѣли, что разобраться въ нихъ, подъ новымъ угломъ зрѣнія, отнюдь не мѣшаетъ. Было время, когда кличка консерватора, желавшаго «консервировать» крѣпостное право, безгласный судъ, полицейскій произволъ и тому подобныя прелести до-реформеннаго быта, могла, дѣйствительно, возбуждать презрѣніе и вражду къ ея носителямъ. Такая кличка, напр., примѣнялась къ г. Скарятину, издателю «Вѣсти», и не приносила ему особенной славы. Но что такое хочетъ сохранить «Новороссійскій Телеграфъ»? Развѣ «*единство и крѣпость*» русской земли, «основанныя на уваженіи къ закону, на вѣрѣ въ просвѣтительную силу знанія»—то же самое, что крѣпостное самодурство, гражданское безправіе и невѣжество? Развѣ не *русскому* племени принадлежитъ господство на пріобрѣтенной его кровью и трудовымъ потомъ *русской* территоріи? Въ какой странѣ цивилизованнаго міра сомнѣваются въ такомъ правѣ коренной народности?

Съ другой стороны, когда именемъ «*либерализма*» называлось стремленіе къ законности, праву, гуманности и всѣмъ благамъ цивилизаціи, а вмѣстѣ съ нимъ, какъ обратная сто-

рона, отвращеніе къ произволу, жестокости и эксплуатаціи всякаго рода,—такое имя могло возбуждать, и дѣйствительно возбуждало, уваженіе всѣхъ мыслящихъ людей. Имя «либерала» въ этомъ смыслѣ присвоивалось и такимъ государственнымъ людямъ, какъ Н. А. Милютинъ, умѣвшій оставаться вполнѣ русскимъ человѣкомъ во время своей миссіи въ царствѣ польскомъ, и такимъ журналистамъ, какъ М. Н. Катковъ, когда онъ проповѣдываль независимость суда отъ администраціи, общественное самоуправленіе и освобожденіе печати отъ предварительной цензуры. Но когда флагомъ «свободы» стали прикрываться одновременно и проповѣдники безсмысленной анархіи, и защитники еврейской эксплуатаціи (въ концѣ концовъ тоже ведущей къ анархіи, т. е. ко взрыву народныхъ страстей), то кличка либерала сдѣлалась уже очень сомнительной, и нужно было договариваться точнѣе: какую именно «свободу» проповѣдуетъ нарицающій себя либераломъ. Свободу ли гражданскую, или свободу... грабежа и насилія? Равенство ли передъ закономъ, или... передъ динамитной бомбой? Свободу ли честнаго труда, или свободу варварской эксплуатаціи и грубаго обсчитыванія трудящагося люда?

По части свободы обсчитыванія и объегориванія русскаго народа еврейскими паразитами г. Навроцкій куда «либеральнѣе» г. Озмидова!

III.

Въ теченіе цѣлой четверти вѣка, наша невѣжественная или продажная пресса не находила инаго разрѣшенія «еврейскаго вопроса»,—какъ разселить по всей Россіи жидовъ, будто бы «*задыхающихся въ чертѣ осѣдлости*», тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта черта осѣдлости (югозападный, сѣверозападный и новороссійскій край, а также остзейскія провинціи и бывшее царство польское) задыхается, въ буквальномъ смыслѣ слова, отъ ихъ зловѣщаго присутствія. Гангренозную болячку, поразившую самые жизнеспособные органы русскаго государственнаго тѣла, наши якобы «либеральные» филантропы предлагаютъ распространить на весь организмъ—и предлагаютъ въ то именно время, когда и Англія, и Франція, и наша ближайшая сосѣдка Германія, и Сѣверная Америка всячески стремятся оградить себя отъ нашествія на нихъ русскаго жидовства. Въ самыхъ жалобахъ Англіи и Германіи на утѣсненія евреевъ въ Россіи неудержимо сквозитъ и даже прямо высказывается опасеніе—какъ бы ненарокомъ не заполучить этихъ утѣсняемыхъ на свою территорію, въ качествѣ эмигрантовъ.

Мы уже говорили много разъ о томъ, откуда взялось это всеобщее враждебное чувство противъ международныхъ пара-

зитовъ, «ведущихъ—по выраженію философа Фихте—*постоянную войну противъ всѣхъ другихъ народовъ* и образующихъ какое-то изолированное государство, сепаратистическое и узкоотграниченное, зиждущееся на *ненависти противъ всего рода человѣческаго вообще*». Но, въ виду того, что усердіе продажной печати въ возвеличеніи этихъ человѣконенавистниковъ не знаетъ мѣры, и наши ежедневныя «Помойныя Ямы» нѣтъ-нѣтъ да и завоняютъ еврейскимъ чеснокомъ, мы обязаны также упорно «вести свою линію» и руководствоваться латинской пословицей о пользѣ «повторенія» (repetitio est mater studiorum).

Напомнимъ опять, что евреевъ преслѣдуютъ вовсе не за то, что они принадлежатъ къ извѣстной *расѣ* (къ той же семитической расѣ принадлежатъ, вѣдь, и наши караимы, пользующіеся на Руси полной равноправностью). И г. Боборыкинъ грубо заблуждается въ своемъ «Перевалѣ», упирая на эту «расовую нетерпимость», какъ на истинный мотивъ преслѣдованія. До еврейской расы, какъ физіологическаго типа, намъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, но есть очень большое дѣло до тѣхъ *соціальныхъ качествъ*, которыя она выработала въ себѣ подъ вѣковымъ вліяніемъ своей племенной организаціи и своихъ нетерпимыхъ противообщественныхъ кодексовъ, именуемыхъ талмудомъ и шулханъ-арухомъ. Также точно, для насъ безразлична собственно *религіозная* сторона вопроса, т. е. поклоняются ли евреи Ягве, Буддѣ, Ваалу, Серапису или даже какому нибудь калмыцкому истукану: наше государство относится вполнѣ терпимо и къ буддистамъ, и къ язычникамъ, не насилуя ихъ религіозной совѣсти. Ссылаясь на эту сторону дѣла, евреи,—а съ ними вмѣстѣ наши невѣжественные или продажные публицисты и романисты, — лгутъ сознательно и безсовѣстно. Не только въ чертѣ еврейской осѣдлости, но и у насъ въ Петербургѣ,—который номинально не включенъ въ эту черту, но фактически уже обрѣтается въ ней, — еврейскія синагоги открыто «священнодѣйствуютъ» и привлекаютъ къ себѣ толпы молящихся. Вообще, религіозный пунктъ давно устраненъ изъ еврейскаго вопроса. «Нѣтъ болѣе поверхностной и ложной идеи—говоритъ Шопенгауэръ — какъ разсматривать евреевъ *подъ видомъ религіозной секты*. Когда, для сокрытія этого заблужденія, заимствуютъ терминъ изъ экклезіастическаго словаря, то этимъ *хотятъ только сбить съ толку*, и рѣчь должна идти не о религіозномъ исповѣданіи, а объ *еврейской націи* въ совокупности... *Пороки, свойственные національному характеру евреевъ, можно, пожалуй, объяснить притѣсненіями, которымъ подвергалось еврейское племя, но самые пороки отъ такого объясненія все таки не исчезнутъ*».

Итакъ, *пороки* еврейскаго племени, какъ бы неотторжимые

отъ него и присущіе ему во всѣхъ сферахъ дѣятельности—вотъ узелъ вопроса, а вовсе не раса и не религія евреевъ. Откуда же взялись эти спеціально-еврейскіе пороки и чѣмъ они питаются? Они родились на почвѣ не столько религіозныхъ, сколько гражданскихъ кодексовъ и всецѣло питаются ихъ общественной и личной моралью. Собственно религіи, какъ вѣры въ неисповѣдимое, очень мало въ талмудѣ и шулханъ-арухѣ; «моисеевыми законами» тамъ и не пахнетъ, но они полны всякими, даже мелочными правилами общежитія и домашняго обихода. Даже религіозныхъ обрядовъ почти нѣтъ у евреевъ, и обрѣзаніе, похороны, бракъ и разводъ совершаются у нихъ не «казенными раввинами»,—изъ которыхъ наше законодательство хотѣло сдѣлать одновременно и гражданскихъ чиновниковъ, и блюстителей духовныхъ требъ,—а самими заинтересованными сторонами, и еслибы казенный раввинъ, только присутствующій при этихъ обрядахъ, вздумалъ самъ приняться за ихъ совершеніе, то онъ взбунтовалъ бы противъ себя все еврейство.

Оставивъ еврейскую «расу» и «религію» въ сторонѣ, мы будемъ имѣть дѣло только съ гражданскими кодексами евреевъ, обязательными для нихъ въ гораздо большей степени, чѣмъ уставы тѣхъ странъ, гдѣ они живутъ особнякомъ отъ мѣстнаго населенія. Вотъ тутъ-то мы и встрѣчаемся съ цѣлою массою самыхъ возмутительныхъ человѣконенавистническихъ правилъ, возведенныхъ въ религіозные догматы, — правилъ, которыя г. Владиміръ Соловьевъ имѣлъ мужество поставить выше христіанской морали! Самымъ существеннымъ, основнымъ положеніемъ еврейскихъ кодексовъ является неутолимая ненависть ко всякому *гою* (или «акуму»); самой неотложной обязанностью правовѣрнаго еврея становится *преслѣдованіе* этого гоя на всѣхъ путяхъ жизни; самою сладкою мечтой—обращеніе гоя въ вѣковѣчное, безъисходное *рабство*. Возьмемъ, по этому поводу, нѣкоторыя избраннѣйшія мѣста изъ шулханъ-аруха, въ которомъ, даже по признанію г. Хвольсона, евреи видятъ «полную непогрѣшимость».

«Мы (евреи) не должны обманывать своихъ братьевъ; но *назареи намъ не братья; напротивъ, они хуже собакъ*». (Хошенъ-га-Мишпатъ, парагр. 227, стр. 1; то же сказано въ Баба-Меціа, XXXII, стр. 49). «Одинъ видъ поганой вещи или акума, безъ прикосновенія, уже *пачкаетъ*» (Іоре-Деа, парагр. 198, стр. 48). Идея приравниванія гоя къ четвероногимъ животнымъ такъ неуклонно и послѣдовательно проведена въ шулханъ-арухѣ, что «Бееръ-Гетебъ» устанавливаетъ даже такую физіологическую лѣстницу въ нисходящемъ порядкѣ: «собака, оселъ, идіотъ, *акумъ*, верблюдъ, свинья» и пр. Такимъ образомъ, россіяне, напрашивающіеся на «братство» съ евреями,

должны твердо памятовать, что въ еврейской братской іерархіи они занимаютъ мѣсто *ниже собаки и осла*, и *немного выше свиньи*. «Идіотъ» изъ евреевъ все таки умнѣе ихъ.

Съ собаками и ослами нечего церемониться, а потому шулханъ-арухъ не ставитъ еврею никакихъ границъ въ эксплуатированіи «гоя», «акума» и «назарея»: онъ разрѣшаетъ, по отношенію къ нимъ, не только воровство и обманъ, но даже клятвопреступленіе и убійство...

IV.

Очевидно, что евреи, не только исповѣдующіе на словахъ, но и практикующіе на дѣлѣ такія прелестныя нравственныя максимы, нигдѣ въ мірѣ не могутъ считаться не только добрыми гражданами пріютившихъ ихъ странъ, но и терпимыми сосѣдями.

На что ужь Франція великодушно относилась къ этимъ заслуженнымъ «изгоямъ», на что ужь старалась мѣрами кротости угомонить въ нихъ алчныя, звѣрскія наклонности, но все это не привело къ entente cordiale, и хотя de facto евреи продолжаютъ пользоваться тамъ своею «равноправностью», но вражда къ нимъ кипитъ уже въ наиболѣе интеллигентныхъ слояхъ французскаго общества. Года три тому назадъ, извѣстный театральный критикъ Франціскъ Сарсэ попробовалъ было тряхнуть стариной и напечатать въ парижской газетѣ «XIX Siècle» нѣкій диѳирамбъ «гонимому племени». Но каково же было его удивленіе, когда на имя редакціи и издателя отовсюду прилетѣли письма, наполненныя отборною бранью по адресу автора статейки, «за его жидовскія симпатіи». Сарсэ совсѣмъ растерялся. «Я никогда не подозрѣвалъ,—объяснялся онъ по этому поводу,—подобной силы *антисемитскаго движенія* и понялъ его только теперь». Солоны, значитъ, пришлись и на берегахъ Сены эти самозванные «французы моисеева закона»! Только за деньги могутъ пріобрѣтать они себѣ друзей и хвалителей.

А насколько солоны оказались они въ Россіи, въ чертѣ своей осѣдлости, — новымъ доказательствомъ тому служитъ только что закончившійся судебный процессъ о «еврейскихъ безпорядкахъ», происшедшихъ въ г. Стародубѣ, черниговской губерніи.

Самоуправство и насиліе даже надъ евреями, конечно, не можетъ считаться дозволеннымъ въ благоустроенномъ государствѣ, и виновники безпорядковъ были привлечены къ законной отвѣтственности; но изъ самаго обвинительнаго акта уже видно, что у этихъ безпорядковъ были свои, облегчающія вину, причины, и что евреи никакъ не могутъ похвастаться въ этомъ дѣлѣ своей голубиной чистотой и невинностью. Сыръ-

боръ загорѣлся изъ-за того, что евреи никакъ не хотѣли примириться съ думскимъ постановленіемъ о прекращеніи торговли по воскресеньямъ и съумѣли, при посредствѣ своихъ гласныхъ, подстроить дѣло такъ, что это постановленіе было вскорѣ отмѣнено, къ явному неудовольствію русской части населенія. Это неудовольствіе—по свидѣтельству обвинительнаго акта—«въ значительной степени обусловливалось поведеніемъ нѣкоторыхъ евреевъ». Когда вновь была разрѣшена торговля въ праздничные дни, то «*дерзость евреевъ въ издѣвательствѣ надъ христіанской религіей не имѣла уже предѣловъ;* при встрѣчѣ съ христіанами, *евреи плевали на нихъ*, говоря: «суббота купила воскресенье», или: «*суббота сѣла верхомъ на воскресенье*»; еврейскіе же мальчишки ругали ихъ неприличными словами и всячески издѣвались надъ ними; въ насмѣшку надъ церковью Вознесенія былъ устроенъ евреемъ трактиръ подъ вывѣской «Вознесенскій шинокъ», и вообще *свидѣтели не могутъ передать всѣхъ оскорбленій, полученныхъ ими отъ евреевъ*». За какіе-то «кощунственные знаки» одинъ еврей угодилъ даже подъ судъ и былъ осужденъ стародубскимъ окружнымъ судомъ.

Повидимому, въ «чертѣ осѣдлости» жиды ведутъ себя совсѣмъ ужъ, какъ въ завоеванной странѣ, и на глазахъ мѣстной полиціи устраиваютъ шинки въ насмѣшку надъ христіанскими церквями. Терпимость къ евреямъ не перевоспитываетъ ихъ, не укрощаетъ, а, напротивъ, считается ими признакомъ слабости противной стороны и подогрѣваетъ ихъ надменность и упорство. Хорошъ самъ по себѣ жидъ, вскормленный млекомъ шулханъ-аруха, но жидъ, поощряемый безнаказанностью, становится уже совсѣмъ отвратительнымъ типомъ!

Не мудрено, что въ Гомелѣ, въ засѣданіи кіевской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, главному обвиняемому въ стародубскихъ безпорядкахъ, купцу Гладкову, вынесенъ былъ оправдательный приговоръ. Урокъ еврейскимъ наглецамъ! Нельзя самоуправствовать, но и нельзя, живя въ русскомъ царствѣ, издѣваться цинически надъ вѣрованіями русскаго народа, превознося надъ ними, съ тупоумной кичливостью, свое варварское суевѣріе и человѣконенавистничество...

Ефимъ Простосердовъ.

Невольный постъ.

Въ дни поста и покаянья,
Съ незапамятныхъ временъ
Отъ излишествъ воздержанье
Намъ предписывалъ законъ.
Ну, а въ жизни рамкахъ строгихъ
Замѣчалъ я иногда,
Что нежданно постъ для многихъ
Наступаетъ, господа.

Кредиторовъ вѣчный данникъ,
Жизнь урывками влача,
Страстно жаждалъ мотъ-племянникъ
Смерти дяди-богача.
Дядя жь бѣднымъ до могилы
Капиталы подѣлилъ,
И нежданно для кутилы
Постъ великій наступилъ.

Полусвѣта зналъ я фею:
Взоръ ея бросалъ васъ въ дрожь;
Стадомъ бѣгала за нею
Золотая молодежь.
Но блестящаго позора
Всѣмъ знакомъ финалъ и простъ,
И для ех-красотки скоро
Наступилъ великій постъ.

Чуднымъ голосомъ артистки
Восхищались мы не разъ;
Ей подарки по подпискѣ
Подносилися подчасъ.

Простудилась разъ пѣвица,—
Голосъ дивный измѣнилъ...
Для бѣдняжки (что жь дивиться?)
Постъ великій наступилъ.

Озабоченный нуждою,
Вѣкъ чиновникъ голодалъ
И несмѣлою рукою
Дань съ просителей взималъ.
Оказались упущенья,—
Онъ отставку получилъ.
Для бѣдняги, нѣтъ сомнѣнья,
Постъ великій наступилъ.

Въ угасающемъ журналѣ
Страстно пишетъ журналистъ,
И слезами онъ едва ли
Не кропитъ свой каждый листъ.
Взявъ подписку (дѣло чисто!)
Вдаль издатель укатилъ...
Для бѣдняги-журналиста
Постъ великій наступилъ...

Старый Капралъ.

Филантропъ.

Исполненъ кротости къ врагу,
Готовъ для всякаго къ услугамъ,
Съ законной гордостью могу
Себя назвать я общимъ другомъ.
Пускай, какъ хочетъ, судитъ свѣтъ,
Мнѣ бѣдняки—прямые братья;
Давая добрый имъ совѣтъ,
«Я филантропъ!»—могу сказать я.

Я труженикъ и жизнь свою
Привыкъ расходовать не праздно.
Я помощь тайно подаю
Во избѣжаніе соблазна.
Мой другъ—другъ и моей женѣ...
Сердиться—это не причина,
И онъ любезенъ также мнѣ,
Какъ... бонна дочери и сына.

На моего секретаря
Мнѣ поступаетъ масса жалобъ;
Всѣ ропщутъ, громко говоря:
«Его отставить не мѣшало бъ»!..
Но... такъ жена его мила,
Что на нее смотрю я съ дрожью,
И посему его дѣла
Я предаю на волю божью...

Ко всѣмъ я добръ, добро тая,
И, если поразсудишь строго,

Достоинъ удивленья я,
Какъ человѣкъ, какихъ немного.
Людьми бъ подобными могла
Гордиться даже и Европа...
Недаромъ же молва дала
Мнѣ тѝтулъ громкій «филантропа»...

Невскій Житель.

Современный счастливецъ.

Прикрѣпясь къ Россіи нашей,
Какъ къ забору цѣпкій хмѣль,
Радость жизни полной чашей
Пьетъ одинъ лишь жидъ досель.
Съ колыбели до могилы,
Съ юныхъ лѣтъ и до сѣдинъ,
Для жида лишь «гельды» милы,
Милъ ему «гешефтъ» одинъ.
Руки онъ во время дно
Отъ подрядовъ нагрѣвалъ
И россійскіе милльоны
Класть въ карманъ не успѣвалъ.
Отстранивъ во время дно
Всѣхъ завистливыхъ враговъ,
Онъ подошвы изъ картона
Изобрѣлъ для сапоговъ.
Не смущаясь рѣзкой бранью,
Чтобъ барышъ пріобрѣсти,
Обкормилъ солдатъ онъ дрянью,—
Гибли люди на пути...
Имъ казна была «нагрѣта»,
И, стараясь, сколько могъ,
Получалъ за все за это
Онъ нерѣдко орденокъ...
Хоть снаружи и съ изнанки
Онъ ничтоженъ, точно тля,
Но во всѣ пробрался банки,
Съ нѣмцемъ пѣрвенство дѣля.
Обивать готовъ пороги,
Если надобно для дѣлъ,—
Онъ желѣзныя дороги

Въ руки ловко взять съумѣлъ.
Въ прессу онъ проникъ и даже
Явной наглостью силенъ,
«Лавку купли и продажи»
Изъ печати сдѣлалъ онъ...
Сферу темныхъ дѣлъ раздвинувъ,
(Тяжела его рука!)
Онъ изгналъ изъ магазиновъ
Кореннаго русака,
Чтобъ, владѣя *старой* фирмой,
(Покупатель нашъ упрямъ)
И укрывшись ей, какъ ширмой,
Гниль сбывать и разный хламъ.
Глубоки его карманы;
Въ нихъ, какъ дань за легкій трудъ,
Отовсюду неустанно
Рѣки золота текутъ,
Съ потомъ смѣшаннаго, съ кровью;
Пусть слеза на немъ дрожитъ,—
Все равно: его съ любовью
Принимаетъ юркій жидъ.
И, съ развязностью нахальной
Набивая свой карманъ,
На Руси многострадальной
Днесь нашелъ онъ Ханаанъ...

Случайный Поэтъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 3-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Желѣзомъ и кровью. (Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ). Д. Л. Мордовцева 3
II. Пятиэтажный домъ. Стихотвореніе В. К. Булгакова . . 51
III. Крестьянское хозяйство и народное продовольствіе. И. О. Фесенко 53
IV. Горный ручей. Романъ І. І. Ясинскаго 77
V. Роса. Стихотвореніе Н. А. Энгельгардта. 112
VI. Къ вопросу о всенародной переписи. Статистика. . . . 113
VII. Неудача генерала Постромкова. Повѣсть Н. Д. Маслова. . 129
VIII. Д. В. Григоровичъ. (По поводу пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности). К. Говорова. 157
IX. «Онъ гордъ»... Стихотвореніе А. В. Круглова. 169
X. Томиранда. (Амазонская легенда кавказскаго побережья Чернаго моря). В. Свѣтлова. 170
XI. Путь къ Берлинскому трактату. Б. К. П. 208
XII. Въ лѣсной глуши. Стихотвореніе А. Когена. 239
XIII. Повѣсть честнаго гражданина. К. П. Медвѣдскаго. . . . 240
XIV. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. В. В. Птицына. 264
XV. На мотивъ изъ Теннисона. Стихотвореніе М. Анненковой. 284
XVI. Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ Феликса Дана. 285
XVII. Наша журналистика. К—скаго 354
XVIII. Изъ вечернихъ пѣсенъ (Маріи Конопницкой). Стихотвореніе Мих. Гербановскаго 366

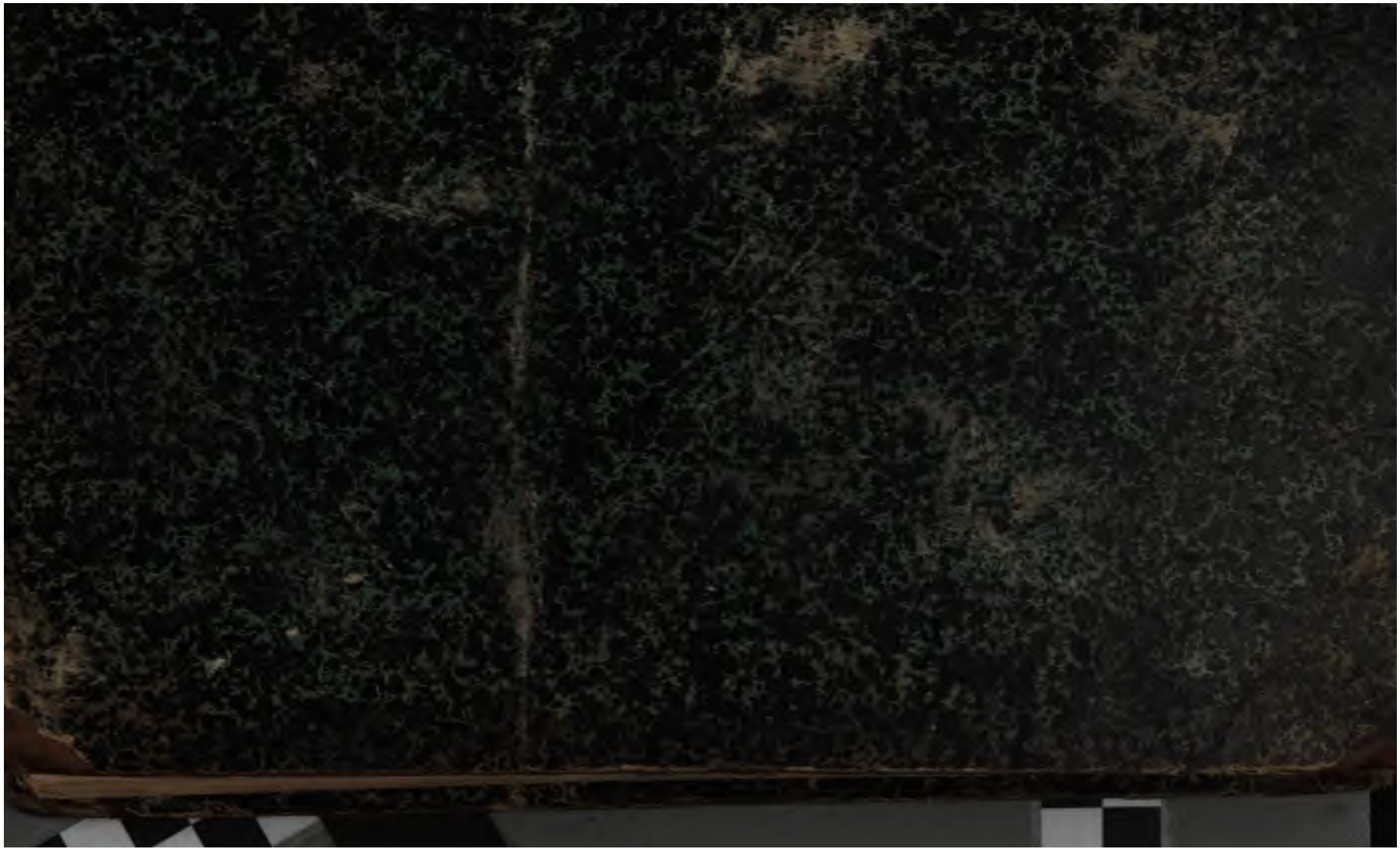
Современное обозрѣніе.

XIX. Политическая хроника. 1
XX. Новыя книги 16
XXI. Наши внутреннія дѣла 27
XXII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». Ефима Простосердова 39
2) Стихотворенія: Стараго Капрала, Невскаго Жителя и Случайнаго Поэта 52

Stanford University Libraries
3 6105 005 006 91-

AP
50
N33
v. 13
no. 3
1894

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

FT APR 25 1995
MAR 25 1995